This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 170.25 1872
11

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

1872
11

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА II-я.

НОЯБРЬ, 1872.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1872.

I.—КОНЕЦЪ ЧЕРТАПХАНОВА. — Изъ „Записокъ Охотника“.—**Ив. С. Тургенева.**

II.—ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ.—Историческіе очерки.—V. Славянофильство.—**А. Пыпина.**

III.—АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ.—Семейная исторія.—Часть вторая.—I—XII.—**П. Альминскаго** . . . . . .

IV.—АНГЛІЯ ВЪ КНИГѢ ТЭНА.—VI—IX.—Notes sur l'Angleterre, par H. Taine.—Окончаніе.—**Е. И. Утина.** . . . . . .

V.—КЪ ДОЧЕРИ МОЕЙ.—Изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне.—Пер. **П. И. Вейнберга** . . . . . .

VI.—СТРАННИКИ ИЛИ БѢГУНЫ ВЪ РУССКОМЪ РАСКОЛѢ.—I. Отношеніе секты къ расколу вообще.—**А. И. Розова** . . . . . .

VII.—ВОСПОМИНАНІЯ О МОСКОВСКИХЪ ПОЖАРАХЪ 1812 года.—**А. Свербеева.**

VIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Денежный кризисъ.—Наши знаки цѣнности.—Банки государственный и частные.—О порядкахъ въ государственномъ банкѣ.—Преобразованіе коммерческаго и мануфактурнаго совѣтовъ.—Привилегія представительства.—Вопросъ объ отмѣнѣ волостного суда.—Выводы коммиссіи.—Тѣлесныя наказанія въ волости.—Еще о Воспитательномъ домѣ. . . . . .

IX.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Выборы во Франціи.—Письмо гр. Шамбора.—Письмо принца Наполеона.—Рѣчь Гамбетты.—Выселеніе изъ Эльзаса.—Открытіе прусскаго сейма.—Борьба съ клерикализмомъ.—Манифестъ германскихъ епископовъ.—Опредѣленіе константинопольскаго собора.—Паденіе Мидхата-паши.—Рѣчь Ботта объ Ирландіи.—Статья маркиза Сэльсбэри о партіи тори.—Испанскія дѣла.—Бунтъ въ Ферролѣ. . . . . .

X.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.—Шансы республики на упроченіе.—**Н.** . . . . . .

XI.—РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.—Замѣчанія на книгу г. Кавелина: „Задачи Психологіи“.—**Ив. М. Сѣченова.** . . . . . .

XII.—ПОЛЬСКАЯ ПРЕССА ВЪ 1871-мъ ГОДУ.—**П—чъ.** . . . . . .

XIII.—ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ.—I. А. **Бушена.**—II. **И. Бока.**—III. **Л. Майкова.**

XIV.—ИЗВѢСТІЯ.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ . . .

XV.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—VI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1873 г. прилагается ос

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ XXXIV. — ТОМЪ CCXI. — 1/13 НОЯБРЯ 1872.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

Thirty-eighth Tome

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ТОМЪ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста, № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1872.

71,8

P Slav 176.25
~~13184~~
~~Slav 30.2~~
1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. consul at
Birmingham, Eng.

7130
49.2

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
(1)

КОНЕЦЪ ЧЕРТАПХАНОВА

Изъ «Записокъ Охотника».

Тѣмъ изъ моихъ читателей, которые еще не забыли фигуру Чертапханова въ «Запискахъ Охотника», я намѣренъ, если имъ угодно меня выслушать, разсказать его конецъ...

Наши читатели не посѣтуютъ, конечно, на насъ за то, что мы прервемъ почтеннаго автора въ самомъ началѣ и поставимъ рядомъ то, что было раздѣлено значительнымъ промежуткомъ времени. Вотъ начáло того разсказа, который занимаетъ въ „Запискахъ Охотника“ нѣсколько страницъ, подъ заглавіемъ: „Чертаùхановъ и Недопюскинъ“:

Въ жаркій лѣтній день возвращался я однажды съ охоты на телѣгѣ; Ермолай дремалъ, сидя возлѣ меня, и клевалъ носомъ. Заснувшія собаки подпрыгивали, словно мертвыя, у насъ подъ ногами. Кучеръ то-и-дѣло сгонялъ кнутомъ оводовъ съ лошадей. Бѣлая пыль легкимъ облакомъ неслась вслѣдъ за телѣгой. Мы въѣхали въ кусты. Дорога стала ухабистѣе, колеса начали задѣвать за сучья. Ермолай встрепенулся и глянулъ кругомъ... «Э»! заговорилъ онъ:—«да здѣсь должны быть тетерева. Слѣземте-ка». Мы остановились и вошли въ «площадь». Собака моя наткнулась на выводокъ. Я выстрѣлилъ и началъ-было заряжать ружье, какъ вдругъ позади меня поднялся громкій трескъ, и, раздвигая кусты руками, подъѣхалъ ко мнѣ верховой. «А па-азвольте узнать», заговорилъ онъ надменнымъ голосомъ: — «по какому праву вы здѣсь а-ахотитесь, мюлсвый сдарь»? Незнакомецъ говорилъ необыкновенно быстро, отрывочно и въ носъ. Я посмотрѣлъ ему въ лицо: отъ роду не видалъ я ничего подобнаго. Вообразите себѣ, любезные читатели, маленькаго человѣка, бѣлокураго, съ краснымъ вздернутымъ носикомъ и длиннѣйшими рыжими усами,

Остроконечная персидская шапка съ малиновымъ суконнымъ верхомъ закрывала ему лобъ по самыя брови. Одѣтъ онъ былъ въ желтый, истасканный архалукъ съ черными плисовыми патронами на груди и полинялыми серебряными галунами по всѣмъ швамъ; черезъ плечо висѣлъ у него рогъ, за поясомъ торчалъ кинжалъ. Чахлая, горбоносая, рыжая лошадь шаталась подъ нимъ, какъ угорѣлая; двѣ борзыя собаки, худыя и криволапыя, тутъ-же вертѣлись у ней подъ ногами. Лицо, взглядъ, голосъ, каждое движенье, все существо незнакомца дышало сумазбродной отвагой и гордостью непомѣрной, небывалой; его блѣдноголубые, стеклянные глаза разбѣгались и косились какъ у пьянаго; онъ закидывалъ голову назадъ, надувалъ щеки, фыркалъ и вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, словно отъ избытка достоинства — ни дать ни взять, какъ индѣйскій пѣтухъ. Онъ повторилъ свой вопросъ.

— Я не зналъ, что здѣсь запрещено стрѣлять, отвѣчалъ я.

— Вы здѣсь, милостивый государь, продолжалъ онъ:—на моей землѣ.

— Извольте, я уйду.

— А па-извольте узнать, возразилъ онъ:—я съ дворяниномъ имѣю честь объясняться?

Я назвалъ себя.

— Въ такомъ случаѣ, извольте охотиться. Я самъ дворянинъ и очень радъ услужить дворянину... А зовутъ меня Чертап-хановымъ, Пантелеемъ.

Онъ нагнулся, гикнулъ, вытянулъ лошадь по шеѣ; лошадь замотала головой, взвилась на дыбы, бросилась въ сторону и отдавила одной собакѣ лапу. Собака пронзительно завизжала, Чертапхановъ закипѣлъ, зашипѣлъ, ударилъ лошадь кулакомъ по головѣ между ушами, быстрѣе молніи соскочилъ на земь, осмотрѣлъ лапу у собаки, поплевалъ на рану, пихнулъ ее ногою въ бокъ, чтобы она не пищала, уцѣпился за холку и вдѣлъ ногу въ стремя. Лошадь задрала морду, подняла хвостъ и бросилась бокомъ въ кусты; онъ за ней на одной ногѣ въ припрыжку, однако наконецъ-таки попалъ въ сѣдло, какъ изступленный завертѣлъ нагайкой, затрубилъ въ рогъ и поскакалъ. Не успѣлъ я еще придти въ себя отъ неожиданнаго появленія Чертапханова, какъ вдругъ, почти безъ всякаго шуму, выѣхалъ изъ кустовъ толстенькій человѣчекъ лѣтъ сорока, на маленькой вороненькой лошаденкѣ. Онъ остановился, снялъ съ головы зеленый кожаный картузъ и тоненькимъ и мягкимъ голосомъ спросилъ меня, не видалъ-ли я верхового на рыжей лошади? Я отвѣчалъ, что видѣлъ.

— Въ какую сторону они изволили поѣхать? продолжалъ онъ тѣмъ-же голосомъ и не надѣвая картуза.

— Туда-съ.

— Покорнѣйше васъ благодарю-съ.

Онъ чмокнулъ, заболталъ ногами по бокамъ лошаденки и поплелся рысцой—трюхи, трюхи, по указанному направленію. Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ, пока его рогатый картузъ не скрылся за вѣтвями. Этотъ новый незнакомецъ наружностью нисколько не походилъ на своего предшественника. Лицо его пухлое и круглое, какъ шаръ, выражало застѣнчивость, добродушіе и кроткое смиреніе; носъ, тоже пухлый и круглый, испещренный синими жилками, изобличалъ сластолюбца. На головѣ его спереди не оставалось ни одного волосика, сзади торчали жиденькія русыя косицы; глазки, словно осокой прорѣзанные, ласково мигали; сладко улыбались красныя и сочныя губки. На немъ былъ сюртукъ съ стоячимъ воротникомъ и мѣдными пуговицами, весьма поношенный, но чистый; суконныя его панталончики высоко вздернулись; надъ желтыми оторочками сапоговъ виднѣлись жирненькія икры.

— Кто это? спросилъ я Ермолая.

— Это? Недопоскинъ, Тихонъ Иванычъ. У Чертапханова живетъ.

— Что онъ, бѣдный человѣкъ?

— Не богатый; да вѣдь и у Чертапханова-то гроша нѣтъ мѣднаго.

— Такъ зачѣмъ-же онъ у него поселился?

— А, вишь, подружились. Другъ безъ дружки никуда... Вотъ ужъ подлинно: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней...

Мы вышли изъ кустовъ; вдругъ подлѣ насъ «затявкали» двѣ гончія, и матерой бѣлякъ покатилъ по овсамъ, уже довольно высокимъ. Вслѣдъ за нимъ выскочили изъ опушки собаки, гончія и борзыя, а вслѣдъ за собаками вылетѣлъ самъ Чертапхановъ. Онъ не кричалъ, не травилъ, не атукалъ: онъ задыхался, захлебывался; изъ разинутаго рта изрѣдка вырывались отрывистые, безсмысленные звуки; онъ мчался выпуча глаза и бѣшено сѣкъ нагайкой несчастную лошадь. Борзыя «приспѣли»... бѣлякъ присѣлъ, круто повернулъ назадъ и ринулся, мимо Ермолая, въ кусты... Борзыя пронеслись. «Бе-е-ги»! съ усиліемъ, словно косноязычный, залепеталъ замиравшій охотникъ:—«родимый, береги»! Ермолай выстрѣлилъ... раненый бѣлякъ покатился кубаремъ по гладкой и сухой травѣ, подпрыгнулъ кверху и жалобно закричалъ въ зубахъ разсовавшагося пса. Гончія тотчасъ подвалились.

Турманомъ слетѣлъ Чертапхановъ съ коня, выхватилъ кинжалъ, подбѣжалъ, растопыря ноги, къ собакамъ, съ яростными заклинаніями вырвалъ у нихъ истерзаннаго зайца и, перекосясь всѣмъ лицомъ, погрузилъ ему въ горло кинжалъ по самую рукоятку... погрузилъ и загоготалъ. Тихонъ Иванычъ показался въ опушкѣ. «Го-го-го-го-го-го-го-го!» завопилъ вторично Чертапхановъ... «Го-го-го-го», спокойно повторилъ его товарищъ.

— А вѣдь по-настоящему лѣтомъ охотиться не слѣдуетъ, замѣтилъ я, указывая Чертапханову на измятый овесъ.

— Мое поле, отвѣчалъ, едва дыша, Чертапхановъ.

Онъ отпазончилъ, второчилъ зайца и роздалъ собакамъ лапки.

— За мною зарядъ, любезный, по охотничьимъ правиламъ проговорилъ онъ, обращаясь къ Ермолаю. А васъ, милостивый государь, прибавилъ онъ тѣмъ-же отрывистымъ и рѣзкимъ голосомъ:—благодарю.

Онъ сѣлъ на лошадь.

— Па-азвольте узнать... забылъ... имя и фамилію?

Я опять назвалъ себя.

— Очень радъ съ вами познакомиться. Коли случится, милости просимъ ко мнѣ... Да гдѣ-же этотъ Ѳомка, Тихонъ Иванычъ? съ сердцемъ продолжалъ онъ:—безъ него бѣляка затравили.

— А подъ нимъ лошадь пала, съ улыбкой отвѣчалъ Тихонъ Иванычъ.

— Какъ пала? Орбассапъ палъ? Пфу, пфить!... Гдѣ онъ, гдѣ?

— Тамъ, за лѣсомъ.

Чертапхановъ ударилъ лошадь нагайкой по мордѣ и поскакалъ сломя-голову. Тихонъ Иванычъ поклонился мнѣ два раза — за себя и за товарища, и опять поплелся рысцой въ кусты.

Эти два господина сильно возбудили мое любопытство... Что могло связать узами неразрывной дружбы два существа, столь разнородныя? Я началъ наводить справки. Вотъ что я узналъ.

Чертапхановъ, Пантелей Еремѣичъ, слылъ во всемъ околоткѣ человѣкомъ опаснымъ и сумазбродпымъ, гордецомъ и забіякой первой руки. Служилъ онъ весьма недолгое время въ арміи и вышелъ въ отставку «по непріятности»,

тѣмъ чиномъ, по поводу котораго распространилось мнѣніе, будто «курица не птица». Происходилъ онъ отъ стариннаго дома, нѣкогда богатаго; дѣды его жили пышно, по степному; то-есть принимали званыхъ и незваныхъ, кормили ихъ на-убой, отпускали по четверти овса чужимъ кучерамъ на тройку, держали музыкантовъ, пѣсенниковъ, гаеровъ и собакъ, въ торжественные дни поили народъ виномъ и брагой, по зимамъ ѣздили въ Москву на своихъ, въ тяжелыхъ колымагахъ, а иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ сидѣли безъ гроша и питались домашней живностью. Отцу Пантелея Еремѣича досталось имѣніе уже разоренное; онъ въ свою очередь тоже сильно «пожуировалъ» и, умирая, оставилъ единственному своему наслѣднику Пантелею заложенное сельцо Безсоново, съ тридцатью пятью душами мужеска и семидесятью шестью женска пола, да четырнадцать десятинъ съ осьминникомъ неудобной земли въ пустоши Колобродовой, на которыя, впрочемъ, никакихъ крѣпостей въ бумагахъ покойника не оказалось. Покойникъ, должно сознаться, престраннымъ образомъ разорился: «хозяйственный разсчетъ» его сгубилъ. По его понятіямъ, дворянину не слѣдовало зависѣть отъ купцовъ, горожанъ и тому подобныхъ «разбойниковъ», какъ онъ выражался; онъ завелъ у себя всѣ возможныя ремесла и мастерскія: «и приличнѣе и дешевле», говаривалъ онъ: «хозяйственный разсчетъ!» Съ этой пагубной мыслью онъ до конца жизни не разстался; она-то его и разорила. За то потѣшился! Ни въ одной прихоти себѣ не отказывалъ. Между прочими выдумками соорудилъ онъ однажды, по собственнымъ соображеніямъ, такую огромную, семейственную карету, что, несмотря на дружныя усилія согнанныхъ со всего села крестьянскихъ лошадей, вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами, она на первомъ-же косогорѣ завалилась и разсыпалась. Еремѣй Лукичъ (Пантелеева отца звали Еремѣемъ Лукичемъ) приказалъ памятникъ поставить на косогорѣ, а впрочемъ нисколько не смутился. Вздумалъ онъ также построить церковь, разумѣется, самъ безъ помощи архитектора. Сжегъ цѣлый лѣсъ на кирпичи, заложилъ фундаментъ огромный, хоть-бы подъ губернскій соборъ, вывелъ стѣны, началъ сводить куполъ: куполъ упалъ. Онъ опять, — куполъ опять обрушился; онъ третій разъ — куполъ рухнулъ въ третій разъ. Призадумался мой Еремей Лукичъ: дѣло, думаетъ, не ладно... колдовство проклятое замѣшалось... да вдругъ и прикажи перепороть всѣхъ старыхъ бабъ на деревнѣ. Бабъ перепороли — а куполъ всё-таки не свели. Избы крестьянамъ по новому плану перестроивать началъ, и все изъ хозяйственнаго разсчета; по три двора вмѣстѣ ставилъ треугольникомъ, а на серединѣ воздвигалъ шестъ съ раскрашенной скворешницей и флагомъ. Каждый день, бывало, новую затѣю придумывалъ: то изъ лопуха супъ варилъ, то лошадямъ хвосты стригъ на картузы дворовымъ людямъ, то ленъ собирался крапивой замѣнить, свиней кормить грибами... Вычиталъ онъ однажды въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статейку харьковскаго помѣщика Хряка-Хрупёрскаго о пользѣ нравственности въ крестьянскомъ быту, и на другой-же день отдалъ приказъ всѣмъ крестьянамъ немедленно выучить статью харьковскаго помѣщика наизусть. Крестьяне выучили статью; баринъ спросилъ ихъ: понимаютъ-ли они, что тамъ написано? Прикащикъ отвѣчалъ, что какъ, молъ, не понять! Около того-же времени повелѣлъ онъ всѣхъ подданныхъ своихъ, для порядка и хозяйственнаго разсчета, перенумеровать, и каждому на воротникѣ нашить его нумеръ. При встрѣчѣ съ бариномъ всякъ, бывало, такъ ужъ и кричитъ: такой-то нумеръ идетъ! а баринъ отвѣчаетъ ласково: ступай себѣ съ Богомъ!

Однако, несмотря на порядокъ и хозяйственный разсчетъ, Еремѣй Лукичъ понемногу пришелъ въ весьма затруднительное положеніе: началъ сперва

закладывать свои деревеньки, а тамъ и къ продажѣ приступилъ: послѣднее прадѣдовское гнѣздо, село съ недостроенною церковью, продала уже казна, къ счастью, не при жизни Еремѣя Лукича,—онъ бы не вынесъ этого удара,— а двѣ недѣли послѣ его кончины. Онъ успѣлъ умереть у себя въ домѣ, на своей постели, окруженный своими людьми и подъ надзоромъ своего лекаря; но бѣдному Пантелею досталось одно Безсоново.

Пантелей узналъ о болѣзни отца уже на службѣ, въ самомъ разгарѣ вышеупомянутой «непріятности». Ему только-что пошелъ девятнадцатый годъ. Съ самаго дѣтства не покидалъ онъ родительскаго дома, и подъ руководствомъ своей матери, добрѣйшей, но совершенно тупоумной женщины, Василисы Васильевны, выросъ баловнемъ и барчукомъ. Она одна занималась его воспитаніемъ; Еремѣю Лукичу, погруженному въ свои хозяйственныя соображенія, было не до того. Правда, онъ однажды собственноручно наказалъ своего сына за то, что онъ букву: *рцы*, выговаривалъ: *арцы*, но въ тотъ день Еремѣй Лукичъ скорбѣлъ глубоко и тайно: лучшая его собака убилась объ дерево. Впрочемъ, хлопоты Василисы Васильевны на счетъ воспитанія Пантюши ограничились однимъ мучительнымъ усиліемъ; въ потѣ лица наняла она ему въ гувернеры отставного солдата изъ эльзасцевъ, нѣкоего Биркопфа, и до самой смерти трепетала какъ листъ передъ нимъ; ну, думала она, коли откажется— пропала я! куда я дѣнусь? гдѣ другого учителя найду? Ужъ и этого наслунаслилу у сосѣдки сманила! И Биркопфъ, какъ человѣкъ смѣтливый, тотчасъ воспользовался исключительностью своего положенія: пилъ мертвую и спалъ съ утра до вечера. По окончаніи «курса наукъ», Пантелей поступилъ на службу. Василисы Васильевны уже не было на свѣтѣ. Она скончалась за полгода до этого важнаго событія, отъ испуга: ей во снѣ привидѣлся бѣлый человѣкъ верхомъ на медвѣдѣ. Еремѣй Лукичъ вскорѣ послѣдовалъ за своей половиной.

Пантелей, при первомъ извѣстіи о нездоровьи, прискакалъ сломя-голову, однако не засталъ уже родителя въ живыхъ. Но каково было удивленіе почтительнаго сына, когда онъ совершенно неожиданно изъ богатаго наслѣдника превратился въ бѣдняка! Немногіе въ состояніи вынести такой крутой переломъ. Пантелей одичалъ, ожесточился. Изъ человѣка честнаго, щедраго и добраго, хотя взбалмошнаго и горячаго, онъ превратился въ гордеца и забіяку, пересталъ знаться съ сосѣдями,—богатыхъ онъ стыдился, бѣдныхъ гнушался,— и неслыханно-дерзко обращался со всѣми, даже съ установленными властями: я, молъ, столбовой дворянинъ. Разъ чуть-чуть не застрѣлилъ станового, вошедшаго къ нему въ комнату съ картузомъ на головѣ. Разумѣется, власти, съ своей стороны, ему тоже не спускали и при случаѣ давали себя знать; но все-таки его побаивались, потому что горячка онъ былъ страшная, и со второго слова предлагалъ рѣзаться на ножахъ. Отъ малѣйшаго возраженія глаза Чертанханова разбѣгались, голосъ прерывался... «А, ва-ва-ва-ва-ва», лепеталъ онъ, «пропадай моя голова!»... и хоть на стѣну! Да и сверхъ того, человѣкъ онъ былъ чистый, не замѣшанный ни въ чемъ. Никто къ нему, разумѣется, не ѣздилъ... И при всемъ томъ душа въ немъ была добрая, даже великая, посвоему: несправедливости, притѣсненія онъ вчужѣ не выносилъ; за мужиковъ своихъ стоялъ горой. «Какъ?» говорилъ онъ, неистово стуча по собственной головѣ:—«моихъ трогать, моихъ? Да не будь я Чертапхановъ»...

Тихонъ Ивановичъ Недопюскинъ не могъ, подобно Пантелею Еремѣичу, гордиться своимъ происхожденіемъ. Родитель его вышелъ изъ однодворцевъ, и только сорокалѣтней службой добился дворянства. Г. Недопюскинъ-отецъ при-

надлежалъ къ числу людей, которыхъ несчастіе преслѣдуетъ съ ожесточеніемъ, похожимъ на личную ненависть. Въ теченіи цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ, съ самаго рожденія до самой кончины, бѣднякъ боролся со всѣми нуждами, недугами и бѣдствіями, свойственными маленькимъ людямъ; бился какъ рыба объ ледъ, не доѣдалъ, не досыпалъ, кланялся, хлопоталъ, унывалъ и томился, дрожалъ надъ каждой копѣйкой, дѣйствительно «невинно» пострадалъ по службѣ и умеръ наконецъ не то на чердакѣ, не то въ погребѣ, не успѣвъ заработать ни себѣ, ни дѣтямъ куска насущнаго хлѣба. Судьба замотала его, словно зайца на угонкахъ. Человѣкъ онъ былъ добрый и честный, а бралъ взятки—отъ гривенника до двухъ цѣлковыхъ включительно. Была у Недопюскина жена, худая и чахоточная: были и дѣти; къ счастію они всѣ скоро перемерли, исключая Тихона да дочери Митродоры, по прозванію: «купецкая щеголиха», вышедшей, послѣ многихъ печальныхъ и смѣшныхъ приключеній, за отставного стряпчаго. Г. Недопюскинъ-отецъ успѣлъ-было еще при жизни помѣстить Тихона заштатнымъ чиновникомъ въ канцелярію; но, тотчасъ послѣ смерти родителя, Тихонъ вышелъ въ отставку. Вѣчныя тревоги, мучительная борьба съ холодомъ и голодомъ, тоскливое уныніе матери, хлопотливое отчаяніе отца, грубыя притѣсненія хозяевъ и лавочника, все это ежедневное, непрерывное горе развило въ Тихонѣ робость неизъяснимую: при одномъ видѣ начальника онъ трепеталъ и замиралъ, какъ пойманная птичка. Онъ бросилъ службу. Равнодушная, а можетъ быть и насмѣшливая природа влагаетъ въ людей разныя способности и наклонности, нисколько не соображаясь съ ихъ положеніемъ въ обществѣ и средствами; съ свойственною ей заботливостію и любовію вылѣпила она изъ Тихона, сына бѣднаго чиновника, существо чувствительное, лѣнивое, мягкое, воспріимчивое—существо, исключительно обращенное къ наслажденію, одаренное чрезвычайно-тонкимъ обоняніемъ и вкусомъ... вылѣпила, тщательно отдѣлала и—предоставила своему произведенію выростать на кислой капустѣ и тухлой рыбѣ. И вотъ оно выросло, это произведеніе, началó, какъ говорится, «жить». Пошла потѣха. Судьба, неотступно терзавшая Недопюскина-отца, принялась и за сына: видно разлакомилась. Но съ Тихономъ она поступила иначе: она не мучила его—она имъ забавлялась. Она ни разу не доводила его до отчаянія, не заставляла испытать постыдныхъ мукъ голода, но мыкала имъ по всей Россіи, изъ Великаго-Устюга въ Царево-Кокшайскъ, изъ одной унизительной и смѣшной должности въ другую: то жаловала его въ «мажордомы» къ сварливой и желчной барынѣ-благодѣтельницѣ, то помѣщала въ нахлѣбники къ богатому скрягѣ-купцу, то опредѣляла въ начальники домашней канцеляріи лупоглазаго барина, стриженнаго на англійскій манеръ, то производила въ полу-дворецкіе, полу-шуты къ псовому охотнику... Словомъ, судьба заставила бѣднаго Тихона выпить по каплѣ и до капли весь горькій и ядовитый напитокъ подчиненнаго существованія. Послужилъ онъ на своемъ вѣку тяжелой прихоти, заспанной и злобной скукѣ праздnаго барства... Сколько разъ, наединѣ, въ своей комнаткѣ, отпущенный наконецъ «съ Богомъ» натѣшившейся въ сласть ватагою гостей, клялся онъ, весь пылая стыдомъ, съ холодными слезами отчаянія на глазахъ, на другой же день убѣжать тайкомъ, попытать своего счастія въ городѣ, сыскать себѣ хоть писарское мѣстечко или ужъ за одинъ разъ умереть съ голоду на улицѣ. Да, во-первыхъ, силы Богъ не далъ; во-вторыхъ, робость разбирала, а въ-третьихъ, наконецъ, какъ себѣ мѣсто выхлопотать, кого просить? «Не дадутъ», шепталъ, бывало, несчастный, уныло переворачиваясь на постели, «не дадутъ!» И на другой день снова принимался тянуть лямку. Тѣмъ мучительнѣе было его по-

ложеніе, что та же заботливая природа не потрудилась надѣлить его хоть малой толикой тѣхъ способностей и дарованій, безъ которыхъ ремесло забавника почти невозможно. Онъ, напримѣръ, не умѣлъ ни плясать до упаду въ медвѣжьей шубѣ навыворотъ, ни балагурить и любезничать въ непосредственномъ сосѣдствѣ расходившихся арапниковъ; выставленный нагишомъ на двадцатиградусный морозъ, онъ иногда простужался; желудокъ его не варилъ ни вина, смѣшаннаго съ чернилами и прочей дрянью, ни крошеныхъ мухоморовъ и сыроѣжекъ съ уксусомъ. Господь вѣдаетъ, что бы сталось съ Тихономъ, если бы послѣдній изъ его благодѣтелей, разбогатѣвшій откупщикъ, не вздумалъ въ веселый часъ приписать въ своемъ завѣщаніи: «а Зёзѣ (Тихону тожъ) Недопюскину предоставляю въ вѣчное и потомственное владѣніе благопріобрѣтенную мною деревню Безселендѣевку со всѣми угодьями.» Нѣсколько дней спустя, благодѣтеля, за стерляжьей ухой, прихлопнулъ параличъ. Поднялся гвалтъ, судъ нагрянулъ, опечаталъ имущество, какъ слѣдуетъ. Съѣхались родные; раскрыли завѣщаніе; прочли, потребовали Недопюскина. Явился Недопюскинъ. Большая часть собранья знала, какую должность Тихонъ Иванычъ занималъ при благодѣтелѣ: оглушительныя восклицанія, насмѣшливыя поздравленія посыпались ему на встрѣчу. «Помѣщикъ! вотъ онъ, новый помѣщикъ!» кричали прочіе наслѣдники.—«Вотъ ужъ того», подхватилъ одинъ извѣстный шутникъ и острякъ, «вотъ ужъ точно можно сказать... вотъ ужъ дѣйствительно... того... что называется.... того.... наслѣдникъ». И всѣ такъ и прыснули. Недопюскинъ долго не хотѣлъ вѣрить своему счастію. Ему показали завѣщаніе,—онъ покраснѣлъ, зажмурился, началъ отмахиваться руками и зарыдалъ въ три-ручья. Хохотъ собранья превратился въ густой и слитный ревъ. Деревня Безселендѣевка состояла всего изъ двадцати двухъ душъ крестьянъ; никто о ней не сожалѣлъ сильно, такъ почему же, при случаѣ, не потѣшиться? Одинъ только наслѣдникъ изъ Петербурга, важный мужчина съ греческимъ носомъ и благороднѣйшимъ выраженіемъ лица, Ростиславъ Адамычъ Штоппель, не вытерпѣлъ, пододвинулся бокомъ къ Недопюскину и надменно глянулъ на него черезъ плечо. — «Вы, сколько я могу замѣтить, милостивый государь», заговорилъ онъ презрительно-небрежно, «состояли у почтеннаго Ѳедора Ѳедорыча въ должности потѣшнаго, такъ сказать, прислужника?» Господинъ изъ Петербурга выражался языкомъ нестерпимо чистымъ, бойкимъ и правильнымъ. Разстроенный, взволнованный Недопюскинъ не разслышалъ словъ незнакомаго ему господина, но прочіе тотчасъ всѣ замолкли: острякъ снисходительно улыбнулся. Г. Штоппель потеръ себѣ руки и повторилъ свой вопросъ. Недопюскинъ съ изумленіемъ поднялъ глаза и раскрылъ ротъ. Ростиславъ Адамычъ язвительно прищурился.

— Поздравляю васъ, милостивый государь, поздравляю, продолжалъ онъ:— правда не всякій, можно сказать, согласился бы такимъ образомъ зарррработывать себѣ насущный хлѣбъ: но—de gustibus non est disputandum, то-есть, у всякаго свой вкусъ.... Не правда-ли?

Кто-то въ заднихъ рядахъ быстро, но прилично взвизгнулъ отъ удивленія и восторга.

— Скажите, подхватилъ г. Штоппель, сильно поощренный улыбками всего собранія:—какому таланту въ особенности вы обязаны своимъ счастіемъ? Нѣтъ, не стыдитесь, скажите; мы всѣ здѣсь, такъ сказать, свои, en famille. Не правда-ли, господа, мы здѣсь en famille?

Наслѣдникъ, къ которому Ростиславъ Адамычъ случайно обратился съ этимъ вопросомъ, къ сожалѣнію, не зналъ по-французски и потому ограничился однимъ одобрительнымъ и легкимъ кряхтѣніемъ. За то другой наслѣд-

никъ, молодой человѣкъ, съ желтоватыми пятнами на лбу, поспѣшно подхватилъ: «вуй, вуй, разумѣется».

— Можетъ быть, снова заговорилъ г. Штоппель:—вы умѣете ходить на рукахъ, поднявши ноги, такъ сказать, кверху?

Недопюскинъ съ тоской поглядѣлъ кругомъ—всѣ лица злобно усмѣхались, всѣ глаза покрылись влагой удовольствія.

— Или, можетъ быть, вы умѣете пѣть какъ пѣтухъ?

Взрывъ хохота раздался кругомъ и стихъ тотчасъ, заглушенный ожиданіемъ.

— Или, можетъ быть, вы на носу...

— Перестаньте! перебилъ вдругъ Ростислава Адамыча рѣзкій и громкій голосъ:—какъ вамъ не стыдно мучить бѣднаго человѣка.

Всѣ оглянулись. Въ дверяхъ стоялъ Чертапхановъ. Въ качествѣ четвероюроднаго племянника покойнаго откупщика, онъ тоже получилъ пригласительное письмо на родственный съѣздъ. Во все время чтенія, онъ, какъ всегда, держался въ гордомъ отдаленіи отъ прочихъ.

— Перестаньте, повторилъ онъ, гордо закинувъ голову.

Г. Штоппель быстро обернулся и, увидавъ человѣка бѣдно одѣтаго, неказистаго, вполголоса спросилъ у сосѣда (осторожность никогда не мѣшаетъ):

— Кто это?

— Чертапхановъ, неважная птица, отвѣчалъ ему тотъ на ухо.

Ростиславъ Адамычъ принялъ надменный видъ.

— А вы что за командиръ? проговорилъ онъ въ носъ и прищурилъ глаза.— Вы что за птица, позвольте спросить?

Чертапхановъ вспыхнулъ, какъ порохъ отъ искры. Бѣшенство захватило ему дыханье.

— Дз-дз-дз-дз, зашипѣлъ онъ словно удавленный, и вдругъ загремѣлъ:— Кто я? кто я? Я Пантелей Чертапхановъ, столбовой дворянинъ, мой прапращуръ царю служилъ, а ты кто?

Ростиславъ Адамычъ поблѣднѣлъ и шагнулъ назадъ. Онъ не ожидалъ такого отпора.

— Я птица?! я, я птица?!.. О, о, о!...

Чертапхановъ ринулся впередъ: Штоппель отскочилъ въ большомъ волненіи, гости бросились на-встрѣчу раздраженному помѣщику.

— Стрѣляться, стрѣляться, сейчасъ стрѣляться чрезъ платокъ! кричалъ разсвирѣпѣвшій Пантелей:—или проси извиненія у меня, да и у него...

— Просите, просите извиненія, бормотали вокругъ Штоппеля встревоженные наслѣдники: — онъ вѣдь такой сумасшедшій, — готовъ зарѣзать.

— Извините, извините, я не зналъ, залепеталъ Штоппель; — я не зналъ...

— И у него проси! возопилъ неугомонный Пантелей.

— Извините и вы, прибавилъ Ростиславъ Адамычъ, обращаясь къ Недопюскину, который самъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

Чертапхановъ успокоился, подошелъ къ Тихону Иванычу, взялъ его за руку, дерзко глянулъ кругомъ и, не встрѣчая ни одного взора, торжественно, среди глубокаго молчанія вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ новымъ владѣльцемъ благопріобрѣтенной деревни Безселендѣевки.

Съ того самаго дня они уже болѣе не разставались. (Деревня Безселендѣевка отстояла всего на восемь верстъ отъ Безсонова). Неограниченная благодарность Недопюскина скоро перешла въ подобострастное благоговѣніе. Слабый, мягкій и не совсѣмъ чистый Тихонъ склонялся во прахъ передъ безбоязненнымъ и безкорыстнымъ Пантелеемъ. «Легкое-ли дѣло!» думалъ онъ иногда

про себя, «съ губернаторомъ говоритъ, прямо въ глаза ему смотритъ... вотъ-те Христосъ; — такъ и смотритъ!»

Онъ удивлялся ему до недоумѣнія, до изнеможенія душевныхъ силъ, почиталъ его человѣкомъ необыкновеннымъ, умнымъ, ученымъ. И то сказать, какъ ни было худо воспитаніе Чертапханова, все-же, въ сравненіи съ воспитаніемъ Тихона оно могло показаться блестящимъ. Чертапхановъ, правда, по-русски читалъ мало, по-французски понималъ плохо, до того плохо, что однажды на вопросъ гувернера изъ швейцарцевъ: «Vous parlez français, monsieur?» отвѣчалъ: — Жэ не разумѣю; и подумавъ немного, прибавилъ: — Па! — но все-таки онъ помнилъ, что былъ на свѣтѣ Вольтеръ, преострый сочинитель, и что Фридрихъ Великій, прусскій король, на военномъ поприщѣ тоже отличался. Изъ русскихъ писателей уважалъ онъ Державина, а любилъ Марлинскаго, и лучшаго кобеля прозвалъ Аммалатъ-Бекомъ...

Нѣсколько дней спустя послѣ первой моей встрѣчи съ обоими пріятелями, отправился я въ сельцо Безсоново къ Пантелею Еремѣичу. Издали виднѣлся небольшой его домикъ; онъ торчалъ на голомъ мѣстѣ, въ полуверстѣ отъ деревни, какъ говорится «на-юру», словно ястребъ на пашнѣ. Вся усадьба Чертапханова состояла изъ четырехъ ветхихъ срубовъ разной величины, а именно: изъ флигеля, конюшни, сарая и бани. Каждый срубъ сидѣлъ отдѣльно, самъ по себѣ: ни забора кругомъ, ни воротъ не замѣчалось. Кучеръ мой остановился въ недоумѣніи у полусгнившаго и засореннаго колодца. Возлѣ сарая нѣсколько худыхъ и взъерошенныхъ борзыхъ щенковъ терзали дохлую лошадь, вѣроятно, Орбассана; одинъ изъ нихъ поднялъ-было окрававленную морду, полаялъ торопливо и снова принялся глодать обнаженныя ребра. Подлѣ лошади стоялъ малый лѣтъ семнадцати, съ пухлымъ и желтымъ лицомъ, одѣтый казачкомъ и босоногій: онъ съ важностію посматривалъ на собакъ, порученныхъ его надзору, и изрѣдка постегивалъ арапникомъ самыхъ алчныхъ.

— Дома баринъ? спросилъ я.

— А Господь его знаетъ! отвѣчалъ малый. — Постучитесь.

Я соскочилъ съ дрожекъ и подошелъ къ крыльцу флигеля. Жилище господина Чертапханова являло видъ весьма печальный: бревна почернѣли и высунулись впередъ «брюхомъ», труба обваливалась, углы подопрѣли и покачнулись, небольшія тускло-сизыя окошечки невыразимо кисло поглядывали изъ-подъ косматой, нахлобученной крыши: у иныхъ старухъ-потаскушекъ бываютъ такіе глаза. Я постучался; никто не откликнулся. Однако мнѣ за дверью слышались рѣзко произносимыя слова:

— Азъ, буки, вѣди; да ну-же, дуракъ, говорилъ сиплый голосъ: — азъ, буки, вѣди, глаголь... да нѣтъ! глаголь, добро, есть! есть!... Ну-же, дуракъ!

Я постучался въ другой разъ.

Тотъ-же голосъ закричалъ: — Войди, — кто тамъ...

Я вошелъ въ пустую маленькую переднюю и сквозь растворенную дверь увидалъ самого Чертапханова. Въ засаленномъ бухарскомъ халатѣ, широкихъ шароварахъ и красной ермолкѣ, сидѣлъ онъ на стулѣ; одной рукой стискивалъ онъ молодому пуделю морду, а въ другой держалъ кусокъ хлѣба надъ самымъ его носомъ.

— А! проговорилъ онъ съ достоинствомъ и не трогаясь съ мѣста: — очень радъ вашему посѣщенью. Милости прошу садиться. А я вотъ съ Вензоромъ вожусь... Тихонъ Иванычъ, прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ: — пожалуй-ка сюда. Гость пріѣхалъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчалъ изъ сосѣдней комнаты Тихонъ Иванычъ. — Маша, подай галстукъ.

Чертапхановъ снова обратился къ Вензору и положилъ ему кусокъ хлѣба на носъ. Я посмотрѣлъ кругомъ. Въ комнатѣ, кромѣ раздвижного, покороблennаго стола на тринадцати ножкахъ неровной длины, да четырехъ продавленныхъ соломенныхъ стульевъ, не было никакой мебели; давнымъ-давно выбѣленныя стѣны, съ синими пятнами въ видѣ звѣздъ, во многихъ мѣстахъ облупились; между окнами висѣло разбитое и тусклое зеркальцо, въ огромной рамѣ подъ красное дерево. По угламъ стояли чубуки да ружья; съ потолка спускались толстыя и черныя нити паутинъ.

— Азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, медленно произносилъ Чертапхановъ и вдругъ неистово воскликнулъ: — есть! есть! есть!.. Экое глупое животное!.. есть!

Но злополучный пудель только вздрагивалъ и не рѣшался разинуть ротъ; онъ продолжалъ сидѣть поджавши болѣзненно хвостъ, и, скрививъ морду, уныло моргалъ и щурился, словно говорилъ про себя: — извѣстно, воля ваша!

— Да ѣшь, на, пиль! повторилъ неугомонный помѣщикъ.

— Вы его запугали, замѣтилъ я.

— Ну, такъ прочь его!

Онъ пихнулъ его ногой. Бѣдпякъ поднялся тихо, сронилъ хлѣбъ долой съ носа и пошелъ, словно на цыпочкахъ, въ переднюю, глубоко оскорбленный. И дѣйствительно: чужой человѣкъ въ первый разъ пріѣхалъ, а съ нимъ вотъ какъ поступаютъ.

Дверь изъ другой комнаты осторожно скрипнула, и г. Недопюскинъ вошелъ, пріятно раскланиваясь и улыбаясь.

Я всталъ и поклонился.

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь, залепеталъ онъ.

Мы усѣлись. Чертапхановъ вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— Давно вы пожаловали въ наши палестины? заговорилъ Недопюскинъ мягкимъ голосомъ, осторожно кашлянувъ въ руку и, для приличья, подержавъ пальцы передъ губами.

— Другой мѣсяцъ пошелъ.

— Вотъ какъ-съ.

Мы помолчали.

— Пріятная нонеча стоитъ погода, продолжалъ Недопюскинъ и съ благодарностію посмотрѣлъ на меня, какъ будто-бы погода отъ меня зависѣла: — хлѣба, можно сказать, удивительные.

Я наклонилъ голову въ знакъ согласія. Мы опять помолчали.

— Пантелей Еремѣичъ вчера двухъ русаковъ изволили затравить, не безъ усилія заговорилъ Недопюскинъ, явно желавшій оживить разговоръ: — да-съ, пребольшихъ-съ русаковъ-съ.

— Хорошія у г. Чертапханова собаки?

— Преудивительныя-съ! съ удовольствіемъ возразилъ Недопюскинъ: — можно сказать, первыя по губерніи. (Онъ пододвинулся ко мнѣ). Да что-съ! Пантелей Еремеичъ такой человѣкъ! Что только пожелаетъ, вотъ что только вздумаетъ — глядишь, ужъ и готово, все ужъ такъ и кипитъ-съ. Пантелей Еремеичъ, скажу вамъ...

Чертапхановъ вошелъ въ комнату. Недопюскинъ усмѣхнулся, умолкъ и показалъ мнѣ на него глазами, какъ-бы желая сказать: вотъ вы сами убѣдитесь. Мы пустились толковать объ охотѣ.

— Хотите, я вамъ покажу свою свору? спросилъ меня Чертапхановъ и, не дождавшись отвѣта, позвалъ Карпа.

Вошелъ дюжій парень въ нанковомъ кафтанѣ зеленаго цвѣта съ голубымъ воротникомъ и ливрейными пуговицами.

— Прикажи Ѳомкѣ, отрывисто проговорилъ Чертапхановъ:—привести Аммалата и Сайгу, да въ порядкѣ, понимаешь?

Карпъ улыбнулся во весь ротъ, издалъ неопредѣленный звукъ и вышелъ. Явился Ѳомка, причесанный, затянутый, въ сапогахъ и съ собаками. Я, ради приличія, полюбовался глупыми животными (борзыя всѣ чрезвычайно глупы), Чертапхановъ поплевалъ Аммалату въ самыя ноздри, что, впрочемъ, повидимому, не доставило этому псу ни малѣйшаго удовольствія. Недопюскинъ также сзади поласкалъ Аммалата. Мы опять принялись болтать. Чертапхановъ понемногу смягчился совершенно, пересталъ пѣтушиться и фыркать; выраженье лица его измѣнилось. Онъ глянулъ на меня и на Недопюскина...

— Э! воскликнулъ онъ вдругъ:—что ей тамъ сидѣть одной? Маша! а, Маша! поди-ка сюда.

Кто-то зашевелился въ сосѣдней комнатѣ, но отвѣта не было.

— Ма-а-ша, ласково повторилъ Чертапхановъ: поди сюда. Ничего, не бойся.

Дверь тихонько растворилась, и я увидалъ женщину лѣтъ двадцати, высокую и стройную, съ цыганскимъ смуглымъ лицомъ, изжелта-карими глазами и черною какъ смоль косою; большіе бѣлые зубы такъ и сверкали изъ-подъ полныхъ и красныхъ губъ. На ней было бѣлое платье; голубая шаль, заколотая у самаго горла золотой булавкой, прикрывала до половины ея тонкія, породистыя руки. Она шагнула раза два съ застѣнчивой неловкостью дикарки, остановилась и потупилась.

— Вотъ рекомендую, промолвилъ Пантелей Еремѣичъ: — жена не жена, а почитай что жена.

Маша слегка вспыхнула и съ замѣшательствомъ улыбнулась. Я поклонился ей пониже. Очень она мнѣ нравилась. Тоненькій орлиный носъ, съ открытыми полупрозрачными ноздрями, смѣлый очеркъ высокихъ бровей, блѣдныя, чуть-чуть впалыя щеки,—всѣ черты ея лица выражали своенравную страсть и беззаботную удаль. Изъ-подъ закрученной косы внизъ по широкой шеѣ шли двѣ грядки блестящихъ волосиковъ—признакъ крови и силы.

Она подошла къ окну и сѣла. Я не хотѣлъ увеличить ея смущенья и заговорилъ съ Чертапхановымъ. Маша легонько повернула голову и начала изъподлобья на меня поглядывать, украдкой, дико, быстро. Взоръ ея такъ и мелькалъ, словно змѣиное жало. Недопюскинъ подсѣлъ къ ней и шепнулъ ей что-то на ухо. Она опять улыбнулась. Улыбаясь, она слегка морщила носъ и приподнимала верхнюю губу, что придавало ея лицу не то кошачье, не то львиное выраженіе...

— О, да ты «нетронь меня», подумалъ я, въ свою очередь украдкой посматривая на ея гибкій станъ, впалую грудь и угловатыя, проворныя движенія.

— А что, Маша, спросилъ Чертапхановъ: — надобно-бы гостя чѣмъ-нибудь и поподчивать, а?

— У насъ есть варенье, отвѣчала она.

— Ну, подай сюда варенье, да ужъ и водку кстати. Да послушай, Маша, закричалъ онъ ей вслѣдъ: — принеси тоже гитару.

— Для чего гитару? я пѣть не стану.

— Отчего?

— Не хочется.

— Э, пустяки, захочется, коли...
— Что?! спросила Маша, быстро наморщивъ брови.
— Коли попросятъ, договорилъ Чертапхановъ не безъ смущенія.
— А!

Она вышла, скоро вернулась съ вареньемъ и водкой, и опять сѣла у окна. На лбу ея еще виднѣлась морщинка; обѣ брови поднимались и опускались, какъ усики у осы... Замѣтили ли вы, читатель, какое злое лицо у осы? Ну, подумалъ я, быть грозѣ. Разговоръ не клеился. Недопюскинъ притихъ совершенно и напряженно улыбался; Чертапхановъ пыхтѣлъ, краснѣлъ и выпучивалъ глаза; я уже собирался уѣхать... Маша вдругъ приподнялась, разомъ отворила окно, высунула голову и съ сердцемъ закричала проходившей бабѣ: «Аксинья!» Баба вздрогнула, хотѣла-было повернуться, да поскользнулась и тяжко шлепнулась на земь. Маша опрокинулась назадъ и звонко захохотала: Чертапхановъ тоже засмѣялся, Недопюскинъ запищалъ отъ восторга. Мы всѣ встрепенулись. Гроза разразилась одной молніей... воздухъ очистился.

Полчаса спустя, насъ-бы никто не узналъ: мы болтали и шалили, какъ дѣти. Маша рѣзвилась пуще всѣхъ. — Чертапхановъ такъ и пожиралъ ее глазами. Лицо у ней поблѣднѣло, ноздри расширились, взоръ запылалъ и потемнѣлъ въ одно и то же время. Дикарка разыгралась. Недопюскинъ ковылялъ за ней на своихъ толстыхъ и короткихъ ножкахъ, какъ селезень за уткой. Даже Вензоръ выползъ изъ-подъ прилавка въ передней, постоялъ на порогѣ, поглядѣлъ на насъ и вдругъ принялся прыгать и лаять. Маша выпорхнула въ другую комнату, принесла гитару, сбросила шаль съ плечъ долой, проворно сѣла, подняла голову и запѣла цыганскую пѣсню. Ея голосъ звенѣлъ и дрожалъ, какъ надтреснутый стеклянный колокольчикъ, вспыхивалъ и замиралъ.... Любо и жутко становилось на сердцѣ.—«Ай жги, говори!...» Чертапхановъ пустился въ плясъ. Недопюскинъ затопалъ и засѣменилъ ногами. Машу всю поводило, какъ бересту на огнѣ: тонкіе пальцы рѣзво бѣгали по гитарѣ, смуглое горло медленно приподнималось подъ двойнымъ янтарнымъ ожерельемъ. То вдругъ она умолкала, опускалась въ изнеможеньи, словно неохотно щипала струны, и Чертапхановъ останавливался, только плечикомъ подергивалъ да на мѣстѣ переминался, а Недопюскинъ покачивалъ головой, какъ фарфоровый китаецъ; — то снова заливалась она какъ безумная, выпрямливала станъ и выставляла грудь, и Чертапхановъ опять присѣдалъ до земли, подскакивалъ подъ самый потолокъ, вертѣлся юлой, вскрикивалъ: «живо!»....

— Живо, живо, живо, живо! скороговоркой подхватывалъ Недопюскинъ.

Поздно вечеромъ уѣхалъ я изъ Безсонова....

И. С. Тургеневъ прервалъ тогда на этомъ мѣстѣ разсказъ, заключивъ обѣщаніемъ досказать конецъ „когда-нибудь, въ другой разъ.“ — *Ред.*

I.

Года два спустя послѣ моего посѣщенія у Пантелея Еремѣича начались его бѣдствія — именно бѣдствія. Неудовольствія, неудачи и даже несчастія случались съ нимъ и до того времени, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія и «царствовалъ»

попрежнему. Первое бѣдствіе, поразившее его, было для него самое чувствительное: Маша разсталась съ нимъ.

Что̀ заставило ее покинуть его кровъ, съ которымъ она, казалось, такъ хорошо свыклась — сказать трудно. Чертанхановъ до конца дней своихъ держался того убѣжденія, что виною Машиной измѣны былъ нѣкій молодой сосѣдъ, отставной уланскій ротмистръ, по прозвищу Яффъ, который, по словамъ Пантелея Еремѣича, только тѣмъ и бралъ, что безпрерывно крутилъ усы, чрезвычайно сильно помадился и значительно хмыкалъ; но полагать надо, тутъ скорѣе способствовала бродячая цыганская кровь, которая текла въ жилахъ Маши. Какъ бы то ни было, только въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, Маша, завязавъ кое-какія тряпки въ небольшой узелокъ, отправилась вонъ изъ Чертанхановскаго дома.

Она передъ тѣмъ просидѣла дня три въ уголку, сморчившись и прижавшись къ стѣнкѣ, какъ раненная лисица — и хоть бы слово кому промолвила — всѣ только глазами поводила да задумывалась, да подрыгивала бровями, да слегка зубы скалила, да руками перебирала, словно куталась. Этакой «стихъ» и прежде на неё находилъ, но никогда долго не продолжался; Чертанхановъ это зналъ — а потому и самъ не безпокоился и ее не безпокоилъ. Но когда, вернувшись съ псарнаго двора, гдѣ, по словамъ его довѣжачаго, послѣднія двѣ гончія «окачурились» — онъ встрѣтилъ служанку, которая трепетнымъ голосомъ доложила ему, что Марія-молъ Акиндіевна велѣли имъ кланяться, велѣли сказать, что желаютъ имъ всего хорошаго, а ужъ больше къ нимъ не вернутся, — Чертанхановъ, покружившись раза два на мѣстѣ и издавъ хриплое рычаніе, тотчасъ бросился вслѣдъ за бѣглянкой — да кстати захватилъ съ собой пистолетъ.

Онъ нагналъ её въ двухъ верстахъ отъ своего дома, возлѣ березовой рощицы, на большой дорогѣ въ уѣздный городъ. Солнце стояло низко надъ небосклономъ — и всѣ кругомъ внезапно побагровѣло: деревья, травы и земля.

— Къ Яффу! къ Яффу! простоналъ Чертанхановъ, какъ только завидѣлъ Машу, — къ Яффу! повторилъ онъ, подбѣгая къ ней и чуть не спотыкаясь на каждомъ шагѣ.

Маша остановилась и обернулась къ нему лицомъ. Она стояла спиною къ свѣту — и казалась вся черная, словно изъ темнаго дерева вырѣзанная. Одни бѣлки глазъ выдѣлялись серебряными миндалинами, а сами глаза — зрачки — еще болѣе потемнѣли.

Она бросила свой узелокъ въ сторону и скрестила руки.

— Къ Яффу отправилась, негодница! повторилъ Чертанха-

ночь и хотѣлъ-было схватить её за плечо—но, встрѣченный ея взглядомъ, опѣшилъ и замялся на мѣстѣ.

— Не въ г. Яффу я пошла, Пантелей Еремѣичъ, отвѣтила Маша ровно и тихо; а только съ вами я уже больше жить не могу.

— Какъ не можешь жить? Это отчего? Я развѣ чѣмъ тебя обидѣлъ? Маша покачала головою.—Не обидѣли вы меня ничѣмъ, Пантелей Еремѣичъ, а только стосковалась я у васъ... За прошлое спасибо, а остаться не могу — нѣтъ!

Чертапхановъ изумился; онъ даже руками себя по ляшкамъ хлопнулъ и подпрыгнулъ.

— Какъ же это такъ? Жила, жила, кромѣ удовольствія и спокойствія ничего не видала—и вдругъ: стосковалась! Семъ-молъ, брошу я его! Взяла, платокъ на голову накинула—да и пошла. Всякое уваженіе получала не хуже барыни...

— Этого мнѣ хоть бы и не надо, перебила Маша.

— Какъ не надо? Изъ цыганки-проходимицы въ барыни попала—да: не надо? Какъ не надо, Хамово ты отродье? Развѣ этому можно повѣрить? Тутъ измѣна кроется, измѣна!

Онъ опять запищалъ.

— Никакой измѣны у меня въ мысляхъ нѣту и не было, проговорила Маша своимъ пѣвучимъ и чѣткимъ голосомъ; а я ужъ вамъ сказывала: тоска меня взяла.

— Маша! воскликнулъ Чертапхановъ и ударилъ себя въ грудь кулакомъ, ну перестань, полно, помучила.... ну довольно! Ей-Богу же! подумай только, что Тиша скажетъ; ты бы хоть его пожалѣла!

— Тихону Ивановичу поклонитесь отъ меня и скажите ему.... Чертапхановъ взмахнулъ руками.—Да нѣтъ, врешь же—не уйдешь! Не дождется тебя твой Яффъ!

— Господинъ Яффъ, начала-было Маша...

— Какой онъ *гас-па-динъ* Яффъ, передразнилъ её Чертапхановъ. Онъ самый, какъ есть, выжига, пройдоха — и рожа у него какъ у обезьяны!

Цѣлыхъ полчаса бился Чертапхановъ съ Машей. Онъ то подходилъ къ ней близко, то отскакивалъ, то замахивался на неё, то кланялся ей въ поясъ, плавалъ, бранился.... Не могу, твердила Маша: грустно мнѣ такожо... Тоска замучитъ. Понемногу ея лицо приняло такое равнодушное, почти сонливое выраженіе, что Чертапхановъ спросилъ её, ужъ не опоили ли её дурманомъ?

— Тоска, проговорила она въ десятый разъ.

— А ну какъ я тебя убью? крикнулъ онъ вдругъ и выхватилъ пистолетъ изъ кармана.

Маша улыбнулась; ея лицо оживилось.

— Чтожъ? убейте, Пантелей Еремѣичъ; въ вашей волѣ; а вернуться я не вернусь.

— Не вернешься? Чертапхановъ взвелъ курокъ.

— Не вернусь, голубчикъ. Ни въ жизнь не вернусь. Слово моё крѣпко.

Чертапхановъ внезапно сунулъ ей пистолетъ въ руку и присѣлъ на землю.

— Ну такъ убей *ты* меня! безъ тебя я жить не желаю. Опостылѣлъ я тебѣ—и всё мнѣ стало постыло.

Маша нагнулась, подняла свой узелокъ, положила пистолетъ на траву, дуломъ прочь отъ Чертапханова и пододвинулась къ нему.

— Эхъ, голубчикъ, чего ты убиваешься? Али нашихъ сестеръ цыганокъ не вѣдаешь? Нравъ нашъ таковъ, обычай. Коли завелась тоска-разлучница, отзываетъ душеньку во чужу-дальню сторонушку—гдѣ ужъ тутъ оставаться? Ты Машу свою помни—другой такой подруги тебѣ не найти — и я тебя не забуду, сокола моего;—а жизнь наша съ тобой кончена!

— Я тебя любилъ, Маша, пробормоталъ Чертапхановъ въ пальцы, которыми онъ охватилъ лицо....

— И я васъ любила, дружочикъ Пантелей Еремѣичъ!

— Я тебя любилъ, я люблю тебя безъ ума, безъ памяти—и какъ подумаю я теперь, что ты этакъ, ни съ того ни съ сего, здорово-живешь, меня покидаешь да по свѣту скитаться станешь — ну и представляется мнѣ, что не будь я голякъ горемычный, не бросила ты бы меня!

На эти слова Маша только усмѣхнулась.

— А ещё безсеребренницей меня звалъ! промолвила она и съ размаху ударила Чертапханова по плечу.

Онъ вскочилъ на ноги.

— Ну хоть денегъ у меня возьми—а то какъ же такъ безъ гроша? Но лучше всего: убей ты меня! Сказываю я тебѣ толкомъ; убей ты меня за-разъ!

Маша опять головою покачала.—Убить тебя? А въ Сибирь-то, голубчикъ, за что ссылаютъ?

Чертапхановъ дрогнулъ.—Такъ ты только изъ-за этого, изъ-за страха каторги...

Онъ опять повалился на траву.

Маша молча постояла надъ нимъ.—Жаль мнѣ тебя, Пантелей Еремѣичъ, сказала она со вздохомъ; — человѣкъ ты хорошій.... а дѣлать нечего: прощай!

Она повернулась прочь и шагнула раза два. Ночь уже на-

ступала и отовсюду наплывали тусклыя тѣни. Чертапхановъ проворно поднялся и схватилъ Машу сзади за оба локтя.

— Такъ ты уходишь, змѣя? Къ Яффу!

— Прощай! выразительно и рѣзко повторила Маша, вырвалась и пошла.

Чертапхановъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, подбѣжалъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ пистолетъ, схватилъ его, прицѣлился, выстрѣлилъ... Но прежде чѣмъ пожать пружинку курка, онъ дернулъ рукою кверху: пуля прожужжала надъ головою Маши. Она на ходу посмотрѣла на него черезъ плечо — и отправилась дальше, въ развалочку, словно дразня его.

Онъ закрылъ лицо—и бросился бѣжать...

Но онъ не отбѣжалъ еще пятидесяти шаговъ, какъ вдругъ остановился, словно вкопанный. Знакомый, слишкомъ знакомый голосъ долетѣлъ до него. Маша пѣла. «Вѣкъ юной, прелестный»— пѣла она; каждый звукъ такъ и разстилался въ вечернемъ воздухѣ—жалобно и знойно. Чертапхановъ приникъ ухомъ. Голосъ уходилъ да уходилъ; то замиралъ, то опять набѣгалъ чуть слышной, но всё еще жгучей струйкой...

— Это мнѣ она въ пику, подумалъ Чертапхановъ; но тутъ же простоналъ: охъ, нѣтъ! это она со мной прощается навѣки — и залился слезами.

На слѣдующій день онъ явился въ квартиру г-на Яффа, который, какъ истый свѣтскій человѣкъ, не жалуя деревенскаго одиночества, поселился въ уѣздномъ городѣ, «поближе къ барышнямъ», какъ онъ выражался. Чертапхановъ не засталъ Яффа: онъ, по словамъ каммердинера, наканунѣ уѣхалъ въ Москву.

— Такъ и есть! яростно воскликнулъ Чертапхановъ; у нихъ стачка была; она съ нимъ бѣжала... но постой!

Онъ ворвался въ кабинетъ молодого ротмистра, несмотря на сопротивленіе каммердинера. Въ кабинетѣ надъ диваномъ висѣлъ портретъ хозяина въ уланскомъ мундирѣ, писанный масляными красками.—А, вотъ гдѣ ты, обезьяна безхвостая! прогремѣлъ Чертапхановъ, вскочилъ на диванъ — и, ударивъ кулакомъ по натянутому холсту, пробилъ въ нёмъ большую дыру.

— Скажи твоему бездѣльнику барину, обратился онъ къ каммердинеру, что за неимѣньемъ его собственной гнусной рожи, дворянинъ Чертапхановъ изуродовалъ его писанную; и коли онъ желаетъ отъ меня удовлетворенья, онъ знаетъ гдѣ найти дворянина Чертапханова! — А то я самъ его найду! На днѣ моря сыщу подлую обезьяну!

Сказавъ эти слова, Чертапхановъ соскочилъ съ дивана и торжественно удалился.

Но ротмистръ Яффъ никакого удовлетворенія отъ него не потребовалъ — онъ даже не встрѣтился нигдѣ съ нимъ — и Чертапхановъ не думалъ отыскивать своего врага, и никакой исторіи у нихъ не вышло. Сама Маша скоро послѣ того пропала безъ вѣсти. Чертапхановъ запилъ-было; однако «очувствовался». Но тутъ постигло его второе бѣдствіе.

II.

А именно: закадычный его пріятель Тихонъ Ивановичъ Недопюскинъ — скончался. Года за два до кончины, здоровье стало измѣнять ему: онъ началъ страдать одышкой, безпрестанно засыпалъ, и, проснувшись, не скоро могъ придти въ себя: уѣздный врачъ увѣрялъ, что это съ нимъ происходили «ударчики». Въ теченіи трехъ дней, предшествовавшихъ удаленію Маши, этихъ трехъ дней, когда она «затосковала», Недопюскинъ пролежалъ у себя въ Безселендѣевкѣ: онъ сильно простудился. Тѣмъ неожиданнѣе поразилъ его поступокъ Маши: онъ поразилъ его едва ли не глубже, чѣмъ самого Чертапханова. По кротости и робости своего нрава, онъ, кромѣ самаго нѣжнаго сожалѣнія о своемъ пріятелѣ, да болѣзненнаго недоумѣнія, ничего не выказалъ... но все въ немъ лопнуло и опустилось. «Вынула она изъ меня душу», шепталъ онъ самому себѣ, сидя на своемъ любимомъ клеёнчатомъ диванчикѣ и вертя пальцемъ около пальца. Даже когда Чертапхановъ справился, онъ, Недопюскинъ, не справился — и продолжалъ чувствовать, что «пусто у него внутри». — «Вотъ тутъ», говаривалъ онъ, показывая на середину груди, повыше желудка. Такимъ образомъ протянулъ онъ до зимы. Отъ первыхъ морозовъ его одышкѣ полегчило, но за то посѣтилъ его уже не ударчикъ, а ударъ настоящій. Онъ не тотчасъ лишился памяти; онъ могъ еще признать Чертапханова и даже на отчаянное восклицаніе своего друга: «что-молъ, какъ это ты, Тиша, безъ моего разрѣшенія оставляешь меня, не хуже Маши?» — отвѣтилъ коснѣющимъ языкомъ: «А я П...а...сей Е...е...ѣичъ, се...да адъ васъ су...ша..ся». Это однако не помѣшало ему умереть въ тотъ же день, не дождавшись уѣзднаго врача, которому, при видѣ его едва остывшаго тѣла, осталось только, съ грустнымъ сознаньемъ бренности всего земного, потребовать «водочки съ балычкомъ». Имѣніе свое

Тихонъ Ивановичъ завѣщалъ, какъ и слѣдовало ожидать, своем почтеннѣйшему благодѣтелю и великодушному покровителю, «Пан телею Еремѣичу Чертапханову»; но почтеннѣйшему благодѣтел оно большой пользы не принесло, ибо въ скорости было продан съ публичнаго торга—частью для того, чтобы покрыть издержк надгробнаго монумента, статуи, которую Чертапхановъ—(а в немъ, видно, отозвалась отцовская жилка!) вздумалъ воздвигнут надъ прахомъ своего пріятеля. Статую эту, долженствовавшую представить молящагося ангела, онъ выписалъ изъ Москвы; но отрекомендованный ему коммиссіонеръ, сообразивъ, что въ про винціи знатоки скульптуры встрѣчаются рѣдко—вмѣсто ангела прислалъ ему богиню Флору, много лѣтъ украшавшую одинъ изъ заброшенныхъ подмосковныхъ садовъ Екатерининскаго вре мени—благо эта статуя, весьма впрочемъ изящная, во вкусѣ рококо, съ пухлыми ручками, взбитыми пуклями, гирляндой роз на обнаженной груди и изогнутымъ станомъ, досталась ему, ком миссіонеру, даромъ. Такъ и до сихъ поръ стоитъ миѳологическая богиня, граціозно приподнявъ одну ножку, надъ могилой Тихона Ивановича, и съ истинно-помпадурской ужимкой посматриваетъ на разгуливающихъ вокругъ нея телятъ и овецъ, этихъ неизмѣнныхъ посѣтителей нашихъ сельскихъ кладбищъ.

III.

Лишившись своего вѣрнаго друга, Чертапхановъ опять запилъ, и на этотъ разъ уже гораздо посерьезнѣе. Дѣла его вовсе подъ-гору пошли. Охотиться стало не на что, послѣднія денежки перевелись, послѣдніе людишки поразбѣжались. Одиночество для Пантелея Еремѣича наступило совершенное: не съ кѣмъ было слово перемолвить, не то, что душу отвести. Одна лишь гордость въ немъ не умалилась. Напротивъ: чѣмъ хуже становились его обстоятельства, тѣмъ надменнѣе и высокомѣрнѣе и неприступнѣе становился онъ самъ. Онъ совсѣмъ одичалъ подъ-конецъ. Одна утѣха, одна радость осталась у него: удивительный верховой конь, сѣрой масти, донской породы, прозванный имъ Малекъ-Аделемъ, дѣйствительно замѣчательное животное.

Достался ему этотъ конь слѣдующимъ образомъ:

Проѣзжая однажды верхомъ по сосѣдней деревнѣ, Чертапхановъ услыхалъ мужичій гамъ и крикъ толпы около кабака. Посреди этой толпы, на одномъ и томъ же мѣстѣ, безпрестанно поднимались и опускались дюжія руки.

— Что тамъ такое происходитъ? спросилъ онъ свойственнымъ ему начальственнымъ тономъ у старой бабы, стоявшей у порога своей избы.

Опершись о притолку и какъ бы дремля, посматривала баба въ направленіи кабака. Бѣлоголовый мальчишка въ ситцевой рубашенкѣ, съ кипарисным крестикомъ на голой грудкѣ, сидѣлъ, растопыря ножки и сжавъ кулачонки, между ея лаптями цыпленокъ тутъ же долбилъ задеревенѣлую корку ржаного хлѣба.

— А Господь вѣдаетъ, батюшка, отвѣчала старуха—и, наклонившись впередъ, положила свою сморщенную, темную руку на голову мальчишки:—слышно, наши ребята жида бьютъ.

— Какъ жида? какого жида?

— А Господь его вѣдаетъ, батюшка. Проявился у насъ жидъ какой-то; и откелѣ его принесло—кто его знаетъ? Вася, иди, сударикъ, къ мамѣ: кышь, кышь, посудный!

Баба спугнула цыпленка, а Вася ухватился за ея паневу.

— Такъ вотъ его и бьютъ, сударь ты мой.

— Какъ бьютъ? за что?

— А не знаю, батюшка. Стало, за дѣло. Да и какъ не бить? Вѣдь онъ, батюшка, Христа распялъ!

Чертапхановъ гикнулъ, вытянулъ лошадь нагайкой по шеѣ, помчался прямо на толпу—и ворвавшись въ нее, началъ той же самой нагайкой безъ разбору лупить мужиковъ направо и налѣво, приговаривая прерывистымъ голосомъ: — Само...управство! Само...у...правство! Законъ долженъ наказывать—а не част...ны...я ли...ца! Законъ! Законъ!! За...ко...онъ!!!

Двухъ минутъ не прошло, какъ уже вся толпа отхлынула въ разныя стороны—и на землѣ, передъ дверью кабака, оказалось небольшое, худощавое, черномазое существо въ нанковомъ кафтанѣ, растрепанное и истерзанное... Блѣдное лицо, закатившіеся глаза, раскрытый ротъ... Что это? замираніе ужаса или уже самая смерть?

— Это вы зачѣмъ жида убили? громогласно воскликнулъ Чертапхановъ, грозно потрясая нагайкой.

Толпа слабо загудѣла въ отвѣтъ. Иной мужикъ держался за плечо, другой за бокъ, третій за носъ.

«Здоровъ драться-то!» послышалось въ заднихъ рядахъ.

«Съ нагайкой-то! этакъ-то всякій!» промолвилъ другой голосъ.

— Жида зачѣмъ убили? спрашиваю я васъ, азіаты отлаженные! повторилъ Чертапхановъ.

Но тутъ лежавшее на землѣ существо проворно вскочило на

ноги, и забѣжавъ за Чертапханова, судорожно ухватилось за край его сѣдла.

Дружный хохотъ грянулъ среди толпы.

«Живучъ!» послышалось опять въ заднихъ рядахъ. — «Та же кошка!»

— Васе высокоблагоуродіе, заступитесь, спасите, лепеталъ между тѣмъ несчастный жидъ, всею грудью прижимаясь къ ногѣ Чертапханова: — а то они убьютъ, убьютъ меня, васе высокоблагоуродіе!

— За что они тебя? спросилъ Чертапхановъ.

— Да ей зе Богу не могу сказать! — Тутъ вотъ у нихъ скотинка помирать стала... такъ они и подозрѣваютъ... а я зе...

— Ну! Это мы разберемъ послѣ! перебилъ Чертапхановъ — а теперь ты держись за сѣдло да ступай за мною. — А вы! прибавилъ онъ, обернувшись къ толпѣ — вы знаете меня? — Я помѣщикъ Пантелей Чертапхановъ, живу въ сельцѣ Безсоновѣ, — ну и значитъ, жалуйтесь на меня, когда заблагоразсудится — да и на жида кстати!

— Зачѣмъ жаловаться? проговорилъ съ низкимъ поклономъ сѣдобородый, степенный мужикъ, ни дать ни взять древній патріархъ. — (Жида онъ впрочемъ тузилъ не хуже другихъ). — Мы, батюшка Пантелей Еремѣичъ, твою милость знаемъ хорошо; много твоей милостью довольны; что поучилъ насъ!

— Зачѣмъ жаловаться! подхватили другіе; — а съ нехриста того мы свое возьмемъ! Онъ отъ насъ не уйдетъ! — Мы его, значитъ, какъ зайца въ полѣ....

Чертапхановъ повелъ усами, фыркнулъ — и поѣхалъ шагомъ къ себѣ въ деревню, сопровождаемый жидомъ, котораго онъ освободилъ точно такимъ же образомъ отъ его притѣснителей, какъ нѣкогда освободилъ Тихона Недопюскина.

IV.

Нѣсколько дней спустя, единственный уцѣлѣвшій у Чертапханова казачокъ доложилъ ему, что къ нему прибылъ какой-то верховой и желаетъ поговорить съ нимъ. Чертапхановъ вышелъ на крыльцо и увидалъ своего знакомаго жидка, верхомъ на прекрасномъ донскомъ конѣ, неподвижно и гордо стоявшемъ посреди двора. — На жидкѣ не было шапки: онъ держалъ ее подъ мышкой, ноги онъ вдѣлъ не въ самыя стремена, а въ ремни стремянъ; разорванныя полы его кафтана висѣли съ

обѣихъ сторонъ сѣдла. Увидавъ Чертапханова, онъ зачмокалъ губами, и локтями задергалъ, и ногами заболталъ. Но Чертапхановъ не только не отвѣчалъ на его привѣтъ, а даже разсердился; такъ весь и вспыхнулъ вдругъ: паршивый жидъ смѣетъ сидѣть на такой прекрасной лошади... какое неприличіе!

— Эй ты, эѳіопская рожа! закричалъ онъ — сейчасъ слѣзай, если не хочешь, чтобы тебя стащили! Въ грязь!

Жидъ немедленно повиновался, свалился мѣшкомъ съ сѣдла — и, придерживая одной рукою поводъ, улыбаясь и кланяясь, пододвинулся къ Чертапханову.

— Чего тебѣ? съ достоинствомъ спросилъ Пантелей Еремѣичъ.

— Васе благородіе, извольте посмотрѣть, каковъ конёкъ? промолвилъ жидъ, не переставая кланяться.

— Н...да... лошадь добрая. Ты откуда ее досталъ? Укралъ, должно быть?

— Какъ зе мозно, васе благородіе! — Я честный зидъ, я не укралъ, а для васего благородія досталъ, точно! И узъ старался я, старался! За то и конь! Такого коня по всему Дону другого найти никакъ невозможно! — Посмотрите, васе благородіе, что это за конь такой! Вотъ позалуйте, сюда! — Тпру... тпру... повернись, стань зе бокомъ! — А мы сѣдло снимемъ. — Каковъ! Васе благородіе?

— Лошадь добрая, повторилъ Чертапхановъ съ притворнымъ равнодушіемъ, — а у самого сердце такъ и заколотилось въ груди. Очень ужъ онъ былъ страстный охотникъ до «конскаго мяса» и зналъ въ немъ толкъ.

— Да вы, васе благородіе, его погладьте! По сейкѣ его погладьте, хи-хи-хи! Вотъ такъ.

Чертапхановъ, словно нехотя, положилъ руку на шею коня, хлопнулъ по ней раза два, потомъ провелъ пальцами отъ холки по спинѣ и, дойдя до извѣстнаго мѣстечка надъ почками, слегка, по-охотницки, подавилъ это мѣстечко. — Конь немедленно выгнулъ хребетъ, и, оглянувшись искоса на Чертапханова своимъ надменнымъ чорнымъ глазомъ, фукнулъ и переступилъ передними ногами.

Жидъ засмѣялся и въ ладоши слегка захлопалъ. — Хозяина признаетъ, васе благородіе, хозяина!

— Ну, не ври, съ досадой перебилъ Чертапхановъ. — Купить мнѣ у тебя этого коня... не на что, а подарковъ я еще не то, что отъ жида — а отъ самого Господа Бога не принималъ!

— И какъ зе я смѣю вамъ что-нибудь дарить, помилосер-

дуйте! воскликнулъ жидъ; — вы купите, васе благородіе... а денежекъ — я подожду.

Чертапхановъ задумался.

— Ты что возьмешь? промолвилъ онъ наконецъ сквозь зубы.

Жидъ пожалъ плечами.—А что самъ заплатилъ. Двѣсти рублей.

Лошадь, извѣстно, стоила вдвое — а, пожалуй, что и втрое противъ этой суммы.

Чертапхановъ отвернулся въ сторону и зѣвнулъ лихорадочно.

— А когда... деньги? спросилъ онъ, насильственно нахмуривъ брови и не глядя на жида.

— А когда будетъ васему благородію угодно.

Чертапхановъ голову назадъ закинулъ, но глазъ не поднялъ. —Это не отвѣтъ. Ты говори толкомъ, Иродово племя! — Одолжаться я у тебя стану, что ли?

— Ну сказемъ такъ — поспѣшно проговорилъ жидъ — черезъ шесть мѣсяцевъ... согласны?

Чертапхановъ ничего не отвѣчалъ.

Жидъ старался заглянуть ему въ глаза. — Согласны? Прикажете на конюшню поставить?

— Сѣдло мнѣ не нужно, произнесъ отрывисто Чертапхановъ. — Возьми сѣдло — слышишь?

— Какзе, какзе, возьму, возьму, залепеталъ обрадованный жидъ и взвалилъ сѣдло себѣ на плечо.

— А деньги, продолжалъ Чертапхановъ... черезъ шесть мѣсяцевъ.—И не двѣсти, а двѣсти-пятьдесятъ. Молчать! Двѣсти-пятьдесятъ, говорю тебѣ! За мною.

Чертапхановъ все не могъ рѣшиться поднять глаза. Никогда такъ сильно въ немъ не страдала гордость. — «Явно, что подарокъ», думалось ему; «изъ благодарности чортъ подноситъ!» И обнялъ бы онъ этого жида, и побилъ бы его...

— Васе благородіе, началъ жидъ, пріободрившись и осклабясь—надобы, по русскому обычаю, изъ полы въ полу....

— Вотъ еще что вздумалъ?— Еврей... а русскіе обычай! — Эй! кто тамъ? Возьми лошадь, сведи на конюшню. — Да овса ему засыпь. — Я сейчасъ самъ приду, посмотрю. И знай: имя ему — Малекъ-Адель!

Чертапхановъ взобрался было на крыльцо, но круто повернулъ на каблукахъ, и, подбѣжавъ къ жиду, крѣпко стиснулъ ему руку. — Тотъ наклонился и губы уже протянулъ — но Чертапхановъ отскочилъ назадъ, и промолвивъ въ полуголоса: «Никому не сказывай!» исчезъ за дверью.

V.

Съ самаго того дня — главнымъ дѣломъ, главной заботой, радостью въ жизни Чертанханова—сталъ Малекъ-Адель. Онъ полюбилъ его такъ, какъ не любилъ самой Маши, привязался къ нему больше чѣмъ къ Недопюскину. —Да и конь же былъ! Огонь, какъ есть огонь, просто порохъ — а степенство какъ у боярина! — Неутомимый, выносливый, куда хошь его поверни, безотвѣтный; а прокормить его ничего не стоитъ: коли нѣтъ ничего другого, землю подъ собой глодаетъ. Шагомъ идетъ — какъ въ рукахъ — несетъ; рысью что въ зыбкѣ качаетъ, а поскачетъ, такъ и вѣтру за нимъ не угнаться! Никогда-то онъ не запыхается: потому — отдушинъ много. Ноги — стальныя; чтобы онъ когда спотыкнулся — и въ поминѣ этого не бывывало! — Перескочить ровъ ли, тынъ ли — это ему ни почемъ; а ужъ умница какая! — На голосъ такъ и бѣжитъ, задравши голову; прикажешь ему стоять и самъ уйдешь — онъ не ворохнется; — только-что станешь возвращаться, чуть-чуть заржетъ: «здѣсь-молъ я». — И ничего-то онъ не боится: въ самую тѣмять, въ мятель дорогу сыщетъ; а чужому ни за что не дастся: зубами загрызетъ! И собака не суйся къ нему: сейчасъ передней ножкой ее по лбу — тюкъ! только она и жила. — Съ амбиціей конь: плеткой развѣ-что для красы надъ нимъ помахивай — а сохрани Богъ его тронуть! — Да что тутъ толковать: — сокровище, а не лошадь!

Примется Чертанхановъ расписывать своего Малекъ-Аделя — откуда рѣчи берутся! А ужъ какъ онъ его холилъ и лелѣялъ! — Шерсть на немъ отливала серебромъ — да не старымъ, а новымъ, что съ темнымъ глянцемъ; повести по ней ладонью — тотъ же бархатъ! Сѣдло, чепрачекъ, уздечка — вся какъ есть сбруя до того была ладно пригнана, въ порядкѣ, вычищена — бери карандашъ и рисуй! — Чертанхановъ — чего больше? самъ, собственноручно, и чолку заплеталъ своему любимцу, и гриву и хвостъ мылъ нивомъ и даже копыта не разъ мазью смазывалъ...

Бывало, сядетъ онъ на Малекъ-Аделя и поѣдетъ — не по сосѣдямъ — онъ съ ними попрежнему не зналъ — а черезъ ихъ поля, мимо усадебъ... Полюбуйтесь-молъ издали, дураки! А то прослышитъ, что гдѣ-нибудь охота проявилась — въ отъѣзжее поле богатый баринъ собрался; — онъ сейчасъ туда — и гарцуетъ въ отдаленіи, на горизонтѣ, удивляя всѣхъ зрителей красотой и быстротою своего коня и близко никого къ себѣ не подпуская.

Разъ какой-то охотникъ даже погнался за нимъ со всей свитой; видитъ, что уходитъ отъ него Чертапхановъ, и началъ онъ ему кричать изо всей мочи, на всемъ скаку: «Эй, ты! Слушай! Бери, что хочешь за свою лошадь! Тысячи не пожалѣю! Жену отдамъ, дѣтей! Бери послѣднее!»

Чертапхановъ вдругъ осадилъ Малекъ-Аделя. Охотникъ подлетѣлъ къ нему. — Батюшка! кричитъ, говори: чего желаешь? Отецъ родной!

— Коли ты царь, промолвилъ съ разстановкой Чертапхановъ (а онъ отъ роду и не слыхивалъ о Шекспирѣ), подай мнѣ все твое царство за моего коня — такъ и того не возьму! Сказалъ, захохоталъ, поднялъ Малекъ-Аделя на дыбы, повернулъ имъ на воздухѣ, на однихъ заднихъ ногахъ, словно волчкомъ или юлою — и маршъ-маршъ! Такъ и засверкалъ по жневью. А охотникъ (князь, говорятъ, былъ богатѣйшій) шапку о-земь—да какъ грянется лицомъ въ шапку! Съ полчаса такъ пролежалъ.

И какъ было Чертапханову не дорожить своимъ конемъ? Не по его ли милости оказалось у него снова превосходство несомнѣнное, послѣднее превосходство надъ всѣми его сосѣдями?

VI.

Между тѣмъ время шло, срокъ платежа приближался— а у Чертапханова не только двухъсотъ-пятидесяти рублей, не было и пятидесяти. Что было дѣлать, чѣмъ помочь? — «Чтожъ?» рѣшилъ онъ наконецъ, «коли не смилостивится жидъ, не захочетъ еще подождать—отдамъ я ему домъ и землю—а самъ на коня, куда глаза глядятъ! Съ голоду умру—а Малекъ-Аделя не отдамъ!» Волновался онъ очень и даже задумывался; но тутъ судьба—въ первый и въ послѣдній разъ—сжалилась надъ нимъ, улыбнулась ему: какая-то дальная тетка, самое имя которой было неизвѣстно Чертапханову, оставила ему по духовному завѣщанію сумму огромную въ его глазахъ, цѣлыхъ двѣ тысячи рублей!—и получилъ онъ эти деньги въ самую, какъ говорится, пору: за день до прибытія жида. Чертапхановъ чуть не обезумѣлъ отъ радости — но и не подумалъ о водкѣ: съ самаго того дня, какъ Малекъ-Адель поступилъ къ нему—онъ капли въ ротъ не бралъ. Онъ побѣжалъ въ конюшню и облобызалъ своего друга съ обѣихъ сторонъ морды надъ ноздрями, тамъ гдѣ кожа такъ нѣжна бываетъ у лошадей.—Теперь ужъ не разстанемся! восклицалъ онъ, хлопая Малекъ-Аделя по шеѣ, подъ разчесанной гривой.

Вернувшись домой, онъ отсчиталъ и запечаталъ въ пакетъ двѣсти пятьдесятъ рублей. Потомъ помечталъ, лежа на спинѣ и покуривая трубочку о томъ, какъ онъ распорядится съ остальными деньгами — а именно, какихъ онъ раздобудетъ собакъ: настоящихъ костромскихъ и непремѣнно краснопѣгихъ! Побесѣдовалъ даже съ Перфишкой, которому обѣщалъ новый казакинъ съ желтыми по всѣмъ швамъ басонами — и легъ спать въ блаженнѣйшемъ настроеніи духа.

Ему привидѣлся нехорошій сонъ: будто онъ выѣхалъ на охоту только не на Малекъ-Аделѣ, а на какомъ-то странномъ животномъ въ родѣ верблюда; на встрѣчу ему бѣжитъ бѣлая-бѣлая какъ снѣгъ лиса.... Онъ хочетъ взмахнуть арапникомъ, хочетъ натравить на нее собакъ—а вмѣсто арапника у него въ рукахъ мочалка, и лиса бѣгаетъ передъ нимъ и дразнитъ его языкомъ. Онъ соскакиваетъ съ своего верблюда, спотыкается, падаетъ... и падаетъ прямо въ руки жандарму, который зоветъ его въ генералъ-губернатору, и въ которомъ онъ узнаетъ Яффа...

Чертапхановъ проснулся. Въ комнатѣ было темно; вторые пѣтухи только что пропѣли...

Гдѣ-то, далеко-далеко, проржала лошадь.

Чертапхановъ приподнялъ голову... Еще разъ послышалось тонкое-тонкое ржаніе.

— Это Малекъ-Адель ржетъ! подумалось ему... Это его ржаніе! Но отчего же такъ далеко? Батюшки мои... Не можетъ быть...

Чертапхановъ вдругъ весь похолодѣлъ, мгновенно сиръгнулъ съ постели, ощупью отыскалъ сапоги, платье, одѣлся—и захвативъ изъ-подъ изголовья ключъ отъ конюшни, выскочилъ на дворъ.

VII.

Конюшня находилась на самомъ концѣ двора; одной стѣной она выходила въ поле. Чертапхановъ не съ разу вложилъ ключъ въ замокъ — руки у него дрожали — и не тотчасъ повернулъ ключъ.... Онъ постоялъ неподвижно, притаивъ дыханіе: хоть бы что шевельнулось за дверью! «Малешка! Малецъ!» крикнулъ онъ въ полголоса: тишина мертвая! Чертапхановъ невольно дернулъ ключомъ: дверь скрыпнула и отворилась... Стало быть, не была заперта. Онъ шагнулъ черезъ порогъ — и снова кликнулъ своего коня — на этотъ разъ полнымъ именемъ: Малекъ-Адель! Но не отозвался вѣрный товарищъ, только мышь про-

мушала по соломѣ. Тогда Чертапхановъ бросился въ то изъ трехъ стойлъ конюшни, въ которомъ помѣщался Малекъ-Адель. Онъ попалъ прямо въ это стойло, хотя кругомъ такая стояла тьма, что хоть глазъ выколи... Пусто! Голова закружилась у Чертапханова; словно колоколъ загудѣлъ у него подъ черепомъ. Онъ хотѣлъ сказать что-то—но только засипѣлъ, и шаря руками вверху, внизу, по бокамъ, задыхаясь, съ подгибавшимися колѣнками, перебрался изъ одного стойла въ другое... въ третье, почти до верху набитое сѣномъ, толкнулся въ одну стѣну, въ другую, упалъ, перекатился черезъ голову, приподнялся и вдругъ опрометью выбѣжалъ черезъ полураскрытую дверь на дворъ...

— Украли! Перфишка! Перфишка! Украли! заревѣлъ онъ благимъ матомъ.

Казачокъ Перфишка кубаремъ, въ одной рубашкѣ, вылетѣлъ изъ чулана, въ которомъ спалъ...

Словно пьяные столкнулись оба — и баринъ, и единственный его слуга, посреди двора; словно угорѣлые, завертѣлись они другъ передъ другомъ. Ни баринъ не могъ растолковать въ чемъ было дѣло; ни слуга не могъ понять, чего требовалось отъ него. — «Бѣда! бѣда!» лепеталъ Чертапхановъ; «бѣда! бѣда!» повторялъ за нимъ казачокъ. «Фонарь! подай, зажги фонарь! Огня! Огня!» вырвалось наконецъ изъ замиравшей груди Чертапханова. Перфишка бросился въ домъ.

Но зажечь фонарь, добыть огня было не легко: сѣрныя спички въ то время считались рѣдкостью на Руси; въ кухнѣ давно погасли послѣдніе уголья—огниво и кремень не скоро нашлись и плохо дѣйствовали. Съ зубовнымъ скрежетомъ вырвалъ ихъ Чертапхановъ изъ рукъ оторопѣлаго Перфишки, сталъ высѣкать огонь самъ: искры сыпались обильно, еще обильнѣе сыпались проклятія и даже стоны—но трутъ либо не загорался, либо погасалъ, несмотря на дружныя усилія четырехъ напряженныхъ щекъ и губъ! Наконецъ, минутъ черезъ пять, не раньше, затеплился сальный огарокъ на днѣ разбитаго фонаря, и Чертапхановъ, въ сопровожденіи Перфишки, ринулся въ конюшню, поднялъ фонарь надъ головою, оглянулся...

Все пусто!

Онъ выскочилъ на дворъ, обѣжалъ его во всѣхъ направленіяхъ—нѣтъ коня нигдѣ! Плетень, окружавшій усадьбу Пантелея Еремѣича давно пришелъ въ ветхость и во многихъ мѣстахъ накрѣнился и приникалъ къ землѣ... Рядомъ съ конюшней онъ совсѣмъ повалился, на цѣлый аршинъ въ ширину. Перфишка указалъ на это мѣсто Чертапханову.

— Баринъ! посмотрите-ка сюда: этого сегодня не было. Вонъ и колья торчатъ изъ земли: знать ихъ кто вывернулъ.

Чертанхановъ подскочилъ съ фонаремъ, повелъ имъ по землѣ...

— Копыта, копыта, слѣды подковъ, слѣды, свѣжіе слѣды! заборматалъ онъ скороговоркой.—Тутъ его перевели, тутъ, тутъ!

Онъ мгновенно перепрыгнулъ черезъ плетень и съ крикомъ: «Малекъ-Адель! Малекъ-Адель!» побѣжалъ прямо въ поле.

Перфишка остался въ недоумѣніи у плетня. Свѣтлый кружокъ отъ фонаря скоро исчезъ въ его глазахъ, поглощенный густымъ мракомъ беззвѣздной и безлунной ночи.

Все слабѣй и слабѣй раздавались отчаянные возгласы Чертанханова...

VIII.

Заря уже занялась, когда онъ возвратился домой. Образа человѣческаго не было на немъ, грязь покрывала все платье, лицо приняло дикій и страшный видъ, угрюмо и тупо глядѣли глаза. Сиплымъ шопотомъ прогналъ онъ отъ себя Перфишку и заперся въ своей комнатѣ. Онъ едва держался на ногахъ отъ усталости — но онъ не легъ въ постель, а присѣлъ на стулъ у двери и схватился за голову.

— Украли!... украли!

Но какимъ образомъ умудрился воръ украсть ночью, изъ запертой конюшни, Малекъ-Аделя? Малекъ-Аделя, который и днемъ никого чужого къ себѣ не подпускалъ—украсть его безъ шума, безъ стука? И какъ растолковать, что ни одна дворняшка не пролаяла? Правда, ихъ было всего двѣ, два молодыхъ щенка, и тѣ отъ холоду и голоду въ землю зарывались — но все-таки!

«И что я стану теперь дѣлать безъ Малекъ-Аделя? думалось Чертанханову. Послѣдней радости я теперь лишился — настала пора умирать. Другую лошадь купить, благо деньги завелись? Да гдѣ такую другую лошадь найти?»

— Пантелей Еремѣичъ! Пантелей Еремѣичъ! послышался робкій возгласъ за дверью.

Чертанхановъ вскочилъ на ноги.

— Кто это? закричалъ онъ не своимъ голосомъ.

— Это я, казачокъ вашъ, Перфишка.

— Чего тебѣ? Аль нашелся, домой прибѣжалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, Пантелей Еремѣичъ; а тотъ жидовинъ, что его продалъ....

— Ну?

— Онъ пріѣхалъ.

— Го-го-го-го-го! захохоталъ Чертапхановъ — и разомъ распахнулъ дверь.—Тащи его сюда, тащи! тащи!

При видѣ внезапно появившейся, всклокоченной, одичалой фигуры своего «благодѣтеля», жидъ, стоявшій за спиною Перфишки, хотѣлъ-было дать стречка; но Чертапхановъ въ два прыжка настигъ его, и какъ тигръ вцѣпился ему въ горло.

— А! за деньгами пришелъ! за деньгами! захрипѣлъ онъ, словно не *онъ* душилъ, а *его* душили; ночью укралъ, а днемъ за деньгами пришелъ? А? А?

— Помилуйте, ва...се благо...родіе, застоналъ-было жидъ.

— Сказывай, гдѣ моя лошадь? Куда ты ее дѣлъ? Кому сбылъ? Сказывай, сказывай, сказывай же!

Жидъ уже и стонать не могъ; на посинѣвшемъ его лицѣ исчезло даже выраженіе испуга. Руки опустились и повисли; все его тѣло, яростно встряхиваемое Чертапхановымъ, качалось взадъ и впередъ, какъ тростникъ.

— Деньги я тебѣ заплачу, я тебѣ заплачу, сполна, до послѣдней копѣйки, кричалъ Чертапхановъ—а только я задушу тебя, какъ послѣдняго цыпленка, если ты сейчасъ не скажешь мнѣ...

— Да вы уже задушили его, баринъ, смиренно замѣтилъ казачокъ Перфишка.

Тутъ только опомнился Чертапхановъ.

Онъ выпустилъ шею жида; тотъ такъ и грохнулся на полъ. Чертапхановъ подхватилъ его, усадилъ на скамью, влилъ ему въ горло стаканъ водки — привелъ его въ чувство. И приведши его въ чувство, вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

Оказалось, что жидъ о кражѣ Малекъ-Аделя не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Да и съ какой стати было ему красть лошадь, которую онъ же самъ досталъ для «почтеннѣйшаго Пантелея Еремѣича?»

Тогда Чертапхановъ повелъ его въ конюшню.

Вдвоемъ они осмотрѣли стойла, ясли, замокъ на двери, перерыли сѣно, солому, перешли потомъ на дворъ; Чертапхановъ указалъ жиду слѣды копыть у плетня — и вдругъ ударилъ себя по ляшкамъ.

— Стой! воскликнулъ онъ. Ты гдѣ лошадь купилъ?

— Въ Малоархангельскомъ уѣздѣ, на Верхосенской ярмаркѣ, отвѣтилъ жидъ.

— У кого?

— У казака.

— Стой! Казакъ этотъ изъ молодыхъ былъ или старый?

— Среднихъ лѣтъ, степенный человѣкъ.

— А изъ себя каковъ? На видъ каковъ? Небось плутъ продувной?

— Должно быть, плутъ, васе благородіе.

— И что, какъ онъ тебѣ говорилъ, плутъ-то этотъ — лошадью онъ владѣлъ давно?

— Помнится, говорилъ, что давно.

— Ну такъ и некому было украсть, какъ именно ему! — Ты посуди, слушай, стань сюда... какъ тебя зовутъ?

Жидъ встрепенулся и вскинулъ своими черными глазенками на Чертапханова.

— Какъ *меня* зовутъ?

— Ну да: какъ твоя кличка?

— Мошель Лейба.

— Ну, посуди, Лейба, другъ мой — ты умный человѣкъ — кому какъ не старому хозяину дался бы Малекъ-Адель въ руки! Вѣдь онъ и осѣдлалъ его, и взнуздалъ, и попону съ него снялъ— вонъ она на сѣнѣ лежитъ!... Просто, какъ дома распоряжался! Вѣдь всякого другого, не хозяина, Малекъ-Адель подъ ноги бы смялъ! Гвалтъ поднялъ бы такой, всю деревню бы переполошилъ! Согласенъ ты со мною?

— Согласенъ-то согласенъ, васе благородіе...

— Ну и значитъ, надо прежде всего отыскать казака того!

— Да какъ зе отыскать его, васе благородіе! Я его всего только разочекъ видѣлъ—и гдѣ зе онъ теперь—и какъ его зовутъ? Ай, вай, вай! прибавилъ жидъ, горестно потрясая пейсиками.

— Лейба! закричалъ вдругъ Чертапхановъ,—Лейба, посмотри на меня! Вѣдь я разсудка лишился, я самъ не свой!... Я руки на себя наложу, если ты мнѣ не поможешь!

— Да какъ зе я могу...

— Поѣдемъ со мною — и станемъ вора того розыскивать!

— Да куда зе мы поѣдемъ?

— По ярмаркамъ, по большимъ трахтамъ, по малымъ трахтамъ, по конокрадамъ, по городамъ, по деревнямъ, по хуторамъ— всюду, всюду! А на счетъ денегъ ты не безпокойся: я, братъ, наслѣдство получилъ! Послѣднюю копѣйку просажу—а ужъ добуду своего друга! И не уйдетъ отъ насъ казакъ, нашъ лиходѣй! — Куда онъ—туда и мы! Онъ подъ землю — и мы подъ землю!— Онъ къ дьяволу — а мы къ самому сатанѣ!

— Ну зацѣмъ зе къ сатанѣ, замѣтилъ жидъ; можно и безъ него.

— Лейба! подхватилъ Чертапхановъ,—Лейба, ты хотя еврей и вѣра твоя поганая — а душа у тебя лучше иной христіанской!

Сжалься ты надо мною! Одному мнѣ ѣхать не зачѣмъ, одинъ я этого дѣла не обломаю. Я горячка—а ты голова, золотая голова! Племя ваше ужъ такое: безъ науки все постигло! Ты, можетъ, сомнѣваешься: откуда-молъ у него деньги? Пойдемъ ко мнѣ въ комнату — я тебѣ и деньги всѣ покажу. Возьми ихъ, крестъ съ шеи возьми — только отдай мнѣ Малекъ-Аделя, отдай, отдай!

Чертапхановъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ: потъ градомъ катился съ его лица — и, мѣшаясь со слезами, терялся въ его усахъ. Онъ пожималъ руки Лейбѣ, онъ умолялъ, онъ чуть не цѣловалъ его... Онъ пришелъ въ изступленіе. Жидъ попытался-было возражать, увѣрять, что ему никакъ невозможно отлучиться, что у него дѣла... куда! Чертапхановъ и слышать ничего не хотѣлъ. Нечего было дѣлать: согласился бѣдный Лейба.

На другой день Чертапхановъ вмѣстѣ съ Лейбой выѣхалъ изъ Безсонова на крестьянской телѣгѣ. Жидъ являлъ видъ нѣсколько смущенный, держался одной рукой за грядку и подпрыгивалъ всѣмъ своимъ дряблымъ тѣломъ на трясвомъ сидѣньи; другую руку онъ прижималъ къ пазухѣ, гдѣ у него лежала пачка ассигнацій, завернутыхъ въ газетную бумагу; Чертапхановъ сидѣлъ какъ истуканъ, только глазами поводилъ кругомъ и дышалъ полной грудью; за поясомъ у него торчалъ кинжалъ.

— Ну, злодѣй-разлучникъ, берегись теперь! пробормоталъ онъ, выѣзжая на большую дорогу.

Домъ свой онъ поручилъ казачку Перфишкѣ и бабѣ-стряпухѣ, глухой и старой женщинѣ, которую онъ призрѣлъ у себя изъ состраданія.

— Я къ вамъ вернусь на Малекъ-Аделѣ, крикнулъ онъ имъ на прощанье — или ужъ вовсе не вернусь!

— Ты бы хоть замужъ за меня пошла, что ли! сострилъ Перфишка, толкнувъ стряпуху локтемъ въ бокъ. Все равно — намъ барина не дождаться, а то вѣдь со скуки пропадешь!

IX.

Минулъ годъ... цѣлый годъ: никакой вѣсти о Пантелеѣ Еремѣичѣ не доходило. Стряпуха умерла; самъ Перфишка собирался уже бросить домъ да отправиться въ городъ, куда его сманивалъ двоюродный братъ, жившій подмастерьемъ у парикмахера—какъ вдругъ распространился слухъ, что баринъ возвращается! Приходскій дьяконъ получилъ отъ самого Пантелея Еремѣича письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ его о своемъ намѣреніи прибыть въ Безсоново и просилъ его предувѣдомить

прислугу — для устроенія надлежащей встрѣчи. Слова эти Перфишка понялъ такъ, что надо-молъ хоть пыль немножечко постереть—впрочемъ, большой вѣры въ справедливость извѣстія онъ не возымѣлъ; пришлось ему однако убѣдиться, что дьяконъ-то сказалъ правду—когда нѣсколько дней спустя, Пантелей Еремѣичъ самъ, собственной особой, появился на дворѣ усадьбы, верхомъ на Малекъ-Аделѣ.

Перфишка бросился къ барину — и, придерживая стремя, хотѣлъ-было помочь ему слѣзть съ коня; но тотъ соскочилъ самъ и, кинувъ вокругъ торжествующій взглядъ, громко воскликнулъ: «Я сказалъ, что отыщу Малекъ-Аделя — и отыскалъ его, на зло врагамъ и самой судьбѣ!» Перфишка подошелъ къ нему къ ручкѣ, но Чертапхановъ не обратилъ вниманія на усердіе своего слуги. Ведя за собою Малекъ-Аделя въ поводу, онъ направился большими шагами къ конюшнѣ. Перфишка попристальнѣе посмотрѣлъ на своего барина — и заробѣлъ: «Охъ, какъ онъ похудѣлъ и постарѣлъ въ теченіи года—и лицо какое стало строгое и суровое!» А, кажется, слѣдовало бы Пантелею Еремѣичу радоваться, что, вотъ-молъ, достигъ-таки своего; да онъ и радовался, точно.... и все-таки Перфишка заробѣлъ, даже жутко ему стало. Чертапхановъ поставилъ коня въ прежнее его стойло, слегка хлопнулъ его по крупу и промолвилъ: «Ну вотъ ты и дома опять! Смотри же!...» Въ тотъ же день онъ нанялъ надежнаго сторожа изъ безтягольныхъ бобылей, помѣстился снова въ своихъ комнаткахъ и зажилъ попрежнему...

Не совсѣмъ однако попрежнему... Но объ этомъ впереди.

На другой день послѣ своего возвращенія, Пантелей Еремѣичъ призвалъ къ себѣ Перфишку, и за неимѣніемъ другого собесѣдника, принялся разсказывать ему — не теряя, конечно, чувства собственнаго достоинства и басомъ — какимъ образомъ ему удалось отыскать Малекъ-Аделя. Въ теченіи разсказа Чертапхановъ сидѣлъ лицомъ къ окну и курилъ трубку изъ длиннаго чубука; а Перфишка стоялъ на порогѣ двери, заложивъ руки за спину — и, почтительно взирая на затылокъ своего господина, слушалъ повѣсть о томъ, какъ послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ и разъѣздовъ, Пантелей Еремѣичъ наконецъ попалъ въ Ромны на ярмарку, уже одинъ, безъ жида Лейбы, который, по слабости характера, не вытерпѣлъ и бѣжалъ отъ него; какъ, на пятый день, уже собираясь уѣхать, онъ въ послѣдній разъ пошелъ по рядамъ телѣгъ и вдругъ увидалъ, между тремя другими лошадьми, привязаннаго къ хребтуку — увидалъ Малекъ-Аделя! какъ онъ тотчасъ его узналъ—и какъ Малекъ-Адель его узналъ,

сталъ ржать и рваться и копытомъ рыть землю.—И не у казак онъ былъ, продолжалъ Чертапхановъ, все не поворачивая голов и тѣмъ же басовымъ голосомъ, — а у цыгана-барышника; я, ра зумѣется, тотчасъ вклепался въ свою лошадь и пожелалъ на сильно ее возвратить; но бестія цыганъ заоралъ какъ ошпарен ный на всю площадь, сталъ божиться, что купилъ лошадь у дру гого цыгана—и свидѣтелей хотѣлъ представить... Я плюнулъ— заплатилъ ему деньгами: чортъ съ нимъ совсѣмъ! Мнѣ глав ное то́ дорого, что друга я своего отыскалъ и покой душев ный получилъ. А то вотъ я, въ Карачевскомъ уѣздѣ, по слу вамъ жида Лейбы, вклепался-было въ казака — за моего вор его принялъ, всю рожу ему избилъ; а казакъ-то оказался по повичемъ — и безчестія съ меня содралъ—сто двадцать рублев Ну, деньги дѣло наживное, а главное: Малекъ-Адель опять меня! Я теперь счастливъ—и буду наслаждаться спокойствіемъ А для тебя, Порфирій, одна инструкція: какъ только ты, чер Боже оборони, завидишь въ окрестностяхъ казака, такъ сію ж секунду, ни слова не говоря, бѣги и неси мнѣ ружье, а я уж буду знать, какъ мнѣ поступить!

Такъ говорилъ Пантелей Еремѣичъ Перфишкѣ; такъ выра жались его уста; но на сердцѣ у него не было такъ спокойно какъ онъ увѣрялъ.

Увы! въ глубинѣ души своей онъ не совсѣмъ былъ увѣрен что приведенный имъ конь былъ дѣйствительно Малекъ-Адель!

X.

Настало трудное время для Пантелея Еремѣича. Именно спокойствіемъ-то онъ наслаждался меньше всего. Правда, выпа дали хорошіе дни: возникшее въ немъ сомнѣніе казалось ем чепухой; онъ оттонялъ нелѣпую мысль какъ назойливую мух и даже смѣялся надъ самимъ собою; но выпадали также дн дурные: неотступная мысль снова принималась изподтишка то чить и скрести его сердце, какъ подпольная мышь — и он мучился ѣдко и тайно. Въ теченіи памятнаго дня, когда он отыскалъ Малекъ-Аделя — Чертапхановъ чувствовалъ одну лиш блаженную радость... но на другое утро, когда онъ подъ низ кимъ навѣсомъ постоялаго дворика сталъ сѣдлать свою находку близъ которой провелъ всю ночь — что-то въ первый разъ ег кольнуло... Онъ только головой мотнулъ — однако сѣмя был заброшено. Въ теченіи обратнаго путешествія домой (оно про-должалось съ недѣлю) сомнѣнія въ немъ возбуждались рѣдко

онѣ стали сильнѣй и явственнѣй, какъ только онъ вернулся въ свое Безсоново, какъ только очутился въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ прежній, несомнѣнный Малекъ-Адель... Дорогой онъ ѣхалъ больше шагомъ, въ раскачку, глядѣлъ по сторонамъ, покуривалъ табакъ изъ коротенькаго чубучка и ни о чемъ не размышлялъ, развѣ возьметъ да подумаетъ про себя: «Чертапхановы чего захотятъ — ужъ добьются! шалишь!» и ухмыльнется; ну, а съ прибытіемъ домой пошла статья другая. Все это онъ берегъ, конечно, про себя; одно ужъ самолюбіе не позволило бы ему выказать свою внутреннюю тревогу. Онъ бы «перервалъ пополамъ» всякаго, кто бы хоть отдаленно намекнулъ на то, что новый Малекъ-Адель, кажись, не старый; онъ принималъ поздравленія съ «благополучной находкой» отъ немногихъ лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться; но онъ не искалъ этихъ поздравленій, онъ пуще прежняго избѣгалъ столкновеній съ людьми — знакъ плохой! Онъ почти постоянно, если можно такъ выразиться, экзаменовалъ Малекъ-Аделя; уѣзжалъ на немъ куда-нибудь подальше въ поле и ставилъ его на пробу; или уходилъ украдкой въ конюшню, запиралъ за собою дверь и, ставши передъ самой головой коня, заглядывалъ ему въ глаза, спрашивалъ шопотомъ: «Ты ли это? Ты ли? Ты ли?...» а не то, молча его разсматривалъ, да такъ пристально, по цѣлымъ часамъ, то радуясь и бормоча: «Да! онъ! конечно онъ!» — то недоумѣвая и даже смущаясь.

И не столько смущали Чертапханова физическія несходства *этого* Малекъ-Аделя съ *тѣмъ*... впрочемъ, ихъ насчитывалось немного: у *того* хвостъ и грива словно были пожиже, и уши острѣй, и бабки короче, и глаза свѣтлѣй—но это могло только такъ казаться; а смущали Чертапханова несходства, такъ сказать, нравственныя. Привычки у *того* были другія, вся повадка была не та. Напримѣръ: *тотъ* Малекъ-Адель всякій разъ оглядывался и легонько ржалъ, какъ только Чертапхановъ входилъ въ конюшню; а *этотъ* жевалъ себѣ сѣно, какъ ни въ чемъ не бывало—или дремалъ, понуривъ голову. Оба не двигались съ мѣста, когда хозяинъ соскакивалъ съ сѣдла; но *тотъ*, когда его звали, тотчасъ шелъ на голосъ—а *этотъ* продолжалъ стоять, какъ пень. *Тотъ* скакалъ также быстро, но прыгалъ выше и дальше; *этотъ* шагомъ шелъ вольнѣе, а рысью трясче — и «хлябалъ» иногда подковами — то-есть, стучалъ задней о переднюю: за тѣмъ никогда такого сраму не водилось—сохрани Богъ! *Этотъ*, думалось Чертапханову, все ушами прядетъ, глупо такъ—а *тотъ* напротивъ: заложилъ одно ухо назадъ—да такъ и держитъ—хозяина наблюдаетъ!

Тотъ, бывало, какъ увидитъ, что около него нечисто—сейчасъ зад ней ногой стукъ въ стѣнку стойла; а *этому* ничего — хоть по самое брюхо навали ему навозу. *Тотъ*, если, напримѣръ: про тивъ вѣтра его поставить — сейчасъ всѣми легкими вздохнетъ и встряхнется; а *этотъ* знай пофыркиваетъ; *того* сырость дож девая безпокоила — *этому* она ни почемъ... Грубѣе этотъ грубѣе! И пріятности нѣтъ какъ у того, и тугъ на поводу — что́ и говорить! Та была лошадь милая — а эта...

Вотъ что думалось иногда Чертапханову и горечью отзыва лись въ немъ эти думы. За то, въ другое время пуститъ онъ своего коня во всю прыть по только-что вспаханному полю или заставитъ его соскочить на самое дно размытаго оврага и по самой кручѣ выскочить опять, и замираетъ въ немъ сердце отъ восторга, громкое чиханіе вырывается изъ устъ, и знаетъ онъ, знаетъ навѣрное, что это подъ нимъ настоящій, несомнѣнный Малекъ-Адель, ибо какая другая лошадь въ состояніи сдѣлать то, что́ дѣлаетъ эта?

Однако и тутъ не обходилось безъ грѣха и бѣды. Продол жительные поиски за Малекъ-Аделемъ стоили Чертапханову много денегъ; о костромскихъ собакахъ онъ уже не помышлялъ и разъѣзжалъ по окрестностямъ въ одиночку, попрежнему. Вотъ въ одно утро, Чертапхановъ верстахъ въ пяти отъ Безсонова наткнулся на ту самую княжескую охоту, передъ которой онъ такъ молодецки гарцовалъ года полтора тому назадъ. И надо-жъ было случиться такому обстоятельству: какъ и въ тотъ день, такъ и теперь — русакъ возьми да вскочи передъ собаками изъ-подъ межи на косогорѣ!—Ату его, ату! Вся охота такъ и понеслась, и Чертапхановъ понесся тоже — только не вмѣстѣ съ нею, а шаговъ отъ нея на двѣсти въ сторону — точно также какъ и тогда. Громадная водомоина криво прорѣзала косогоръ, и поднимаясь все выше и выше, постепенно съуживаясь, пересѣкала путь Чертапханову. Тамъ, гдѣ ему приходилось пе рескочить ее — и гдѣ онъ полтора года тому назадъ дѣйстви тельно перескочилъ ее — въ ней все еще было шаговъ восемь ширины да сажени двѣ глубины. Въ предчувствіи торжества, столь чуднымъ образомъ повтореннаго торжества, — Чертапха новъ загоготалъ побѣдоносно, потрясъ нагайкой — охотники сами скакали, а сами не спускали глазъ съ лихого наѣздника — конь его летѣлъ стрѣлою — вотъ уже водомоина передъ са мымъ носомъ — ну, ну, разомъ, какъ тогда!...

Но Малекъ-Адель круто уперся, вильнулъ налѣво и по-

скакалъ *вдоль* обрыва, какъ ни дергалъ ему Чертапхановъ голову на бокъ, къ водомоинѣ...

Струсилъ, значитъ, не понадѣялся на себя!

Тэгда Чертапхановъ, весь пылая стыдомъ и гнѣвомъ, чуть не плача, опустилъ поводья и погналъ коня прямо впередъ, въ гору, прочь, прочь отъ тѣхъ охотниковъ, чтобы только не слышать, какъ они издѣваются надъ нимъ, чтобы только исчезнуть поскорѣе съ ихъ проклятыхъ глазъ!

Съ изсѣченными боками, весь облитый мыльной пѣной, прискакалъ домой Малекъ-Адель, и Чертапхановъ тотчасъ заперся у себя въ комнатѣ.

— Нѣтъ, это не онъ, это не другъ мой! Тотъ бы шею сломилъ — а меня бы не выдалъ!

XI.

Окончательно «доѣхалъ», какъ говорится, Чертапханова слѣдующій случай. Верхомъ на Малекъ-Аделѣ пробирался онъ однажды по задворкамъ поповской слободки, окружавшей церковь, въ приходѣ которой состояло сельцо Безсоново. Нахлобучивъ на глаза папаху, сгорбившись и уронивъ на луку сѣдла обѣ руки, онъ медленно подвигался впередъ; на душѣ у него было нерадостно и смутно. Вдругъ его кто-то окликнулъ.

Онъ остановилъ коня, поднялъ голову и увидалъ своего корреспондента, дьякона. Съ бурымъ треухомъ на бурыхъ, въ косичку заплетенныхъ волосахъ, облеченный въ желтоватый нанковый кафтанъ, подпоясанный гораздо ниже тальи голубенькимъ обрывочкомъ, служитель алтаря вышелъ свое «одо́ньишко» провѣдать — и улицезрѣвъ Пантелея Еремѣича, почелъ долгомъ выразить ему свое почтеніе — да кстати хоть что-нибудь у него выпросить. Безъ такого рода задней мысли, какъ извѣстно, духовныя лица со свѣтскими не заговариваютъ.

Но Чертапханову было не до дьякона; онъ едва отвѣчалъ на его поклонъ, и, промычавъ что-то сквозь зубы, уже взмахнулъ нагайкой...

— А какой у васъ конь богатѣйшій! поспѣшилъ прибавить дьяконъ: вотъ ужъ точно можно чести приписать. Истинно: вы мужъ ума чуднаго; просто: аки левъ! Отецъ дьяконъ славился краснорѣчіемъ — чѣмъ сильно досаждалъ отцу попу, которому даръ слова присущъ не былъ: даже водка не развязывала ему языкъ. Одного живота, по навѣту злыхъ людей, лишились,—продолжалъ дьяконъ,—и нимало не унывая, а напротивъ болѣе на-

дѣясь на божественный Промыслъ, пріобрѣли себѣ другого, нисколько не худшаго, а почитай даже что и лучшаго... потому...

— Что ты врешь? сумрачно перебилъ Чертапхановъ; какой такой другой конь? Это тотъ же самый; это Малекъ-Адель... Я его отыскалъ. Болтаетъ, зря...

— Э! э! э! э! промолвилъ съ разстановкой, какъ бы съ оттяжкой, дьяконъ, играя перстами въ бородѣ и озирая Чертапханова своими свѣтлыми, жадными глазами. Какъ же такъ, господинъ? Коня-то вашего, дай Богъ памяти, въ минувшемъ году недѣльки двѣ послѣ Покрова украли, а теперь у насъ ноябрь на исходѣ.

— Ну да, что же изъ этого?

Дьяконъ все продолжалъ играть перстами въ бородѣ.—Значитъ, слишкомъ годъ съ тѣхъ поръ протёкъ, а конь вашъ, какъ тогда былъ сѣрый въ яблокахъ, такъ и теперь; даже словно темнѣе сталъ. Какъ же такъ? Сѣрыя-то лошади въ одинъ годъ много бѣлѣютъ.

Чертапхановъ дрогнулъ.... словно кто рогатиной толкнулъ его противъ сердца. И въ самомъ дѣлѣ: сѣрая масть-то вѣдь мѣняется! Какъ ему такая простая мысль до сихъ поръ въ голову не пришла?

— Пучёкъ анаѳемскій! отвяжись! гаркнулъ онъ вдругъ, бѣшено сверкнувъ глазами—и мгновенно скрылся изъ виду у изумленнаго дьякона.

Ну! все кончено!

Вотъ когда дѣйствительно все кончено, все лопнуло, послѣдняя карта убита! Все разомъ рухнуло отъ одного этого слова: «бѣлѣютъ»!

Сѣрыя лошади бѣлѣютъ!

Скачи, скачи, проклятый! Не ускачешь отъ этого слова!

Чертапхановъ примчался домой и опять заперся на ключъ.

XII.

Что это дрянная кляча не Малекъ-Адель, что между ею и Малекъ-Аделемъ не существовало ни малѣйшаго сходства, что всякій, мало-мальски путный человѣкъ долженъ былъ съ перваго разу это увидѣть, что онъ, Пантелей Чертапхановъ, самымъ пошлымъ образомъ обманулся—нѣтъ! что онъ нарочно, преднамѣренно надулъ самого себя, напустилъ на себя этотъ туманъ—во всемъ этомъ теперь уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣ-

нія! Чертапхановъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, одинаковымъ образомъ поворачиваясь на пяткахъ у каждой стѣны, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Самолюбіе его страдало невыносимо; но не одна боль уязвленнаго самолюбія терзала его: отчаяніе овладѣло имъ, злоба душила его, жажда мести въ немъ загоралась. Но противъ кого? Кому отомстить? Жиду, Яффу, Машѣ, дьякону, вору-казаку, всѣмъ сосѣдямъ, всему свѣту, самому себѣ наконецъ? Умъ въ немъ мѣшался. Послѣдняя карта убита! (Это сравненіе ему нравилось). И онъ опять ничтожнѣйшій, презрѣннѣйшій изъ людей, общее посмѣшище, шутъ гороховый, зарѣзанный дуракъ, предметъ насмѣшки—для дьякона!!.. Онъ воображалъ, онъ ясно представлялъ себѣ, какъ этотъ мерзкій пучёкъ станетъ разсказывать про сѣрую лошадь, про глупаго барина... О проклятіе!!.. Напрасно Чертапхановъ старался унять расходившуюся желчь; напрасно онъ пытался увѣрить себя, что эта... лошадь хотя и не Малекъ-Адель, однако все же... добра, и можетъ много лѣтъ прослужить ему: онъ тутъ же съ яростью отталкивалъ отъ себя прочь эту мысль, точно въ ней заключалось новое оскорбленіе для *того* Малекъ-Аделя, передъ которымъ онъ ужъ и безъ того считалъ себя виноватымъ... Еще бы! Тотъ одёръ, ту клячу онъ, какъ слѣпой, какъ олухъ, прировнялъ ему, Малекъ-Аделю! А что на счетъ службы, которую та кляча могла еще сослужить ему... да развѣ онъ когда-нибудь удостоитъ сѣсть на нее верхомъ? Ни за что! Никогда!!.. Татарину ее отдать, собакамъ на снѣдь—другого она не стóитъ... Да! Этакъ лучше всего!

Часа два слишкомъ бродилъ Чертапхановъ по своей комнатѣ.

— Перфишка! скомандовалъ онъ вдругъ. Сію минуту ступай въ кабакъ; полведра водки притащи! Слышишь? Полведра, да живо! Чтобы водка сію секунду тутъ у меня на столѣ стояла.

Водка не замедлила появиться на столѣ Пантелея Еремѣича, и онъ началъ пить.

XIII.

Кто бы тогда подсмотрѣлъ Чертапханова, кто бы могъ быть свидѣтелемъ того угрюмаго озлобленія, съ которымъ онъ осушалъ стаканъ за стаканомъ — тотъ навѣрное почувствовалъ бы невольный страхъ. Ночь наступила; сальная свѣчка тускло горѣла на столѣ. Чертапхановъ пересталъ скитаться изъ угла въ уголъ; онъ сидѣлъ, весь красный, съ помутившимися глазами, которые онъ тó опускалъ на полъ, тó упорно устремлялъ въ темное окно; вставалъ, наливалъ себѣ водки, выпивалъ ее, опять

садился, опять уставлялъ глаза въ одну точку и не шевелился—только дыханіе его учащалось, и лицо все болѣе краснѣло. Казалось, въ немъ созрѣвало какое-то рѣшеніе, которое его самого смущало, но къ которому онъ постепенно привыкалъ; одна и та же мысль неотступно и безостановочно надвигалась все ближе и ближе, одинъ и тотъ же образъ рисовался все яснѣе и яснѣе впереди, а въ сердцѣ, подъ раскаляющимъ напоромъ тяжелаго хмѣля, раздраженіе злобы уже смѣнялось чувствомъ звѣрства, и зловѣщая усмѣшка появлялась на губахъ...

— Ну, однако пора! промолвилъ онъ какимъ-то дѣловымъ, почти скучливымъ тономъ—будетъ прохлаждаться-то!

Онъ выпилъ послѣдній стаканъ водки, досталъ надъ кроватью пистолетъ — тотъ самый пистолетъ, изъ котораго выстрѣлилъ въ Машу, зарядилъ его, положилъ на «всякій случай» нѣсколько пистоновъ въ карманъ—и отправился на конюшню.

Сторожъ побѣжалъ-было къ нему, когда онъ сталъ отворять дверь, но онъ крикнулъ на него: «Это я! Аль не видишь? Отправляйся!» Сторожъ отступилъ немного въ сторону. «Спать отправляйся!» опять крикнулъ на него Чертапхановъ; «нечего тебѣ тутъ стеречь! Экую невидаль, сокровище какое!» Онъ вошелъ въ конюшню. Малекъ-Адель... ложный Малекъ-Адель лежалъ на постилкѣ. Чертапхановъ толкнулъ его ногою, примолвивъ: «Вставай, ворона!» Потомъ отвязалъ недоуздокъ отъ яслей, снялъ и сбросилъ на землю попону—и, грубо повернувъ въ стойлѣ послушную лошадь, вывелъ ее вонъ на дворъ, а со двора въ поле, къ крайнему изумленію сторожа, который никакъ не могъ понять, куда это баринъ отправляется ночью, съ невзнузданною лошадью въ поводу? Спросить его—онъ, разумѣется, побоялся, а только проводилъ его глазами, пока онъ не исчезъ на поворотѣ дороги, ведущей къ сосѣднему лѣсу.

XIV.

Чертапхановъ шелъ большими шагами, не останавливаясь и не оглядываясь; Малекъ-Адель—будемъ называть его этимъ именемъ до конца — покорно выступалъ за нимъ слѣдомъ. Ночь была довольно свѣтлая; Чертапхановъ могъ различить зубчатый очеркъ лѣса, чернѣвшаго впереди сплошнымъ пятномъ. Охваченный ночнымъ холодомъ, онъ бы навѣрное захмѣлѣлъ отъ выпитой имъ водки, если бы... если бы не другой, болѣе сильный хмѣль, который обуялъ его всего. Голова его отяжелѣла, кровь

раскатисто стучала въ горло и въ уши, но онъ шелъ твердо и зналъ, куда шелъ.

Онъ рѣшился убить Малекъ-Аделя; цѣлый день онъ только объ этомъ думалъ... Теперь онъ рѣшился!

Онъ шелъ на это дѣло не то́, чтобы спокойно, а самоувѣренно, безповоротно, какъ идетъ человѣкъ, повинующійся чувству долга. Ему эта «штука» казалась очень «простою»: уничтоживъ самозванца, онъ разомъ поквитается со «всѣмъ», и самого себя казнитъ за свою глупость, и передъ настоящимъ своимъ другомъ оправдается, и цѣлому свѣту докажетъ (Чертанхановъ очень заботился о «цѣломъ свѣтѣ»), что съ нимъ шутить нельзя... а главное: самого себя онъ уничтожитъ вмѣстѣ съ самозванцемъ, ибо, на что́ ему еще жить? Какъ это все укладывалось въ его головѣ, и почему это казалось ему такъ просто—объяснить не легко, хотя и не совсѣмъ невозможно: обиженный, одинокій, безъ близкой души человѣческой, безъ гроша мѣднаго, да еще съ кровью, зажженной виномъ, онъ находился въ состояніи близкомъ къ помѣшательству, а нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ самыхъ нелѣпыхъ выходкахъ людей помѣшанныхъ есть, на ихъ глаза, своего рода логика и даже право. Въ правѣ своемъ Чертанхановъ былъ во всякомъ случаѣ вполнѣ увѣренъ; онъ не колебался, онъ спѣшилъ исполнить приговоръ надъ виновнымъ, не отдавая себѣ впрочемъ яснаго отчета: кого онъ собственно обзывалъ этимъ именемъ?... Правду говоря, онъ размышлялъ мало о томъ, что́ собирался сдѣлать. «Надо, надо кончить», вотъ что онъ твердилъ самому себѣ, тупо и строго; «кончить надо»!

А безвинный виновный трусилъ покорной рысцой за его спиною... Но въ сердцѣ Чертанханова не было жалости.

XV.

Недалеко отъ опушки лѣса, куда онъ привелъ свою лошадь, тянулся небольшой оврагъ, до половины заросшій дубовымъ кустарникомъ. Чертанхановъ спустился туда... Малекъ-Адель споткнулся и чуть не упалъ на него.

— Аль задавить меня хочешь, проклятый! вскрикнулъ Чертанхановъ—и, словно защищаясь, выхватилъ пистолетъ изъ кармана. Уже не ожесточеніе испытывалъ онъ, а ту особенную одеревенѣлость чувства, которая, говорятъ, овладѣваетъ человѣкомъ передъ совершеніемъ преступленія. Но собственный голосъ испугалъ его—такъ дико прозвучалъ онъ подъ навѣсомъ тёмныхъ вѣтвей, въ гнилой и спёртой сырости лѣсного оврага! Къ

тому же, въ отвѣтъ на его восклицаніе, какая-то большая птица внезапно затрепыхалась въ верхушкѣ дерева надъ его головою... Чертапхановъ дрогнулъ. Точно онъ разбудилъ свидѣтеля своему дѣлу—и гдѣ же? въ этомъ глухомъ мѣстѣ, гдѣ онъ не долженъ былъ встрѣтить ни одного живого существа...

— Ступай, чортъ, на всѣ четыре стороны! проговорилъ онъ сквозь зубы — и выпустивъ поводъ Малекъ-Аделя, съ размаху ударилъ его по плечу прикладомъ пистолета. Малекъ-Адель немедленно повернулся назадъ, выкарабкался вонъ изъ оврага... и побѣжалъ. Но недолго слышался стукъ его копытъ. Поднявшійся вѣтеръ мѣшалъ и застилалъ всѣ звуки.

Въ свою очередь Чертапхановъ медленно выбрался изъ оврага, достигъ опушки и поплёлся по дорогѣ домой. Онъ былъ недоволенъ собою; тяжесть, которую онъ чувствовалъ въ головѣ, въ сердцѣ, распространилась по всѣмъ членамъ; онъ шелъ сердитый, тёмный, неудовлетворенный, голодный, словно кто обидѣлъ его, отнялъ у него добычу, пищу...

Самоубійцѣ, которому помѣшали исполнить его намѣреніе, знакомы подобныя ощущенія.

Вдругъ что-то толкнуло его сзади, между плечъ. Онъ оглянулся... Малекъ-Адель стоялъ посреди дороги. Онъ пришелъ слѣдомъ за своимъ хозяиномъ, онъ тронулъ его мордой... доложилъ о себѣ...

— А! закричалъ Чертапхановъ,—ты самъ, самъ за смертью пришелъ! Такъ на-же!

Въ мгновенье ока онъ выхватилъ пистолетъ, взвёлъ курокъ, приставилъ дуло ко лбу Малекъ-Аделя, выстрѣлилъ...

Бѣдная лошадь шарахнулась въ сторону, взвилась на дыбы, отскочила шаговъ на десять и вдругъ грузно рухнула и захрипѣла, судорожно валяясь по землѣ...

Чертапхановъ зажалъ себѣ уши обѣими руками и побѣжалъ. Колѣна подгибались подъ нимъ. И хмѣль, и злоба и тупая самоувѣренность—всё вылетѣло разомъ. Осталось одно чувство стыда и безобразія — да сознаніе, сознаніе несомнѣнное, что на этотъ разъ онъ и съ собой покончилъ.

XVI.

Недѣль шесть спустя казачокъ Перфишка почёлъ долгомъ остановить проѣзжавшаго мимо Безсоновской усадьбы станового пристава.

— Чего тебѣ? спросилъ блюститель порядка.

— Пожалуйте, ваше благородіе, къ намъ въ домъ, отвѣтилъ казачокъ съ низкимъ поклономъ; Пантелей Еремѣичъ, кажись, умирать собираются; такъ вотъ я и боюсь.

— Какъ? умирать? переспросилъ становой.

— Точно такъ-съ. Сперва они кажинный день водку кушали, а теперь вотъ въ постель слегли и ужъ оченно они худы стали. Я такъ полагаю, они теперь и понимать-то ничего не понимаютъ. Безъ языка совсѣмъ.

Становой слѣзъ съ телѣги. — Что же ты, за священникомъ, по крайней мѣрѣ, сходилъ? Исповѣдался твой баринъ? Причастился?

— Никакъ нѣтъ-съ.

Становой нахмурился.—Какъ же ты это такъ, братецъ? Развѣ этакъ можно—а? Или ты не знаешь, что за это... отвѣтственность бываетъ большая — а?

— Да я ихъ и третьёго дня и вчерась спрашивалъ, подхватилъ оробѣвшій казачокъ—не прикажете-ли, говорю, Пантелей Еремѣичъ за священникомъ сбѣгать? — Молчи, говоритъ, дуракъ. Не въ свое дѣло не суйся. А сегодня, какъ я сталъ докладывать— только посмотрѣли на меня — да усомъ повели.

— И много онъ пилъ водки? спросилъ становой.

— Дюже много!—Да вы ужъ сдѣлайте милость, ваше благородіе, пожалуйте къ нимъ въ комнату.

— Ну, веди! — проворчалъ становой, и послѣдовалъ за Перфишкой.

Удивительное зрѣлище его ожидало.

Въ задней комнатѣ дома, сырой и тёмной, на убогой кровати, покрытой конскою попоной, съ лохматой буркой вмѣсто подушки, лежалъ Чертапхановъ, уже не блѣдный, а изжелта-зелёный, какъ бываютъ мертвецы, со ввалившимися глазами подъ глянцовитыми вѣками, съ заостреннымъ, но все ещё краснова-тымъ носомъ надъ взъерошенными усами. Лежалъ онъ одѣтый въ неизмѣнный свой архалукъ съ патронами на груди и въ черкесскіе синіе шаровары. Папаха съ малиновымъ верхомъ закрывала ему лобъ до самыхъ бровей. Въ одной рукѣ Чертапхановъ держалъ охотничью нагайку — въ другой шитый кисетъ, послѣдній подарокъ Маши. На столѣ возлѣ кровати стоялъ пустой штофъ; а въ головахъ, пришпиленные булавками къ стѣнѣ, виднѣлись два акварельныхъ рисунка: на одномъ, сколько можно было понять, былъ представленъ толстый человѣкъ съ гитарой въ рукахъ — вѣроятно Недопюскинъ; другой изображалъ скачущаго всадника... Лошадь походила на тѣхъ сказочныхъ животныхъ, которыхъ рисуютъ дѣти на стѣнахъ и заборахъ; но ста-

рательно оттушеванные яблоки ея масти и патроны на груди всадника, острые носки его сапоговъ и громадные усы не оставляли мѣста сомнѣнію: этотъ рисунокъ долженствовалъ изобразить Пантелея Еремѣича верхомъ на Малекъ-Аделѣ.

Изумленный становой не зналъ, что́ предпринять. Мертвая тишина царствовала въ комнатѣ. «Да ужъ онъ скончался», подумалъ онъ, и, возвысивъ голосъ, промолвилъ:—Пантелей Еремѣичъ! А Пантелей Еремѣичъ!

Тогда произошло нѣчто необыкновенное. Глаза Чертапханова медленно раскрылись, потухшіе зрачки двинулись сперва справа налѣво, потомъ слѣва направо, остановились на посѣтителѣ, увидали его... Что-то замерцало въ ихъ тусклой бѣлизнѣ, подобіе взора въ нихъ проявилось; — посинѣвшія губы постепенно расклеились и послышался сиплый, ужъ точно гробовой голосъ:

— Столбовой дворянинъ Пантелей Чертапхановъ умираетъ; кто можетъ ему препятствовать? — Онъ никому не долженъ, ничего не требуетъ... Оставьте его, люди! Идите!

Рука съ нагайкой попыталась приподняться... Напрасно! Губы опять склеились, глаза закрылись—и попрежнему лежалъ Чертапхановъ на своей жосткой кровати, вытянувшись какъ пластъ и сдвинувъ подошвы.

— Дай знать, когда скончается, шепнулъ, выходя изъ комнаты, становой Перфишкѣ;—а за попомъ, я полагаю, сходить и теперь можно. Надо-жъ порядокъ соблюсти, особоровать его.

Перфишка въ тотъ же день сходилъ за попомъ; а на слѣдующее утро ему пришлось дать знать становому: Пантелей Еремѣичъ скончался въ ту же ночь.

Когда его хоронили, гробъ его провожали два человѣка: казачокъ Перфишка да Мошель Лейба. Вѣсть о кончинѣ Чертапханова какимъ-то образомъ дошла до жида — и онъ не преминулъ отдать послѣдній долгъ своему благодѣтелю.

Сентябрь, 1872.

Ив. Тургеневъ.

ХАРАКТЕРИСТИКИ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ

ОТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ДО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Историческіе очерки.

V *).

Славянофильство.

Въ то самое время, когда Чаадаевъ пришелъ къ крайнему скептицизму своихъ «Писемъ», въ литературѣ подготовлялась новая точка зрѣнія, которая отличалась столько же крайнимъ, самоувѣреннымъ увлеченіемъ въ совершенно противоположную сторону. Это было славянофильство.

До сихъ поръ еще не пришло время для полной оцѣнки этого направленія: оно понынѣ продолжаетъ свою роль въ литературѣ и вѣроятно полагаетъ, что еще не высказалось окончательно; его первые дѣятели отчасти дѣйствуютъ до сихъ поръ; другіе, которые сошли со сцены, еще не имѣютъ настоящихъ біографій; собранія ихъ сочиненій только начаты. По нашей задачѣ, мы ограничимся только тою частью ихъ дѣятельности, которая принадлежитъ выбранному нами періоду. Понятно, что эта часть не была наиболѣе характеристична. Славянофилы, какъ и остальная литература, не могли въ то время высказывать своихъ

*) См. выше, 1871: май 233; сент. 301; дек. 455; 1872: май 145 стр.

мнѣній достаточно полно (какъ это больше удалось имъ впослѣдствіи); но и тогда они успѣли выставить нѣкоторыя изъ главныхъ своихъ положеній, и рѣзко выдѣлились въ тогдашней литературѣ, какъ особая школа. Намъ приходится въ этихъ началахъ ихъ дѣятельности наблюдать задатки дальнѣйшаго, болѣе обширнаго развитія ихъ мнѣній; изъ ихъ позднѣйшей дѣятельности мы заимствуемъ только немногія необходимыя указанія.

Въ послѣдніе годы, — по причинамъ, о которыхъ мы упомянемъ дальше, — число приверженцевъ славянофильства стало больше, чѣмъ было прежде; составилась даже новая, особаго рода школа, въ славянофильскомъ духѣ. Эти новые послѣдователи, хотя иногда значительно отступаютъ отъ первоначальной школы, вообще однако придаютъ великое значеніе начинателямъ славянофильства, считаютъ, что ихъ ученіе, все болѣе будто бы овладѣвающее умами, стало цѣлымъ умственнымъ переворотомъ, вслѣдствіе котораго русская мысль и общественное мнѣніе получаютъ наконецъ самобытность и народность. Славянофильство изображается какъ новый періодъ, уничтожающій то подчиненіе Европѣ, которымъ такъ долго страдала наша образованность.

Извѣстно, что это была мечта и самихъ славянофиловъ. При началѣ ихъ дѣятельности, имъ казалось, что они именно и призваны свергнуть европейское иго и выставить знамя русской самостоятельной мысли, найти истинно народныя основы нашего общественнаго и умственнаго бытія и дать имъ силу. Новѣйшіе послѣдователи думаютъ, что они дѣйствительно это сдѣлали, что основы найдены, и что не признаютъ ихъ и спорятъ противъ нихъ только люди, лишенные пониманія, упорствующіе въ заблужденіи, или даже дурные патріоты. Славянофилы относятся къ этимъ людямъ обыкновенно съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ, мелкіе ихъ приверженцы — съ озлобленіемъ, впрочемъ довольно безвреднымъ [1]).

Славянофильство имѣло конечно свои заслуги въ нашей литературѣ и общественныхъ понятіяхъ. Но эти заслуги были не такъ универсальны, и въ нихъ надо сдѣлать немалыя исключенія противъ ихъ собственныхъ притязаній. Мы попробуемъ опредѣлить мѣру этихъ заслугъ и мѣру недостатковъ славянофильства за описываемый нами періодъ, впрочемъ только въ общихъ чертахъ, не входя въ подробности его исторіи.

Школа, извѣстная впослѣдствіи подъ этимъ именемъ, образовалась около второй половины тридцатыхъ годовъ. Ея старѣй-

[1]) „Заря“ и т. п.

шими представителями были братья Кирѣевскіе (Иванъ Вас., 1806 — 1856, и Петръ Вас. 1808 — 1856), Хомяковъ (1804 — 1860); къ нимъ тѣсно примыкали болѣе молодые: Дмитрій Валуевъ, умершій въ 1845 г., Константинъ (1817—1860) и Иванъ Аксаковы, Ю. Ѳ. Самаринъ; далѣе, гг. Кошелевъ, Елагинъ, Новиковъ, Чижовъ, и др. Этими именами школа держалась въ сущности до послѣдняго времени.

Казалось бы, что столь замѣчательное явленіе въ исторіи нашей образованности, какимъ считаютъ славянофильство, должно имѣть свои антецеденты въ предшествующемъ ходѣ русской общественной мысли, но до сихъ поръ генеалогія славянофильскаго ученія не была хорошенько опредѣлена, ни его послѣдователями, ни противниками. Если видѣть его сущность въ приверженности къ началамъ древней Руси, во враждѣ къ Петровской реформѣ, то очень длинный рядъ предшественниковъ его можно найти въ теченіе всего XVIII-го вѣка, между людьми, у которыхъ сохранялась или непосредственная память, или преданья о временахъ до-Петровскихъ, — этотъ рядъ можно было бы начать пожалуй отъ царевны Софьи и стрѣльцовъ, и далѣе считать въ немъ царевича Алексѣя, русскую партію при Аннѣ и Елизаветѣ; людей стараго вѣка при Екатеринѣ, какъ князь Щербатовъ; далѣе, Шишкова и «Бесѣду». Какъ ни странны были бы многія изъ этихъ аналогій, онѣ не были бы лишены извѣстнаго основанія,— потому что вражда къ преобразованіямъ Петра и къ «петербургскому періоду» не одинъ разъ высказывалась славянофилами съ крайней нетерпимостью, и старина восхвалялась съ самымъ рѣшительнымъ предпочтеніемъ. Прибавимъ, что теологическая сторона славянофильскихъ понятій сближаетъ эту школу еще больше съ идеалами старыхъ защитниковъ до-Петровской Россіи. Эта теологическая сторона, занимающая очень важное мѣсто въ славянофильскомъ ученіи, нерѣдко вполнѣ напоминаетъ о религіозной исключительности и теологическихъ притязаніяхъ старой московской Россіи. Древность вообще такъ драгоцѣнна славянофиламъ, что сравненіе ихъ съ противниками «новыхъ обычаевъ» въ XVIII-мъ вѣкѣ дѣлается естественнымъ [1]).

---

[1]) Г. Ламанскій указываетъ слѣдующихъ начинателей и предшественниковъ славянофильства. „Въ этотъ періодъ видимаго упадка внутреннихъ народныхъ силъ, — говоритъ онъ, — въ періодъ, заключенный крымской войною и парижскимъ миромъ, возникла у насъ такъ-называемая школа славянофиловъ, имѣвшая впрочемъ высокодаровитыхъ и замѣчательныхъ предшественниковъ въ Ломоносовѣ и Болтинѣ, Карамзинѣ (послѣдняго періода) и Грибоѣдовѣ, митр. Платонѣ и Голубинскомъ, и въ дру-

скимъ и западно-европейскимъ просвѣщеніемъ, въ одной ли степени развитія или въ самомъ характерѣ просвѣтительныхъ началъ? Предстоитъ ли русскому просвѣщенію проникаться болѣе и болѣе, не только внѣшними результатами, но и самыми началами западно-европейскаго просвѣщенія или, вникнувъ глубже въ свой собственный, православно-русскій духовный бытъ, опознать въ немъ начала новаго, будущаго фазиса общечеловѣческаго просвѣщенія?

«...Невѣроятнымъ покажется, что люди неглупые могли такъ долго жить и жить умственною жизнью, въ области отвлеченнаго умозрѣнія, повернувшись спиною къ вопросамъ политическимъ. Между тѣмъ, это несомнѣнно...

«О политическихъ вопросахъ никто въ то время не толковалъ и не думалъ. Это составляло одну изъ отличительныхъ особенностей московскаго учено-литературнаго общества сороковыхъ годовъ, которой не могли объяснить себѣ люди предшествовавшей эпохи. Они прислушивались и въ недоумѣніи пожимали плечами» [1]).

Такимъ образомъ, той почвой, на которой развивались славянофильскія идеи, была нѣмецкая философія; изъ нея славянофилы заимствовали свою аргументацію, свои средства борьбы, и также постановку руководящихъ вопросовъ. Къ спорамъ о чистомъ и опредѣленномъ бытіи, рѣшавшимъ общій вопросъ объ отношеніи знанія и вѣры, непосредственно примыкали споры изъ области философіи исторіи, о значеніи міра восточнаго и западнаго, объ отношеніи православія къ католичеству и протестантству. Это были вопросы отвлеченные и универсальные. Если въ то время не толковали и не думали о политическихъ вопросахъ, то это было довольно естественно: не говоря о томъ, что прикосновеніе къ чистой политикѣ было въ тѣ времена очень не безопасно и для нея не было мѣста въ тогдашнихъ нравахъ, она исчезала или подразумѣвалась въ тѣхъ всеобъемлющихъ вопросахъ, на которыхъ сосредоточено было все вниманіе обѣихъ сторонъ, частные вопросы разрѣшались сами собой, какъ скоро устанавливались общія положенія. Въ концѣ концовъ, развитіе мнѣній привело и къ прямымъ политическимъ вопросамъ.

Вслѣдствіе того, что спорные пункты рѣшались диспутами, по способу, употреблявшемуся до изобрѣтенія книгопечатанія,

[1]) Ср. съ этими воспоминаніями біографіи Станкевича и Грановскаго; воспоминанія г. Свербеева о Чаадаевѣ и Герценѣ (Р. Архивъ, 1868, стр. 976; 1870, стр. 673); „Воспоминаніе студентства 1832—1835 г.“, К. Аксакова (День, 1862, № 39—40), и друг.

славянофильское ученіе выработалось наконецъ (въ первоначальномъ тѣсномъ кружкѣ) до значительной выдержанности общихъ основаній и подробностей: когда оно выступило особымъ направленіемъ въ литературѣ, оно явилось въ ней какъ готовый рядъ воззрѣній, которымъ были довольно вѣрны всѣ члены школы. Это было уже довольно поздно, въ половинѣ сороковыхъ годовъ, когда вслѣдъ за «Симбирскимъ Сборникомъ» (наполненнымъ историческими матеріалами), появились «Сборникъ» Валуева и «Московскіе Сборники». Слѣдить постепенное развитіе славянофильства въ печатной литературѣ, поэтому, довольно мудрено. Впрочемъ еще до этого времени славянофильскіе писатели въ печатной литературѣ примыкали нерѣдко къ людямъ, близкаго съ ними, но тѣмъ не менѣе особаго направленія въ «Москвитянинѣ». Это союзничество отразилось на ихъ литературныхъ отношеніяхъ: писатели «Москвитянина» не пользовались репутаціей; противники славянофиловъ не всегда могли выдѣлить ихъ изъ писателей этого журнала, тѣмъ больше, что сами славянофилы давали поводъ къ этому смѣшенію, — и когда печатная полемика наконецъ открылась, это повело къ большему раздраженію обѣихъ сторонъ.

Кружокъ славянофиловъ тѣмъ удобнѣе могъ согласовать свои идеи въ одно ученіе, что это былъ немногочисленный тѣсный кружокъ, связанный дружескими и родственными отношеніями. Ихъ внѣшнее положеніе въ литературѣ могло назваться болѣе выгоднымъ, чѣмъ положеніе ихъ противниковъ. Славянофилы, вообще люди довольно независимые (большей частью, довольно или очень богатые помѣщики, занимавшіе мѣсто между верхними слоями средняго дворянства и настоящей аристократіей), въ литературѣ были мало дѣятельны, выступали въ ней болѣе случайно, менѣе чувствовали неудобства журнальной дѣятельности, и могли больше сосредоточиться на выработкѣ своего ученія, — хотя, быть можетъ, этому же надо приписать то обстоятельство, что въ то время, какъ противоположное направленіе уже вскорѣ встрѣтилось съ практическими вопросами дѣйствительности, эта школа дольше оставалась дилеттантской системой, которой удобно было витать въ отвлеченностяхъ, не особенно заботясь о практическихъ выводахъ.

Дружескія отношенія двухъ сторонъ, о которыхъ мы упоминали, удержались не надолго. Рѣзкая противоположность мнѣній вызвала, наконецъ, личныя заявленія, въ которыхъ обнаружилась явная вражда. Если не ошибаемся, первый примѣръ нетерпимости данъ былъ славянофилами, въ рукописномъ стихотвореніи

Языкова противъ Чаадаева, недавно напечатанномъ въ біографіи послѣдняго. Языковъ, поэтъ славянофильства, принялъ такой тонъ, который выходилъ уже изъ предѣловъ литературнаго спора,—это было чуть не обращеніе къ «свѣтской рукѣ», и хотя отдѣльныя лица обѣихъ партій продолжали встрѣчаться, но вообще миръ былъ нарушенъ, и въ литературѣ полемика уже съ первыхъ славянофильскихъ изданій приняла характеръ недружелюбный и язвительный. Къ сожалѣнію, славянофильство подавало къ нему поводъ и другими обстоятельствами. Выше упомянуто было объ его связяхъ съ дѣятелями «Москвитянина». Когда на страницахъ этого журнала появились имена Хомякова, Кирѣевскаго, извѣстнаго тогда славянофильскаго псевдонима М... З... К..., и проч., когда славянофильскія теоріи являлись рядомъ съ разсужденіями Погодина, Шевырева и проч., и между ними не разъ можно было замѣтить большое согласіе, противники славянофильства не могли не отнестись и къ нему съ тою же враждой, какую внушалъ имъ этотъ журналъ,—представлявшій весьма непривлекательный сборъ казенныхъ взглядовъ оффиціальной народности.

Сами славянофилы держались при этомъ различно. Многіе изъ нихъ были люди съ большимъ образованіемъ, для которыхъ самая встрѣча съ противоположнымъ образомъ мыслей была пріятна, какъ случай для провѣрки и новаго доказательства своихъ идей; изъ нихъ Кирѣевскій самъ прежде принадлежалъ къ тому лагерю, противъ котораго онъ сталъ въ новомъ поворотѣ своихъ взглядовъ—и, быть можетъ, поэтому онъ именно и отличался всего больше терпимостью мнѣній. Но, наконецъ, исключительность теоріи обнаружила свои качества, и славянофильскіе полемисты показали въ своихъ нападеніяхъ рѣзкость, тѣмъ болѣе неумѣстную, что спорить, въ печати, противъ самыхъ основаній ихъ теоріи, противники ихъ не могли безъ нѣкоторой опасности, или же не могли вовсе [1]).

---

[1]) Противники знали другъ друга довольно хорошо, и не останавливались передъ личными намеками. Критикъ „Моск. Сборника“ и „Москвитянина“, упомянутый М... З... К..., нападая на Бѣлинскаго, попрекалъ его нетвердостью его мнѣній (вѣроятно по старой памяти о статьѣ Бѣлинскаго: „Бородинская годовщина“), и говорилъ такимъ образомъ: „Вовсе не чуждый эстетическаго чувства — чему доказательствомъ служатъ особенно прежнія статьи его, — Бѣлинскій какъ будто пренебрегаетъ имъ и, обладая собственнымъ капиталомъ, постоянно живетъ въ долгъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ явился на поприщѣ критики, онъ былъ всегда подъ вліяніемъ чужой мысли. Несчастная воспріимчивость, способность понимать легко и поверхностно, отрекаться скоро и рѣшительно отъ вчерашняго образа мыслей, увлекаться новизною и доводить ее до крайностей, держала его въ какой-то постоянной тревогѣ, которая обратилась наконецъ въ нормальное состояніе и помѣшала развитію его способно-

Славянофилы были притомъ преисполнены гордости своею системой, и противники ихъ не могли простить имъ этихъ притязаній: — во-первыхъ, эти высокомѣрныя притязанія далеко не были ими доказаны; во-вторыхъ, оставалось невыяснено отношеніе славянофильства къ авторитету, къ оффиціальной народности.

Мы упоминаемъ объ этомъ положеніи славянофильства въ литературѣ потому, что ихъ послѣдователи обыкновенно сваливаютъ вину этихъ отношеній на такъ-называемую западную партію. На дѣлѣ, это было не совсѣмъ такъ, и если на комъ лежитъ вина того, что два направленія — при всемъ стѣсненномъ положеніи литературы — не могли найти общаго дѣла, то всего скорѣе эта вина лежитъ на самихъ славянофилахъ. При первомъ появленіи, школа принимала высокомѣрный тонъ, прежде чѣмъ ея заслуги дали бы ей на то какое-нибудь право; она дѣлала полемическія вылазки противъ другого направленія (съ которымъ имѣла много общихъ враговъ) тамъ, гдѣ надо было говорить изложеніемъ своего взгляда и аргументами, и въ то же время затрогивала такіе мотивы, на которые невозможно было прямо отвѣчать: ея самодовольство и нетерпимость дѣлали то, что когда возраженія не выслушивались и не опровергались, правильный споръ становился невозможенъ. Наконецъ, увлекаясь проповѣдью о новыхъ началахъ, мечтами о будущемъ паденіи западной цивилизаціи и торжествѣ восточной, школа забывала насущныя потребности времени, когда противъ нея, также какъ и противъ другого направленія стоялъ общій врагъ, круглое невѣжество и обскурантизмъ. Это послѣднее

стей“ (Москвит. 1847, ч. 2). Бѣлинскій отвѣчалъ „Москвитянину“ въ „Современникѣ“, и упоминая о разныхъ мелкихъ нападкахъ порваго, между прочимъ говорилъ: „...Но пока г. Бѣлинскій не видитъ никакой нужды горячо спорить за себя съ такими противниками, или прибѣгать въ спорѣ къ ихъ средствамъ. Да и къ чему? Публика и сама съумѣетъ увидѣть разницу между человѣкомъ, у котораго литературная дѣятельность была призваніемъ, страстью, который никогда не отдѣлялъ своего убѣжденія отъ своихъ интересовъ, который, руководствуясь врожденнымъ инстинктомъ истины, имѣлъ больше вліянія на общественное мнѣніе, чѣмъ многіе изъ его дѣйствительно ученыхъ противниковъ, — и между какимъ-нибудь баричемъ, который изучалъ народъ чрезъ своего камердинера, и думаетъ, что любитъ его больше другихъ, потому что сочинилъ или принялъ на вѣру готовую о немъ мистическую теорію, который, между служебными и свѣтскими обязанностями, занимается также и литературою, въ качествѣ дилетанта... Въ наше время талантъ самъ по себѣ не рѣдкость, но онъ всегда былъ и будетъ рѣдкостью въ соединеніи съ страстнымъ убѣжденіемъ, съ страстною дѣятельностію, потому что только тогда онъ можетъ быть дѣйствительно полезенъ обществу. Что касается до вопроса, сообразна ли съ способностью страстнаго, глубокаго убѣжденія способность измѣнять его, онъ давно рѣшенъ для всѣхъ тѣхъ, кто любитъ истину больше себя и всегда готовъ пожертвовать ей своимъ самолюбіемъ“... (Сочин. XI, стр. 257).

обстоятельство школа слишкомъ часто забывала и потомъ, въ наше время. Намъ кажется вообще, что она отчасти по собственной винѣ сдѣлала для развитія общественнаго мнѣнія меньше, чѣмъ могла бы сдѣлать....

Съ другой стороны, славянофильство, хотя и очень близкое къ господствовавшей оффиціальной народности, не пользовалось благосклонностью высшихъ сферъ, которыя, если не осуждали основныхъ его тенденцій, то, кажется, думали, что оно идетъ въ нихъ слишкомъ далеко, и берется не за свое дѣло, предпринимая истолкованіе истинныхъ началъ русской жизни. Исторія этихъ тогдашнихъ отношеній славянофильства съ властью еще не была разсказана, — но сколько извѣстно, славянофиламъ приходилось испытывать личныя неудобства своего образа мыслей. Правда, неудобства не были чрезмѣрны, но тѣмъ не менѣе они существовали, и литературная дѣятельность славянофильства, въ теченіи описываемаго періода, не одинъ разъ терпѣла непріятныя помѣхи. Первый послѣдовательный славянофильскій журналъ явился только въ 1856-мъ году. Славянофилы и здѣсь не дали еще полнаго систематическаго свода своихъ мнѣній, но по крайней мѣрѣ уже больше думали выяснить ихъ съ различныхъ сторонъ, и между прочимъ печатали многое «изъ прежняго періода». Къ сожалѣнію, опытъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ не послужилъ имъ достаточно въ пользу: они могли бы видѣть, что многое въ общественныхъ условіяхъ тяготѣетъ одинаково надъ ними и ихъ противниками, и могли бы нѣсколько иначе взглянуть на потребности литературы... Впослѣдствіи, опытъ повторился для нихъ еще разъ.

Въ первое время существованія школы была еще нѣсколько болѣе понятна ея исключительность и нетерпимость; это могла быть извѣстная гордость новой найденной мыслью, самоувѣренность людей, убѣжденныхъ въ своемъ стремленіи и готовыхъ выполнять его въ жизни. Съ такими чувствами дѣйствительно славянофилы впервые выступали на свое поприще; сознавая, что являются въ литературу съ новымъ содержаніемъ, и одушевляемые мыслью служить народной идеѣ, они могли преувеличить значеніе этого содержанія, и потерять мѣру въ выраженіяхъ. Но эта исключительность и потомъ является почти общей и постоянной чертой школы, и если отчасти она объясняется указаннымъ сейчасъ увлеченіемъ, и также свойствомъ тѣснаго кружка, то существенной причины ея надо искать въ характерѣ самаго ученія.

Какимъ же образомъ составилось новое ученіе? Выше замѣчено, что его трудно непосредственно связать съ какимъ-нибудь предшествующимъ направленіемъ: въ прежней литературѣ не

было ученія съ такими рѣзко опредѣленными чертами. Напротивъ, источника его должно въ особенности искать въ новѣйшемъ умственномъ движеніи. Основатели славянофильства были образованные люди двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, — они начинали съ того движенія, которое дѣйствовало въ двадцатыхъ годахъ, и затѣмъ довоспитались на нѣмецкой философіи: изъ нея они брали способъ разсужденія и по ней составили теоретическія положенія своей системы. Въ *этомъ* отношеніи славянофилы не отличались отъ своихъ противниковъ, и также мало, какъ тѣ, могли похвалиться народной оригинальностью, на которой настаивали. Ихъ философія стремится къ тому, чтобы открыть истинно-народныя начала русской жизни, развить ихъ и дать имъ мѣсто и въ нашемъ образованіи и въ практическомъ быту. Но они очень ошибались, когда думали, что эта идея народа пришла къ нимъ не иначе, какъ только отъ самого народа, что они являются выразителями его истиннаго духа и его стремленій въ дальнѣйшемъ развитіи. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что патріотическая любовь къ своему народу горячо одушевляла славянофиловъ, — какъ одушевляла и всѣхъ лучшихъ людей литературы, — и они дѣйствительно обращались къ народу, къ его исторіи и современному быту, — но ихъ отношеніе къ народу не было простое, свободное, а въ значительной степени теоретическое и искусственное. Здѣсь славянофилы были именно людьми своего времени, и ихъ отношеніе къ народу было главнымъ образомъ *философско-романтическое*. Въ свойствахъ славянофильскаго ученія дѣйствительно находятся существенные признаки романтическаго происхожденія. При его началѣ было столько же поэтическаго увлеченія, сколько теоретическихъ основаній, или даже больше, — и нѣсколько фантастическій колоритъ постоянно отличалъ славянофильскую теорію. Основную романтическую черту представляетъ у славянофиловъ стремленіе къ давнему прошедшему; народъ, къ которому они стремились, былъ не столько настоящій нынѣшній народъ, — которому они конечно желали добра, — сколько народъ идеальный, и именно прошедшій, потому что этотъ прошедшій народъ всего удобнѣе можно было изобразить представителемъ тѣхъ началъ, которыя они ставили краеугольнымъ камнемъ своей системы. Прошедшее было ихъ идеаломъ; они должны были дѣлать неизбѣжную уступку исторіи и дѣлали оговорки о недостаткахъ старины, но на дѣлѣ она поставляла имъ главнѣйшій запасъ образцовъ; только она и казалась имъ истиннымъ выраженіемъ русскаго народнаго духа. Ихъ новѣйшая философія была желаніемъ возвеличить московскій бытъ до нет-

рии; оно попадаетъ въ то же безысходное положеніе, которое уже стоило національной жизни одного переворота; что въ концѣ концовъ это направленіе, не довольствуясь настоящимъ, создаетъ идеалы, которые ничѣмъ не лучше этого настоящаго и могутъ служить только къ большему его утвержденію.

Дѣйствительно, славянофильскій идеалъ иногда былъ такъ двусмысленъ въ этомъ отношеніи, что въ нихъ видѣли иногда просто союзниковъ обскурантизма....

Нѣтъ сомнѣнія, что въ славянофильствѣ было теплое отношеніе къ народу, о которомъ забыли и общество и оффиціальная народность; и это была лучшая, наиболѣе сочувственная сторона славянофильства. Къ сожалѣнію, во взглядахъ славянофиловъ была и до сихъ поръ есть неясность, вслѣдствіе которой ихъ сочувствіе къ народу принесло въ литературѣ меньше пользы, чѣмъ они предполагаютъ; ихъ исключительная теорія не всегда разбирала, гдѣ враги народа и гдѣ его друзья.

Переходя къ обозрѣнію славянофильскихъ мнѣній и ихъ значенія въ исторіи общественныхъ понятій, мы ограничимся только общими чертами ихъ и избѣгая подробностей, предоставимъ читателю обращаться за ними къ самымъ сочиненіямъ.

Общая связь славянофильскаго ученія была приблизительно слѣдующая.

Русская жизнь стоитъ въ настоящую минуту въ ложномъ положеніи. Петровская реформа нарушила естественный ходъ старой русской жизни; заимствованіе чужой европейской цивилизаціи внесло разладъ, вслѣдствіе котораго высшіе классы отдѣлились отъ народа. Заимствованная цивилизація, отдаливъ образованные классы отъ народа, сдѣлала ихъ безполезными для національнаго развитія,—даже вредными, потому что ихъ образованіе взято съ оригинала, который не только чуждъ русскому народному духу, но самъ находится на ложной дорогѣ и близокъ къ упадку. Для спасенія русскаго развитія, должно уничтожить этотъ разладъ и это подчиненіе чужой цивилизаціи, — для этого слѣдуетъ возвратиться къ старому единству, къ тѣмъ принципамъ, которыми развивалась русская жизнь до Петра, и на которыхъ она выработала свою крѣпкую, истинно народную особенность. Народъ, заброшенный и загнанный въ теченіе «петербургскаго періода», сохранилъ вѣрно преданія старины въ своемъ бытѣ, въ своихъ вѣрованіяхъ и общественныхъ инстинктахъ: поэтому, слѣдуетъ обратиться къ нему, чтобы найти нужные намъ эле-

менты развитія. Думать о томъ, чтобы поднять народъ до нашего образованія, странно и даже смѣшно, потому что его внутреннее содержаніе гораздо выше нашей привитой и внѣшней образованности.

Русскій народъ принадлежитъ къ одному изъ двухъ міровъ, на которые дѣлится европейская образованность, и въ настоящее время главный его представитель. Эти два міра — восточный греко-славянскій и западный. Между ними лежитъ глубокое и коренное различіе. Образованность западная составилась изъ трехъ элементовъ: римской церкви, древней римской образованности и завоеванія, опредѣлившаго бытовыя формы Запада. Христіанство въ западномъ и восточномъ мірѣ получило весьма различный характеръ. Въ римской церкви, съ тѣхъ поръ, какъ она отдѣлилась отъ общенія съ церковью вселенской, христіанство извратилось вслѣдствіе элемента внѣшней разсудочности, съ которымъ римская церковь опредѣляла и свое ученіе, и свое устройство, и затѣмъ вслѣдствіе происшедшаго отсюда папскаго авторитета, который сталъ выше церкви. Протестантство было естественнымъ результатомъ этого характера церкви, когда она поставила логическій разумъ выше сознанія вселенской церкви, а затѣмъ совершенно послѣдовательно развились всѣ его секты и направленія; изъ реформаціи, завившей право частнаго сужденія, столь же естественно развилось ученіе Штрауса. На той же сухой разсудочности выросла и вся образованность и литература западной Европы: ея философское мышленіе есть безконечная борьба и смѣна логическихъ отвлеченій, которая въ концѣ концовъ производила «общую слѣпоту къ тѣмъ живымъ убѣжденіямъ, которыя лежатъ выше сферы разсудка и логики». Государственная жизнь Европы была основана завоеваніемъ, насиліемъ и отсюда все дальнѣйшее ея движеніе совершалось также рядомъ насилій, борьбой партій, переворотами.

Совсѣмъ иной порядокъ вещей является въ восточномъ греко-славянскомъ православномъ мірѣ, главнымъ представителемъ котораго является теперь русскій народъ. Восточное христіанство есть православіе, отличительная черта котораго есть неизмѣнное храненіе вселенскаго преданія. Православіе есть поэтому единственное истинное христіанство; его ученія — тѣ ученія, которыя собраны и утверждены соборами вселенской церкви, сознаніемъ цѣлаго христіанства. Духовная философія восточныхъ отцовъ церкви — особенно писавшихъ послѣ раздѣленія церквей — есть истинная христіанская философія, основанная не на разсудочномъ механизмѣ, а на высшемъ нравственно-свободномъ умозрѣніи.

заціи, надо обратиться къ народу, изучать его исторію, преданія, нравы и обычаи, слиться съ этимъ народомъ въ одномъ сознаніи: общество должно перевоспитаться, воспринять въ себя снова затерянныя имъ народныя начала.

Въ такомъ приблизительно смыслѣ говорила школа въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ. Къ нашему времени нѣкоторыя изъ этихъ положеній значительно выяснились, дошли до полной осязательности, до прямого практическаго требованія—во многихъ случаяхъ не въ пользу школы. Эта позднѣйшая редакція славянофильскихъ положеній не относится впрочемъ къ нашей задачѣ.

Понятно, что эти мысли не всѣми высказывались одинаково, и мы старались привесть ихъ по возможности въ среднемъ выводѣ, не внося крайностей отдѣльныхъ мнѣній. Одни изъ послѣдователей школы были болѣе, другіе—менѣе осторожны; одни сохраняли философское спокойствіе, другіе впадали въ раздраженіе, въ нетерпимость. Одни заботились о доказательствахъ, другіе сочли дѣло уже рѣшеннымъ, и думали только объ уничтоженіи литературныхъ противниковъ, которые не только не убѣждались доводами славянофильства, но даже въ его теоріи и практикѣ находили и нѣчто довольно смѣшное [1]).

Славянофильское ученіе не было ни разу изложено цѣльнымъ образомъ, но основная его тема въ различныхъ ея отрасляхъ была развиваема писателями школы довольно согласно. Чувствовалось, что это были люди, которые сговорились и согласились въ главныхъ положеніяхъ и разработывали каждый какую-либо сторону ученія въ духѣ этихъ положеній. Сходство общей романтическо-православной тенденціи и самое положеніе ихъ въ литературѣ дѣлали для нихъ очень удобнымъ это соглашеніе. Выше замѣчено, что основатели славянофильства были вообще люди довольно независимые, дѣйствовавшіе въ литературѣ сначала чистыми дилетантами, имѣвшіе возможность работать не торопясь, развить на досугѣ свою систему, дѣлиться взглядами,—прежде чѣмъ внести ихъ въ печать. Многіе изъ ихъ работъ оставались извѣстны только здѣсь, въ своемъ кругу и даже пріобрѣтали своего рода славу еще не выходя въ литературу (напр. историческія занятія Петра Кирѣевскаго и его собраніе на-

[1]) Болѣе рѣзкое изложеніе этой теоріи, какъ она высказывалась откровенно въ устныхъ бесѣдахъ и спорахъ, читатель можетъ найти въ біографіи Чаадаева, составленной г. Жихаревымъ. Оно можетъ объяснить, между прочимъ, почему журнальная полемика двухъ партій принимала въ тѣ времена такой враждебный характеръ.

родныхъ пѣсенъ; трактатъ Хомякова о всеобщей исторіи, откуда были напечатаны пока только отрывки; нѣкоторыя статьи К. Аксакова).

Особенно дѣятельная пропаганда славянофильства начинается въ половинѣ сороковыхъ годовъ. До этого времени имена славянофильскихъ писателей появлялись въ журналахъ и книгахъ только болѣе или менѣе случайнымъ образомъ, или съ чисто литературными произведеніями, или безъ ясной позднѣйшей окраски. Въ 1845-мъ году началось-было изданіе «Москвитянина» подъ редакціей Ивана Кирѣевскаго, — продолжавшееся впрочемъ только нѣсколько мѣсяцевъ. Въ томъ же году изданъ былъ «Сборникъ» Валуева. Затѣмъ слѣдовали «Московскіе Сборники» 1846, 1847 и 1852 годовъ. Наконецъ — съ 1856-го года «Русская Бесѣда», въ которую вошли отчасти и работы прежнихъ лѣтъ.

Въ изложеніи основныхъ принциповъ школы одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто, принадлежало Ивану Кирѣевскому. Въ началѣ, въ молодую пору его развитія и во время изданія «Европейца» (1832), его образъ мыслей, какъ извѣстно, былъ вовсе не славянофильскій: онъ былъ поборникъ европейскаго просвѣщенія, защитникъ Петровской реформы — совершенно въ томъ смыслѣ, какъ послѣ говорили о томъ противники славянофиловъ. Романтическіе задатки были въ немъ однако и тогда [1]), и его мнѣнія тѣмъ легче могли впослѣдствіи принять православно-славянское направленіе. Перемѣна его мнѣній произошла главнымъ образомъ, кажется, подъ вліяніемъ его брата Петра, который съ самаго начала имѣлъ взгляды славянофильскаго характера, а также подъ вліяніемъ схимника Филарета и духовныхъ лицъ Оптиной пустыни, съ которыми Ив. Кирѣевскій вошелъ въ дружескія отношенія. Особеннымъ предметомъ его изученія издавна была философія; онъ продолжалъ заниматься ею и потомъ, болѣе и болѣе увлекаясь своей новой точкой зрѣнія. Работая надъ будущимъ философскимъ сочиненіемъ, онъ прилежно изучалъ отцовъ церкви, для чего уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ выучился по-гречески. «Ученіе о святой Троицѣ, — говорилъ онъ, — не потому только привлекаетъ мой умъ, что является ему какъ выс-

[1]) Кирѣевскій очень рано задумалъ выбрать для себя литературное поприще, и еще въ 1827-мъ г. онъ писалъ къ г. Кошелеву: „Я буду имѣть вѣсъ въ литературѣ, и дамъ ей свое направленіе... Мы возвратимъ права истинной религіи, изящное согласимъ съ нравственностію, возбудимъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваженіемъ законовъ, и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога“ и проч. (Сочин. Кир., т. I, біогр., стр. 13).

шее средоточіе всѣхъ святыхъ истинъ, намъ откровеніемъ сообщенныхъ, — но и потому еще, что, занимаясь сочиненіемъ о философіи, я дошелъ до того убѣжденія, что направленіе философіи зависитъ, въ первомъ началѣ своемъ, отъ того понятія, которое мы имѣемъ о Пресвятой Троицѣ». Такова была исходная точка его послѣднихъ трудовъ. Біографъ его не безъ основанія утверждаетъ, что перемѣна взглядовъ въ Кирѣевскомъ не была такимъ противорѣчіемъ, какъ можно думать; правда, его историческія представленія о значеніи европейской цивилизаціи и положеніи русскаго образованія очень измѣнились съ конца двадцатыхъ годовъ, но въ пріемахъ мышленія Кирѣевскій и тогда уже не довольствовался чисто-философской дѣятельностью ума, но искалъ такъ-называемой «цѣльности воззрѣнія», т.-е. въ работу мысли вносилъ и чувство, вѣру. «Кто не понялъ мысли чувствомъ,—говорилъ онъ еще въ 1827-мъ году, — тотъ еще не понялъ ее вполнѣ, точно также какъ и тотъ, кто понялъ ее однимъ чувствомъ» [1]). Впослѣдствіи, чувство взяло положительный перевѣсъ въ его воззрѣніи.

Изъ этого основнаго принципа естественно выростали тѣ взгляды, какіе мы выше излагали. Главная доля общихъ философско-историческихъ положеній школы дана была Кирѣевскимъ. Въ особенности важны здѣсь его статьи: «Обозрѣніе современнаго состоянія литературы» (1845), которое должно было служить введеніемъ къ славянофильскому изданію «Москвитянина»; далѣе: «О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи» (1852), въ послѣднемъ «Московскомъ Сборникѣ», и наконецъ «О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи» (1856), руководящая статья «Русской Бесѣды». Здѣсь устанавливаются вообще взгляды школы на отношеніе восточнаго и западнаго міра, различныя свойства ихъ образованности, на превосходство православно-славянскаго принципа и на необходимость его изученія и введенія въ жизнь, гдѣ онъ составитъ новую эпоху не только русской, но и всемірной цивилизаціи.

Другой братъ, Петръ Кирѣевскій, какъ мы сказали, съ самаго начала отличался своеобразнымъ взглядомъ на вещи, который впослѣдствіи и сообщилъ старшему брату. Онъ избралъ предметомъ изученія русскую исторію и народный бытъ. Его литературная дѣятельность ограничилась почти только одной статьей о древней русской исторіи (по поводу изслѣдованій г. По-

[1]) Сочин., т. I, біографія, стр. 82, 100.

година), въ «Москвитянинѣ» 1845 года [1]), которая, по мнѣнію Ивана Кирѣевскаго, «представляетъ самую ясную картину первобытнаго устройства древней Руси» [2]). Здѣсь объясняется начало русскаго государства путемъ мирнаго призванія варяговъ, устройство родовыхъ общинъ, княжеское и вѣчевое управленіе и т. д., при чемъ авторъ пользуется сравненіями изъ древняго быта другихъ славянскихъ племенъ и старается вообще указать параллельность древней ихъ исторіи. Эти мнѣнія Петра Кирѣевскаго повторены были и его братомъ, а потомъ получили въ особенности развитіе въ сочиненіяхъ К. Аксакова. Плодомъ изученія народнаго быта было обширное собраніе пѣсенъ, начатое П. Кирѣевскимъ въ 1831-мъ году и возросшее наконецъ до весьма обширныхъ размѣровъ. Самъ собиратель не успѣлъ издать своего собранія, отчасти потому, что хотѣлъ собрать сколько возможно болѣе текстовъ, отчасти кажется и по цензурнымъ затрудненіямъ,— въ тѣ времена и подобное изданіе считалось не безопаснымъ [3]). Издано было только собраніе духовныхъ стиховъ, и нѣсколько отдѣльныхъ пѣсенъ. Полное изданіе сборника Кирѣевскаго дѣлается только въ настоящее время.

Рядомъ съ Иваномъ Кирѣевскимъ стоитъ въ школѣ имя Хомякова, о которомъ послѣдователи школы говорятъ вообще съ самымъ восторженнымъ удивленіемъ. Это былъ человѣкъ съ тонкимъ, парадоксальнымъ умомъ, съ блестящей способностью къ діалектикѣ, легко впадавшей въ софизмы, съ очень разнообразными, хотя почти во всемъ дилеттантскими свѣдѣніями. Противники отдавали всегда справедливость его уму, но многимъ не были сочувственны нѣкоторыя стороны его литературнаго характера. Хомяковъ любилъ поспорить съ людьми противоположнаго лагеря, и развертывать въ спорѣ свои обширныя свѣдѣнія и діалектическую ловкость, которую иногда употреблялъ во зло. Это былъ энциклопедистъ школы, самый разносторонній

---

[1]) № 3, стр. 11—46.

[2]) Сочин., т. II, стр. 263.

[3]) Вотъ отрывокъ изъ письма Ив. Кирѣевскаго къ брату Петру, въ 1844-мъ году: „Если министръ будетъ въ Москвѣ, то тебѣ непремѣнно надобно *просить его о пѣснях*, хотя бы къ тому времени тебѣ и не возвратили экземпляровъ изъ цензуры. Можетъ быть даже и не возвратятъ, но просить о пропускѣ это не мѣшаетъ. Главное на чемъ основываться (!), это то, что пѣсни *народныя*, а что весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться *тайною* (!), и цензура въ этомъ случаѣ столько же сильна, сколько Перевощиковъ надъ погодою.—Уваровъ вѣрно это пойметъ, также и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ *народныя пѣсни*, и еще *старинныя*. Это будетъ смѣхъ во всей Германіи“ (Соч., I, біогр., стр. 93). Столько резоновъ нужно было имѣть въ запасѣ для изданія пѣсенъ!

изъ ея писателей Онъ былъ и богословъ, и историкъ, и этнографъ, и филологъ, и эстетикъ, и сельскій хозяинъ и проч. Онъ въ разныхъ направленіяхъ развивалъ славянофильскую тему, и былъ вообще однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и вліятельныхъ членовъ школы. Нѣкоторые пункты славянофильскаго ученія въ особенности были предметами его истолкованій. Таковы его богословскія сочиненія, основная мысль которыхъ заключается въ опредѣленіи церковныхъ отношеній Востока и Запада, въ теологическомъ доказательствѣ несостоятельности западной церкви, — католической или протестантской, все равно, — въ изложеніи и апологіи ученій православія. Во внутреннихъ вопросахъ, ему отдается заслуга объясненія вопроса о сельской общинѣ, который въ особенности выступилъ на сцену и разъяснялся въ славянофильскихъ изданіяхъ при началѣ крестьянской реформы.

Далѣе славянофилы придаютъ великое значеніе упомянутому выше трактату о всеобщей исторіи, о которомъ еще трудно судить по извѣстнымъ до сихъ поръ отрывкамъ.

Затѣмъ Хомяковъ касался множества другихъ вопросовъ, теоретическихъ и практическихъ, которые вообще привлекали вниманіе школы.

Г. Самаринъ началъ свою литературную дѣятельность диссертаціей о проповѣдникахъ временъ Петра Великаго, или собственно о направленіяхъ, дѣйствовавшихъ въ русской церкви того времени. Диссертація, впрочемъ, явилась только отрывкомъ обширнаго сочиненія, которое не увидѣло свѣта по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ автора. Направленіе этой книги уже ясно славянофильское. Затѣмъ г. Самаринъ относительно мало участвовалъ въ славянофильскихъ изданіяхъ: ему приписывали между прочимъ критическія статьи въ «Московскихъ Сборникахъ», направленныя главнымъ образомъ противъ писателей и журналовъ западнаго направленія; эти остроумныя статьи вообще осуждали тогдашнюю литературу за невѣрное отношеніе къ народной жизни, за недостатокъ правильныхъ общихъ воззрѣній, т.-е. за отсутствіе славянофильства, и иногда довольно язвительно указывали дѣйствительно слабыя стороны тогдашней литературы западнаго направленія. Затѣмъ, г. Самаринъ является болѣе дѣятельнымъ сотрудникомъ «Русской Бесѣды» и «Дня», и наконецъ, въ послѣдніе годы, онъ составилъ себѣ новую публицистическую славу книгами объ «Окраинахъ Россіи» и другими изданіями. Эта послѣдняя дѣятельность г. Самарина не входитъ въ рамку нашихъ очерковъ, и намъ довольно указать въ ней послѣдовательное выполненіе той же славянофильской программы: дѣло идетъ

теперь о практическихъ вопросахъ, трактовать которые было въ прежнее время совершенно невозможно,—но самое изученіе предмета сдѣлано, или по крайней мѣрѣ начато было очень давно, въ тѣхъ же сороковыхъ годахъ. Общая теорія о центрѣ и окраинахъ ставится въ извѣстномъ славянофильскомъ смыслѣ, какъ примѣняла ее въ послѣдніе годы и газета «День».

Въ разработкѣ исторической стороны славянофильскихъ взглядовъ, начало которыхъ положено было Петромъ Кирѣевскимъ, много обѣщали труды Д. Валуева, автора изслѣдованій о мѣстничествѣ и издателя извѣстнаго «Сборника» (1845). Исходя изъ славянофильскаго предположенія о различіи, противоположности западнаго и восточнаго міра, Валуевъ указывалъ необходимость освободиться отъ подчиненія Западу и выработать изъ самихъ себя внутреннія начала своей нравственной и умственной жизни: для этого надо было возвратиться къ изученію нашего прошедшаго, къ изученію племени, которому мы принадлежимъ, а также племенъ единовѣрныхъ,—здѣсь должны для насъ открыться отличительныя особенности нашей національности и вообще внутреннее содержаніе восточнаго, греко-славянскаго, православнаго міра, содержаніе, въ разработкѣ котораго только и заключается будущее нашей собственной, самобытной образованности.

Другимъ ревностнымъ историческимъ изслѣдователемъ, изъ болѣе молодого поколѣнія, былъ Константинъ Аксаковъ. Главными темами, къ которымъ онъ любилъ возвращаться, были объясненіе древняго общиннаго быта (въ опроверженіе теоріи г. Соловьева о родовомъ бытѣ), древняго народовластія, думъ и соборовъ, и обличеніе «петербургскаго періода», которому приписывалось самое губительное вліяніе. Константинъ Аксаковъ, сколько извѣстно, былъ пылкая, увлекающаяся, благородная натура, въ которой не было тѣни искусственности. Народъ былъ первымъ и главнымъ предметомъ его увлеченія; на него онъ возлагалъ всѣ свои надежды, возвеличивалъ его и въ стихотворныхъ дивирамбахъ (которые между прочимъ печатались въ газетѣ «День», въ числѣ стихотвореній «изъ прежняго періода»), и въ историческихъ изслѣдованіяхъ, гдѣ также его вниманіе и сочувствіе направлялось къ интересамъ народной массы. Въ этомъ смыслѣ его мнѣнія нерѣдко бывали полезнымъ противовѣсомъ взгляду историковъ государственности и централизаціи, для которыхъ народъ, съ его инстинктивными политическими движеніями, представлялся только противуобщественнымъ элементомъ. Значеніе трудовъ К. Аксакова по древней русской исторіи въ свое время было оцѣнено г. Костомаровымъ. Но увлеченіе любимой идеей

доводило Аксакова, какъ вообще славянофиловъ, до историческаго непониманія. Таковъ взглядъ его на петербургскій періодъ, который кажется ему произвольнымъ, лишеннымъ народнаго значенія, вреднымъ. Таковъ и его взглядъ на древніе соборы, важность которыхъ онъ преувеличивалъ и на которыхъ онъ довольно простодушно строилъ особую систему государственнаго устройства: эта система, въ противоположность политическому формализму Запада, исходившему изъ вражды и недовѣрія власти и народа,— отвергала такъ-называемыя «гарантіи» и основывалась на любовномъ единствѣ...

Печатные труды г. Ив. Аксакова за разсматриваемое нами время были немногочисленны: это были почти исключительно поэтическія произведенія, въ которыхъ развивались славянофильскіе идеалы и дѣлались пробы поэзіи въ народномъ стилѣ. Вмѣстѣ съ стихотвореніями и другими чисто литературными произведеніями К. Аксакова, Хомякова, Языкова и нѣк. др., это была особенная поэзія славянофильства, въ которой вообще не столько свободнаго поэтическаго творчества, сколько тенденціознаго чувства. Къ этому времени принадлежатъ и другіе труды г. Ив. Аксакова, въ свое время не имѣвшіе возможности появиться въ печати, и теперь также не вполнѣ извѣстные. Таково было его изученіе раскола, начатое по оффиціальному порученію. Позднѣе, онъ издалъ замѣчательное изслѣдованіе объ украинскихъ ярмаркахъ. Изученіе народнаго быта—въ широкомъ смыслѣ — было особеннымъ предметомъ его занятій. Новѣйшая его дѣятельность извѣстна: какъ издатель «Дня», «Москвы», «Москвича», онъ былъ главнымъ представителемъ школы по разнымъ предметамъ современной внутренней политики. Время открыло возможность обсуждать въ печати многіе изъ этихъ предметовъ, которые были для нея прежде совершенно закрыты: г. Аксаковъ оставался вѣренъ принципамъ и преданіямъ школы, странности которой не замедлили обнаружиться и на практическихъ вопросахъ.

Мы не будемъ пересчитывать другихъ тогдашнихъ послѣдователей школы, которые участвовали въ славянофильскихъ изданіяхъ посильнымъ повтореніемъ общей темы.

Славянофильскія идеи съ самаго начала находили мало кредита у ихъ противниковъ,—также мало они могутъ имѣть кредита и теперь. Большею частью, противники считали даже излишнимъ опровергать систему,—такъ она казалась произвольной и фантастической. Новѣйшая дѣятельность славянофильства, имѣвшая дѣло уже съ настоящими практическими вопросами жизни, не измѣнила этого мнѣнія,—быть можетъ, даже усилила его. Въ

практическомъ примѣненіи система обнаруживала тѣ самые результаты, которыхъ можно было ожидать по ея посылкамъ, и которые предвидѣли ея противники въ сороковыхъ годахъ.

Вражда къ славянофильству была весьма естественна. Въ то время, какъ лучшія силы литературы стремились пробудить въ обществѣ критическое сознаніе, возвыситься надъ той оффиціальной народностью, которую проповѣдывалъ бюрократическій консерватизмъ, славянофилы вступали въ эту борьбу мнѣній съ такими взглядами, по которымъ ихъ нерѣдко можно было принять за союзниковъ оффиціальной народности.

Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, когда начиналась новѣйшая публицистика славянофиловъ и когда литература вообще нѣсколько оживилась, самые противники желали отдать справедливость лучшей сторонѣ ихъ мнѣній, и желали, кажется, вызвать ихъ на болѣе ясное изложеніе ихъ идей, на соглашеніе въ томъ, что́ могло быть общимъ интересомъ обѣихъ сторонъ. Эти противники не хотѣли смѣшивать ихъ съ «Москвитяниномъ», какъ то дѣлалось прежде, приписывали имъ лучшія намѣренія, съ сочувствіемъ отыскивали у нихъ просвѣщенныя понятія о свободѣ мысли, необходимости изслѣдованія и т. п.; не раздѣляли ихъ мнѣній, но охотно признавали въ нихъ то же стремленіе къ истинѣ и общественному благу [1]). Это были — мнѣнія высказанныя въ пору ожиданій и надеждъ, когда для обѣихъ сторонъ только-что появлялась возможность болѣе широкой литературной дѣятельности. Но и эти мнѣнія значительно измѣнились нѣсколько лѣтъ спустя, когда обнаружилось, что школа не могла устоять на почвѣ свободнаго изслѣдованія,—какъ этого не допускаетъ самая сущность ея идей.

Это предвидѣли уже и противники ихъ въ сороковыхъ годахъ. Этихъ противниковъ (Бѣлинскаго въ особенности) винятъ, что они несправедливо приравнивали славянофиловъ къ «Маяку», и къ «Москвитянину» г. Погодина и Шевырева. Но сосѣдство было дѣйствительно близкое. Съ «Маякомъ» славянофилы имѣли общаго — крайнюю вражду къ Западу и теологическія свойства ихъ философіи. Глава славянофиловъ, Кирѣевскій, считалъ возможнымъ серьезно говорить о «Маякѣ», который былъ совершенно похожъ на нынѣшнюю «Домашнюю Бесѣду». Что касается до «Москвитянина», то съ нимъ славянофиловъ, въ то время,

---

[1]) Современникъ, 1856, № 2, стр. 68 и слѣд. Эти мысли высказывались по поводу нѣкоторыхъ страницъ Кирѣевскаго, быть можетъ больше всѣхъ остальныхъ славянофиловъ понимавшаго необходимость свободы мнѣній.

почти невозможно было отличить. Если философія г. Погодина не пускалась въ такія глубины, какъ философія Кирѣевскаго и Хомякова, то практическое пониманіе было одно и то же. «Москвитянинъ», какъ журналъ г. Погодина и Шевырева, видѣлъ отличительныя черты русской народности и русской исторіи въ томъ же, въ чемъ находили ихъ славянофилы: Шевыревъ изображалъ православное благочестіе русской старины въ столь же яркихъ краскахъ, и славянофилы съ удовольствіемъ должны были читать въ его лекціяхъ, что любомудріе древнихъ русскихъ мыслителей превышаетъ глубиною философію Гегеля. Кромѣ общей любви къ старинѣ,—достойной служить образцомъ для настоящаго по «цѣльности воззрѣнія»,—«Москвитянинъ» сходился съ славянофилами и въ частныхъ представленіяхъ о русской исторіи: по поводу статьи г. Погодина, «Параллѣль русской исторіи съ исторіею западныхъ европейскихъ государствъ», славянофилы находили, что его мысль о коренномъ различіи между исторіей западной и нашей — «неоспорима», и противоположенія Запада и Востока у нихъ очень сходны. «Москвитянинъ» терпѣть не могъ Запада и распространялъ теорію объ его гніеніи,—которая почти совершенно равняется тому мнѣнію, какое имѣли и имѣютъ о Западѣ славянофилы. Правда, у славянофиловъ была своя оппозиціонная доля мнѣній, на которую «Москвитянинъ» не рисковалъ, но потомъ, когда это стало безопаснѣе, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ, г. Погодинъ также фрондировалъ въ славянофильскомъ вкусѣ.

Надобно вспомнить тогдашнее время, чтобы оцѣнить впечатлѣніе этого союза или большой близости съ «Москвитяниномъ». Журналъ г. Погодина не пользовался уваженіемъ, велся плохо, и самъ по себѣ вызывалъ только шутки; вмѣстѣ съ «Маякомъ» онъ былъ въ литературѣ представителемъ «древняго благочестія» и квасного патріотизма; теперь къ этой тенденціи присоединялась новая школа изъ людей другого порядка, людей съ несомнѣннымъ талантомъ и образованіемъ. Старовѣрство вооружалось философскими доказательствами; во имя народа проповѣдывалось отрицаніе той образованности, которая едва бросала корень въ русскомъ обществѣ,—можно было подумать, что въ этихъ людяхъ старый обскурантизмъ встрѣчалъ новыхъ союзниковъ.

Аргументы, которыми новая школа защищала свои мнѣнія, были такого свойства, что казались не только ошибочными, но и вредными, потому что дѣйствительно открывали путь для настоящаго обскурантизма. Не входя въ подробности тогдашней полемики (которая, притомъ, часто вовсе не могла касаться самыхъ существенныхъ спорныхъ пунктовъ, или могла только да-

лекимъ образомъ намекать на нихъ), мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ положеній школы.

Славянофильская система имѣетъ ту особенность, рѣдкую въ общественно-политическихъ взглядахъ нашего времени, что существенное основаніе ея—теологическое. Сюда сводится и нелюбовь къ Западу, и восхищеніе русской, до-петровской стариной: мы должны отвратиться отъ Запада, потому что его просвѣщеніе намъ чуждо и лишено *верховной истины;* мы должны обратиться къ старинѣ, потому что она, хотя и не всегда сознательно, была проникнута ученіемъ, заключающимъ въ себѣ эту верховную истину.

Мы не можемъ разбирать здѣсь, вѣрно ли изображаютъ славянофилы самую эту верховную истину: это—предметъ, чисто и исключительно богословскій; скажемъ только о томъ историческомъ и соціальномъ употребленіи, какое они дѣлаютъ изъ этой общей мысли.

Они подходятъ къ этому предмету съ различныхъ сторонъ. Кирѣевскій нѣсколько разъ возвращается къ нему, и напримѣръ опредѣляя отношенія европейскаго просвѣщенія къ нашему, утверждаетъ, будто бы самый Западъ, истощивъ свою латино-германскую цивилизацію, очевидно ищетъ теперь другого, болѣе широкаго начала просвѣщенія, и что это начало онъ найдетъ именно въ православіи.—Еще недавно, лѣтъ тридцать назадъ [1]),—говоритъ Кирѣевскій,—думали, что вся разница европейскаго и русскаго просвѣщенія заключается не въ качествѣ, а въ степени; но «съ тѣхъ поръ» и въ томъ, и въ другомъ, и въ западномъ, и въ русскомъ просвѣщеніи произошла сильная перемѣна. Европейское просвѣщеніе достигло полноты развитія, его особенность ярко выразилась, опредѣлились его итоги, и въ результатѣ оказалось «общее чувство недовольства». Правда, науки процвѣтали, внѣшняя жизнь устроивалась, но жизнь лишена была своего внутренняго смысла; анализъ разрушилъ «всѣ основы», на которыхъ стояло европейское просвѣщеніе съ самаго начала. Вмѣстѣ съ тѣмъ самый анализъ дошелъ до сознанія своей ограниченности и односторонности, и убѣдился, что высшія истины лежатъ внѣ круга его діалектическаго процесса. Этотъ результатъ выраженъ, по словамъ Кирѣевскаго, передовыми мыслителями Запада. И теперь Западу предстоитъ или быть

---

[1]) Писано въ 1852 г.

равнодушнымъ ко всему, что́ выше чувственныхъ интересовъ, а это невозможно и унизительно,—или возвратиться къ своимъ начальнымъ убѣжденіямъ, но онѣ разрушены анализомъ. Чтобъ избѣгнуть этой мучительной пустоты, Западъ сталъ изобрѣтать разныя новыя начала жизни, мѣшалъ старое съ новымъ, возможное съ невозмо́жнымъ. Вообще, современный характеръ европейскаго просвѣщенія, по мнѣнію Кирѣевскаго, совершенно однороденъ съ той эпохой древней греко-римской образованности, когда, развившись до противорѣчія самой себѣ, она необходимо должна была «принять въ себя другое, новое начало, хранившееся у другихъ племенъ, не имѣвшихъ до того времени всемірно-исторической зна́чительности». Каждое время имѣетъ свой господствующій жизненный вопросъ, и если дѣйствительно таково положеніе западной цивилизаціи, то всѣ вопросы европейской жизни—вопросы о движеніи умовъ, о наукѣ, о формахъ общественнаго устройства,—всѣ эти вопросы «сливаются въ одинъ существенный, живой, великій вопросъ объ отношеніи Запада къ тому незамѣченному до сихъ поръ началу жизни, мышленія и образованности, которое лежитъ въ основаніи міра православно-словенскаго».

Такимъ образомъ вопросъ ставился совершенно категорически. Не только мы должны стать на дорогу, завѣщанную намъ нашей стариной, но и для самой Европы эта дорога есть единственный способъ обновить свою цивилизацію, дошедшую до послѣднихъ предѣловъ своего развитія. И повторимъ опять, это—тема всеобщая у славянофиловъ, съ той разницей, что одни, какъ самъ Кирѣевскій, еще нѣсколько благоволятъ Западу за его прежнія послуги и добродушно желаютъ ему возвратиться на путь истинный, а другіе больше раздражены противъ него за вражду къ Востоку, и предоставляютъ Западъ его судьбѣ—пусть дѣлаетъ какъ знаетъ. Кирѣевскій еще признаетъ высокія умственныя достоинства западной цивилизаціи, находитъ нелѣпой мысль, будто мы должны бросить то, чѣмъ уже воспользовались отъ нея, считаетъ даже нужнымъ и дальнѣйшее общеніе съ ней,—подъ условіемъ только вѣрности основному православно-славянскому началу;—другіе бросаютъ эти оговорки и утверждаютъ прямо, что Западъ гніетъ, что отъ него слѣдуетъ бѣжать, чтобъ не заразиться гніеніемъ, что зараза даже замѣтна и у насъ. Остановимся пока на умѣренномъ выраженіи этихъ мыслей у Кирѣевскаго.

Странно прежде всего, что тотъ же авторъ въ началѣ статьи, изъ которой приведена послѣдняя цитата, довольно хо-

рошо понимаетъ новѣйшее движеніе умовъ въ Европѣ. Вотъ отрывокъ:

«Умственныя движенія на Западѣ, — говоритъ онъ, — совершаются теперь съ меньшимъ шумомъ и блескомъ, но очевидно имѣютъ *болѣе глубины и общности*. Вмѣсто ограниченной сферы событій дня и внѣшнихъ интересовъ, мысль устремляется къ самому источнику всего внѣшняго, къ *человѣку, какъ онъ есть*, и къ его *жизни, какъ она должна быть*. Дѣльное открытіе въ наукѣ уже болѣе занимаетъ умы, чѣмъ пышная рѣчь въ камерѣ. Внѣшняя форма судопроизводства кажется менѣе важною, чѣмъ внутреннее развитіе справедливости; живой духъ народа существеннѣе его наружныхъ устроеній. Западные писатели начинаютъ понимать, что подъ громкимъ вращеніемъ общественныхъ колесъ таится неслышное движеніе нравственной пружины, отъ которой зависитъ все, и потому въ мысленной заботѣ своей стараются перейти отъ явленія къ причинѣ, отъ формальныхъ внѣшнихъ вопросовъ хотятъ возвыситься къ тому объему идеи общества, гдѣ и минутныя событія дня, и вѣчныя условія жизни, и политика, и философія, и наука, и ремесло, и промышленность, и сама религія, и вмѣстѣ съ ними словесность народа, сливаются въ одну необозримую задачу: *усовершенствованіе человѣка и его жизненныхъ отношеній*» [1]).

Эти послѣднія слова дѣйствительно очень вѣрно указываютъ господствующее стремленіе европейской образованности, и если бы авторъ больше вникалъ въ нее съ этой точки зрѣнія, онъ, быть можетъ, не пришелъ бы къ выводу, что она уже кончила кругъ своего развитія. Какъ ошибоченъ былъ весь этотъ выводъ, объ этомъ какъ-то странно говорить: нужно было бы разсказывать исторію современной Европы, съ великими созданіями ея новѣйшей науки, съ ея энергическими усиліями къ «усовершенствованію человѣка и его жизненныхъ отношеній»,—откуда приходили и къ намъ тѣ немногія крохи, которыя въ сущности были главнѣйшей опорой нашего собственнаго умственнаго развитія. Скорѣе, является только вопросъ о томъ, какъ могли возникнуть въ Кирѣевскомъ эти мысли. Увлекаясь своимъ религіознымъ настроеніемъ и старыми философскими воспоминаніями, Кирѣевскій думалъ, что рѣшенія вопроса о западномъ просвѣщеніи надо искать въ положеніи той отвлеченной философіи, на которой совершалось нѣкогда его собственное развитіе. Это положеніе казалось ему неудовлетворительнымъ (и справедливо); онъ

[1]) Сочин., II, стр. 4—5.

видѣлъ (справедливо) въ новѣйшихъ системахъ колебаніе, непрочность и напрасныя усилія схватить абсолютный принципъ, котораго философія такъ давно доискивалась. Ему казалось, что это колебаніе обозначаетъ послѣднія попытки, быть можетъ конецъ той «разсудочной мысли», которою Западъ исключительно жилъ по его мнѣнію; а въ этихъ порывахъ уловить абсолютное, онъ находилъ еще не вполнѣ сознанное стремленіе—именно къ православно-славянскому началу. Во всемъ этомъ вѣрно было только одно, — что спекулятивная философія Гегелевой и Шеллинговой школы дѣйствительно отживала свое время. Чистое умозрѣніе этой школы дѣйствительно потеряло вѣру въ новыхъ поколѣніяхъ. Но странно было считать это упадкомъ самой «разсудочной мысли». Напротивъ того, новый періодъ ея ничѣмъ не уступалъ прежнимъ въ научной дѣятельности и отличался только новымъ направленіемъ, которое она видимо начинала принимать. На мѣсто отвлеченныхъ теолого-философскихъ умозрѣній наука больше и больше обращалась къ точнымъ положительнымъ изученіямъ — въ многоразличныхъ областяхъ науки. Естествознаніе больше и больше выступаетъ на первый планъ, и пріемы точнаго знанія распространяются и на тѣ области, которыя прежде брала въ свою опеку отвлеченная философія—на исторію, право, общественныя и политическія науки и проч. «Передовые мыслители» были здѣсь, въ этихъ направленіяхъ науки, и едва ли у нихъ Кирѣевскій встрѣчалъ тѣ недоумѣнія о послѣдней судьбѣ европейской образованности, о которыхъ онъ упоминаетъ. Самъ онъ, къ сожалѣнію, не указываетъ, кто были «передовые мыслители», на которыхъ онъ ссылается.

Направленіе, пріобрѣтавшее теперь все бо́льшую и бо́льшую силу въ наукѣ, правда, уже не думало объ основаніи новой спекулятивной философіи, но вовсе не потому, чтобы «разсудочная мысль» истощилась, а именно потому, что теперь она расширила область изслѣдованія до такихъ размѣровъ, о которыхъ и не помышляла ученость за нѣсколько десятковъ лѣтъ ранѣе. Тѣ приложенія абсолютной гегелевской философіи, которыми думали прежде опредѣлить содержаніе и пріемы частныхъ наукъ, именно оказывались совершенно неудовлетворительными,— такова была Гегелевская философія исторіи, его ученіе о правѣ, его философія природы, — потому что новѣйшее реально-историческое изученіе и естественныя науки показали, фактами, грубыя ошибки построеній a priori. «Разсудочная мысль» стала только на высшую ступень противъ прежней.

Такимъ образомъ, все разсужденіе о положеніи европейской мысли, въ этомъ отношеніи, основано на чистомъ недоразумѣніи. Кирѣевскій не замѣчалъ и странности своего вывода, будто бы это разложеніе западной образованности, имъ предполагаемое, совершилось въ теченіе указанныхъ имъ тридцати лѣтъ—слишкомъ короткій срокъ, чтобы въ теченіи его могъ стать замѣтнымъ упадокъ многовѣковой цивилизаціи. Далѣе, на такомъ же недоразумѣніи основывались славянофильскія сужденія о нравственномъ и общественномъ положеніи Европы. Отмѣчая различные случайные, притомъ мало доказанные факты, они готовы съ заключеніемъ, что нравы падаютъ, — все по той же общей причинѣ, — но и здѣсь славянофилы не видѣли того обширнаго общественнаго броженія, которое уже ясно высказывалось въ тѣ годы (быть можетъ, слишкомъ поспѣшными опытами и рѣшеніями, очень естественными при первомъ порывѣ) и дѣйствовало въ смыслѣ «усовершенствованія жизненныхъ отношеній», и въ пользу низшихъ классовъ народа. Одно это явленіе могло бы объяснить, что европейская жизнь не только не утомилась, не устарѣла, но что она полна энергіи: она ставила вопросъ въ высшей степени трудный, съ давнихъ вѣковъ нетронутый, ставила его не пугаясь громадныхъ препятствій, созданныхъ долгой прошедшей исторіей общества, и мы думаемъ, что — несмотря на всѣ, неизбѣжныя, ошибки — это было дѣло, исполненное высокаго человѣческаго достоинства, и конечно не такое, которое говорило бы о безсиліи, равнодушіи и упадкѣ. — Далѣе, славянофилы, особенно Кирѣевскій и Хомяковъ, любятъ останавливаться на положеніи религіознаго вопроса, преимущественно въ Германіи,—любятъ указывать на разладъ въ религіозной мысли, на борьбу различныхъ партій, изъ которыхъ каждая считаетъ себя истинной формулой христіанства, и выводятъ отсюда, что въ религіозномъ отношеніи Европа также находится въ безвыходномъ положеніи, и уже ищетъ иного, «не замѣченнаго прежде» начала, которое возстановило бы потерянное ею нравственно-религіозное равновѣсіе. На этотъ разладъ они смотрятъ съ высоты своего принципа, какъ на рядъ жалкихъ заблужденій, изъ которыхъ однако этимъ западнымъ людямъ такъ легко было бы выйдти. Не обходится безъ сравненій, гдѣ этой церковной анархіи противопоставляется наше единство и крѣпкое согласіе... Но и это едва ли такъ. Славянофилы сравниваютъ двѣ вещи, очень непохожія одна на другую, потому что дѣйствительно жизнь западныхъ церковныхъ общинъ, преимущественно германскихъ, имѣетъ чрезвычайно мало общаго съ восточнымъ порядкомъ вещей. Прежде всего, наблюда-

тель, дѣлающій подобное сопоставленіе, можетъ впасть въ грубую ошибку уже потому, что церковная дѣятельность совершается тамъ на виду, такъ что высказываются всѣ движенія религіозной мысли, между тѣмъ какъ наша церковная жизнь вовсе не допускаетъ, по настоящую минуту, сколько-нибудь свободнаго, даже никакого обсужденія церковныхъ дѣлъ, такъ что здѣсь мы видимъ только единство молчанія; — самъ Хомяковъ могъ защищать православіе только французскими брошюрами, печатанными за границей; — во-вторыхъ, если уже дѣлать сравненія, то слѣдовало и наши дѣла брать какъ они есть, напр., не забыть десяти-милліоннаго раскола. Быть можетъ, тогда представились бы соображенія, при которыхъ нельзя было бы подшучивать надъ какой нибудь куръ-гессенской церковью, не помнящей своего родства съ остальнымъ протестантствомъ.

Далѣе, западное религіозное мышленіе стояло въ такихъ условіяхъ, какихъ еще не подозрѣвало наше общество. Послѣднее время было замѣчательно особеннымъ распространеніемъ критическаго изслѣдованія: западная религіозная философія стояла лицомъ къ лицу съ этимъ изслѣдованіемъ, и такъ или иначе должна была считаться съ нимъ, отвѣчать на изслѣдованіе своей критикой, защищаться отъ его отрицательныхъ и скептическихъ притязаній,—дѣлать ему уступки. Такъ происходили раціоналистическія секты и ученія, которыя имѣютъ весьма достаточное основаніе своего бытія. Славянофилы сурово отвергаютъ это направленіе теологіи какъ «сухой раціонализмъ», «разсудочную религію» и т. п., но для того, чтобы осудить эти направленія, нужно ихъ опровергнуть — тѣмъ оружіемъ, которое они употребляютъ. Этого еще нашими славянофилами не сдѣлано, и ихъ осужденія остаются бездоказательными. Очевидно, что упомянутыя критическія изслѣдованія относятся столько же и къ восточному началу, сколько къ западному; но въ нашей умственной жизни онѣ до сихъ поръ не только не имѣли мѣста, но большею частью остаются вовсе неизвѣстны. Европейская религіозная образованность не прячется отъ этихъ изслѣдованій, и имѣетъ во всякомъ случаѣ ту высокую цѣну, что вступаетъ въ открытую и очень смѣлую борьбу съ тѣми трудностями, которыя предстояли ей отъ развитія критики и скептицизма.

Догматическіе споры нѣмецкихъ церквей конечно скучны и безполезны, какъ вообще догматическіе споры,—но едва ли они составляютъ особенно важное явленіе современной религіозной жизни. Несравненно важнѣе были другіе споры, которые издавна захватывали религіозную жизнь Запада и дѣйствовали на самую

сущность ея: это — тѣ споры, которые мало по малу ограничивали важность догматической стороны религіи, и давали преобладаніе ея нравственной сторонѣ. На этомъ основаніи Западъ выработалъ—въ разныхъ странахъ больше или меньше—понятіе и чувство терпимости, которая еще слишкомъ мало была извѣстна Востоку и безъ сомнѣнія должна бы принадлежать къ существеннымъ чертамъ христіанства, какъ ученія и какъ государственной религіи. Если слова «свобода духа», «цѣльность воззрѣнія» нѣ одни только слова, то въ нихъ должна заключаться и полная свобода изслѣдованія для тѣхъ, у кого извѣстные вопросы возникли. Въ западной образованности уже очень давно заявлена и давно, такъ сказать, практикуется такая свобода изслѣдованія, и Западу конечно съ бо̀льшимъ правомъ можно приписать эту прерогативу, которую славянофилы усвояютъ одному Востоку. На Востокѣ напротивъ этой «свободы» и «цѣльности» не существуетъ,— и если взять въ примѣръ самихъ славянофиловъ, приписывающихъ себѣ эти свойства восточнаго духа, то въ нихъ оказывается напротивъ самый исключительный конфессіонализмъ, очень далекій отъ всякой «свободы».

Вслѣдствіе свободы изслѣдованія въ западной религіозной образованности естественно развилось упомянутое стремленіе ея стоять вровень съ наукой,— брать въ разсчетъ ея результаты, мириться съ ними, когда они приносятъ то или другое видоизмѣненіе принятыхъ прежде понятій. Раціонализмъ, столь ненавистный славянофиламъ, есть явленіе неизбѣжное тамъ, гдѣ люди не отворачиваются и не затыкаютъ ушей отъ науки. Для «цѣльности воззрѣнія» нужно конечно, чтобы результаты науки не противорѣчили религіозному сознанію, и вѣра, конечно, не должна требовать такихъ уступокъ отъ разума, которыя составляли бы противорѣчіе съ результатами знанія. Отсюда извѣстное видоизмѣненіе религіозныхъ представленій отъ одного историческаго періода до другого; отсюда устраненіе многихъ заблужденій, напр. средневѣковыхъ представленій о порядкѣ природы,— которымъ прежде приписывалась почти догматическая важность, и которыя теперь оскорбили бы достоинство религіи, если бы имъ давалось и теперь такое же значеніе. Исторія научаетъ, что религіозныя представленія шли такимъ образомъ параллельно съ общимъ движеніемъ образованности, расширялись, освобождались отъ случайныхъ заблужденій, облагораживались. Общее развитіе человѣчества и развитіе религіозныхъ представленій идутъ рядомъ, и возвращеніе назадъ и здѣсь точно также было бы упадкомъ и заблужденіемъ, какъ въ другихъ областяхъ цивилизаціи.

Между тѣмъ славянофилы именно этого и желаютъ. Кирѣевскій весьма недвусмысленно говоритъ о необходимости для Европы возвращенія къ восточному началу: онъ для этого предлагалъ особенный путь умозрѣнія (мы упомянемъ о немъ дальше). Но отвлеченное начало дѣйствуетъ въ жизни не одной логической силой своего содержанія, и обставляется извѣстными внѣшними проявленіями, — такъ что дѣло должно было идти не только о понятіяхъ, но также объ извѣстныхъ формахъ, учрежденіяхъ, обычаяхъ. Дѣйствительно, другіе славянофилы прямо ожидали, что Европа должна принять православіе; Хомяковъ принялъ живѣйшій интересъ въ обращеніи Пальмера въ православіе; славянофилы придавали великое значеніе обстоятельству, что у нѣсколькихъ англичанъ явилась мысль о соединеніи англиканства съ православной церковью... Такимъ образомъ, усвоеніе Западомъ восточнаго начала понималось славянофилами въ самой осязательной внѣшней формѣ, и такъ какъ эта форма есть форма историческая, весьма древняго образованія, то ожидаемое ими усвоеніе ея Западомъ представило бы весьма удивительное явленіе въ исторіи цивилизаціи.

Кирѣевскій, вообще едва ли не наиболѣе благоразумный изъ славянофиловъ, не одинъ разъ выражалъ мысль, что хотя для Запада, и для нашихъ его послѣдователей необходимъ поворотъ къ восточному началу, но что при этомъ не только Западу не должно отказываться отъ пріобрѣтеннаго имъ запаса образованности, но и намъ, избранному сосуду, не должно покидать того, что́ мы успѣли заимствовать отъ Запада. Но другіе славянофилы, и тогда, и послѣ, смотрѣли на дѣло иначе: западная цивилизація была для нихъ только предметомъ вражды; имена европейскихъ писателей, не подходившихъ подъ ихъ вкусы, особенно имена, которыя пріобрѣтали популярность у насъ въ послѣднее время, вызывали въ нихъ только издѣвательства, которыя, будучи совершенно неумѣстны по всему состоянію нашей учености, довольно умѣренной, были бы приличны только одному невѣжеству. Такъ, этому издѣвательству подвергались и Фохтъ, и Спенсеръ, и Ренанъ, и Бокль «съ братіею». Можно себѣ представить, что подобное отношеніе къ европейской литературѣ, ставившее славянофиловъ вровень съ «Домашней Бесѣдой», не было способно внушать особенное уваженіе къ ихъ образованности и довѣріе къ ихъ практическому вліянію на общественныя дѣла, если бы когда-нибудь таковое предстояло.

Кирѣевскій понималъ, что возведеніе восточнаго начала въ высшее основаніе человѣческаго мышленія есть вещь, мало по-

нятная для обыкновеннаго разсужденія, и посвятилъ особую статью объясненію «необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи». Эти новыя начала—конечно, начала восточныя. Онъ понимаетъ, что для самаго существованія философіи необходима свободная дѣятельность разума, и старается доказать, что эта свобода совершенно возможна при этихъ началахъ,—только разумъ долженъ быть вѣрующій разумъ; только самый способъ мышленія долженъ возвыситься до сочувственнаго согласія съ вѣрою. Это послѣднее дѣлается такимъ образомъ: «Внутреннее сознаніе, что есть въ глубинѣ души живое общее средоточіе для всѣхъ отдѣльныхъ силъ разума, сокрытое отъ обыкновеннаго состоянія духа человѣческаго, но *достижимое* для ищущаго, и одно достойное постигать высшую истину,— такое сознаніе постоянно возвышаетъ самый образъ мышленія человѣка: смиряя его разсудочное самомнѣніе, оно не стѣсняетъ свободы естественныхъ законовъ его разума; напротивъ, укрѣпляетъ его самобытность и вмѣстѣ съ тѣмъ добровольно подчиняетъ его вѣрѣ». Передъ тѣмъ Кирѣевскій только-что указалъ, что въ основаніи восточной философіи лежатъ неизмѣнныя положенія съ ясно обозначенными и твердыми границами, что эти положенія «неприкосновенны» (Соч. II, 307 и слѣд.): очевидно, что «самобытности» разума при этомъ быть не можетъ, это будетъ та же средневѣковая ancilla theologiae. Самъ Кирѣевскій чувствовалъ, что разуму не много будетъ тутъ дѣла: «для развитія этого самобытнаго православнаго мышленія,—говоритъ онъ,—не требуется особенной геніальности. *Напротивъ,* геніальность, предполагающая непремѣнно оригинальность, могла бы даже повредить полнотѣ истины» (Соч. II, 331). Странное признаніе,— но весьма послѣдовательное: въ такой системѣ философіи, которая уже впередъ имѣетъ свое неприкосновенное основаніе, дѣйствительно не потребуется геніальности: придется только наполнять схоластическія схемы. Но какова будетъ сама философія?

Эти основанія восточной философіи уже давно положены: Кирѣевскій находитъ ихъ у византійскихъ писателей, преимущественно послѣ раздѣленія церквей, и удивляется, что эта возвышенная философія, несмотря на всѣ достоинства, была «такъ мало доступна разсудочному направленію Запада, что не только никогда не была оцѣнена западными мыслителями, но, что еще удивительнѣе, до сихъ поръ осталась имъ почти вовсе неизвѣстною» (II, стр. 256). Еще удивительнѣе то, какимъ образомъ Кирѣевскій, говоря это, забывалъ, что этихъ восточныхъ философовъ могъ читать только въ изданіяхъ, сдѣланныхъ западными

учеными, которымъ вообще мы обязаны своими свѣдѣніями о византійской древности.

Вопросъ образованности такимъ образомъ тѣсно связывался съ вопросомъ чисто-церковнымъ. Кирѣевскій, какъ мы видѣли, пришелъ къ убѣжденію, что направленіе всякой философіи зависитъ отъ того понятія, какое мы имѣемъ о св. Троицѣ (Соч. I, біогр., стр. 100). Слѣдовательно, споръ о философскихъ направленіяхъ превращался въ споръ чисто-догматическій, споръ исповѣданій, принимающихъ то или другое понятіе объ упомянутомъ догматѣ. Именно, различныя понятія объ этомъ догматѣ послужили главнѣйшимъ поводомъ къ разрыву церквей восточной и западной, къ цѣлому разрыву двухъ міровъ европейской образованности. Вопросъ объ отношеніи Россіи къ Европѣ и ея цивилизаціи, вопросъ о нашемъ національномъ значеніи, о нашей будущей роли въ человѣчествѣ (о которой постоянно заботились славянофилы) долженъ былъ рѣшиться въ теологическомъ трактатѣ. Эту долю задачи и взялъ на себя Хомяковъ: разрѣшеніемъ ея заняты недавно изданныя за границей богословскія сочиненія Хомякова. Содержаніе ихъ и заслугу писателя г. Самаринъ указываетъ въ томъ, что Хомяковъ «выяснялъ и выяснилъ идею церкви въ логическомъ ея опредѣленіи» (Соч. Хом. II, XXVII).

Мы не можемъ входить въ разсмотрѣніе этихъ сочиненій, исполненныхъ догматическаго и церковно-учительнаго содержанія. Смыслъ ихъ—защита и возвеличеніе православной церкви,—какъ единственной, сохранившей древній вселенскій характеръ и основное содержаніе церкви,—надъ западными исповѣданіями, которыя отпали отъ вселенскаго единства и потеряли истинный смыслъ христіанства. Издатель указываетъ высокую заслугу Хомякова въ томъ, что онъ сталъ на новую, широкую точку зрѣнія въ вопросѣ, которой до тѣхъ поръ рѣшался односторонне. Положеніе церкви, или нашей теологической школы, относительно католичества и протестантства было до сихъ поръ оборонительное, и притомъ такое, что защищаясь отъ католичества, школа становилась антипапистской, и защищаясь отъ протестантства, становилась антипротестантской: она принимала вопросы такъ, какъ они ставились враждебными исповѣданіями, и почти вынуждена была браться противъ нихъ за оружіе, издавна выработанное ими для ихъ междоусобной войны. Этимъ путемъ, обѣ школы приняли одна—закваску протестантскую, другая католическую; успѣхъ одной отзывался невыгодно для другой, и наконецъ, съ теченіемъ этой борьбы, «раціонализмъ просочился въ православную школу и остылъ въ ней въ видѣ научной оправы къ догматамъ вѣры, въ формѣ доказа-

тельствъ, толкованій и выводовъ». Такъ, въ восемнадцатомъ столѣтіи одно направленіе представлялось Ѳеофаномъ, другое—Стефаномъ Яворскимъ, и все, что̀ являлось послѣ, группируется около ихъ капитальныхъ сочиненій, и представляетъ какъ бы оттиски съ нихъ, но ослабленные и смягченные. Школа раздвоилась и становилась въ уровень съ противникомъ; Хомяковъ первый взглянулъ на католичество и протестантство съ точки зрѣнія самыхъ основаній церкви, *сверху*, и потому могъ опредѣлить ихъ.

Богословскіе трактаты Хомякова написаны дѣйствительно съ большимъ діалектическимъ искусствомъ, и должны занять почетное и своеобразное мѣсто въ догматической литературѣ, — котораго впрочемъ мы опредѣлить не беремся [1]). Эта литература, какъ всякая спеціальность, имѣетъ свои вопросы, свои условія,—и здѣсь, быть можетъ, его аргументы дѣйствительно такъ могущественны, какъ изображаетъ г. Самаринъ. Но рѣшеніе поставленнаго вопроса заключается не въ одной догматической аргументаціи. Система, построенная Хомяковымъ, быть можетъ, отличается строгою логикою; но эта логика остается чистой отвлеченностью. Для того, чтобы система получала полную убѣдительность, нужно, чтобы исторія и дѣйствительная жизнь давали ей извѣстную опору; иначе она остается для насъ поэтическимъ идеаломъ, или логической фикціей. Система, которую изображаетъ Хомяковъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденіе — въ томъ смыслѣ, какъ говоритъ о немъ г. Самаринъ (стр. XXVII—XXVIII), и самъ г. Самаринъ сознаетъ и доказываетъ, что реальное учрежденіе далеко не соотвѣтствуетъ логическо-идеальному построенію Хомякова. Откуда же это противорѣчіе, и не есть ли построеніе Хомякова произвольное и воображаемое? Этого противорѣчія миновать невозможно. Существующій характеръ и существующее пониманіе учрежденія не есть, конечно, дѣло только одного нынѣшняго поколѣнія,—не есть слѣдствіе только его степени разумѣнія или неразумѣнія; это пониманіе есть результатъ цѣлой, весьма продолжительной исторіи, — начало которой даже довольно трудно опредѣлить. Самъ Хомяковъ очень хорошо понималъ, что «учрежденіе» можетъ становиться въ крайне фальшивыя положенія (стр. 75); не менѣе ясно понимаетъ это и г. Самаринъ въ данномъ случаѣ (стр. VI—VIII, XXV—XVI);— но какимъ же образомъ раздѣлить отвлеченную систему отъ учреж-

[1]) Они встрѣтили въ нашей литературѣ, сколько мы знаемъ, пока одинъ только отголосокъ, въ книжкѣ г. Николая Барсова: „Новый методъ въ богословіи. По поводу богословскихъ сочиненій Хомякова“, и проч Спб. 1870.

денія, которое именно и служитъ предметомъ идеальнаго возвеличенія и должно давать для этого основаніе? Жизнь имѣетъ дѣло и должна считаться не съ логической формулой или идеальнымъ представленіемъ принципа, а съ реальнымъ явленіемъ, унаслѣдованнымъ отъ прошедшаго въ настоящее. Можетъ быть, что логическая формула и идеальное представленіе соотвѣтствуютъ основному характеру учрежденія, въ первоначальную пору его образованія въ давнопрошедшихъ историческихъ условіяхъ, — но съ тѣхъ поръ оно прошло многовѣковой путь развитія. Могло ли учрежденіе остаться свободнымъ отъ вліянія исторіи,—чтобы на немъ не отпечатлѣлось, и притомъ трудно изгладимымъ образомъ, дѣйствіе условій, въ какихъ оно существовало въ теченіе своей послѣдующей исторіи? Возможно ли, чтобы явленіе, создавшееся въ извѣстную эпоху въ духѣ ея понятій, могло въ томъ же смыслѣ и тѣхъ же формахъ жить и дѣйствовать въ другое время, послѣ долгаго періода хотя бы «разсудочной» образованности?

Въ частности нынѣшнія, русскія условія, въ которыхъ поставленъ вопросъ, таковы, что самое приближеніе къ его разъясненію въ высшей степени затруднительно. Какимъ же образомъ можно считать широкіе, порядочно заносчивые планы Хомякова не чистой, далекой отъ жизни, отвлеченностью или фантастическимъ идеаломъ. «Непроницаемая туча недоразумѣній», о которой говоритъ самъ г. Самаринъ, дѣйствительно такъ велика, что люди, которые даже искренно бы желали разъяснить вопросъ, едва могутъ видѣть свою цѣль и различать другъ друга. Если дѣйствительно нужно объяснить великій принципъ религіи и цивилизаціи,—какъ хотятъ въ этомъ случаѣ славянофилы,—нужно бы, кажется, прежде всего позаботиться хоть о какомъ нибудь разсѣяніи «непроницаемой тучи»,—позаботиться, такъ сказать, о домашнемъ разрѣшеніи вопроса, прежде чѣмъ брать на себя видъ «воинствующій» и обличительный: безъ этого, мы думаемъ (и говоримъ это въ ихъ собственномъ интересѣ), усилія славянофиловъ сколько-нибудь провести свою точку зрѣнія останутся совершенно безплодны. То, о чемъ мы говоримъ, будетъ гораздо потруднѣе, чѣмъ полемика съ г. Лоренси. Между тѣмъ, сами славянофилы,—какъ это кажется не только намъ, но множеству людей, спокойно разсуждающихъ,—дотрогиваются, правда изрѣдка, до непроницаемой тучи, но вовсе не разгоняютъ ея, а иногда сами ее увеличиваютъ.

Мы готовы повѣрить, что Хомяковъ представлялъ собой оригинальное, почти небывалое у насъ явленіе полнѣйшей «свободы въ религіозномъ сознаніи» (стр. XX). Надо было бы думать,

что его школа, если сама еще не представляетъ подобнаго явленія, то по крайней мѣрѣ стремится къ нему. По разсказамъ мы знаемъ дѣйствительно, что отношеніе Хомякова къ предмету было свободное; его личное убѣжденіе — какимъ бы путемъ оно ни было пріобрѣтено — было свободное убѣжденіе просвѣщеннаго человѣка, который не боялся противнаго мнѣнія, даже искалъ его, чтобы удовлетворить своей потребности пропаганды или діалектическаго спора. Но школа, къ сожалѣнію, представила слишкомъ много доказательствъ того, что въ ней нѣтъ этого свободнаго отношенія. Совсѣмъ напротивъ. Въ сочиненіяхъ самого Кирѣевскаго и Хомякова найдутся выраженія, въ которыхъ проглядываетъ нетерпимость; у послѣдователей, эта нетерпимость есть правило. Забывая о всѣхъ существующихъ условіяхъ, они высокомѣрно заявляютъ свои принципы въ столь исключительномъ духѣ, что и разъясненіе вопросовъ дѣлается совершенно невозможнымъ. Правда, изрѣдка они заявляютъ свое недовольство извѣстными современными качествами «учрежденія», заявляютъ даже съ нѣкоторымъ задоромъ, — но въ другое время это не мѣшаетъ имъ пускаться въ обличенія, и если не самимъ хвататься за «камень» (Соч. Хом. II, стр. 16), то указывать на этотъ камень, за который и хватаются другіе.

Наша литература, по извѣстнымъ обстоятельствамъ ея положенія, — которыя славянофиламъ не безъизвѣстны, — никогда не могла и до сихъ поръ не можетъ говорить объ этихъ предметахъ съ какой-нибудь искренностью и ясностью. Очевидно было однако, что въ литературѣ развилось, въ параллель всему остальному ея содержанію, извѣстное критическое, даже скептическое направленіе. Предметы религіозные были исключены изъ обыкновенной, — не спеціальной, — литературы, но интересы вопроса существовали; новѣйшія философскія и историко-критическія произведенія иностранныхъ литературъ болѣе или менѣе были извѣстны въ образованномъ кругу и нѣкоторыя изъ нихъ, естественнымъ образомъ, производили впечатлѣніе, котораго не могли устранить произведенія домашнія. При тѣхъ условіяхъ нашей общественной жизни, которыя хорошо долженъ понимать г. Самаринъ, наше критическое направленіе высказывалось только отрывочно, урывками, насколько было возможно; быть можетъ иногда скептицизмъ обнаруживался болѣе рѣзко, чѣмъ можно было бы ожидать въ болѣе нормальномъ положеніи литературы: впрочемъ, въ цѣломъ объемѣ литературы онъ былъ едва замѣтенъ, а для обыкновенной массы читателей едва ли и вообще понятенъ. Но и этихъ немногихъ выраженій, отчасти вызванныхъ

другой крайностью славянофиловъ или ихъ союзниковъ, бывало для славянофиловъ достаточно, чтобы обрушиваться на новѣйшую литературу, и тѣмъ оказывать просвѣщенію истинно медвѣжью услугу. Они смѣшивали въ одну кучу все, что не нравилось имъ въ новѣйшей литературѣ, и предавали все огульному осужденію, — и въ томъ числѣ труды и мысли людей, вѣроятно не уступающихъ имъ въ любви къ истинѣ и въ желаніи общаго блага. Въ упоръ имъ, славянофилы выставляли свою систему, позади которой лежалъ «камень». Не должно удивляться, если наконецъ стали считать славянофиловъ въ той категоріи, въ которой они сами конечно не желаютъ себя считать.

Оговоримся, что факты подобнаго рода принадлежатъ главнымъ образомъ болѣе позднему времени, но эти факты важны для насъ тѣмъ, что они вовсе не случайны, и напротивъ обличаютъ дѣйствительный характеръ школы, ея исключительность,— которая можетъ смягчаться личными свойствами и образованностью нѣкоторыхъ ея послѣдователей, но принадлежитъ къ сущности ея ученія.

Хомяковъ, кажется еще болѣе чѣмъ Кирѣевскій, былъ убѣжденъ въ неизмѣримомъ превосходствѣ ихъ теологической системы и ея прочной, незыблемой опредѣленности. Они почти не считаютъ нужнымъ спорить противъ мнѣній, которыя отвергали ихъ систему въ средѣ самого русскаго общества и литературѣ; эти мнѣнія они считаютъ (также и у г. Самарина, стр. XXXVI—XXXVII) какъ бы несуществующими, чѣмъ-то случайно навѣяннымъ чужими вліяніями, непродуманнымъ, пустымъ, и полагаютъ, что могутъ не обращать вниманія даже на критическіе результаты европейскаго изслѣдованія, а просто вести разсчеты съ западными церквами, обличать и обращать. Такъ Хомяковъ и дѣлаетъ, считая свою систему за готовый несомнѣнный кодексъ, которымъ онъ можетъ побѣдоносно обличить Западъ. Мы приведемъ небольшой примѣръ его мнѣній. Онъ съ жалостью говоритъ, напримѣръ, о «нравственномъ изнеможеніи» Запада, о «страхѣ, овладѣвшемъ западными религіозными партіями», т. - е. католичествомъ и протестантствомъ, и т. д. (т. II, стр. 76—77). По словамъ его, эти «раціоналистическія секты, въ ужасѣ отъ грозящей опасности, ищутъ союза противъ общаго ихъ врага, невѣрія». Въ этомъ союзѣ онъ видитъ вѣрный признакъ упадка, безсилія и отсутствія истинной вѣры.

«Лѣтъ сто тому назадъ, ни паписты, ни протестанты, даже не подумали бы приглашать другъ друга дѣйствовать съобща. Нынѣ, нравственная ихъ энергія надломлена, и отчаяніе натал-

киваетъ ихъ на путь очевидно ложный; ибо не могутъ же они не понимать, что если (въ чемъ я не сомнѣваюсь) *одно* христіанство всесильно противъ невѣрія и заблужденія, то наоборотъ, въ *десяткѣ* различныхъ христіанствъ, дѣйствующихъ совокупно, человѣчество съ полнымъ основаніемъ опознало бы сознанное безсиліе и замаскированный скептицизмъ». Но во-первыхъ, если дѣйствительно существуетъ въ западныхъ раціоналистическихъ сектахъ этотъ страхъ, то развѣ та же опасность не стоитъ и передъ системой Хомякова? Хомяковъ, какъ будто не понимаетъ и возможности того, чтобы для нихъ и для нея могъ быть одинъ и тотъ же вопросъ, и ему кажется, что всемогущимъ средствомъ противъ этой опасности, цѣлительнымъ бальзамомъ противъ изнеможенія раціоналистическихъ сектъ, можетъ просто служить догматика, имъ предлагаемая. Далѣе, если дѣйствительно для этихъ сектъ наступаетъ теперь трудное время, то едва ли есть какая-нибудь бѣда въ союзѣ раціоналистическихъ сектъ, какъ это думаетъ Хомяковъ. Можетъ быть дѣйствительно, извѣстныя стороны этихъ сектъ, какъ чисто историческія формы религіи, изжили свое время, и нынѣшнее религіозное движеніе, можетъ быть, есть именно признакъ, что этотъ процессъ совершается; но за этимъ долженъ наступить новый періодъ дальнѣйшаго развитія — которое воспримета въ себя результаты нынѣшней борьбы и, надо думать поэтому, будетъ происходить далеко не въ томъ направленіи, какое предлагаетъ Хомяковъ. Религіозная исторія, начиная съ среднихъ вѣковъ, показываетъ, что развитіе заключается здѣсь именно въ томъ, что догматика больше и больше теряетъ значеніе, и возрастаетъ чисто нравственное вліяніе религіи. Приведенный Хомяковымъ историческій примѣръ поставленъ не совсѣмъ вѣрно. Правда, *сто* лѣтъ тому назадъ, ни паписты, ни протестанты не подумали бы приглашать другъ друга дѣйствовать сообща; но если считать, что это было хорошо (Хомяковъ именно думаетъ, что тогда «энергія не была надломлена»), то еще лучше было *двѣсти* лѣтъ тому назадъ, — тогда паписты и протестанты еще рѣзались изъ-за различія своихъ исповѣданій. То, что̀ кажется Хомякову полнымъ упадкомъ,—возможность сближенія между ними,—есть скорѣе успѣхъ, потому что свидѣтельствуетъ о терпимости, объ уваженіи къ чужому вѣрованію. Съ этой послѣдней точки зрѣнія Хомяковъ, кажется, вообще никогда не думалъ смотрѣть на исторію религіознаго развитія.

Главныя богословскія сочиненія Хомякова явились (на французскомъ языкѣ) въ началѣ пятидесятыхъ годовъ; нѣкоторыя тео-

ретическія ихъ основанія высказывались конечно и въ другихъ, не-богословскихъ его сочиненіяхъ; наконецъ, общія его мысли высказывались имъ въ тѣхъ бесѣдахъ, въ которыхъ соединялись въ прежнее время представители обоихъ литературныхъ направленій и которыя замѣняли тогда отсутствіе свободной печати. Два направленія вообще расходились, и въ этомъ пунктѣ мнѣнія также были весьма различны. Противники славянофиловъ, представлявшіе собою прямое продолженіе прежняго движенія, воспринимали и распространяли гуманистическую сторону европейской образованности; они увлекались идеалами европейской поэзіи, усвоивали сколько можно результаты европейской науки, и стремились внести тѣ и другіе въ умственный запасъ русскаго общества. Первое время обѣ стороны витали въ чисто отвлеченной сферѣ, но немного нужно было времени, чтобъ для тѣхъ и другихъ стала чувствоваться практическая дѣйствительность. Ихъ идеи вскорѣ начали переходить отъ отвлеченностей къ живымъ интересамъ, сталъ опредѣляться ихъ образъ мыслей въ общественныхъ предметахъ. Такъ-называемые западники перешли къ нимъ съ довольно реальнымъ пониманіемъ дѣла: съ тѣмъ критеріемъ, какой составился въ ихъ понятіяхъ, для нихъ становилось ясно положеніе полу-образованнаго общества, которому недостаетъ еще многихъ самыхъ простыхъ принадлежностей просвѣщенія; они скоро почувствовали и трудность собственнаго положенія, потому что для ихъ дѣятельности представлялись неодолимыя препятствія въ нравахъ, въ малочисленности дѣятелей, въ безучастіи подавленной и необразованной массы. Но тѣмъ больше усиливалось убѣжденіе, что только успѣхи свободнаго образованія могутъ обѣщать что-нибудь лучшее. И въ то время, когда это убѣжденіе вполнѣ ими овладѣвало, славянофилы выставляли свое ученіе, которое своимъ неяснымъ, полу-мистическимъ содержаніемъ какъ будто поддерживало именно то, противъ чего первые боролись, старалось оправдать и возвеличить то, въ чемъ они видѣли существенное препятствіе для достиженія лучшаго будущаго. Противъ европейскаго просвѣщенія въ духѣ свободной мысли, они выставляли теологическій принципъ; противъ стремленія къ лучшему будущему, въ смыслѣ европейскаго образованія, они рекомендовали прошедшее. Сначала открылся довольно мягкій споръ; потомъ рѣзкая литературная борьба.

Какъ бываетъ нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ, съ обѣихъ сторонъ была правда, и съ обѣихъ сторонъ ошибки. Славянофилы были правы въ томъ, что, указывая на теологическій принципъ и древнюю Россію, они имѣли въ виду и самый на-

родъ; имъ казалось, что въ своей теологіи и своей археологіи они отыскиваютъ истинный нервъ народной жизни, и возстановляютъ національное начало, столь долго забытое и пренебреженное. Дѣйствительно, необходимо было напоминать о народѣ, — и славянофилы въ извѣстной степени содѣйствовали установленію лучшаго отношенія къ народной жизни, чѣмъ то было прежде. Но славянофилы ошибались въ томъ, что предавались этой теологіи и археологіи слишкомъ исключительно: онѣ много помогали историческому уразумѣнію народной жизни, но не могли дать безусловнаго принципа для ея дальнѣйшаго развитія. Славянофилы успѣли схватить одну черту историческаго прошедшаго, — но впадали въ глубокое заблужденіе, когда въ одной чертѣ думали видѣть все, и когда изъ прошедшаго хотѣли извлечь непремѣнную программу для будущаго. Идеализируя старину и народъ, они нерѣдко защищали въ нихъ и то, чего нельзя было защищать справедливо; отсюда и становились возможны упреки и обвиненія въ старовѣрствѣ и обскурантизмѣ. Не убѣждая противниковъ, ихъ система въ этомъ случаѣ только могла больше раздражать ихъ: противники ихъ не могли убѣждаться исторіей съ теологической точки зрѣнія; не могли убѣждаться подкрашенными изображеніями стараго быта, котораго послѣдствія были еще такъ очевидны въ настоящемъ; не могли понять и спокойно выносить фантастическихъ, исключительныхъ и самодовольныхъ теорій въ виду настоящаго, чувствуемаго зла,— которое стояло съ этими теоріями въ очень близкомъ родствѣ.

Возвратимся къ историческому примѣненію теологической системы славянофильства. Въ школѣ издавна принято было положеніе о противоположности западнаго и восточнаго міра, романо-германскаго и православно-славянскаго. Ее высказывали и Кирѣевскіе, и Хомяковъ, и Д. Валуевъ и затѣмъ всѣ, безъ исключенія, послѣдователи славянофильства до нашихъ дней. Въ новѣйшей славянофильской школѣ это положеніе было разработано съ большими подробностями; восточное православіе было совершенно отожествлено со славянствомъ, и составилась цѣлая историческая теорія, изъ которой слѣдовало, что православіе есть всеобщая религія славянскаго міра: христіанство было принято славянами изъ Византіи, слѣдовательно въ православной формѣ, и если оно потомъ было утрачено нѣкоторыми племенами, то теперь, для успѣха ихъ новѣйшаго возрожденія, они должны возвратиться къ православію.

Откуда взялось это рѣзкое противоположеніе западной Европы и славянскаго міра? Съ одной стороны, оно конечно было слѣдствіемъ указаннаго выше теологическаго возбужденія; съ другой, оно было безъ сомнѣнія навѣяно западнымъ панславизмомъ. Съ начала нынѣшняго столѣтія начинается политическое освобожденіе и національное возрожденіе славянскихъ племенъ. Національныя движенія временъ реставраціи, броженіе національностей въ австрійскихъ земляхъ, возникновеніе чешской литературы, споры венгровъ съ кроатами, создали такъ-называемый панславизмъ,—имъ искренно увлекались славянскіе патріоты, чаявшіе какого-нибудь освобожденія отъ иноземнаго гнета, и ему повѣрили многіе изъ публицистовъ западной Европы: мысль, что панславизмъ можетъ быть въ связи съ тайными завоевательными планами Россіи (которой въ то время очень боялись особенно въ Германіи),—мысль совершенно ошибочная, какъ это фактически доказала венгерская война—на нѣкоторое время сдѣлала панславизмъ предметомъ толковъ въ европейской литературѣ, вопросомъ дня. Въ той формѣ, какую давали этому вопросу и само славянское движеніе, и европейская печать, панславизмъ нашелъ послѣдователей и у насъ, еще съ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Въ это время написано было Хомяковымъ извѣстное стихотвореніе о полуночномъ орлѣ, высоко поставившемъ свое гнѣздо (1832).

Поэтическія мечты такимъ образомъ предшествовали научному знакомству съ славянскимъ міромъ. Въ славянофильскомъ кружкѣ оно только-что тогда начиналось—у Хомякова, у Петра Кирѣевскаго. Эти мечты собственно и дали направленіе послѣдующимъ мнѣніямъ славянофиловъ объ этомъ предметѣ. Первой пробой серьезнаго изученія былъ извѣстный «Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ, ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ». Издатель этого Сборника, Валуевъ, былъ воспитанникъ и другъ Кирѣевскихъ, о которомъ остались самые сочувственные отзывы обѣихъ сторонъ. «Смерть похитила его въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ,—говоритъ г. Кавелинъ. Съ юношескимъ благороднымъ самоотверженіемъ, онъ весь отдался наукѣ, и безпрерывныя занятія ускорили его преждевременную кончину. Валуевъ умеръ очень-очень молодъ, когда силы, не уравновѣшенныя опытомъ и строгою дѣйствительностью, бьютъ сильнымъ ключомъ, ища себѣ удовлетворенія; когда дѣйствительное и возможное, настоящее и будущее, сливаются въ одномъ радужномъ цвѣтѣ, и самодовольное воображеніе чаруетъ человѣка, обманываетъ его, раскрашивая мечту красками существенности. Какъ

многіе, и онъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ странныхъ (т.-е. славянофильскихъ) мыслей и предубѣжденій. Но его благородная, любящая натура, положительный складъ его ума рѣзко имъ противорѣчили и не давали имъ развиться до послѣднихъ выводовъ въ его головѣ и сердцѣ»... Валуевъ принялъ ученіе, но онъ не могъ побѣдить въ себѣ внутреннихъ возраженій противъ его крайностей, и въ той статьѣ, гдѣ онъ высказалъ свои общіе взгляды и говорилъ о новой русской наукѣ, г. Кавелинъ вѣрно указываетъ эту двойственность его мнѣній. «Изъ того, что онъ безпрестанно и во всѣхъ отношеніяхъ противополагаетъ Европу Россіи и славянскому міру,—изъ общаго тона статьи можно думать, что, по его мнѣнію, эта русская наука должна быть противоположна европейской. Впрочемъ авторъ чрезвычайно остороженъ... Нетерпѣніе скорѣе видѣть осуществленіе своихъ любимыхъ надеждъ томило его, и вотъ онъ видитъ, что время созданія этой науки уже наступаетъ, что появляется заря золотого будущаго,—и потомъ онъ опять становится робкимъ передъ голосомъ дѣйствительности: онъ понимаетъ эту науку только какъ возможную или только какъ имѣющую быть. Погружаясь въ будущее, онъ тяготится настоящимъ отношеніемъ европейскаго міра къ славянскому; ему кажется, что западная наука заслоняетъ насъ; возвращаясь къ взгляду болѣе практическому, болѣе дѣйствительному, онъ чувствуетъ, какъ благодѣтельно и какъ необходимо было бы Россіи вліяніе Европы, онъ примиряется съ реформою Петра. Оба направленія — дѣйствительное и не-дѣйствительное, вытекающее изъ исторіи и опирающееся на надежду, высказались въ странномъ смѣшеніи, непримиренныя, несогласованныя между собою» [1]).

Эта двойственность была неудивительна въ такомъ искуственно-составленномъ ученіи, какъ славянофильское; она отличаетъ вообще писателей этой школы, но Валуева выгодно отличаетъ то, что онъ съ самаго начала направился на фактически научное изслѣдованіе. Таковы его труды о мѣстничествѣ—плодъ неутомимыхъ изысканій, не отклоняемыхъ предвзятыми идеями; таковъ его «Сборникъ», который можно назвать первымъ цѣльнымъ трудомъ у насъ по изученію славянскаго міра. Этотъ приступъ къ дѣлу былъ такъ естественъ, такъ правиленъ, что въ «Сборникъ» могли войти и труды писателей, нисколько не принадлежавшихъ къ славянофильскому лагерю, напримѣръ Грановскаго, г. Кавелина.

---

[1]) Соч. Кавелина II, стр. 42, 48.

Въ предисловіи къ «Сборнику» Валуевъ высказалъ свой взглядъ на русскую науку, которая должна освѣтить намъ наше прошедшее и будущее, и даже бросить новый свѣтъ на событія европейскаго міра, — и свой взглядъ на отношенія наши къ Западу. Это—общія славянофильскія идеи, высказанныя вообще съ юношескимъ увлеченіемъ и потому, быть можетъ, особенно характеристическія для опредѣленія школы. Валуевъ находитъ, что дѣло Петра окончилось въ первой четверти нынѣшняго столѣтія завершеніемъ государственнаго зданія, имъ основаннаго, — и вмѣстѣ съ тѣмъ окончилось, или должно окончиться время европейскаго господства надъ нашей образованностью. Мы начинаемъ обращаться къ самимъ себѣ, и новѣйшія событія, внѣшнія и внутреннія, указываютъ новый путь русской жизни. Такими событіями были—появленіе, при помощи Россіи, новыхъ православныхъ государствъ (Греція, Сербія, Молдавія и Валахія), соединеніе армянъ восточнаго исповѣданія въ одну область, возсоединеніе Уніи, заведеніе православныхъ школъ на Востокѣ, проповѣдь евангелія язычникамъ въ отдаленныхъ краяхъ Россіи; во внутреннихъ дѣлахъ — изданіе Свода и Полнаго Собранія Законовъ, полюбовное размежеваніе черезполосныхъ владѣній, изданіе источниковъ нашей исторіи, постепенное введеніе русскаго языка въ высшихъ классахъ, почти забывшихъ его, появленіе національныхъ русскихъ поэтовъ въ лицѣ Пушкина и Гоголя. Только наша наука еще не послѣдовала этому общему движенію, и особенно наука историческая. Ея задача — познакомить классы общества, воспитанные подъ европейскимъ вліяніемъ, съ тѣми, которыхъ это вліяніе почти не коснулось, познакомить Россію съ народами единовѣрными и единоплеменными, и тѣмъ дать ей возможность узнать самую себя.

Цѣль безъ сомнѣнія прекрасная; но въ то время, какъ эта наука была еще искомая, или по крайней мѣрѣ когда она еще только начиналась, Валуевъ уже высказываетъ свои приговоры западной жизни и образованности, и возвеличиваетъ русскую жизнь и образованность, — конечно древнюю. Мы конечно должны еще заимствовать у Запада его внѣшнее, матеріальное просвѣщеніе,— но, «если понимать подъ просвѣщеніемъ не одни вещественныя улучшенія въ быту человѣка, а то совокупное умственное и нравственное движеніе, которое должно соединять народы въ единство братолюбивой жизни и осуществлять въ обществѣ чистую мысль христіанства, во сколько она осуществима въ человѣкѣ,— то *во всякомъ случаѣ* еще останется подъ сомнѣніемъ, кого съ большею справедливостію можно назвать просвѣщенною—Россію

ли XV и XVI вѣка, или ей современную католическую и протестантскую Европу?» [1]) Онъ сначала не берется произносить «приговоръ міру латинскому», — трудами котораго пользуется наша образованность, — но въ послѣдующемъ изложеніи онъ однако произноситъ этотъ приговоръ, обвиняя европейское просвѣщеніе, что оно стремится только къ внѣшнему блеску и мишурѣ, наполняющимъ пустоту жизни просвѣщеннаго большинства. Онъ недовѣрчивъ даже къ лучшему плоду «латинскаго» просвѣщенія, къ наукѣ, потому что,—«къ сожалѣнію, нерѣдко и лучшіе умы,— чего они ищутъ въ этой наукѣ, искусствѣ и самомъ просвѣщеніи, которому служатъ? Часто, если и безсознательно, они ищутъ того же *комфорта*, усыпленія мысли и силъ души въ ограниченности той или другой системы или рутины, удовлетворенія всѣмъ новымъ изысканнымъ требованіямъ просвѣщеннаго существованья и его нравственнаго сибаритства... И наконецъ не было ли такое развитіе всесторонняго комфорта, удовлетворяющаго всѣмъ потребностямъ человѣка, основною задачею всего западнаго просвѣщенія и всего западнаго человѣчества?» [2]) Западъ оказалъ конечно свои услуги человѣчеству, — но не ему принадлежитъ настоящая истина. «Своими опытами и даже своими заблужденіями онъ не менѣе принесъ въ общее достояніе человѣчества и служилъ ему, чѣмъ сколько служили христіанству, высшему и конечному единству всего человѣческаго, *другіе* народы и земли своимъ страдательнымъ и робкимъ бездѣйствіемъ;—которое, можетъ быть, *одно* дѣлало возможнымъ въ недозрѣвшемъ духовно человѣкѣ сохраненіе въ чистотѣ его духовнаго завѣта» [3]). То богатство, которое мы получаемъ отъ Запада даровое, или купленное только «утратами изъ своей внутренней жизни» (потому что, увлекаясь блескомъ Запада, мы забываемъ о своемъ народномъ), это богатство непрочно; оно привито къ намъ внѣшнимъ образомъ, но не могло перейти въ кровь и соки самой жизни, остается чѣмъ-то чуждымъ и не обѣщаетъ никакого живого плода. Мы не можемъ помочь Западу въ его дѣлѣ,— потому что отдѣлены отъ него всѣмъ прошедшимъ и всѣмъ, что̀ есть въ насъ своего и живого: Западъ долженъ самъ «довершить назначенный ему кругъ жизни». А намъ пора подумать о томъ, чтобы изъ самихъ себя выработать начала нашей умственной и нравственной жизни,—иначе обрекаемъ себя на вѣч-

---

[1]) Сборникъ, 1845, стр. 2, прим.
[2]) Тамъ же, стр. 12.
[3]) Стр. 3.

ную посредственность и умственное несовершеннолѣтіе, надъ которыми посмѣется самый Западъ.

Очевидно, что здѣсь повторяются мысли Кирѣевскихъ и Хомякова; въ этихъ мысляхъ уже были задатки всѣхъ крайностей и увлеченій славянофильства. Основная мысль школы высказывается очень ясно; цивилизація Запада—чисто внѣшняя забота о комфортѣ, лишенная «духовнаго завѣта», фальшивая. Развиваемая дальше, эта мысль была очень похожа на извѣстный приговоръ о гніеніи Запада, еще раньше произнесенный тогдашнимъ союзникомъ славянофиловъ, «Москвитяниномъ». Славянофилы, кажется, не выражались объ этомъ предметѣ такъ сильно, какъ этотъ журналъ [1]), но самыя теоріи очень трудно было различить, потому что осужденіе Запада и у славянофиловъ было достаточно категорическое. У самихъ славянофиловъ увлеченіе доходило до того, что невозможно было возражать на него серьезно. Надо было забыть исторію западной образованности, добывавшей, цѣною тяжкихъ жертвъ, преслѣдованій, инквизиціонныхъ костровъ, тѣ знанія, которыя выводили насъ изъ ребяческаго невѣжества,—чтобы говорить о Западѣ съ этимъ высокомѣріемъ, и впередъ хоронить его цивилизацію. Въ людяхъ, иначе понимавшихъ исторію, эти мнѣнія должны были вызывать самое непріятное впечатлѣніе,—тѣмъ больше, что была часть общества, которая могла воспользоваться этими возгласами славянофиловъ такъ, какъ они и сами не ожидали. Защитники оффиціальной народности должны были съ большимъ удовольствіемъ услышать мысль о гніеніи Запада, и еще больше утвердиться въ своей программѣ, — надобно думать, не похожей все-таки на ту, которую предлагали славянофилы.

Мы упоминали, что поставивъ основаніемъ всѣхъ историческихъ вопросовъ теологическое начало, славянофилы уже давно отожествляли православіе и славянство; они понимали это такимъ образомъ, что славянское не-православное не есть истинно-славянское, что для предстоящаго славянскаго соединенія необходимо и присоединеніе славянъ латинскаго и другихъ исповѣданій къ восточному православію. Славяне католики, уніаты, протестанты,

---

[1]) „Москвитянинъ“ утверждалъ положительно, что Западъ сгнилъ, и соотвѣтственными красками изображалъ это гніеніе. Вотъ отрывокъ, гдѣ Шевыревъ изображаетъ наше „общеніе“ съ этимъ Западомъ: „Въ нашихъ искреннихъ, дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западомъ, мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, носящимъ въ себѣ злой, заразительный недугъ, окруженнымъ атмосферою опаснаго дыханія. Мы цалуемся съ нимъ, обнимаемся, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувства — и не замѣчаемъ скрытаго яда въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ въ потѣхѣ пира будущаго трупа, которымъ онъ уже пахнетъ“ и проч. (Москвитянинъ, 1841, № 1, стр. 247).

составляютъ расколъ тѣмъ болѣе прискорбный, что съ заблужденіемъ теологическимъ онъ соединяетъ и заблужденіе національное.

Такъ какъ все построеніе славянофильскаго ученія было прежде всего предвзятой идеальной теоріей, то указанная мысль была необходима для полноты, и она была принята и сдѣланы изъ нея выводы раньше, чѣмъ она могла быть доказана. Есть, правда, историческія свидѣтельства, указывающія, что у нѣкоторыхъ племенъ, принадлежащихъ теперь къ католической церкви, христіанство было въ первый разъ принесено изъ Византіи, — но потомъ должно было уступить господству католицизма. Вотъ единственный фактъ, которымъ могли воспользоваться славянофилы, и они извлекли изъ него цѣлую историческую и національную теорію. Но если оставить въ сторонѣ вопросъ общаго преимущества восточной церкви надъ западною, не подлежащаго конечно спорамъ,—какимъ образомъ изъ упомянутаго факта слѣдовалъ славянофильскій выводъ? Фактъ этотъ дѣйствительно былъ, но за ними слѣдовалъ другой фактъ перехода нѣсколькихъ изъ славянскихъ племенъ въ католицизмъ, судьбы котораго они и раздѣлили; но несмотря на переходъ, эти племена остались славянскими, имѣли свою образованность, достигавшую высокой степени въ Чехіи, въ Польшѣ, у славянъ далматинскихъ. Неправославный отдѣлъ славянства занимаетъ цѣлыя обширныя племена, многіе милліоны людей; они раздѣлены были отъ главнаго православнаго племени, русскаго, не только исповѣданіемъ, но цѣлымъ ходомъ своей исторіи, цѣлымъ характеромъ быта,— ихъ народность естественно развилась въ особый своеобразный типъ, они вѣка сживались съ своей религіей, дорожили ею, — а по славянофильской теоріи оказывалось, что все это было только такъ, что ихъ историческое существованіе была одна ошибка, не допускающая никакихъ извиненій. Спрашивается: что же имъ дѣлать съ своей исторіей, съ тѣми свойствами, какія пріобрѣла ихъ жизнь, и которая стала второй ихъ природой? Не споримъ, что славянское католичество, съ латинскимъ богослуженіемъ, съ церковной принадлежностью къ чужому центру, можетъ представлять свои ненормальныя стороны; но если они сжились съ этимъ и дорожатъ своими религіозными преданіями и вовсе не желаютъ отъ нихъ отказываться; или, если исторія представляла имъ иной выходъ изъ этого положенія вещей, такой выходъ, напр., какъ чешскій протестантизмъ, и они предпочитаютъ этотъ путь своего религіознаго развитія; или самый католицизмъ преобразуется, и приближается къ здравымъ требованіямъ времени? или, наконецъ, если эти славянскіе католики и протестанты ду-

мають, — и могутъ думать это справедливо, — что теперь уже пришло время болѣе спокойнаго рѣшенія религіозныхъ несогласій, время вѣротерпимости, и народы разныхъ исповѣданій могутъ спокойно соединяться для общихъ интересовъ, если они есть, предоставляя другъ другу оставаться каждому при своей религіи? — Славянофилы не думаютъ объ этихъ вопросахъ, продолжаютъ настаивать на своей системѣ, и въ результатѣ является конечно одно—религіозная исключительность; вопросъ національнаго единства подчиняется вопросу теологическому.

Такимъ образомъ, главнымъ основаніемъ славянофильской теоріи является теологическій принципъ, понятый въ исключительномъ конфессіональномъ смыслѣ. Но если вообще для людей, не увлеченныхъ духомъ школы, невозможно было помириться съ славянофильской постановкой этого принципа и съ выведенными изъ него послѣдствіями, то вопросъ, кажется, еще больше запутывался другими мнѣніями школы. Та двойственность, на которую мы уже указывали, и которая, напримѣръ, то отвергала реформу Петра и ея результаты, то признавала ея дѣйствіе неистребимымъ, или признавала великія заслуги Запада, а потомъ открещивалась отъ него [1]), повторяется и здѣсь. Славянофилы ставятъ превыше всего свою теологическую систему; но въ то же самое время неоднократно высказывались, и достаточно сильно, противъ практическаго выраженія принципа въ «учрежденіи». Ихъ критика настоящаго положенія учрежденія бывала нерѣдко такова, что съ ней согласится каждый, нѣсколько просвѣщенный человѣкъ, и ихъ пожеланія приносятъ имъ большую честь. Но при этомъ возникаетъ противорѣчіе, котораго они не рѣшаютъ. Можно понять, что извѣстное начало, переходя въ практическую жизнь, теряетъ высоту своего идеальнаго достоинства, бываетъ не всѣми понято, подвергается злоупотребленіямъ и т. п.; но здѣсь оказывается, что рѣчь идетъ не объ однихъ частныхъ и случайныхъ недостаткахъ, поправимыхъ и неважныхъ,—а напротивъ о недостаткахъ столь крупныхъ, что ими заслоняется самая сущность принципа, отчего онъ и теряетъ даже свое вліяніе на общество, перестаетъ направлять его дѣятельность и т. д. Гдѣ же началась порча, и чѣмъ она можетъ быть исправлена? Мнѣніе школы состоитъ, кажется, въ томъ, что порча начинается со временъ Петра, въ основанномъ имъ бюрократическомъ государствѣ;—но, во-первыхъ, исторія раскола доказывала бы противное, что внутренній разладъ въ самомъ учрежденіи начался гораздо раньше; во-вторыхъ, что если первое прикосновеніе Петра могло

[1]) Подобныхъ примѣровъ можно найдти не мало у Кирѣевскаго, Валуева, и пр.

произвести порчу, то, значитъ, учрежденіе было уже тогда къ этому податливо, не имѣло энергіи и выдержки. Съ исторической точки зрѣнія, такого рода измѣненіе въ характерѣ учрежденія вообще является результатомъ не однихъ случайныхъ внѣшнихъ условій, но самой сущности учрежденія. Въ счетахъ между стариной и реформой гораздо естественнѣе искать вину совершившагося факта не въ томъ, кто нарушалъ старину, а въ слабости самой старины, которую не трудно было устранять тому, кому она мѣшала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, славянофилы недостаточно объясняютъ и другое обстоятельство:—если есть недостатки въ нашемъ религіозномъ просвѣщеніи, то гдѣ заключается, въ самомъ дѣлѣ, ихъ исправленіе, — въ строгомъ ли возстановленіи старины, или въ прививкѣ новыхъ понятій къ прежнему содержанію? Старина была сурово исключительна; она едва-ли бы не потребовала именно того, въ чемъ сами славянофилы видятъ стѣсненіе религіознаго просвѣщенія и его современные недостатки. Есть большое основаніе думать, что собственныя требованія славянофиловъ отъ религіознаго просвѣщенія внушаются вовсе не духомъ нашей старины, а именно духомъ той западной образованности, отъ которой они сами многимъ позаимствовались. Таковы именно кажутся намъ ихъ заявленія объ иномъ устройствѣ отношеній церкви къ государству, о преобразованіяхъ въ церковномъ управленіи, о большей терпимости къ умѣреннымъ сектамъ раскола, о нѣкоторой свободѣ изслѣдованія, и т. п. И что, наконецъ, они могли бы предложить западному славянству, въ которомъ хотятъ вести свою пропаганду, — если они сами недовольны?...

Въ этихъ послѣднихъ указаніяхъ мы опять имѣли въ виду позднѣйшія заявленія славянофильства,—потому, что въ сороковыхъ годахъ славянофилы не могли высказаться достаточно объ этихъ предметахъ; но тѣ противорѣчія, которыя обнаруживались въ позднѣйшихъ заявленіяхъ славянофиловъ, заключались уже и въ первоначальныхъ положеніяхъ школы, въ самой постановкѣ теологическаго принципа.

Не имѣя возможности останавливаться подробнѣе на этомъ предметѣ, мы ограничиваемся сдѣланными указаніями. Читатель извинитъ насъ, если изложеніе не могло быть достаточно точно и ясно; виною тому бывало самое свойство предмета... Въ слѣдующей статьѣ мы перейдемъ къ другимъ сторонамъ славянофильскихъ мнѣній, къ ихъ взглядамъ историческимъ и общественнымъ.

А. Пыпинъ.

АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ

Семейная исторія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I *).

Общество губернскаго города С., куда переселилась наша семья, то-есть зажиточные и чиновные обыватели, было внезапно взбударажено необыкновеннымъ событіемъ.

Въ мѣстномъ батальонѣ военныхъ кантонистовъ, между мальчиками-евреями обнаружилось поголовное желаніе принять православную вѣру. Архіерей, увѣдомленный объ этомъ батальоннымъ командиромъ, посѣтилъ казарму кантонистовъ, бесѣдовалъ съ неофитами и убѣдился, что желаніе ихъ не возбуждено угрозами, или приманками земныхъ благъ, а возникло изъ твердаго убѣжденія въ превосходствѣ и чистотѣ истинъ христіанскаго ученія. Въ первое же воскресенье преосвященный сказалъ въ соборѣ прекрасную проповѣдь и пригласилъ именитыхъ гражданъ, ревнующихъ о славѣ имени Христова, быть воспріемниками отъ купели сихъ отроковъ, заблуждавшихся, но нынѣ возжаждавшихъ спасенія души и жизни вѣчной.

Человѣкъ пятьдесятъ сыновъ Израиля послѣ обѣдни были введены фронтомъ въ церковь и немедленно разобраны высшими лицами губернской администраціи, дворянства и первостатейнаго купечества; многимъ, желавшимъ пріобрѣсти духовныхъ дѣтей—таковыхъ недостало.

*) См. выше: окт. 559 стр.

Слѣдующее воскресенье было назначено для совершенія таинства крещенія въ тѣхъ приходскихъ церквахъ, въ которыхъ воспріемники состояли прихожанами.

Дѣло это возникло не вдругъ, оно давно уже втихомолку созрѣвало въ стѣнахъ батальонной казармы.

Годъ тому назадъ въ городъ С. пришла большая партія евреевъ-кантонистовъ, уроженцевъ западныхъ губерній. Впредь до распоряженія они были расквартированы въ пригородной слободкѣ; пора стояла лѣтняя — и весь городъ, томившійся застоемъ сонной жизни, обрадовался появленію невиданныхъ пришельцевъ: большая толпа глазѣла на улицѣ, когда по барабану выстраивалась въ двѣ шеренги эта сѣрая команда мальчугановъ. По фронту расхаживали строгіе дядьки, повѣряя ряды, оправляя безобразно-надѣтыя на уши фуражки, и обдергивая мѣшкомъ сидѣвшія широкія шинели. У каждаго дядьки, какъ у ловкаго фокусника, иногда мгновенно высканивала изъ рукава маленькая плеточка и, мелькнувъ разъ-два, живо пряталась опять на свое мѣсто. Видно было, что ребятишки еще не приспособились молодцовато носить военную одежду, но уже привыкли къ колотушкамъ, при полученіи которыхъ не пищали, а только слегка хмурились. Передъ фронтомъ посерединѣ стоялъ офицеръ, заставлявшій ихъ много разъ кричать: «здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе», пока этотъ крикъ не выходилъ въ надлежащую мѣру дружнымъ и веселымъ; командовалъ: «на-пра-во! налѣ-во!» и потомъ распускалъ войско по квартирамъ. Спектакль незатѣйливый, ученье гарнизоннаго батальона гораздо занимательнѣе. Но обыватели С. не видывали никакихъ инородцевъ, кромѣ татаръ, мордвы и калмыковъ, къ этимъ они уже приглядѣлись, привыкли, находили въ нихъ все свое, близкое, и даже не считали ихъ инородцами; а тутъ появились экземпляры новой, маловиданной людской расы, и, конечно, возбудили оживленные разговоры.

Слово «жидъ» изстари извѣстно всей Россіи, какъ слово ругательное, но въ описываемое нами время, въ восточной полосѣ нашего отечества, живой, настоящій еврей былъ явленіемъ необыкновеннымъ. Общеизвѣстные толки о томъ, что евреи похищаютъ христіанскихъ младенцевъ, которыхъ кровь имъ необходима для совершенія пасхальныхъ обрядовъ, возникли въ разныхъ уголкахъ города С. между любителями *ученыхъ* разговоровъ, и, конечно, подобные толки, проходя въ массу, не могли сочувственно расположить населеніе къ бѣднымъ, оторванным отъ семьи еврейчикамъ. По вечерамъ они высыпáли на улицу и за-

тѣвали игру въ мячъ; городскіе мальчуганы смотрѣли на нихъ, стоя въ сторонѣ и дѣлая обидныя, насмѣшливыя замѣчанія надъ жалкими фигурками и непріятно-гортанною ихъ рѣчью; особенное вниманіе обращено было на ихъ уши—дѣйствительно большія и торчавшія въ видѣ парусовъ.

— У-у! свиное ухо!—закричалъ кто-то въ толпѣ. Восклицаніе это повторилось двадцатью разными голосами при всеобщемъ хохотѣ.

Евреи бросили игру, сплотились въ тѣсную кучку и показывали кулаки. Русская толпа, въ которой между мальчишками видны были и взрослые мастеровые въ фартукахъ и ременныхъ кружкахъ на головѣ, двинулась дружно впередъ, евреи обратились въ постыдное бѣгство. Толпа разразилась хохотомъ; очевидно, аттака была ложная, для пробы. Подобныя потѣхи повторялись ежедневно. Взаимное раздраженіе росло; толпа зрителей увеличивалась. Однажды къ обычнымъ крикамъ «свиное ухо» какой-то бывалый парень присоединилъ штуку невыносимо-обидную: изъ полы своего халата сдѣлалъ совершенное подобіе свиного уха; эта штука чрезвычайно понравилась публикѣ, и мальчуганы, какъ застрѣльщики, выскакивали впередъ, поднося подъ самый носъ евреямъ свернутыя полы своей одежонки. Евреи обозлились и загудѣли, обращаясь къ одному изъ своихъ товарищей старшему лѣтами и выше всѣхъ ростомъ: «Нухимъ! Нухимъ! а ну!—ну!»—Долговязый Нухимъ выдвинулся впередъ; желтовато-смуглое, сухощавое лицо его побѣлѣло, глаза сверкнули злостью; онъ бормоталъ, коверкая всѣ извѣстныя ему русскія ругательства. Немедленно въ лицо Нухима влѣпился комъ сухой грязи и запорошилъ ему глаза. Ничего не видя, Нухимъ, какъ бѣшеный, крикнулъ: «ой, гевалтъ!» и ринулся въ русскую толпу; за нимъ съ пронзительнымъ визгомъ шарахнулись единоплеменники. Обѣ стороны смѣшались; кулаки работали, нѣсколько носовъ расквашено до крови. Въ самомъ разгарѣ свалки раздался командный крикъ унтеръ-офицера: «Это что?—по домамъ!—Смирно! сволочь треклятая!» — Но команды никто не слушалъ; тогда выскочила изъ рукава волшебная плетка и пошла стегать сражавшихся почемъ попало. И это средство не вдругъ подѣйствовало: разгоряченные успѣшнымъ боемъ кантонисты забыли всякую дисциплину: иной, получивъ ударъ плетью по головѣ и увертываясь отъ другого удара, все-таки наровилъ дать тумака стоявшему передъ нимъ непріятелю. Наконецъ сраженіе кончилось, кантонисты кинулись въ разсыпную по квартирамъ; появившіеся съ разныхъ сторонъ дядьки переловили съ десятокъ бѣглецовъ и повлекли въ

пустой огородъ для расправы. Русская толпа радостно кричала имъ вслѣдъ: «Ага, ага! попались, жиденята! хорошенько ихъ, хорошенько отлупите, господа служивые! Чтобъ они помнили, что живутъ на нашей зе́млѣ, нашъ хлѣбъ ѣдятъ... Проклятые—Христа распяли, да еще думаютъ съ нами равняться!»

Получившіе приличную порку, израильтяне все-таки не могли никакъ признать себя виноватыми, не они были зачинщиками,—но тѣмъ не менѣе они сознали одну очевидную истину, что тутъ дѣло вовсе не въ правѣ и не въ справедливости, а въ томъ, что они на чужой сторонѣ и что кругомъ всѣ ихъ ненавидятъ и презираютъ.

Кажется, это былъ первый практическій урокъ, открывшій евреямъ секретъ настоящаго ихъ положенія, потому что объ этомъ происшествіи велись между ними горячіе, нескончаемые разговоры.

Черезъ недѣлю пріѣхалъ полковникъ и, обойдя шеренги кантонистовъ, отдѣлилъ пятьдесятъ человѣкъ, которые должны остаться въ мѣстномъ батальонѣ, а остальные отправлялись по маршруту въ другіе города. Горько плакали остающіеся при разлукѣ съ товарищами; имъ казалось, что теперь разрывается послѣдняя связь ихъ съ прошлымъ, отнимается послѣдняя искра какой-то смутной надежды на будущее, что они окончательно погибли на чужбинѣ.

Съ такими горькими мыслями эти пятьдесятъ мальчиковъ вступили въ дверь казармы батальона военныхъ кантонистовъ.

Суровые порядки этихъ приснопамятныхъ заведеній, кажется, принаровлены были единственно къ тому, чтобы въ дѣтяхъ заглушить все человѣческое и выработать изъ нихъ деревянныхъ *исполнителей* самой грубой машинной самодѣльщины.

Нельзя однакожъ сказать, чтобы начальство заведенія утѣсняло еврейскихъ мальчиковъ болѣе, чѣмъ христіанъ: безпощадная дисциплина практиковала самое абсолютное равенство. Но русскіе находили еще нѣкоторыя утѣшительныя стороны въ своемъ положеніи,—они имѣли въ городѣ родныхъ и знакомыхъ, къ которымъ ходили по праздникамъ; у нихъ водились деньжонки — великое дѣло во всякомъ положеніи; наконецъ, бѣды, ихъ постигавшія, возбуждали въ товарищахъ сожалѣніе, сочувствіе. — Для евреевъ весь міръ за оградою казармы не существовалъ; грошей, вынесенныхъ изъ родительскаго дома, не хватило и на полдороги, благодаря заботливости сопровождавшихъ партію унтеръ-офицеровъ, а наказанія, сыпавшіяся на еврейскую спину, возбуждали во всей казармѣ градъ насмѣшекъ, ту жестокую весе-

лость, которая свойственна дѣтямъ вообще и преимущественно дѣтямъ, лишеннымъ мягкаго семейнаго вліянія. Насмѣшки сыпались не только по поводу наказаній, предметомъ ихъ были всѣ особенности евреевъ — ихъ языкъ, привычки, понятія и религіозные обряды.

Извѣстенъ корпоративный духъ евреевъ,—и тутъ, подъ двойнымъ гнетомъ, онъ проявился въ полной силѣ: мальчики сплотились въ тѣсную, единодушную группу и немедленно въ этой группѣ нашлась личность, за которою всѣ безмолвно признали права неограниченной власти. Это былъ Янкель Авербухъ, коренастый малый, лѣтъ 16-ти, рыжій, почти безобразный, въ веснушкахъ, съ непомѣрно большою головой и упорными карими глазами.

Этотъ рыжій Янкель держалъ себя особнякомъ, ни съ кѣмъ не сближался, никто не видѣлъ его смѣющимся, — забьется въ какой-нибудь дальній уголъ и съ плачемъ читаетъ свою молитвенную книжку. Онъ былъ ученѣе товарищей, провелъ три года у раввина въ училищѣ и съ неустанною точностью, несмотря ни на какія препятствія (а препятствій было много), исполнялъ всѣ предписанія обрядового еврейскаго закона. Притомъ зоркій глазъ его строго наблюдалъ за товарищами, и достаточно было одного его слова, чтобы нерадиваго, или равнодушнаго къ субботѣ они избили до полусмерти. Всѣ ссоры и споры между евреями Янкель рѣшалъ безаппелляціонно. Говорилъ онъ мало, загадочно и какъ «власть имѣющій»; большую часть своихъ распоряженій передавалъ черезъ Юдку Когана, двѣнадцатилѣтняго мальчика, съ бѣлорозовымъ дѣвическимъ личикомъ и покорнымъ печальнымъ взглядомъ, который нѣсколько портила всегдашняя краснота вѣкъ. Юдка былъ единственный близкій человѣкъ и вѣрный истолкователь повелѣній Янкеля.

Прежде всего Янкель приказалъ своей общинѣ буквально и слѣпо исполнять всѣ требованія начальства, помогалъ слабымъ и самъ подавалъ имъ примѣръ исполнительности; исправнѣе евреевъ никого въ батальонѣ не было. Это скоро было замѣчено начальствомъ, Янкель сдѣлался любимцемъ ротнаго командира; но начальственныя заигрыванія и поощренія однакожъ не вызывали въ немъ никакой благодарности, онъ принималъ ихъ сухо, даже угрюмо и просилъ только одной милости — не давать бѣдныхъ евреевъ въ обиду. Иногда Янкель безъ всякой видимой причины вдругъ отдавалъ секретный приказъ, чтобы никто не смѣлъ чистить сапоги, или ѣсть что-нибудь за обѣдомъ—и приказъ исполнялся свято, хотя за нечищенные сапоги больно били, а отъ

голода въ желудкѣ дѣлались спазмы. На робкій вопросъ хорошенькаго Юдки: «зачѣмъ это?» — онъ отрѣзывалъ лаконическое «такъ нужно» — и, принявъ суровый видъ, не входилъ ни въ какія объясненія. Онъ какъ будто пробовалъ силу своей власти надъ единоплеменниками и испытывалъ ихъ терпѣніе.

Такъ какъ раввина достать было негдѣ, а начальство не могло допустить, чтобы мальчики воспитывались внѣ всякой религіи, то признано удобнымъ, чтобы разъ въ недѣлю они собирались въ особый классъ для чтенія Ветхаго Завѣта подъ руководствомъ православнаго законоучителя. Отецъ Василій, человѣкъ чрезвычайно мягкій, а больше апатичный, не позволялъ себѣ касаться еврейскихъ убѣжденій; онъ небрежно обходилъ спорные пункты и съ добродушнымъ любопытствомъ выслушивалъ ихъ талмудистскія толкованія. Евреи его полюбили и охотно ходили въ классъ; изъ всего начальства отецъ Василій былъ для нихъ единственный ласковый человѣкъ. Однажды какъ-то онъ прочелъ имъ изъ краткой священной исторіи главу о пророкахъ и, увлекшись, пустился объяснять смыслъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ; поощренные всегдашнею его снисходительностью, мальчики дерзнули поднять споръ, окончившійся, конечно, не въ ихъ пользу. Янкель молчалъ и изподлобья сверкалъ глазами на своихъ наивныхъ, разбитыхъ на-голову товарищей... Послѣ этого цѣлую недѣлю онъ убѣгалъ въ темные закоулки, и никто не слышалъ отъ него ни одного слова. Юдка насилу добился, что́ прогнѣвило Янкеля и чего онъ хочетъ, и волю Янкеля секретно сообщилъ своимъ.

На слѣдующій разъ евреи въ теченіи всего класса сидѣли молча, не отвѣчая на вопросы отца Василія, который, замѣтивъ что тутъ кроется злостный уговоръ, сѣлъ на учительское мѣсто и спокойно принялся читать принесенную съ собою книгу. Просидѣвъ свой часъ, онъ вышелъ, повидимому не придавъ никакого значенія поведенію учениковъ.

Они ждали бѣды, но Янкель торжественно и съ увѣренностью сказалъ, что бѣды никакой не будетъ. И точно, гроза прошла мимо; для евреевъ стало ясно, что Янкель умолилъ Бога, а потому учитель и не пожаловался полковнику, такъ ему Богъ повелѣлъ... Авторитетъ Янкеля пріобрѣталъ мистическую силу.

Между тѣмъ это дѣло замяли просто потому, что батальонъ ожидалъ со-дня-на-день инспекторскаго смотра, на которомъ должно быть блистательно обнаружено передъ начальствомъ, что *во вѣренной части* все обстоитъ благополучно.

И дѣйствительно, смотромъ генералъ остался очень доволенъ, благодарилъ командира и офицеровъ; въ заключеніе спектакля

вызвалъ впередъ евреевъ, велѣлъ имъ окружить себя и, подозвавъ полковника, спросилъ: «довольны-ли вы ими?» — Но еще не успѣлъ полковникъ поднять руку подъ козырекъ, инспекторъ уже гаркнулъ: «спасибо ребята!»

— Ради стараться ваше-ство!—Знаю, что ведете себя хорошо. Изъ васъ выйдутъ вѣрные слуги государю и отечеству. Молодцы! Только надо отвыкать отъ старыхъ привычекъ, вредныхъ предразсудковъ. Понимаете вы меня?—Понимаемъ, ваше-ство! — Смотрите-же, помните, что у насъ царь одинъ и Богъ одинъ. Въ будущій разъ желалъ бы васъ поздравить съ новой честью и назвать своими дѣтьми наравнѣ съ прочими. Еще разъ—спасибо! — Ради стараться, васство!

— Кто изъ нихъ на лучшемъ счету у васъ, полковникъ?

— Авербухъ, ваше-ство. Авербухъ, три шага впередъ!

— Поздравляю тебя ефрейторомъ. — Ну, что же ты?

— Отвѣчай рра... почти беззвучно шевѣлилъ губами полковникъ.

— Благодару вамъ покорно,—апатично проговорилъ Янкель.

— Дурракъ!.. крикнулъ генералъ, но въ ту же минуту разсмѣялся. — Столбнякъ нашелъ, а? растерялся, ха, ха, ха! — Рекомендую вамъ, полковникъ, заняться имъ хорошенько. Исправность, исполнительность—качества похвальныя, но военное образованіе впереди всего, оно—душа солдата. Займитесь имъ, и въ будущемъ году представить мнѣ его особо.

Возвеличенный вниманіемъ начальства, Янкель на другой же день по отъѣздѣ инспектора былъ вызванъ на квартиру полковника и тамъ выдранъ, хотя келейно, но такъ внушительно, что новый ефрейторъ понялъ съ-разу, что генеральское «рекомендую» не пропало даромъ—имъ начали заниматься.

Какъ ни старался Янкель, но за нимъ безпрестанно стали оказываться разныя провинности. Криво пришитая пуговица, отсутствіе подтяжекъ, неопрятность въ камерѣ во время его дежурства и проч. Кромѣ того онъ почему-то становился отвѣтственнымъ лицомъ за всѣ проступки и неисправности товарищей. За все и про все отвѣчалъ Янкель, и наказанія сыпались на него изъ рога изобилія. Къ полковнику для келейныхъ внушеній его не водили, правда, и въ ротѣ торжественно подъ розги не клали,—но поминутныя зуботычины, почти безсмѣнное дежурство днемъ и ночью, вѣчная брань—дѣлали его существованіе нестерпимымъ. А онъ все переносилъ стоически, безъ унынія и ропота, и съ тайнымъ наслажденіемъ прислушивался, когда товарищи плакали объ участи своего Янкеля, называя его святымъ,

мученикомъ. Онъ не утѣшалъ ихъ, а хвастливо щеголялъ передъ ними своимъ равнодушіемъ.

Дѣла въ классѣ отца Василія тоже не могли оставаться въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи; онъ объявилъ ученикамъ, что «такъ какъ вы, ребята, весьма плохо читаете по-русски, то порядокъ занятій учреждается слѣдующій: одинъ изъ васъ поочереди будетъ читать вслухъ страничку изъ Священной исторіи, а потомъ я буду бесѣдовать съ вами о прочитанномъ; для этого вамъ будутъ розданы книжки, на пять человѣкъ одна, которыя прошу приносить съ собою».

Но въ слѣдующій разъ книжки были забыты учениками въ камерахъ, и за это весь классъ, вмѣсто обѣда, отправился на плацъ упражняться тихимъ учебнымъ шагомъ въ три пріема, при чемъ человѣкъ пять были высѣчены (въ числѣ ихъ и хорошенькій Юдка) за то, что при маршировкѣ мало вытягивали носокъ и безобразно садились на колѣни.

Послѣ этого, казалось, порядокъ въ классѣ водворился; однако у перваго очереднаго ученика, который плаксивымъ голосомъ прочелъ страничку о жертвоприношеніи Авраама, на другое утро казенные сапоги оказались изрѣзанными въ мелкіе куски. Произведенное ротнымъ командиромъ строжайшее слѣдствіе не открыло виновныхъ, въ чемъ, впрочемъ, и особенной надобности не предстояло, ибо пострадали болѣе или менѣе всѣ евреи.

Однажды въ классъ отца Василія внезапно вошелъ полковникъ; читать поочереди приходилось Юдкѣ. Мальчикъ всталъ, взялъ книжку, густая краска разлилась по его бѣлому нѣжному лицу, губы дрожали. Едва-едва прочелъ онъ, заикаясь, двѣ-три строчки, бѣгло взглянулъ на Янкеля и остановился.

— Ну, что-же остановился?—Ты, дѣвчонка, читай!—освирѣпѣлъ полковникъ.

Юдка молчалъ. По розовымъ щекамъ побѣжали слезы.

— Ага! это упорство. — Вотъ я васъ, ракаліи, переберу! Отойди ты въ сторону; подай сюда книжку. Авербухъ, на, читай!—и съ этимъ словомъ начальникъ сунулъ книгу Янкелю.

Товарищи поблѣднѣли, замерли, ожидая, что́ будетъ.

Янкель безсознательно принялъ книгу отъ полковника; но вдругъ будто проснулся — швырнулъ книгу на полъ, отряхнулъ руки и, обтирая ладони о рукава́ куртки, обвелъ вокругъ себя взглядомъ полнымъ злобы и ненависти, затѣмъ отвернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Всѣ остолбенѣли, даже полковникъ не вдругъ могъ выговорить слово...

Но моментъ оцѣпенѣнія прошелъ, и послѣдовала развязка, соотвѣтствующая трагичности случая. Первымъ подвергся наказанію Юдка; въ это время на рыжаго Янкеля страшно было смотрѣть: лицо его судорожно, безобразно исказилось, но ни одной слезы, ни одного мягкаго душевнаго движенія на немъ не мелькнуло... Когда наступила его очередь лечь подъ розги, онъ какъ-то облегчительно вздохнулъ, какъ будто самая тяжкая часть операціи для него кончилась; но вдругъ съ пѣною у рта упалъ навзничь,—въ борьбѣ съ напряженіемъ воли, организмъ не выдержалъ. Посинѣлаго Янкеля отнесли въ лазаретъ.

Евреи совершенно упали духомъ. Они привыкли двигаться волею Янкеля и теперь не знали, что имъ дѣлать, въ какую сторону идти... Нужно было непремѣнно войти въ сношеніе съ Янкелемъ. На третій день къ нему въ лазаретъ пробрался Юдка и принесъ оттуда товарищамъ странныя, смутныя извѣстія: къ Янкелю ночью приходилъ какой-то старецъ и сказалъ ему нѣсколько словъ величайшей важности... Старецъ этотъ былъ самъ праотецъ Авраамъ, а что́ сказалъ онъ, объ этомъ объявить теперь нельзя. Ждите. Каждый день Юдка приносилъ товарищамъ вѣсти все болѣе и болѣе загадочныя: Янкель уже выздоровѣлъ; — Янкель вчера цѣлый день пробылъ у полковника, но въ роту явится не скоро;—Янкель теперь сидитъ — читаетъ книжки, какъ приказалъ ему являвшійся вторично Авраамъ, съ другимъ еще болѣе великимъ старцемъ; — и когда все будетъ *готово*, Янкель придетъ и объявитъ, а до тѣхъ поръ приказываетъ: оставаться покойными и къ нему не приходить.

— Даже мнѣ запретилъ навѣдываться, — грустно прибавилъ Юдка, и кроткое, дѣвическое личико его омрачилось непривычною серьезною думой. Онъ не могъ поднять на товарищей своихъ печальныхъ глазъ, боясь выдать предчувствуемую имъ разгадку тайны Янкеля.

Черезъ двѣ недѣли Янкель явился въ роту. Это было утромъ въ классѣ отца Василія, который по болѣзни не пришелъ.

Янкель самоувѣренно занялъ его мѣсто и обратился къ товарищамъ съ еврейскою рѣчью. Долго говорилъ онъ и, казалось, съ каждымъ словомъ выростала его сутуловатая фигура. Голосъ звучалъ властью, въ немъ не было ни одной сомнительной или кроткой ноты, а мѣстами, когда ораторъ замѣчалъ между слушателями глухое, несмѣлое жужжаніе, рѣчь его переходила въ рѣзкій крикъ угрозы и негодованія... Онъ заключилъ такъ:

— Объявляю вамъ, это воля Іеговы. Въ дома нашихъ отцовъ намъ никогда не воротиться, да и незачѣмъ. Надо смо-

трѣтъ впередъ, а кто смотритъ впередъ, тотъ пойдетъ за мною. Не говорю вамъ, что еврейскій законъ—дурной законъ; но исполнять его здѣсь мы не можемъ: нѣтъ раввина, нѣтъ синагоги, нѣтъ у насъ и субботы; — и ѣдимъ мы все трефное, гнѣвимъ Бога на каждомъ шагу,—стало быть, мы совсѣмъ дурные евреи. А зачѣмъ быть дурнымъ евреемъ, если можешь быть хорошимъ христіаниномъ? Намъ будетъ большая честь и деньги у насъ будутъ; съ деньгами мы займемся мастерствомъ, и всѣ русскіе будутъ въ насъ нуждаться, потому что мы умные люди. Насъ никто не принуждаетъ, помните это твердо. Мы грѣшили передъ начальствомъ, и я больше васъ всѣхъ виноватъ; вотъ на этомъ самомъ полу по моей винѣ проливалась ваша кровь... Такъ я хочу, чтобы по моей же винѣ вы возрадовались и жили счастливо. Такъ повелѣлъ Богъ, аминь! — Ну, подходите ко мнѣ всѣ, кто со мной согласенъ.

Робко подошелъ къ нему первымъ Юдка и зарыдалъ. Янкель поцѣловалъ его крѣпко, потомъ положилъ руку ему на голову и съ необыкновенною нѣжностью примолвилъ: — Милый, возлюбленный братъ, ты всегда будешь со мною... Прости меня за все!.. много ты потерпѣлъ черезъ меня...

Они еще поцѣловались, и даже Янкель заплакалъ.

Эта сцена сильно—сильнѣе всякихъ разсужденій—ударила на дѣтское чувство, давно уже не знавшее словъ любви и нѣжности. Подъ вліяніемъ мгновенно-вспыхнувшаго энтузіазма, вся толпа кинулась обнимать своего вождя-мученика, который не могъ видѣть страданій своихъ братій и которому являлся самъ Богъ, чтобы освѣтить душу его новымъ свѣтомъ...

II.

— Петръ Иванычъ, ты познакомь меня съ супругой-то твоей. Что это въ самомъ дѣлѣ за чепуха — держать жену взаперти! Точно ты турокъ какой... я хочу, чтобы она была моей кумушкой.

Такъ говорилъ предсѣдатель казенной палаты, статскій совѣтникъ и кавалеръ Ѳедоръ Ѳедорычъ Мироносцевъ, высокій, среброголовый старый холостякъ, по протекціи котораго Слободинъ благоденствовалъ ассесоромъ и мѣтилъ уже въ совѣтники.

— Ваше превосходительство, вы оказываете намъ величайшую честь, но... мы люди простые, маленькіе, — мы должны знать свое мѣсто...

— Чепуха, чепуха, любезный! — самъ небось вездѣ бываешь, оно такъ и слѣдуетъ: ты человѣкъ молодой. Ну, и ей надо въ людяхъ пожить, не все-же ребятъ няньчить, да огурцы солить. Вечеромъ я къ тебѣ приду — и дѣло съ концомъ.

Отговариваться было невозможно; Петръ Иванычъ поспѣшилъ домой, приготовляться къ пріему почетнаго гостя.

Домовитость Слободина намъ извѣстна. По пріѣздѣ въ С. онъ исподоволь принялся устраивать свое гнѣздо и въ полгода обзавелся, какъ подобаетъ солидному чиновнику. Онъ купилъ домъ деревянный, весьма помѣстительный, съ обширнымъ мѣстомъ, половина котораго засажена деревьями, а другая оставалась пустыремъ и выходила тоже на пустырь въ отдаленной части города. За домъ онъ заплатилъ двѣ тысячи рублей ассигнаціями,—сумма значительная, за то и домъ прекрасный: снаружи обшитъ тёсомъ, внутри оштукатуренъ, при немъ всѣ службы, анбары, колодезь и всенепремѣнно — баня. Семейному провинціальному чиновнику имѣть свой домъ въ то время считалось отнюдь не роскошью; жить на наемной квартирѣ было почти невозможно,—потому, что квартиръ въ городѣ не было, всякій строился самъ для себя,— да и неприлично — это позволялось только холостой молодежи. Слободинъ велъ жизнь скромную; разъ въ годъ собирались къ нему сослуживцы на имянинный пирогъ, и этотъ день былъ въ домѣ необыкновеннымъ событіемъ, къ которому приготовленія шли цѣлую недѣлю, мылись полы и окна, выколачивалась мебель, прикупалась посуда. Петръ Иванычъ самъ ходилъ по лавкамъ, выбирая разныя закуски, не забывая также насчетъ ямайскаго рома, московской дрей-мадеры, дюжины игоръ картъ и фунта американскаго вакштафу фабрики Мусатова. Анна Дмитріевна, кромѣ усиленной домашней стряпни, обязана была войти въ соглашеніе съ предводительскимъ поваромъ, касательно такого пирожнаго, въ середину котораго вставляется зажженная свѣчка; наконецъ, къ этому дню она шила себѣ новое платье и обмундировывала ребятишекъ; но въ самомъ пиршествѣ не участвовала, къ гостямъ не выходила, это считалось даже неприличнымъ, обѣдала съ дѣтьми особо въ своей комнатѣ, разливала чай, наблюдала, чтобы все подавалось въ порядкѣ. Въ этой роли она чувствовала себя совершенно свободно, ей и въ голову не приходило обидѣться. Съ другой стороны и гостямъ не приходило въ голову знакомиться съ хозяйкой, которую они мелькомъ видѣли въ полупритворенную дверь. Эта азіятская черта въ жизни провинціальнаго чиновничества сохранилась и до сихъ поръ: сколько и теперь встрѣчается франтоватыхъ чиновниковъ, являющихся

постоянно въ клубахъ, въ театрѣ, а женъ ихъ никто, нигдѣ не видитъ. Тутъ конечно сильно вліяютъ экономическія соображенія, но впереди всего пробивается то убѣжденіе, что я дескать глава дома, радѣтель и кормилецъ, отъ начальства уваженъ, стало быть могу жить какъ хочу, а вы, бабьё, сидите смирно и благодарите за то, что я умѣю промышлять вамъ кормъ. Трудно сказать, кто болѣе деспотъ въ семьѣ — отъѣвшійся купецъ, или чиновникъ, ловко умѣющій промышлять сытый кормъ.

Посѣщеніемъ Міроносцева Петръ Ивановичъ былъ обрадованъ и озабоченъ. Съ одной стороны это большая честь, которою рѣдко удостоивались даже совѣтники палаты, а съ другой... какъ бы Анна Дмитріевна чѣмъ-нибудь не сконфузила, не выдала-бы какъ-нибудь своей крестьянской породы. Въ первый разъ въ голову Петра Иваныча забрались скверныя мысли, въ первый разъ ему показалось, что онъ женитьбой испортилъ себѣ служебную и свѣтскую карьеру. Увы, это дѣло непоправимое! — а позднее раскаяніе оставляетъ въ душѣ ненавистный осадокъ. Слободинъ злился, все въ его домѣ показалось ему неприличнымъ, жалкимъ, роняющимъ его дворянскую амбицію; даже на дѣтей онъ какъ-то безпричинно, безтолково прикрикнулъ,—и весь домъ проклиналъ гостя, надѣлавшаго столько хлопотъ и непріятностей.

Наконецъ, гость явился; хотя онъ пришелъ пѣшкомъ, но шествіе его было весьма торжественно. Онъ шелъ въ енотовой шубѣ, надѣтой на одинъ рукавъ и въ огромной мѣховой шапкѣ съ наушниками, сзади его шагалъ палатскій вахтеръ, неся въ одной рукѣ фонарь, а въ другой длинный чубукъ и кисетъ съ табакомъ, — аттрибуты, безъ которыхъ старикъ не выходилъ изъ дома.

Ѳедоръ Ѳедорычъ Міроносцевъ происходилъ изъ духовнаго званія, этого не скрывалъ, даже фамилію свою писалъ съ *ижицы;* только въ послѣднее время, съ производствомъ въ статскіе совѣтники и уступая духу времени, перемѣнилъ ижицу на *і*. Онъ считалъ себя великимъ философомъ и въ разговорѣ всегда довольно не тонко давалъ понять собесѣднику, что вы-де, любезный, имѣете дѣло съ человѣкомъ большого ума и обширной учености. Любимымъ конькомъ его были финансы, хотя по этому предмету онъ изучилъ только «Разсужденіе о могущихъ послѣдовать пользахъ отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ, Николая Мордвинова, 1816 г.»; но тѣмъ не менѣе втайнѣ мнилъ, что для устроенія отечественныхъ финансовъ когда-нибудь онъ будетъ призванъ къ занятію высшей государственной должности, а потому къ настоящему своему мѣсту относился свысока и въ средѣ губерн-

скихъ сановниковъ держалъ себя независимо. Губернатора, вышедшаго изъ офицеровъ Преображенскаго полка, онъ считалъ легкомысленнымъ юношей, шаркуномъ, мало-свѣдущимъ въ законахъ и неумудреннымъ въ наукѣ управленія. Ѳедору Ѳедорычу прощались всякія чудачества, ради той аксіомы, что философъ и ученый долженъ быть непремѣнно чудакомъ забавнымъ и безвреднымъ. Съ подчиненными Міроносцевъ былъ, какъ они сами утверждали, простъ; говорилъ всѣмъ *ты;* любилъ красиво переписанную бумагу и строгій дѣловой *штиль, уобженный* разными *покомику, кольми паче, надпяніе, вкупѣ, воспященіе* и т. п. Старикъ и Слободина полюбилъ за то, что, какъ человѣкъ образованный, онъ скоро пріобыкъ въ совершенствѣ владѣть этимъ штилемъ. Совѣтники, въ особенности питейнаго отдѣленія, беззастѣнчиво брали взятки, а Ѳедоръ Ѳедорычъ это благодушно игнорировалъ; самъ онъ принималъ единственно только ежегодную опредѣленную дань съ откупщика,—и въ глубинѣ своей совѣсти считалъ себя человѣкомъ вполнѣ безкорыстнымъ. Вообще противъ предуставленныхъ порядковъ онъ не шелъ, вѣровалъ въ безгрѣшные доходы, и воевалъ только съ мелкимъ чиновничествомъ, канцеляристами и писцами, которыхъ отечески журилъ за пьянство, нерадѣніе къ службѣ, иногда даже таскалъ своеручно за-волосы и оставлялъ въ палатѣ безъ сапогъ, на хлѣбѣ и водѣ. За это палатская мелкота не сердилась и не обижалась, потому что Ѳедоръ Ѳедорычъ, хоть за виски и оттаскаетъ, а глядишь, къ празднику выдастъ каждому по нѣскольку рублей изъ своихъ собственныхъ денегъ; но все-таки побитому человѣку нужно на чемъ-нибудь сорвать свое зло — и вотъ юные чиновники дали Ѳедору Ѳедорычу весьма мѣткое прозвище — «старая каретная лошадь», что́ чрезвычайно шло къ его громадной и нескладной фигурѣ. Въ обществѣ Міроносцевъ являлся только въ торжественныхъ случаяхъ съ своимъ кисетомъ и трубкой; нечего и говорить, что во многихъ семействахъ онъ былъ кумомъ и посаженнымъ отцомъ, но дамской компаніи не жаловалъ, называя барынь «модными прельстительницами». Особенно возмущало его, вошедшее тогда въ моду, употребленіе французскаго языка. Онъ хотя понималъ французскую грамоту, но выговаривалъ слова какъ латинскія, чѣмъ раза два насмѣшилъ публику; съ тѣхъ поръ и возненавидѣлъ этотъ языкъ. Онъ очень любилъ цвѣтоводство— лучшихъ георгинъ, розъ и тюльпановъ ни у кого въ городѣ не было, но неизвѣстно насколько его старое сердце было способно вообще къ нѣжнымъ чувствамъ; хотя и по этому предмету онъ состоялъ въ подозрѣніи у городскихъ кумушекъ, ибо почти еже-

дневно посѣщалъ жену зубного врача Вольфа. Этотъ Вольфъ или Вульфъ былъ какой-то неудавшійся нѣмецъ, онъ гдѣ-то былъ мозольнымъ операторомъ, но эта профессія привела-было его къ нищенству, ибо граждане не видѣли никакой необходимости въ срѣзываніи мозолей для того, чтобы исправно выполнять всѣ свои житейскія функціи. Совсѣмъ голодный Вольфъ пріѣхалъ въ С. и объявилъ себя зубнымъ врачемъ, но и тутъ дѣла его пошли отнюдь не блистательно: у жителей С. оказались такіе здоровые зубы, что глядѣть досадно, а если и являлись гнилозубые страдальцы, то прямо шли къ мѣщанину Совездралову, отлично заговарившему зубную боль. Эта конкурренція шибко подрѣзала нѣмца; его почти единственною, но и то секретною практикой осталась только губернаторская челюсть, которую онъ чистилъ аккуратно каждую субботу. Съ горя Вольфъ предался обдѣлыванію разныхъ чужихъ дѣлишекъ, сдѣлался благороднымъ факторомъ, и увѣряли, между прочимъ, что онъ подъ рукой отдаетъ на проценты капиталъ Міроносцева. Очень естественно, что, пока дантистъ бѣгалъ въ городѣ по денежнымъ дѣламъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ пилъ кофе съ его Луизой Карловной, обкуривалъ ее облаками вакштафа и чмокалъ губами, созерцая дебелыя прелести этой бѣлобрысой нѣмки. Впрочемъ такія невинныя утѣхи нисколько не вредили репутаціи почтеннаго старика, пользовавшагося въ городѣ отмѣннымъ уваженіемъ.

Возсѣвъ въ гостинной на диванѣ передъ овальнымъ столомъ, Міроносцевъ перезнакомился съ семействомъ Петра Иваныча, принарядившимся по-праздничному.

— Такъ у васъ только трое дѣтокъ-то? вопросилъ онъ Анну Дмитріевну.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, есть и четвертый-съ,— поспѣшилъ успокоить его Слободинъ. Этотъ ужъ здѣшній уроженецъ, вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ родился-съ.

— А подайте-ка его сюда, здѣшняго уроженца.

Анна Дмитріевна вынесла на рукахъ годового Ваню.

—Вишь какой бравый карапузикъ! черномазенькій; тѣ вонъ у васъ все бѣленькіе, а этотъ чистый цыганенокъ, въ кого уродился,—ты, плутъ, отвѣчай въ кого? расшутился старикъ.

При этихъ словахъ Анна Дмитріевна зардѣлась пятнами горячаго румянца и поспѣшила отнести ребенка въ дѣтскую.

— Ну вы, молодцы, учитесь? хорошо учитесь? вопросилъ старикъ, раскуривая свою трубку.

— Пока еще дома учатся-съ. Нашъ Предтеченскій священникъ ходитъ.

— Учиться надо, надо. Вотъ старшаго пора ужъ и въ гимназію, пора! хочешь въ гимназію, а,—хочешь?

— Нѣтъ, не хочу,—откровенно отвѣтилъ Алёша.

— Э, братъ, это скверно. А мундиръ хочешь носить? славный мундиръ у гимназистовъ. Чѣмъ ты хочешь быть, говори,—должно быть офицеромъ, а? а я тебѣ совѣтую быть нашимъ братомъ гражданскимъ чиновникомъ. У насъ вѣдь тоже мундиръ красивый.

— Ничѣмъ я не хочу быть.

— Какъ—ничѣмъ? мужичкомъ что-ли хочешь оставаться?

— Да, мужичкомъ лучше.

Гость расхохотался во все горло. Родители сконфузились.

— Ну, это, братъ, чепуха,—чепуха! Стыдно такъ говорить; кто тебѣ внушилъ такую чепуху?.. Петръ Иванычъ, ты старый педагогъ, учить тебя нечего; а нехорошо, что запустилъ такъ мальчугана-то. Стыдно! Въ будущемъ августѣ непремѣнно представь его въ гимназію. Можетъ, это баловень, маменькинъ сынокъ, а? Угадалъ я, Анна Дмитріевна?

Анна Дмитріевна, никогда невидавшая генераловъ, была очень смущена и открывала ротъ только для какихъ-то неясныхъ односложныхъ звуковъ. Къ счастью, поданный чай выручилъ ее изъ затрудненія.

— Покорнѣйше прошу откушать, сказала она; — съ чѣмъ вамъ угодно—съ ромомъ, или съ мадерой?

— Благодарю, сквозь зубы процѣдилъ старикъ, взявъ стаканъ.

Подававшая чай, Катерина отошла уступивъ мѣсто Личардѣ, представшему передъ генеральскія очи съ подносомъ, нагруженнымъ кренделями, лимономъ и двумя бутылками.

Какъ нерѣдко бываетъ съ людьми черезчуръ чиновными, Ѳедоръ Ѳедоровичъ вдругъ задумался, устремивъ неподвижный взглядъ на Личарду, но несомнѣнно блуждая мыслями въ какихъ-то высшихъ, невѣдомыхъ сферахъ, можетъ быть даже прозирая въ будущее Россійскаго государства. Личарда постоялъ съ минуту, и видя, что баринъ какъ-то чудно осовѣлъ, повернулся было съ своей ношей, но генералъ ловко поймалъ его за ухо и ласково мягко притянулъ къ себѣ, приговаривая нараспѣвъ: «ос-тавь ма-де-ру! ос-тавь ма-де-ру! ос-тавь ма-де-ру!» Личарда поспѣшно поставилъ на столъ весь подносъ и выбѣжалъ изъ гостинной, прыснувъ неудержимымъ смѣхомъ. Петръ Иванычъ позеленѣлъ и многозначительно переглянулся съ женой.

Къ счастью, гость какъ-будто не обратилъ никакого вниманія на этотъ непристойный эпизодъ и повелъ рѣчь о пріумноженіи

богатствъ любезнаго отечества, нападалъ на роскошь, всѣ текущія финансовыя распоряженія обзывалъ чепухою и доказывалъ, какими мѣрами возможно скудость превратить въ обиліе, тощіе источники оплодотворить, знатныя препоны превозмочь и вообще все размножить, разлить, населить и преобразить благополезно. Почтенный витія, окрыленный мыслью, что попалъ на свѣжихъ людей, слушавшихъ его въ первый разъ, былъ краснорѣчивъ необыкновенно. Алёша между тѣмъ незамѣтно улизнулъ и забравшись въ дѣтскую, съ Личардой, принялся передразнивать гостя. «Чепуха, чепуха!» басилъ Алёша.—Нѣтъ, это смѣшнѣе: ос-тавь ма-де-ру! ос-тавь мадеру! Мальчики хохотали до слезъ. Губернскій сановникъ и философъ въ ихъ глазахъ оказался просто шутъ гороховый...

Часу въ одиннадцатомъ вечера, окончательно устроивъ вожделѣнное благополучіе россійскихъ финансовъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ вспомнилъ, что пора домой.

— Такъ значитъ, въ воскресенье мы съ вами крестимъ, кумушка?

— Апосля прошу покорно къ намъ на пирогъ.

— Хорошо, хорошо. На меня, признаться, губернаторша крѣпко гнѣвается, что не съ нею крещу; да вѣдь я ужъ такой—терпѣть не могу этихъ модницъ; я нарочно имъ въ пику. Русскій человѣкъ, люблю простоту, радушіе.

Хозяева кланялись и за эту великую честь благодарили.

— Ничего, ничего; — а вотъ покороче познакомимся, таѣъ я примусь за вашихъ мальчишекъ. Петръ Иванычъ совсѣмъ погрязъ въ службѣ, небрежетъ ихъ воспитаніемъ, небрежетъ; а вотъ мы съ кумушкой вникнемъ въ это дѣло, заведемъ настоящіе порядки. Серьёзно, серьёзно примемся.

Палатскаго вахтера, спавшаго въ кухнѣ, разбудили; онъ зажегъ фонарь, и Міроносцевъ двинулся въ обратное шествіе.

III.

Въ воскресенье послѣ обѣдни во многихъ домахъ города С. происходили тѣ же сцены, что и въ домѣ Слободина. Новокрещеннаго Луку Ѳедоровича, бывшаго Юдку, привезли изъ церкви, кормили и поили на убой, окружали необыкновеннымъ вниманіемъ и ласками, такъ что Лука Ѳедоровичъ совсѣмъ ошалѣлъ, глядѣлъ вокругъ себя глупо и пугливо, какъ человѣкъ во снѣ перенесенный изъ тюрьмы на незнакомый пиръ.

Пока въ гостинной совершалось торжественное сокрушеніе пирога съ вязигой, дѣти затащили Луку къ себѣ и подвергли обстоятельному допросу, что́ онъ за человѣкъ, отвуда родомъ, какъ попалъ сюда и что съ нимъ будетъ дальше. Лука отвѣчалъ нехотя, односложными словами «да», «нѣтъ», «не знаю». Онъ рѣшительно не понравился дѣтямъ, которыя, послѣ тщетныхъ усилій вызвать его на откровенность, обратились къ своимъ дѣламъ, оставивъ его въ сторонѣ одинокого, несмѣвшаго пошевелиться. Анна Дмитріевна, заглянувшая въ дѣтскую, погладила крестника по головѣ и объявила дѣтямъ, что они должны приласкать и полюбить Лукашу, потому что онъ теперь приходится имъ крестнымъ братомъ и что кромѣ ихъ у него на бѣломъ свѣтѣ никакой родни нѣтъ. Лука заплакалъ, вѣроятно въ эту минуту передъ нимъ мелькнула убогая корчма на Волыни, наполненная кучей ребятишекъ, грязныхъ, жующихъ чеснокъ, но милыхъ, близкихъ его сердцу, съ которыми теперь онъ порвалъ всякую связь,— да и они теперь его за своего уже не признаютъ. А съ новыми родичами у него еще не было, да и быть пока не могло ни одной связующей, внутренней ниточки; по своему прошлому, по складу понятій, по самымъ даже темнымъ симпатіямъ, онъ былъ чужой этимъ дѣтямъ, неумѣвшимъ лицемѣрить и едва-ли не впервые слышавшимъ, что они *должны* любить человѣка, котораго совсѣмъ не знаютъ. Для нихъ онъ былъ чужой — и они ему были чужіе. Дальше этого вывода мысль Луки была не въ состояніи двинуться. Чужой евреямъ — и русскимъ чужой. Что́ же мнѣ нужно сдѣлать, чтобы не быть здѣсь чужимъ? пробѣжало въ головѣ его, но онъ чувствовалъ, что безъ помощи Янкеля не рѣшить ему этого вопроса. А гдѣ теперь Янкель? Куда завелъ онъ насъ и неужели теперь броситъ своихъ товарищей? Привычка повиноваться Янкелю пустила глубокіе корни.

А Янкель, ставшій Павломъ Николаевичемъ, былъ героемъ дня, и всѣ обстоятельства, какъ нарочно, такъ сложились, что не давали ни на минуту остыть разъ возбужденной въ немъ экзальтаціи. Воспріемниками его были губернаторша и жандармскій полковникъ. Изъ церкви губернаторша посадила Павла съ собой въ карету и привезла прямо къ архіерею, гдѣ собрались губернскія власти. Тутъ Павелъ съ твердостью, недопускавшею никакихъ сомнѣній, объявилъ, что чувствуетъ душевную потребность посвятить себя на служеніе церкви христовой и просилъ отправить его въ другіе города для обращенія кантонистовъ-евреевъ въ православіе. Онъ на колѣняхъ принялъ благословеніе; по залѣ раздался громкій говоръ одобренія. На разспросы окру-

жавшихъ онъ охотно разсказывалъ о бывшей своей ненависти къ христіанамъ и какъ потомъ явились ему видѣнія; онъ прозрѣлъ и ненависть мгновенно отпала отъ сердца... при чемъ слушатели невольно припоминали чудесное обращеніе св. Павла, въ честь котораго и дано Янкелю это имя. Онъ сначала чувствовалъ смущеніе и доходившую до боли тревогу, видя себя предметомъ всеобщаго удивленія и любопытства; ему казалось, что даже портреты архіереевъ, развѣшанные по стѣнамъ залы, глядятъ на него изъ своихъ черныхъ рамъ, какъ на избранника, которому предстоитъ путь славнаго подвижничества; у Павла кружилась голова, сильно билось сердце, но скоро онъ овладѣлъ собою — и на рыжемъ, некрасивомъ лицѣ его нельзя было прочесть ничего, кромѣ сосредоточенной рѣшимости. Его повидимому уже не смущала эта губернская знать, среди которой онъ очутился впервые въ жизни; она поклонилась передъ его личностью...

Немедленно составился комитетъ, который постановилъ относительно Павла Николаева слѣдующія рѣшенія: представить куда слѣдуетъ объ исключеніи его изъ военной службы и зачисленіи въ семинарію на особыхъ правахъ; такъ какъ Павлу исполнилось уже семнадцать лѣтъ и онъ не былъ нисколько приготовленъ къ слушанію семинарскаго курса, то избавить его отъ изученія языковъ латинскаго и греческаго, а по остальнымъ предметамъ усилить классное преподаваніе занятіями на дому у отца-ректора и другихъ учителей, ради чего и помѣстить его въ архіерейскомъ домѣ. Самъ преосвященный принялъ на себя трудъ составить подробную программу занятій и поставилъ все это дѣло подъ свой ближайшій надзоръ. Само собою разумѣется, что Павелъ, какъ совершившій необыкновенный подвигъ, былъ представленъ къ особой исключительной наградѣ.

Кромѣ всѣхъ этихъ оффиціальныхъ поощреній, тутъ-же, по предложенію откупщика, составилась подписка, и въ пользу Павла собрана довольно значительная сумма, — онъ и во снѣ не видалъ такъ много денегъ, но еще разъ овладѣлъ собою—не прикоснулся къ деньгамъ, и просилъ архіерейскаго эконома взять ихъ на сохраненіе.

Павелъ сознавалъ себя необыкновеннымъ человѣкомъ.

— Ваше высокопреосвященство, — сказалъ онъ, смѣло подойдя къ архіерею.— Позвольте, чтобъ со мною былъ одинъ изъ моихъ товарищей.

— Кто такой?

— Его зовутъ Лука, онъ крестникъ того генерала... забылъ фамилію... который въ казенной палатѣ сидитъ.

— А! Міроносцева Ѳедора Ѳедорыча?

— Такъ точно. Этотъ мальчикъ хорошій; онъ до сихъ поръ во всемъ мнѣ пособлялъ; за него я ручаюсь. А вдвоемъ намъ будетъ сподручнѣе исполнять наше дѣло и наукамъ обучаться легче. Сдѣлайте мнѣ эту божескую милость.

Начальникъ кантонистовъ подтвердилъ показаніе Павла, отрапортовавъ, что Лука мальчикъ *нравственный* и вполнѣ заслуживаетъ поощренія.

— Хорошо, хорошо. Тебѣ отказать невозможно, тѣмъ паче, что ты проникнутъ похвальными намѣреніями.

Тотчасъ-же былъ посланъ квартальный съ запиской, просить Ѳедора Ѳедорыча пожаловать немедленно и привести съ собою крестника.

— Еще прошу одной милости, чтобы намъ ужъ не являться въ батальонъ. Это не потому я прошу, что тамъ нехорошо. Намъ было тамъ очень хорошо. Его высокоблагородіе былъ для насъ все равно какъ родной отецъ, — и мы ихъ завсегда помнить будемъ, — а такъ, чтобы свой-же братъ часомъ насъ не обидѣлъ. Сами знаете, ваше высокопреосвященство, между школьниками есть всякій народъ, иной глупый пожалуй еще смѣяться надъ нами станетъ, а для насъ теперь ужъ это нейдетъ, негодится.

— Ah, comme il envisage bien les choses; tout ce qu'il dit est très juste, très juste! Vraiment il est inspiré d'en haut... невольно воскликнула губернаторша.

Ѳедоръ Ѳедорычъ не замедлилъ явиться съ своимъ крестникомъ. Послѣ Слободинскаго пирога и дрей-мадеры старикъ чувствовалъ себя немного тяжело, а потому былъ ворчливъ и недоволенъ, что его потревожили. Въ кабинетѣ владыки, на секретной конференціи, выслушавъ разсказъ обо всемъ происшедшемъ безъ него и о принятыхъ резолюціяхъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ едва не брякнулъ свое любимое — «чепуха», но во-время удержался, вникъ въ дѣло и сказалъ равнодушно:

— Что-жъ, пожалуй и такъ...

— Нѣтъ, вы кажется чѣмъ-то недовольны, Ѳедоръ Ѳедорычъ. Пожалуйста, выскажите ваше мнѣніе, критикуйте нашъ проектъ. Умъ хорошо, а два лучше. Вѣдь это дѣло слишкомъ серьёзное.

— Знаю, что серьёзное. Что-жъ мнѣ тутъ критиковать! Оно все ладно.

— Нѣтъ, вы что-то такое думаете... Ужъ видно, что скрываете особую мысль. Просимъ васъ высказать прямо. Отъ васъ мы привыкли слышать всегда умныя и здравыя сужденія.

— Да нѣтъ; оно ничего... Прожектъ хорошъ; гмъ! все въ немъ соображено рачительно... Только... вѣдь я русскій человѣкъ, ужъ извините...

— Говорите, говорите, Ѳедоръ Ѳедорычъ.

— И за русскаго человѣка готовъ рѣзать правду-матку. Въ мои годы мѣняться уже не приходится. Если хотите, скажу прямо — не слѣдуетъ давать такихъ знатныхъ привилегій... Во-первыхъ, потому, что за душевные подвиги и награда ниспосылается намъ душевная съ небеси, чуждая всякихъ земныхъ благъ; а второе — и главное — зачѣмъ же своихъ-то обижать? Вѣдь я самъ былъ семинаристомъ, знаю, какими тяжкими усиліями достаются имъ плоды познаній. Зачѣмъ же дѣлать исключенія? Несомнѣнно, это будетъ посѣвать между ними зависть... Не спорю, что новообращенные юноши заслуживаютъ поощренія; а развѣ между нашими-то мальчуганами, что̀ въ затрапезныхъ халатахъ щеголяютъ, — нѣтъ примѣчательныхъ головъ, способныхъ... И пошелъ, и пошелъ расходившійся старецъ!

Но его умствованія были выслушаны какъ курьезъ и не возымѣли практическаго значенія. Ѳедоръ Ѳедорычъ былъ извѣстенъ вообще за вольнодумца, а въ настоящемъ случаѣ выказалъ себя чистымъ вольтеріанцемъ. Многіе двусмысленно переглядывались, пожимали плечами, даже губернаторъ и жандармскій штабъ-офицеръ улыбались, вслушиваясь впрочемъ весьма внимательно въ слова Ѳедора Ѳедорыча. Наконецъ разглагольствованія сего домашняго Вольтера были побѣдоносно опрокинуты притчею о блудномъ сынѣ, — Міроносцевъ умолкъ, — извинился и со всѣмъ согласился. Дрей-мадера изъ его головы уже совсѣмъ вышла.

Между тѣмъ въ залѣ Павелъ отвелъ Луку въ дальній уголъ, переговорилъ съ нимъ шопотомъ, и, кажется, на еврейскомъ языкѣ, и потомъ спокойно представилъ отцу-ректору своего сподвижника.

Вечеромъ оба мальчика очутились въ опрятной сухой комнатѣ, освѣщенной лампадкою; съ пріятнымъ ощущеніемъ небывалаго комфорта легли они спать на шерстяныхъ матрацахъ; кругомъ была такая тишина, пахло воскомъ; они долго не могли заснуть, разговаривая шопотомъ, пугливо вслушиваясь въ отдаленные шаги по каменнымъ плитамъ длиннаго корридора,—все это имъ казалось невѣроятнымъ, призрачнымъ, и они не были твердо увѣрены, что утромъ разбудитъ ихъ благовѣсть къ заутрени, а не барабанъ съ криками и руготнею въ ротѣ дежурнаго ефрейтора.

IV.

Міроносцевъ основательно перенесъ свою главную квартиру отъ докторши въ домъ Слободиныхъ. Надоѣло старику сидѣть съ бѣлобрысой нѣмкой, которая и по-русски-то плохо говорила, да едвали много и понимала; напримѣръ, иногда Ѳедоръ Ѳедорычъ только что пустится философствовать и ворочать дѣлами всей Европы, а она вдругъ лѣзетъ съ кофеемъ; мужа вѣчно нѣтъ дома, бѣгаетъ по городу какъ гончая собака. Однимъ словомъ, скучно. А тутъ теплый семейный уголъ, добрые хозяева, когда слушаютъ, такъ въ глаза даже смотрятъ, — дѣти, наконецъ. Старому холостяку у Слободиныхъ было очень пріютно. Придетъ изъ палаты, пообѣдаетъ, выспится, займется своими цвѣтами, а вечеромъ ужъ непремѣнно сидитъ у Анны Дмитріевны. Изъ дѣтей онъ полюбилъ больше всѣхъ Алёнушку, дарилъ ей куклы и конфекты; Колю тоже миловалъ, къ одному Алёшѣ былъ холоденъ; спрашивалъ, каково онъ учится, читалъ наставленія и налегалъ больше на то, чтобы ему отнюдь не давать потачки, — «возрастъ такой, что ты долженъ постоянно сидѣть за книжкой, а не повѣсничать», — твердилъ онъ каждый день суровымъ тономъ.

Какъ ни смѣшно и ни странно покажется, а сѣдовласый старецъ питалъ какую-то личную вражду къ двѣнадцатилѣтнему мальчику, какъ къ человѣку съ нимъ равному, который можетъ обидѣть и съ которымъ можно помѣряться силами. Онъ не могъ забыть глупый смѣхъ Личарды въ первый вечеръ у Слободиныхъ, и ему казалось, что Алёша непремѣнно сочувствовалъ этому смѣху, онъ же тогда выбѣжалъ изъ гостинной и навѣрное зубоскалилъ съ этимъ хамовымъ отродьемъ. И мы знаемъ, что въ этомъ Ѳедоръ Ѳедорычъ не ошибался. Потомъ онъ всегда замѣчалъ въ глазахъ Алёши какую-то нестерпимую независимость, задорную веселость, которая какъ-будто дразнила его. Одинъ разъ онъ увидѣлъ, какъ Алёша надѣлъ его мѣховой картузъ съ огромными ушами и сдѣлавъ уморительную рожицу, бормоталъ «чепуха, чепуха». Ѳедоръ Ѳедорычъ издали погрозилъ на него чубукомъ, не сказалъ ни слова, но еще пуще возненавидѣлъ рѣзваго мальчугана. Алёша платилъ ему тѣмъ же; такимъ образомъ, между старцемъ и ребенкомъ установился скрытый антагонизмъ, готовый всякую минуту разразиться какою-нибудь рѣшительною баталіей. А пока—Міроносцевъ донималъ его косвенно и злостно радовался, что маленькій врагъ будетъ раздавленъ непомѣрнымъ зубреньемъ.

Алёша точно видѣлъ, что по милости «чепухи» до него сильно добираются и никакъ не миновать ему «дворянской» науки. Вмѣсто одного предтечинскаго попа, съ которымъ Алёша втихомолку кое-какъ долбилъ священную исторію, русскія склоненія, да таблицу умноженія, день за день, не торопясь (и любезное было дѣло!), въ одинъ недобрый день явилось вдругъ три мучителя: молодой преподаватель гимназіи Рафаэлевъ, землемѣръ Сѣдовъ и нѣмецъ Клоцманъ. Натащили эти злодѣи новыхъ книжекъ, разныхъ грамматикъ, лексиконовъ, Меморскаго ариѳметику, географію, да карты пяти частей свѣта, да прописи новыя,—бѣда! Денегъ что́ перебрали отъ отца, завели тетрадки, гдѣ отмѣчалось знаніе уроковъ, прилежаніе и поведеніе,—словомъ, скрутили молодца со всѣхъ сторонъ. Былъ мартъ мѣсяцъ, прилетѣли жаворонки, въ саду изъ-подъ чахлаго снѣга обнажались зеленовато-бурыя лужайки, вода мутными ручьями журчала и буравила землю, солнечные дни становились теплѣе, верба одѣлась сѣренькимъ пухомъ,—тутъ бы самая настоящая пора приняться за какое-нибудь свое вольное дѣло на весеннемъ воздухѣ, а отецъ, собравъ всѣхъ учителей, строго-на-строго объявилъ, чтобы ежедневно заниматься съ каждымъ по часу, проходить все по программѣ и такъ разсчитать прохожденіе, чтобы къ августу сынъ былъ совершенно готовъ поступить въ первый классъ тогдашней четырехклассной гимназіи, т.-е. пройти весь курсъ уѣзднаго училища, и даже нѣсколько больше, особенно въ языкахъ, для того, чтобы потомъ въ гимназіи было легче, и чтобы онъ непремѣнно сталъ первымъ ученикомъ въ классѣ, какъ подобаетъ сыну человѣка, который самъ подвизался на поприщѣ народнаго просвѣщенія. Объявленіе это было сдѣлано при такой торжественной и оффиціальной обстановкѣ, что не только прямо заявить о нежеланіи учиться, но даже сдѣлать какое-либо возраженіе было рѣшительно невозможно. Выслушавъ свой приговоръ, Алёша кинулся къ матери, на ея груди выплакать свое горе. Мать дѣйствительно улучила часокъ съ нимъ поплакать,—приласкала, дала ему блюдечко варенья, но грозы отвести не могла.

— Что дѣлать, сынокъ! Такая ужъ ваша доля, чтобы смолода за книжкой сидѣть. Терпи,—человѣкомъ будешь. Вонъ отецъ-то и Колю велѣлъ за азбуку посадить. Что дѣлать-то! За то умный будешь, чины получишь, генераломъ произведутъ, вонъ какъ Ѳедора Ѳедорыча.

— А если я не хочу. Вѣдь вы сами, мама, говорили, что въ деревнѣ житье лучше, и я также думаю. Я когда-нибудь возьму да и убѣгу къ дѣдушкѣ.

— И не думай ты объ этомъ, дурачокъ! Еще вотъ что: отецъ ужъ давно велѣлъ растолковать вамъ, чтобъ вы зря не болтали про дѣдушку, это стыдно...

— Что стыдно, мама? Что стыдно?

— Ну, вотъ то и стыдно, что при всѣхъ болтаете. Мало ли что бываетъ!.. Оно конечно, родню любить Богъ велѣлъ, и всякому человѣку званіе положено свыше... Ты и люби дѣдушку, за это Богъ тебѣ счастье пошлетъ. А только при всѣхъ кричать, что у меня вотъ дѣдъ мужикъ — тоже не годится. Видишь самъ теперь, какое у отца знакомство заводится, на благородную ногу всѣхъ насъ поставить хочетъ, такъ ужъ оно и непристойно выходитъ про мужика-то; отецъ этимъ огорчается...

Анна Дмитріевна тяжело вздохнула. Она путалась въ рѣчахъ, которыхъ фальшъ сама глубоко чувствовала, и наклонилась къ шитью, чтобы сынъ не заглянулъ въ ея полныя слезъ глаза. Алёшу такъ озадачили слова матери, что онъ забылъ все горе настоящей минуты и словно въ пропасть провалился: передъ нимъ съ неотразимою силою всталъ весь міръ его дѣтства, проснулись отрывчатыя, но яркія, какъ молнія, впечатлѣнія, замелькали знакомые образы и манили къ себѣ... Онъ долго молчалъ, какъ будто отыскивая въ прошломъ какую-нибудь точку опоры для своихъ вдругъ опрокинутыхъ понятій; ему захотѣлось поразить мать, заставить ее высказаться яснѣе—и онъ выбиралъ, чѣмъ бы ее зацѣпить за живое.

— А я помню, какъ вы съ папой вѣнчались... выговорилъ Алёша нерѣшительно.

— Шшшъ... что ты, что ты, Господь съ тобой! Какіе пустяки тебѣ на умъ приходятъ! пугливо взглянула на него мать.

— Нѣтъ, не пустяки... Это я очень помню... на васъ было синее матерчатое платье, а папенька на полъ упалъ съ дивана...

— Это кто-нибудь разсказывалъ, а тебѣ ужъ мерещится, что видѣлъ. Плюнь да перекрестись.

— Нѣтъ, видѣлъ,—настаивалъ Алёша. Объ этомъ никто не говорилъ, и вы никогда не вспоминаете, точно этого не было, а вѣдь оно было же. Развѣ можно сдѣлать такъ, чтобы не было того, что взаправду было? Вѣдь я помню все, что было...

— Было да прошло. А тебѣ лучше объ этихъ глупостяхъ не думать, а тѣмъ больше не говорить.

— Можетъ, тоже стыдно?

— Нишкни, вотъ и все. Выростешь большой, все узнаешь... тогда, можетъ, сама тебѣ все скажу. А дѣтямъ это знать негодится; дойдетъ до отца, такъ онъ тебя... и, бѣда! въ гробъ вго-

нить... Боже тебя оборони при немъ, или при комъ другомъ проговориться!.. Соколикъ ты мой... вѣдь больше свѣта бѣлаго... люблю тебя!.. Да что намъ съ тобой дѣлать-то?.. вдругъ порывисто и нервно приласкала сына Анна Дмитріевна и залилась слезами.

Разумѣется, и Алёша расплакался, однако въ головѣ его гвоздемъ засѣли вопросительные крючки: что́ стыдно и что́ не стыдно? и почему оно стыдно? и отчего не позволяютъ знать того, что непремѣнно нужно узнать, и еще обзываютъ это пустяками,—а вонъ какую-нибудь латинскую грамматику знать совсѣмъ не любопытно, а заставляютъ,—почему же все это идетъ вверхъ ногами? И въ чемъ тутъ штука?

Уже не въ первый разъ Алёша наталкивался на такія житейскія явленія, въ которыхъ было что-то неладное; но никогда еще они такъ больно не врѣзывались въ самую глубь его внутренняго міра, какъ теперь. Справиться съ ними, одолѣть ихъ—не хватало дѣтскихъ силъ, а оставить нерѣшенными, отложить въ сторону и,—какъ дѣлаютъ многія дѣти,—принять на вѣру то, что говорятъ старшіе, онъ не могъ,—не такова была его натура. И вотъ въ немъ возникла живая потребность имѣть подлѣ себя такого человѣка, съ которымъ было бы можно перетолковать обо всѣхъ самыхъ важныхъ предметахъ. Ближе бы всѣхъ, казалось Алёшѣ, поговорить по душѣ съ отцомъ и матерью, но онъ уже уразумѣлъ, что мать сама нуждается въ томъ же и способна только поплакать вмѣстѣ съ нимъ;—а отецъ... странное дѣло!... Алёша сознавалъ, что отецъ человѣкъ добрый, хорошій, но одинъ только разъ въ жизни распахнулась для Алёши душа отца и обдала его всѣмъ пыломъ правдивой искренности—это послѣ поджога дома Милонова, а затѣмъ отецъ для Алёши ни разу не былъ живымъ человѣкомъ: онъ какъ будто и дома также служилъ, какъ служитъ въ палатѣ, т.-е. наблюдалъ, чтобы всѣ подчинялись нѣмъ-то установленному порядку и самъ старался быть олицетвореніемъ этого порядка... Коля, Алёнка, Ваня—объ нихъ даже и не думалъ Алёша,—они въ домѣ жили и росли, какъ живутъ и ростутъ маленькіе котята—пищатъ и ѣсть просятъ, больше ничего. Оставался вѣрный Личарда, но онъ былъ отличнымъ товарищемъ тамъ, гдѣ требовалась ловкая, практическая смѣтка, мускульная сила, плутоватая сноровка, а спроси его, что такое наша жизнь и отчего она такая,—онъ глубокомысленно засуетъ въ носъ пальцы, или пуститъ по столу волчокъ, смастеренный изъ пуговицы, которую вчера гдѣ-то стибрилъ. Разъ прозвали его воровскою петлей,—такъ онъ и остается вѣренъ этой кличкѣ. Итакъ, кругомъ никого.

И эти безплодныя исканія, эта болѣзнь психическаго роста, какъ разъ совпала съ усиленными учебными занятіями. Три учителя постарались и произвели въ головѣ мальчика невообразимый хаосъ. Онъ зазубривалъ все, что ему давали; слова латинскія, французскія и нѣмецкія сталкивались въ головѣ его; грамматическія правила съ ихъ исключеніями ложились рядомъ возлѣ опредѣленій ариѳметики, и все это перепутывалось названіями морей, рѣкъ, горъ и т. д. Отличная память Алёши заваливалась всякимъ мусоромъ, острая впечатлительность притуплялась; мышленіе, не находя простой реальной пищи, обратилось назадъ къ прошлому и, перекладывая на тысячу ладовъ старый матеріалъ, задерживалось въ потемкахъ. Алёша похудѣлъ, захирѣлъ, а Ѳедоръ Ѳедорычъ одобрительно кивалъ головою, выслушивая рапорты Петра Иваныча объ успѣхахъ сына.

— Такъ-такъ-такъ! твердилъ старикъ. Я помню, когда насъ учили, такъ бывало—и уроки громадные зададутъ, и письменныя упражненія, и конспекты,—голова трещитъ, ходишь какъ угорѣлый, плачешь,—а потомъ все въ пользу пошло. Голова наша подобна кладовой, въ которую складывай все, что хочешь,—пускай лежитъ; глядишь—оно когда-нибудь пригодится. Главное, надо фактовъ,—фактовъ больше забирать, а умозрѣніе—это дымъ, чепуха, даже оно для молодой головы опасно. Возмужаешь, ну тогда и строй какія угодно умозрѣнія, ибо основанія-то для нихъ,—факты—запасены въ достаточномъ количествѣ. Верхоглядомъ не будешь.

Петръ Иванычъ, обработанный въ школѣ тѣхъ же воззрѣній, какъ и Міроносцевъ, совершенно съ нимъ соглашался; кромѣ того, въ немъ теперь сильно дѣйствовало желаніе угодить начальнику, который удостоилъ его особеннаго расположенія. Ужъ не говоря о томъ, что Петръ Иванычъ вотъ-вотъ обнюхивалъ мѣсто совѣтника палаты,—онъ простиралъ свои виды гораздо дальше: ему хотѣлось выбиться изъ темнаго положенія, втереться въ ряды провинціальной знати и самому стать силой, а «старая каретная лошадь» могла еще вывезть по этой дорогѣ.

Ненавистный старецъ торжествовалъ побѣду. Алёша дѣйствительно былъ придавленъ, и ненависть свою къ Ѳедору Ѳедорычу перенесъ на крестника его Луку, котораго онъ прозвалъ «чепухинскимъ паничемъ». Лука изрѣдка приходилъ къ нимъ уже превращенный изъ кантонистской куртки въ долгополый сюртукъ семинариста и чрезвычайно важничалъ. Онъ хвастливо разсказывалъ, какъ съ Павломъ Николаичемъ ѣздили они по разнымъ городамъ, обратили болѣе двухсотъ евреевъ въ христіанство, и ка-

кой имъ былъ вездѣ почетъ, какая похвала. По сту рублей денегъ въ награду получили и со временемъ будутъ не только попами, а можетъ еще и больше; въ каретахъ ѣздить будутъ.

— Хвастай, хвастай! А все-таки ты свиное ухо и больше ничего, замѣтилъ Алёша.

— Вы не ругайтесь, паничъ; знаете что? это нехорошее слово; я буду папеньку жаловаться.

— Паничъ, ха-ха-ха! Вотъ удралъ! Папень-ку жаловаться!.. По каковски это ты говоришь-то, паничъ? ха-ха! хохоталъ Алёша, впервые услышавъ это слово. Самъ ты паничъ чепухинскій.

— А правда ли, что вамъ уши обрѣзáть будутъ, потому больно велики? сьострилъ Личарда.

— Вы мишурисъ, значитъ—лакей, и я съ вами говорить не могу.

— Не можешь? Ну, такъ я тебя по сусаламъ. Давай на кулачки, становись!

— Не хочу я этого, потому что это очень низкое дѣло.

— Ага, струсилъ! Нѣтъ, мало васъ крестили, вотъ я окрещу, такъ ужъ жидовскій-то духъ весь вышибу.

— Оставь его, Яша. Развѣ не видишь, что онъ сейчасъ разрюмится, плакса этакая! Еще своей «чепухѣ» пойдетъ жаловаться. Погоди, и безъ насъ ему въ семинаріи бока отшлифуютъ. А ты, проповѣдникъ, скажи-ка мнѣ лучше вотъ что: есть у васъ семинаристъ Сіонскій?

— Сёнскій? перековеркалъ Лука.—Нѣтъ, такого я не знаю. Казенныхъ нѣкоторыхъ мы знаемъ, а этотъ вѣрно изъ тѣхъ, что живутъ по квартирамъ. Мы живемъ въ архіерейскомъ дому, намъ съ такими водиться запрещено. Мы особые.

— Ишь ты, важно кушанье! и Личарда ловко влѣпилъ ему щелчокъ по уху.

— Ну, такъ ты смотри, непремѣнно мнѣ узнай, есть ли у васъ Сіонскій,—Адріянъ Сіонскій,—не забудь и не переври.

— Зачѣмъ врать! я узнаю аккуратно.

— То-то, смотри, Чепухинскій паничъ,—узнай все, какой онъ изъ себя, друженъ ли съ товарищами и гдѣ живетъ. Ну, а теперь—маршъ изъ моей комнаты: мнѣ еще нужно «деръ-ди-дасъ» для проклятой Клецки вызубрить.

V.

Черезъ двѣ недѣли явился Лука Ѳедорычъ. Являлся онъ всегда по праздникамъ, послѣ обѣдни; первымъ дѣломъ цѣловалъ руку крестной маменькѣ, потомъ угощался чаемъ и пирогами; ѣлъ много; впрочемъ совсѣмъ не такъ, какъ ѣдятъ голодные,—видно было, что чай и пироги ему совсѣмъ не рѣдкость. Вообще онъ глядѣлъ самодовольно и любилъ шевелить въ карманѣ деньгами. Коммерческія наклонности его племени тоже пробивались въ немъ наружу: онъ выманилъ у Коли серебряный свистокъ, обѣщавшись починить его, или взамѣнъ принести новый. Съ Алёшей помѣнялся перочиннымъ ножичкомъ, взявъ себѣ, конечно, лучшій, да еще просилъ пять копѣекъ придачи. Всякую вещь онъ осматривалъ внимательно, съ толкомъ и сейчасъ же назначалъ ей цѣну.

— Хорошая у васъ жилетка,—пошить такую два рубля стóитъ. Или:—славная эта чернильница, только крышечка на ней не серебряная, больше десяти копѣекъ за нее далъ нельзя, аплике,—глубокомысленно объяснялъ Лука Ѳедорычъ.

— Ну, что же, узналъ про Сіонскаго?

— Узналъ.

— Говори, чтó узналъ?

— Пфе!

— Что это значитъ—пфе? Ты говори толкомъ.

— Вамъ съ нимъ знаться нейдетъ. Лука сдѣлалъ презрительную мину.

— Отчего нейдетъ? Да ты кого спрашивалъ-то?

— Все наше начальство держитъ его на худомъ замѣчаніи.

— А товарищи чтó говорятъ?

— Товарищи, извѣстно, ничего, потому сами такіе же. Даже намъ сказано, чтобъ мы не дружились съ г. Сіонскимъ.

— Кому это вамъ?

— Павлу Николаичу и мнѣ.

— А товарищи любятъ его?

— Мы этого не знаемъ; а только что его часто наказываютъ, потому что трубку куритъ и такой грубый супротивъ начальства. Онъ ужъ большой—ему 20 годовъ, ужъ онъ другой годъ сидитъ въ философіи.

— Стало быть онъ умный.

— Какой умный! Когда бы умный былъ, сдѣлалъ бы такъ, чтобъ и начальство его уважало, а не то, что всякую недѣлю

пбронца. Умный! — усмѣхнулся Лука. — Еслибъ вы видѣли, — совсѣмъ бѣдный, сапогъ не имѣетъ... и прибавилъ шопотомъ: — говорятъ, онъ водку даже пьетъ. Худой такой.

Алёша призадумался. Онъ не ожидалъ такихъ извѣстій, но не совсѣмъ довѣрялъ показаніямъ панича, очевидно, исходившимъ изъ точки зрѣнія начальства, съ примѣсью брезгливости сытаго фаворита къ голодному и можетъ быть несправедливо гонимому товарищу.

— Мы пойдемъ къ нему, Яша;—вдругъ рѣшилъ Алёша.— Гдѣ онъ живетъ?

— Туточки недалеко, за вашимъ пустыремъ, въ домѣ Бѣлкиной. Только не совѣтую ходить: папенька узнаютъ, очень сердиться будутъ, и мнѣ достанется, что указалъ.

— Пошелъ вонъ, чепухинскій паничъ! Не тебѣ меня учить, не твое дѣло! А коли наклеузничаешь, такъ мы тебя отколотимъ на всѣ корки. Смотри, — помни!

И вибравши одно удобное послѣ-обѣда, когда всѣ въ домѣ легли отдыхать, Алёша съ Личардой перебѣжали пустырь; домикъ Бѣлкиной оказался шагахъ въ пятидесяти отъ Слободинскаго плетня. Молодая и красивая баба, сидѣвшая у калитки, указала, что надо идти въ огородъ, тамъ въ банѣ и живетъ поповичъ.

Поперекъ огорода госпожи Бѣлкиной лежалъ земляной валъ, остатокъ стариннаго укрѣпленія, оборонявшаго городъ. Кто говорилъ, что этотъ валъ насыпанъ противъ Пугача, — кто утверждалъ, что это была граница татарщины,—вѣрнаго ничего обыватели не знали. Мѣстами онъ былъ совсѣмъ срытъ, гдѣ того требовала новѣйшая планировка города, а на пустыряхъ, садахъ и огородахъ онъ до сихъ поръ лежалъ зеленымъ горбомъ сажени въ три вышиною. Госпожа Бѣлкина очень искусно пристроила къ этому валу баню, такъ что три стѣны были врѣзаны въ землю, а четвертая глядѣла на свѣтъ маленькими одностекольными окошцами. Чтобы войти въ это зданіе нужно было спуститься на четыре ступеньки и наклонить голову передъ низенькой дверью, за которою теперь раздавалось пѣніе довольно хриплаго баритона. Онъ пѣлъ: «Отъ юности моея мнози бьютъ мя напрасно! Оса-анна заступи!..»

Посѣтители, войдя въ передбанникъ, увидѣли, что пѣніе это производитъ человѣкъ, лежащій на лавкѣ кверху носомъ, въ одномъ бѣльѣ и босой, закинувъ руки подъ голову.

— Здѣсь г. Сіонскій живетъ?

— Я Сіонскій. Кому меня надо? — не пошевелившись сказалъ обитатель бани.

— Вашъ братъ, Фортификантовъ, былъ моимъ учителемъ въ N. Онъ просилъ, чтобъ я непремѣнно съ вами познакомился; вотъ я и пришелъ... Извините... бормоталъ Алёша.

— Значитъ вы Слободинъ,—знаю. Братъ написалъ мнѣ про васъ изрядную эпистолу; съ знакомымъ мужичкомъ переслалъ. Давно, давно ужъ это было. Что-жъ вы до сихъ поръ не приходили?

— Не зналъ, гдѣ вы живете.

— Резонъ. А я думалъ, что вы, какъ и вообще всѣ дворянчики, гнушаетесь нашимъ братомъ, а вы ничего... Ну, спасибо. Садитесь, юнецъ. Будемъ знакомы. Алексѣй... а какъ по батюшкѣ? Кажется, Петровичъ, такъ? Садитесь-же вотъ тутъ, Алексѣй Петровичъ, — сказалъ Сіонскій, подвигаясь на лавкѣ. — А это кто съ вами?

— Нашъ мальчикъ... Алёша запнулся, не зналъ подъ какимъ титуломъ рекомендовать Личарду.

— Изъ дворовыхъ, значитъ, — подсказалъ Сіонскій. Садитесь и вы — на чемъ стоите.

Алёша вдругъ растерялъ всѣ мысли, не зналъ зачѣмъ пришелъ и о чемъ повести разговоръ. Онъ осматривался кругомъ, какъ будто стараясь прежде освоиться съ обстановкой новаго знакомца. Запахъ мыльной воды и березовыхъ вѣниковъ сильно билъ въ носъ. На полу валялись тетради и обтрепанныя учебныя книги, на окнѣ помадная банка съ чернилами, нѣсколько сухихъ, обгрызенныхъ перьевъ. На стѣнѣ висѣла фуражка и длинный демикатоновый сюртукъ; остальныя принадлежности туалета, на лавкѣ свернутыя въ комокъ, служили изголовьемъ хозяина. Сіонскій часто кашлялъ и харкалъ съ какимъ-то ожесточеніемъ; бѣлое рябоватое лицо его съ небольшимъ остренькимъ носикомъ и черезчуръ высокимъ лбомъ, надъ которымъ торчали жиденькіе кудреватые волосы,—было почти безжизненно, когда онъ молчалъ и закрывалъ глаза. Въ разговорѣ онъ оживалъ, торопился и немножко шепелявилъ, глаза бѣгали быстро, губы складывались насмѣшливо.

— Хижину мою разсматриваете?—обратился онъ къ Алёшѣ, и самъ же отвѣчалъ: да, тутъ жить великолѣпно. На дворѣ жаритъ, а у меня холодокъ; мухъ нѣту, а тишина-то какая — рай! Онъ проговорилъ это тономъ счастливѣйшаго человѣка и досталъ изъ-подъ изголовья кисетъ, огниво и коротенькую трубочку, которую тщательно продулъ и набилъ табакомъ.

— Давно вы тутъ живете?

— То-то и бѣда, что недолго мнѣ ликовать въ этомъ дворцѣ. Нонѣшній годъ, какъ распустили насъ на вакацію, — мнѣ ѣхать некуда, вотъ я и перебрался сюда на лѣто. Спасибо, хозяйка добрая, пустила по знакомству; я за то ей библіотеку привелъ въ порядокъ. Славная библіотека! послѣ мужа ей досталась — лекаремъ былъ; я пользуюсь тамъ много. Ну, такъ вотъ-съ и живу тутъ лока; а зимой не знаю какъ... впрочемъ, все лучше, чѣмъ общая квартира, — вы представить не можете, что это за мерзь такая! Хотите? — Онъ вынулъ изо-рта трубку, сплюнулъ, обтеръ мундучекъ пальцами и подалъ Алёшѣ. Аль, можетъ, еще не курите?

— Не курю.

— И добро, что не курите. Это самая поработительная привычка. Ну-съ, какимъ же премудростямъ обучалъ васъ злополучный мой frater?

— Проходили священную исторію до царей; грамматику было-начали немножко; четыре правила ариѳметики, и только.

— Значитъ, онъ не подлецъ. Это онъ могъ. А я думалъ... ха-ха-ха! Ну, а теперь что же вы дѣлаете?

Алёша развязался и подробно пересказалъ всѣ свои учебныя пытки. Когда онъ перечислялъ предметы, которые заставляютъ его зубрить, Сіонскій иронически поддакивалъ: «Эге! Туда!—Ишь ты! Жарь его»!—и залился смѣхомъ въ перемежку съ кашлемъ.

— Эки черти, шарлатаны проклятые! Это они въ три руки принялись васъ хлестать... Ну, не подлый ли народъ? — А вѣдь все изъ алчности гнусной... А, чтобъ имъ!

— Говорятъ, иначе нельзя, — не поспѣю къ августу приготовиться въ 1-й классъ гимназіи.

— Не поспѣю! да нешто вы рѣпа? Вонъ рѣпа и та поспѣваетъ въ свое время, — а какъ-же можно по заказу такъ пригнать человѣческую голову... Эхъ-хе-хе!

— Я по секрету вамъ скажу, — продолжалъ Алёша, ободренный сочувствіемъ къ своему положенію:—этого желаютъ мои родители, а я... я бы вовсе не хотѣлъ учиться. На что мнѣ эта наука? Я хочу быть простымъ человѣкомъ, а вовсе не какимъ-нибудь знатнымъ господиномъ...

Сіонскій сильно затянулся изъ трубочки и медленно выпуская дымъ, глядѣлъ на Алёшу вопросительно, какъ будто собирался его клюнуть своимъ остренькимъ носикомъ. Тотъ потупился и испугался своей откровенности.

— Да-а... да, вотъ что! соображалъ философъ. Ну, это требуетъ разсмотрѣнія... Оно конечно, видно, что вы паренекъ добрый, лучше быть просто человѣкомъ, ибо нѣтъ ничего выше: homo sum... и шабашъ! И опять же вы правы, что эта наука ни къ чорту не годится; только позвольте прежде всего разберемъ: развѣ это вотъ наука, что теперь вколачиваютъ въ васъ? Это вотъ что... и Сіонскій, рѣзко свиснувъ, кликнулъ:—Стультусъ! сюда! шершъ! При этомъ дверь изъ бани выпихнулась, и красивый бѣлый пудель кинулся на грудь къ своему хозяину. Алёша и Личарда струхнули и попятились отъ собаки, которая съ визгомъ и лаемъ перепрыгивала черезъ протянутую ногу Сіонскаго, приносила ему изъ угла брошенный кисетъ, становилась на заднія и на переднія лапы, и послѣ каждой штуки подобострастно глядѣла въ глаза, ожидая новыхъ приказаній.

— Ну, кушъ тутъ! смирно, Стультусъ! Такъ *это* вотъ что-съ, а не наука... Они вамъ этого не скажутъ. Понимаю очень, что вы затѣмъ и пришли ко мнѣ... (Сіонскій пріосанился какъ-то покровительственно и съ глубокимъ чувствомъ собственнаго величія). Нашимъ братомъ гнушаются, а что ни говори, все-таки мы свѣтильники, почерпнуть кое-что отъ насъ можно. Такъ-ли? Я вотъ какой человѣкъ, что давай мнѣ отецъ вашъ тысячу рублевъ—деньги громадныя, а я не возьму, чтобы причислить себя къ лику вашихъ наставниковъ.. Я дамъ вамъ совѣтъ даровой и честный: вы всю эту выучку пройдите, тяжко, да чортъ съ ней, пройдите... Вы такъ на нее и смотрите, какъ на искусъ, или положимъ — какъ смотримъ мы на болѣзнь, оспу тамъ что-ли... И знайте, что это не наука. Въ гимназію тоже непремѣнно поступите, это дѣло хорошее. А тамъ я вамъ скажу, что дѣлать. Хотите быть человѣкомъ, такъ слушайте меня, я могу поруководствовать кое-въ-чемъ. Вѣдь вы, барчукъ, будете навѣщать меня, не такъ ли? Я къ вамъ не пойду, ужъ извините.

— Почему-же? у меня комната особая.

— Нѣтъ, не приходится. Объ этомъ говорить не будемъ. Гм-да! А великолѣпная собака, не правда-ли? крикнешь ей: Стультусъ! не обижается, а еще рада... Такъ-то, значитъ, вы не баринъ, Алексѣй Петровичъ, а просто человѣкъ хорошій; ну, и ладно, смотрите же, держитесь крѣпко того... ну вотъ того, что сидитъ въ вашей душѣ... Значитъ, это въ васъ натура говоритъ, а она никогда не обманетъ, не солжетъ!

Сіонскій сказалъ эти слова съ особымъ удареніемъ, будто въ нихъ таился смыслъ, понятный только ему да Алёшѣ; потомъ всталъ, прошелся, шлепая босыми ногами по передбаннику; онъ

сладко улыбался и теребилъ на подбородкѣ жидкій пушокъ, какъ будто набрелъ на отличное дѣльцо, обѣщающее пропасть наслажденій. И какъ-то нечаянно онъ заглянулъ подъ лавку, вытащилъ оттуда зеленый полуштофъ, на горлышкѣ котораго было надѣто два сухихъ бублика.

— Вотъ эту штуку я вамъ не предлагаю, и знакомиться съ нею не совѣтую... Онъ разсмѣялся и приставилъ ко рту горлышко полуштофа.—Это цѣлительный бальзамъ; только его нельзя принимать такъ, зря, на это надо имѣть ве-еликое право! Иначе выйдетъ пошлость и мерзь. Вы еще понять этого не можете, юный!...

Онъ еще разъ приложился къ горлышку и началъ звонко грызть бубликъ, размышляя вслухъ:

— Наука, государь мой, святое дѣло... но—о горе, горе!— гдѣ же она обитаетъ?—Гдѣ же тѣ зеленые сады Академа, въ которыхъ юноши счастливые, веселые и сытые,—да, натурально, сытые,—играя внимали словамъ божественнаго Платона?... Нынѣ истина рождается въ мукахъ—и въ жесточайшихъ же мукахъ она достается нѣкоторымъ умамъ... Нищета, голодъ, истязанія, гоненія—тяжкій крестъ!...

Сіонскій опять хлебнулъ изъ штофа, захрустѣлъ бубликомъ и прилегъ.

— Вотъ я теперь лежу здѣсь, въ банѣ госпожи Бѣлкиной,— дѣйствительно такъ,—но тѣмъ не менѣе я составляю частицу вселенной, малѣйшій атомъ безконечныхъ міровъ,—я дерзаю и могу обнимать отсюда изъ сей норы всю совокупность творенія... могу добраться дальше и выше,—наконецъ, вопросить высшій разумъ, на допросъ его поставить... Ась?—какъ вы думаете, вѣдь могу? Отвѣчайте мнѣ, точно ли я могу? Приставалъ онъ къ Алёшѣ, теребя за пуговицу.—Извольте отвѣчать!

— Конечно, можете... робко отозвался тотъ.

— Ну, стало быть такъ я говорю,—могу! А гдѣ-же такая наука написана, гдѣ? Не въ этихъ ли скудоумныхъ упражненіяхъ... И онъ ткнулъ ногою въ кучу тетрадокъ.—Говорятъ, свѣтскихъ книгъ не читай... А тамъ только и есть кое-что, немногое... Н-да, не читай... За Канта я подверженъ былъ трехдневному истязанію, по пятидесяти лозановъ... Замѣть другъ,—трехдневному... А я его читалъ,—что, читалъ! я его ѣлъ, пилъ,—лексиконъ изгрызъ; самъ всей сути добивался... и добился... а они—трехдневное... Нѣту, нѣтъ у насъ науки, нѣтъ! Школяры, фарисеи... о-о-о... горе вамъ!...

Сіонскій еще нѣсколько минутъ разглагольствовалъ на эту

тему и пришелъ къ тому выводу, что науки нѣтъ нигдѣ, но все-таки когда-нибудь онъ до нее доберется. Полуштофчикъ опорожнился окончательно; философъ лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами и тыкалъ пальцемъ въ золу погасшей трубки. Онъ мычалъ какія-то непонятныя слова, перемѣшанныя съ текстами — и наконецъ умолкъ. Алёша переглянулся съ Личардой на счетъ того какъ бы дать тягу, но только что они тронулись къ двери, Стультусъ, нашколенный хозяиномъ—всякаго входящаго впускать безпрепятственно, но не выпускать ни подъ какимъ предлогомъ,— кинулся на защиту двери и грозно оскалилъ зубы. Личарда прикрикнулъ и шагнулъ смѣло,—Стультусъ съ визгомъ наказалъ его за это покушеніе, укусивъ за икру.

— Вотъ бѣда-то!... что намъ дѣлать? Ишь какъ штанину, проклятая, разорвала.

— Дома хватятся; эхъ скверно! Вотъ солнышко-то гдѣ, скоро чай пить станутъ.

— Разбудимъ его.

Но усилія разбудить оказались тщетны и вызвали пущее неудовольствіе вѣрнаго пса, который метался, но зорко сторожилъ дверь. Ребята оказались подъ арестомъ — и долго сидѣли они. Личарда старался развеселить барина, громко чихалъ, дразнилъ собаку, затянулъ-было пѣсню; — Сіонскій не просыпался. Косые красные лучи вечерняго солнца заглянули въ окно передбанника. Въ глазахъ Алёши ходили слезы.

— Стойте, баринъ, знаю! нашелся Личарда, нагнулся и живо выдернулъ козелокъ изъ-подъ того конца лавки, гдѣ лежали ноги спящаго. Доски застучали, туловище Сіонскаго поѣхало и очутилось въ сидячемъ положеніи. Онъ безтолково оглянулъ вокругъ.

— Кто? зачѣмъ? Брр-у-ахъ! зѣвнулъ Сіонскій протяжно и очнулся. Ахъ, Боже мой! что это я? Простите... Прочь ты, болванъ! онъ жестоко ударилъ честнаго пса. Простите, братья, мою гнусность... Экая же я скотина! Ради Христа простите... Несчастный я человѣкъ... Послѣднія слова прошепталъ онъ совсѣмъ упавшимъ голосомъ, опустивъ растрепанную голову въ колѣни.

— Ничего, ничего... утѣшалъ его въ свою очередь Алёша, до глубины души тронутый его унылымъ, безнадежнымъ сокрушеніемъ. Только намъ пора домой, прощайте...

— А песъ — караульщикъ знатный. Вона какъ штанину-то мнѣ располосовалъ!

— Штанину! ахъ Боже мой, Боже мой... я вамъ куплю новые, непремѣнно куплю новые,—съ отчаяніемъ, почти со слезами твердилъ Сіонскій. Постойте господа... посидите, вотъ я трубочку...

— Нѣтъ, нѣтъ, пора! дома спросятъ, достанется намъ.

— И еще достанется? Фу, какой же я свинтусъ, ахъ! Позвольте, я васъ провожу.

— Зачѣмъ! Не надо... прощайте.

— Одно слово, Алексѣй Петровичъ... Слушайте: я вижу, вы обидѣлись: вы даже раскаиваетесь, что забрели къ такому человѣку...

— Ей-богу, нѣтъ! домой намъ пора.

— А если нѣтъ, то... ну, это покажетъ время... я полагаю, что вы больше ко мнѣ ужъ не придете... Что-жъ дѣлать! значитъ гусь свиньѣ не товарищъ... Жаль! ну, прощайте Алексѣй Петровичъ, не осудите,—я передъ вами весь тутъ, каковъ есть... во всей моей мерзости... Послѣ крѣпкихъ увѣреній, что все это ничего, пустяки, что скоро и непремѣнно опять свидимся, Алёша вышелъ. Дорогой онъ обдумывалъ, что сказать дома на вопросъ— гдѣ былъ? Припомнился ему случай, когда откровенность его чуть на погубила Фортификантова,—и рѣшилъ онъ солгать. Выдумалъ какую-то исторію, разумѣется, совершенно неправдоподобную и условился съ Личардой, чтобы не было разнорѣчія въ показаніяхъ.

Несмотря на перенесенное томленіе страха и на скверную необходимость лгать, Алёша чувствовалъ себя довольнымъ, что познакомился съ Сіонскимъ, точно какое важное дѣло сдѣлалъ, и рѣшилъ продолжать это знакомство. Нѣкоторые намеки новаго знакомца зацѣпили его за больное мѣсто, и онъ готовъ былъ вытерпѣть всяческія непріятности, лишь бы только добиться откровеннаго, задушевнаго разговора: отъ Сіонскаго онъ ожидалъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, которые такъ мучительно накопились...

А Личарда обдумывалъ, какимъ манеромъ ему обзавестись трубочкой; за табакомъ дѣло не станетъ: у барина въ кабинетѣ всегда лежитъ картузъ вакштафу, — по горсточкѣ брать, никто и не замѣтитъ... а курить бы трубочку важно!...

Въ августѣ Алёша благополучно выдержалъ экзаменъ и поступилъ въ гимназію. Всѣ въ домѣ радовались этому счастливому событію; отслуженъ былъ благодарственный молебенъ. Петръ Ивановичъ съ гордостью разсказывалъ, что, по отзыву директора, сынъ могъ бы быть принятъ во 2-ой классъ, но пусть лучше будетъ первымъ ученикомъ въ 1-мъ классѣ, чѣмъ посредственнымъ во 2-мъ. Отецъ сильно налегалъ на это первенство въ классѣ. Мать радовалась, что Алёшинька твердо сталъ теперь на дорогу, приличную всякому дворянскому дитяти, которая ведетъ прямо къ чинамъ и хорошимъ мѣстамъ—«будетъ утѣха и кормилецъ мой подъ старость.» Сокрушалась Анна Дмитріевна

только о томъ, что ребенокъ сильно похудѣлъ, изнурился,—«ну, авось въ гимназіи поправится, можетъ тамъ не будутъ морить наукой-то этакъ спѣшно, словно на почтовыхъ»;—и приказывала она портному, снимавшему мѣрку на гимназическій мундиръ, пускать вездѣ пошире, съ запасомъ. Даже Ѳедоръ Ѳедорычъ погладилъ Алёшу по головѣ, примолвивъ: «ну молодецъ! только смотри не опустись и не связывайся тамъ съ разными балбесами. Ты долженъ теперь еще больше прилежать, дабы современемъ удостоиться чести носить студентскую шпагу. Видѣлъ когда-нибудь, какъ студенты ходятъ? Треугольная шляпа, шпага,—ты пойми, какъ это лестно!»

Вотъ какіе толки слышалъ Алёша вокругъ себя, и гимназія представлялась ему не то повинностью, не то службой... Радовался онъ единственно тому, что выскочилъ изъ лапъ усердныхъ педагоговъ: крѣпко держась совѣтовъ Сіонскаго, онъ выдержалъ домашнюю дрессировку, необходимую только на одинъ случай—гимназическій экзаменъ,—и ждалъ, что будетъ дальше. Настоящаго своего положенія онъ не могъ опредѣлить ясно, потому что воля его была слишкомъ рѣзко надломлена; его симпатіи и взгляды, вынесенные изъ міра дѣтскихъ впечатлѣній, теперь зашатались, оказались несостоятельны передъ ломовымъ теченіемъ жизни. Особенно замѣчательно, что онъ не винилъ никого лично—ни отца, ни мать, ни учителей, ни даже Ѳедора Ѳедорыча, а замѣтилъ, что всѣ они повинуются какому-то неизвѣстному, но могучему закону: «такъ надо, иначе нельзя, неприлично, стыдно», твердили они, ссылаясь на то, что всѣ такъ дѣлаютъ.

Въ гимназіи онъ очутился въ толпѣ мальчиковъ, которые тоже повиновались общему закону,—собирались въ извѣстный часъ, сидѣли въ классѣ смирно, зубрили уроки, все потому, что такъ требовалось; обо отысканіи какой-нибудь другой, настоящей причины никому и въ голову не приходило, даже о студентской шпагѣ никто не помышлялъ. Случилось такъ, что цѣлую недѣлю Алёшу ни одинъ учитель не вызывалъ, и хотя онъ приготовлялъ уроки исправно, но ужасно радъ былъ этому обстоятельству; «вотъ славно, соображалъ онъ,—останусь я этакъ толпѣ непримѣченный, забудутъ обо мнѣ, а я втихомолку все буду думать *попрежнему*...» Всѣ инстинкты побуждали Алёшу какъ-нибудь отстоять свою самостоятельность.

Свиданія съ Сіонскимъ продолжались и содержались въ большомъ секретѣ; съ поступленіемъ въ гимназію въ нихъ оказалась для Алёши практическая необходимость: онъ былъ плохъ въ ариѳ-

метивѣ и для рѣшенія мало-мальски сложной задачи вынужденъ былъ обращаться за помощью къ Сіонскому.

— Знаете ли Адріянъ Никитичъ, открылся разъ Алёша, — вѣдь я ничего не понимаю изъ того, что мы учимъ. Гдѣ надо слово въ слово—отлично выучу, а разсказать своими словами не умѣю. Я совсѣмъ въ потёмкахъ. Особенно эта ариѳметика—чисто бѣда моя!

— Оно такъ и быть должно. Я самъ лѣтъ пять зудилъ всякіе предметы безъ малѣйшаго пониманія. Пониманіе-то вдругъ не дается, и никакой преподаватель вамъ его не передастъ: этого они не считаютъ даже своею обязанностью. Учитель обыкновенно пришелъ въ классъ, повѣрилъ авдиторовъ, поставилъ для порядка учениковъ пять-шесть на колѣни, отмѣтилъ въ книжкѣ до коихъ мѣстъ выучить къ слѣдующему разу, и пошелъ. Что ему? Жалованье получаетъ исправно, а отъ ученика ему корысти мало.

— Ну, нѣтъ,—у насъ заведено каждому учителю въ имянины подарокъ нести: чашку фарфоровую, матеріи на жилетку, или серебряную какую вещицу. Разумѣется, богатенькіе несутъ.

— Да, это такъ. Мы вотъ бѣдняки, а тоже и у насъ отцы пріѣзжаютъ на поклонъ, тащатъ по силѣ возможности. Да что-жъ отъ этого пользы!

— Добрѣе учитель становится, рѣже вызываетъ, отмѣтки хорошія ставитъ. Вообще легче противъ другихъ.

— Вотъ видите, какая гнусность! Вѣдь этимъ онъ вреда-то вамъ дѣлаетъ не на фарфоровую чашку, а цѣлую корчагу... Вотъ отчего изъ этихъ богатенькихъ-то ребятишекъ и выходитъ такая мерзь! Не держитесь вы этого, Алексѣй Петровичъ, плюньте. Посылать васъ станутъ съ подаркомъ, а вы нейдите; пусть лакей отнесетъ.

Пососавъ свою трубочку, Сіонскій продолжалъ медленно, словно вслушиваясь въ собственныя слова.

— А мы вотъ что сдѣлаемъ... коли хотите, я буду вашимъ репетиторомъ; чудесно пойдетъ у насъ дѣло. Оно и мнѣ на руку: занятъ буду. Пора бросить всѣ гнусности, ну ихъ! да и здоровье плохо, въ груди иной разъ подступитъ и хрипитъ, ровно пильный заводъ. Скверно!

— Спасибо вамъ, Адріянъ Никитичъ, — только я скажу отцу, онъ за это платить вамъ будетъ.

— Ну вотъ ужъ этого не дѣлайте; во-первыхъ, денегъ ни подъ какимъ видомъ я не приму... А скажете отцу, такъ ничего изъ этого не выйдетъ: пойдутъ наводить справки, и капу́тъ! На этотъ счетъ я имѣю свои соображенія... лучше молчите; наше дѣло будетъ совсѣмъ не покупное.

— Хорошо... однако вамъ, должно быть, деньги нужны. Какъ же это—чѣмъ вы живете?

— Э-эхъ, Алексѣй Петровичъ! Х-ха! чѣмъ живу? Да всей-то нашей жизни цѣна мѣдный грошъ... Чѣмъ живу? Оно дѣйствительно мудрено сказать... а ничего, не жалуюсь: хоромы важныя, ну и похлебать тоже... Видѣли, можетъ, хозяйскую стряпку, Арину,—она вонъ за воротами сидитъ; я вамъ скажу, бабёнка важная, сама забѣжитъ, поѣсть принесетъ; впрочемъ, что я передъ вами размазываю! предметъ совсѣмъ низкій, кому онъ занимателенъ! Извѣстно, какъ втянешься, такъ будто и ничего, а иной разъ отвлечешься нѣсколько отъ этой срамной низменности, такъ даже стыдно станетъ, передъ собой стыдно, а не то что разсказывать кому...

Опять поразило Алёшу это слово *стыдно;* и въ устахъ Сіонскаго это «стыдно» звучало еще поразительнѣе.—Неужели, думалъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ надо стыдиться той обыкновенной вседневной жизни, которую всякій человѣкъ ведетъ у себя дома? и скрывать эту жизнь, какъ что-то срамное, а къ людямъ являться въ какомъ-то особенномъ, показномъ видѣ? Вѣдь это выходитъ мы живемъ въ круговомъ обманѣ. Онъ упорно боролся съ такимъ выводомъ и выжидалъ случая потолковать съ Сіонскимъ именно вотъ о томъ, на чемъ лежитъ тяжелый запретъ житейскаго стыда.

Несмотря на разницу лѣтъ, между ними установились дружескія отношенія. Кромѣ того, что Сіонскій встрѣтился Алёшѣ въ такую минуту, когда этотъ мальчикъ весь горѣлъ потребностью обмѣна накопившихся и возбужденныхъ мыслей, симпатіи ихъ оказались однородны; такъ, когда Алёша объявилъ, что терпѣть не можетъ Луку Ѳедорыча, и прозвалъ его «чепухинскимъ паничемъ», Сіонскій расхохотался и примолвилъ:

— Да оно такъ и быть должно. Вѣрно! Подобныхъ людей вы не полюбите, они всегда вамъ будутъ чужіе. Вѣдь онъ крестникъ господина Міроносцева?

— Крестникъ. Ну да ужъ и папенька его тоже—чепуха!

— Знаю, знаю и его.

— Знаете?

— Какъ не знать, и весьма даже близко знаю! Когда-нибудь разскажу... Прозвали его «старая каретная лошадь», справедливо, да только карету-то возитъ пустую.. Лукашка, разумѣется, дрянцо; а вотъ кабы вы узнали нашего знаменитаго Павла Николаевича, вотъ это гусь лапчатый, персона! Вообще же, по-моему, этихъ пустосвятовъ слѣдовало бы вывести на свѣжую воду. Нашъ братъ

коренникъ; въ насъ нѣтъ этой податливости на всякія приманки, и путь нашъ совсѣмъ другой...

И онъ много говорилъ о свободѣ совѣсти, о значеніи религіозныхъ убѣжденій, ввелъ Алёшу въ сферу такихъ понятій, которыя ему показались открытіемъ Америки, но такой Америки, которая какъ будто давно и всегда существовала внутри его...

Время шло; благодаря помощи Сіонскаго, Алёша учился толково и легко, такъ что при преобразованіи гимназіи въ семиклассную, онъ попалъ изъ перваго класса въ четвертый и получилъ подарокъ.

У него оставалось много свободнаго времени и онъ принялся за чтеніе книгъ, которыя Сіонскій доставалъ изъ библіотеки своей хозяйки. Прочитывалъ онъ отъ доски до доски всѣ альманахи двадцатыхъ годовъ, начиная съ «Полярной Звѣзды» и до «Аглаи»; приходилъ въ восторгъ отъ повѣстей Бестужева и стихотвореній, изъ которыхъ многія, особенно подписанныя буквами А. П. или «А. Пушкинъ», переписывалъ въ тетрадку и выучивалъ наизусть. Романы Ратклифъ въ московскомъ сѣренькомъ изданіи, баллады Жуковскаго, поэмы и повѣсти съ неистовыми страстями, привидѣніями и всякими сверхъестественными ужасами, скоро напустили въ голову Алёши такой романтическій чадъ, который густымъ слоемъ застелилъ его взглядъ на простую правду жизни. Часто онъ, бродя по пустырю, заросшему бурьяномъ, воображалъ себя странствующимъ рыцаремъ, воюющимъ съ злымъ колдуномъ и со всякой чертовщиной, освобождающимъ заключенныхъ изъ темницъ и подземелій, и встрѣчающимъ, наконецъ, чудную дѣву— вѣнецъ всѣхъ подвиговъ. Дѣва пока еще въ его воображеніи уподоблялась существу совершенно безплотному, способному только лепетать нѣжныя слова. Но иногда въ толпу этихъ туманныхъ, безтѣлесныхъ призраковъ назойливо втѣснялись живыя картины изъ недавняго дѣтства, и мечты о вольной жизни на лѣсистомъ берегу большой рѣки, среди русской сельской обстановки. Онѣ еще не потеряли своей власти надъ Алёшей; только теперь, сбитый съ толку, онъ не зналъ чему поклониться: этимъ ли реальнымъ представленіямъ, или тому новому заманчивому міру, о которомъ твердили ему книги...

Этого вопроса не могъ рѣшить и Сіонскій, выдолбившій реторику Кошанскаго, знавшій всѣ тропы, фигуры и дѣленіе слога на высокій, средній и низкій. Онъ смотрѣлъ на легкую литературу вообще, какъ на пріятное занятіе, отвлекающее человѣка отъ насущнаго горя и убожества, и преимущественно виталъ мыслію на вершинахъ метафизической философіи, которую только

и признавалъ дѣломъ, достойнымъ человѣка. Но для Алёши философія была еще темна вода во-облацѣхъ, онъ гораздо серьезнѣе и страстнѣе Сіонскаго относился къ той пищѣ, которую подносила литература.

Въ бесѣды нашихъ друзей, по поводу прочитанныхъ книгъ, изрѣдка забирались толки и вопросы о ближайшихъ явленіяхъ жизни.

Однажды Алёша прибѣжалъ къ Сіонскому необыкновенно веселый и довольный, какъ человѣкъ, сдѣлавшій великое открытіе.

— Вы читали ту книгу, что вчера мнѣ дали? лукаво спросилъ онъ, держа книгу за спиною.

— Можетъ и не читалъ,—а что?

— Такъ давайте же сейчасъ примемся читать ее вмѣстѣ. Тутъ есть штука важная. Я вамъ скажу... ну, да послѣ потолкуемъ, а теперь слушайте.

И горяченькій Алёша сѣлъ на лавкѣ, развернулъ книжку и торжественно началъ.

— «Черная немочь», повѣсть М. Погодина.

Сіонскій улегся ловчѣе, сплюнулъ, закурилъ трубку и закрылъ глаза, изготовился слушать.

Алёша читалъ залпомъ, едва переводя духъ отъ избытка внутренняго удовольствія.

Эта повѣсть едва извѣстна нынѣшнимъ любителямъ литературы; для своего времени она была явленіемъ примѣчательнымъ: въ ней изображенъ простой бытъ, близкія къ правдѣ народныя сцены, все обыденное, знакомое, дѣйствительность грубая и уродливая, и только характеру героя придана романтическая тенденція,—тогда нельзя же было безъ этого! Но дѣло совсѣмъ не въ литературныхъ достоинствахъ и недостаткахъ повѣсти, которыя для насъ теперь не интересны, дѣло въ томъ, что эта случайно-попавшаяся повѣсть вѣрно не была никѣмъ прочитана такъ симпатично, какъ нашими пріятелями, засѣдавшими въ передбанникѣ госпожи Бѣлкиной.

Дочитавъ послѣднюю страницу, Алёша вопросительно взглянулъ на Сіонскаго.

— Ве-ли-ко-лѣп-но! процѣдилъ философъ.

Но не того ждалъ Алёша: ему нужны были не похвалы сочиненію М. Погодина, а подтвержденіе или отрицаніе той мысли, которая теперь, получивъ толчокъ, работала въ его безпокойной головѣ и вела свою родословную чуть-ли не отъ перваго, темнаго отвращенія его отъ дворянской науки...

— А вѣдь тутъ многое похоже на правду, — сказалъ онъ.

Мнѣ кажется, что еслибы каждый человѣкъ описывалъ то, что онъ видѣлъ своими глазами, что съ нимъ случалось, все о чемъ онъ думалъ, всю, всю свою жизнь, не разбирая, стыдно это или нѣтъ, вышло бы презанимательное сочиненіе... А вы какъ думаете?

— Мм-да, пожалуй... Только для этого надобно быть необыкновеннымъ человѣкомъ, вонъ какъ знаменитый Жанъ-Жакъ Руссо, написавшій свою исповѣдь. Вы не читали?

— Даже и не слыхалъ. Да нѣтъ, я не про то говорю... Еслибы всякій простой человѣкъ, вотъ какъ вы, да я... только откровенно, какъ есть на-голо...

— Ну, знаете ли, это задача!

Сіонскій немилосердно грызъ роговой мундучокъ; видно было, что предположеніе Алёши поставило его въ-тупикъ: оно не подходило ни подъ одну схоластическую категорію литературныхъ произведеній. Онъ началъ-было свысока объяснять законы творчества, сущность поэзіи, отношеніе формы къ содержанію, цѣли искусства и проч., но слушатель вдругъ огорошилъ его коротенькимъ замѣчаніемъ:

— Все это такъ, да къ чему оно нужно? — выдуманное...

— Къ чему нужно? Гм-да... И пока Сіонскій, углубляясь въ вопросъ, грызъ свой мундучокъ, Алёша смѣло предложилъ:

— Мы для пробы вотъ что сдѣлаемъ: я вамъ разскажу свою жизнь, а вы мнѣ свою, только чуръ безъ утайки. А потомъ напишемъ. И положенъ былъ уговоръ начать завтра эту обоюдную исповѣдь. Но на слѣдующій день, передъ вечеромъ Алёша нашелъ баню госпожи Бѣлкиной пустою, только кучи табачной золы свидѣтельствовали о недавнемъ пребываніи тутъ Сіонскаго. Арина съ тревогой и недоумѣніемъ разсказала, что утромъ-де ушелъ своимъ порядкомъ въ семинарію; потомъ пришелъ оттуда какой-то господинъ со сторожемъ, забрали они всѣ его книжки—и халатъ старый, что подъ голову клалъ — и тотъ взяли; сказали, чтобъ его не ждать, съ тѣмъ и ушли.

— Охъ, ужъ и сама не знаю, что думать!.. Собаку его вотъ взяла къ себѣ, а гдѣ-то онъ самъ теперича, сердешный мой?— вѣдь поди голодный сидитъ. Снесла бы ему щецъ, аль молочка, да куды нести-то опять не знаю...

VII.

Сіонскій былъ парень очень способный, но не изъ породы тружениковъ; энергія его, раздавленная бурсой, была неустойчива, порывиста и часто несоразмѣрна съ физическими силами. Принявшись за что-нибудь горячо, онъ забывалъ уже всѣ другія занятія, да не только занятія, все свое существованіе забывалъ, весь уходилъ въ избранное дѣло; а потомъ, глядишь, вдругъ броситъ это дѣло не доведя до конца, потому что, либо силъ не хватило — кашель разыгрывался до кровохарканія, либо разоблачалась передъ нимъ вся суть избраннаго дѣла, и оказывалось оно напраснымъ толченіемъ воды, давно уже истолченной другими; либо то и другое являлось вмѣстѣ—и Сіонскій, разругавъ себя и свое положеніе, съ ожесточеніемъ хватался за зеленый полуштофъ и погибалъ по недѣлямъ. За симъ неизбѣжно слѣдовали семинарскія исправительныя мѣры, еще пуще ожесточавшія его и добивавшія въ конецъ его здоровье. Самоучкой научился онъ нѣмецкому языку, потому что непремѣнно захотѣлось прочесть въ подлинникѣ, какъ онъ говорилъ, «нѣкоторыхъ знатныхъ нѣмцовъ»; и въ полгода читалъ почти свободно, а черезъ годъ — при случайной, урывчатой помощи одного знакомаго учителя гимназіи — овладѣлъ даже премудростью философской терминологіи. Книги глоталъ онъ безъ разбора, голодному не до того, чтобы разбирать, что̀ ѣшь, тѣмъ болѣе свѣтскія книги—плодъ запрещенный, а онъ твердо зналъ латинскую пословицу—nitimur in vetitum... Хаосъ безпорядочно нагроможденныхъ понятій, безплодный задоръ метафизическихъ вопросовъ, жажда найти истину помимо указанныхъ путей и горькое убѣжденіе, что эти пути никогда не приведутъ къ истинѣ, наконецъ, сознаніе полнѣйшей невозможности выбиться изъ роковой колеи своего сословія, къ которому онъ не чувствовалъ никакого призванія,—все это, конечно, не могло успокоительно дѣйствовать на молодую натуру. Подъ вліяніемъ постояннаго органическаго раздраженія, Сіонскій не могъ быть пріятнымъ, покорнымъ и мягкимъ, какъ воскъ ученикомъ; онъ былъ грубъ, циниченъ, нелюдимъ и состоялъ у начальства на счету первѣйшихъ негодяевъ; ждали только случая, чтобъ исключить его изъ семинаріи.

Случай представился скоро.

Старый мудрецъ Міроносцевъ, на извѣстной конференціи хотя и былъ подъ вліяніемъ нѣсколькихъ лишнихъ рюмокъ дреймадеры, однако довольно мѣтко предсказалъ неудобство «знат-

ныхъ привилегій; ошибся онъ только въ томъ, что привилегіи эти повредили больше самимъ привилегированнымъ, чѣмъ остальной заурядной массѣ. Павелъ Николаевъ и Лука Ѳедоровъ, выдвинутые обстоятельствами изъ совсѣмъ темнаго положенія, скоро увидѣли, что блестящая роль ихъ кончилась, и еслибы ими руководило простое убѣжденіе въ пользѣ совершоннаго дѣла, они легко и сознательно вошли бы въ колею обыкновенныхъ смертныхъ, но въ томъ-то и бѣда, что эти блестящія—и только блестящія роли страшно раздуваютъ въ насъ самомнѣніе и потребность постоянно рисоваться. Эти господа сначала отдѣлились отъ товарищей тѣмъ, что каждый свой шагъ соображали съ указаніями наставниковъ: знакомство заводили лишь съ тѣми, кто нравился начальству, въ школьныхъ затѣяхъ не принимали участія, даже въ играхъ держали себя сдержанно. Ихъ отчужденность и постоянное стараніе не только исполнять въ точности школьный уставъ, но даже въ тѣхъ случаяхъ, которые не предусмотрѣны уставомъ, дѣйствовать въ духѣ начальства, возбудили подозрительность товарищей. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы они вели себя такимъ образомъ по искреннему убѣжденію въ непогрѣшимости начальственныхъ распоряженій, а прямо обозвали ихъ фарисеями, подразумѣвая подъ этою кличкой крайнюю степень лицемѣрія.

Фарисеи сразу стали въ самое невыгодное положеніе: на нихъ обратились враждебные, подозрительные взгляды стоглазой толпы товарищей, и всякій ихъ поступокъ замѣчался и истолковывался съ самой грязной стороны. Скоро было открыто, что фарисеи наушничаютъ инспектору: ихъ стали избѣгать, отгонять отъ дружескихъ кружковъ и при первой удобной оказіи приколотили. Павелъ какъ-то ловко увернулся отъ трёпки, а Лукѣ досталось изрядно; но оба они съ христіанскимъ смиреніемъ отнеслись къ этой демонстраціи, даже не пожаловались; но съ этого случая стали сознательно и систематически наушничать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы снискать расположеніе товарищей, и получить между ними вѣсъ, фарисеи открыли карманъ, стали давать взаймы деньги, которыя у нихъ водились въ изобиліи. Это средство сначала какъ будто помогло примиренію, но и тутъ опять открылось слѣдующее обстоятельство: бѣднякъ, занявшій гривну, положимъ на мѣсяцъ, если въ условленный срокъ не могъ отдать долга, получалъ безъ затрудненія отсрочку, но вмѣсто гривны оказывался должнымъ 15 копѣекъ; на слѣдующій мѣсяцъ наростало уже 22 коп. съ денежкой и т. д. Эти банкирскія операціи, по крайней нищетѣ заемщиковъ, не оканчивались какъ бы слѣдовало—избіеніемъ

банкировъ и содержались въ величайшей тайнѣ отъ начальства, но порождали въ порабощенныхъ должникахъ страшную ненависть къ капиталистамъ-угнетателямъ. Такія натянутыя отношенія должны были неминуемо разразиться знаменитою катастрофой.

Въ числѣ злополучныхъ заемщиковъ натурально былъ и нашъ бѣдняга Сіонскій; ему какъ-то особенно посчастливилось воспользоваться, какъ выражаются наши ученые финансисты—«благодѣяніями кредита»... Онъ занималъ, въ срокъ, разумѣется, не отдавалъ, а призанималъ еще что-нибудь для ровнаго счета, такимъ образомъ всего-то перебралъ онъ у Павла Николаича рубля четыре, а оказался должнымъ въ теченіи полугода ровно десять рублей. Ну, гдѣ взять вдругъ такую сумму?—а отдавать по мелочамъ безполезно: при этой системѣ наростанія процентовъ, все равно никогда не выплатишься, стало быть гораздо вѣрнѣе и покойнѣе совсѣмъ не платить. Онъ объяснился напрямикъ.

— Слушай ты, рыжій, будетъ тебѣ нашего брата грабить. Десяти рублей отъ меня тебѣ не видать, какъ своихъ ушей, даромъ что уши-то у тебя генеральскія. А хочешь разсчитаться по чести, изволь—на будущія вакаціи можетъ набѣжитъ кондиція, тогда отдамъ тебѣ твои четыре рубля; а не хочешь — не отдамъ ни копѣйки.

— Что вы говорите! какъ же это можно? За что же вы обижать меня хотите? Я давалъ на совѣсть. Такимъ манеромъ у меня самого скоро ни гроша не останется... стоналъ банкиръ.

— Ты казанской-то сиротой не прикидывайся! Да хоша бы у тебя всѣ деньги растащили, не издохнешь; опять заработаешь: ремесло твое прибыльное...

Этотъ намекъ былъ ударомъ ножа въ сердце, вскормленное похвалами и удивленіемъ. Павелъ поблѣднѣлъ и мѣрялъ Сіонскаго взглядомъ полнымъ самой заклятой ненависти.

— Что буркулы-то таращишь! Я тебя не боюсь. Коли жаловаться полѣзешь, такъ вѣдь и я все разскажу про твою коммерцію, а за нее тебѣ всыпятъ такихъ горячихъ процентовъ, что до новыхъ вѣниковъ будешь помнить. Не посмотрятъ, что ты такой-сякой, немазаный...

— Мнѣ?—Меня?—Ну, нѣтъ!.. пробормоталъ Павелъ. Жаловаться я не пойду, а съ этихъ поръ даю клятву не ссужать никому ни гроша, хоть бы кто въ ногахъ валялся... Пусть же всѣ товарищи на васъ пѣняютъ...

— Товарищи... Сіонскій задумался надъ этой угрозой. Ну, постой ты, красный дьяволъ, слушай!—Ты этого не смѣй дѣлать... Наконецъ, хочешь, отдадимъ наше дѣло на судъ товарищей...

Я выберу пять человѣкъ и ты столько же; какъ они рѣшатъ, такъ и будетъ — согласенъ?

— Согласенъ.

Судъ собрался; насколько онъ былъ независимъ можно судить по тому, что большинствомъ семи голосовъ противъ трехъ постановилъ такое рѣшеніе: Сіонскій долженъ заплатить Николаеву семь рублей, т.-е. капитальную сумму и половину требуемыхъ процентовъ, по безалаберной пословицѣ: грѣхъ пополамъ.

— Пре-отлично!—воскликнулъ Сіонскій. Отчего же семь, а не семьдесятъ-семь?—Вѣдь это все равно, коли нѣтъ разумнаго основанія. Эхъ вы, холопы! Хотимъ видно служить и Богу и мамонѣ...

Судьи смутились. Согласились-было сами въ складчину заплатить долгъ бѣднаго товарища, ограбленнаго нищаго; но Сіонскій презрительно отвергъ это предложеніе.

Черезъ нѣсколько дней появился въ семинаріи листокъ, озаглавленный: «Ко евреямъ посланіе». Въ этомъ посланіи, написанномъ церковно-славянскимъ языкомъ, громились лицемѣры и сребролюбцы, торговавшіе своими убѣжденіями, вносившіе ложь и развратъ въ среду темныхъ и бѣдныхъ братій, ронявшіе достоинство апостольскаго служенія, обманывавшіе и Бога и дьявола, лицемѣрно укрывшіеся подъ защиту знатныхъ и сильныхъ—саддукеевъ вѣка сего... И всѣ эти обличенія завершались: «Анаѳема и маранъ-аѳа!»...

По энергіи слога, представлявшаго оригинальную смѣсь патетическихъ выраженій съ простонародными крупными словами, неудобно было бы приводить текстъ этого памфлета, который быстро облетѣлъ семинарію и украдкой переписывался всѣми.

Авторъ посланія былъ неизвѣстенъ, но всѣ подозрѣвали Сіонскаго. Павелъ и Лука ходили, какъ оплеванные; жаловаться начальству они сочли неловкимъ, во-первыхъ, потому, что пришлось бы признать, что безъименный памфлетъ направленъ прямо на нихъ, а вѣдь они совсѣмъ не такіе... во-вторыхъ, инспекторъ сейчасъ приступилъ бы къ разслѣдованію, и ужъ тутъ открылись бы непремѣнно ихъ банкирскія операціи, за которыя начальство, разумѣется, не похвалитъ.

Вскорѣ послѣ этого Павелъ былъ въ гостяхъ у своего крестнаго папеньки, который былъ весельчакъ, дома носилъ архалукъ и красную феску, и всегда шутилъ съ нимъ, спрашивая:—Ну, батюшка, скоро мы у тебя исповѣдываться-то будемъ? — Отпустишь грѣхи-то наши тяжкіе, а?

Сидя въ кабинетѣ, украшенномъ портретомъ графа Бенкен-

дорфа и изображеніями какихъ-то полунагихъ турчанокъ (холостякъ-полковникъ, Шпицъ по фамиліи, обожалъ полногрудыхъ женщинъ), Павелъ нечаянно и незамѣтно выронилъ на полъ тщательно сложенный лоскутокъ бумаги.

— Что-то ты давно не былъ у ея превосходительства—маменьки?

— Безпокоить часто не смѣю. Вотъ сегодня хочу-съ пойти.

— Иди, братъ, иди; не удерживаю. Даромъ что праздникъ, а у меня дѣлъ-то вонъ какая гибель. Эти протокональи-раскольники!.. Вотъ бы тебя, батюшка, на нихъ напустить! ха-ха! Ну, прощай, прощай!

По уходѣ Павла, полковникъ Шпицъ однако не сейчасъ взялся за протоканалій, а остановясь передъ зеркаломъ, принялся прилежно разсматривать свой носъ, на которомъ совсѣмъ не кстати сѣлъ какой-то прыщикъ. Убѣдившись, что прыщика этого никакъ нельзя сдѣлать секретнымъ,—зрѣетъ, бестія! полковникъ состроилъ суровую мину, потянулъ себя за усъ, покосилъ даже глаза, — и взглядъ его прямо упалъ на валявшуюся подъ стуломъ цидулку. Онъ поднялъ ее съ пола осторожно, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ, даже понюхалъ и развернулъ...

Черезъ пять минутъ проворный вѣстовой на рысяхъ догналъ Павла и доставилъ.

— Это ты обронилъ? послѣдовалъ первый допросный пунктъ.

— Ви... вин... виноватъ, я-съ... Павелъ оробѣлъ не на шутку.

— Объясни мнѣ, что это за рацея такая и откуда взялъ?

Павелъ затрясся всѣмъ тѣломъ, упалъ на колѣни и, обливаясь слезами, разсказалъ происхожденіе и значеніе этого листка: при чемъ объяснилъ злобу товарищей тѣмъ, что имѣлъ простоту раздать имъ въ долгъ деньги, которыя они выманили, ужасно лукаво выманили; а какъ потребовалъ назадъ, вотъ и возненавидѣли.

— Гмъ, ладно. Сиди ты здѣсь, или лучше ступай къ губернаторшѣ, и ни-гугу—понимаешь? Все это я помимо тебя узналъ, слышишь? Дрожки мнѣ! гаркнулъ полковникъ и черезъ десять минутъ, подбоченясь фертомъ, покачивался на дрожкахъ, летѣвшихъ прямо къ архіерейскому дому.

VIII.

Сіонскій сидѣлъ подъ арестомъ, въ карцерѣ, на хлѣбѣ и водѣ. Онъ равнодушно и нѣсколько презрительно отвѣчалъ на допросѣ, признался себя авторомъ посланія и не назвалъ никого изъ соучастниковъ, хотя на самомъ дѣлѣ мысль была его, а ис-

полненіе принадлежало другимъ, писалось «соборнѣ»; онъ, какъ философъ по убѣжденію, считалъ недостойнымъ терять время на такую мелочь.

А мелочь принимала размѣры чрезвычайнаго общественнаго событія. Губернаторша, толстенькая, коротенькая и недалекая барынька, сама пріѣзжала къ преосвященному, который одинъ смотрѣлъ на дѣло здраво и употреблялъ всѣ усилія успокоить набожную даму,—что отъ глупой шалости школяра не могутъ пострадать,—какъ она полагала,—добрые нравы, религіозныя убѣжденія, а тѣмъ болѣе достоинство церкви, стоящей всегда на недосягаемой высотѣ. Но, кажется, почтенный архипастырь мало успѣлъ въ этомъ, ибо со словъ губернаторши заахали всѣ истинные столпы общественнаго порядка: заахалъ предсѣдатель уголовной палаты, заахалъ откупщикъ, заахала какая-то древняя, плохо говорившая по-русски, княжна Абдулъ-Махметова, заахали всѣ наличные предводители дворянства,—ахнулъ даже (но слабо) старичекъ архиваріусъ губернскаго правленія. Не ахали только чины губернской полиціи,—народъ приглядѣвшійся уже ко всякимъ видамъ, а выпятивши грудь, изготовилисъ, чтобы по командѣ ловчѣе сцапать кого укажутъ.

Общественная совѣсть немного успокоилась тогда только, когда произнесены были слова: «негодяй пойдетъ въ солдаты! Подъ красную шапку нечестивца! да это еще милостиво—на каторгу бы его, богохульника!»

Объ этомъ говорили вездѣ. Алёша слышалъ, какъ Міроносцевъ, сидя у отца въ гостинной, ораторствовалъ.

— Я предсказывалъ тогда, что выйдетъ чепуха,—чепуха и вышла! Положимъ, семинаристъ этотъ мерзавецъ,—я объ немъ имѣю свѣдѣнія, слышалъ... да не слѣдовало давать повода; а дали поводъ,—вотъ и зачались между ними пререканія. Да это еще ничего, пустяки! я ожидалъ гораздо худшаго: могли ихъ безъ всякой церемоніи, просто, убить—и дѣло съ концемъ

— Ну, какъ же это можно? вѣдь все-таки это дѣти,—возразила Анна Дмитріевна.

— Хороши дѣти! лѣтъ до 25-ти сидятъ балбесы. Да притомъ народъ ожесточенный, я ихъ хорошо знаю! Такъ исколотятъ, что печенку отобьютъ. Вотъ хоть бы этотъ герой—Сіонскій; посмотрѣть на его рожу, такъ это чисто кандидатъ въ разбойники, прямо кистень въ руки да на большую дорогу!..

— Да нешто вы его знаете?

— Знаю! свирѣпо рявкнулъ Міроносцевъ. Пьяница!

Было замѣтно, что въ старикѣ кипѣла какая-то личная злоба въ приговорѣ о Сіонскомъ.

Съ ненавистью, съ отвращеніемъ взглянулъ на него Алёша. Ѳедоръ Ѳедорычъ поймалъ этотъ взглядъ—и ему стало неловко...

— Ты что на меня такъ смотришь? Я, братъ, люблю правду говорить. И у васъ въ гимназіи тоже водятся такіе сорви-головы. Ты смотри, съ ними не якшайся... Скажи-ка кстати, съ кѣмъ ты тамъ особенно друженъ?

— Ни съ кѣмъ! угрюмо бросилъ Алёша и вышелъ изъ комнаты. Вслѣдъ ему раздались голоса: «Постой! куда? Невѣжа! что это значитъ?» но онъ, не оглядываясь, ушелъ въ свою комнату.

Слезы душили его. Самъ не понимая зачѣмъ, онъ надѣлъ шинель, фуражку и пошелъ со двора, куда глаза глядятъ.

— Необходимо съ нимъ видѣться,—твердилъ онъ, идя по улицѣ;—вѣдь его теперь вѣрно всѣ бросили,—помочь надо...

Занятый горькими мыслями, Алёша и не замѣтилъ, какъ передъ нимъ вытянулось длинное, коробкообразное зданіе, окрашенное охрой; онъ вслухъ перечитывалъ надпись на черной доскѣ: «С—кая духовная семинарія 1817-го года», какъ будто въ этой надписи таился необыкновенный смыслъ. Уже смеркалось; по тротуару мѣрно и праздно прохаживался молодой человѣкъ, судя по платью, нѣчто въ родѣ монастырскаго служки. Алёша пропустилъ его два раза мимо себя, и наконецъ рѣшился остановить его вопросомъ:

— Вы здѣшній?

— Здѣшній. Что вамъ требуется?

— Мнѣ нужно видѣться съ Сіонскимъ. Онъ тутъ сидитъ подъ арестомъ.

— Есть, есть такой, добродушно улыбаясь, сказалъ служка.

— Ну, такъ вы, коли добрый человѣкъ, поможете мнѣ съ нимъ увидаться, поговорить нѣсколько минутъ.

— Да вы кто такой будете?

— Какое вамъ дѣло, кто я! Если не можете этого сдѣлать, такъ и спрашивать нечего.

— Гимназистъ—удивительно это! бормоталъ служка.—Да вы можетъ сродственникъ Сіонскому приходитесь?

— Ну, да.

— Просите по начальству, уважутъ.

— Это-то я и безъ васъ знаю. А вы вотъ проведите меня къ нему сію минуту,—будете молодецъ!

— Мы не можемъ. Что вы? увидятъ, избави Богъ!

— Эхъ вы! правду говорятъ, что дурья порода...

— Да вы небольно ругайтесь однако!

Алёша нащупалъ въ карманѣ гривенникъ, данный матерью, и при дальнѣйшемъ разговорѣ пустилъ въ ходъ эту скромную монету, которая возъимѣла надлежащее дѣйствіе; скоро онъ былъ проведенъ, весьма таинственно, какими-то закоулками черезъ дворъ, между полѣницей дровъ, по колѣно въ снѣгу, и остановился подъ окномъ съ забѣленными стеклами. Приведя его на эту позицію, служка исчезъ, точно сквозь землю провалился.

Алёшу охватилъ ознобъ опасности и отваги; сердце билось тяжело, мѣрно. Онъ улыбнулся, по нервамъ пробѣжало знакомое ощущеніе: какъ будто онъ опять идетъ поджигать домъ Милонова... и невольно прошепталъ: «что это мнѣ все приходится этакъ по-воровски?» Однако нужно было дѣйствовать. Онъ легонько постучалъ въ окно разъ и два,—нѣтъ отвѣта. Онъ закашлялъ и постучалъ рѣшительнѣе,—форточка отворилась и выглянулъ ястребиный носикъ Сіонскаго.

— Алексѣй Петровичъ! Арестантъ глядѣлъ на Алёшу не то съ радостью, не то съ ужасомъ,—именно, съ ужасомъ, словно не живой человѣкъ передъ нимъ стоялъ.

— Говорите скорѣй, что нужно... Нельзя-ли бѣжать? Сказываютъ, что васъ въ солдаты, такъ лучше бѣжать... хотите?

— Куда тамъ бѣжать! безнадежно усмѣхнулся Сіонскій. Мнѣ бы вотъ табачку четверточку... пожалуста, голубчикъ! Сторожу Парфену отдайте, человѣкъ вѣрный.

— Это будетъ. Эхъ, кабы вамъ убѣжать! Что́ надо, помогу!

— Пустое! да вы не бойтесь за меня. Въ солдаты, такъ въ солдаты! Очень даже радъ буду... А вотъ табачку-то промыслите. Грудь сильно одолѣваетъ... покурю—легче будетъ... Коли издохну, Стультуса возьмите себѣ... Обо мнѣ не тужите, дѣло мое самое плёвое...

— Не попросить ли архіерея?

— Ни-ни, никого просить не надо! Ну спасибо же вамъ, вотъ это дружество!

— Эка важность! Табакъ будетъ, а только я думалъ, поважнѣе что́ понадобится... Ужъ я не выдалъ бы!.. Право, бѣжать...

— Цсъ, постой! кто-то идетъ по корридору, съ ключами... сюда... ну, прощай Алёша! скороговоркой вымолвилъ Сіонскій и форточка захлопнулась.

Черезъ минуту забѣленное окно карцера освѣтилось палевымъ свѣтомъ: въ окнѣ задвигались тѣни нѣсколькихъ человѣкъ. Зачѣмъ они пришли, инквизиторы! думалось Алёшѣ.

Однако надо было выбраться изъ неизвѣстнаго мѣста. Со-

всѣмъ стемнѣло; онъ едва могъ найти на снѣгу свой слѣдъ и по немъ вышелъ на широкій дворъ. Въ воротахъ, какъ разъ на его дорогѣ стояли два человѣка. Алёша остановился, но послѣ минутнаго колебанія, закутавъ лицо въ воротникъ шинели, пошелъ прямо на этихъ людей.

— Кто это? окликнулъ густой басъ.

Не поворачивая головы, Алёша ускорилъ шаги и потомъ уже, не владѣя собою, безотчетно побѣжалъ по улицѣ.

Домой пришелъ онъ въ лихорадкѣ, сбросилъ съ оледенѣлыхъ ногъ сапоги и лежа обдумывалъ, что къ окну карцера въ другой разъ пробраться, пожалуй, не удастся... и опять остановился на мысли: «Что же это мнѣ все приходится шагать такимъ воровскимъ манеромъ? Какъ нарочно, вѣдь никакъ нельзя прямо... знать, ужъ такъ на роду написано»...

Вошла мать. На вопросы: куда ходилъ, гдѣ былъ,—Алёша отмалчивался. Анна Дмитріевна своимъ обычнымъ, кроткимъ голосомъ принялась упрекать сына.

— Къ отцу лучше и на глаза не показывайся! Ужъ онъ давеча бранилъ меня, бранилъ, что вишь я избаловала... Дома ты сталъ какой-то нелюдимый, бѣгаешь нивѣсть куда; — пожалѣй ты меня!..

Сынъ глядѣлъ угрюмо; прищуренные глаза его были влажны. Сцена кончилась, какъ и всегда—нѣжными объятіями; при чемъ Алёша выпросилъ у матери цѣлковый. Хотя Анна Дмитріевна широко раскрыла глаза, зачѣмъ-де ему такія большія деньги? однако дала безъ разспросовъ, подъ условіемъ, чтобы отецъ этого не узналъ, и примолвила: будь остороженъ, не связывайся съ дурными товарищами,—оберутъ, да еще въ бѣду какую втянутъ. Ты что-то затѣялъ и скрываешь отъ меня...

— Не бойтесь за меня, маменька,—дурного ничего не сдѣлаю; а сказать вамъ—лучше послѣ скажу... Ухъ, какъ же знобитъ-то меня!

Мать напоила его малиной, вытерла подошвы ногъ свѣчнымъ саломъ и, уложивъ въ постель, совѣтовала завтра не ходить въ гимназію.

Завязавъ цѣлковый въ платокъ, Алёша прошепталъ: «и она-тоже все украдкой!.. А вонъ Личарду бѣднаго воришкой ругаютъ... Господи, какъ это все на свѣтѣ перепутано!..» И заснулъ онъ съ мыслію, что хорошіе люди не могутъ дѣйствовать иначе, какъ украдкой. Мать хорошая, добрая женщина; чего бы ей бояться? а и она тоже все потихоньку...

На другой день Алёша познакомился съ семинарскимъ сто-

рожемъ Парфеномъ. Полфунта табаку и деньги стражъ принялъ секретно, но съ удовольствіемъ.

— Такъ будемъ говорить, баринъ,—вотъ четвертакъ этотъ слѣдуетъ сторожу,—разсудилъ Парфенъ, и положилъ четвертакъ въ ротъ. А остальные ему; томится парень крѣпко; пожрать нечего. Хучь наше дѣло такое, чтобы ни-ни, не допущать, только все же мы люди, какъ и прочіе. Одно скажу, баринъ, ты всегда вали къ нашему брату, потому оно намъ сподручно; а ежели, какъ вечоръ, будешь лазить по задворкамъ, такъ те невзначай и шею намнуть — разъ, а другое—къ начальству стащать, потому замѣтили.

— А повидаться нельзя? Надо бы сказать кое-что.

— Это ни подъ какимъ видомъ. И что-жъ те разговаривать-то? вотъ денегъ приноси, сколько хошь, — примемъ, а разговоры пустое дѣло. И не пытай лучше, потому — бѣды! говорю тебѣ, запримѣтили,—экономъ. Утромъ нонѣ такая шла переборка, двоихъ чуть не отодрали по подозрѣнію. Анъ это выходитъ былъ ты. Мотри, какъ разъ подкараулятъ. Тебѣ худо, да и нашему-то бѣднягѣ тѣснѣе станетъ.

Предостереженіе это сильно озадачило Алёшу: значитъ, намъ больше не видаться, кончено! Значитъ, «воровская дорога» можетъ только повредить и Сіонскому и мнѣ. Что же тутъ дѣлать? А бросить этого нельзя,—гадко выйдетъ! Дѣятельную мысль остановить невозможно; если запрутъ ей одну дорогу, она найдетъ другія—кривыя, окольныя, но ведущія все къ той же намѣченной цѣли. Разница въ томъ, что на окольныхъ дорогахъ нерѣдко мы теряемъ такой цѣнный багажъ, что оказываемся потомъ передъ достигнутой цѣлью уже никуда негодными, недостойными ею воспользоваться.

При первой же встрѣчѣ съ Ѳедоромъ Ѳедорычемъ, Алёша обнаружилъ совсѣмъ необычную, даже подленькую предупредительность, что́ чрезвычайно понравилось отцу и изумило мать.

— Ѳедоръ Ѳедорычъ, одолжите мнѣ какую-нибудь книжечку прочесть; у васъ прекрасныя книжки.

— Ладно, хорошо. Приди ко мнѣ, я тебѣ выберу.

И Алёша отправлялся къ старику, сидѣлъ съ нимъ полчаса и возвращался домой съ книгой «Наука о великомъ Божіемъ мірѣ», или съ «Ядромъ Россійской исторіи».

Книгъ этихъ онъ не читалъ, а войдя къ Міроносцеву, соображалъ, какъ бы извлечь изъ этой фаворы то, что ему нужно. Планъ представлялся чрезвычайно обширный и успѣхъ несомнѣнный: Ѳедоръ Ѳедорычъ поѣдетъ къ архіерею, попроситъ, и Сіон-

скій будетъ совершенно помилованъ; для этого необходимо ублажить старика и напустить на него мать.

Однако дни проходили, а Алёша колебался, даже съ матерью еще не переговорилъ, и между тѣмъ незамѣтно запутывался въ такія сѣти, отъ которыхъ въ иное время бѣжалъ бы безъ оглядки. Однажды въ общемъ разговорѣ о пользѣ благовоспитаннаго общества, гдѣ пріобрѣтаются хорошія манеры, свѣтскій лоскъ и всякія изящества, Міроносцевъ совсѣмъ неожиданно выкинулъ такое предложеніе:

— Да вотъ, чего же лучше — надняхъ пріѣхалъ къ намъ какой-то французъ-танцмейстеръ и теперь составляется подписка, чтобы устроить дѣтскіе танцъ-классы. Всѣ подписываются; губернаторскіе дѣти будутъ, князя Хвалынцева, Кирилы Егорыча (откупщика), предводительскія. Двадцать пять рублей за полную выучку. Не дешево, каналья, беретъ, за то пріятно, весело, компанія самая бонтонная. Я, признаться, недолюбливаю модныя-то шарканья, ну, да мы люди стараго покроя, а нынѣче оно требуется отъ молодого человѣка. Ужъ такимъ, что съ молоду голубей гоняли, да въ бабки практиковались, такимъ нынѣче ходу нѣтъ. Подпишись, Петръ Иванычъ, раскошелься!

Петръ Иванычъ, только что получившій мѣсто совѣтника палаты, нашелъ необходимымъ дать сыну свѣтское воспитаніе, а главное, черезъ эти танцъ-классы втереться въ высшее провинціальное общество.

— Дѣйствительно, это полезная сторона воспитанія, и притомъ такой случай... Ты какъ думаешь, Анна Дмитревна?

— Что-жъ, коли оно требуется... что я въ этомъ смекаю! какъ ты Алёша, хочешь?

— Извольте, я съ удовольствіемъ.

Похвалы и ласки посыпались на добронравнаго Алёшу.

Немедленно заказанъ для него у лучшаго портного новый, щегольской мундиръ изъ тонкаго сукна, заказаны башмаки съ стальными пряжками, куплены перчатки. Мать наивно восхищалась, что сынокъ ея будетъ такой нарядный, ловкій, обученный всему, какъ настоящій барчонокъ. «Да еще получше другихъ, потому вѣдь ты у меня красавецъ!» приговаривала она, ласковой рукой разглаживая непослушные русые волосы сыночка.— «И не снилось»,—уже про себя думала бѣдная барыня-крестьянка, «и не снилось, что мой сынъ, моя кровь, да еще прижитый-то какъ, до вѣнца, не въ законѣ; а гляди, знатнымъ господиномъ будетъ... И за что мнѣ, деревенской дурѣ-лапотницѣ такое счастье Богъ посылаетъ»?.. И вся улыбалась любящая мать;

въ ослѣпительномъ сіяніи лежала передъ нею будущность ея милаго ребенка...

И на Алёшу также одуряющимъ образомъ подѣйствовали эти заботливыя приготовленія къ вступленію въ заколдованный кругъ, населенный княжнами и князьями, сверкающій огнями, музыкой, весельемъ, роскошью. До сего дня онъ и не замѣчалъ, хорошо ли сшито его платье, изъ толстаго, или изъ тонкаго оно сукна, какіе онъ носитъ сапоги, зачѣмъ нужны человѣку перчатки... и наконецъ, каковъ онъ собою? Едва ли не въ первый разъ внимательно взглянулъ онъ въ зеркало и замѣтилъ особенности своей физіономіи.

Ему минуло пятнадцать лѣтъ. Черты лица его, разумѣется, еще не приняли той законченности, которую налагаютъ годы житейскихъ скорбей, страстей и опредѣлившихся убѣжденій; но въ добрыхъ сѣрыхъ глазахъ Алёши, доставшихся ему отъ матери, уже свѣтилась какая-то мысль, какъ будто ищущая дѣла; въ смѣломъ очеркѣ губъ, которыя онъ часто кусалъ, видна была рѣшимость, но еще явственнѣе эта рѣшимость слышалась въ его рѣчи: говорилъ онъ твердо, отрывисто, глубокимъ грудным альтомъ. Сложенія былъ сильнаго и стройнаго. Въ толпѣ дѣтей Алёша выдѣлялся нѣкоторою своеобразностью манеръ: въ немъ не было ничего подражательнаго, стаднаго. Вообще онъ производилъ впечатлѣніе плохо-прирученнаго, но понятливаго дикаря; густые, торчащіе вихрами на вискахъ и на макушкѣ волосы (на которыхъ мать сломала не одинъ гребешокъ) еще болѣе усиливали это впечатлѣніе.

— Ну, хорошо, приду туда; размышлялъ онъ вслухъ, что же я тамъ стану дѣлать? Не все же танцовать... Никого не знаю, не съумѣю можетъ и говорить-то какъ нужно... Кто-жъ со мною тамъ будетъ? Мама, вы поѣдете?

— Нѣтъ, голубчикъ; первый вечеръ назначенъ у губернатора; отецъ поѣдетъ. Я вѣдь незнакома, куда ужъ мнѣ!..

Это обстоятельство еще больше смутило Алёшу. Имъ овладѣло гадкое, оскорбительное чувство трусости, котораго онъ до этой минуты не зналъ. Онъ привыкъ вѣрить въ себя, въ свои силы, неизмѣнявшія ему въ самыхъ рискованныхъ дѣлахъ; онъ не понималъ, какъ можно стыдиться своего домашняго быта, своихъ внутреннихъ побужденій, даже самое слово *стыдно* всегда ему было какъ-то дико, а тутъ представлялась такая перспектива, въ которой это *стыдно* пожалуй что и будетъ имѣть свой мучительный смыслъ... Въ этой перспективѣ ему все мерещились какія-то сказочныя княжны, гордыя царевны-недотроги... «Ну, какъ вдругъ эти княжны, узнавши, что моя мать изъ крестья-

нокъ, а дѣдушка до сихъ поръ въ сѣромъ зипунѣ ходитъ, да начнутъ насмѣхаться? Вѣдь я за это чортъ знаетъ чего имъ надѣлаю!.. Ахъ, Боже мой, зачѣмъ я согласился!.. И что *это* такое, что меня толкаетъ совсѣмъ не туда, куда бы я хотѣлъ и гдѣ было бы мнѣ такъ привольно?..» И передъ нимъ ярко возникала дѣдушкина изба, запахъ срубленной сосны и веселый стукъ топоровъ на крутомъ берегу кормилицы-Волги...

Эти волненія побуждали его поскорѣе приступить къ осуществленію той цѣли, ради которой согласился на предстоящія мытарства. Онъ разсказалъ матери всю исторію своего знакомства съ Сіонскимъ, даже до подробностей послѣдняго визита къ сторожу Парфену — и, конечно, безъ особеннаго труда получилъ ея обѣщаніе настроить Ѳедора Ѳедорыча на самое энергическое заступничество.

— Онъ это безпремѣнно сдѣлаетъ. Развѣ онъ лиходѣй какой? Вѣдь самъ былъ поповичемъ, знаетъ бѣду!—успокоивала Анна Дмитріевна.

— Ужъ какъ бы то ни было, а дѣло Сіонскаго правое. Замѣтьте маменька, Лука къ намъ не является, значитъ, совѣсть нечиста... И запретите ему, чтобъ и дорогу къ намъ забылъ!.. А то мы съ Личардой его отъучимъ.

Только что онъ кончилъ эту задушевную бесѣду съ матерью, въ дверяхъ появился Личарда и таинственно подмигнулъ барину. Алёша вполнѣ понималъ мимику вѣрнаго слуги и, осыпавъ свою маму еще разъ горячими поцѣлуями, вышелъ.

— Что надо?

— Тамъ на кухню пришла какая-то старушка, васъ спрашиваетъ.

— Старушка, ко мнѣ? Никакой старушки я не знаю.

— Говоритъ, Алексѣя Петровича надо. Идите, тамъ ужъ узнаете.

Въ кухнѣ сидѣла на скамейкѣ маленькая старушка въ заячьей шубѣ, не очень старая, но изрядно скомканная разными передрягами; подлѣ нея стояла Катерина, уныло подпершись ладонью щеку. При входѣ Алёши старуха поднялась и возвела на него слезящіеся глаза; морщинистое лицо ея задергалось и еще больше сморщилось.

— Батюшка! возопила она, пожалуйте ручку... ручку, кормилецъ ты мой...

Старуха торопливо поймала его руку и прижала къ губамъ.

Алёша совсѣмъ растерялся, даже не могъ высвободить руку.

— Я, родимый, мать Андреяшина... Сіонскаго, стало быть... мать родная...

— Какъ же это вы такъ... садитесь пожалуйста... вы откудова?

— Охъ, горе наше великое! Изъ Кубасовки, родимый, изъ Кубасовки.... третьёва дни пріѣхала, шутка-ли, тащилась почитай пять дёнъ.... да вишь какая бѣда на насъ свалилась, какъ же тутъ не пріѣхать!.. еще спасибо, добрые люди оповѣстили; нашего священника сынокъ отписалъ; а то гдѣ бы мнѣ и знать-то? Такъ бы и въ могилу легла, незнамши, какъ угнали бы мово Андреяшу нивѣсть куда... Кто за насъ, темныхъ, постоитъ кромѣ Бога? сиротство наше горькое! Вдовѣю вотъ пятнадцатый годъ. Опять же бѣдность... говорятъ, въ солдаты, а матери-то каково?

Она горько заплакала.

— Видѣлись вы съ Адріяномъ Никитичемъ?

— Съ Андреяшей-то; видѣлась батюшка, видѣлась... допустили, какъ же! Вотъ онъ и послалъ къ тебѣ... Ужъ какъ онъ тебя, сударь, почитаетъ-то, кажись превыше херувимовъ превозносилъ... Иди, говоритъ, прямо. А я, признаться, допрежь всего хотѣла къ генералу Мироносцеву, Ѳедору Ѳедорычу, коли знаете, къ нему хотѣла, да Андреяша-то мой воспротивился, говоритъ, чтобъ ни подъ какимъ видомъ, легче, говоритъ, всякую казнь приму, чѣмъ ему поклониться.

— Отчего-жъ это онъ такъ?

— Ахъ, ужъ и не спрашивай, батюшка! Тутъ старые грѣхи, а паче того наша гордость... Великъ-ли у парня разумъ? Иной бы, извѣстно, въ такой бѣдѣ будучи въ ножки повалился, а мой-отъ все свое... ндравный...

— Вы, матушка, пожалуйста разскажите мнѣ все, какъ было... Мнѣ это нужно знать, очень нужно.

— Дѣло старое; вѣдь мы въ родствѣ состоимъ...

— Съ Мироносцевымъ въ родствѣ? Алёша даже вздрогнулъ.

— Да, я прихожусь ему сестра единоутробная, значитъ, мать у насъ одна, только отъ разныхъ мы отцовъ. Все-таки выходитъ, Андреяша-то мой доводится ему роднымъ племянникомъ. Ну вотъ, по первоначалу Ѳедоръ Ѳедорычъ принялъ Андреяшу по родственному, далъ ему у себя на кухнѣ уголочикъ, сапоги купилъ новые, только до себя не допускалъ, не любилъ этого; а въ свободное время заставлялъ въ саду работать, цвѣты поливать... Кажись и спокойное было житье: уголъ есть, хлебалъ всякій день горячее, живи, да молись Богу за благодѣтелевъ... Только нужно же тутъ замѣшаться врагу рода человѣческаго: повадилась

ходитъ къ нимъ въ садъ нѣмка-лекарша, зубного лекаря жена. Ужъ не знаю какъ вамъ это сказать, вамъ по младости и непонятно оно будетъ... Только эта лекарша зазрилась на Андреяшу... лукавый-то въ нее вселился...

— Эка, подлая! вырвалось у Катерины.

— Да ужъ и онъ честилъ ее! Самыми такими словами, чего она только стоила... Разъ даже что́ было: поливаетъ онъ цвѣты, а она тутъ, и все свое траститъ, только онъ какъ хлобыснетъ ее водой изъ лейки-то, такъ всю и окатилъ... И смѣху, и сраму что тутъ было, всего и не пересказать! Только все это ладно, хорошо; вдругъ у генерала пропадаютъ двѣ серебряныя ложки. Туды-сюды, кто взялъ? И какъ же вы думаете — экое-то дѣло свалили на моего Андреяшу... И тутъ опять же все безстыжая нѣмка нашептывала. Какъ зачалъ старикъ выговаривать, да уличать Андреяна въ этакой напраслинѣ, ну тотъ и не стерпѣлъ... сердце-то въ немъ вдругъ вскипѣло... да, мать моя, баталія цѣлая произошла промежъ нихъ, за дреколье взялись. Ну, скрутили моего-то голубчика, поволокли къ начальству... Кафтанишко да рубашонки, какіе у него были, связали въ узелочекъ, вышвырнули на улицу и слѣдъ замели, чтобъ и духу не было!

— Ишь грѣхъ какой! вздохнула Катерина.

— И родства нашего съ той поры какъ не бывало! Какое? гонителемъ нашимъ сталъ. Съ такого горя и Андреяша-то мой потерялся, вдругъ сталъ баловствомъ этимъ заниматься на счетъ хмѣлю... и пошло на насъ несчастье... Теперича, конечно, это дѣло прошлое; припади къ стопамъ, такъ можетъ старикъ и смиловался бы, только Андреянъ-то не можетъ съ своимъ сердцемъ совладать. Запужалъ меня, заклялъ, чтобъ и нога моя тамъ не была. А вѣдь я мать, разсудите люди добрые, каково мнѣ это!.. (старуха зарыдала). Алёша глядѣлъ вокругъ большими глазами, словно стѣны передъ нимъ зашатались.

— Опять же то возьмите, — нѣсколько успокоившись, продолжала старуха: старшему сыну ученье въ прокъ не пошло, — теперича дьячкомъ бѣдуетъ,—ну тотъ ужъ въ такихъ лѣтахъ — и Господь съ нимъ! А этотъ меньшинкой-то, вѣдь разумомъ востеръ вышелъ; вонъ онъ нашему священнику за полтину проповѣдь сочинилъ на «всѣхъ скорбящихъ» — такъ не нахвалится — раза по четыре кажный годъ ее читаетъ... Мнѣ вѣдь что́? я не изъ корысти, какъ иные; даже и помочи никакой отъ дѣтей не жду, не надо... ужъ въ могилу гляжу,—а жаль, что младъ-человѣкъ теперича долженъ зря пропасть... Ну, какой онъ солдатъ? Хилъ

да болѣзный, солдатчина-то его за одинъ годъ въ гробъ вколотитъ...

— И-и, мать, что и баить—солдатчина! На что ужъ вонъ мое дитя, холюпское, а легче бы живого въ землю зарыла, чѣмъ эта солдатчина!... примолвила Катерина.

— Теперь я такъ мѣкаю: хоша онъ и заклялъ меня не ходить къ дяденькѣ, а я все-таки пойду... а ему-то не скажу, обману — Господь проститъ этотъ грѣхъ матери... а только я пойду.

Послѣднія слова разбудили Алёшу.

— Пойдемте сперва къ маменькѣ; переговоримъ съ ней.

— И, батюшка! какъ я смѣю безпокоить маменьку вашу? Мнѣ и въ горницу-то войти непристойно.

— Ничего, ничего, идите, — онѣ у насъ не спѣсивыя. Что барыня, что молодой баринъ — это одна душа. Идите такъ, по простотѣ; — идите смѣло; можетъ, Господь васъ принесъ въ самый разъ! уговаривала Катерина.

И передъ Анной Дмитріевной старушка повторила свой печальный разсказъ.

— Вотъ каковъ онъ — вашъ Ѳедоръ Ѳедорычъ-то! побѣднымъ тономъ завершилъ Алёша разсказъ захлебнувшейся слезами старухи.

— Да-а... вѣдь надо же такому несчастью случиться! Ахъ, Господи! запечалилась Анна Дмитріевна. И вѣдь поди чай эти ложки потомъ нашлись, или узнали кто укралъ...

— Что тутъ ложки!?... перебилъ горячо сынъ. — Тутъ по моему не въ ложкахъ дѣло... Развѣ вы своего племянника стали бы на кухнѣ держать, да за объѣдки обѣда заставлять отработывать въ саду? Выходитъ вѣдь, что онъ не даромъ жилъ у дяди,— и неизвѣстно еще — кто кому долженъ сказать спасибо... Вотъ она гдѣ обида-то, а что—ложки! да еслибъ онъ при нуждѣ и взялъ ихъ да продалъ — и то не бѣда...

— Ну, ужъ ты больно... занесъ околесную! Чужую вещь какъ же можно? Притомъ, говорятъ же тебѣ, что не онъ въ этомъ виноватъ.

— Нѣтъ, маменька, пускай онъ,—я и на то согласенъ, а все-таки Адріянъ не виноватъ. Только онъ прямо бы сказалъ: мнѣ вотъ нужно табаку, — я взялъ ваши ложки и вымѣнялъ ихъ на табакъ, потому что денегъ вы мнѣ не даете, а я для васъ работаю... Ужъ онъ бы непремѣнно такъ прямо и сказалъ, безъ всякаго допроса. О, я его отлично знаю! Сколько разъ я предлагалъ ему деньги—не взялъ даже мѣдной копѣйки,—а что онъ

для меня сдѣлалъ? Не то, что эти сапожники, которые по сту рублей взяли за приготовленіе меня къ экзамену, какъ попугая. Онъ бы этого не сдѣлалъ!

Аннѣ Дмитріевнѣ показалось, что Алёша вдругъ постарѣлъ пятью годами. Въ первый разъ она слышала отъ него такія рѣчи, онъ шагалъ по комнатѣ, заложивъ руки за-спину, поглядывалъ такимъ волченкомъ, даже вихры на головѣ какъ будто больше ощетинились.

— Что же мы станемъ теперича дѣлать-то? Вѣдь не знаешь съ какой стороны и подойти-то къ нему...

— А я такъ думаю, что теперь и церемониться-то особенно нечего: онъ сдѣлаетъ все!

— Да мнѣ бы только Андреяшу моего отдали, отцы мои! незамай ужъ исключаютъ его вонъ изъ семинаріи, — лишь бы только не угодилъ въ солдатчину.

— Не плачьте, бабушка,—будетъ! А вы, маменька, безъ подходовъ прямо ему отрѣжьте по-нашенски... Коли что, такъ вѣдь я и отца подниму, я знаю, что ему сказать... Ужли-жъ въ людяхъ совсѣмъ нѣтъ совѣсти?!...

IX.

Зала губернаторскаго дома была освѣщена вполовину, только стѣнными лампами. Старикъ скрипачъ, наклонивъ на бокъ голову, напиливалъ убогенькій, однообразный мотивъ; посреди залы передъ шеренгою дѣтей, monsieur Лебо — красивый, хорошо откормленный французъ, въ свѣтлозеленомъ кругломъ фракѣ съ бронзовыми пуговицами, балансировалъ на носкахъ своихъ лакированныхъ башмаковъ и выкрикивалъ въ тактъ скрипки; по его командѣ двигалась впередъ и назадъ шеренга щегольски-разряженныхъ куколокъ.

— Un, deux et trois! Un, deux, trois et quatre! Oui-i,— c'est-ça! Recommençons s'il vous plait. Un, deux... et vous, mon petit douchinka, n'oubliez pas vos coudes! Eh bien, mes amis— chassé en avant! Un, deux... ch-chute-chute! attention! M-r Лебо съ отчаяніемъ машетъ скрыпачу, — все останавливается, замираетъ на мѣстѣ; онъ зефиромъ подлетаетъ къ шеренгѣ и поправляетъ что надо. Мальчикамъ m-r Лебо выговариваетъ громко: Mais allons donc, mon petit éléphant chéri, tachons nous devenir un peu moins lourd. Vous marchez comme un ours de Sibérie — comme Mical Jvanitch! И при этомъ онъ такъ карикатурно и мило ломался, передразнивая сибирскаго медвѣдя, или

неловкаго мальчика, что вся зала помирала со смѣха.—C'est gracieux — ça? Hein? Дѣвочкамъ замѣчанія онъ нашептываетъ по секрету, и легко, осторожно поправляетъ плечики, локти, талію своими пухлыми пальцами, сверкающими множествомъ бриллiантовъ.

Въ продолженіи часового урока m-r Лебó такъ умается, что достаетъ изъ кармана запасной фуляръ и долго обвѣваетъ имъ свои розовыя щеки. Сдѣлавъ по командѣ церемоніальный поклонъ, дѣти расходятся; старичокъ, нюхая табакъ, укладываетъ скрышку, а m-r Лебó отправляется въ гостинную и усаживается между madame la générale и la princesse Хвалынцовъ. Ему подаютъ чашку чаю, чтó онъ находитъ въ настоящемъ случаѣ excellent. Начинается между ними эта милая causérie française, въ которой— увы! никакъ не можетъ принять участіе откупщица Парасковья Семеновна Косолапова, важно засѣдающая на диванѣ, но совершенно посторонняя французскому языку. Еще нѣсколько маменекъ сидятъ по угламъ и шепчутся о самыхъ несекретныхъ предметахъ. Всѣ дамы обворожены m-r Лебó. Вдругъ m-r Лебó дѣлается задумчивъ, серьезенъ, — онъ проникается важностью своей профессіи, — признается, какъ тяжелы подъ-часъ его задачи, сколько надо придумать труднѣйшихъ комбинацій, чтобы помочь природѣ стать изящною. Доказавъ универсальную и несравненную выгоду обладать des jolies manières, онъ начинаетъ вперять взоръ въ будущее, профетизируетъ, кто изъ его учениковъ будетъ современемъ briller à la cour. Его словамъ вѣрятъ, а онъ утверждаетъ, что briller à la cour—это все. Разсказываетъ нѣсколько галантныхъ анекдотовъ про Леторьера, Ришельё, — слушательницы млѣютъ... Еще больше млѣютъ онѣ, когда m-r Лебó вызываетъ изъ залы двухъ сыновей губернаторши и князя Анатоля Хвалынцова, и увѣряетъ, что эти petits gaillards будутъ современемъ имѣть un succés fou. Дѣти губернаторши, золотушные и вислоухіе субъекты глядятъ на профессора съ тупымъ равнодушіемъ юныхъ кретиновъ, а князь Анатоль бросаетъ дерзкій, презрительный взглядъ и бѣжитъ въ залу, къ группѣ дѣвочекъ.

О дѣвочкахъ m-r Лебó позволяетъ себѣ говорить съ какою-то пасвудною сладостью, съ отвратительною стыдливостью; — онъ будто захлебывается этими — des tournures distinguées, этими des grâces naturelles, des naivetés adorables, qui promettent, qui promettent... mais, mon Dieu, je voudrais bien savoir, qu'est ce qu'elles ne promettent pas!... Bah! Surtout, cette brune piquante... m-lle Agathe... Ah, elle a dans les yeux quelque chose d'infernal... petite tigresse!...

— M-me Косолаповъ, это онъ про вашу дочь говоритъ, очень хвалитъ, обратилась губернаторша къ глупо молчавшему милліону.

— Вуй, мусье! ляпнулъ милліонъ, сознавая свое тяжеловѣсное величіе.

А въ залѣ дѣти расхаживаютъ группами; набралось ихъ штукъ двадцать отъ 8 до 16-ти лѣтъ, цвѣтъ юнаго губернскаго поколѣнія. Они перезнакомились очень скоро и по какому-то инстинкту раздѣлились на партіи. Вислоухіе мальчики губернатора играютъ довольно жалкую роль: куда ни подойдутъ, вездѣ оказываются лишними. Князекъ Анатоль Хвалынцовъ и Саша Косолаповъ играютъ въ самую отчаянную игру между дѣвочекъ. Оба ловкіе и красивые мальчики лѣтъ около пятнадцати; Анатоль въ блестящемъ мундирѣ закорпуснаго пажа, бѣгло болтаетъ по-французски, даже картавитъ, какъ его гувернеръ; онъ часто некстати повторяетъ «foi de gentilhomme», и еще: «c'est vieux comme blason de mes ancêtres». Саша по-французски говоритъ скверно, но за то сыплетъ стихами двусмысленнаго содержанія и анекдотами, отъ которыхъ дѣвочки хихикаютъ и разбѣгаются.

Между дѣвочками самую видную роль играетъ petite tigresse—черноглазая Агата Косолапова. Въ честь бабушки, ей дали при рожденіи имя Агафья, но впослѣдствіи при милліонѣ (пропитомъ мужиками въ кабакахъ) оказалось невозможнымъ носить такое мужицкое имя, и по совѣту гувернантки ее назвали Агатой, что очень мило и infiniment plus noble... Въ ея задорномъ личикѣ была одна особенность — это рѣзкіе переходы отъ суроваго, почти злого выраженія къ самой свѣтлой улыбкѣ; она, кажется, ни на мигъ не была спокойна и задумчива, оттого-то улыбка ея сверкала ослѣпительно и какъ будто заражала все окружающее. Агата не была похожа ни на мать, ни на отца, обладавшихъ широкими и плоскими лицами финскаго племени; въ ея восточной физіономіи повторился типъ какой-нибудь очень отдаленной прабабушки, вѣроятно киргизки, завезенной лихимъ купчиною изъ-за Урала, вмѣстѣ съ дорогимъ пушнымъ товаромъ.

Другая замѣтная дѣвушка была Кэтти,—такъ ее всѣ звали, не справляясь объ отчествѣ и фамиліи. Она воспитанница княгини Хвалынцовой, а всезнающіе люди утверждали, что Кэтти побочная дочь князя, и положеніе ея въ домѣ дѣлало величайшую честь сердцу и христіанскимъ добродѣтелямъ княгини, у которой было два сына, дочери же все умирали, а потому эта дѣвочка воспитывалась и поведена была, какъ настоящая, «природная» княжна. Высокая, стройная блондинка, Кэтти глядѣла вокругъ

себя невозмутимо-ровно и внимательно, какъ будто она не отъ міра сего и старается разсмотрѣть и понять все окружающее. Она съ достоинствомъ уклонялась отъ слишкомъ живой рѣзвости хохочущихъ подругъ и на Сашу Косолапова смотрѣла пренебрежительно.

Было человѣка четыре гимназистовъ, но Алёша ихъ мало зналъ, и лишь доволенъ былъ встрѣчей съ однимъ Платономъ Кашириновымъ, ученикомъ 7-го класса, слывшимъ въ гимназіи за большого умницу. Каширинов вѣроятно тоже въ гимназіи слышалъ, что Слободинъ мальчикъ неглупый, а потому по-товарищески протянулъ ему руку и обмѣнялся нѣсколькими привѣтливыми фразами, — но вдругъ, замѣтивъ сидѣвшую одиноко въ уголкѣ Кэтти, онъ бросилъ Алёшу посереди залы, подошелъ къ задумчивой блондинкѣ, съ которою и просидѣлъ весь вечеръ въ разговорѣ, повидимому, очень интересномъ.

Алёшѣ хотѣлось убраться домой; онъ нашелъ отца въ боковой комнатѣ за вистомъ и подсѣлъ къ играющимъ. Двери кабинета распахнулись, — вышелъ губернаторъ, котораго Алёша видѣлъ на гимназическомъ актѣ въ мундирѣ и со звѣздой, теперь онъ былъ въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ и весь какой-то смятый, точно съ просонья. При появленіи его превосходительства произошло нѣкоторое почтительное смятеніе, стулья задвигались.

— Здравствуйте, господа! а я виноватъ, за работой, прошу прощенія. А, и вы здѣсь! и вы... и вы... очень-очень радъ! разсыпалъ начальникъ направо и налѣво, кивая привѣтливо головой и протягивая кому одинъ палецъ, кому два, а кое-кому и всю руку.—Продолжайте, продолжайте, господа; я посмотрю на нашихъ великихъ гостей, — и онъ прошелъ въ залу, остановившись съ князькомъ Анатолемъ, чтобъ освѣдомиться о здоровьи его папаши.

Въ одиннадцать часовъ начали разъѣзжаться. Княгиня поднялась первая, прося всѣхъ на слѣдующій урокъ пожаловать къ ней. Алёша тоскливо глядѣлъ на отца, который выжидалъ чего-то, наконецъ, улучивъ удобную минуту, подошелъ откланяться ихъ превосходительствамъ. Губернаторъ милостиво протянулъ ему два пальца, спросилъ о здоровьи Ѳедора Ѳедорыча и прибавилъ, кивнувъ на Алёшу: — А это вашъ? Бравый, бравый молодецъ!

Ѣдучи домой, отецъ и сынъ волновались самыми противоположными чувствами: Петръ Иванычъ улыбался, будто его кто медомъ по губамъ помазалъ, а сынъ, перебирая многое имъ замѣченное, недоумѣвалъ и допытывался, почему въ этомъ парадномъ мірѣ все, даже поведеніе отца, ему было до крайности антипатично?

Дома былъ онъ утѣшенъ матерью, что заходилъ Ѳедоръ Ѳедорычъ и послѣ долгихъ, неотвязныхъ просьбъ, далъ слово завтра же поѣхать къ архіерею и завѣрилъ, что съ Сіонскимъ будетъ поступлено «по-отечески». Хотя Алёша не зналъ еще, что значитъ это «по-отечески» въ переводѣ на простой общепонятный языкъ, но вообще принялъ это извѣстіе не такъ горячо...

Танцовальные вечера одинаково повторялись и въ домѣ Хвалынцовыхъ, и у предводителя, и у Косолаповыхъ, у послѣднихъ только угощеніе было лучше, всегда конфекты и мороженое. Сначала Алёша чувствовалъ себя совершенно одинокимъ въ этомъ искусственномъ міркѣ, но скоро сошелся короче съ Кашириновымъ и сталъ играть замѣтную роль. Вотъ какъ это случилось.

Самые веселые вечера были у Косолаповыхъ, чему немало способствовало съ одной стороны то, что губернаторша и княгиня Хвалынцова пріѣзжали туда весьма рѣдко, а это были особы такого сорта, что одно ихъ присутствіе и какіе-то инспектирующіе взгляды дѣйствовали на дѣтей оцѣпеняющимъ образомъ; а съ другой стороны расположеніе комнатъ: къ залѣ примыкалъ корридоръ очень длинный, полуосвѣщенный, въ который выходило нѣсколько дверей изъ маленькихъ дѣтскихъ комнатъ, что̀ оказывалось весьма удобно для разныхъ игръ и не совсѣмъ дѣтскихъ затѣй. Гувернантка у Косолаповыхъ была очень спокойная старушка, удалявшаяся послѣ танцевъ въ свою комнату играть въ домино съ княжескимъ гувернеромъ. По корридору поднималась бѣготня, въ дѣтскихъ затѣвались прятки, свобода была полная. Однажды Кашириновъ, который держалъ себя степенно и сентиментально, прохаживаясь по залѣ, декламировалъ Слободину изъ недавно появившейся главы Евгенія Онѣгина; вдругъ въ корридорѣ послышалась необычайная возня и потомъ слабый, умоляющій стонъ.

Они оба поворотили туда и увидѣли, что князь Анатоль поймалъ Кэтти, скрутилъ ей руки назадъ и толкаетъ къ Сашѣ Косолапову, приговаривая: «вотъ она, берите, теперь она ваша, не увернется, et arranger la comme il vous plaira...» Кашириновъ весь помертвѣлъ и едва могъ выговорить: «какъ это благородно, князь!» Травля прекратилась.

— Дерзкіе мальчишки! — съ волненіемъ продолжалъ послѣ Кашириновъ. Если-бъ вы знали, что терпитъ бѣдная дѣвушка отъ этого сорванца! Ужасно жаль ее! мы съ нею очень дружны...

— Д-да... вы ее любите, спокойно замѣтилъ Слободинъ.

— Кто это вамъ сказалъ! вспыхнулъ влюбленный юноша. Совсѣмъ нѣтъ... простая, братская дружба...

— Впрочемъ, извините! точно, вы правы, потому что, еслибъ любили ее, то...

— То что?

— Вы отколотили бы этого князя и Сашу, какъ слѣдуетъ.

— Кулачное право! горько улыбнулся Кашириновъ.

Зашелестѣло платье; они оглянулись: Кэтти и Агата стояли позади ихъ и слышали весь этотъ коротенькій разговоръ.

Черноглазая наслѣдница милліона суровымъ и любопытнымъ взглядомъ смѣрила этого оригинальнаго дикаря съ ощетинившимися на головѣ вихрами. Онъ спокойно выдержалъ ея взглядъ, и рѣзко повернувшись, отошелъ въ сторону.

На слѣдующій вечеръ Кашириновъ и Кэтти пригласили въ свою компанію Алёшу. Какъ всѣ влюбленные, они успѣли уже выболтать ему свою тайну; но къ разговорамъ ихъ онъ никакъ не могъ приладиться, ему казалось, что эти разговоры какіе-то *не настоящіе;* изъ нихъ онъ понялъ только одно, что Кашириновъ, когда поступитъ въ университетъ, непремѣнно будетъ носить очки, а по окончаніи курса поѣдетъ въ Петербургъ и будетъ служить по дипломатической части. Кэтти одобрила его планы и тоже вздыхала о Петербургѣ. Дѣйствительно, что могъ Алёша прибавить къ этимъ пустопорожнимъ изліяніямъ? Онъ и слушалъ-то ихъ разсѣянно, потому что занятъ былъ сценой, происходившей возлѣ большихъ стѣнныхъ часовъ съ музыкой: Агата хотѣла встать на стулъ, чтобы завести музыку, Анатоль не допускалъ ее; она спорила, смѣясь, и наконецъ-таки вскочила на стулъ.

— А когда такъ, то я схвачу васъ и пронесу на рукахъ по всей залѣ, — хотите?

— Не смѣете,—самоувѣренно замѣтила красавица, и все смѣялась самымъ подзадоривающимъ смѣхомъ.

Анатоль обхватилъ ея колѣни, она все смѣялась. Онъ приподнялъ ее, да видно ужъ очень ловко, потому что вдругъ среди ея звонкаго хохота раздалась самая полновѣсная пощечина...

Князёкъ остолбенѣлъ, выпустилъ ее изъ рукъ; лицо его съ побагровѣвшею щекой, разинутымъ ртомъ и слезами на глазахъ было уморительно-жалко. Агата, какъ ни въ чемъ не бывало, подошла къ сидящимъ и заговорила съ Кэтти о будущемъ вечерѣ, на которомъ въ первый разъ будетъ мазурка.

— М-г Слободинъ, отчего вы никогда со мной не танцуете? А глаза ея, устремленные на Алёшу, говорили: что, молодецъ я? Не ты одинъ *такой*—и я постоять за себя умѣю.

Первую мазурку Алёша танцовалъ съ Агатой, а затѣмъ сталъ съ нею всегда и вездѣ неразлученъ. Платонъ Каширинов, видя такой успѣхъ Алёши, тѣснѣе сдружился съ нимъ; разница возраста между ними изчезла: «приходите ко мнѣ и я къ вамъ буду приходить, будемъ друзьями». Кэтти смотрѣла на него боязливо: съ-дѣтства сбитая съ толку общеизвѣстнымъ аристократическимъ катехизисомъ княгини Хвалынцовой, она рѣшительно не могла понять, что́ такое этотъ Слободинъ... Она видѣла въ немъ одну только смѣлость, особенно когда онъ однажды въ глаза обозвалъ танцмейстера пижономъ, въ отвѣтъ на какое-то тоже игривое названіе, данное ему французомъ. Озадаченный m-r Лебо́ притворился, что не слыхалъ, но такъ и остался пижономъ. Кэтти слышала, какъ потомъ Слободинъ сказалъ Каширинову:

— Зазнался плясунъ. Воображаетъ, что онъ важная птица... Да мы сами виноваты. Вѣдь, напримѣръ, самаго умнаго учителя матаматики нигдѣ не станутъ такъ принимать, на рукахъ носить,— вотъ онъ и важничаетъ, а потомъ еще смѣяться надъ нами будетъ.

Анатоль Хвалынцовъ возненавидѣлъ счастливаго соперника, отзывался о немъ язвительно—c'est un moujik,—но трусилъ напасть прямо. Всѣ остальные мальчики и даже Саша Косолаповъ,— которымъ давно ужъ князёкъ надоѣлъ своимъ высокомѣріемъ и безцеремонностью, приняли сторону Алёши.

Агата—ребенокъ страшно избалованный и своевольный—ничѣмъ не стѣснялась, напротивъ, ей какъ-будто было невыразимо пріятно показать всѣмъ, что она любима и любитъ, совершенно какъ большая,—любитъ такого человѣка, котораго никто не замѣчалъ, она сама его нашла, открыла въ немъ необыкновенныя качества и поставила выше всѣхъ.

Дѣла Алёши подвигались шибко. Онъ позналъ прелесть любовной азбуки—отъ робкаго пожатія руки до летучаго, обжигающаго поцѣлуя въ полутемномъ корридорѣ... Прежде m-r Лебо́ постоянно твердилъ ему, чтобы голову держать выше и глядѣть веселѣе, теперь Алёша не нуждался въ подобныхъ замѣчаніяхъ, онъ не заученные па́ выдѣлывалъ, а плясалъ съ увлеченіемъ, просто и ловко: лицо его дышало весельемъ, счастьемъ... М-г Лебо́ думалъ, что всѣ эти чудеса произвела его наука...

Въ этой нарядной, танцующей и праздной атмосферѣ закружилась голова бѣднаго внука Митрія Логинова;—онъ не умѣлъ отдаваться вполовину. Но иногда въ немъ вскипало какое-то злое и насмѣшливое чувство, какое-то непобѣдимое желаніе дать щелчокъ этому богатому міру,—и онъ изобрѣталъ такія штуки,

которыя приводили въ отчаяніе чопорныхъ маменекъ и возбуждали восторгъ одного только Саши Косолапова, любителя всякихъ скандаловъ.

— Зачѣмъ вы уронили Лиду Горянскую? выговаривала ему Агата. Вы хорошо вальсируете; сознайтесь, что сдѣлали это нарочно.

— Да, нарочно. Она много мечтаетъ о себѣ — дочь предводителя, эка важно-кушанье!

— Зачѣмъ вы въ мазуркѣ выбираете qualités, такія странныя, грубыя?—Это тоже нарочно?

— Тоже нарочно. Русскія обыкновенныя слова — чѣмъ они худы? Вотъ и васъ я стану называть по-русски. Зачѣмъ напыщенность? Это смѣшно. Сестру я зову Алёнушка, а васъ Агаша...

— Фи, не смѣйте!

— Непремѣнно — Агаша... Агаша, дразнилъ онъ, а потомъ прибавлялъ нѣжнымъ, ласковымъ шепотомъ:—Агаша милая! Агаша моя славная! чѣмъ это дурно?

И укрощалъ онъ эту дѣвочку-котенка, всегда готоваго изъ бархатной лапки выпустить острый коготокъ.

X.

Сіонскій былъ исключенъ изъ семинаріи и отданъ матери по ходатайству Ѳедора Ѳедорыча, подкрѣпленному свидѣтельствомъ городового врача, что субъектъ сей не только въ солдаты, а просто никуда ужъ не годится; каверны у него глубочайшія, чѣмъ онъ только дышетъ—удивительно! Едва ли до весны протянетъ.

Уѣзжая въ деревню, Сіонскій прислалъ Алёшѣ письмо, исполненное выраженій самой горячей дружбы. «Благословляю васъ на все доброе,—писалъ онъ. Когда-нибудь вспомните передбанникъ госпожи Бѣлкиной и наши задушевныя бесѣды; онѣ найдутъ свое оправданіе въ будущемъ. Уповаю, что вы не продадите душу за блага земныя, изберете благую часть, еже не отнимется... А теперь пока прощайте, благороднѣйшій Алексѣй Петровичъ; ѣду съ матерью, но оставаться у нея долго не могу; ей самой ѣсть нечего. А коли отдышусь на деревенскомъ навозѣ, то по веснѣ прибреду въ городъ искать—panem et laborem: тогда увидимся. Вчера заходилъ къ вамъ, но васъ не было дома.»

Тоскливо перевертывалъ и перечитывалъ Алёша эту сѣрую бумажку; ему казалось тутъ что-то недописанное.—«Вчера онъ заходилъ, а я въ это время отплясывалъ съ Агашей. Скверность какая!...» Съ досады онъ засѣлъ дома, сказался больнымъ и про-

пустилъ слѣдующій танцовальный вечеръ у Косолаповыхъ. На другой день отецъ ввелъ въ его комнату Каширинова.

— Алёша, вотъ къ тебѣ дорогой гость,—съ видимымъ удовольствіемъ сказалъ отецъ, пригласилъ молодого человѣка садиться и даже пододвинулъ стулъ.

— Пришелъ провѣдать, что́ съ вами. Вчера всѣ спрашивали.

— Нездоровъ, сухо отвѣтилъ Алёша.

— Что это вашего батюшку не видно? спросилъ Петръ Иванычъ.

— Дома сидитъ: плохъ сталъ, даже гулять по утрамъ не выходитъ, а ужъ это была у него старинная неизмѣнная привычка, несмотря ни на какую погоду, ежедневно отъ 12-ти до часу ходить; и даже улицъ не любилъ мѣнять, все по одному направленію ходитъ. Старожилы привыкли, я думаю, часы по немъ повѣрять.

— Почтенный, почтенный человѣкъ! А что-жъ, я думаю, вѣдь онъ еще не очень старъ?

— Всего шестьдесятъ второй годъ. Представьте, насъ крестилъ одинъ и тотъ же священникъ, нашъ деревенскій отецъ Яковъ. Вотъ замѣчательная-то старость! Только въ прошломъ году мы упросили его отойти на покой. Выстроили ему прелестный домикъ, окружили всѣми удобствами. Что-жъ вы думаете, никому не хочетъ уступить право исповѣдывать родителя, матушку и меня! Ужъ мы такъ каждый годъ на четвертой недѣлѣ поста и ѣдемъ говѣть въ родовое гнѣздо, въ нашу Любимовку; и отецъ Яковъ все на ногахъ. Прекрасно исповѣдуетъ! Да, тяжело будетъ намъ его лишиться... А отецъ мой совсѣмъ не старъ и очень крѣпокъ. Его Кульмская контузія преждевременно разрушила. Мы всѣ, Каширинова, очень долговѣчны.

Платонъ Каширинъ говорилъ это съ какою-то теплотой и ясностью; видно было, что говорить онъ охотно, о предметахъ любезныхъ сердцу, въ незыблемости которыхъ онъ отъ рожденія ни на мигъ не усомнился...

— Да-съ, батюшка вашъ — это сама добродѣтель! Вся губернія относится къ нему съ глубочайшимъ уваженіемъ... Но однако, господа, я мѣшаю вамъ. Очень радъ, пожалуйста навѣщайте почаще моего Алексѣя, очень радъ! повторялъ Петръ Иванычъ пожимая руку Каширинова, и вышелъ.

— Агаша вчера просто съума сходила; на всѣхъ дулась, капризничала... Рѣшительно выдала себя... Въ самомъ дѣлѣ, отчего вы не были?

— Глупости... надоѣло!

— Ужели—разочарованіе?

— Э, полноте,—я не герой романа!—пустяки все это.

— Странно!

Кашириновъ поморщился и принялся просматривать лежавшія на столѣ книги. Подали чай. Разговоръ не клеился.

Глядя на Каширинова, Алёша все думалъ, что̀ это за человѣкъ сидитъ передо мной, точно ли онъ такъ уменъ, какъ говорятъ, и годится ли онъ мнѣ въ товарищи?—Чтобы рѣшить эти вопросы, конечно, требовалось ощупать Каширинова со всѣхъ сторонъ. Алёша не умѣлъ приступить къ этой работѣ, между тѣмъ по всѣмъ примѣтамъ чувствовалъ, что они—люди разныхъ полюсовъ.

Платонъ Сергѣичъ Кашириновъ былъ дворянскій сынъ и экземпляръ нарождавшейся интеллигенціи сороковыхъ годовъ, той интеллигенціи, которая въ свое время была силой, признанной обществомъ,—изъ которой впослѣдствіи вышли нѣкоторые крупные дѣятели, и многочисленные праздные страдальцы, и которая не имѣла ничего общаго ни съ громадною массой народа, ни съ тѣмъ малымъ меньшинствомъ, ничего не давшимъ, непризнаннымъ, освистаннымъ...

Отецъ Платона, отставной генералъ-майоръ Сергѣй Львовичъ Кашириновъ былъ дворянинъ, весьма старинаго рода, не богатый, но и не бѣдный; никогда неслужившій по выборамъ, слѣдовательно, не интриганъ, и пользовавшійся уваженіемъ всего своего сословія. Племянница его, госпожа Чародѣева, губернская львица, весьма старательно, кстати и некстати увѣряла всѣхъ, что дядюшка ея необыкновенный человѣкъ, собственно потому, что никогда не говоритъ неправды, т.-е. по-просту, не вретъ. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ бы ни сказалъ дядюшка, все оказывалось святою правдой: скажетъ онъ, что сегодня четвергъ,—правда; скажетъ, что у него желудокъ не въ порядкѣ,—правда; что вчера въ соборѣ архіерей служилъ,—опять правда; что теперь три часа,—тоже правда. Но если въ послѣднемъ случаѣ и окажется погрѣшность, то дядюшка немедленно поправится, прибавитъ: «виноватъ, не три, а безъ двухъ минутъ три часа», и ужъ вы можете положиться, что вѣрнѣе этого ничего быть не можетъ. О другихъ матеріяхъ старикъ не говоритъ никогда, но если бы, паче чаянія, заговорилъ, то можно держать какое угодно пари, что слова его дышали бы истиной, одною истиной и больше ни чѣмъ.

Въ высокоторжественные дни онъ облекался въ генеральскій мундиръ, украшенный множествомъ орденовъ, являлся въ каѳедральный соборъ, оттуда вмѣстѣ со всѣми чинами ѣхалъ къ губернатору, и затѣмъ больше ни въ какія общественныя дѣла не мѣшался, денежныхъ счетовъ ни съ кѣмъ не имѣлъ, — какихъ же

больше правъ нужно на общественное уваженіе? Мать Платона была тоже столбовая дворянка, существо отмѣнно-доброе и сентиментальное; братъ ея, жившій когда-то въ Москвѣ, былъ замѣшанъ въ «Союзъ Благоденствія», и теперь бѣдствовалъ въ дальней ссылкѣ; это обстоятельство усугубило религіозность старушки: она каждую субботу подавала въ церковь поминальную книжечку и молилась о спасеніи раба Божія Гавріила,—имѣніе котораго досталось ей и увеличило ея незначительное приданое.

Въ единственномъ своемъ сынѣ Платошинькѣ старики души не чаяли; пугаясь разныхъ вредныхъ лже-умствованій, они однакожъ старались дать ему прочное, солидное образованіе, основанное на началахъ религіозности и уваженія къ преданіямъ, оправданнымъ вѣковымъ опытомъ. Приготовленный дома священникомъ и нѣмцемъ, піэтистомъ-философомъ, который до сихъ поръ былъ при немъ, Платонъ поступилъ въ гимназію лѣтъ 15-ти и постоянно былъ первымъ ученикомъ, какъ по успѣхамъ въ наукахъ, такъ и по поведенію. Его бѣлокурая, правильнаго овала голова, голубые спокойные глаза, которые онъ, улыбаясь, немного прищуривалъ, высокій ростъ и медленныя движенія производили съ перваго раза самое пріятное впечатлѣніе. Иногда онъ хмурился, напускалъ на себя нѣкоторую мрачность, «безпредметную тоску», какъ выражались добродушные поэтики того времени, эти грудные младенцы, вторившіе непонятнымъ для нихъ воплямъ британскаго великана; но эта маска не шла къ нему и какъ-то забавно противорѣчила его здоровому лицу, откормленному домашними сливками и сдобными булочками. Не нужно кажется прибавлять, что Платонъ самъ пописывалъ стишки, объектомъ которыхъ была чудная дѣва, созданная изъ тончайшаго эѳира—читай: m-lle Кэтти...

За то какъ былъ онъ хорошъ, какъ натураленъ, когда восхищался прелестями своего родоваго гнѣзда—мирной Любимовки, гдѣ каждый уголокъ освященъ какимъ-нибудь семейнымъ воспоминіемъ, гдѣ онъ проводилъ каждое лѣто, лѣниво бродя съ ружьемъ по тѣнистымъ рощицамъ, или просиживая долгіе часы съ удочкой на берегу тихой рѣчки и прислушиваясь къ далекой пѣснѣ мирныхъ поселянъ, возвращавшихся съ работы... Тутъ онъ былъ дѣйствительно поэтъ и иногда уловлялъ такіе тонкіе оттѣнки сельской природы и деревенской помѣщичьей жизни, что нельзя было не признать за нимъ чуткую наблюдательность и симпатическую теплоту души.

— Пріѣзжайте на лѣто къ намъ въ Любимовку,—уговаривалъ онъ Алёшу. Нѣтъ у насъ никакой роскоши, нѣтъ дворца, какъ

у князя Хвалынцова, но и подъ соломенною крышей найдете радушный пріютъ: будемъ ходить на охоту, купаться; а какіе фрукты въ саду, сколько ягодъ, грибовъ въ рощѣ, — благодать! Чувствуешь, кажется, какъ льется въ грудь здоровье, спокойствіе...

— А мужики у васъ богатые, хорошо живутъ?

— Мужики... да отчегожъ можетъ быть имъ худо! По-моему, это самые счастливые люди. Убрался съ работой, да и на покой, о чемъ ему тужить? Онъ не знаетъ тѣхъ глубокихъ, душевныхъ волненій, тѣхъ нравственныхъ мукъ, которыми мы страдаемъ... Ахъ, часто приходится имъ завидовать!

— Да, когда-то я мечталъ.. со вздохомъ протянулъ Алёша.

— Что? мужикомъ быть?—Платонъ слегка усмѣхнулся.

— Такъ, какъ я это понимаю, выходитъ вовсе не смѣшно, а невозможно... Дѣло не въ томъ, чтобъ быть непремѣнно мужикомъ: мужика берутъ въ рекруты, продаютъ, покупаютъ, а чтобъ быть вольнымъ человѣкомъ, жить какъ хочется и заниматься чѣмъ нравится... Вотъ, напримѣръ, занятія дворянина, чиновника совсѣмъ не по мнѣ...

— Это любопытно, разскажите пожалуйста; это какая-то утопія...

— Долго разсказывать!—Алёша махнулъ рукой; ему показалось, что собесѣдникъ не пойметъ его разсказа, а потому лучше молчать.

За то Кашириновъ нашелъ этотъ случай весьма удобнымъ, чтобъ высказаться, обнаружить свои обширныя познанія и нѣсколько просвѣтить юнаго пріятеля по части законовъ, на которыхъ незыблемо покоится общественное зданіе. Онъ такими твердыми и опредѣленными линіями разлиневалъ передъ Алёшей всю красоту общественнаго строя, что свободѣ личной воли не оставалось ни малѣйшей лазейки; для счастія своего и своихъ ближнихъ, а больше того, для соблюденія общей гармоніи, человѣкъ долженъ неуклонно идти по протоптанной дорожкѣ, въ противномъ случаѣ его постигаютъ и громы небесные, и кары земныя. Алёша впервые слышалъ о такихъ вещахъ; высказаны онѣ были такимъ догматическимъ, недопускающимъ никакихъ сомнѣній тономъ, что онъ, дивясь познаніямъ Каширинова, испугался и потерялся... Передъ нимъ встало много фактовъ, извѣстныхъ ему изъ своей и чужой жизни, которыхъ онъ не зналъ куда дѣвать, которые никакъ не укладывались въ правильныя линейки и должны носить клеймо грѣха, или преступленія, а противъ этого возмущалось въ Алёшѣ все, до послѣдняго вихра на головѣ его...

— Хорошо, только оно такъ никогда не бываетъ, замѣтилъ онъ.

— Мало ли что! должно такъ быть... Разумѣется, многое

мы прощаемъ; христіанская снисходительность помогаетъ намъ, смягчаетъ суровость долга...

— Да, а какъ вонъ плетьми дуютъ людей на базарахъ, такъ тутъ тоже христіанская снисходительность смягчаетъ...

— Ну, вонъ вы куда бросились! Вы говорите объ отверженцахъ общества, нравственныхъ уродахъ: общество, мой другъ, обязано карать ихъ, искоренять... Это прискорбныя явленія, но что же дѣлать?

— Остается только сожалѣть...

Алёшѣ припомнилась базарная площадь, и какъ люди, крестясь, клали мѣдныя копѣечки въ деревянную чашку молодой арестантки, но онъ не возражалъ, а съ глубокимъ унынiемъ подумалъ: «нѣтъ, не таковы были разговоры у насъ съ Сіонскимъ, въ знаменитомъ передбанникѣ!..»

Прощаясь, Каширинов взялъ слово съ Алёши непремѣнно бывать у него и какъ можно чаще, даже обѣщалъ ему по секрету прочесть свои стихотворенія, что очень заинтересовало Алёшу.

По уходѣ гостя, онъ долго размышлялъ, кто правъ? И его терзали сомнѣнія—не въ тысячу ли разъ счастливѣе его этотъ юноша, для котораго всѣ мудреныя задачи жизни такъ ясны, у котораго имѣется въ мірѣ насиженное, теплое гнѣздо Любимовка, а впереди лежитъ дорога гладкая, свѣтлая... не воровская дорога!..

Въ его прошломъ нѣтъ никакихъ темныхъ пятенъ, сомнительныхъ воспоминаній, онъ можетъ не стыдясь передъ цѣлымъ свѣтомъ развернуть и показать изнанку своей жизни...

И притомъ онъ такой добрый, снисходительный, мягкій... Его всѣ будутъ любить, его нельзя не любить, счастливецъ!..

Только онъ какой-то ужъ слишкомъ *правильный*...

А вѣдь онъ, вѣроятно, не полюбилъ бы Сіонскаго?!..

И затѣмъ невольно обратился Алёша къ самому себѣ: какъ бѣдна и жалка показалась ему собственная жизнь! Роясь въ темныхъ закоулкахъ своей памяти, онъ находилъ все убогенькія картинки, мучительныя недоразумѣнія, какія-то запретныя мысли и симпатіи, которыхъ хорошіе *правильные* люди, въ родѣ Каширинова, не одобрятъ, а пожалуй еще осудятъ, осмѣютъ... «И вся-то моя жизнь будетъ такая, ужъ это я знаю вѣрно! Все такъ устроивается неизбѣжно...»

И вдругъ онъ съ досадой обрывалъ эти разслабленныя, дрянныя мыслишки... «Что-жъ, развѣ я виноватъ? У всякаго своя дорога. До сихъ поръ я не тревожился такими дрянными мыслями, значитъ, не слѣдовало связываться съ людьми не нашего десятка...

Да, совсѣмъ не слѣдовало!» И хоть онъ оправдывался тѣмъ, что все это ради Сіонскаго, однако сознавалъ, что Андреяша простона-просто обругалъ бы его за это... Вѣдь запретилъ же онъ своей матери идти просить милости Міроносцева, и ужъ вѣрно не знаетъ до сего дня, какимъ путемъ куплено его помилованіе! Письмо Сіонскаго подтверждало эти предположенія: въ немъ не было ни единаго слова благодарности, ни одного намека, что онъ спасенъ отъ бѣды чьими бы то ни было стараніями.

Письмо это показалось Алёшѣ прямымъ, суровымъ укоромъ...

И какой-то ехидный голосъ шепталъ ему: «да полно, что ты врешь, братъ—развѣ тебѣ непріятно было цѣловать смугленькую Агату?!..»

XI.

Курсъ танцовальнаго образованія конченъ. Очаровательный m-r Лебо, собравъ приличную дань съ восхищенныхъ родителей, собрался въ путь, продолжать свою цивилизаторскую миссію въ другихъ городахъ россійской имперіи. Передъ отъѣздомъ онъ устроилъ еще въ свою пользу une petite affaire de complaisance, маленькую лоттерею, раздавъ при дружномъ содѣйствіи дамъ 200 билетовъ по три рубля. Брилліантовая брошка (une bijouterie magnifique d'un gout irréprochable) и турецкая шаль (le cadeau d'un aimable Pacha) достались двумъ счастливицамъ на память о миломъ m-r Лебо, и онъ улетѣлъ по курьерской подорожной...

Не можемъ пройти молчаніемъ, что вскорѣ послѣ его отъѣзда какой-то шутникъ распустилъ слухъ, что ловкій танцмейстеръ былъ не что иное, какъ шпіонъ, подосланный французскимъ правительствомъ, развѣдать о состояніи умовъ высшихъ классовъ и о количествѣ войскъ въ Россіи. Какъ ни нелѣпа была эта выдумка, однакожъ она нешутя всполошила губернскую знать. Дамы начали отнѣкиваться и сваливать другъ на друга интимность съ красивымъ французомъ, нѣкоторыя даже публично перессорились. Губернаторъ двѣ недѣли ходилъ озабоченный; затребовалъ свѣдѣній изъ почтовой конторы: оказалось, что точно были поданы два письма въ извѣстный Парижъ и въ неизвѣстный Фижакъ, но не подвергались вскрытію, ибо писаны по-французски. Полковникъ Шпицъ, хотя и успокоивалъ, но въ то же время и винилъ кого слѣдуетъ, почему не полюбопытствовали спросить паспортъ у француза? Казалось бы очень простая штука, но подите-жъ! затмѣніе какое-то на всѣхъ нашло... Рас-

торопный полковникъ заѣхалъ такъ, мимоѣздомъ, въ ту гостинницу, гдѣ жилъ Лебо́, но узналъ только, что этотъ господинъ съ своимъ скрытнымъ-компаньономъ каждый вечеръ требовали по двѣ бутылки коньяку и ругались по-русски, утверждая, что имъ подаютъ не коньякъ, а чортъ-знаетъ что́.

Изъ этого важнаго обстоятельства полковникъ Шпицъ вывелъ прямое заключеніе о невинности танцмейстера, и окончательно успокоилъ господина начальника губерніи, который былъ такъ разстроенъ, что ровно пятнадцать дней не цѣловалъ ручку своей супругѣ, и какъ-то особенно внушительно харкалъ, принимая ежедневные рапорты полиціймейстера, совсѣмъ оторопѣвшаго отъ такой странности добраго начальника. Въ заключеніе спектакля, какой-то чиновникъ сиротскаго суда, заподозрѣнный въ распущеніи нелѣпыхъ и злонамѣренныхъ слуховъ, былъ выгнанъ изъ службы какъ юный козелъ очищенія, и тѣмъ прекратилась вся эта непріятная исторія.

Салонныя затѣи только съ виду кажутся невиннымъ времяпровожденіемъ праздныхъ людей, но всегда въ нихъ есть нѣчто разслабляющее здоровыя силы, одрянняющее человѣческую личность. Ужъ мы знаемъ, что Петръ Иванычъ за 25 рублей пріобрѣлъ право гражданства, въ *лучшихъ* домахъ, игралъ въ вистъ со всѣми провинціальными сановниками, а на свой домашній бытъ сталъ смотрѣть съ горечью человѣка, легкомысленно нацѣпившаго себѣ на шею тяжкую обузу; онъ рѣдко бывалъ дома и съ своей Аннушкой разговаривалъ только о дурно-накрахмаленныхъ воротничкахъ; но объ немъ впереди; а нашъ бѣдный Алёша тоже повихнулся: незамѣтно отвыкъ онъ отъ чтенія и занятій, гимназическіе уроки страшно запустилъ, получилъ нѣсколько *двоекъ;* наверстывать надо было много, а за работу приняться не видѣлъ никакой возможности. Онъ скучалъ, не находилъ себѣ мѣста, какъ человѣкъ попавшій между двумя теченіями. Изъ танцовальныхъ знакомыхъ онъ бывалъ у одного только Каширинова.

Въ домѣ Кашириновыхъ все отзывалось спокойствіемъ, порядкомъ и скукой,—скукой больше всего. Эта старинная мебель, словно приросшая къ своимъ мѣстамъ; хрустальныя люстры въ вѣчныхъ сѣрыхъ чехлахъ; эти лакеи въ сильно-поношенныхъ, но исправно-заштопанныхъ ливрейныхъ фракахъ; этотъ сѣдинькій, въ военномъ сюртукѣ, застегнутый на всѣ пуговицы, старичокъ, который тихо кочуетъ по всѣмъ комнатамъ и, не зная что дѣлать, дразнитъ канареекъ; старушка мать въ очкахъ, съ кроткою улыбкой, всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ въ образ-

ной, перебирающая вязальными спицами; наконецъ, этотъ нѣмецъ-наставникъ, отлично выбритый, съ сигарой и книгой, глубокомысленно роняющій односложные: ja, so, nein, gut... и самъ *правильный* Платонъ въ своемъ кабинетѣ, въ которомъ порядокъ и опрятность какъ будто мѣшаютъ говорить громко и свободно,— все это дѣйствовало на Алёшу самымъ подавляющимъ образомъ, связывало ему руки, отнимало голосъ, тушило познавательныя и разсуждающія способности. Даже стихи въ завѣтной тетрадкѣ, подъ заглавіемъ: «И моя арфа», прочтенные ему Платономъ, не возбудили ни восторга, ни спора, а прожурчали, какъ струйка воды, подъ шопотъ которой или дремлется, или думается о чемъ угодно. Безмолвная связанность Алёши вѣроятно показалась Платону избыткомъ благоговѣйнаго удивленія, а потому онъ расплывался въ самыхъ нѣжныхъ изліяніяхъ.

— Я раньше васъ вступлю въ жизнь и прошу васъ, если встрѣтите надобность опереться на дружескую руку, обратитесь прямо ко мнѣ. Юношеская дружба дѣло слишкомъ священное; счастливъ тотъ, кто умѣетъ сохранить ее и пронести чистою черезъ всю жизнь до могилы. Не такъ ли, мы всегда останемся друзьями?

Алёша молча пожалъ ему руку, онъ ничего не чувствовалъ и потому не зналъ, что сказать.

Выйдя на улицу, онъ вздыхалъ свободнѣе и веселѣе смотрѣлъ на каждаго воробья, вольно чирикавшаго на заборѣ.

Въ одно морозное послѣобѣда къ дому Слободиныхъ въ щегольскихъ саночкахъ на сѣромъ рысакѣ подъѣхалъ молодой человѣкъ, спрятавъ розовое лицо въ бобровый воротникъ шинели. Стоявшій праздно у воротъ Финогенъ проводилъ молодого человѣка по двору до крыльца. Алёша, глядя въ окно, не узналъ Саши Косолапова, и встрѣтилъ его съ неловкимъ изумленіемъ.

— Какъ поживаете? Отецъ вашъ дома?

— Отдыхаетъ; если вамъ нужно, я разбужу.

— Не надо безпокоить. Папа прислалъ меня просить вашего батюшку завтра къ намъ откушать; а я съ своей стороны прошу васъ. Послѣ обѣда потанцуемъ, будутъ всѣ ваши знакомые.

— Благодарю васъ. Отцу я передамъ, а меня извините.

— Что, что такое?! и слышать не хочу. Вы не можете отказаться, васъ просятъ дамы, понимаете? Саша ухорски подмигнулъ.

— Вотъ еслибы эти дамы сами пріѣхали звать меня, пошутилъ Алёша.

— Ха-ха! Вишь вы какой! Доставлю вамъ и это удовольствіе.

— Поѣдемъ со мной сію минуту, на Большой улицѣ катанье,

весь городъ тамъ; встрѣтимъ нашихъ и увидите *кто* васъ приглашаетъ. Алёшу коробила беззастѣнчивая развязность Косолапова, но на этотъ разъ въ ней слышалось признаніе факта пріятнаго, притомъ же онъ больше двухъ недѣль не видѣлъ своего черноглазаго чертенка...

— Ѣдемъ!

На катаньи точно былъ весь городъ. Врагъ всякой чинности, Саша, безпрестанно выѣзжалъ изъ линіи и летѣлъ полной рысью, пугая стоявшую по сторонамъ публику и приводя въ отчаяніе жандармовъ, знавшихъ чей это рысакъ, а потому несмѣвшихъ напомнить о соблюденіи порядка.

Лучшій въ городѣ «выѣздъ» былъ у Косолапова: вороные, кровные рысаки, осанистый кучеръ, сани обитые бархатомъ и бронзой, а въ саняхъ маменька съ дочкой въ богатѣйшихъ чернобурыхъ шубахъ,—все это изумляло губернскую публику. «Вѣдь это тысячъ двадцать пять капиталу тутъ катается!» твердили праздные ротозѣи. И изъ этихъ-то возбуждавшихъ завистливое удивленіе саней, черноглазая красавица, казалось, никого и ничего не замѣчая, улыбалась одному только бѣдному гимназисту...

И поѣхалъ нашъ Алёша по легкой дорогѣ катаній, обѣдовъ, танцевъ, домашнихъ спектаклей и всякихъ охмѣляющихъ голову увеселеній.

Почтенный откупщикъ, провидя въ своемъ сынкѣ будущаго гусара, съ умиленіемъ взиралъ, какъ Саша залпомъ молодецки выпиваетъ бокалъ шампанскаго. А подъ вечеръ Саша запирался съ пріятелями и гувернёромъ въ свою комнату, подсмѣивался надъ этимъ однимъ бокальчикомъ, умилявшимъ папеньку и приказывалъ дворецкому подать нѣсколько бутылокъ. Тутъ развязывались языки, пѣлись пѣсни, опытный гувернеръ руководилъ юношей въ самой веселой наукѣ.

Нѣсколько разъ Алёша возвращался домой пьяный,—пьяный самымъ настоящимъ образомъ, и ему казалось, что никто въ домѣ этого не замѣтилъ.

Одинъ Кашириновъ не одобрялъ этихъ оргій, на которыхъ однакожъ присутствовалъ, но ничего не пилъ и пріятельски уговаривалъ Алёшу слѣдовать его примѣру, то-есть, оставаясь въ безобразной компаніи, не пить вина... Но его увѣщанія, основанныя на одной только брезгливости «правильнаго» человѣка къ вреднымъ уклоненіямъ распущенной молодежи, не дѣйствовали на слушателя, который въ простотѣ души еще не понималъ, что между *да* и *нѣтъ* можно отыскать благоразумную середину.

Подѣйствовалъ на него Финогенъ.

Отецъ Личарды, какъ и всякій, блаженной памяти, крѣпостной человѣкъ, терпѣть не могъ лишней копѣйки и пропивалъ ее съ удовольствіемъ; а такъ какъ лишняя копѣйка случалась у него чрезвычайно рѣдко, чаще же попадались подъ руку ненужныя вещи — женинъ платокъ, башмаки, своя ситцевая рубаха, то и тащилъ онъ всю эту завалящую рухлядь въ царевъ кабакъ, къ которому въ трезвыя времена относился угрюмо, озлобленно.

Разъ онъ везетъ молодого барина къ дому Косолаповыхъ и заводитъ такую рѣчь.

— Вотъ это и хорошо, что вы дружество ведете съ знатными господами; у нихъ житье — вѣдь милліонщикъ! — Чай куды важно у него въ хоромахъ-то; на серебрѣ да на золотѣ ѣстъ, а пьетъ, поди, вино-то заморское, небось не такое пойло, какимъ нашего брата опаиваетъ!

— Развѣ онъ опаиваетъ?

— Эка баринъ, какой ты несмысленочекъ! Извѣстно, ихняя торговля такая, чтобъ, значитъ, народъ завсегда шальной ходилъ, словно дурманъ въ головѣ-то. Черезъ это самое нашъ братъ ино мѣсто и пропадаетъ... А ему все на пользу, то-исъ претъ въ карманъ. Ты спроси, откудова у него казна такая, а все отъ мужицкой мошны. И народъ же воръ у нихъ служитъ! Цѣловальники это нашихъ дураковъ ловко нагрѣваютъ. Что хошь тащи — все примаютъ, грабежъ!

— Да какъ же это имъ позволяютъ?

— Откупшикъ — выходитъ онъ за все и откупается. Всѣ господа отъ него живутъ. Хучь бы вотъ и папенькѣ, тоже примѣрно отпускается.

— Ну, вотъ! папенькѣ-то какое тутъ дѣло?

— Нельзя, это ужъ положеніе, всякому соразмѣрно. Черезъ эвто ему и вальготно. Да еще съ поклономъ все. Сдѣлай такую милость, грабь! А сиволапому, подлому народу все одно, ему лишь бы винища лопать!

Долго разсуждалъ Финогенъ на эту чувствительную тему и, ссадивъ барина, очень степенно заѣхалъ къ знакомому шельмецу-Ивану Елкину, потому въ карманѣ болталась гривна: утромъ на базарѣ овесъ покупалъ...

А баринъ натолкнулся на цѣлый рядъ новыхъ мыслей, точно въ знакомомъ лѣсу набрелъ на небывалую прогалину. И весь вечеръ у Косолаповыхъ провелъ скверно, глядѣлъ на всѣхъ волчонкомъ, придирался, взбѣсилъ Агату до того, что она расплакалась, выгнала его изъ своей комнаты и—«не смѣйте никогда со мной разговаривать!»

Какъ бы удивилась и обидѣлась дочь милліона, еслибъ узнала, что дурацкая рѣчь простого мужика стала причиною угрюмой злости Алёши, что идея кабака грубо испортила ея граціозныя любовныя шалости!.. Ей въ голову приходили совсѣмъ иныя романическія догадки и предположенія... А то вѣдь это стыдно даже сказать, что такое!..

XII.

Къ счастію для всей семьи Слободиныхъ около Благовѣщенья, какъ только прилетѣли жаворонки, къ нимъ явилась нежданная гостья Наталья Лаврентьевна. Пріѣздъ «бабиньки» былъ торжествомъ для дѣтей и Анны Дмитріевны. Петръ Иванычъ встрѣтилъ старуху немного принужденно, какъ живое напоминаніе о такихъ обстоятельствахъ, которыя считались имъ давно уже канувшими въ вѣчность, и которыя поднимать теперь совсѣмъ непристойно.

Пошли, разумѣется, спросы да переспросы; оказалось, что бѣдный маленькій городокъ стоитъ все на томъ же мѣстѣ, только половина его подъ самый Варваринъ день выгорѣла до-тла. Артемьевъ приказалъ долго жить, а Орловъ все башмаки ковыряетъ, у стряпчаго теперь на посылкахъ. Попадьѣ отца Никона Богъ двойни далъ; Раскатаевъ, соляной приставъ, въ банѣ запарился до смерти; новый смотритель училища оказался пресущій пьяница; а лѣтошній годъ капуста уродилась на удивленіе. Всѣ новости, привезенныя старушкой, были въ такомъ же незатѣйливомъ родѣ.

— Ну, а вы-то, мои голубчики, какъ тутъ живете-поживаете? Ишь вѣдь какъ всѣ поднялись, словно добрая опара! А про большака-то и говорить нечего, настоящимъ женихомъ смотритъ... Охъ, вы, соколики мои ненаглядные, ужъ такъ-то я стосковалась по васъ! — плакала и обнимала дѣтей старушка.

— А постарѣла, бабинька! Алёша нѣжно поцѣловалъ морщинистую щеку.

— У нея даже и зубы постарѣли, вонъ смотри!—щебетала Алёнушка, заглядывая въ самый ротъ улыбавшейся бабиньки.

— Съ лишнимъ четыре года, кормильцы, на плечи легло, а мово и вѣку-то всего осталось безъ году недѣлю. Все собиралась, давно собиралась къ вамъ, да трудно было, охъ трудно! А тутъ въ Филипповку у меня коровушка отелилась; вотъ я телочку-то выпоила, да продала. Славная такая телка, рыженькая, въ мать; жалко было, а продала, что дѣлать-то! Съ пустыми руками не-

далеко уѣдешь. Опять же домъ, какъ съ нимъ? Ну, пустила дьячка Амплея, онъ же погорѣлъ, такъ и пустила. Помнишь, что у тебя учителемъ былъ?

— А! — Fortificare, fortifico!.. обрадовался Алёша. Что онъ, бѣдняга?

— Ничего, живетъ. У богатаго что день, то подарокъ, а у бѣднаго что годъ, то ребенокъ! Какъ есть весь погорѣлъ; семья большущая. Вотъ онъ письмецо прислалъ брату, гдѣ-то у меня тамъ въ чулкѣ завернуто. Найду послѣ, отдамъ. Да, такъ пустила его, лишь бы только домишко стерегъ и за коровкой приглядѣлъ; а молоко ему тоже подспорье. Что съ него взять-то, да и грѣшно!

Отдохнувъ послѣ дальней дороги, почтенная старушка разобралась съ своими мѣшечками, раздала дѣтямъ подарки, варежки изъ козьяго пуха; сама связала. Къ лѣту-то оно какъ-будто и лишнее, но вѣдь чаяла еще зимой пріѣхать, пригодятся! Личарду приласкала: «и ты пострѣлъ вытянулся, а чай все норовишь стащить, что плохо лежитъ!» Поцѣловала, дала серебряный пятачокъ. Личарда на такое привѣтствіе разсмѣялся во весь ротъ, весело и какъ-то одобрительно.

Пріѣздъ въ домъ новаго и близкаго намъ человѣка, члена семьи, передъ которымъ не только нечего скрываться, но который имѣетъ всѣ права войти въ самую интимную внутренность нашей жизни, всегда ведетъ къ внимательной оглядкѣ на пройденный путь и къ внезапной повѣркѣ нашего настоящаго положенія. Тутъ иногда поразительно открывается, въ какія непроходимыя дебри забрели мы, незамѣтно увлекаемые шагъ за шагомъ, силою обстоятельствъ и безсиліемъ воли; какъ зарылись по уши въ мелкой будничной борьбѣ, дающей въ результатѣ то, что мы называемъ безвыходнымъ положеніемъ. Поселилась бабинька въ дѣтской, и съ перваго же вечера была упрошена сказки разсказывать—мастерица была, а усыпивъ внучоночковъ повѣствованіемъ: о «Марьѣ Маревнѣ, прекрасной царевнѣ», отправлялась въ спальню, ложилась на кровать рядомъ съ Анной Дмитріевной и при замирающемъ свѣтѣ лампадки велась промежъ нихъ тихая бесѣда и заходила далеко за полночь, пока не заслышатъ шаговъ пріѣхавшаго изъ гостей Петра Иваныча. Алёшина комнатка была рядомъ; онъ теперь постоянно сидѣлъ дома и налегъ на учебныя занятія, готовясь къ предстоящему экзамену.

Однажды ему долго не спалось; потушивъ свѣчу, лежалъ онъ, вслушиваясь въ ночную тишину, полную того затаеннаго движе-

нія, въ которомъ боязливое скребетанье мыши, старческій кашель маятника, мѣрное дыханье спящей груди, сливаются въ одинъ неуловимый, согласный шопотъ, точно это сама ночь шепчетъ, хозяйничая въ своемъ сонномъ царствѣ. Вдругъ послышались всхлипыванія, рыданья, то громче, то тише, какъ будто плачущее лицо прижалось къ подушкѣ и глушитъ ею неудержимый ропотъ скорбящей души... Плакала мать, а старуха успокоивала ее тужливымъ, беззвучнымъ говоромъ.

— А давно ужъ это у васъ такъ ведется?

— Почитай, годъ будетъ... Вотъ ты и суди, Лаврентьевна, каково мнѣ... И хошь бы я что знала за нимъ доподлинно, кажись, легче бы мнѣ было; а то ничего не знаю, да гдѣ мнѣ и узнать-то? Сижу въ четырехъ стѣнахъ ровно заточница, али въ постриженье готовлюсь. Онъ молчитъ. Откровенности-то прежней промежъ насъ и слыхомъ-неслыхать...

— Ну, а генералъ-то что? Ты бы при случаѣ когда передъ нимъ выплакалась. Коли добрый человѣкъ, онъ обрезонилъ бы его, а ино и постращалъ бы: вѣдь начальникъ.

— И, мать! кабы человѣкъ захотѣлъ, самъ бы все запримѣтилъ. А каково оно передъ чужимъ-чужаниномъ-то всю душу свою выкладывать, ты подумай! А какъ вдругъ онъ надо мной же, дурой, насмѣется? И Христосъ его вѣдаетъ, что онъ за человѣкъ такой! Не пойму я... Такъ будемъ говорить по-просту: добро бы молодой былъ, да будь и я тоже баба въ своей прежней красотѣ, оно бы пожалуй и зазорно вышло бы, да все же по житейскому понять это можно... а то какая ему, старику, корысть во мнѣ? — Сиди съ нимъ, няньчайся... И сдается мнѣ, что онъ Петра Иваныча одобряетъ, не можетъ же онъ не видѣть этого. Во все-то онъ у насъ входитъ, все наблюдаетъ, и дѣтей какъ любитъ, страсть! Только къ Алексѣю какъ будто строгъ, а въ маленькихъ души не слышитъ. Разъ этто послѣ кофею и говоритъ: «Я, Анна Дмитріевна, говоритъ, какъ умру, такъ вашимъ ребятенкамъ по пяти тысячъ, говоритъ, откажу на каждаго. Такъ въ духовной и запишу, чтобы имъ; потому близкой родни стоющей не имѣю, а васъ почитаю и хочу, чтобъ мое добро въ прокъ пошло. Вы, говоритъ, не думайте, что я зря»; снялъ тутъ икону и приложился. Какъ сказала я про это мому Петру Иванычу, тотъ ажно просіялъ весь, словно по его все это вышло... «Ну, смотри же, говоритъ, Аннушка, это дѣло такое, самъ Богъ намъ счастье посылаетъ, смотри, не огорчи чѣмъ старика, угождай...»

— Вѣстимо, это дѣтское счастье! Да чего же вамъ себя

приневоливать, гнаться за чужимъ? у васъ вѣдь свово добра довольно; чай,—слава Богу, успѣли прикопить! Тогда, я помню, четыре тыщи повезли.

— И-ихъ, Лаврентьевна!—Гдѣ ужъ онѣ, тѣ четыре тыщи!—Купили домъ, конечно, обзавелись; только скажу тебѣ, теперича у насъ не держится копѣйка. Бывало все я сохраняла, а какъ узналъ, что дѣтямъ богатство такое достается, такъ все до-чиста отобралъ отъ меня, и ужъ я не знаю, куда идутъ всѣ наши достатки... Вижу только, что иной разъ на базаръ не съ чѣмъ послать. Вотъ горе-то какое!

— Ай-ай-ай! ужъ точно, что горе, коли хозяинъ сталъ не въ домъ тащить, а изъ дому,—значитъ, на-сторону...

— Вотъ и суди, терзается мое сердце, или нѣтъ?—На господскую ногу себя поставилъ и сына тоже, а что проку-то! Спервоначала я было и радовалась, особенно за Алёшиньку, только вижу, и ему это тоже во вредъ: отъ дому отбился, привередливъ сталъ, да никакъ и виномъ балуется, его тамъ, можетъ, и на смѣхъ спаиваютъ... Теперь все мнѣ опостылѣло, жизнь не мила! Ужъ кабы я знала лиходѣйку мою, все бы бросила и ушла бы къ тятенькѣ, живите тутъ себѣ на радость! пѣшкомъ бы убѣгла... А то вѣдь не знаю, ничего не знаю!.. а что *она* есть, такъ это безпремѣнно, и по картамъ такъ выходитъ, все трефовая краля!..

— А ну, какъ испортили?!—понизивъ голосъ сообразила старушка.

— Охъ, боюсь и подумать-то объ этакомъ!..

— Да ужъ тутъ не безъ колдовства! Это точно, есть такія, что привораживаютъ. Да вотъ у насъ въ Наровчатѣ одна была барыня такая, и на грѣхъ, возьми полюби она мужчину тоже женатаго; онъ-было отъ нее чураться, такъ что-жъ ты думаешь? Почала она поминанье подавать «за упокой души раба Божія имя-рекъ»... Ну, какъ въ семи церквахъ это исполнила, такъ сейчасъ и затосковалъ онъ, сталъ метаться, все нутро изныло, потому порча вошла! И бросилъ онъ, сударыня моя, жену, дѣтей, Бога забылъ, ото-всего отрекся... А покончилъ тѣмъ, что бритвой горло перерѣзалъ, и полюбовницѣ и себѣ... Такъ вотъ она, какая порча-то бываетъ! И не приведи Царица небесная!..

— Ухъ, ужасть какая! отчаянно застонала Анна Дмитріевна, и все умолкло... Только мышь царапаетъ въ подпольи, маятникъ стучитъ какъ-то торопливо, точно и онъ останавливался послушать про глупое женское горе, и теперь спѣшитъ наверстать

свою казенную работу... да изъ дѣтской донесся голосокъ заплакавшей во снѣ Алёнушки.

— Сколько же у насъ горя-то накопилось!—вздохнулъ Алёша, и измученный заснулъ только съ первыми пѣтухами и глянувшимъ въ окно молочнымъ глазомъ убѣгающей ночи.

Наступившій день принесъ обычныя заботы. Алёша старался задать себѣ какъ можно больше дѣла, чтобы некогда было думать. Возвращаясь изъ гимназіи, зашелъ на базаръ, сыскалъ мужика изъ Кубасовки, привелъ его домой и вручилъ письмо Сіонскому, привезенное бабинькой. Написалъ отъ себя пріятелю двѣ строки, убѣждая его пріѣхать какъ можно скорѣе, хоть на день повидаться, такъ какъ въ этомъ свиданіи теперь самая кровная нужда.

За обѣдомъ сидѣлъ онъ молча, глядѣлъ изъ-подлобья, украдкой, но зорко присматриваясь къ лицамъ отца, матери, дѣтей, будто эти лица для него совсѣмъ новыя, незнакомыя... Отецъ показался ему не такъ оффиціаленъ, какъ прежде; онъ очень мило шутилъ и подтрунивалъ надъ Натальей Лаврентьевной, припоминая, какъ ее хотѣли просватать за безрукаго инвалиднаго капитана. Въ лицѣ его не было ни одной черты исправнаго и почтительнаго чиновника, на немъ читалось барское, веселое довольство и сознаніе своего превосходства. Мать, сидѣвшая противъ него, казалась почти старухой. Когда это она такъ потолстѣла? думалось Алёшѣ. Куда дѣвалась эта свѣжая, всегда точно съ мороза рдѣющая, красота? И движенія у нея какъ-то угловаты, неповоротливы, и рѣчь убитая, незамысловатая... По странному капризу мысли, Алёша все силился представить себѣ отца и мать рядомъ, вмѣстѣ, въ гостинной какихъ-нибудь Хвалынцовыхъ, или Косолаповыхъ: выходило совсѣмъ нескладно, смѣшно даже... А взглянувъ въ милые, покорные и еще прекрасные глаза матери, сердце его сжималось болѣзненно: казалось ему, весь, міръ не стоитъ этой вселюбящей души, которая ровнымъ свѣтомъ льется изъ глазъ ея...

Братъ Коля—любимецъ отца, всегда сидѣлъ подлѣ него, ломался, самодурствовалъ, супъ находилъ гадкимъ, требовалъ варенья и повелительно покрикивалъ на Личарду—въ немъ ужъ проглядывалъ нестерпимый себялюбецъ, убѣжденный, что міръ на него только и работаетъ. На высокомъ стуликѣ посаженъ былъ маленькій Ваня, хилый ребенокъ съ желтымъ, старческимъ личикомъ; только черные глазенки, какъ угольки, горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Какъ-то жалобно и неувѣренно глядѣлъ онъ, словно упрашивая: «ужъ вы молъ не трогайте меня. Я жилецъ у

васъ недолгій». Полгода, какъ захирѣлъ онъ, и докторъ ѣздитъ, а помощи никакой.

Возлѣ бабиньки умѣстилась Алёнушка и ластится къ ней такъ шаловливо, и пришептывая разсказываетъ что-то такъ серьёзно, убѣдительно; а то вдругъ подыметъ сѣренькіе глазенки и слушаетъ, о чемъ говорятъ большіе, да такъ осмысленно слушаетъ, точно повѣряетъ, правду ли это они говорятъ. Алёнушка прелесть! сознался Алёша. И какая она хорошенькая будетъ... точно цвѣточекъ... Смѣшно очень она на природу смотритъ,— припомнилось ему, какъ разъ она на дворѣ съ гусями споръ вела: топнетъ ножкой, погрозитъ и закричитъ: «говорятъ вамъ, не смѣйте разговаривать!» а они въ отвѣтъ ей гогочатъ дружнымъ, безтолковымъ хоромъ. Встрѣтивъ Алёшу, она со слезами пожаловалась на гусей...

— «Господи! да вѣдь тутъ у насъ своя, совсѣмъ особая и такая интересная жизнь! Какъ же это я не примѣчалъ ничего?»

Послѣ обѣда онъ поймалъ Алёнушку, расцѣловалъ ей глазки, носикъ, подбородокъ, ямочки на щечкахъ; дѣвочка, смѣясь и прыгая, старалась наклонить къ себѣ его голову.—«Нагнись, нагнись, я тебѣ секретъ скажу, большой! И прошептала ему на ухо: «я тебя люблю»...

— Ахъ, Алёнушка, какъ бы у насъ могло быть все хорошо и ладно!..

Психическій аппаратъ у Алёши былъ такъ устроенъ, что за чувствомъ, за мыслью тотчасъ же слѣдовало дѣло. Рѣшалъ онъ скоро и безповоротно. Теперь онъ рѣшилъ такъ: «вотъ мы въ угожденіе старой «чепухѣ» сунулись куда не слѣдовало, много напортили и себѣ, и бѣдной мамѣ, стало быть нужно дома все поправить. Кончено! и поправить это долженъ я!..» Однакожъ, дѣло, которымъ задался онъ, было нелегкое; передъ нимъ открывались новыя, невѣдомыя и сложныя людскія отношенія, требовалось многое сообразить и прежде всего выяснить собственныя недоразумѣнія. Чего именно добиваться, онъ не зналъ, но твердо зналъ, что дѣла семьи не могутъ и не должны оставаться въ такомъ уродливомъ видѣ. Онъ безсознательно подчинился общему закону прогрессирующей дѣятельности—начинать всегда съ отмѣны стараго.

Была весна,—этотъ, какъ говорятъ, праздникъ природы и кромѣшная мука учащагося юношества. Алёша, много-таки погулявшій и оглушенный внутреннею ломкой, сдавалъ экзаменъ кое-какъ, изъ трехъ предметовъ обрѣзался, но нисколько объ этомъ не тужилъ.

— Прахъ ихъ побери! отъ меня вѣдь это не уйдетъ, — все буду знать, и биномъ Ньютона, и крестовые походы—и всю эту кашу премудрости!.. Годъ потерять — не важность, когда есть дѣла посерьёзнѣе логики Кизеветтера...

— А ты не перешелъ, — хорошъ! попрекнулъ отецъ. Послѣднее время, братъ, совсѣмъ облѣнился.

— Нѣтъ, не облѣнился, спокойно и кротко отвѣтилъ сынъ; а много танцовалъ, изъ дома бѣгалъ... ужъ лучше бы лѣнился! Я сознаю, что виноватъ,—виноватъ больше, чѣмъ вы думаете. Мнѣ больно тяжело. Вѣдь кто не сознаетъ въ себѣ ничего скверная, тому легко живется: за то безсознательные бараны никогда не исправляются.

Алёша ждалъ продолженія разговора, но Петръ Иванычъ, внимательно взглянувъ на него, повернулся и вышелъ. Объ Алёшиной неудачѣ и помина больше не было.

Кашириновъ кончилъ курсъ блистательно. Собравшись съ своими стариками въ Любимовку, «правильный» счастливецъ зашелъ къ Слободину, приглашалъ его ѣхать вмѣстѣ. Алёша на отрѣзъ отказался.

— Ахъ, да! вспомнилъ Платонъ, вы какъ-то говорили, что къ вамъ бабушка пріѣхала. Извините, не смѣю отрывать! Бабушка въ домѣ—это благословеніе Божіе... Ужасно я люблю милыхъ сѣденькихъ старушекъ: у нихъ вѣчно бѣленькій чепецъ съ большими оборками, ридикюль, пасьянсъ, баловникъ-внучекъ, или внучка—и доброта, доброта безъ конца!.. Въ нихъ всегда есть что-то библейское, строгое, что выше земныхъ треволненій...

— Нѣтъ, моя бабушка простая старуха-баба,—съ намѣренною рѣзкостью замѣтилъ Алёша. Никакихъ чепчиковъ и пасьянсовъ не знаетъ; ходитъ въ волосникѣ, сама горохъ въ грядки сажаетъ; да коли правду сказать, она мнѣ вовсе и не бабушка, а такъ себѣ, добрая старуха. А библейскаго-то въ ней только и есть, что иной разъ святцы по складамъ разбираетъ. Мы вѣдь простые.

Кашириновъ съ снисходительною улыбкою выслушалъ и дрогнулъ плечомъ, будто желая выразить, что онъ въ этомъ не виноватъ.

— Такъ вы, пожалуйста, хоть послѣ пріѣзжайте, а то вѣдь такъ и не увидимся: изъ деревни я прямо въ Казань, въ университетъ.

— Что дѣлать-съ! такъ стало и не увидимся. Пріѣхать-то мнѣ никакъ нельзя.

— Ну, прощайте, другъ мой. Вижу, вы огорчены неудачей, не унывайте!

— Нисколько не огорченъ и не унываю. Лишній годъ просижу, а у меня впереди ихъ еще довольно.

— Помните же, что я говорилъ—всегда разсчитывайте на меня. Кто знаетъ будущее? Можетъ и доведется быть вамъ полезнымъ,—я за счастье почелъ бы это... Ну, храни васъ Богъ! Еще встрѣтимся—я вѣрю!

Они обнялись и разстались.

Алёшѣ потомъ ужъ и досадно стало, что такъ холодно обошелся. Вѣдь добрый онъ малый... только, нѣтъ—онъ *оттуда*, куда я больше ни ногой... Порвать всѣ путы надо, всѣ—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Скоро порвались и послѣднія путы: Косолаповы выѣзжали въ Петербургъ. Откупщикъ запасся залогами на милліонъ и ѣхалъ на торги, съ надеждою взять какую-нибудь болѣе прибыльную губернію, или даже столицу, и поселиться тамъ навсегда.

Въ день отъѣзда къ нимъ собралось много гостей—крупныхъ чиновниковъ и людей близкихъ, преданныхъ. Алёша пріѣхалъ съ отцемъ: онъ получилъ приглашеніе отъ Саши съ припискою бисернымъ женскимъ почеркомъ: «а если не хотите, то и не надо». Эта канальская приписка и подзадорила его: а вотъ на зло же ей поѣду! Наконецъ, вѣдь это ужъ въ послѣдній разъ куда ни шло!

Дѣло началось молебномъ напутственнымъ, а также о благоуспѣшеніи во всѣхъ путяхъ болярина Кирилла, о дарованіи успѣха и пріумноженія дому его. Все было въ порядкѣ: пѣвчіе пропѣли многолѣтіе, и затѣмъ послѣдовала закуска.

Конечно, эта закуска была цѣлый обѣдъ; шампанское лилось рѣкою; послѣ приличныхъ тостовъ кричали уру! и начались тосты уже неприличные—всякая мелкая сошка считала своею священною обязанностью подняться съ мѣста, и если отъ полноты души не обрѣтала словъ, то просто, ударяя въ грудь, восклицала: «Кирилла Егорычъ!» и какъ-то подленько ухмылялась, дескать: «Орудуй тамъ, а я помню твою благостыню, не забудь же ты меня, раба вѣрнаго!»

Алёша еще въ половинѣ молебна ушелъ въ комнату гувернера и усѣлся, перелистывая первую попавшуюся книгу. До него доносились крики развеселой компаніи и будили въ немъ ненавистную досаду на все, а больше всего на самого себя. «Эхъ, какая я дрянь! Ну, зачѣмъ сюда принесло? Улизнуть скорѣе, никто не замѣтитъ». Онъ поднялся въ зломъ раздумьи...

Вдругъ двери распахнулись, появилась Агата. Она была въ синемъ шерстяномъ дорожномъ платьѣ, плотно обливавшемъ ея

круглящуюся талію, черезъ плечо на ремешкѣ изящная сумочка. Обѣими руками держась за растворенныя половинки дверей, и остановясь за порогомъ, она сдѣлала движеніе впередъ одною только таліей. Поза ея была граціозна и плутовата—«вѣдь я не вошла къ тебѣ, не думай,—и также легко могу войти, какъ и убѣжать»...

— Что вы тутъ дѣлаете? Хорошъ, хорошъ! Не хотѣлъ даже и помолиться за меня...

— Молиться?.. да, тамъ не хотѣлъ... но это не за васъ было; за то я никогда не помолюсь... За васъ, Агата, у меня есть совсѣмъ другія молитвы... И я молюсь... Войдите сюда.

— Не хо-чу. Скажите, что съ вами? Какая муха васъ укусила?

— Войдите,—скажу все.

Она отрицательно тряхнула головой. Алёша сильно взялъ ее за руки и заставилъ сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ. Она была такъ поражена этимъ, что остановилась передъ нимъ съ покорно-опущенною головой и ожидающимъ взглядомъ. Онъ, не выпуская, развелъ ея руки и поцѣловалъ задрожавшія губы.

— Ты знаешь, хитрая, что я тебя люблю... и молюсь за тебя такъ: отними Господи у нея богатство, оно портитъ хорошихъ людей, а вѣдь ты моя хорошая... вотъ и все! Поняла?

— Право, Алёша, ты сталъ какой-то несообразный... и къ чему это о богатствѣ... развѣ не все равно!.. Полно, не зли меня въ послѣднюю минуту... Скажи лучше, ты меня скоро забудешь?

— Постараюсь! сказалъ онъ уже насмѣшливо.

— Э, и стараться не надо! Тебѣ легко, а мнѣ... Агата вдругъ заплакала. Не въ шестнадцать лѣтъ спокойно глядятъ въ заплаканныя глаза милой женщины... Двери затворились—и никто не видѣлъ ихъ дѣтскаго прощанья...

Черезъ нѣсколько секундъ Алёша былъ въ залѣ. Въ облакахъ табачнаго дыма, какъ тѣни, нетвердыми шагами сновали подвыпившіе гости. Горластое галдѣнье прерывалось взрывами нелѣпаго хохота. Нѣкоторые, какъ водится, уже обнимались; Мироносцевъ, въ послѣднее время часто жаловавшійся на головокруженія, погрузился въ мягкій диванъ, совсѣмъ осовѣлъ и хлопая губами, сосалъ погасшую трубку. Петръ Иванычъ, прищелкивая пальцами, подзадоривалъ старичка-казначея пройтись въ присядку. А лакеи съ подносами, на которыхъ звенѣли полные стаканы, все еще шныряли промежъ господъ, уже не пившихъ, а ливших шампанское на свои манишки и вицмундиры.

На эту картину Алёша взглянулъ уже безъ малѣйшаго негодованія; ему было смѣшно наблюдать рѣзвившихся старцевъ,—

и вдругъ ему померещилось, что за спиною каждаго изъ нихъ торчитъ какой-то фантастическій, дивообразный Финогенъ съ полштофомъ въ рукѣ и приговариваетъ: «важно! грабь робята!»...

Наконецъ, всѣ завѣтные отцовскіе обычаи при проводахъ строго выполнены; два дормеза и коляска поданы къ крыльцу; лошади тронули, послышалось металлически-звонкое: «до свиданья, Алёша»! Онъ стоялъ, опустивъ голову, и будто проснулся, когда услышалъ голосъ отца: «Алексѣй, домой!»

Полицеймейстеръ и особенно-ретивые господа поѣхали провожать благодѣтеля до первой станціи, но Петръ Иванычъ, запинавшійся на каждомъ словѣ, счелъ за лучшее войти домой. День былъ жаркій; Петръ Иванычъ шелъ безъ шляпы и все обмахивался платкомъ; Алёшѣ было какъ-то неловко и стыдно. На поворотѣ одной улицы отецъ остановился и сказалъ:

— Ну, Алексѣй, ты иди домой, а я... мнѣ нужно въ одно мѣсто тутъ... зайти къ прокурору... по дѣлу... Что ты глаза-то выпучилъ? Иди! а я послѣ... и повернулъ въ кривой переулокъ.

Какъ облитый холодною водой пошелъ Алёша своей дорогой... Прокуроръ жилъ совсѣмъ на другомъ концѣ города, а въ кривомъ переулкѣ домишки невзрачны, народъ живетъ сомнительный. И какое теперь у него можетъ быть дѣло? Ему одно—спать лечь поскорѣе.

И долго шелъ Алёша, не оглядываясь назадъ. Велико было искушеніе узнать отцовскую тайну,—стоило только обойти другой улицей, прибавить шагу и изъ-за угла непремѣнно увидишь, въ который домъ вошелъ онъ; однако Алёша этого не сдѣлалъ: «Подсматривать, шпіонить—фу, мерзость какая! И къ чему это? не все ли равно—Марья, Дарья... это глупо даже! И домой я не пойду: по лицу что-нибудь замѣтятъ, спрашивать станутъ». Съ такими мыслями прошелъ онъ къ рѣкѣ и долго сидѣлъ на пустомъ берегу, потомъ выкупался и часу въ шестомъ отправился домой.

Освѣженный купаньемъ и движеніемъ, онъ смотрѣлъ бодрѣе, а мысль его повернула совсѣмъ на другую, новую дорожку—и страстная жалость безпощадно обличитъ, укоритъ, возстановитъ святость долга,—показалась ему ребячествомъ... Онъ уже не негодовалъ, а жалѣлъ и искалъ оправданія... «Виноватъ ли онъ? спрашивалъ себя Алёша. Виноватъ ли я, что полюбилъ дѣвушку изъ такой семьи, которую по настоящему слѣдовало бы только ненавидѣть? Ни въ какомъ отношеніи она мнѣ неровня... а я полюбилъ,—и ни я самъ, и ни какой чортъ не заставитъ моё сердце биться ровнѣе и спокойнѣе при встрѣчѣ съ этою дѣ-

вушкой... неровня—вотъ въ этомъ и секретъ весь... Что же дѣлать. Не надо только портить жизнь другимъ... да вѣдь и своя испорчена... Какъ тутъ поправишь?!» Онъ смотрѣлъ на вещи все-таки съ идеальной точки зрѣнія и въ отношеніяхъ сердечныхъ не допускалъ ничего намѣренно-безчестнаго.

Сіялъ іюльскій безоблачный день, а въ домѣ Слободиныхъ была буря страшная, точно ураганъ налетѣлъ. Петръ Иванычъ съ утра былъ не въ духѣ, а когда Личарда подалъ ему какое-то письмо, занесенное неизвѣстною женщиной, то совѣтникъ заперся въ кабинетъ и даже въ палату не поѣхалъ.

Наталья Лаврентьевна, словно съ умысломъ, чтобы выманить дѣтей изъ комнатъ, расположилась въ саду варить варенье и заставила ихъ отбирать ягоды только-что созрѣвшей малины. Алёша лежалъ въ своей комнаткѣ мрачный и съ ядовитою досадой глядѣлъ на грязнаго Стультуса, который, свернувшись калачикомъ, спокойно храпѣлъ у ногъ его.

Еще рано утромъ знакомый Кубасовскій мужичокъ привелъ бѣднаго Стультуса и объявилъ, что старуха поклонъ прислала, а сынка на прошлой недѣлѣ схоронила,—помёръ сердешный... Вотъ и кобелька тоже прислала, такъ какъ онъ ей въ великъ-часъ наказывалъ, чтобъ, значитъ, безпремѣнно вамъ предоставить. — «Животное — ты можешь спать? А впрочемъ, Стультусъ пробѣжалъ пятьдесятъ верстъ и вѣрно пожрать было нечего!»

Въ кабинетѣ вдругъ что-то загремѣло, голосъ отца вскрикнулъ, потомъ послышался безпомощный женскій плачъ и какой-то неестественный хохотъ... Алёша бросился опрометью и встрѣтилъ въ залѣ Личарду блѣднаго и только-что отскочившаго отъ замочной скважины. Вѣрный слуга уже зналъ въ чемъ дѣло, и выведя Алёшу на крыльцо, осторожнымъ, отрывистымъ шепотомъ передалъ барину холопскимъ путемъ добытыя свѣдѣнія.

Дѣло было вотъ въ чемъ: утромъ Петръ Иванычъ нащупалъ у себя подъ подушкой какую-то дрянь, завернутую въ тряпицу и очень осерчалъ; барыня отказывалась долго, запиралась во всемъ, а потомъ расплакалась: «казни меня, говоритъ, мое это дѣло». Баринъ вспылилъ, крикнулъ: «это глупость и мерзость! — и выбрось изъ головы, такимъ дурачествомъ ты меня не приворожишь, а опостылѣешь въ конецъ!» — Потомъ пошло на счетъ письма, но тутъ, какъ кажется, Личарда многаго не понялъ и переврадъ. Онъ показывалъ, что сперва баринъ съ барыней заспорили отъ кого это письмо; баринъ утверждалъ, что это писалъ какой-ни-

будь мерзавецъ изъ палатскихъ, а барыня настаивала на своемъ, что опричь нѣмки, зубной докторши, некому написать такого паскудства. — Баринъ ей не вѣрилъ; она ссылалась на Ѳедора Ѳедорыча, ему хотѣла жаловаться... «Ну, такъ я пойду и обломаю ей руки-ноги, этой шельмѣ!» закричалъ онъ и хватилъ кулакомъ по столу. — Она давай его удерживать: «не срами ты меня, не позорь передъ добрыми людьми... Не перенесу я этого... пусть ее Богъ накажетъ».—«Ага, ты не хочешь? такъ стало быть все это правда?»—вскричалъ Петръ Иванычъ, а она на эти слова его какъ захохочетъ — и ужъ не слыхать было за ея хохотомъ, что говорилъ баринъ. Онъ, кажись, утихомирился, а она все хохочетъ, все хохочетъ. Таково страшно...

Выслушавъ разсказъ Личарды, Алёша воротился въ залу, какъ будто его кто по головѣ дубиной ошарашилъ. Въ кабинетѣ было тихо, онъ заглянулъ въ непритворенную дверь: отецъ сидѣлъ одинъ, упавъ лицомъ и руками на письменный столъ; матери уже не было. Сынъ вошелъ, притворилъ плотно за собою дверь и сѣлъ подлѣ отца, который не шевелился, ничего не слышалъ, не замѣчалъ. Алёша долго смотрѣлъ на него молча, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и шепталъ про себя: «бѣдный ты, бѣдный!..» трудно сказать, кто изъ нихъ больше страдалъ.

— Папенька... едва выговорилъ онъ.

— А! это ты... кроткимъ тономъ отозвался отецъ и поднялъ голову: на лицѣ его еще не высохли обильныя слезы. — Что голубчикъ?.. а дѣти гдѣ? спросилъ онъ какъ будто съ просонья.

Сынъ чувствовалъ, что вотъ еще немножко — и онъ потеряетъ послѣднія силы. Страшнаго усилія стоило ему выговорить:

— Папенька, вы должны насъ отпустить, — мы поѣдемъ къ дѣдушкѣ.

— Зачѣмъ, кто поѣдетъ?

— Мама поѣдетъ и я съ нею...

— Это, братъ, прихоти... а впрочемъ, пожалуй — съѣздите недѣльки на двѣ.

— Нѣтъ, ужъ коли ѣхать, такъ мы поѣдемъ навсегда... совсѣмъ...

— Какъ — навсегда?

— Будемъ жить у него и гораздо лучше... Онъ обижать насъ не станетъ. Оно и для васъ будетъ покойнѣе... Дѣти при васъ останутся...

— Пустяки какіе-то взбрели тебѣ въ голову, что ты?—что ты?

Петръ Иванычъ съ изумленіемъ и даже съ испугомъ вгляды-

вался въ лицо сына, говорившаго спокойно и увѣренно въ томъ, что говоритъ дѣло.

— Я обдумалъ это давно и сбирался сказать вамъ при случаѣ...

— Ну, какой это случай? — какой случай? — Вздоръ! маленькая... такъ... размолвка, вотъ и все! — Нельзя же вѣкъ прожить безъ непріятностей... ты еще этого не понимаешь.

— Понимаю, что размолвка — пустяки. Но прошу васъ, избавьте меня отъ объясненій... Я васъ очень люблю; вѣдь мнѣ и васъ жалко... а какъ уѣдемъ, для всѣхъ будетъ лучше. Мама этого желаетъ, я знаю... Вы будете свободны и она тоже, — чего же лучше!

— Перестань, сдѣлай милость! — нетерпѣливо остановилъ его отецъ. Какіе у тебя всегда сумасбродства въ головѣ!.. Ну, какъ это можно? Понимаешь-ли ты, что вѣдь мы... мужъ и жена, — и по закону должны жить вмѣстѣ, — это очень просто; — стало быть тутъ и разговаривать много нечего. — Да и какъ ты смѣешь, молокососъ? — Вотъ оно модное-то вольнодумство! Да въ мое время сынъ передъ отцомъ и сидѣть-то не смѣлъ, а не то что такъ разговаривать!

— Я пришелъ просить васъ... не о законѣ рѣчь... а что разговариваю съ вами о серьёзномъ дѣлѣ, то кажется это лучшее доказательство, что люблю васъ и уважаю; — а исполните мою просьбу, еще больше уважать васъ стану...

— Дружокъ ты мой, вѣдь и я ужасно тебя люблю... только вѣдь ты говоришь-то какъ мальчикъ;—ну съ чѣмъ это сообразно? Вѣдь всякій взрослый человѣкъ засмѣялся бы надъ тобой, да и меня обозвалъ бы дуракомъ, что слушаю тутъ тебя... ха—ха! — Да постой, постой, вотъ я тебя сейчасъ срѣжу... а если мать на это не согласится, что тогда?—обрадовался Петръ Иванычъ.— А я знаю, что она ни за какія блага не согласится... что же ты тогда?

— Тогда...

А вѣдь это возраженіе ему и въ голову не приходило... Зная мать, онъ глубоко почувствовалъ, что если захочетъ отецъ, она ни за что не согласится... Приливъ безсильной злости душилъ его—и разомъ бросивъ почтительный тонъ, онъ началъ запальчиво:

— Ну, такъ тѣмъ хуже для васъ!.. И собаку привязанную не бьютъ... И если только у насъ ничто не перемѣнится, я уйду... убѣгу, куда глаза глядятъ... Считаю подлостью оставаться и...

Отецъ поднялся медленно; взглядъ его не предвѣщалъ ничего добраго... Но въ эту минуту дверь растворилась, вбѣжала запыхавшись Катерина:

— Баринъ! У Ѳедора Ѳедорыча неладно... вахтеръ прибѣжалъ, сказываетъ, чуть ли не померъ... Кровь вдарила...

— Что ты говоришь? — Померъ? — Петръ Иванычъ остановилъ на ней застывшій, помутившійся взглядъ. — Прошло мгновеніе и лицевые мускулы его вдругъ задергались судорожно — въ нихъ отпечаталось усиліе выразить печаль приличную обстоятельствамъ—и какая-то торопливая, почти радостная забота...

Алёша насмѣшливо кашлянулъ.

— Туда, скорѣй туда!—гдѣ моя фуражка? суетился отецъ, и взглянувъ на сына съ откровенностью ничѣмъ несдержаннаго хищника, выбѣжалъ... Алёша не захотѣлъ комментировать этого взгляда, а онъ очень ясно кричалъ: «дуракъ ты, дуракъ — радуйся! — вѣдь мы теперь богаты»...

Оставшись одинъ, онъ поникъ головою и усмѣхаясь проговорилъ медленно:

— Бѣдная, старая каретная лошадь—и ты свалилась!.. Ну, что-жъ, отслужила—пора!.. А вотъ другіе-то, другіе, нежившіе—зачѣмъ умираютъ?—Впрочемъ и то благо, по крайней мѣрѣ, не успѣли влѣзть въ хомутъ и дожить до негодной клячи...

П. Альминскій.

АНГЛІЯ

ВЪ

КНИГѢ ТЭНА

Notes sur l'Angleterre, par H. Taine.

VI.*)

Познакомившись, въ самыхъ общихъ чертахъ, съ семейными нравами англичанъ, съ системой ихъ воспитанія, мы должны, прежде чѣмъ перейти къ ихъ общественнымъ нравамъ, къ ихъ политическому и соціальному порядкамъ, спросить еще: каковы ихъ религіозные нравы. Религія въ жизни народовъ играла да и продолжаетъ играть слишкомъ видную роль; ея вліяніе, болѣе или менѣе благотворное такъ значительно, что, представляя общую картину жизни какого-нибудь народа, писатель, да притомъ еще писатель-мыслитель, философъ, лишенъ возможности пройти молчаніемъ религіозныя вѣрованія описываемой страны и не упомянуть ни словомъ о силѣ, присущей духовенству.

Тэнъ не посвящаетъ въ своей книгѣ отдѣльной главы этому вопросу, но онъ нѣсколько разъ возвращается къ нему по тому или другому поводу, и нужно сказать, что все, что онъ говоритъ о религіи и религіозныхъ нравахъ Англіи, какъ нельзя болѣе неудовлетворительно. Прочитавъ страницы, относящіяся до религіозныхъ вѣрованій, трудно составить себѣ хотя даже приблизи-

*) См. выше: окт. 691 стр.

тельное понятіе о той роли, которую играетъ религія среди англійскаго народа. Нигдѣ индифферентизмъ Тэна не оказываетъ ему такой плохой услуги, какъ въ разсужденіяхъ, касающихся религіи. Съ одной стороны, онъ принадлежитъ къ категоріи свободныхъ мыслителей, съ другой—вездѣ и во всемъ онъ старается отыскать одно хорошее. Свободное мышленіе и ханжество дурно вяжутся между собою; свободный мыслитель не можетъ относиться сочувственно къ религіозному лицемѣрію, напускному святошеству, къ соблюденію обрядовъ, лишенныхъ всякаго содержанія; наконецъ, свободный мыслитель не можетъ восхищаться или даже мириться съ людьми, цѣлымъ обществомъ, которое само добровольно налагаетъ на себя обязательство не провѣрять разсудкомъ и не относиться критически къ тѣмъ религіознымъ предразсудкамъ, которые отжили давно свой вѣкъ. Между тѣмъ, Тэнъ именно стремится къ тому, чтобы въ этихъ предразсудкахъ, въ этомъ ограниченіи правъ разсудка, отыскать и указать симпатичныя стороны, и въ своемъ стремленіи доказать, что все обстоитъ не только благополучно, но даже превосходно въ наипревосходнѣйшемъ изъ всѣхъ міровъ, онъ заходитъ такъ далеко, что вовсе забываетъ объ отталкивающихъ сторонахъ религіозныхъ нравовъ Англіи. Если у него и вырываются иногда критическія замѣчанія, если онъ и рѣшается подъ-часъ произнести слово порицанія, то въ такой мягкой, деликатной формѣ, что можно получить самое превратное понятіе объ этой сторонѣ англійской жизни. Между тѣмъ, эта сторона далеко не красива, и нужно имѣть слишкомъ большое желаніе находить все прекраснымъ, чтобы даже изъ того немногаго, которое передаетъ Тэнъ, дѣлать такіе выводы, какіе дѣлаетъ онъ. Выводы эти были бы понятны, естественны, еслибы самъ Тэнъ не былъ свободнымъ мыслителемъ; не было бы ничего удивительнаго въ его преклоненіи передъ внѣшнею, обрядовою религіозностью англичанъ, еслибы Тэнъ въ вопросахъ религіи походилъ на такого писателя, какъ Монталамберъ, который точно также высоко ставитъ религіозные нравы Англіи. Но вѣдь Тэнъ и Монталамберъ стоятъ такъ далеко другъ отъ друга! Съ одной стороны, передъ нами горячо вѣрующій, убѣжденный католикъ, съ другой—почти язычникъ, ни во что не вѣрующій. Чѣмъ позволительно восторгаться одному, тѣмъ непозволительно увлекаться другому.

Каковы же выводы Тэна, какого мнѣнія держится онъ о религіозныхъ нравахъ Англіи? Вотъ что говоритъ онъ въ предпослѣдней главѣ своей книги: «Религія перестаетъ быть оффиціальною формулою, которую только повторяютъ, она переходитъ въ живое чувство, слившееся съ человѣкомъ. Чтобы убѣдиться

въ томъ, читателю стóитъ только посмотрѣть какъ въ письмахъ, біографіяхъ, поэмахъ, романахъ, во всемъ, чтó обнаруживается свободно и чтó нельзя заподозрить въ лицемѣріи, какъ отражаются всѣ мелкія событія текущей жизни... О доктринѣ можно спорить; передъ чувствомъ можно только преклоняться: оно прекрасно». Изъ этихъ словъ автора «Notes sur l'Angleterre», прямо слѣдуетъ сдѣлать заключеніе, что религія въ Англіи по преимуществу представляется дѣломъ чувства, чуждающагося всего формальнаго, враждебнаго внѣшней только религіозности. Но такъ ли на самомъ дѣлѣ и не вытекаетъ ли изъ того, чтó говоритъ самъ Тэнъ, нѣчто прямо противоположное этому послѣднему выводу? Оставляя его выводы въ сторонѣ, обратимся только къ тѣмъ чертамъ религіозныхъ нравовъ, на которыя онъ указываетъ въ своей книгѣ.

Большинство писателей, говорившихъ объ Англіи, сходились въ мнѣніи объ англійскомъ ханжествѣ, большинство было согласно, что религія въ Англіи обладаетъ по преимуществу чисто-внѣшнею силою, пользуется наружнымъ уваженіемъ, но отказывали ей въ великомъ нравственномъ значеніи среди этого народа. Внѣшняя же религіозность англійскаго народа не могла не поражать каждаго вступавшаго на англійскую почву. Внѣшняя религіозность бросалась и продолжаетъ бросаться въ глаза на улицѣ, въ семьѣ, въ школѣ, она даетъ себя чувствовать въ печати, литературѣ, какъ въ серьезныхъ сочиненіяхъ, такъ и въ романахъ.

На улицѣ эта внѣшняя религіозность бросается, правда, въ глаза всего одинъ разъ въ недѣлю. Нужно впрочемъ сказать, что еслибы вмѣсто одного воскресенья въ недѣлю было ихъ два, то нѣтъ сомнѣнія, что число случаевъ самоубійствъ необыкновенно поднялось бы. Даже и теперь при одномъ всего воскресеньи, по словамъ самого Тэна, послѣ часа воскресной прогулки по туманнымъ дождливымъ улицамъ Лондона, «получаешь спленъ и начинаешь понимать самоубійство». Кто въ самомъ дѣлѣ не знаетъ англійскаго воскресенья? Кто не бывалъ самъ, тотъ конечно читалъ о немъ и могъ себѣ составить достаточно полное о немъ понятіе. Улицы превращаются въ пустыни; лавки, магазины, рестораны, всѣ увеселительныя заведенія, все заперто; англичане, какъ тѣни, пробираются по улицамъ съ постными, вытянутыми въ два аршина лицами, каждый держитъ въ своихъ рукахъ «Prayer book» и каждый думаетъ про себя: Господи! какая скука, какая тоска! Людямъ нѣтъ выбора: или «церковь или кабакъ, или пьянство или проповѣдь». Въ церковь отправляется буржуа, чисто одѣтый, съ строгою и приличною физіономіею,

въ кабакъ стремится работникъ, замученный шестидневнымъ непосильнымъ трудомъ. Работать шесть дней въ недѣлю, работать безъ отдыха, неутомимо, чтобы обезпечить даже не завтрашній, а сегодняшній день, а затѣмъ седьмой сидѣть въ церкви и слушать все ту же проповѣдь—это не по силамъ работнику, и онъ избѣгаетъ церкви. Вотъ почему на улицѣ попадается столько полуоткрытыхъ кабаковъ, въ которые старается незамѣтно пробраться рабочій людъ, незамѣтно, потому что полиція преслѣдуетъ открытые кабаки въ воскресенье, правительство силою хочетъ сдѣлать народъ религіознымъ или по крайней мѣрѣ формально внѣшне-религіознымъ.

Какъ не согласиться въ самомъ дѣлѣ съ словами Стендаля, этого тонкаго, глубокаго, проницательнаго ума, приводимыми Тэномъ, что въ Англіи религія портитъ одинъ изъ семи дней и уничтожаетъ седьмую долю возможнаго счастья. Народъ не хочетъ этихъ постныхъ, томительно скучныхъ воскресеній; у него это единственный свободный день, ~~онъ хотѣлъ бы доставить себѣ~~ въ этотъ день удовольствіе, а ему то запрещаютъ. Поневолѣ онъ идетъ въ кабакъ. Сколько бы ни издавало правительство постановленій съ цѣлью воспретить въ этотъ день азартныя игры, вино,—оно ничего не добьется, потому что силою народъ нельзя сдѣлать религіознымъ. Да наконецъ, развѣ можно назвать это религіозностью, развѣ человѣкъ, отправляющійся вечеромъ въ театръ, днемъ въ музей, не можетъ быть столько же религіознымъ, какъ человѣкъ, корпящій цѣлый день надъ своимъ «Prayer book»? Въ Англіи большинство такъ-называемыхъ образованныхъ классовъ не можетъ постичь этой дѣтской мысли, и только «избранные», нѣсколько передовыхъ умовъ стараются, —къ сожалѣнію напрасно, истребить это ханжество, это недостойное лицемѣріе. Правительство же поддерживаетъ это лицемѣріе, оно оберегаетъ это ханжество, издавая такія прокламаціи, образецъ которыхъ приводитъ и Тэнъ въ своей книгѣ. Образецъ этотъ такъ поучителенъ, что его нельзя не повторить: «Мы, Викторія, королева, принимая во вниманіе, въ нашемъ строгомъ благочестіи, что наша неизбѣжная обязанность приказываетъ намъ заботиться прежде всего о томъ, чтобы поддержать и увеличить служеніе и почитаніе Всемогущаго Бога и обезсилить и уничтожить порокъ, развратъ и безнравственность... мы запрещаемъ симъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, какого бы состоянія и званія они ни были, играть въ день Господень въ кости, карты, или во всякую иную игру, въ публичныхъ заведеніяхъ или частныхъ жилищахъ, или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бы то ни было, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы при-

казываемъ всѣмъ и каждому изъ нихъ, присутствовать каждый день Господень съ почтеніемъ и приличіемъ на богослуженіи...» Вмѣстѣ съ этимъ повелѣвалось властямъ «принять всѣ мѣры, чтобы не допустить лицъ, содержащихъ кабаки или другіе публичные дома, продавать вино, пиво, всякіе другіе спиртные напитки, и чтобы они не смѣли принимать или оставлять въ своемъ заведеніи посѣтителей во время праздничнаго богослуженія».

Вотъ какими отеческими заботами правительство старается привить религіозность въ сердца народа, который естественно, въ силу именно этого, все болѣе и болѣе будетъ сторониться отъ навязываемой такимъ образомъ религіи. Оправдывать подобную систему казалось бы невозможнымъ; но Тэнъ какъ бы въ оправданіе подобныхъ принудительныхъ мѣръ приводитъ то обстоятельство, что темпераментъ англичанина, человѣка сѣвера, не тотъ, что француза, и человѣка юга, котораго вино только веселитъ, но не дѣлаетъ звѣремъ, какъ здѣсь. «Здѣсь, говоритъ онъ, темпераментъ другой, болѣе свирѣпый и воинствующій; удовольствіе заключаетъ въ себѣ что-то звѣрское и скотское, я могу привести двадцать примѣровъ». «Когда французъ пьянъ, мнѣ говорилъ одинъ англичанинъ, передаетъ Тэнъ, онъ болтаетъ; когда нѣмецъ—онъ спитъ; когда англичанинъ—онъ дерется». Быть можетъ это и остроумно, но во всякомъ случаѣ не подобными аргументами можно оправдывать искусственное ханжество, которое при помощи правительства создается среди народа.

Народъ же въ Англіи, выключая отсюда высшіе классы, аристократію, и средніе, буржуазію, которая гонится за первою, народъ въ дѣйствительности относится къ религіи съ большимъ индифферентизмомъ. Это признаетъ и Монталамберъ, который, восхваляя англійскую аристократію за религіозную ревность, говоритъ: «къ несчастью, что касается рабочихъ классовъ, и особенно въ городахъ, то тутъ вовсе иначе: среди этихъ классовъ господствуетъ индифферентизмъ и абсолютное невѣжество въ дѣлѣ религіи; тутъ индифферентизмъ и невѣжество въ дѣлѣ вѣры развились къ сожалѣнію въ такой же пропорціи, въ какой выросло населеніе». Того же мнѣнія держатся и другіе французскіе писатели, его высказываютъ и нѣмецкіе писатели, говоря о религіозномъ вопросѣ въ Англіи. Это же признаетъ и Тэнъ, когда говоритъ о тѣхъ классахъ общества, которые наполняютъ церкви. «Не народъ, говоритъ онъ, наполняетъ церкви». Итакъ, эта дѣланная чинность, эта неподдѣльная скука, это религіозное рвеніе, которое бросаются въ глаза на улицахъ въ Англіи; все это вовсе не доказываетъ, чтобы народъ былъ религіознымъ, все это

говоритъ только о томъ, что въ этой странѣ существуетъ внѣшняя, оффиціальная религіозность или вѣрнѣе не религіозность, а религіозное фарисейство, лицемѣріе.

Внѣшняя религіозность, бросающаяся въ глаза на улицѣ, сказывается также въ тѣхъ импровизованныхъ проповѣдникахъ, которые каждое воскресенье наполняютъ своими проповѣдями города свободной Англіи. Отправляйтесь въ любой паркъ между двѣнадцатью и четырьмя часами и вы можете быть увѣрены, что вы встрѣтите не одного человѣка съ открытою головою, съ библіею въ рукахъ, горячо проповѣдывающаго великія истины евангелія. Правда, эти истины порой искажаются, онѣ получаютъ въ устахъ проповѣдника тотъ смыслъ, то значеніе, котораго онѣ не имѣютъ, ради только того, чтобы сдѣлать ихъ орудіемъ своей секты, своихъ личныхъ воззрѣній, но что за бѣда! На уличныхъ проповѣдниковъ въ Англіи многіе и смотрятъ какъ на зло, но даже свобода болтать всякій вздоръ, какъ говоритъ Луи Бланъ по поводу этихъ проповѣдниковъ, имѣетъ хорошую сторону, такъ какъ въ цѣлой массѣ вздора этимъ ораторамъ случается подчасъ высказывать свѣтлыя мысли собравшемуся вокругъ ихъ кружку.

Тэну во время его путешествій по Англіи не разъ случалось встрѣчаться съ такими проповѣдниками; онъ слушалъ ихъ въ Лондонѣ въ Hyde-Park'ѣ, онъ видѣлъ ихъ въ деревняхъ, онъ встрѣчалъ ихъ на площадяхъ университетскихъ городовъ; одни съ библіею въ одной рукѣ, съ зонтикомъ въ другой передаютъ людямъ подчасъ благосклонно, подчасъ иронически, слушающимъ его, свои религіозныя идеи; другой, не чувствуя въ себѣ ораторскаго таланта, громко поетъ одинъ псаломъ за другимъ; третій громитъ порокъ, безвѣріе, развратъ современнаго общества; четвертый, и на этотъ разъ женщина, убѣждаетъ въ истинѣ религіозныхъ основъ своей секты. Никому не воспрещается собирать вокругъ себя кружокъ людей и убѣждать во всемъ, что ему нравится и что приходитъ только въ голову. Всякій воленъ проповѣдывать всѣ что ему угодно, власти не вступятся и не станутъ препятствовать распространенію тѣхъ или другихъ идей, какъ бы дики подчасъ онѣ ни были. «Я какъ нельзя болѣе одобряю такого рода сцены, высказываетъ Тэнъ: во-первыхъ, онѣ даютъ выходъ сильнымъ страстямъ, сильнымъ убѣжденіямъ, которыя, не имѣя такого выхода, превратились бы въ сумасшествіе, меланхолію или повели бы къ возмущенію; во-вторыхъ, онѣ нравственны и могутъ имѣть хорошее вліяніе на иную совѣсть; въ-третьихъ, онѣ освѣжаютъ въ обыкновенной публикѣ мысль, что существуютъ высокія идеи, серьезныя вѣрованія, искренно ревнивыя души; люди слиш-

комъ склонны думать, прибавляетъ Тэнъ, что равнодушіе и развлеченія — это цѣль жизни». Но можно ли, спрашивается, вывести какое-нибудь заключеніе о религіозности англійскаго народа изъ того факта, что подобные уличные проповѣдники по всей Англіи собираютъ вокругъ себя слушателей? Конечно, нѣтъ; фактъ этотъ доказываетъ только одно, что одинъ изъ семи дней въ недѣлю, какъ говоритъ замѣчательно талантливый авторъ одного изъ лучшихъ французскихъ романовъ: «Rouge et Noir», испорченъ, и что людямъ въ этотъ день нечего дѣлать; они слоняются какъ тѣни изъ одного парка въ другой, и ради бездѣлья и скуки прислушиваются къ импровизованнымъ проповѣдникамъ. Откройте въ этотъ день музеи, картинныя галлереи, и въ особенности трактиры и кабаки, и этимъ ораторамъ останется только одно утѣшеніе — прислушиваться къ звукамъ своего собственнаго голоса, пустынно-раздающагося въ паркахъ и садахъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на то, что англійскій народъ отличается индифферентизмомъ въ дѣлѣ религіи, Англія еще въ самое послѣднее время была свидѣтельницею такихъ грубыхъ религіозныхъ столкновеній, которыя Европа старается изгладить изъ своей памяти. Еще никто не забылъ тѣхъ страшныхъ сценъ, которыя происходили какихъ-нибудь десять лѣтъ назадъ въ Лондонѣ, когда масса народа въ сто тысячъ человѣкъ билась на жизнь и на смерть, когда люди бросались другъ на друга какъ разъяренные звѣри, нанося смертельные удары съ криками на одной сторонѣ: да здравствуетъ папа! съ криками на другой: да здравствуетъ Гарибальди! Луи Бланъ въ одномъ изъ своихъ «Писемъ объ Англіи» описываетъ то побоище, которое происходило въ лондонскомъ Гайдъ-Паркѣ по поводу пріѣзда Гарибальди въ столицу Англіи. Его пріѣздъ послужилъ поводомъ къ религіозной дракѣ между католиками-ирландцами и протестантами-англичанами. Но если католики-ирландцы дрались на смерть, думая защищать дѣло религіи, то протестанты-англичане дрались, защищая не религію, а свою свободу выражать свое сочувствіе тому или другому человѣку. Вражда между католиками и протестантами дѣйствительно чрезвычайно сильна, но и она все-таки не можетъ служить доказательствомъ религіозности англійскаго народа. Подкладка этой вражды чисто политическаго свойства, и если подобныя сцены, какія происходили въ Лондонѣ, объяснялись нѣкоторыми писателями въ пользу религіозности, то гораздо справедливѣе и основательнѣе объяснять ихъ такъ, какъ объясняетъ Луи Бланъ, когда отвѣчаетъ на вопросъ: гдѣ причина такого возмутительнаго зрѣлища? Почему оно возможно въ Англіи,

и еще въ ея центрѣ умственномъ и матеріальномъ — Лондонѣ? «Почему? говоритъ онъ,—потому что, по всей вѣроятности, наша хваленая цивилизація не покончила еще съ демономъ религіозныхъ войнъ; потому что велико еще число тѣхъ идіотовъ, которые смотрятъ, какъ на святое дѣло, на истребленіе своихъ ближнихъ въ угоду Богу; потому что звѣрство есть дочь невѣжества, а невѣжество порождается суевѣріемъ, потому что папство находитъ себѣ въ Лондонѣ представителей въ толпѣ одичалыхъ ирландцевъ, которые даже въ тѣхъ притонахъ, гдѣ копошатся населенія, составляютъ подонки этихъ подонокъ».

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что, говоря о религіи англійскаго народа, необходимо понимать слова «англійскій народъ» въ тѣсномъ смыслѣ, исключая изъ этого понятія, само собою разумѣется, ирландцевъ и даже шотландцевъ. Если среди англійскаго народа въ тѣсномъ смыслѣ господствуетъ индифферентизмъ, то того же нельзя сказать о шотландцахъ, среди которыхъ религія играетъ болѣе крупную роль, и тѣмъ менѣе про ирландцевъ, которые въ дѣлѣ религіи являются фанатиками католицизма. Католицизмъ силенъ въ Ирландіи, какъ силенъ онъ среди всѣхъ тѣхъ народовъ, которые потеряли свою самостоятельность, свою политическую независимость. Въ этомъ отношеніи Ирландія и Польша родныя сестры; какъ тутъ, такъ и тамъ, сильный католицизмъ наноситъ роковой ударъ послѣднимъ средствамъ народа, отодвигая его отъ настоящаго и будущаго, и приближая къ прошедшему. Католицизмъ Ирландіи такъ силенъ, что онъ не только считаетъ для себя возможнымъ вести оборонительную войну съ англійскимъ протестантизмомъ, но онъ объявилъ ему войну наступательную, и давно уже раздаются радостные возгласы ревностныхъ католиковъ, впередъ торжествующихъ побѣду католицизма надъ протестантизмомъ. «Католицизмъ идетъ побѣдоносно впередъ въ самой Англіи, съ радостію восклицаетъ Монталамберъ, онъ пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ и новыхъ адептовъ среди англичанъ, и быть можетъ настаетъ часъ, когда Англія, какъ блудный сынъ, возвратится въ лоно единой православной Англіи». Монталамберъ напоминаетъ, что въ продолженіе тысячи лѣтъ Англія была страною католическою, что все славное прошедшее Англіи, которымъ каждый англичанинъ вправѣ гордиться, принадлежитъ тому періоду, когда католицизмъ охранялъ эту страну, что всѣ ея «чтимыя учрежденія, самыя популярныя и самыя чистыя славы примыкаютъ къ католицизму. Присяжные, парламентъ, университеты существуютъ съ того времени, когда Англія была покорною дочерью римскаго двора. Католическіе бароны вырвали у короля Іоанна

великую хартію...» Сколько основаній, чтобъ католицизмъ снова сдѣлался господствующею религіею въ Англіи! Не одни только ревностные католическіе писатели говорятъ объ успѣхахъ католицизма въ Англіи; этотъ успѣхъ подтверждается и такими либеральными писателями какъ Луи Бланъ, который даетъ предостереженіе протестантамъ, говоря: «остерегайтесь, католицизмъ около васъ и пользуется каждой вашей ошибкой!» Какъ же можно было бы объяснить относительный успѣхъ католицизма въ Англіи? Однимъ только. Народъ, т.-е. низшіе классы относятся къ религіознымъ вопросамъ безразлично; средніе же и высшіе классы относятся къ религіи сухо, формально. Протестантизмъ силенъ, благодаря присущему ему духу свободной критики, свободнаго изслѣдованія. Отнимите послѣднее, и протестантизмъ, нѣсколько сухой и холодный, долженъ окостенѣть. Формальное же отношеніе къ религіи поощряетъ ограниченіе свободнаго изслѣдованія, къ которому стремятся силы англиканскаго духовенства. Средніе и высшіе классы охотно поддаются этому давленію и само общество добровольно, безъ принужденія, безъ цензуры налагаетъ цѣпи на критику, свободное изслѣдованіе. Дѣло доходитъ до того, что писатели опасаются свободно высказывать свое мнѣніе въ вопросахъ религіозныхъ, опасаются подъ угрозой отлученія, произносимаго не церковью, въ чемъ не было бы въ Англіи особенной бѣды, — а отлученія, произносимаго самимъ обществомъ.

Въ Англіи, въ этой странѣ свободныхъ нравовъ и широкихъ политическихъ правъ, гдѣ каждый имѣетъ право думать, говорить и писать все, что ему угодно, и по всѣмъ вопросамъ,—религіозная нетерпимость не правительства, а самого общества, такъ сильна, что въ дѣйствительности писатель не имѣетъ права высказываться свободно въ религіозномъ вопросѣ. Онъ долженъ сдерживать себя на каждомъ шагу. И благо еще, если бы эта нетерпимость была результатомъ сильной до фанатизма религіозности, тогда бы она находила себѣ объясненіе, а то она является результатомъ англійской чинности и религіознаго формализма. Авторъ «Писемъ объ Англіи», имѣвшій такъ много времени для изученія жизни англійскаго общества, разсуждая о его религіозной нетерпимости, между прочимъ говоритъ: «Протестантская Англія, мнѣ тяжело въ этомъ сознаться, нуждается въ томъ, чтобы ей дѣлались предостереженія. Пусть пораздумаютъ протестанты, ихъ дѣло связано съ свободою совѣсти и со всѣми другими родами свободы, связано славнымъ договоромъ, но настолько же ненарушимымъ, насколько и славнымъ. Имъ нельзя его нарушить подъ угрозою самоубійства; имъ нельзя связывать свободу совѣсти и мысли подъ

угрозой уничтожить одну изъ самыхъ благородныхъ характеристическихъ чертъ». И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «для протестантовъ истинный способъ бороться съ Римомъ, это оставаться вѣрными своему принципу — свободному изслѣдованію; представлять собою начало, въ силу котораго умъ человѣческій развивается и стремится къ новымъ, все болѣе и болѣе свѣтлымъ горизонтамъ, и всегда помнить мощныя слова Мюнцера: «Мало еще кричать постоянно: «вѣра, вѣра!» и наполнять этимъ словомъ огромные тома. Имѣть вѣру, это работать на освобожденіе человѣчества!»

Тэнъ, говоря объ англійской религіозности, вовсе не касается этого вопроса, вопроса весьма важнаго — о нетерпимости, и даже напротивъ, какъ бы съ одобреніемъ говоритъ о томъ, что «три четверти журналовъ и книгъ съ тономъ убѣжденія нападаютъ на французскій скептицизмъ и нѣмецкое невѣріе, т.-е. ересь, которая отрицаетъ, и ересь, которая утверждаетъ». Тэну нравится тотъ религіозный формализмъ, который онъ встрѣчаетъ у среднихъ и высшихъ классовъ англійскаго общества; самъ будучи свободнымъ мыслителемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ утомленный постоянными религіозными сомнѣніями, пресыщенный французскимъ скептицизмомъ, онъ, не особенно заботясь о томъ, чтобы торжествовала истина, отчасти быть можетъ смущаемый вѣчнымъ, до сихъ поръ неразрѣшеннымъ вопросомъ: гдѣ истина? успокоивается на формальной религіозности, успокоивается отсутствіемъ пытливости, отсутствіемъ всякаго сомнѣнія. Онъ смотритъ на англійское общество и думаетъ: безъ сомнѣній живется спокойнѣе; а такъ какъ спокойствіе — это все въ жизни, то ему и нравится религія англичанъ, не терпящая никакого сомнѣнія. Все должно дѣлаться у англичанъ по заведенному порядку, и религія должна подчиняться общему правилу. Религія занимаетъ у англичанъ средняго и высшаго общества извѣстное, строго опредѣленное мѣсто, они привыкли къ нему и не желаютъ измѣнять заведеннаго порядка. Какое же мѣсто принадлежитъ религіи среди англійскаго общества? Какъ слагается религіозность англичанина, принадлежащаго къ среднему или высшему общественному слою.

Возьмемъ прежде всего семью. Съ той минуты, когда ребенокъ начинаетъ только понимать, онъ уже видитъ, что религія составляетъ одинъ изъ необходимыхъ элементовъ обыденной жизни. Съ тѣхъ поръ, что онъ себя помнитъ, онъ помнитъ также, какъ каждый день передъ завтракомъ, обѣдомъ, глава семейства, прежде чѣмъ всѣ сядутъ за столъ, произноситъ громко небольшую молитву, которую всѣ члены выслушиваютъ съ благоговѣніемъ. Онъ

видитъ, какъ каждое воскресенье всѣ члены семьи, одѣвъ праздничныя платья и вооружившись молитвенникомъ, чинно отправляются въ церковь, затѣмъ по возвращеніи глава семейства беретъ библію и читаетъ вслухъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ въ религіозныхъ размышленіяхъ и чтеніи священныхъ книгъ, семья снова отправляется въ церковь и по возвращеніи предается тѣмъ же занятіямъ. Вечеромъ вся семья, гости, если они случаются, вся прислуга, тихо, безмолвно, въ порядкѣ, со строгими, сосредоточенными лицами, отгоняя отъ себя всякую мірскую думу, собираются въ залу, и тутъ хозяинъ дома прочитываетъ небольшую проповѣдь, затѣмъ молитву, всѣ становятся на колѣни, глава семьи произноситъ «Pater», всѣ присутствующіе вторятъ ему, затѣмъ также чинно, въ такомъ же порядкѣ и также безмолвно всѣ возвращаются къ себѣ. Ничто не способно нарушить разъ установленнаго порядка, одно воскресенье похоже на другое, никакое отклоненіе, никакое отступленіе не допускается. Обычай такимъ образомъ проводить одинъ день въ недѣлю, посвященный молитвѣ, но не отдыху, глубоко врѣзывается въ память ребенка, и когда онъ самъ становится взрослымъ, онъ не можетъ уже отстать отъ заведеннаго порядка: привычка вторая натура. Кругомъ себя онъ видитъ то же самое. Онъ видитъ, что въ воскресенье кругомъ все вымираетъ, что суматоха, лихорадочная дѣятельность прекращается, онъ видитъ, что всѣ кругомъ его посвящаютъ день воскресный религіи. Обѣдъ подается холодный, прислуга увольняется отъ своихъ обязанностей, каждый служитъ себѣ самъ. «На каждомъ шагу, говоритъ Тэнъ, встрѣчаешь библейскія черты; напр., въ воскресенье журналы не выходятъ, за исключеніемъ одного поѣзда, желѣзныя дороги не двигаются; въ Шотландіи, герцогиня, которая желала ѣхать къ своей умирающей матери, не могла за деньги получить экстреннаго поѣзда.»

Въ семьѣ мальчикъ не услышитъ никогда никакихъ разговоровъ съ критическимъ оттѣнкомъ о религіи и ея обрядахъ, и не услышитъ не потому, чтобы дѣтскій умъ оберегали отъ такихъ разговоровъ, а оттого, что такихъ разговоровъ никогда не бываетъ. Такой разговоръ шокировалъ бы англійскій умъ. Переходя въ школу, онъ видитъ ту же строгую формальную религію, отправляемую по всѣмъ установленнымъ правиламъ. Англичанинъ не станетъ молиться въ неположенный часъ, англичанинъ не прибѣгнетъ къ молитвѣ, къ Богу, въ тяжелую, критическую минуту, нѣтъ; для молитвы опредѣленъ день, часы, и этотъ день и эти часы строго соблюдаются. Въ другихъ странахъ люди молятся и молятся горячо по большей части въ трудныя минуты,

набѣгаютъ ли онѣ въ воскресенье, въ среду или другой день. У англичанъ не такъ. Молиться въ среду или пятницу! какъ можно! Религія строгая, формальная, не допускаетъ человѣка до большой близости къ Богу. Въ школѣ какъ и въ семьѣ господствуетъ религія опредѣленныхъ часовъ, опредѣленныхъ правилъ. Въ университетахъ каждое утро всѣ студенты должны собраться въ церковь на небольшую молитву, и тутъ не допускается никакихъ исключеній изъ правилъ. Всякій свободный разговоръ о религіи изгнанъ и строго преслѣдуется, не закономъ разумѣется, не страхомъ уголовнаго преслѣдованія,— онъ изгнанъ общественнымъ мнѣніемъ. Поэтому большая часть молодыхъ людей религіозны, даже тѣ, умъ которыхъ пробужденъ, въ дѣлѣ вѣры не имѣютъ никакихъ сомнѣній: «то, что у насъ правило, замѣчаетъ Тэнъ, то у нихъ исключеніе; въ церкви они поютъ совершенно серьезно и отъ всего сердца.» Ту же строгую, холодную, формальную религію человѣкъ встрѣчаетъ и въ церкви, куда онъ отправляется аккуратно каждое воскресенье. Самый внѣшній видъ англійской церкви поражаетъ своею суровостью; тутъ вы не встрѣтите никакихъ украшеній; простыя деревянныя скамьи, гладкія стѣны, скромный алтарь; всякая роскошь изгнана отсюда. Чинно являются сюда люди, чинно сидятъ, слушаютъ чинныя проповѣди, прослушавъ которыя убѣждаешься, какъ замѣчаетъ Тэнъ, что «общія мѣста не надоѣдаютъ англичанамъ.» Англійскій пасторъ мало заботится о томъ, чтобы тронуть сердца своихъ слушателей, нѣтъ, онъ произноситъ спокойно, холодно свою проповѣдь, наполненную нравственными сентенціями, которыя могутъ служить для будничной жизни. Онъ мало походитъ на тѣхъ проповѣдниковъ, которые встрѣчаются, напр., во Франціи, проповѣдниковъ, старающихся огнемъ, страстью дѣйствовать на чувства своей паствы. Тутъ рѣчи повторяются изъ воскресенья въ воскресенье, скроенные по одному образцу, и притомъ еще часто дурно прочтенные. «Трудъ каждаго изъ англійскихъ проповѣдниковъ, передаетъ Луи Бланъ, сводится большею частью къ чтенію и даже не того, что́ написано ими, а что́ написано другими. Это напоминаетъ мнѣ, зло прибавляетъ авторъ, одинъ изъ хорошо знакомыхъ анекдотовъ въ корреспонденціи Грима. Пиронъ подъ старость сдѣлался, подобно дьяволу, нѣсколько отшельникомъ. Въ качествѣ обращеннаго онъ дѣлаетъ визитъ парижскому архіепископу, который, увидѣвъ его, вскричалъ:—Это вы monsieur Piron! Читали ли вы мое послѣднее посланіе? — Нѣтъ, monseigneur, а вы?...» Этотъ анекдотъ Луи Бланъ примѣняетъ къ англійскимъ проповѣдникамъ, которыхъ точно также можно спросить, читали

ли они свои проповѣди. «Вѣрно одно, продолжаетъ Луи Бланъ, это то, что каждую субботу можно встрѣтить въ библіотекѣ британскаго музея, всю населенную мертвыми проповѣдниками, множество проповѣдниковъ живыхъ. Зачѣмъ они сюда приходятъ? Меньшее на что они должны были бы быть способны—это хорошо читать, и чтобы ихъ голосъ или манера говорить не портила написаннаго».

Такого рода проповѣди совершенно отвѣчаютъ религіознымъ вкусамъ англичанъ, ихъ строгому, но формальному пониманію религіи, которая является необходимой приправой въ жизни. Серьезность, холодность, практичность они вносятъ въ религію, какъ вносятъ во всѣ остальныя проявленія жизни. Внѣ семьи, внѣ школы, внѣ церкви, въ литературѣ, прессѣ, религія точно также охраняется строго общественнымъ мнѣніемъ, которое становится на дыбы тотчасъ, какъ затрогивается религіозный вопросъ. Какъ строги англичане въ вопросахъ нравственности, такъ строги они и въ вопросахъ религіозныхъ. Если такія книги, какъ «Physiologie du Mariage» Бальзака, изгоняются изъ англійскаго общества, и появившись тамъ произвели бы страшное смятеніе и вызвали бы неукротимую бурю негодованія, точно также англійское общество не терпитъ, напр., такой книги, какъ «Vie de Jésus» Ренана, которая шокируетъ ихъ религіозный формализмъ. Тэнъ въ своей книгѣ приводитъ одно характерное мѣсто изъ одного изъ лучшихъ англійскихъ журналовъ, «Edinburgh Review», которое и я приведу въ свою очередь: «Умственная трусость—это единственный родъ подлости, который сдѣлается общимъ въ этой странѣ; большая часть писателей заражены боязнью и опасеніемъ по поводу тенденцій ихъ книгъ. Общественныя кары, налагаемыя на мнѣнія не совсѣмъ «ортодоксальныя», такъ строги и такъ неумолимо примѣняются, что философская критика и наука лепечутъ у насъ очень часто двусмысленнымъ шопотомъ то, что должно было бы быть высказано громко». Этой слабости не чужды самые замѣчательные писатели, міровые авторитеты, невольно преклоняющіеся передъ требованіями лицемѣрнаго въ дѣлѣ религіи англійскаго общества. Какъ не позволяютъ себѣ англичане даже между собою разсуждать о незаконныхъ любовныхъ отношеніяхъ, о всемъ, что въ этомъ отношеніи выходитъ изъ будничной жизни, точно также, говоря о религіи, они принимаютъ немедленно суровый видъ, и избави Богъ, если кто-нибудь позволитъ себѣ высказать нѣсколько свободное мнѣніе, такое, какое на континентѣ высказывается каждый день, въ несравненно болѣе рѣзкой формѣ, въ печати, въ простыхъ разговорахъ, и не только происходящихъ

съ глаза на глазъ, но въ многолюдномъ обществѣ. Такой разговоръ въ Англіи невозможенъ.

Такая внѣшняя строгость, такое фарисейство въ Англіи явилось, очевидно, какъ реакція противъ той религіозной распущенности, которая всего сто лѣтъ тому назадъ заставила Монтескье въ его «Notes sur l'Angleterre» написать слѣдующее: «Въ Англіи нѣтъ вовсе религіи; четыре или пять человѣкъ изъ Нижней Палаты присутствуютъ при службѣ и проповѣди, за исключеніемъ торжественныхъ случаевъ, когда всѣ собираются очень рано. Если кто-нибудь заговоритъ о религіи, то всѣ начинаютъ смѣяться. Одинъ господинъ, сказавшій при мнѣ: «Я вѣрю этому какъ догмату вѣры» — вызвалъ общій хохотъ». Если такое легкое отношеніе къ религіи достойно порицанія, то не менѣе достойно порицанія то лицемѣрное уваженіе къ религіи, которое обнаруживаютъ англичане нашихъ дней, уваженіе, сказывающееся въ нравственномъ гоненіи на произведенія свободной мысли, на результаты научныхъ изслѣдованій. Я называю это лицемѣрнымъ уваженіемъ потому, что истинное уваженіе къ религіи выражается напротивъ въ томъ, что критикѣ, изслѣдованію предоставляется широкое поле. Тотъ кто уважаетъ религію, тотъ не долженъ бояться нападковъ на нее, въ какой бы формѣ они ни проявлялись. Англичане забываютъ, что если религія сама можетъ быть преслѣдуема и даже крѣпнетъ въ преслѣдованіяхъ, какъ окрѣпло христіанство, то преслѣдовать въ свою очередь нападающихъ на нее противно ея духу, ея достоинству. Да и что выигрываетъ отъ этихъ преслѣдованій оффиціальная религія въ Англіи? Какъ на примѣръ, можно указать на то, чему Англія была свидѣтельницей нѣсколько лѣтъ назадъ. Появилась книга подъ названіемъ «Essays and Reviews», собраніе статей различныхъ авторовъ, статей, посвященныхъ Библіи. Книга эта, когда появилась, едва была замѣчена, но нашлась небольшая кучка людей, которые напали на эту книгу, доказывая, что она оскорбляетъ народныя вѣрованія и т. п. Нападеніе распространилось, сдѣлалось общимъ, съ высоты священныхъ каѳедръ раздалось проклятіе этой книгѣ, и результатомъ этого гоненія было то, что книга эта въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ выдержала девять изданій, одно за другимъ. Вотъ когда по истинѣ можно было сказать: «имѣющіе уши да слышатъ.» Къ несчастью тѣ, которые должны видѣть и слышать, слишкомъ часто бываютъ и слѣпы и глухи къ подобнымъ примѣрамъ.

Такимъ образомъ, религіозная атмосфера, въ которой живетъ англичанинъ, представляется тщательно, хотя и не герметически

тивъ сильнаго, она первая возвысила женщину, внося въ бракъ, по выраженію Гнейста, больше нравственнаго начала. Она же первая, по словамъ того же автора, «создала благотворительность по отношенію къ бѣдному». Церковь наконецъ въ лицѣ ея представителей вліяла на правосудіе, на торговлю, на политическія дѣла. Бывали цѣлые длинные періоды, когда церковь, духовенство точно утрачивали свое вліяніе, когда духовенство, «политическій инструментъ въ рукахъ королей и партій», какъ выражается Ледрю-Ролленъ, будто бы ступевывалось, но въ концѣ концовъ англійское духовенство все-таки осталось самымъ могущественнымъ и обладающимъ наибольшимъ политическимъ вліяніемъ духовенствомъ въ цѣлой Европѣ.

Его могущество, его вліяніе обезпечиваются тѣмъ огромнымъ богатствомъ, которымъ располагаетъ англійское духовенство, имѣющее своихъ представителей въ палатѣ лордовъ. Доходы англійскаго духовенства простираются до весьма солидной цифры, шестидесяти милліоновъ рублей, распредѣленныхъ весьма неравномѣрно между его членами. Въ англійскомъ духовенствѣ то же, что и въ свѣтскомъ англійскомъ обществѣ — между богатыми и бѣдными, между знатными и незнатными лежитъ глубокая бездна. «Личный составъ англійской церкви раздѣляется на два класса, пишетъ авторъ «De la décadence de l'Angleterre»: духовенство пассивное, которое, ничего не дѣлая, получаетъ огромные доходы и бросаетъ нѣсколько крохъ дѣйствительно служащимъ священникамъ; духовенство активное, обремененное семьями и прозябающее въ положеніи близкомъ къ нищетѣ. Съ одной стороны, прелаты, такіе какъ кентербэрійскій, получаютъ болѣе трехъ милліоновъ доходовъ, такіе какъ прелаты Дублина, Hawkins'a, Cashel'я, оставляющіе послѣ своей смерти наслѣдство въ 3,950,000 фр., въ 6,250,000 фр., въ 10,000,000 фр., и съ другой служители, дѣти которыхъ, слишкомъ гордые, чтобы выучиться какому-нибудь ремеслу, наполняютъ города ворами, бродягами и публичными женщинами. Капиталъ постоянно восходитъ къ высшимъ сферамъ; это торговцы, два раза выгнанные изъ храма Іисусомъ Христомъ, Лютеромъ, и которые снова вошли въ него, болѣе жадные чѣмъ когда-нибудь».

Тэнъ, который весьма высоко ставитъ англійское духовенство, точно также указываетъ на это рѣзкое различіе въ экономическомъ положеніи служителей церкви, но по своему обыкновенію онъ только указываетъ на фактъ, не квалифицируя его и не дѣлая изъ него никакихъ выводовъ. Онъ заноситъ только въ свою книгу такія краснорѣчивыя цифры. Епископъ

лондонскій имѣетъ 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ; одинъ изъ двухъ архіепископовъ имѣетъ 15 тыс. фунт. стерл. Чтобы показать различіе между однимъ приходомъ и другимъ, онъ приводитъ такія цифры: въ одномъ служитель церкви получаетъ 80 фунт., въ другомъ 10,000 фр. стерл.; но если въ экономическомъ отношеніи существуетъ огромное различіе между членами англійскаго духовенства, то въ отношеніи образованія, нравственнаго развитія, различія этого почти не существуетъ. Бо́льшая часть духовенства проходитъ черезъ университетское образованіе, такъ что духовное образованіе не вытѣсняетъ собою свѣтскаго. «Что касается до нравовъ и до внѣшней жизни, то эти нравы и внѣшняя жизнь тѣ же, которыя встрѣчаются у джентльмена, обладающаго средствами, если только достаточенъ «living», или если духовное лицо имѣетъ само состояніе; помимо того женщина вноситъ всегда извѣстный комфортъ и веселіе въ домъ, гдѣ она хозяйка. Многіе изъ нихъ имѣютъ лошадей, карету, нѣсколько человѣкъ прислуги... Такимъ образомъ, по ихъ идеямъ, нравамъ, образованію, по ихъ образу жизни, иногда даже по ихъ состоянію и ихъ рожденію, они могутъ идти рядомъ съ мѣстною аристократіею. Это не мужики, дурно очищенные семинаріею, напитанные обветшалою теологіею, отчужденные отъ міра ихъ положеніемъ, ихъ безбрачною жизнію, ихъ незнаніемъ обычаевъ, но это родные, ровные, люди одного круга...» Такимъ образомъ поставленная, жизнь духовенства привлекаетъ къ себѣ весьма многихъ, просто какъ выгодная карьера, и потому въ Англіи, какъ извѣстно, вошло въ обычай, что младшіе члены аристократическихъ семей избираютъ духовное поприще. Надежда получить хорошее содержаніе, почести, дѣлаютъ эту карьеру весьма заманчивою; но если много званныхъ, то не много избранныхъ. Избранными являются въ большинствѣ случаевъ люди съ аристократическими именами. Масса же англійскаго духовенства, стоящая довольно высоко по образованію, стоитъ весьма низко по своему экономическому положенію, которое въ концѣ концовъ играетъ главную роль въ Англіи. Но именно это-то обстоятельство и приближаетъ его къ народу. Низшее духовенство дѣлаетъ много для образованія народа, путемъ благотворительности оно приходитъ къ нему на помощь, въ то время, когда высшее духовенство совершенно игнорируетъ то, что́ зовется народомъ. Но за то низшее духовенство и не имѣетъ силы, не имѣетъ значенія. Высшее англійское духовенство, подражая въ этомъ случаѣ англійской аристократіи, только того человѣка считаетъ за члена своей паствы, который, по выраженію одного нѣмецкаго писа-

теля, «ходитъ въ тонкомъ сукнѣ, имѣетъ библію и молитвенникъ въ золотомъ обрѣзѣ и платитъ возможно бо́льшую цѣну за свое воскресное мѣсто въ церкви». Религія должна дорого стоить англичанину, такъ какъ англійское правило гласитъ: «за что ничего не заплачено, то ничего не сто́итъ».

Аристократическое начало вездѣ нетерпимо, вездѣ оно крѣпко держится за традиціи и неохотно поддается вліянію новыхъ идей. Отъ этого общаго начала не отступаетъ и высшее англійское духовенство; при томъ общемъ расположеніи, которое существуетъ въ англійскомъ обществѣ къ религіозной нетерпимости, церковь, въ лицѣ ея представителей изъ высшаго духовенства, нанесла бы тяжелый ударъ свободному изслѣдованію въ вопросахъ религіозныхъ, если бы англійская оффиціальная церковь не раздѣлялась собственно на три вѣтви: на аристократическую, которая зовется High Church, церковь, которая держится строго обрядовъ, церемоній; на болѣе народную, или какъ называетъ ее, Тэнъ, болѣе страстную, Low Church; и наконецъ, на Broad-Church, которая держится несравненно болѣе широкихъ воззрѣній, которая наиболѣе склонна соглашать вѣру и науку. Какъ ни узко понимается въ англійскомъ обществѣ свободная форма, свободное изслѣдованіе въ предметахъ вѣры, религіи, но и тутъ въ послѣднее время сдѣланъ значительный успѣхъ, тотъ успѣхъ медленный, но прочный, которымъ отличается Англія. «Современный духъ проникаетъ тоже посредствомъ геологіи и естественной исторіи, къ которой англичанинъ чувствовалъ всегда большую способность, черезъ опытную психологію, которой онъ всегда занимался. Въ самомъ дѣлѣ, англичанинъ любитъ доказанные факты, внутреннie или внѣшніе, факты неоспоримые и такіе, которые каждый во всякое время можетъ испытать на самомъ себѣ или внѣ себя. Изъ подобнаго расположенія могутъ рождаться теоріи и даже философія, теорія Лайэля, Гекслея, Дарвина, Тиндаля, философія Герберта Спенсера и Стюарта Милля. Такой вкусъ, если онъ становится преобладающимъ, ведетъ умъ къ какой-нибудь изъ формъ позитивизма; и дѣйствительно, подъ различными формами, и въ особенности среди ученыхъ, позитивизмъ не составляетъ уже здѣсь болѣе рѣдкости».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ духъ изслѣдованія, духъ позитивизма, проникающій въ англійское общество, будетъ распространяться все дальше и дальше и вытѣснитъ понемногу то лицемѣріе, то фарисейство, которыми оно такъ страдаетъ. Въ отношеніи религіозной Англіи остается сдѣлать еще весьма мно-

гое, чтобы стать на ту же высоту, на которой она стоитъ въ отношеніи своихъ общественныхъ нравовъ, общественныхъ учрежденій, взятыхъ со стороны политической, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

VII.

Предъ нами самая свѣтлая и завидная сторона англійской жизни—ея политическіе нравы, ея общественныя традиціи. Этими нравами, этими традиціями держится нравственное величіе англійскаго народа, не пріобрѣтаемое никакими побѣдами, какъ бы громки и славны онѣ ни были, никакими завоеваніями. Общественное право Англіи—это тотъ философскій камень въ политической жизни народовъ, который такъ тщетно до сихъ поръ отыскиваютъ другіе народы континентальной Европы. Въ сферѣ семейной жизни, въ сферѣ воспитанія, религіи, мы видѣли много несимпатичнаго, отталкивающаго, подчасъ уродливаго. Среди другихъ народовъ, подобныя уродливости были бы невыносимы, составляли бы истинное бѣдствіе, здѣсь же всѣ такія угловатости, шероховатости, уродливости сглаживаются, стушевываются, становятся несравненно менѣе чувствительны, благодаря именно глубоко вкоренившимся свободнымъ политическимъ нравамъ жизни. Понятно каждому, что въ отношеніи политическихъ нравовъ, Англія можетъ и должна служить образцомъ для всѣхъ другихъ народовъ. Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что довольно давно она и служитъ образцомъ европейскимъ странамъ, бѣда только въ томъ, что образецъ этотъ ужъ слишкомъ туго перенимается. Для другихъ народовъ въ немъ есть что-то неуловимое, недосягаемое. Отчего же, спрашивается, политическія права Англіи не даются другимъ народамъ, отчего то дерево, которое такъ здорово принялось здѣсь и пустило такіе мощные, богатые корни, не принимается въ континентальной Европѣ. Мало-мальски удовлетворительнаго отвѣта добиться крайне мудрено. Одни утверждаютъ, что дерево это способно произрастать и давать вкусные и дорогіе плоды только на англійской почвѣ, что въ другихъ государствахъ климатъ для него неподходящій и потому каждый разъ, что его пробовали пересадить, оно, вмѣсто того, чтобы расти себѣ да расти, вмѣсто того, чтобы съ каждымъ часомъ и днемъ крѣпнуть въ своемъ корнѣ и богатѣть своими вѣтвями, начинало почти немедленно чахнуть, тосковать, пока окончательно не пропадало, не подгнивало въ своемъ основаніи, и пока, наконецъ, слабо треснувши, не валилось на землю какъ бездыханный трупъ. Другіе утвержда-

ютъ, что все это сущій вздоръ, что почва континентальной Европы какъ нельзя болѣе пригодна для завѣтнаго дерева, что оно отлично бы принялось и разрослось по всей Европѣ, если бы ночью, среди мрака и тьмы къ нему не подползали бы какіе-то червяки и не подтачивали бы его корня. Одни поэтому говорятъ: бросьте напрасный трудъ, напрасныя усилія, у васъ не можетъ жить то дерево, на которое вы съ дѣтскою завистью смотрите въ Англіи! другіе же утверждаютъ: продолжайте трудиться, не бросайте начатой работы, приставьте къ дереву только бдительную стражу, которая отгоняла бы отъ дерева назойливыхъ червяковъ! До сихъ поръ оказывается на дѣлѣ, что гораздо легче кричать: отгоняйте червяковъ! чѣмъ отогнать ихъ на самомъ дѣлѣ. Они освоились и расплодились въ западной Европѣ. Но какъ бы то ни было, принялось дерево или нѣтъ, можетъ приняться или не можетъ, во всякомъ случаѣ оно давно уже служитъ тѣмъ кумиромъ, которому покланяются европейскіе народы.

Въ чемъ угодно можно винить литературу, эту представительницу, какъ говорятъ, общественнаго мнѣнія, но только не въ томъ, что она мало дѣлала для пересажденія на европейскую почву заколдованнаго дерева, на которое Англія, повидимому, взяла себѣ привилегію. Въ нѣмецкой, французской и даже одно время въ русской литературѣ, политическіе нравы, учрежденія Англіи воспѣвались и восхвалялись на всевозможные лады. Оно и не удивительно. Къ Англіи всегда обращались всѣ утопающіе въ бурѣхъ политической жизни, въ Англіи искали и находили себѣ убѣжище люди всѣхъ націй, виновные только въ томъ, что болѣе горячо желали блага своей родины и болѣе искренно высказывались о тѣхъ средствахъ, которыми это благо могло бы по ихъ мнѣнію быть достигнуто. Французы, итальянцы, нѣмцы съ давнихъ поръ привыкли смотрѣть на Англію, какъ на храмъ, въ которомъ они находили защиту, и порогъ котораго не смѣли переступать ихъ гонители. Чувство благодарности сначала, чувство уваженія впослѣдствіи, дѣлали то, что заставляли представителей литературы преклоняться передъ нравственнымъ величіемъ, передъ свободною политическою жизнью англійскаго народа. Никто такъ много не пользовался англійскимъ политическимъ гостепріимствомъ, какъ французы, потому что нигдѣ теченіе спокойной политической жизни такъ часто не прерывалось политическими бурями, выбрасывавшими на англійскій берегъ побѣжденныхъ той или другой партіи. Эти побѣжденные посвящали свои досуги изученію этой страны, всегда съ конечною цѣлію найти въ ней поученіе для своего собственнаго народа. Почти послѣ каждаго

политическаго переворота во Франціи, англійскія учрежденія, англійскіе политическіе нравы привлекали къ себѣ взоры французскихъ писателей, охотно забывавшихъ недостатки и думавшихъ только о выгодныхъ сторонахъ политической Англіи. Изъ всѣхъ французскихъ писателей только одинъ съ горечью и съ какою-то тайною, скрытою завистью нападаетъ на политическую жизнь Англіи, это Ледрю-Ролленъ, всѣ же другіе, нападая подчасъ на другія сферы народной жизни, безусловно преклоняются передъ политическою Англіею. Тэнъ въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія изъ общаго правила.

Первый вопросъ, которымъ обыкновенно задаются, когда рѣчь идетъ о политической жизни Англіи, это вопросъ: политическіе ли нравы Англіи создали ея политическія учрежденія, или наоборотъ эти послѣднія образовали первыя? Вопросъ, нужно сказать, совершенно безплодный, безплодный уже потому, что онъ неразрѣшимъ. На него даютъ тотъ или другой отвѣтъ, смотря потому, что для кого выгоднѣе. Тѣ, которые не знаютъ водворенія англійскихъ учрежденій, непремѣнно говорятъ: да, англійскія учрежденія хороши, спора нѣтъ, но хороши не для насъ, онѣ могутъ существовать только тамъ, гдѣ права политическія сложились подобно англійскимъ. Тѣ же, которые желаютъ перенести къ себѣ англійскія учрежденія, непремѣнно отвѣчаютъ: это неправда; дайте учрежденія, подобныя англійскимъ, и вы получите соотвѣтствующія имъ права. И такъ безъ конца. Каждый остается при своемъ мнѣніи. Этимъ же вопросомъ задается и Тэнъ. Проводя почти постоянно въ цѣлой книгѣ параллель между Англіею и Франціею и пораженный тѣмъ, что конституціонныя учрежденія не прививаются въ послѣдней, онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ тѣмъ основамъ, на которыхъ стоитъ крѣпкое зданіе англійской конституціи. Англійскія учрежденія прочны, высказываетъ онъ, потому что онѣ поддерживаются цѣлымъ строемъ англійской жизни; этого строя нѣтъ во Франціи и потому всѣ попытки перенести англійскія учрежденія оказывались до сихъ поръ безплодными. «Уже восемьдесятъ лѣтъ, пишетъ Тэнъ, какъ наши публицисты безъ толку разсуждаютъ о конституціяхъ; я знаю весьма замѣчательныхъ писателей, которые желаютъ перенести къ намъ Англію или Соединенные Штаты, и требуютъ всего два года, чтобы пріучить націю къ новому порядку. Одинъ изъ нихъ мнѣ говорилъ: «Это локомотивъ, нужно только снабдить его водою, и онъ тотчасъ замѣнитъ дилижансъ». Дѣйствительно, почти вся Европа перепробовала англійскую систему, болѣе или менѣе умѣренную монархію, нижнюю и верхнюю палату, выборы и т. д.

Посмотрите на смѣшной результатъ такой пробы въ Греціи, на жалкій—въ Испаніи, на хрупкій — во Франціи, невѣрный—въ Австріи и въ Италіи, недостаточный—въ Пруссіи и Германіи, счастливый—въ Голландіи, въ Бельгіи и въ Скандинавскихъ государствахъ. Мало еще перенести локомотивъ, нужно еще, чтобы была дорога, по которой онъ могъ двигаться... Строеніе государства, это нѣчто органическое, какъ строеніе живого тѣла, оно принадлежитъ только ему; другое тѣло не можетъ его себѣ пріурочить, копировать можно только внѣшность. Подъ учрежденіями, хартіями, писаннымъ правомъ, оффиціальнымъ альманахомъ, лежатъ еще идеи, привычки, характеръ, положеніе общественныхъ слоевъ, ихъ взаимное положеніе, ихъ взаимныя чувства, однимъ словомъ, мотокъ, развѣтвляющійся глубокими невидимыми корнями подъ видимымъ стволомъ и листьями. Эти корни питаютъ и поддерживаютъ дерево. Посадите дерево безъ корней, оно будетъ чахнуть и упадетъ при первомъ ураганѣ.

Одна изъ главныхъ причинъ прочности учрежденій Англіи, заключается, по мнѣнію Тэна, въ томъ, что англичане имѣютъ своихъ «естественныхъ представителей». Что же такое этотъ «естественный представитель»? какъ называетъ его Тэнъ. Въ каждой общинѣ, въ каждомъ графствѣ живутъ люди, вокругъ которыхъ собирается все, что есть болѣе значительнаго по образованію, уму, богатству въ цѣлой мѣстности. Эти люди дѣлаются волей-неволей какъ бы представителями этой мѣстности, къ нимъ всѣ имѣютъ довѣріе, они работаютъ для этой мѣстности, они становятся во главѣ полезныхъ учрежденій, школъ, пріютовъ, различныхъ благотворительныхъ заведеній. Между этими лицами и цѣлымъ населеніемъ мѣстности не только не существуетъ вражды, но самая тѣсная связь, тутъ нѣтъ того, что существуетъ во Франціи, гдѣ «буржуа и работникъ, мужикъ и дворянинъ живутъ въ несогласіи и недовѣріи другъ къ другу, гдѣ блуза и фракъ сталкиваются со злобою и досадою, гдѣ главою является чиновникъ, чуждый, временной, которому оказываютъ внѣшнее повиновеніе, но не внутреннее уваженіе, и котораго выносятъ, но не принимаютъ». Въ Англіи же главою извѣстной мѣстности является ея «естественный представитель», котораго всѣ отлично знаютъ и уважаютъ и подчиняются нравственно, потому что всѣ увѣрены, что онъ, зная потребности извѣстной мѣстности, рѣшитъ тотъ или другой вопросъ, какъ ему кажется лучше и лучше не для себя, а для края. Тэнъ, насмотрѣвшись на порядокъ избранія народныхъ представителей во Франціи, да еще во времена второй имперіи, очевидно, относится съ предпочтеніемъ къ англійской системѣ,

и противъ французской системы suffrage universel'я, при которой крестьянъ тысячами гнали въ избирательной урнѣ, говоря: вотируйте за N, вотируйте за X! Крестьяне и вотировали, говоря въ своемъ невѣжествѣ и непониманіи собственныхъ интересовъ: все равно—одинъ или другой!

При такой системѣ правительство, очевидно, не можетъ быть прочнымъ. Довольно поворота общественнаго мнѣнія, довольно уличной схватки, чтобы сбросить одно правительство и замѣнить его другимъ. Толпа крестьянъ опять направится къ избирательной урнѣ и еще разъ повторитъ: все равно, тотъ или этотъ кандидатъ, одно правительство стóитъ другого. Сравнивая французскую политическую систему съ англійской, у Тэна вырывается такое печальное сознаніе: «Такимъ образомъ, всѣ наши учрежденія, республика, имперія, монархія представляются временными, подобными большимъ декораціямъ, которыя одна за другою занимаютъ пустую сцену, чтобы исчезнуть или при случаѣ снова появиться. Мы смотримъ съ какимъ-то равнодушіемъ на то, какъ онѣ то подымаются, то опускаются. Насъ безпокоитъ шумъ, пыль, непріятныя физіономіи клакёровъ; но мы подчиняемся, потому что намъ ничего болѣе не остается дѣлать. Каковы бы ни были наши оффиціальные представители, какъ бы мы ни получили ихъ, случаемъ или черезъ выборы, общественная воля не спаивается прочно съ ихъ волею. Они не являются нашими истинными и дѣйствительными представителями, и наше общество не выноситъ лучшихъ; оставимъ этихъ, чтобы не имѣть еще худшихъ. Высшій классъ не можетъ поставить ихъ, такъ какъ у насъ завистливое равенство принимаетъ богатыхъ и дворянъ не иначе какъ хмурясь...» Въ этихъ словахъ заключается быть можетъ безсознательное, но едва ли не самое рѣшительное осужденіе индифферентизма, который такъ любезенъ самому автору. Очевидно, если слова эти справедливы, а къ несчастью онѣ слишкомъ справедливы, то вина за эту жалкую смѣну учрежденій должна въ значительной степени падать на тѣхъ, кто «съ какимъ-то равнодушіемъ» смотритъ, какъ подымаются и опускаются декораціи, о которыхъ говоритъ Тэнъ. Равнодушными людьми порядокъ, основанный на всяческой неправдѣ, поддерживается быть можетъ болѣе, нежели его жаркими сторонниками.

Не такъ дѣлается въ такой странѣ какъ Англія. Здѣсь человѣкъ не относится равнодушно къ общественнымъ дѣламъ, здѣсь, какъ говоритъ Монталамберъ, въ плоть и кровь вошла аксіома, что общественное дѣло Англіи есть частное дѣло каждаго англичанина: «the public business of England is the private bu-

siness of every Englishman»; вотъ девизъ той системы, которая такъ удачно названа «самоуправленіемъ». Люди, интересуясь общественными дѣлами, выбираютъ своими представителями людей, которыхъ они знаютъ, которымъ вполнѣ довѣряютъ, людей, которые какъ бы предназначены быть народными представителями. Тэну нравится нѣсколько аристократическій характеръ англійскаго представительства, и онъ противопоставляетъ его французскому, но французскому—императорскому. «Каждый приходъ или округъ, говоритъ Тэнъ, нѣсколько идеализируя англійское представительство, знаетъ своихъ представителей; работникъ съумѣетъ отличить ихъ также легко какъ образованный человѣкъ. Они—точно пять или шесть большихъ деревьевъ въ мѣстности, узнаваемыхъ по ихъ росту и объему; всѣ, до дѣтей, отдыхали подъ ихъ тѣнью и пользовались ихъ присутствіемъ. За недостаткомъ просвѣщенія и пониманія, интересъ, привычка, уваженіе и часто благодарность, были бы достаточны, чтобы привлечь къ нимъ голоса; самое прочное вліяніе—это вліяніе традиціи, чувства, инстинкта; привязанность—это самая крѣпкая связь. Естественные представители впередъ указаны для управленія страною, и въ этомъ отношеніи письменная подача голосовъ или черезъ поднятіе рукъ только подтверждаетъ молчаливое одобреніе. Даже во времена «гнилыхъ мѣстечекъ» парламентъ выражалъ собою общественную волю. Онъ выражаетъ ее и въ настоящее время, хотя число избирателей довольно ограничено... Главное, продолжаетъ Тэнъ, это одобреніе общественное. Подающіе голосъ или неподающіе, работникъ и shop-keeper желаютъ имѣть своимъ представителемъ человѣка, принадлежащаго къ высшему классу...» Съ послѣднимъ пожалуй можно и не согласиться. Въ послѣдніе годы, особенно послѣ недавней избирательной реформы, стремленіе рабочихъ классовъ проводить своихъ собственныхъ кандидатовъ, лучше понимающихъ ихъ интересы и принимающихъ ближе къ сердцу ихъ судьбу, стало обрисовываться все больше и больше. Починъ сдѣланъ, и трудно сомнѣваться, чтобы усилія рабочихъ классовъ имѣть въ парламентѣ «своихъ» депутатовъ не увѣнчались успѣхомъ. Тэнъ, говоря о системѣ англійскаго представительства, проходитъ молчаніемъ невыгодныя его стороны: дороговизну выборовъ, еще недавнюю продажность ихъ, но онъ правъ, правъ безусловно, выставляя на видъ рѣзкую, характерную, самую существенную черту англійскаго представительства, заключающуюся въ томъ, что англійскій парламентъ, это—единственный изъ европейскихъ парламентовъ, который заключаетъ въ себѣ столько мощи, что онъ является дѣйствительнымъ охранителемъ народныхъ правъ,

народной свободы и никогда не потерпитъ узурпаціи своихъ правъ. Воля англійскаго парламента, и только его воля, составляетъ законъ, потому что силу свою онъ черпаетъ въ обществѣ, въ народѣ, который всегда готовъ поддержать его и нравственно и физически, если бы возможно было представить себѣ случай враждебнаго столкновенія между парламентомъ и королевскою властью.

Но, въ сущности, что такое парламентъ? Это собраніе нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, которыхъ, собственно говоря, во всякое время, при помощи отряда здоровыхъ солдатъ можно разогнать, связать, сослать и т. п., однимъ словомъ, можно сдѣлать все то, что не разъ практиковалось въ исторіи континентальной Европы. Отчего же сложилось мнѣніе, что англійскій парламентъ непоколебимъ, что онъ неприступенъ, также неприступенъ, если не болѣе, чѣмъ Гибралтаръ. Неприступность его кроется не въ законахъ, не въ писанномъ правѣ, не въ «листѣ бумаги», неприступность его кроется въ политическихъ нравахъ страны. Англійскій парламентъ силенъ потому, что за нимъ стоитъ цѣлая нація, которая не допуститъ, чтобы съ ея представителями учинено было какое-нибудь насиліе. Пусть попробуютъ отмѣнить въ Англіи свободу печати, свободу собраній, право личной свободы, право соединяться въ то или другое общество, право вести пропаганду въ томъ или другомъ направленіи, тогда тотчасъ разгорится война, въ которой стороною мятежною будетъ правительство, а стороною права, закона цѣлый народъ. Свобода Англіи лежитъ въ глубокомъ сознаніи и пониманіи народомъ своихъ правъ и обязанностей, и это сознаніе, это пониманіе создалось не однимъ какимъ-нибудь предписаніемъ, закономъ, нѣтъ, оно вытекаетъ именно изъ тѣхъ нравовъ, которыми такъ рѣзко отличается общественная жизнь Англіи отъ жизни всѣхъ другихъ европейскихъ странъ. Чтобы сдѣлать понятнымъ, въ чемъ заключаются эти нравы, для этого стóитъ только сдѣлать самый общій обзоръ тому, изъ чего слагается политическая жизнь Англіи.

Бóльшая часть сочиненій объ Англіи посвящается именно Англіи политической. Исходнымъ вопросомъ служитъ вопросъ о формѣ правленія, вопросъ, который въ сущности не имѣетъ особеннаго значенія. Форма правленія Англіи—это конституціонная монархія. Но если есть какое-нибудь слово, которое значило бы подчасъ такъ много, подчасъ такъ мало, такъ это именно: конституціонная монархія. XIX-ый вѣкъ можетъ требовать себѣ привилегіи на извращенія смысла словъ, придуманныхъ человѣчествомъ для опредѣленія того или другого понятія. Слова въ наше

время потеряли присущее имъ значеніе, или вѣрнѣе люди нашли выгоднымъ—самыя различныя понятія, вещи, порядки называть однимъ и тѣмъ же словомъ. Откройте любой изъ календарей или альманаховъ прошлаго или третьяго года, и вы непремѣнно встрѣтите подъ рубриками «Франція, Пруссія, Англія» такое опредѣленіе политической формы правленія: монархія конституціонная. Но что̀ выражаетъ собою это наименованіе во всѣхъ трехъ странахъ? Одно ли то же или нѣчто совершенно противоположное? Всякій, сколько-нибудь знакомый съ политическою жизнію европейскихъ государствъ, отвѣтитъ на этотъ вопросъ, нимало не задумываясь: помилуйте, между ними нѣтъ никакого сходства, и если Пруссію, гдѣ Бисмаркъ въ продолженіи многихъ лѣтъ считалъ возможнымъ управлять безъ парламента и даже наперекоръ его волѣ, гдѣ корона все и парламентъ ничего, гдѣ представители народные—это восковыя фигурки въ рукахъ непреклоннаго и упрямаго князя, умѣющаго прекрасно лѣпить и придавать какія ему угодно выраженія; если Францію, во времена имперіи, когда законодательный корпусъ состоялъ въ огромномъ большинствѣ изъ услужливыхъ и покорныхъ лакеевъ, когда парламентъ можно было разогнать даже безъ всякаго усилія, если, однимъ словомъ, вы эти страны называете конституціонными монархіями, то смилуйтесь и не называйте Англію, въ которой парламентъ властвуетъ и высоко держитъ въ рукахъ знамя своей независимости отъ короны, точно также конституціонною монархіею. Слова давно потеряли смыслъ, а между тѣмъ есть еще много людей, много писателей живущихъ заднимъ числомъ, которые словамъ придаютъ слишкомъ большое значеніе. Называйся Англія республикой, нѣтъ сомнѣнія, что одинъ изъ минутныхъ боговъ Франціи Ледрю-Роленъ не обрушилъ бы такъ свирѣпо своихъ громовъ, какъ онъ это дѣлаетъ въ своей книгѣ: «De la décadence de l'Angleterre», на англійскую конституціонную монархію.

Нужно установить разъ навсегда, что слова ровно ничего не значатъ: пусть называютъ какъ угодно извѣстную форму правленія, монархіей, деспотіею, республикой, лишь бы существо ея было таково, чтобы эта форма правленія удовлетворяла возможно широкимъ образомъ народнымъ потребностямъ. Во Франціи въ данную минуту существуетъ такъ-называемая «консервативная республика», въ Англіи «конституціонная монархія», но гдѣ болѣе удовлетворяются народныя потребности, во Франціи или въ Англіи? Сомнѣнія нѣтъ, что въ послѣдней. Тьеръ конечно несравненно болѣе воплощаетъ въ себѣ монархическій принципъ власти, чѣмъ Викторія, хотя Тьеръ зовется президентомъ французской респуб-

лики, а Викторія—королевой Великобританіи. Еще Монтескье болѣе чѣмъ сто лѣтъ тому говорилъ: «Англія въ настоящее время самая свободная изъ всѣхъ странъ въ свѣтѣ, не исключая ни одной республики; я называю ее свободною, потому что король не имѣетъ власти причинить какой бы то ни было вредъ кому бы то ни было, по простой причинѣ, что его власть контролируется и ограничена актомъ». Безсиліе королевской власти въ Англіи совершенно мирится,—и именно можетъ быть по причинѣ этого безсилія,—съ большимъ уваженіемъ къ лицу, занимающему тронъ. Нигдѣ можетъ быть королевская власть не сохранится такъ долго какъ въ Англіи, потому что нигдѣ королевская власть такъ не вошла въ нравы страны. Монталамберъ какъ нельзя болѣе рельефно выставляетъ на видъ эту особенность англійскихъ политическихъ нравовъ, особенность, заключающуюся въ большомъ внѣшнемъ уваженіи, любви къ королю, королевѣ, королевскому дому и вмѣстѣ съ тѣмъ сокращенія до minimum'а королевской власти въ управленіи страною. «Англія, пишетъ Монталамберъ, усвоила въ средніе вѣка, какъ и вся Европа, религіозный и феодальный характеръ королевской власти; эту терминологію она добросовѣстно сохранила и до настоящаго времени. Тамъ и только тамъ можно еще слышать, какъ во времена королевы Елизаветы, выраженія: *штаты королевы, армія королевы, корабли королевы;* тамъ только можно слышать, что самое высшее судилище зовется *скамьей королевы;* что спокойствіе въ улицахъ переводится словами *миръ королевы,* что самая палата коммонеровъ, дѣйствительная властительница страны, именуетъ себя въ своихъ адрессахъ къ коронѣ: ваши вѣрныя общины. Никто не думаетъ отказываться, продолжаетъ Монталамберъ,—припоминая эпоху Луи-Филиппа,—какъ то дѣлали наши депутаты лѣвой стороны, а именно, назваться подданными, обращаясь въ своемъ адрессѣ къ королевской власти; но никто за то не рѣшится пожертвовать ей своимъ достоинствомъ, своею совѣстью или своимъ добрымъ именемъ. «Англичане не скупятся на выраженія своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, они не боятся выражать громкими заявленіями свое уваженіе и любовь къ королевской власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ они дали бы рѣзкій отпоръ, если бы кому-нибудь захотѣлось воспользоваться подобными заявленіями въ ущербъ народнымъ правамъ, если бы кто-нибудь захотѣлъ снова наполнить содержаніемъ, сдѣлавшіяся пустыми, старыя формы: «Въ то время, когда въ другихъ странахъ легисты и теологи, говоритъ Монталамберъ, выводятъ изъ этихъ историческихъ формулъ всю теорію божественнаго права и королевскаго всемогущества, въ Англіи здравый смыслъ и спра-

ведливость низвели ихъ до простыхъ фикцій, сохраняемыхъ изъ уваженія къ прошедшему, которое оставило въ наслѣдство великія блага и отъ памяти котораго никто не желаетъ отрекаться. Англичане оставили королевской власти внѣшній почетъ, блескъ власти, сущность же ея удержали за собою. Это во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ ублажать себя словами или позволять обманывать себя прекрасными теоріями, сущность которыхъ ускользаетъ изъ рукъ, теоріями, мирящимися на практикѣ съ самыми возмутительными злоупотребленіями». Нельзя не согласиться съ авторомъ «De l'avenir politique de l'Angleterre», что англійская система, заставляющая министра, гордаго ли аристократа или пламеннаго либерала, преклонять колѣно передъ королевой, но вмѣстѣ дающая ему право напоминать королевской власти границы ея власти и условія ея существованія, много лучше политической системы, существующей въ другихъ европейскихъ государствахъ, системы не требующей колѣнопреклоненія, но за то и не допускающей никакихъ напоминовеній объ обязанностяхъ королевской власти. Въ Англіи королевская власть вполнѣ примирилась съ созданнымъ ей положеніемъ; она довольствуется своею ролью, внѣшнимъ уваженіемъ, оказываемымъ ей, и потому строго держится назначенныхъ для нея границъ. Нравы королевской власти сложились уже такъ, что врядъ ли когда-нибудь царствующее лицо захочетъ вторгнуться въ непринадлежащую этой власти сферу. Впрочемъ, попытка была бы напрасна, волей-неволей приходится довольствоваться своею скромною, нѣсколько театральною ролью. За то, когда королевская власть скромна и не стремится захватить себѣ бо́льшее мѣсто, чѣмъ то, которое принадлежитъ ей, она окружена народною заботливостью, народною любовью. Сто́итъ королю, королевѣ или наслѣдному принцу жениться, заболѣть или умереть, чтобы видѣть до какой степени Англія привязана къ «своему» королю, къ «своей» королевѣ, къ «своему» наслѣдному принцу. Вся тайна привязанности, щедрости, любви англійскаго народа къ королевской власти заключается, по мнѣнію Луи Блана, въ томъ, что «не Англія принадлежитъ «своимъ» принцамъ, а ея принцы принадлежатъ Англіи».

Королевская власть, поставленная такимъ образомъ, очевидно не можетъ служить какимъ бы то ни было препятствіемъ къ тому, чтобы народъ могъ пользоваться всѣми своими правами. И однако, несмотря на то, въ Англіи идетъ постоянная борьба изъ-за расширенія этихъ правъ или вѣрнѣе одного права—права болѣе широкаго участія народа въ управленіи государственными дѣлами.

Если есть борьба, значитъ, существуетъ начало, существуетъ власть, существуетъ сила, сдерживающая народныя стремленія. Кѣмъ же представляется это начало, эта власть, эта сила? Она представляется аристократіею по рожденію и аристократіею богатства, которымъ до настоящаго времени принадлежитъ, главнымъ образомъ, управленіе страною. Если смотрѣть на англійскій политическій порядокъ съ внѣшней формальной стороны, то пожалуй можно согласиться съ тѣми, которые горячо нападаютъ на Англію, говоря, что Англія представляетъ собою не что иное какъ царство титуловъ и золота. Съ этой внѣшней стороны очевидно смотритъ и Ледрю-Ролленъ, когда онъ высказываетъ мысль, что Англія въ политическомъ отношеніи являетъ собою «олигархію, подъ тремя различными видами: аристократіи короны, аристократіи земли и аристократіи церкви», всѣ три тѣсно связанныя между собою и находящіяся во взаимной зависимости. Но среди такой олигархіи, гдѣ же народъ, спрашиваетъ Ледрю-Ролленъ, гдѣ его представители? «Это правительство, говоритъ онъ, представляетъ собою троицу аристократическую, нераздѣльную, хотя и въ трехъ лицахъ, изъ которыхъ каждое, для глазъ свѣта, имѣетъ свою роль и свои аттрибуты». Ледрю-Ролленъ произноситъ грозную филиппику противъ англійской аристократіи, изъ которой состоитъ палата лордовъ, онъ упрекаетъ ее въ исключительности, онъ нападаетъ на ея привилегіи, онъ видитъ въ ней такую же аристократію, какъ и во всякой другой странѣ. Въ этомъ заключается его ошибка. Нравы англійской аристократіи нѣсколько иные, чѣмъ нравы, напр., нѣмецкой или французской аристократіи. Во всѣхъ другихъ странахъ аристократія является ничѣмъ инымъ какъ кастою, здѣсь же она является политическимъ учрежденіемъ. Фишель, въ своемъ сочиненіи «Die Verfassung Englands», приводитъ замѣчательныя слова Чатама объ англійской аристократіи, слова, указывающія именно на то, чѣмъ отличается англійская аристократія отъ другихъ европейскихъ аристократій. «Вашимъ предкамъ, лорды, говорилъ Чатамъ, норманнскимъ баронамъ, мы обязаны нашими законами, нашими правами. Ихъ нравственныя побужденія были грубы и не развиты, но возвышенны и искренни. Умъ ихъ былъ не изощренъ, какъ и самые нравы, но у нихъ было довольно сердца, чтобы различить право отъ неправды, довольно ума, чтобы отдѣлить истинное отъ ложнаго, *они постигали права человѣка* и были достаточно мужественны, чтобы стоять за нихъ. Лорды! я полагаю, что исторія еще недостаточно оцѣнила ихъ дѣйствія, когда они домогались великаго признанія правъ народа; *не о себѣ только думали они, для всего*

народа сдѣлали они благое, великое дѣло». Въ этихъ послѣднихъ словахъ ясно выражена характерная, типичная черта англійской аристократіи. Правда, съ тѣхъ поръ, что народъ получилъ возможность болѣе заботиться о самомъ себѣ, англійская аристократія менѣе стала думать о правахъ народа, и болѣе о своихъ, но и въ настоящее время сравнить англійскую аристократію съ какою-либо другою значитъ нанести ей тяжелое оскорбленіе. Луи Бланъ, который такъ долго прожилъ въ Англіи и который имѣлъ возможность хорошо ознакомиться съ свойствами англійской аристократіи, отдаетъ полную справедливость господствующимъ среди ея нравамъ. Онъ выставляетъ на видъ, что англійская аристократія отлично поняла, что принципъ аристократическій ничего не можетъ выиграть отъ замкнутости, исключительности аристократіи. Понявъ это, англійская аристократія не замыкается въ тѣсный кружокъ, ревниво охраняемый китайскимъ этикетомъ, кружокъ недоступный, недосягаемый для простыхъ смертныхъ. Англійская аристократія не только не выдѣляетъ себя изъ цѣлаго общества, но постоянно ищетъ въ немъ обновленія, подкрѣпленія. Она черпаетъ свои силы во всѣхъ слояхъ, она привлекаетъ къ себѣ людей выдающихся во всѣхъ классахъ. Она съ радостью принимаетъ въ свой кругъ ученаго, литератора, поэта, оратора, государственнаго человѣка, не обращая вниманія на его происхожденіе. Доступная такимъ образомъ для всѣхъ, она теряетъ отвратительный и всегда возбуждающій къ себѣ ненависть характеръ касты. Въ силу этого аристократическій духъ чрезвычайно глубоко проникъ во всѣ общественные слои. Онъ чувствуется, по выраженію Луи-Блана, какъ въ скромномъ углу, въ которомъ скрывается бѣдность, такъ и въ роскошныхъ дворцахъ, гдѣ все говоритъ о колоссальномъ богатствѣ и роскоши. Благодаря болѣе разумнымъ нравамъ англійской аристократіи, общественное мнѣніе нигдѣ такъ не мирится съ бросающимся въ глаза соціальнымъ неравенствомъ какъ въ Англіи, которое считаютъ какъ нельзя болѣе совмѣстнымъ съ свободою. «Мильтонъ, замѣчаетъ Луи Бланъ въ одномъ изъ своихъ «Писемъ объ Англіи», выразилъ только весьма распространенную здѣсь идею, когда онъ написалъ: «если мы не всѣ равны, за то мы всѣ свободны, одинаково свободны; званія и іерархія не только не враждебны свободѣ, но живутъ въ ней какъ нельзя болѣе въ мирѣ». «Справедливость впрочемъ требуетъ замѣтить, прибавляетъ Луи Бланъ, что Мильтонъ, ревностный республиканецъ, вложилъ эти слова въ уста сатаны».

Значеніе англійской аристократіи становится какъ нельзя болѣе понятно, и естественно, если ко всему этому прибавить еще дѣйствительныя и весьма важныя услуги, которыя она оказала въ прошедшемъ, поразительную политическую дѣятельность ея членовъ, иниціативу, которую брали многіе изъ самыхъ крупныхъ аристократовъ въ вопросахъ, съ одной стороны, умственнаго развитія, съ другой матеріальнаго благосостоянія народа. Наконецъ, и въ этомъ заключается главная причина ея вліянія, сосредоточеніе земельной собственности въ рукахъ небольшого числа аристократическихъ домовъ обезпечиваетъ за ней могущественное вліяніе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Вотъ почему, когда такіе дѣятели, какъ Брайтъ, желая потрясти могущество англійской аристократіи, нападаютъ на систему земельной собственности, то они по выраженію Луи Блана, ударяютъ какъ нельзя болѣе мѣтко. Англійская аристократія, обладающая такимъ могуществомъ, не разъ могла бы быть причиною бѣдственныхъ для страны кризисовъ, если бы она не была такъ разумна, если бы она не была «самою разумною аристократіею, которая когда-либо существовала». Луи Блана менѣе всего, конечно, можно заподозрить въ пристрастіи къ аристократическому началу, и потому на его мнѣніе въ этомъ вопросѣ можно смѣло положиться. Англійская аристократія «никогда не компрометтируетъ, говоритъ онъ, слѣпымъ упорствомъ той силы сопротивленія, которою она обладаетъ. Она умѣетъ во́-время уступать. Она не только не сопротивляется движенію умовъ, но предвидя опасность, она идетъ впереди этого движенія. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы англійскую аристократію можно было восхвалять за пламенную и безкорыстную любовь къ прогрессу: нѣтъ; она дѣйствуетъ подъ давленіемъ своихъ интересовъ, но только разумно понятыхъ. Она уступаетъ то, въ чемъ опасно было бы отказать. Если ей случается, черезъ посредство того или другого изъ своихъ членовъ, принимать на себя иниціативу какой-нибудь реформы, то это для того, чтобы эта иниціатива, часъ которой пробилъ, не была бы взята помимо ея и противъ ея. Можно даже сказать, что большею частью она вступаетъ въ извѣстныя отношенія къ прогрессу только для того, чтобы остановить его на полдорогѣ, подъ предлогомъ служенія ему. Восхвалять ея безкорыстіе было бы ребячествомъ, но отказывать ей въ мудрости было бы несправедливо».

Не такъ относится къ англійской аристократіи Тэнъ. Онъ не довольствуется тѣмъ, чтобы воздать ей должное, ему мало того, чтобы показать въ англійской аристократіи ея неоспоримыя достоинства, чтобы признать за ней право на всеобщее уваженіе,

нѣтъ; онъ признаетъ необходимость ея существованія, чуть не необходимость аристократіи для всякой страны, съ чѣмъ конечно можно уже и не согласиться. «Безъ аристократіи, говоритъ онъ, цивилизація не полна; ей недостаетъ тѣхъ независимыхъ крупныхъ силъ, развивающихся на просторѣ, свободныхъ отъ мелкихъ заботъ, одаренныхъ красотою какъ всякое произведеніе искусства. Кто-то сказалъ: «Война замкамъ, миръ хижинамъ»! Я думаю, что лучше было бы сказать: «Миръ хижинамъ, но миръ и замкамъ!» Прудонъ желалъ видѣть Францію покрытую маленькими чистыми домиками, въ каждомъ домѣ семью на половину крестьянскую, на половину буржуазную, кругомъ небольшое поле и садъ; онъ желалъ, чтобы вся земля была распредѣлена такимъ образомъ: вездѣ трудъ, равенство, довольство и огородъ. Съ точки зрѣнія историка, это—желаніе огородника; еслибы не было ничего кромѣ зелени, деревня была бы уродлива. У меня нѣтъ парка, а моимъ глазамъ все-таки доставляетъ удовольствіе видѣть его; нужно только, чтобы онъ былъ доступенъ и хорошо содержался. Точно также и съ крупными существованіями; среди маленькихъ онѣ исполняютъ назначеніе парковъ, среди садиковъ и огородовъ. Одни доставляютъ вѣковыя деревья, бархатные луга, дивныя фееріи, сборища цвѣтовъ и поэтическія аллеи. Другіе поддерживаютъ извѣстное изящество нравовъ, извѣстные оттѣнки чувствъ, допускаютъ широкое космополитическое образованіе, питаютъ разсадникъ государственныхъ людей». Такія строки доказываютъ только, что Тэнъ относится съ необыкновенною легкостью, чтобы не сказать легкомысліемъ къ самымъ серьезнымъ вопросамъ народной жизни. Неужели довольно сказать, что могущественная по богатству и власти аристократія возвышаетъ уровень общественной жизни, что она полируетъ нравы, что она поддерживаетъ и распространяетъ вкусъ ко всему изящному, что она покровительствуетъ искусствамъ, бросая крохи этимъ артистамъ, неужели этого довольно, чтобы доказать необходимость существованія могущественнаго привилегированнаго класса? Нужно впрочемъ сказать, что говоря подобнымъ образомъ, Тэнъ не провозглашаетъ ничего новаго, онъ повторяетъ только избитое мѣсто всѣхъ сторонниковъ сильныхъ аристократій, по поводу которыхъ авторъ «Писемъ объ Англіи» говоритъ: «все это было бы прекрасно, еслибы удовлетвореніе весьма насущныхъ потребностей не приносилось въ жертву удовлетворенію потребностей, чисто искуственныхъ, промышленныхъ; еслибы крайнее богатство однихъ не шло бы рядомъ съ крайною нищетою другихъ; еслибы изящество привычекъ и обработка ума наверху не отвѣчала привычкамъ гру-

бости, невѣжества, звѣрства внизу. Что намъ толкуютъ о томъ, чтобы обезпечить за небольшимъ числомъ счастливыхъ смертныхъ обладаніе всеобщимъ наслѣдствомъ, чтобы тѣмъ самымъ дать имъ возможность поощрять прогрессъ цивилизаціи, дѣлая ее данницей ихъ удовольствій. Что́ выигрываетъ масса общества отъ той утонченной жизни, которою хвастается аристократія? Какую нравственную или умственную пользу приносятъ несчастнымъ, погруженнымъ въ заботы о кровѣ и хлѣбѣ, драгоцѣнные предметы, прекрасныя статуи, удивительныя картины, которыми аристократія наполняетъ свои дворцы или ссылаетъ въ свои загородные виллы? Нѣтъ сомнѣнія, что богатая аристократія поставляетъ для произведеній искусствъ усердныхъ потребителей; но развѣ то общество работниковъ, отказывающееся отъ всего въ пользу нѣсколькихъ человѣкъ только для того, чтобы пріобрѣсти себѣ въ нихъ богатыхъ кліентовъ, не походитъ на того купца, который раздаетъ свои деньги людямъ, для того чтобы они могли купить у него товаръ?»

Взглядъ Тэна на англійскую аристократію болѣе подходитъ ко взгляду на нее Монталамбера, но при этомъ нельзя не замѣтить, что Монталамберъ обставляетъ свой взглядъ несравненно болѣе серьезными, возвышенными аргументами, чѣмъ Тэнъ. Вся книга Монталамбера—это блистательная защита аристократіи, защита человѣка много думавшаго и глубоко убѣжденнаго. Нечего и говорить какъ высоко ставитъ ее Монталамберъ; онъ со скорбью признаетъ, что господство старыхъ идей поколеблено, что глубоко-аристократическій характеръ англійской свободы и англійскаго общества измѣняется; что слово «лордъ» не означаетъ уже болѣе того, что означало оно въ доброе старое время, что въ англійской литературѣ, въ романахъ, въ серьезныхъ сочиненіяхъ, замѣчается направленіе враждебное вѣковымъ учрежденіямъ; онъ признается, что демократія вступаетъ въ Англію въ свои права, что аристократическое начало демократизуется, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ставитъ англійской аристократіи въ высокую заслугу, что переходъ отъ старинной коренной аристократической формы правленія къ формѣ болѣе демократической совершается безъ потрясеній, безъ революцій. «Будемъ же имѣть смѣлость признать, говоритъ Монталамберъ, что прогрессъ демократіи это господствующій фактъ среди современнаго общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляется величайшею опасностію: этой опасности до сихъ поръ не избѣгло еще ни одно общество. Удерживать и направлять демократію, не унижая ее, организовать ее въ умѣренную монархію или консервативную республику, такова задача

нашего вѣка: но эта задача нигдѣ еще не была разрѣшена. Фактъ и опасность существуютъ въ Англіи точно также какъ и въ другихъ странахъ. Но въ то время, когда на континентѣ побѣда демократіи всюду приводила къ жертвѣ свободою, всюду приговаривала народы колебаться въ унизительной альтернативѣ анархіи и деспотизма, все предвѣщаетъ, что въ Англіи ея успѣхъ въ состояніи будетъ ужиться съ прочностью права, съ сохраненіемъ старыхъ вольностей, съ уваженіемъ личнаго достоинства...» Однимъ словомъ, если демократія восторжествуетъ въ Англіи такъ, какъ она не въ состояніи была восторжествовать въ остальной Европѣ, то этимъ она должна быть обязана, по мысли Монталамбера, главнымъ образомъ политическимъ нравамъ, традиціямъ аристократіи.

Ослабленіе аристократическаго начала и готовность самой аристократіи дѣлать уступки демократическому духу такъ очевидны, что ихъ не могъ, конечно, не замѣтить и Тэнъ, и онъ признаетъ вмѣстѣ съ другими, что въ концѣ концовъ Англія превращается въ республику, для которой аристократія, какъ учрежденіе, изготовляетъ «контингентъ министровъ, депутатовъ, генераловъ и дипломатовъ, такъ точно, какъ политехническая школа изготовляетъ необходимый наборъ инженеровъ».

Англійская аристократія постоянно подстрекается къ уступкамъ и реформамъ не только давленіемъ демократическаго духа, не только разумнымъ отношеніемъ къ требованіямъ времени, но также и тѣмъ духомъ соперничества, который кроется въ нѣдрахъ самой аристократіи. Если въ Англіи существуетъ одна только конституція, то въ ней, по выраженію Монталамбера, живутъ рядомъ двѣ аристократіи. Дѣленіе англійской аристократіи на тори и виговъ уже обветшало, оно замѣняется теперь другимъ: либераловъ и консерваторовъ,—но сущность осталась та же. Въ ней борются двѣ партіи, слѣдящія зорко другъ за другомъ, пользующіяся каждымъ промахомъ, каждой ошибкой, чтобы вытѣснить одна другую. Сегодня во главѣ правительства партія тори или консервативная; другая партія виговъ или либераловъ не щадитъ усилій, чтобы нанести первой такой ударъ, чтобы заставить ее уступить себѣ мѣсто. При этомъ въ ходъ пускаются всѣ средства, для того, чтобы добиться власти, часто не щадятъ своихъ принциповъ, убѣжденій, руководящихъ началъ своей партіи, часто консерваторы хватаются за реформу, которая должна быть противна ихъ вкусамъ только для того, чтобы не дать ее совершить либераламъ, которые въ такомъ случаѣ являются ея противниками. Въ политической исторіи Англіи тому есть много

примѣровъ. Можно конечно сказать, что эта борьба, пользующаяся всѣми средствами, борьба, во время которой противники вырываютъ другъ у друга оружіе и наносятъ имъ удары, не совсѣмъ-то нравственна, не совсѣмъ отвѣчаетъ сложившемуся понятію о политической честности, но за то изъ нея извлекаетъ себѣ выгоды народъ, который въ этомъ отношеніи и въ видѣ самаго поразительнаго исключенія, какъ говоритъ пословица, жаръ загребаетъ чужими руками.

Вслѣдствіе того, что обѣ партіи борются часто, ради достиженія успѣха, однимъ и тѣмъ же оружіемъ, оружіемъ реформы, сдѣлалось весьма затруднительно провести между ними рѣзкую демаркаціонную черту. Борьба перестала быть борьбою изъ-за принциповъ двухъ политическихъ партій, а превратилась въ борьбу однихъ аристократическихъ домовъ съ другими, одного имени съ другимъ. «Какъ для либераловъ, такъ и для консерваторовъ, говоритъ въ одномъ изъ своихъ «писемъ» Луи Бланъ, весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы взять въ свои руки дѣла, располагать мѣстами и управлять; и для консерваторовъ точно также, какъ и для либераловъ, средство успѣха заключается въ удовлетвореніи требованій общественнаго мнѣнія, когда эти требованія дѣлаются настоятельными. Такимъ образомъ, соперничество двухъ большихъ фракцій, на которыя дѣлится англійская аристократія, обращается въ концѣ концовъ въ выгодѣ свободы и прогресса». Въ силу этого аристократія, представленная тѣмъ или другимъ именемъ, всегда принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ важныхъ вопросахъ, возникающихъ въ жизни народа, и потому нѣтъ почти ни одной реформы, нѣтъ почти ни одного крупнаго успѣха въ политической жизни Англіи, съ которымъ не было бы связано одно изъ громкихъ именъ этой страны. Политическая жизнь Англіи— это ристалище, на которомъ одинъ аристократъ передъ другимъ старается отличиться, старается обратить на себя глаза зрителей, заслужить уваженіе со стороны общественнаго мнѣнія, потому что онъ знаетъ, на чьей сторонѣ общественное мнѣніе, на той сторонѣ власть и почетъ. Благодаря этому, «сосредоточеніе политической власти въ рукахъ аристократіи, по словамъ одного извѣстнаго писателя, теряетъ часть того ненавистнаго характера, которымъ отличается всякая монополія, не говоря уже о томъ, что дурныя послѣдствія такого сосредоточенія власти значительно ослабляются существованіемъ свободы въ выраженіи общественнаго мнѣнія, изъ-подъ контроля котораго не ускользаетъ ни одинъ актъ публичной жизни».

Но если англійская аристократія съумѣла во-время отказаться отъ исключительныхъ правъ, отъ привилегій, отжившихъ свое время и сдѣлавшихся анахронизмомъ, и тѣмъ конечно пріобрѣла себѣ право на уваженіе всей страны, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она, подобно французской аристократіи, принесшей на алтарь отечества въ историческую ночь 4-го августа всѣ свои преимущества, отказывалась отъ тѣхъ правъ, отъ тѣхъ выгодъ, которымъ не пробилъ еще послѣдній часъ. Англійская аристократія разсчетлива, но не великодушна. Она, не вызывая кризиса, безъ безумнаго сопротивленія уступаетъ нѣсколькими часами прежде то, отъ чего ей все-равно не много спустя пришлось бы отказаться, и это уже не малая заслуга; но она крѣпко цѣпляется за свои преимущества, когда увѣрена, что въ состояніи отстоять ихъ еще на долгое время. Англійская аристократія не нарушаетъ общаго правила, почти незнающаго исключенія, и издавая законы, издаетъ ихъ по мѣрѣ возможности въ свою личную пользу.

Вотъ почему палата лордовъ, эта представительница англійской аристократіи, является постоянно тою силою, которая сдерживаетъ народныя стремленія. Каждая реформа, каждый успѣхъ въ политической жизни Англіи дѣлается послѣ многихъ усилій, тщательныхъ обсужденій, большею частью послѣ того, что одинъ или даже нѣсколько разъ предложеніе извѣстной реформы проваливается, и только тогда, когда общественное мнѣніе выразило свое мнѣніе твердо, настоятельно и послѣ того, что старому, отжившему сдѣлали честь—боролись за его сохраненіе до конца, только тогда совершается извѣстная реформа. Но разъ сдѣланная, она уже не встрѣчаетъ болѣе подпольнаго сопротивленія, никто не старается болѣе обойти ее какой-нибудь мѣрой, идущей въ разрѣзъ съ ней, Англія не знаетъ отвратительнаго зрѣлища—нападенія цѣлой стаи старыхъ вороновъ, заклевывающихъ и пронзительно каркающихъ на ту или другую реформу. Когда она сдѣлана, та же самая палата лордовъ, которая была ея противницею, становится ея хранительницей изъ уваженія къ закону, изъ уваженія къ себѣ.

Сдерживающимъ элементомъ является точно также и нижняя палата, которая, несмотря на послѣднюю избирательную реформу, все-таки не представляетъ собою народнаго элемента. «Палата общинъ по существу своему аристократическая; она въ дѣйствительности также относится къ палатѣ лордовъ, какъ въ аристократическихъ семьяхъ младшіе относятся къ старшимъ». Еще болѣе рѣзко выражается Лэдрю-Ролленъ, который называетъ

нижнюю палату ничѣмъ инымъ какъ succursale'мъ палаты лордовъ. До извѣстной степени мнѣніе это и вѣрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно также и то, что аристократически и плутократически составленная нижняя палата тѣмъ не менѣе служитъ народнымъ интересамъ. Англійская конституція, по удачному выраженію одного писателя, не похожа на Минерву, вышедшую совсѣмъ вооруженною изъ головы Зевеса. Она слагалась, развивалась и продолжаетъ развиваться мало по малу, и это развитіе чувствительно отзывается на палатѣ общинъ. Разумѣется, въ настоящее время, нижняя палата не служитъ еще истинною представительницею народа, но она стала на тотъ путь, который неминуемо долженъ ее привести къ тому. Послѣдняя избирательная реформа составляетъ крупный шагъ на этомъ пути. Въ Англіи значительно уже проникло сознаніе, что исключеніе изъ представительства рабочихъ классовъ составляетъ вопіющую несправедливость и, какъ отвѣтъ на это сознаніе, была сдѣлана послѣдняя реформа, значительно расширившая классъ избирателей. До сихъ поръ центръ тяжести представительства находился въ собственности, теперь онъ переходитъ на «человѣка». Въ Англіи уже выработалось сознаніе, что «тѣ, чей трудъ, какъ говоритъ авторъ «Писемъ объ Англіи», способствуетъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ образованію народнаго богатства, тѣ, которые платятъ ихъ долю налоговъ, тѣ, которые въ каждую данную минуту могутъ быть призваны съ опасностью жизни для защиты отечества, имѣютъ также права, которыя они должны охранять, имѣютъ интересы, которые они хотятъ защищать, и способны играть другую роль, чѣмъ роль простыхъ зрителей въ разыгрывающейся политической драмѣ». Допуская даже такое предположеніе, что только «собственность» должна имѣть право на представительство, правительствующіе классы Англіи должны признать за рабочимъ классомъ право на такое представительство. По вычисленію одного англичанина, ежегодный доходъ англійскихъ рабочихъ простирается до 280,000,000 фунт. стер.; прибавляя къ этой цифрѣ еще и ту, которая получается изъ опредѣленія стоимости ихъ инструментовъ, одежды, положенныхъ сбереженій и т. д., настоящая цифра должна быть опредѣлена въ 500,000,000 фунт. стерл. Составляетъ ли это, спрашиваютъ сторонники широкаго народнаго представительства, такой ничтожный интересъ собственности, чтобы нечего было заботиться лицамъ заинтересованнымъ въ его охраненіи?

Тэнъ признаетъ, что вопросъ поставленъ такимъ образомъ, что Англія волей-неволей должна будетъ придти къ всеобщей

подачѣ голосовъ, и тогда нижняя палата потеряетъ свой аристократическій характеръ и сдѣлается представительницей народа въ широкомъ смыслѣ этого слова. Движеніе въ этомъ направленіи сдѣлалось такъ сильно въ послѣдніе годы, что избирательная реформа, совершенная въ 1867-мъ году, кажется уже недостаточной. Но скоро ли, поздно ли совершится окончательный переходъ политическаго центра тяжести отъ аристократіи къ демократіи, во всякомъ случаѣ съ увѣренностью можно сказать, что онъ совершится мирно, спокойно, безъ потрясеній, съ одной стороны, благодаря разумности правящихъ классовъ, умѣющихъ во-время уступать, съ другой благодаря разумности англійскаго общества, умѣющаго съ твердостью и спокойною рѣшимостью заявлять свои требованія, общества, воспитавшагося въ свободныхъ нравахъ и обладающаго лучшею въ Европѣ политическою школою.

Свой поверхностный разборъ элементовъ, изъ которыхъ составляется англійское правительство, Тэнъ заключаетъ словами: «It works well: машина дѣйствуетъ хорошо! Она не трещитъ и не угрожаетъ тѣмъ, что затрещитъ. Она дѣйствуетъ, и кромѣ того она сообразуется съ временемъ и совершенствуетъ свое устройство. Даже болѣе, по тому какъ она дѣйствуетъ невольно чувствуешь, что она способна на коренное обновленіе. Она въ состояніи будетъ вынести позже безконечное расширеніе избирательнаго права, уменьшеніе прерогативы лордовъ, уничтоженіе монополіи церкви, и все это безъ взрыва и распаденія, постепеннымъ и осторожнымъ приспособленіемъ старыхъ частей къ новымъ обычаямъ. Правящіе классы набираются свѣдѣній, ничего не упускаютъ изъ виду и каждую минуту бросаютъ лотъ для того, чтобы измѣрить силу и развѣдать направленіе народныхъ потоковъ. Они обладаютъ тонкимъ чувствомъ необходимаго и возможнаго». Но если мы знаемъ, что «машина дѣйствуетъ хорошо», что правящіе классы благоразумно управляютъ страною, то мы не знаемъ еще, гдѣ лежатъ гарантіи тому, что эти классы не могутъ злоупотреблять своею властью, гдѣ кроется обезпеченіе народа противъ ошибокъ этихъ правящихъ классовъ. Лежатъ ли эти гарантіи въ нравственныхъ достоинствахъ ихъ? Нѣтъ, подобная гарантія была бы слишкомъ недостаточна, люди такъ склонны къ порчѣ и растлѣнію. Быть можетъ потому правящіе классы и обладаютъ благоразуміемъ, умѣренностью, потому они и не злоупотребляютъ своею властью, что они постоянно, въ каждый данный моментъ чувствуютъ надъ собою контроль, контроль строгій, неумолимый, свободно высказывающагося общественнаго мнѣнія. Гарантіи противъ злоупотребленій правящихъ клас-

совъ лежатъ въ тѣхъ неотъемлемыхъ правахъ англійскаго народа, постоянное пользованіе которыми и создало тѣ свободные и сильные политическіе нравы, которыми такъ справедливо гордится Англія.

VIII.

Если въ Англіи существуетъ сила, способная дѣйствительнымъ образомъ гарантировать народъ отъ злоупотребленій правительственныхъ органовъ, если есть сила, способная направлять правительство, указывать ему истинный путь, намѣчать цѣль, къ которой оно должно стремиться, то сила эта заключается въ общественномъ мнѣніи. Но это послѣднее только тогда можетъ оказывать важныя услуги народу и его правительству, когда оно имѣетъ возможность свободно складываться и затѣмъ свободно выходить наружу. Немногія страны въ Европѣ обладаютъ такимъ общественнымъ мнѣніемъ. Большею частью оно представляется жалкимъ, трусливымъ, лишеннымъ возможности выразиться во всей прямотѣ, и выразиться по дѣйствительно серьезнымъ общественнымъ вопросамъ, и потому замыкающимся въ тѣсный кругъ личностей, мелкихъ интригъ, мелкихъ обвиненій, самыхъ недостойныхъ оскорбленій публичныхъ дѣятелей или даже и частныхъ лицъ. Общественное мнѣніе, лишенное крупной государственной сферы, недопускаемое до нея, проявляетъ свое существованіе только по поводу той или другой театральной новости, той или другой сплетни, того или другого скандала. Такое общественное мнѣніе могло бы не существовать вовсе, не только безъ ущерба для народной жизни, но даже съ нѣкоторой выгодою для нея. Въ Англіи же общественное мнѣніе является истинною и грозною силою, все подчиняющею своему контролю, произносящею по всѣмъ вопросамъ и событіямъ народной жизни свой безапелляціонный приговоръ. Оно является таковымъ потому, что въ Англіи оно свободно, что у него есть два столба, на которые оно опирается и при помощи которыхъ оно выражается и становится, какъ законъ, обязательнымъ для всѣхъ и каждаго, эти два столба: свобода печати и свобода собраній. Въ Англіи каждый человѣкъ не только имѣетъ право высказывать все, что ему угодно, но онъ и высказываетъ все открыто, не стѣсняясь, вполнѣ увѣренный въ томъ, что его личная свобода останется неприкосновенною, что она находится подъ охраной великаго закона, который зовется Habeas corpus, и кромѣ того, чтобы ни случилось, англичанинъ всегда увѣренъ найти правый, справедливый, независимый судъ, съ кѣмъ

бы ему ни пришлось бороться, съ простымъ ли работникомъ, или съ наслѣдникомъ англійскаго престола.

Итакъ, свобода печати, свобода собраній, личная свобода и независимый судъ — вотъ изъ какихъ элементовъ слагаются тѣ гарантіи, которыя обезпечиваютъ въ Англіи здоровое развитіе политической жизни націи. Правительство, которое сознаетъ свою силу и прочность, не можетъ и не должно опасаться свободы печати. Англійское правительство понимаетъ это какъ нельзя лучше и потому смѣло подставляетъ себя, свои дѣйствія подъ самыя рѣзкія нападенія прессы. «Прочность англійской конституціи допускаетъ самую широкую свободу контроля. И дѣйствительно этимъ правомъ контроля пользуются безпощадно и непрерывно; нѣтъ ни одного внутренняго или внѣшняго вопроса, который не былъ бы разобранъ въ пятидесяти статьяхъ, разобранъ со всѣхъ сторонъ и съ такою силою аргументаціи и обиліемъ документовъ, что остается только удивляться». Что при этомъ пресса не щадитъ никого, что она наноситъ удары правительству не въ бровь, а прямо въ глазъ, что часто она отзывается о томъ или другомъ высокопоставленномъ лицѣ, не только рѣзко, но оскорбительно, что она хлещетъ направо и налѣво, объ этомъ нечего и говорить. И несмотря на это ни одинъ министръ, ни одно лицо, будь это самъ принцъ Валлійскій, не подумаетъ о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ назойливой газеты или придирчиваго автора. Могутъ сказать, что никому это не приходитъ въ голову, потому что никто не имѣетъ на то права, потому что свобода печати охранена строгимъ закономъ. Тотъ, кто сказалъ бы это, жестоко ошибся. Свобода печати охраняется въ Англіи вовсе не закономъ. Законъ напротивъ предоставляетъ возможность преслѣдовать печатное слово; но въ томъ-то и сила, что въ Англіи есть нѣчто, что сильнѣе закона: это нравы, свободные нравы Англіи. Тамъ, гдѣ плошаетъ законъ, тамъ на помощь являются нравы, гарантирующіе свободу, быть можетъ лучше чѣмъ самые законы. Нравы въ Англіи развиваются быстрѣе, чѣмъ законы, и если въ англійскомъ законодательствѣ сохранились еще стѣснительныя мѣры противъ печати, эти печальныя воспоминанія того времени, когда свободное слово угрожало лишеніемъ свободы и даже самой жизни, то въ сознаніе англійскаго общества и его правительства проникъ тотъ взглядъ, который такъ краснорѣчиво былъ выраженъ словами великаго Мильтона: «Кто убиваетъ человѣка, писалъ суровый англійскій поэтъ болѣе чѣмъ два столѣтія тому назадъ, убиваетъ разумное существо, подобіе Божіе; но кто уничтожаетъ хорошую книгу, тотъ убиваетъ самый ра-

зумъ, убиваетъ подобіе Божіе, какъ оно отражается въ его окѣ. Дурныя книги, для разумнаго и мыслящаго читателя, могутъ во многихъ отношеніяхъ служить для открытія, противоположенія, разъясненія. Въ чемъ можетъ состоять преимущество взрослаго человѣка предъ школьникомъ, если, избѣгнувъ розги учителя, мы подвергаемся бичу цензора, если серьезныя и разработанныя сочиненія, подобно грамматическимъ упражненіямъ на заданныя темы, не могутъ сдѣлаться публичными безъ испытующаго ока цензора». Такое воззрѣніе вошло въ плоть и кровь англійскаго общества, вошло въ его нравы, которыя дѣлаютъ невозможнымъ никакое преслѣдованіе печати.

Только писатели, задающіеся впередъ желаніемъ порицать все, что встрѣчается въ Англіи, только такіе писатели могутъ находить, что печать не выполняетъ въ этой странѣ своего великаго назначенія. Ледрю Ролленъ, котораго нельзя не отнести именно къ такому разряду писателей, относится съ пренебреженіемъ къ свободному слову въ Англіи, говоря, что оно не служитъ тутъ народнымъ интересамъ. Трудно кажется сдѣлать болѣе несправедливый упрекъ. «Конечно, говоритъ этотъ писатель, когда цѣна одному нумеру газеты равняется почти рабочему дню, то онъ не можетъ производить волненія въ народѣ. Именно съ этою цѣлію законодательство поставило печати такія тяжелыя препятствія и насильно сдѣлало изъ нея монополію, живой источникъ доходовъ и почестей въ рукахъ нѣсколькихъ милліонеровъ. Поученія печати только случайно приникаютъ въ народную глубь».

Съ тѣхъ поръ какъ были написаны эти строки, англійское общество дало блистательное опроверженіе французскому радикальному писателю, снявъ съ печати тѣ тягости, о которыхъ говоритъ Ледрю-Ролленъ, и сдѣлавъ возможнымъ изданіе самыхъ дешевыхъ газетъ, которыя сотнями тысячъ распространяются среди народа. Благодаря этимъ газетамъ, благодаря свободному слову, англійское общество, во всѣхъ его слояхъ, имѣетъ возможность слѣдить за каждымъ правительственнымъ дѣйствіемъ, можетъ контролировать его и возбуждать вопросы о необходимыхъ реформахъ, о необходимыхъ усовершенствованіяхъ какъ въ политической, такъ и въ соціальной жизни народа. Между мнимою опасностью отъ свободы печати, опасностью, существующею болѣе въ воображеніи боязливыхъ правительствъ, и дѣйствительною пользою, приносимою ею, для разумнаго общества не можетъ быть выбора, и потому англійское правительство давно уже отказалось отъ своего права преслѣдовать свободное выраженіе человѣческой мысли. Благодаря этому печать сдѣлалась настоящею четвертою

властью въ государствѣ, и властью болѣе могущественною, чѣмъ законодательная, судебная и административная, потому что она стоитъ надъ всѣми ими, контролируетъ ихъ и бьетъ громко въ набатъ, какъ только подмѣтитъ гдѣ-нибудь нарушеніе закона или покушеніе на свободные нравы Англіи. Всякое упущеніе, всякое нарушеніе чьего-нибудь права немедленно выходитъ наружу, обличается, и тогда вся печать накидывается на нарушителей права, кто бы ни былъ этимъ нарушителемъ. Свободная печать парализуетъ въ Англіи многіе недостатки политической системы, предотвращаетъ многія злоупотребленія, ослабляетъ и дѣлаетъ менѣе чувствительнымъ, или вѣрнѣе уравновѣшиваетъ нѣсколько тотъ быть можетъ излишне-консервативный духъ, который преобладаетъ въ англійскихъ правящихъ классахъ. «Свобода печати, какъ нельзя болѣе справедливо замѣчаетъ Луи Бланъ,—вотъ что служитъ противовѣсомъ порочнымъ сторонамъ исключительнаго парламентаризма дѣйствующаго въ Англіи; вотъ что не допускаетъ развитіе естественныхъ послѣдствій этихъ дурныхъ сторонъ; вотъ что служитъ щитомъ для народа, который не даютъ ему избирательные законы. Въ свободной печати, народъ находитъ свою палату общинъ, въ которой голосъ его всегда могъ свободно раздаваться и двери котораго для него настежъ открыты. Поразительный результатъ, доказывающій, какъ необходима эта свобода печати! Безъ нея лучшія учрежденія рискуютъ погибнуть; съ нею самыя дурныя находятъ себѣ долю прощенія».

Ту же самую мысль, но только гораздо образнѣе, высказываетъ Тэнъ, говоря о значеніи свободной печати въ странѣ. Тэнъ признаетъ, что англійская пресса отличается большимъ здравымъ смысломъ, мощнымъ разсудкомъ, достигающими часто до высокаго краснорѣчія. Откровенность, по словамъ автора «Notes sur l'Angleterre», доходитъ часто до грубости, ея тонъ обнаруживаетъ «надменный и суровый тонъ борющагося убѣжденія, холодную и протяжную иронію, жесткость сосредоточенной и обдуманной страсти; негодованіе и презрѣніе текутъ обильнымъ ручьемъ...» Подобная полемика, замѣчаетъ Тэнъ, неминуемо привела бы во Франціи къ безконечнымъ дуэлямъ и столкновеніямъ, но въ Англіи какъ ни сильно нападеніе, какъ ни лично оно, оно никогда не заставитъ драться политическаго человѣка; потому что тутъ уже вошло въ обычай, что изъ-за куска исписанной или печатной бумаги люди не дерутся. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Англіи всѣ знаютъ, что какой бы гвалтъ и шумъ ни былъ поднятъ въ печати, какъ бы ни трезвонила она, какъ бы ни била въ набатъ, печать никогда не можетъ заставить схватиться за оружіе; все къ чему она неми-

нуемо ведетъ, это къ созванію митинговъ, къ коллективнымъ петиціямъ, къ коллективнымъ протестамъ. «Въ день моего пріѣзда въ Лондонъ, разсказываетъ Тэнъ, я увидѣлъ на улицахъ людей-афиши, которые разносили сзади и спереди написанныя у нихъ слова: «Страшная узурпація народныхъ правъ! Лорды вписали въ бюджетъ четыреста пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ налога безъ согласія націи! (Они сдѣлали эту прибавку, исправляя бюджетъ, вотированный палатою общинъ). Граждане, петицію!»— Нѣсколько дней спустя, прибавляетъ Тэнъ, будучи въ отдаленномъ кварталѣ, въ Clerkenwell, я прочелъ въ одной газетѣ квартала объявленіе о митингѣ по этому предмету. — Ничего болѣе; но это свободное слово и постоянныя публичныя собранія совершенно достаточны. Можно сказать, что посредствомъ журналовъ и митинговъ большой общій парламентъ и множество мелкихъ парламентовъ, разсѣянныхъ по всей странѣ, подготовляютъ, контролируютъ и оканчиваютъ работу обѣихъ палатъ». Когда видишь свободу слова въ дѣйствіи, когда думаешь о тѣхъ роскошныхъ плодахъ, которыми она наградила Англію, то можно только удивляться недальновидности тѣхъ системъ, которыя обрѣзываютъ ей крылья въ государствахъ западной Европы. Если бы нѣмецкое или французское правительства, прибѣгающія до сихъ поръ еще довольно часто къ репрессивнымъ мѣрамъ въ дѣлахъ печати, обратились къ англійскому правительству съ запросомъ: находитъ ли оно болѣе выгоды или болѣе безпокойствъ въ свободѣ слова? то нѣтъ сомнѣнія, что эти правительства получили бы въ отвѣтъ: свобода слова наша лучшая союзница, мы въ значительной степени обязаны ей нашей крѣпостью, нашей силой; свобода слова—это пчела, которая подчасъ кусаетъ, но которая вмѣстѣ съ тѣмъ обогащаетъ насъ своимъ медомъ.

Говоря о вліяніи и важности печати въ такой странѣ какъ Англія, гдѣ она является положительною силою, властью, нельзя не обратить вниманія на одно явленіе, повидимому поражающее своимъ противорѣчіемъ. Въ Англіи печать — сила, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ Англіи ея представители, ея работники, писатели пользуются гораздо меньшимъ уваженіемъ, меньшимъ почетомъ, трудъ ихъ окупается хуже чѣмъ въ странахъ, гдѣ печать, литература играетъ сравнительно жалкую роль, или даже тамъ, гдѣ вся литература, говоря словами русскаго сатирика, могла бы быть смѣло «упразднена». «Еще Стендаль говорилъ, вспоминаетъ между прочимъ Тэнъ, что умъ и талантъ, переходя въ Англію теряетъ двадцать пять процентовъ». Самъ же авторъ «Notes sur l'Angleterre» подкрѣпляетъ это замѣчаніе, говоря, что въ Англіи артисты,

писатели стоятъ на второмъ планѣ, что принимаемые въ высшемъ обществѣ, въ аристократическихъ домахъ, на нихъ смотрятъ какъ на что-то особенное, въ смыслѣ курьеза. Немногіе только писатели, относящіеся къ разряду звѣздъ первой величины, занимаютъ то высокое положеніе, которое имъ принадлежитъ по праву; другіе же, писатели второстепенные, простые смертные въ литературѣ не пользуются тѣмъ почетомъ, который окружаетъ литературный міръ въ другихъ странахъ. Большинство журналистовъ, и весьма почтенныхъ, остаются неизвѣстными, работая всю жизнь въ какой-нибудь газетѣ и никогда не подписывая своего имени. Это, какъ выражается Тэнъ, рабочія литературныя лошади. Онъ приводитъ въ примѣръ извѣстнаго корреспондента «Times'a», этого грознаго литературно-политическаго хамелеона, описывавшаго крымскую войну и затѣмъ возстаніе въ Индіи, и который не пользуется никакимъ положеніемъ и еле-существуетъ во главѣ небольшого журнала. Въ Англіи никогда еще не было примѣра, чтобы какой-нибудь журналистъ сдѣлался депутатомъ, министромъ, какъ случается во Франціи, гдѣ такъ недавно еще, умирающій въ настоящую минуту въ одной изъ французскихъ крѣпостей, приговоренный къ ссылкѣ въ колоніи, Рошфоръ, благодаря нѣсколькимъ удачнымъ сатирическимъ очеркамъ изъ простого фельетониста вдругъ превратился въ одного изъ самыхъ популярныхъ депутатовъ Парижа. Объяснить подобное явленіе весьма впрочемъ не трудно.

Почетъ, окружающій сколько-нибудь честнаго писателя въ странѣ, лишенной свободы слова, служитъ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за тотъ рискъ, на который идетъ человѣкъ, рѣшающійся быть независимымъ писателемъ. Въ Англіи ничего не стóитъ быть весьма либеральнымъ писателемъ, какое либеральнымъ! радикальнымъ: ничего не стóитъ заявлять самыя анти-правительственныя требованія; пусть себѣ человѣкъ проповѣдуетъ крайній соціализмъ, красную республику, пусть онъ громитъ злоупотребленія правительства, пусть казнитъ первыя лица въ государствѣ, онъ ничѣмъ не рискуетъ, его журналу не дадутъ предостереженія, журналъ его не остановятъ на нѣсколько мѣсяцевъ, не запретятъ; объявляй онъ себя революціонеромъ или коммунистомъ, его не упрячутъ туда, куда даже воронъ костей не заноситъ, его не объявятъ преступникомъ, не объявятъ даже вреднымъ человѣкомъ; самое большое что можетъ случиться, это то, что англичане пожмутъ плечами, назовутъ его сумасбродомъ и перестанутъ покупать, а слѣдовательно и читать его газету. Такая ли судьба независимаго писателя въ другихъ европейскихъ странахъ? О! совсѣмъ другая! Человѣкъ весьма смиренно замѣтитъ, что вотъ ему

кажется, что такое-то дѣйствіе такого-то чиновнаго лица не отвѣчаетъ тѣмъ цѣлямъ, которыя имѣетъ въ виду правительство, сейчасъ говорятъ: а! такъ онъ смѣетъ порицать правительство! это вольнодумецъ, это человѣкъ вредный!—Помилуйте, отвѣчаетъ скромно писатель, я вовсе не порицаю правительство, я не соглашаюсь съ образомъ дѣйствій такого-то только лица!—А! отвѣчаютъ ему, такъ вы не понимаете, что правительство едино, что то лицо, на которое вы нападаете, представляетъ собою звено неразрывной, единой правительственной цѣпи, на которой держится государство. Вы этого не понимаете, такъ вотъ вамъ на первый разъ штрафъ въ десять тысячъ франковъ и тюрьма на два года. Благодарите, что мы такъ милостивы, но берегитесь! Писатель въ какой-нибудь книгѣ позволитъ себѣ отнестись сочувственно къ тому или другому вопросу, къ той или другой личности въ другой странѣ, среди другого народа, тотчасъ же онъ слышитъ грозныя слова: а! такъ вы относитесь сочувственно къ такому-то и къ тому-то, значитъ вы сами соціалистъ, революціонеръ, значитъ вы думаете какъ бы свергнуть существующій порядокъ вещей! Книга предается изгнанію, запрещенію, сожженію черезъ руку палача. Если же паче чаянія заслужилъ нареканіе не разъ, а два, а то еще того хуже три, тогда, писатель, прощайся съ твоею родною страною, бѣги, если ты не хочешь сгибнуть въ какой нибудь S-te Pélagie или въ отдаленной колоніи!

Вотъ что заставляетъ общество относиться съ особеннымъ уваженіемъ къ литературѣ и литераторамъ, вотъ что дѣлаетъ изъ Рошфора, взятаго какъ типъ, депутата, знаменитость, популярнѣйшаго человѣка. Рискъ, сопряженный съ литературною дѣятельностью, окружаетъ человѣка, рѣшающагося на него, извѣстнымъ ореоломъ, возлагаетъ на его чело вѣнецъ мученичества за правду, за свободу. И общество, относящееся такимъ образомъ къ независимымъ писателямъ, окружающее ихъ особеннымъ почетомъ и уваженіемъ, справедливо; этотъ почетъ, это уваженіе доказываетъ, что само общество заслуживаетъ того, чтобы для него рисковали своимъ спокойствіемъ, состояніемъ, свободою, что оно не стоитъ на той низкой степени развитія, когда люди не умѣютъ цѣнить заслугъ, что оно не настолько еще гнило, чтобы про писателя независимаго, готоваго на рискъ, сказать: дуракъ! чего онъ суется! по-дѣломъ ему! Такое общество не заслуживаетъ вовсе независимыхъ писателей, и въ концѣ концовъ они дѣйствительно переводятся въ немъ, уходя въ другія профессіи, болѣе спокойныя и менѣе раздражающія. Уничтожьте завтра свободу печати въ Англіи, конечно общество и правительство потеряютъ

очень много, но журналисты, литераторы подымутся. Отсюда можно сдѣлать и такой выводъ: если какое-нибудь правительство желаетъ ослабить значеніе и силу литературнаго мірка, то для этого прежде всего нужно расширить свободу печати, нужно сдѣлать такъ, чтобы независимый писатель былъ низведенъ съ пьедестала мученика, чтобы онъ сдѣлался обыкновеннымъ явленіемъ. Франція даетъ блистательное подтвержденіе такому положенію. Теперь, когда печать, если и не получила полной свободы, то все-таки сдѣлалась несравненно свободнѣе, теперь уже невозможно повтореніе исторіи фельетониста попадающаго, благодаря двумъ-тремъ удачнымъ очеркамъ, въ депутаты, въ члены правительства. Но не такія, конечно, соображенія должны побуждать всякое общество и всякое правительство желать установленія свободы печати. Она необходима для правительства, потому что путемъ свободной прессы оно получаетъ свѣдѣнія о всѣхъ нуждахъ края, удовлетвореніе которыхъ разумѣется составляетъ его цѣль, его желаніе; она оказываетъ ему услугу, сообщая ему о каждомъ злоупотребленіи одного изъ его мѣстныхъ органовъ, злоупотребленіи противномъ, конечно, истиннымъ стремленіямъ и видамъ правительства. Свобода печати необходима точно также для общества, которое безъ нея похоже на безпомощное дитя, неимѣющее физической возможности заявить о томъ, что ему нужно, что́ у него болитъ.

Рядомъ съ свободою печати, ограниченною только нравами англійскаго общества, не терпящаго слишкомъ рѣзкихъ выходокъ противъ религіи, противъ конституціи, противъ королевы, и отворачивающимся въ такомъ случаѣ отъ журнала или газеты, стоитъ свобода общественныхъ собраній, публичныхъ митинговъ. Она дополняетъ тѣ прочныя гарантіи, которыми обладаетъ англійское общество противъ всяческихъ злоупотребленій и нарушеній своихъ правъ — правъ свободнаго народа. Право это, что бы ни говорили такіе писатели какъ Ледрю-Ролленъ, весьма дѣйствительно, и въ политической жизни народа оно играетъ весьма видную роль. Ледрю-Ролленъ, принявшій на себя неблагодарную роль уронить во что бы то ни стало политическое устройство Англіи, спрашиваетъ съ тономъ грознаго судьи: «обезпеченъ ли по крайней мѣрѣ народъ въ драгоцѣнномъ правѣ—правѣ свободнаго собранія?» и на этотъ вопросъ онъ съ необыкновенною рѣшительностью отвѣчаетъ: «пускай же знаютъ, что этого права, которымъ народъ пользовался еще вчера, онъ можетъ быть лишенъ завтра, такъ какъ оно зависитъ отъ каприза; его терпятъ, это фактъ, а не право». И онъ думаетъ, что уже никто не посмѣетъ усом-

ниться въ справедливости его словъ, прочитавъ статью закона, говорящую, что: «всякое публичное собраніе можетъ быть объявлено нарушающимъ порядокъ»; но въ томъ-то вся и сила, въ томъ-то и заключается великое значеніе свободныхъ нравовъ въ странѣ, что слово «можетъ быть» лишено всякой важности. Мало ли что «можетъ» сдѣлать сила, мало ли на что дурное «можетъ» рѣшиться человѣкъ; но если оно умѣряется и уравновѣшивается разсудкомъ, если въ немъ говоритъ сильное нравственное чувство, то это «можетъ» никогда не перейдетъ въ дѣйствительность, никогда не осуществится на практикѣ. Гораздо лучше то общество, среди котораго «можетъ» дѣлаться много недобраго, и не дѣлается въ силу вкоренившихся нравовъ,—чѣмъ то, среди котораго по буквѣ закона «не можетъ» быть ничего дурного, и которое въ то же время полно всяческихъ злоупотребленій, творящихся ежечасно, ежеминутно. Имѣть хорошіе законы разумѣется весьма важное дѣло для общества, но еще важнѣе для него имѣть хорошіе нравы, заставляющіе нѣмѣть всякій дурной законъ. Вотъ этимъ-то послѣднимъ и сильна Англія. Что́ за дѣло, что право собраній обставлено всевозможными грозными статутами, когда всѣ они давно отошли въ царство мертвыхъ; важно то, что Англія фактически пользуется правомъ собраній, столь драгоцѣннымъ для политической и соціальной жизни націи. Каждый день, чтобы не сказать каждый часъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ Англіи происходятъ народныя собранія, посвященныя обсужденію всевозможныхъ вопросовъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Эти собранія представляются однимъ изъ самыхъ сильныхъ образовательныхъ средствъ страны. Народъ лишенъ училищъ, народъ не имѣетъ часто времени слѣдить за внутренними и внѣшними дѣлами по журналамъ, газетамъ, да часто и не умѣетъ читать, но всякій находитъ время бывать въ публичныхъ собраніяхъ, гдѣ онъ знакомится съ положеніемъ извѣстнаго вопроса, съ событіемъ, могущимъ имѣть то или другое вліяніе.

Публичныя собранія, митинги — это школа, въ которой народъ безъ грамоты обучается политической жизни, знакомится съ вопросами экономическими, высказываетъ то или другое мнѣніе, и такимъ образомъ, голосъ народа раздается въ общественной жизни, народъ постоянно на виду, онъ напоминаетъ о себѣ довольно громко, чтобы никто не забывалъ о его существованіи. То, что думаетъ объ извѣстныхъ событіяхъ, объ извѣстномъ вопросѣ нѣмецкій народъ, то, что думаетъ французскій, часто весьма мудрено узнать, но всегда извѣстно, что́ думаетъ англійскій народъ. Сегодня одно правительство объявляетъ другому войну—по всей

Англіи немедленно происходятъ митинги, народъ знакомится съ причинами войны, со всѣми обстоятельствами, предшествовавшими объявленію ея, постановляетъ резолюціи, которыя громко свидѣтельствуютъ, кому и почему сочувствуетъ англійскій народъ. Завтра вспыхнетъ гдѣ-нибудь революція, гражданская война—опять митинги, опять рѣчи, опять резолюціи. Но что въ нихъ прока, могутъ сказать: отъ этихъ резолюцій никому ни тепло, ни холодно. Не совсѣмъ такъ. Эти митинги и резолюціи прежде всего дѣйствуютъ на направленіе политики англійскаго кабинета, и часто дѣйствуютъ весьма благотворно. Кто не помнитъ того времени, когда страшная междоусобная война въ Америкѣ была во всемъ разгарѣ; кто не помнитъ двусмысленнаго поведенія англійскаго кабинета и его скрываемыхъ, но все-таки слишкомъ явныхъ симпатій къ южанамъ, на кровавыхъ знаменахъ которыхъ было написано позорное слово: рабство! Что произошло бы, если бы англійское правительство открыто приняло сторону Юга, конечно трудно сказать, но несомнѣнно одно, что Англія покрылась бы вѣчнымъ позоромъ. Если Англія избавилась отъ этого позора, то въ значительной степени благодаря публичнымъ собраніямъ, на которыхъ народъ громко заявлялъ свое отвращеніе къ дѣлу Юга и весьма внушительно говорилъ правительству: дѣло Юга проклятое дѣло, не подавайте ему руку помощи! Въ то время, когда англійское правительство сквозь пальцы и даже одобрительно смотрѣло на снаряжавшуюся «Элебему» и другихъ крейсеровъ, отправлявшихся изъ англійскихъ портовъ, въ то время, когда значительная часть прессы, съ Times'омъ во главѣ, почти открыто становилась на сторону Юга, народъ въ публичныхъ собраніяхъ произносилъ торжественную анаѳему тѣмъ, которые борются за «свободу держать въ рабствѣ часть человѣческой расы; за свободу отрывать жену отъ мужа и выхватывать дѣтей изъ рукъ матерей; за свободу пытать и подвергать смерти съ закономъ въ рукахъ отца, защищающаго честь своей дочери! и т. д.» Въ такихъ словахъ англійскій народъ выражалъ свой взглядъ, свое мнѣніе, и подобныя резолюціи безъ всякаго сомнѣнія содѣйствовали тому, что удержали англійское правительство на томъ скользкомъ пути, на который оно такъ необдуманно и съ такимъ рискомъ желало вступить. Въ то время англійское правительство недружелюбно конечно смотрѣло на народные митинги, постановлявшіе такія резолюціи, но оно и не подумало воспользоваться мертвою буквою закона и воспретить подобныя собранія. Это было бы слишкомъ противно нравамъ англійскаго народа. Спросите теперь это правительство, и конечно оно сознается, какъ благо-

дарно оно народу, остановившему его въ то время на пагубномъ пути. Тѣ, кто считаетъ подобные митинги не только безполезными, но вредными для спокойствія страны, кто обзываетъ пустою болтовнею все, что говорится на нихъ, пусть вдумаются тѣ въ вышеприведенный примѣръ, и тогда конечно потребуется особое упрямство, чтобы не понять всей важности, всей пользы, которую приноситъ съ собою Англіи драгоцѣнное право народныхъ собраній, пользу для правительства, пользу для народа. А сколько еще другихъ примѣровъ можно было бы привести великаго значенія права собраній, права митинговъ въ политической жизни Англіи.

Свобода печати и свобода собраній обезпечиваютъ такимъ образомъ за каждымъ англичаниномъ право открыто высказывать свои мысли во всѣхъ вопросахъ, по всѣмъ событіямъ, обезпечиваютъ право обсуждать свои внутреннія дѣла, дѣйствія правительства, принимаемыя имъ мѣры, допускаютъ частную инціативу во всѣхъ общественныхъ вопросахъ, какой бы отрасли жизни они ни касались. Высказывая свои мысли англичанинъ отвѣтственъ только передъ общественнымъ мнѣніемъ, онъ рискуетъ только, если мысли его не заслуживаютъ вниманія, прослыть въ глазахъ своихъ соотечественниковъ пустымъ человѣкомъ, но онъ никогда не рискуетъ поплатиться своею свободою, своею личностью. Онъ не рискуетъ отвѣтственностью передъ правительствомъ, онъ знаетъ, что какъ бы рѣзки ни были его нападенія на него, правительство никогда не станетъ его преслѣдовать, какъ то случается въ другихъ государствахъ западной Европы. Въ послѣдней случается сплошь и рядомъ, что правительство допускаетъ публичное собраніе, но допустивъ его и услышавъ со стороны кого-нибудь изъ участвующихъ въ немъ лицъ слишкомъ рѣзкое нападеніе, слишкомъ рѣзкое порицаніе своихъ дѣйствій, оно, нимало не стѣсняясь, прибѣгаетъ къ карательнымъ мѣрамъ противъ лица, дозволившаго себѣ порицаніе и нападеніе. Въ Англіи это невозможно; и законы, а главное, нравы, существующіе въ странѣ и проникнувшіе въ правительство, дѣлаютъ подобное преслѣдованіе немыслимымъ. Законъ, охраняющій личную свободу человѣка—это великій законъ, великій актъ, извѣстный подъ именемъ Habeas corpus. Счастлива та страна, въ которой могло сложиться изреченіе: «my house is my castle», и чтобы ни говорили систематическіе порицатели англійской жизни, англійскихъ учрежденій, сколько бы они ни указывали на нарушеніе великаго закона, онъ остается все-таки тѣмъ непронзимымъ щитомъ, за которымъ каждый англичанинъ можетъ гордо держать

свою голову. Нельзя, конечно, не согласиться, что не разъ правительство во время смутъ и волненій прибѣгало къ временной отмѣнѣ Habeas corpus, но каждый разъ, что́ оно рѣшалось на эту мѣру, во всей странѣ поднимался такой ропотъ, въ печати, на митингахъ высказывались такія рѣзкія порицанія правительства, что каждый разъ оно спѣшило поскорѣе отмѣнить исключительную мѣру и снова водворить этотъ палладіумъ индивидуальной свободы, который именуется Habeas corpus. И гдѣ же, въ какой части королевства правительство рѣшалось прибѣгать къ его временной отмѣнѣ? Въ Ирландіи, то-есть, въ той части государства, которая состоитъ въ «неровномъ бракѣ» съ Англіею. Исключительныя мѣры, которыя принимаются по отношенію къ Ирландіи, доказываютъ только одно, что право силы, право завоеванія одинаково во всѣхъ странахъ является самымъ непрочнымъ, самымъ шаткимъ, самымъ деморализующимъ правомъ. Если въ политической сферѣ Англіи приходится подчасъ краснѣть за себя, то это главнымъ образомъ, чтобы не сказать исключительно, благодаря этому праву силы, которымъ поддерживается связь между Англіею и Ирландіею.

Но если не слѣдуетъ быть слѣпымъ и закрывать глаза на нарушеніе въ смутное время Habeas corpus, то не нужно также, въ силу рѣдкихъ нарушеній этого священнаго права, не признавать вовсе его великаго значенія, какъ дѣлаетъ то, напримѣръ, Ледрю-Ролленъ. Право это въ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть нарушаемо, но тѣмъ не менѣе въ обыкновенное время въ девятисотъ-девяносто-девяти случаяхъ на тысячу, оно представляется однимъ изъ крѣпкихъ оплотовъ политической свободы Англіи. Что́ бы ни печаталъ, что́ бы ни говорилъ, что́ бы ни проповѣдывалъ англичанинъ, онъ можетъ спокойно спать подъ охраной закона и нравовъ Англіи. Онъ можетъ быть увѣренъ, что никто не станетъ придумывать заговоровъ или государственной измѣны, какъ дѣлалось на нашихъ глазахъ въ Германіи и во Франціи, для того, чтобы имѣть возможность отвязаться отъ него, какъ отъ безпокойнаго человѣка; онъ можетъ быть увѣренъ, что его личная свобода не будетъ нарушена, и что жилище его неприступно одинаково днемъ, какъ и ночью. Его не отправятъ ни въ какую Кайенну, ни въ какую цитадель по подозрѣнію въ какомъ-нибудь небываломъ или измышленномъ преступленіи, его жилище неприступный за́мокъ, его домъ—крѣпость. Пусть радикальные писатели, въ родѣ Ледрю-Роллена, неистово порицающіе Англію, укажутъ другую страну, въ которой однимъ изъ ея самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей было бы ска-

зано то, что было сказано въ Англіи лордомъ Чатамомъ: словами, достойными быть вычеканенными изъ золота: «Бѣднѣйшій человѣкъ, сказалъ онъ, можетъ сопротивляться въ своей хижинѣ всей власти короля. Эта хижина можетъ разрушиться отъ ветхости, крыша ея течетъ, въ нее проникаетъ вѣтеръ, буря клонитъ ее на сторону, но королю Англіи воспрещенъ входъ въ нее. Вся государственная власть не смѣетъ переступить порогъ разрушившагося зданія».

Горе тому, кто переступитъ этотъ порогъ—онъ долженъ будетъ предстать передъ суровымъ, но справедливымъ англійскимъ судьею. Каждый англичанинъ можетъ быть увѣренъ, что онъ найдетъ удовлетвореніе за свое нарушенное право, кто бы ни былъ этотъ нарушитель, начиная отъ наслѣдника престола и кончая послѣднимъ ветошникомъ. Судъ окруженъ въ Англіи глубокимъ уваженіемъ и никто не считаетъ для себя унизительнымъ предстать передъ судомъ, потому что никто не считаетъ унизительнымъ уважать законъ. Какъ бы высоко ни былъ поставленъ человѣкъ, онъ по требованію суда немедленно является, потому что знаетъ, что онъ предстанетъ не передъ тѣмъ или другимъ лицомъ, а передъ закономъ. Кто не помнитъ, какъ года два тому назадъ принцъ Вельскій явился свидѣтелемъ по одному дѣлу, въ которомъ самъ онъ игралъ щекотливую роль. И появленіе наслѣдника англійскаго престола на судъ въ качествѣ свидѣтеля, конечно, не только не уронило его достоинства, но скорѣе возвысило, потому что показало въ немъ человѣка, уважающаго законы своей страны, которой онъ долженъ быть представителемъ. Англійскій судъ не знаетъ изъятій, исключеній, потворствъ сильнымъ міра, и это, конечно, какъ нельзя болѣе возвышаетъ его значеніе. Рядомъ съ этимъ испытанная независимость англійскаго судьи заставляетъ относиться къ его рѣшенію съ полнымъ довѣріемъ, съ безпредѣльнымъ уваженіемъ. Какое бы ни было преступленіе, простая ли кража или государственное преступленіе, англійскій судъ остается всегда одинаковъ. «Нужно читать, говоритъ Тэнъ, отчеты уголовныхъ процессовъ, чтобы понять до какой степени роль судьи стоитъ здѣсь высоко и съ какимъ достоинствомъ она выполняется. Здѣсь вы никогда не увидите, чтобы въ немъ проскользнулъ духъ преслѣдованія, чувство полицейскаго чиновника, желаніе отомстить обществу, инстинктъ охотника, который во-что бы то ни стало хочетъ подстрѣлить дичь». Вотъ отчего, какъ справедливо замѣчаетъ Тэнъ, когда судья произноситъ свой приговоръ, онъ произноситъ его съ авторитетомъ и съ тѣмъ безпристрастіемъ, которое возможно только у глубоко убѣж-

деннаго человѣка. «Много разъ, говоритъ авторъ «Notes sur l'Angleterre», мнѣ казалось, что само правосудіе, еслибы оно могло заговорить, говорило бы именно такъ. Человѣкъ исчезъ, чтобы сдѣлаться простымъ органомъ правды и права». Тэнъ находитъ, что рядомъ съ этою прекрасною стороною англійскаго суда, съ его безпристрастіемъ, независимостью, есть и дурная, заключающаяся въ томъ, что отдѣльный человѣкъ болѣе гарантированъ въ своихъ правахъ нежели общество, и что часто въ виду только невозможности добыть положительныя доказательства виновности человѣка, многіе преступники ускользаютъ изъ рукъ правосудія. Но, спрашивается, развѣ лучше было бы, еслибы происходило наоборотъ, еслибы англійскіе судьи съ преступною легкостью относились къ доказательствамъ виновности человѣка и осуждали бы его, не имѣя полной увѣренности въ его виновности?

Въ Англіи приговоры суда, рѣшенія присяжныхъ подвергаются сплошь и рядомъ самой ѣдкой критикѣ общественнаго мнѣнія. Оно нисколько не стѣсняется въ этой критикѣ, часто оно находитъ рѣшеніе неправильнымъ, нападаетъ на него, но никогда не случается, чтобы общественное мнѣніе въ Англіи бросало бы въ судей или присяжныхъ грязными подозрѣніями или обвиненіями въ потворствѣ, продажности и т. п. Англійское общество слишкомъ уважаетъ себя, оно слишкомъ увѣрено въ своей честности, чтобы кто-нибудь осмѣлился сказать: это дѣло рѣшено такъ, потому, что судьи или присяжные были запрошены или, еще хуже, подкуплены. Судъ и судебныя рѣшенія не изъяты изъ критики общества, но эта критика всегда направляется на дѣло, а не на лица. Въ силу этого и въ дѣлахъ судебныхъ, какъ и во всемъ остальномъ, свобода выраженія общественнаго мнѣнія служитъ къ пользѣ, а не ко вреду цѣлой страны.

Такимъ образомъ, свобода печати, право собраній, Habeas corpus и независимый судъ составляютъ тѣ незыблемыя основы политической жизни Англіи, о которыя всякая попытка къ насилію, всякое покушеніе на произволъ должны были бы неминуемо разбиваться. Онѣ встрѣтили бы себѣ сильный отпоръ въ серьёзномъ, строгомъ, могущественномъ, подчасъ до деспотизма, общественномъ мнѣніи, которое раздавило бы ихъ силою одного своего прикосновенія. Никакое нарушеніе права, никакое злоупотребленіе, откуда бы оно ни выходило, не можетъ укрыться отъ общественнаго мнѣнія, которое караетъ сурово, неумолимо, которое никогда не прощаетъ и клеймитъ вѣчнымъ позоромъ всякаго, кто оказывается виновнымъ въ нечестномъ служеніи обществу. Въ другихъ обществахъ люди сплошь и рядомъ возвышаются низостью, и часто,

чѣмъ безнравственнѣе человѣкъ, чѣмъ больше низости обнаруживаетъ онъ, тѣмъ дальше идетъ онъ, тѣмъ выше повышается по общественной лѣстницѣ. Въ Англіи это немыслимо. Англійская свобода, какъ замѣчаетъ Монталамберъ обладаетъ неисчерпаемымъ кладомъ: это характеромъ своихъ политическихъ дѣятелей. «У нихъ могутъ быть предразсудки, увлеченія, безчисленныя слабости. Ихъ можно упрекать въ узкихъ и исключительныхъ воззрѣніяхъ, въ неудержимомъ національномъ эгоизмѣ, въ слѣпой гордости и часто смѣшной непослѣдовательности,—все это можетъ быть! Но то, чего вы никогда не встрѣтите въ Англіи, это цинизма политическаго отступничества, гнуснаго обожанія силы и успѣха, нравственнаго пониженія, которое такъ часто, съ горечью прибавляетъ Монталамберъ, встрѣчается въ нашей исторіи». Общественное мнѣніе никогда не прощаетъ низость, человѣкъ не можетъ возвыситься благодаря своей подлости, человѣкъ не можетъ построить своего благополучія, своей силы, своего вліянія на общественномъ неблагополучіи. Въ Англіи немыслимо, выражаясь словами Монталамбера, чтобы человѣкъ могъ стать во главѣ правленія, «принося въ жертву своему самолюбію честь и нравственное начало».

Политическая жизнь Англіи, безъ сомнѣнія, не достигла еще своего апогея, много еще подлежитъ развитію, усовершенствованію, но и теперь уже она стоитъ на такой высотѣ, она обладаетъ такою силою и окружена такими гарантіями, что на дальнѣйшее ея развитіе можно смотрѣть спокойно, не опасаясь увидѣть въ будущемъ тѣхъ страшныхъ и грозныхъ потрясеній, изъ которыхъ никогда нельзя сказать впередъ, выйдетъ ли народъ побѣдителемъ или побѣжденнымъ, властелиномъ или рабомъ. Политическая жизнь Англіи можетъ и должна служить образцомъ для всѣхъ народовъ континентальной Европы, переживающихъ въ настоящее время тяжелый болѣзненный кризисъ, испытывающихъ постоянное волненіе, бросающихся отъ одной формы правленія къ другой, отъ одного строя политической жизни къ другому и постоянно попадающимъ изъ огня въ полымя. Англія же, такъ недавно аристократическая, мѣрными, но вовсе не медленными шагами, по сознанію даже противниковъ аристократіи, приближается къ тому строю понятій, нравовъ, всей жизни, который зовется демократіею, т.-е. къ тому строю, котораго такъ тщетно добиваются народы континентальной Европы.

Свободная политическая жизнь Англіи важна не только потому, что она предохраняетъ народъ отъ свирѣпыхъ бурь и грозныхъ политическихъ урагановъ, не только потому, что она обез-

печиваетъ за народомъ хорошое управленіе и пользованіе самыми драгоцѣнными правами; она важна по тому благотворному вліянію, которое она оказываетъ на всѣ другія сферы народной жизни. Мы уже видѣли много уродливаго въ англійскомъ обществѣ; если эти уродливости не такъ чувствительны, если онѣ не такъ рѣзко бросаются въ глаза, то только и исключительно благодаря тому простору для противодѣйствія имъ, какой находятъ англичане въ гарантіяхъ своей политической жизни. Но о самой страшной уродливости англійскаго общества мы еще не упомянули ни однимъ словомъ. Она заключается въ экономическихъ отношеніяхъ различныхъ слоевъ англійскаго народа, въ томъ экономическомъ порядкѣ, на спокойное измѣненіе котораго направлены теперь всѣ лучшія силы Англіи. Въ этомъ отношеніи политическая свобода оказывала и продолжаетъ оказывать самое благотворное вліяніе. Безъ нея болѣзнь, заключающаяся въ экономическихъ отношеніяхъ, была бы загнана внутрь, и тогда кто можетъ сказать, какимъ бы экономическимъ бѣдствіямъ не подверглась англійская нація? Теперь же, благодаря политической свободѣ, эта болѣзнь не сосредоточивается сама въ себѣ, она выходитъ наружу и при дневномъ свѣтѣ ищетъ для себя выхода. Наружныя же болѣзни излечиваются всегда гораздо легче, чѣмъ внутреннія. Къ несчастію только одна Англія дошла до этой простой истины. Государства же западной Европы продолжаютъ думать, что если болѣзнь загнана внутрь, то организмъ спасенъ. Фатальное заблужденіе, за которое западныя государства континентальной Европы могутъ заплатить дорогою цѣною. Англія смотритъ иначе. Она безъ ложнаго стыда и безъ страха объявляетъ о своей болѣзни, сознавая, что скрывать ее было бы не только безполезно, но и крайне вредно. Посмотримъ же, какъ смотритъ на эту болѣзнь авторъ «Notes sur l'Angleterre».

IX.

Нѣтъ вопроса болѣе щекотливаго, нѣтъ вопроса, который возбуждалъ бы болѣе горячіе споры, поднималъ бы больше ненависти и вражды, чѣмъ этотъ злосчастный вопросъ объ экономическихъ отношеніяхъ народа. Въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, что возникли различные рабочіе союзы, съ тѣхъ поръ, что французское правительство, а за нимъ и вся Европа объявили подобные союзы виновниками междоусобной войны, виновниками всѣхъ бѣдствій, вопросъ этотъ сдѣлался особенно щекотливъ—

вотъ причина, которая могла бы заставить пройти полнымъ молчаніемъ все, что касается экономической стороны жизни англійскаго народа. Къ тому же вопросъ этотъ не такого свойства, чтобы о немъ можно было говорить, между прочимъ, на нѣсколькихъ страничкахъ — чѣмъ мрачнѣе какая-нибудь сторона жизни, тѣмъ больше свѣта должно быть пролито на нее. Но не сказать ни слова объ экономическихъ отношеніяхъ англичанъ, значило бы оставить слишкомъ большой пробѣлъ въ очеркѣ жизни англійскаго народа, какъ ни сжатъ, какъ ни скроменъ этотъ очеркъ. Не проходя поэтому вполнѣ безмолвно мимо этого вопроса, я замкнусь, тѣмъ не менѣе, въ тѣ рамки, въ которыя ставитъ его Тэнъ, и ограничусь исключительно передачей его наблюденій, его воззрѣній и впечатлѣній. Тэнъ не даетъ, конечно, подробнаго анализа экономическихъ отношеній Англіи, несправедливо было бы и требовать этого отъ книги, посвященной изображенію общей картины страны. Онъ не высказываетъ оригинальнаго взгляда на эти отношенія, онъ не выставляетъ своего воззрѣнія на жгучій вопросъ—онъ спокойно и безстрастно слѣдуетъ своей системѣ: записываетъ все, что видитъ, все, что попадается ему на глаза, и этого довольно, чтобы составить себѣ общее понятіе объ экономическихъ отношеніяхъ англійскаго народа.

Первое впечатлѣніе Тэна, это—что нигдѣ богатые классы такъ рѣзко не отдѣлены отъ бѣдныхъ, какъ въ Англіи. Съ одной стороны, ему бросается въ глаза страшное богатство, съ другой—поражающая нищета. Переходъ отъ блестящихъ улицъ къ смраднымъ ямамъ слишкомъ рѣзокъ,—мало посредствующихъ звеньевъ. Бѣдность презирается, бѣдность позоритъ, отъ нея сторонятся, какъ отъ чумы. На человѣка, выросшаго на идеѣ равенства, должно производить непріятное впечатлѣніе объявленіе, вывѣшенное при входѣ въ одинъ изъ лондонскихъ парковъ: «Сторожа обязаны запрещать входъ въ паркъ всѣмъ нищимъ, всѣмъ, одѣтымъ въ лохмотья или въ грязныя платья, всѣмъ, которые по внѣшности не имѣютъ приличнаго вида». Какъ ни равнодушенъ Тэнъ къ счастью или несчастью своихъ ближнихъ, но такое объявленіе его задѣваетъ все-таки непріятно, и онъ прибавляетъ: «съ каждымъ шагомъ чувствуешь себя болѣе удаленнымъ отъ Франціи». Онъ проникаетъ въ нищіе кварталы Лондона, и первая мысль, которая приходитъ ему въ голову, это та, что до сихъ поръ онъ никогда еще не видѣлъ такой нищеты. Она принадлежитъ Англіи, Лондону, Манчестеру, другимъ англійскимъ городамъ, но ее не встрѣтишь ни въ Парижѣ, ни въ Марселѣ, ни въ другихъ городахъ Европы. Онъ пораженъ тѣми контрастами, въ

которыхъ живутъ семьи, тѣмъ мракомъ, тою грязью, которою окружено человѣческое существо; онъ заноситъ въ свою тетрадь описаніе блѣдныхъ, изнуренныхъ лицъ, голыхъ тѣлъ, вовсе не прикрытыхъ тѣми тряпками, которыя висятъ на нихъ, людей, точно одичалыхъ, по виду своему приближающихся скорѣе къ животному, чѣмъ къ человѣку. Тэнъ весьма яркими красками описываетъ на первыхъ страницахъ своей книги мрачныя жилища и мрачныя фигуры, порожденныя англійскою нищетою; описанія эти должны поражать нѣмца, француза, голландца и т. д., но врядъ ли они могутъ поразить русскаго, пожалуй, даже петербуржца, но только побывавшаго по близости, ну хоть въ Псковской губерніи, и видѣвшаго, какъ живутъ въ деревняхъ бывшіе помѣщичьи крестьяне. И жилища, и видъ этихъ людей, конечно, немногимъ разнятся отъ того, что̀ описываетъ Тэнъ. Но Тэнъ не останавливается на первомъ впечатлѣніи. Онъ отправляется во внутрь страны, въ села, деревни, города, и такимъ образомъ ближе знакомится, какъ съ положеніемъ сельскаго, такъ и съ положеніемъ рабочаго населенія Англіи.

Тэнъ посѣщаетъ не одну англійскую деревню, не одно жилище земледѣльца, онъ видитъ, какъ большая семья тѣснится въ двухъ маленькихъ мрачныхъ комнатахъ, въ которыхъ сушится бѣлье, дымитъ каминъ; разговариваетъ съ женщинами, съ матерью семейства и свидѣтельствуетъ, что люди здѣсь имѣютъ самый печальный, унылый, болѣзненный видъ. Мрачными красками рисуетъ онъ эту жизнь, и ему кажется, что хуже этихъ избъ съ дымящимися каминами ужъ и быть ничего не можетъ. Очевидно, что Тэнъ избалованъ довольствомъ, которое онъ вездѣ встрѣчалъ среди французскихъ земледѣльцевъ, иначе жизнь англійскаго земледѣльца ему не показалась бы такъ мрачна. Русскій читатель порой пожалуй и улыбнется, читая Тэна и его описанія, припоминая другія жилища, гдѣ цѣлая крестьянская семья, человѣкъ восемь, десять, живетъ въ одной конурѣ безъ оконъ, безъ трубы, въ конурѣ, рядомъ съ людьми, вмѣщающей въ себѣ и животныхъ. Тэнъ заноситъ въ свою книгу, что въ Англіи есть семьи, которыя ѣдятъ говядину всего разъ въ недѣлю; но чтобы онъ сказалъ, если бы зналъ, что милліоны людей, тоже въ европейскомъ государствѣ, ѣдятъ говядину разъ въ годъ, а случается, что и ни разу. Впрочемъ, Тэнъ сравниваетъ Англію только съ Франціей, а до остальныхъ странъ ему нѣтъ дѣла. Насмотрѣвшись на деревенскую жизнь, онъ приходитъ къ заключенію, что положеніе земледѣльческихъ классовъ несравненно лучше во Франціи, нежели въ Англіи. «Я думаю, что имѣю

право сказать, говоритъ Тэнъ, что у нашихъ четырехъ милліоновъ крестьянъ-собственниковъ довольство, особенно въ послѣднія двадцать лѣтъ, постоянно увеличивается; порокъ нашего строя, прибавляетъ онъ, проявляется другими болѣзненными явленіями, со стороны политики, непрочностью правительства и недостаткомъ неприкосновенныхъ вольностей». Въ противность Франціи, гдѣ благосостояніе увеличивается, въ Англіи оно уменьшается, и бѣдные, выражаясь словами Тэна, становятся еще бѣднѣе. Онъ приводитъ въ примѣръ и доказательство своихъ словъ чисто земледѣльческіе округи, гдѣ заработная плата не идетъ выше семи-восьми шиллинговъ въ недѣлю, гдѣ крестьянинъ не можетъ содержать свою семью и вынужденъ посылать на работу свою жену и дѣтей. Къ земледѣлію, основанному на началахъ большой культуры, примѣняется «порядокъ, однообразіе и всѣ дурныя стороны мануфактурнаго производства». Дѣти преждевременно хилѣютъ, не получаютъ никакого образованія, которое замѣняется съ избыткомъ развратомъ. Наблюденія Тэна приводятъ его къ заключенію, что классъ земледѣльцевъ-батраковъ самый несчастный и вмѣстѣ самый грубый въ Англіи. То замѣчаніе, которое такъ справедливо во Франціи, можно сдѣлать и по отношенію къ англійскому сельскому населенію: между городскимъ рабочимъ населеніемъ и сельскимъ во всемъ, что касается нравственнаго развитія, не можетъ быть даже и сравненія, настолько городское населеніе выше сельскаго.

Тэнъ, констатируя бѣдственное положеніе земледѣльческаго населенія въ Англіи, не задается какъ бы нестоющимъ вниманія вопросомъ, что же дѣлается въ странѣ, какія мѣры предпринимаются, или готовятся предпринять, чтобы вырвать страну изъ того положенія, при которомъ «бѣдные становятся все бѣднѣе». Если такой фактъ существуетъ, значитъ, онъ и долженъ существовать, радикальныя мѣры ни къ чему не ведутъ. «Каждое государство имѣетъ свои наслѣдственныя болѣзни; можно только подтвердить, что рана дѣйствительно существуетъ, указать, что она зависитъ отъ всего организма, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣнить временные палліативы; большія хирургическія операціи, которыя иными рекомендуются, ведутъ развѣ къ тому, что больного дѣлаютъ еще болѣе больнымъ». Въ этихъ послѣднихъ словахъ сказывается все соціальное міросозерцаніе Тэна. Очевидно, если Англія желаетъ быть счастлива, она должна внять совѣту этого чистѣйшаго индифферента и живо проститься съ тѣми замѣчательными философами, съ тѣми замѣчательными государственными людьми, которые, соглашаясь съ положеніемъ

Тэна, что «бѣдные становятся все бѣднѣе», не соглашаются съ его выводомъ и наперекоръ ему полагаютъ, что общество подъ опасеніемъ смертнаго себѣ приговора обязано положить предѣлъ старому экономическому порядку вещей, и требуютъ на первый разъ ни болѣе, ни менѣе какъ измѣненія существующей системы земельной собственности. Слова, что «бѣдные становятся все бѣднѣе», а богатые богатѣютъ, не сорвались у Тэна случайно; нѣтъ, онъ нѣсколько разъ возвращается къ этому положенію, и говоря о богатомъ классѣ землевладѣльцевъ, строящихъ свои роскошные замки среди поразительной нищеты, что́ способствуетъ впрочемъ къ тому, что роскошь аристократическихъ замковъ становится еще болѣе рельефна, онъ замѣчаетъ, что два съ половиною мильярда годового сбереженія Англіи идутъ на увеличеніе богатыхъ классовъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ поговоркѣ: «деньга къ деньгѣ льнетъ». Эти два съ половиною мильярда «служатъ менѣе для облегченія бѣдныхъ, чѣмъ для увеличенія богатства богатыхъ». Вотъ оттого-то почти ни одинъ работникъ-земледѣлецъ не можетъ существовать на свой заработокъ и волей-неволей долженъ прибѣгать къ подаяніямъ, къ милостынѣ. Съ этимъ мнѣніемъ вполнѣ соглашается Тэнъ, когда онъ говоритъ: «въ концѣ концовъ, сельскіе рабочіе живутъ частью милостынею, и столь тяжелыя poor-rates, столь щедрая частная благотворительность, едва достаточны, чтобы поддерживать ихъ существованіе».

Придя къ такому печальному заключенію, Тэнъ съ любовью останавливается на идилліи, заключающейся въ томъ «отеческомъ» попеченіи и покровительствѣ, которое богатые оказываютъ бѣднымъ. Другого средства для выхода изъ того экономическаго порядка, который дѣлаетъ невозможнымъ существованіе человѣка своимъ трудомъ, онъ не знаетъ и знать не хочетъ, и всякія другія попытки, разумныя или неразумныя, цѣлесообразныя или нѣтъ, онъ называетъ опасными «хирургическими операціями», способными только ухудшить положеніе вещей. Итакъ, исходъ изъ бѣдственнаго экономическаго порядка вещей онъ видитъ только въ патронатѣ, но за то объ этомъ патронатѣ онъ говоритъ съ удивительною нѣжностію. Въ самомъ дѣлѣ, какая прелестная идиллія: съ одной стороны, грубые, невѣжественные, пропивающіе вслѣдствіе своей нищеты послѣдній пенсъ, крестьяне, съ другой, благородные лорды и чувствительныя леди, небрезгающія заходить въ жалкія лачуги, прикасаться своими нѣжными руками до грязной нищеты и даже болѣе, удѣляющіе этимъ грубымъ людямъ, превратившимся въ полуживотныхъ, крохи съ своего

стола. Онъ съ большой похвалой отзывается объ англійскомъ землевладѣльческомъ классѣ, который, нужно отдать ему справедливость, довольно хорошо сознаетъ, лучше во всякомъ случаѣ, нежели самъ авторъ «Notes sur l'Angleterre», опасность своего положенія. Ему врѣзалось зловѣщее пророчество, пронзительно раздавшееся по всей странѣ: «берегитесь! нищета съѣстъ собственность», и помня эти слова, землевладѣльческій классъ, постоянно богатѣющій въ то время, когда бѣдные постоянно бѣднѣютъ, старается сохранить за собою выгодную позицію, хотя бы сохраненіе ея требовало и серьёзныхъ жертвъ. Богатый людъ Англіи жертвуетъ большія суммы на пособія, устраиваетъ пріюты, богадѣльни, рабочіе дома, надѣясь такимъ путемъ зажать ротъ нищему населенію, пугающему его не своими грозными требованіями, но своимъ придавленнымъ, забитымъ видомъ. Нужно сказать, что суммы, которыя должны давать богатые въ пользу бѣдныхъ весьма значительны, и если взглянуть только на тѣ крупныя цифры, которыя представляютъ собою таксу для бѣдныхъ, то можно подумать, что въ Англіи бѣднымъ настоящее житье. Цифры эти такъ любопытны, что читатель не посѣтуетъ за маленькую выдержку изъ нихъ. Такъ въ 1860-мъ г., такса доходила до 8,033,000 фунт. стерл., изъ которыхъ 5,454,000 употреблены были на прямую помощь; въ 1861-мъ она поднялась, но незначительно, всего на 220,000 фунт.; въ 1867-мъ г. мы видимъ, что эта цифра выросла уже до 10,692,000 фунт. стерл., а въ 1870-мъ г. она достигла до почтенной суммы 12,044,000 фунт.

Сумма эта, конечно, велика и представляется для богатыхъ классовъ весьма серьёзнымъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ, налогомъ, который они должны платить, но который вовсе не обусловливается ихъ великодушіемъ, какъ повидимому полагаетъ Тэнъ. Все, что дѣлается въ пользу неимущихъ и нищенствующихъ классовъ, онъ объясняетъ щедростью, внимательностью, добрымъ сердцемъ англійскихъ землевладѣльцевъ; онъ видитъ въ этихъ отношеніяхъ двухъ противоположныхъ общественныхъ слоевъ, что-то напоминающее доброе старое феодальное время. «Все это, говоритъ онъ, остатокъ добраго, хорошаго феодальнаго духа. Сюзеренъ заботился о нуждахъ своего вассала, а вассалъ гордился своимъ сюзереномъ». И для того, чтобы подтвердить свое сравненіе, Тэнъ продолжаетъ разсуждать такимъ образомъ: «Этотъ духъ тѣмъ болѣе могущественъ, что народонаселеніе распредѣлено здѣсь на феодальный манеръ. Вездѣ, среди коттеджей, разбросаны одинъ или нѣсколько загородныхъ современныхъ домовъ, country seats, напоминающихъ старинные замки, хозяинъ котораго, только

въ новой формѣ, играетъ роль стараго барона. Въ каждомъ приходѣ, даже самомъ отдаленномъ, встрѣчаешь два, три, пять, шесть семействъ, которыя владѣютъ здѣсь наслѣдственными имѣніями, здѣсь ихъ любимое мѣстопребываніе, ихъ покровительство принято и весьма существенно; это древнее патронатство вооруженнаго сюзерена, перенесенное съ физической стороны на сторону нравственную, приложенное къ мирнымъ дѣламъ, а не воинственнымъ, патронатство, существующее въ силу высшаго развитія, а не шпаги, принадлежащее превосходству образованія, но уже не превосходству оружія. Вопросъ уже не въ томъ, чтобы вести людей на битву противъ непріятеля, но чтобы уменьшить невѣжество, нищету и порокъ; для одного какъ и для другого необходимы мѣстные шефы, руководители испытанные, принятые, способные, и такими шефами являются джентльмены-собственники прихода и округа». Читая эти строки, невольно вспоминаешь прелестные поэтическіе средневѣковые романы шотландскаго барда сэра Вальтеръ-Скота! Въ самомъ дѣлѣ, какая милая идиллія: добрый сюзеренъ, добрые вассалы, жизнь течетъ мирно, спокойно! Какъ не вспомнить доброе старое время. Итакъ, это рѣшенный вопросъ — классъ англійскихъ собственниковъ господствуетъ въ Англіи вовсе не въ силу своихъ колоссальныхъ богатствъ, съ одной стороны, и колоссальной бѣдности рабочаго населенія съ другой, вовсе не въ силу устарѣлой системы экономическихъ отношеній и печальной организаціи земельной собственности, дѣлающей ее данницей нѣсколькихъ тысячъ семей, а только, и исключительно, въ силу своего нравственнаго превосходства. Такъ по крайней мѣрѣ разсуждаетъ Тэнъ. Если бы кто сталъ за подобныя разсужденія слишкомъ уже нападать на Тэна, то мы должны сказать въ его защиту одно: Тэнъ, будучи философомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ—художникъ, поэтъ. Какъ поэтъ, онъ часто создаетъ въ своемъ воображеніи извѣстную картину и такъ сживается съ ней, что фантазія становится для него дѣйствительностью. Во многомъ, что относится къ его описанію сельскаго населенія и отношенія его къ классу собственниковъ, Тэнъ по преимуществу поэтъ, а—поэтамъ прощается многое, что́ не прощается публицистамъ.

Но какъ бы то ни было, подводя итогъ его наблюденіямъ надъ экономическимъ положеніемъ сельскаго населенія, и отбрасывая какъ излишній балластъ его сантиментальныя, средневѣковыя разсужденія о прелести патронатства, нужно сказать, что общее его впечатлѣніе справедливо: сельское населеніе находится въ крайне бѣдственномъ положеніи, громадное боль-

шинство не можетъ существовать своимъ трудомъ и должно кормиться милостынею; съ каждымъ годомъ «бѣдные бѣднѣютъ» въ то самое время какъ «богатые богатѣютъ»; ежегодное колоссальное сбереженіе Англіи идетъ въ пользу послѣднихъ и въ ущербъ первыхъ; наконецъ, налогъ въ пользу бѣдныхъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, и растетъ крайне непроизводительно, отягощая богатые классы и не принося существенной, дѣйствительной пользы бѣднымъ. Исходъ изъ такого положенія, конечно, не заключается въ средствахъ, предлагаемыхъ сторонниками Мальтусовой теоріи. Сколько ни проповѣдуйте нищимъ, чтобы они имѣли меньше дѣтей, число ртовъ, требующихъ хлѣба, не уменьшится. Положеніе, однимъ словомъ, сельскаго населенія, насколько оно обрисовывается словами самого Тэна, таково, что пожалуй можно опасаться, что любезное ему патронатство окажется въ одинъ прекрасный день ни къ чему негоднымъ, и чего добраго, если бы только передовые люди Англіи не старались болѣе дѣйствительно отвратить зло, понадобилось бы прибѣгнуть къ какой-нибудь «хирургической операціи», какъ выражается авторъ «Notes sur l'Angleterre».

Отъ сельскаго населенія обратимся теперь къ городскому рабочему классу и посмотримъ, какого рода впечатлѣнія вынесъ Тэнъ изъ своего, правда, поверхностнаго знакомства съ жизнію рабочаго люда въ большихъ городахъ.

Тэнъ осматриваетъ фабрики Лондона, онъ отправляется въ Манчестеръ, Ливерпуль, и вездѣ онъ пораженъ прежде всего однимъ — это необыкновеннымъ величіемъ, грандіозностью промышленной жизни, сказывающейся въ громадныхъ фабрикахъ, дворцахъ богатыхъ промышленниковъ, которыхъ жизнь онъ сравниваетъ съ жизнію владѣтельныхъ особъ. Тэнъ не спрашиваетъ какою цѣною, какою платою пріобрѣтается вся эта роскошь, все это внѣшнее величіе, поражающее глазъ, какимъ тернистымъ путемъ этотъ народъ дошелъ до того, что его прозвали народомъ-королемъ промышленности, но онъ, рядомъ съ описаніями жизни «владѣтельныхъ особъ» промышленнаго міра, передаетъ свои впечатлѣнія, свои наблюденія надъ тѣми, трудомъ которыхъ создалось это богатство, это промышленное величіе, эта кровью купленная роскошь. Жизнь этого народа короля-промышленности весьма мало имѣетъ сходства съ королевскою жизнію. Сопоставимъ же эти двѣ картины у Тэна, картину жизни могущественныхъ царьковъ промышленности и другую—жизни рабочаго фабричнаго населенія. Дѣлать выводы излишне. Сопоставленіе говоритъ само за себя. «Жизнь этихъ шефовъ коммерческихъ или промышлен-

ныхъ домовъ можетъ быть сравнена съ жизнію маленькаго владѣтельнаго князя. У нихъ большой капиталъ, большіе замыслы, отвѣтственность, опасности, важность, и, какъ говорятъ, гордость потентата. Какъ потентаты, они имѣютъ своихъ делегатовъ, своихъ представителей въ четырехъ частяхъ свѣта; они должны знать изо-дня въ день состояніе и источники богатства сосѣднихъ и отдаленныхъ странъ; въ громадныхъ предпріятіяхъ они рискуютъ своими пріобрѣтеніями, они должны управлять и удовлетворять цѣлую массу работниковъ; они могутъ быть благодѣтелями для тысячи людей, они начальники и управители человѣческаго труда». Но довольно. Изъ-за приведенныхъ нѣсколькихъ строкъ уже рисуется жизнь этихъ «благодѣтелей», въ огромномъ большинствѣ случаевъ, своихъ собственныхъ персонъ. Затѣмъ перемѣна декорацій, и вотъ сцена изъ будничной жизни тѣхъ, кому «могутъ благодѣтельствовать, современные потентаты».—«Какое зрѣлище! восклицаетъ Тэнъ. Неподалеку отъ Leeds-street есть пятнадцать или двадцать улицъ съ протянутыми веревками, на которыхъ сушатся лохмотья и тряпки. На каждой лѣстницѣ копошатся кучи дѣтей, размѣстившихся по пяти или шести на ступенькахъ; старшій держитъ на рукахъ младшаго; блѣдныя лица, бѣлесоватые встрепанные волосы, дырявое рубище, ни чулокъ, ни башмаковъ, всѣ отвратительно грязны; лицо и всѣ члены покрылись кажется слоями пыли и сажи. Можетъ быть, двѣсти дѣтей валяются и дерутся на одной улицѣ». Тэнъ идетъ дальше, онъ углубляется въ царство мрака и тьмы, онъ спускается въ адъ, и видитъ страшныя лица, полунагія тѣла матерей и слышитъ всюду запахъ гнили, зараженія. Точно тѣни выползаютъ изъ различныхъ подваловъ людскія фигуры, съ тупоумными лицами, съ дрожащими руками и неповинующимися имъ ногами; эти лица поражаютъ своею тупою, безсмысленною улыбкою, своимъ мрачнымъ и дикимъ взглядомъ. Да полно, люди ли это? вотъ вопросъ, который невольно вызываетъ ихъ внѣшній видъ. На этихъ получеловѣческихъ фигурахъ «едва держатся лохмотья, мѣстами неприкрывающія даже ихъ грязнаго тѣла». Какъ ни равнодушно смотритъ Тэнъ на человѣческія страданія, признавая эти страданія необходимостью, быть можетъ и печальною, но и у него наконецъ вырывается упрекъ при видѣ тѣхъ картинъ, которыя онъ встрѣчаетъ на улицахъ Ливерпуля, Манчестера и другихъ городовъ. «Отвратительная подробность, говоритъ онъ: эти улицы правильны и кажется вновь отстроены, по всей вѣроятности это новый кварталъ, снабженный свѣжимъ воздухомъ, благодаря благодѣтельной

администраціи; вотъ все, что могли сдѣлать лучшаго для бѣдныхъ. «Однообразный рядъ домовъ и тротуаровъ, математическими линіями окружающій эту кучу, дышащую человѣческими уродливостями и бѣдствіями. Воздухъ тяжелый и пасмурный, свѣтъ блѣдный, тусклый; ни одной формы, ни одного цвѣта, на которомъ глазъ могъ бы остановиться съ удовольствіемъ; бѣдняки Рембрандта, прибавляетъ авторъ-художникъ, были болѣе счастливы въ ихъ живописныхъ трущобахъ. И я еще не видѣлъ, восклицаетъ онъ, квартала ирландцевъ! Они стекаются сюда; говорятъ, что здѣсь ихъ сто тысячъ; ихъ кварталъ послѣдній кругъ ада».

Я привожу эти описанія не потому, чтобы въ нихъ заключалось что-либо новое, далеко нѣтъ; все это давно извѣстно изъ описаній другихъ авторовъ несравненно болѣе знакомыхъ съ жизнію рабочаго класса, гораздо теплѣе относившихся къ этой жизни; подобныя описанія встрѣчаются и у Эскироса, и у Луи Блана и въ особенности у Ледрю-Роллена, который, нужно отдать ему справедливость, во всемъ, что касается до изображенія экономической стороны жизни, обнаруживаетъ замѣчательное мастерство. Конечно, если бы намъ нужно было отыскать картины вопіющей нищеты, потрясающихъ бѣдствій рабочихъ классовъ, еслибы намъ нужно было растрогать читателя картиною, гдѣ сама голодная смерть казалась бы счастливымъ избавленіемъ отъ жизни, то подобныя картины, подобныя описанія, мы въ изобиліи бы нашли у автора «De la décadence de l'Angleterre»; но оставимъ эти картины,—не мѣсто имъ въ настоящей статьѣ. Если мы привели образчики подобныхъ описаній, набросанныхъ талантливою рукою Тэна, то только для того, чтобы показать, какое впечатлѣніе производитъ жизнь англійскихъ рабочихъ на человѣка, менѣе всего способнаго разчувствоваться и настраивать себя на мрачный ладъ.

Тэнъ гораздо болѣе въ своей сферѣ, когда, уподобляясь естествоиспытателю, начинаетъ къ этой жизни рабочихъ прилагать свой позитивный методъ. Среди рабочихъ онъ открываетъ два главные типа, около которыхъ группируются уже всѣ другіе оттѣнки этихъ основныхъ типовъ. Первый изъ этихъ типовъ—это человѣкъ атлетическаго сложенія, здоровый, рослый, съ поразительно развитыми мускулами. «Эти широкія спины, эти выгнутыя груди, эти массивныя плечи, говоритъ Тэнъ, великолѣпны на видъ». Онъ восторгается гигантскимъ ростомъ, колоссальнымъ сложеніемъ, весьма внушительною силою этого типа, какъ восторгается здоровымъ, мясистымъ тѣломъ на картинахъ Рубенса.

Второй типъ — типъ флегматика. Онъ попадается чаще всего, «почти всѣ фигуры подходятъ подъ этотъ типъ». Отличительныя свойства этого типа: «блѣдный цвѣтъ лица, тусклый глазъ, взглядъ холодный, неподвижный, движенія ровныя, правильныя, мѣрныя, они тратятъ minimum напряженія. Вотъ почему, прибавляетъ Тэнъ, они отличные работники, «ничего нѣтъ лучше машины, чтобы управлять машинами.» Люди принадлежащіе къ этому типу работаютъ ровно, аккуратно, въ первый часъ какъ и въ послѣдній, работа ихъ никогда ни хуже, ни лучше, всегда одинакова. Сравнивая французскаго работника съ англійскимъ, Тэнъ отдаетъ послѣднему преимущество во всемъ, что касается силы, настойчивости, прилежанія; но тамъ гдѣ требуется вкусъ, чувство изящнаго, тамъ англичанинъ никуда не годится. Да и откуда развиваться въ англійскомъ работникѣ чувству изящнаго. Жизнь его ужъ слишкомъ неизящна. Бюджетъ рабочаго класса самый неправильный; никогда не сходятся концы съ концами. Весьма немногіе, особенно искусные работники получаютъ такую заработную плату, которая дозволяетъ имъ не только существовать, но дѣлать еще небольшія сбереженія на черный день; другіе кое-какъ натягиваютъ свой заработокъ до того, что при благопріятныхъ условіяхъ могутъ прожить своимъ трудомъ, если только не приключится болѣзни, застоя въ работѣ, или чего подобнаго. Наконецъ, всѣ остальные бѣдствуютъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, испытываютъ холодъ, голодъ, и единственное утѣшеніе находятъ въ джинѣ, который съ теченіемъ времени окончательно подрываетъ ихъ силы.

Тэнъ насчитываетъ пять причинъ бѣдствій рабочаго класса: первая причина, по мнѣнію автора «Notes sur l'Angleterre», заключается въ дурномъ англійскомъ климатѣ, который требуетъ потребленія большого количества угля, свѣту, горячихъ спиртныхъ напитковъ, мяса и частой перемѣны одежды, бѣлья и тому подобнаго. Наконецъ, что́ увеличиваетъ затраты — это то, что работникъ вообще, какъ выражается Тэнъ, мотыга, а англійскій работникъ въ особенности. Вторая причина — это конкурренція, доведенная здѣсь до послѣднихъ размѣровъ и заставляющая человѣка работать до истощенія своихъ силъ. Экономическій порядокъ таковъ, что онъ принуждаетъ рабочій классъ существовать при большой затратѣ силъ и труда изо-дня въ день, и довольно малѣйшаго несчастія, болѣзни, временной невозможности работать, чтобы человѣкъ упалъ весьма низко, а упасть низко въ Англіи это значитъ попасть въ настоящій адъ. Третья при-

чина заключается въ большомъ числѣ дѣтей у англійскаго рабочаго класса. Отсюда чрезмѣрныя затраты, сырость, холодъ, недостатокъ въ одеждѣ, пищѣ, однимъ словомъ, крайняя нужда, среди которой гибнетъ большинство дѣтей. Четвертая причина,— это застой въ работахъ, которые неизбѣжно случаются въ сферѣ промышленности, сегодня вслѣдствіе того, что сбытъ прекратился, благодаря тому, что другая нація опередила въ производствѣ извѣстныхъ предметовъ, завтра вслѣдствіе войны, голода; наконецъ, въ послѣднее время весьма часто вслѣдствіе стачекъ рабочихъ, которыя «сотни тысячъ рабочихъ выбрасываютъ на улицу безъ работы и хлѣба». Наконецъ, пятая причина заключается въ пьянствѣ, которое изъ всѣхъ золъ и бѣдствій представляется самымъ тяжкимъ. «Климатъ, говоритъ Тэнъ, толкаетъ къ нему, потому что нужно же согрѣться, придать себѣ духу, развеселиться, забыть на минуту эту натянутую и печальную жизнь. Я читалъ, прибавляетъ онъ, ежегодные отчеты одного пастора какому-то благотворительному обществу: въ этомъ отношеніи они просто трагичны»

Тэнъ, непривычный къ картинамъ пьянства, рѣдко встрѣчавшій во Франціи на улицахъ пьяныхъ, заноситъ въ свою книгу, какъ необыкновенное явленіе, что на улицѣ среди бѣлаго дня онъ видѣлъ трехъ пьяныхъ женщинъ. При этомъ впрочемъ онъ прибавляетъ, что среди женщинъ, получившихъ хорошее образованіе, этотъ порокъ, по крайней мѣрѣ какъ онъ полагаетъ, встрѣчается весьма рѣдко. Пьянство, это дѣйствительно большое зло, которое съ необыкновенною силою свирѣпствуетъ среди англійскаго рабочаго класса. Зло это врядъ ли меньше въ Англіи, чѣмъ у насъ въ Россіи, но тамъ оно больше поражаетъ, потому что находится въ болѣе рѣзкомъ противорѣчіи со всею окружающею средою. По словамъ Эсвироса, въ Лондонѣ существуетъ 50,000 пьяницъ по профессіи — habitual drunkards. «Но есть нѣчто еще болѣе грустное, чѣмъ самое пьянство, говоритъ этотъ авторъ, это жажда пьянства. Часто на лондонскихъ улицахъ, у дверей public house встрѣчаешь блѣднаго старика, всего лѣтъ сорока, съ широко раскрытыми отъ алчнаго желанія глазами, съ эпилептическими движеніями, покрытаго рубищемъ, который смотритъ съ мрачнымъ и ослѣпленнымъ видомъ на бутылки пива, отъ котораго его братья, счастливые смертные, едва отрываютъ свои жадныя губы. Можно подумать, что это тѣнь Тантала». Пьянство проникло всюду, оно разрушаетъ здоровье отдѣльныхъ людей, оно бросаетъ въ крайнюю нищету цѣлыя семьи, оно наполняетъ своими кліентами больницы, сумасшедшіе дома, оно,

заливая горе, затмѣвая временно разсудокъ, наноситъ человѣку смертельный ударъ. Всѣ законодательныя мѣры, направленныя къ ограниченію пьянства, не достигли никакихъ результатовъ; большимъ успѣхомъ пользуются общества трезвости, но и ихъ польза относительно весьма ничтожна. Другія мѣры, болѣе радикальныя, необходимы для того, чтобы ослабить этотъ фатальный порокъ. Если бы пьянство являлось результатомъ праздности, бездѣлья, тогда конечно его легче было бы искоренить, но вѣдь это уже признанный, непреложный фактъ, что пьянство въ большинствѣ случаевъ есть только горькій плодъ бѣдности и нищеты. «Распространеніе просвѣщенія и главное, благосостоянія, какъ нельзя болѣе справедливо замѣчаетъ авторъ основательныхъ этюдовъ: «L'Angleterre et la vie anglaise», искоренило бы, можно думать, этотъ порокъ, не налагая запрещенія на потребленіе спиртныхъ напитковъ». Другими словами, пока будутъ держаться старыя экономическія отношенія, не думайте о возможности искоренить старый порокъ, порождаемый безвыходнымъ положеніемъ, въ которое дурно вознаграждаемый трудъ ставитъ огромный классъ рабочихъ.

Рядомъ съ пьянствомъ, съ этимъ бичемъ, прародителемъ всѣхъ другихъ бѣдствій, въ жизни англійскихъ рабочихъ классовъ весьма видное мѣсто занимаютъ его спутники: развратъ и преступленіе. Печальный экономическій складъ жизни доставляетъ обильный контингентъ всевозможныхъ преступниковъ—преступниковъ по ремеслу. Вездѣ конечно есть преступленія, вездѣ есть преступники, но только въ Англіи преступленіе стало системою, и преступники образовывали изъ себя самую правильную организацію. Я не стану останавливаться на этой организаціи преступниковъ, на этой правильности въ ихъ дѣятельности, отсылая любопытнаго читателя къ блестящимъ страницамъ, посвященнымъ этому вопросу въ сочиненіи Ледрю-Роллена. Тамъ онъ увидитъ тѣ экономическія соображенія, которыя руководятъ злосчастнымъ классомъ «отверженныхъ», и соображенія эти такого рода, что поневолѣ могутъ заставить усомниться въ правѣ общества наказывать такихъ «несчастныхъ». Давно уже были произнесены великимъ энциклопедистомъ столь извѣстныя слова: «le méchant est un malade», и чѣмъ болѣе живетъ и будетъ жить человѣчество, тѣмъ болѣе оно будетъ убѣждаться въ глубокой справедливости этихъ человѣческихъ словъ Дидро. Англійское общество, въ лицѣ своихъ присяжныхъ, потрясаемыхъ часто до глубины души разсказомъ о страданіяхъ, пережитыхъ несчастнымъ «больнымъ», отказывается произносить слово осужденія и съ миромъ отпускаетъ виновныхъ, сознавая, что имъ ничего болѣе не оста-

валось, какъ сдѣлаться «виновными». Что могутъ отвѣтить присяжные женщинѣ, которая говоритъ имъ: «У меня былъ ребенокъ одиннадцати мѣсяцевъ. У меня не было хлѣба, чтобы кормить его, и не имѣя духа, рѣшимости оставить его умирать медленною голодною смертью, я убила его!» Какъ трудно поддерживать обвиненіе противъ подобной преступницы! Англійскій обвинитель оказался «человѣкомъ», и сказалъ присяжнымъ: «Если вы думаете, что бѣдствіе подсудимой могло потрясти ея умъ, могло лишить ее возможности различать доброе отъ злого, то вы имѣете полное право оправдать эту женщину». Присяжные тоже были люди, и ни минуты не сомнѣваясь вынесли оправдательный приговоръ Аннѣ Гамильтонъ, которой настоящее имя: легіонъ! И конечно, англійское общество, давшее изъ себя присяжныхъ, судей, защитника, обвинителя, не оказалось менѣе человѣчнымъ и не стало кричать: Англія гибнетъ, институтъ присяжныхъ потворствуетъ преступленіямъ! оправдываетъ людей, сознающихся въ убійствѣ, возвращаетъ убійцъ въ среду честныхъ людей! Въ Англіи не нашлось литераторовъ, которые, принимая на себя роль палачей, ослѣпленные какою-то звѣрскою радостью, кричатъ суду: распни, распни его! — Въ Англіи нѣтъ и поэтовъ, которые въ окружающей ихъ средѣ не могутъ найти болѣе достойныхъ предметовъ для сатиры чѣмъ судъ, прощающій «несчастному» его вину.

Такіе случаи, образчикъ котораго я привелъ, бываютъ сплошь и рядомъ въ англійскомъ обществѣ, понимающемъ, что не радость дѣлаетъ человѣка воромъ и убійцей. Оно и естественно. «Отъ преступленія до нищеты, говоритъ Луи Бланъ, переходъ, увы! также естественъ, какъ естественъ переходъ отъ слѣдствія къ причинѣ. Англія же, будучи отечествомъ крайняго богатства, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ отечествомъ крайней нищеты. Я сомнѣваюсь, чтобы гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ можно было встрѣтить нищету въ болѣе отвратительномъ видѣ и въ состояніи болѣе глубокаго паденія». Красиво должно быть экономическое положеніе страны, въ которой люди, не имѣя что ѣсть, рѣшаются на самоубійство. Въ Англіи же давно уже, какъ выразился одинъ писатель, самоубійство est à la hausse.

Но куда же выбрасываетъ англійское общество тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые съ одной стороны остаются безъ труда, безъ всякихъ средствъ существованія, съ другой — обладаютъ такими нервами, которые не позволяютъ имъ поступить въ многочисленный классъ воровъ, мошенниковъ и т. п., и поступивши въ него, провалиться въ ту преисподнюю, въ которой живетъ

этотъ людъ? Англійское общество предлагаетъ этимъ людямъ не что иное, какъ рабочій домъ, знаменитый англійскій work-house. «Всякій знаетъ, говоритъ Тэнъ, что work-house—это пріютъ, который граничитъ съ тюрьмою: присоединенный къ таксѣ для бѣдныхъ, онъ составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ англійской конституціи. Это англійскій принципъ, что нищіе, отказываясь отъ свободы, имѣютъ право на пропитаніе. Общество тратится на нихъ, но за то запираетъ ихъ и употребляетъ ихъ трудъ. Такъ какъ это условіе имъ противно, то они вступаютъ сюда весьма неохотно». Оно и понятно; кому случалось бывать въ англійскомъ рабочемъ домѣ, тотъ, безъ всякаго сомнѣнія, выходилъ изъ него съ весьма тяжелымъ чувствомъ. Посѣщеніе какого-нибудь лондонскаго рабочаго дома производитъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ посѣщеніе лондонской тюрьмы. Въ послѣдней, по крайней мѣрѣ, видишь людей, которые ограбили или убили кого-нибудь, въ рабочемъ же домѣ видишь людей, которые сами убиты дурнымъ экономическимъ порядкомъ. «Обыкновенно, когда работникъ обращается въ муниципалитетъ съ просьбою о помощи, ему отвѣчаютъ: «Дайте намъ доказательства, что вы хотите работать, идите въ work-house». Девять человѣкъ изъ десяти отказываются. Откуда, спрашиваетъ Тэнъ, это отвращеніе»? На этотъ вопросъ ему отвѣчаютъ: «Они хотятъ имѣть свой home и свою свободу, они не могутъ выносить заключенія и подчиненія дисциплинѣ. They prefer to be free and to starve». Еще болѣе ясный отвѣтъ получилъ бы Тэнъ, если бы онъ прочелъ то страшное описаніе «ночи въ рабочемъ домѣ», которое появилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ: «Pall-Mall Gazette». Одинъ изъ редакторовъ этой газеты рѣшился испытать самъ, что́ значитъ провести ночь въ англійскомъ рабочемъ домѣ, отправился и вышелъ оттуда, насмотрѣвшись на такія ужасныя сцены, одно описаніе которыхъ невольно заставляетъ содрогаться. Невообразимая грязь, возмутительное обращеніе, страшный сбродъ всевозможныхъ воровъ, въ обществѣ которыхъ проводятъ ночь люди всѣхъ возрастовъ, начиная отъ стариковъ и кончая дѣтьми—редакторъ газеты все видѣлъ и все описалъ. Не даромъ, указывая на него, говорили, какъ говорили про Данте: «вотъ человѣкъ, видѣвшій адъ»!

Весьма естественно, что между рабочимъ населеніемъ и классомъ богатыхъ промышленниковъ, фабрикантовъ, однимъ словомъ, классомъ богатой буржуазіи существуютъ весьма недоб-

рыя отношенія, хотя, строго говоря, рабочій людъ долженъ былъ бы понимать, что корень ихъ бѣдствій лежитъ не въ лицахъ, не въ отдѣльныхъ людяхъ, какъ бы богаты они ни были, но въ самомъ экономическомъ порядкѣ вещей. Впрочемъ, какъ можно требовать отъ людей, не получившихъ образованія, то, чего не понимаютъ такъ часто люди образованные,—отдѣльныя лица никогда не страшны, страшенъ подчасъ тотъ принципъ, въ силу котораго они держатся. Богатая буржуазія устраиваетъ точно также, какъ и аристократія, пріюты, школы, библіотеки, однимъ словомъ, «покровительствуетъ», тратитъ даже много денегъ на это «покровительство» и только удивляется, что рабочіе классы все недовольны, все стараются высвободиться изъ-подъ ихъ экономической зависимости. Поразительно-неравномѣрное распредѣленіе богатства, на которое указываетъ Тэнъ, отдавая Франціи въ этомъ отношеніи безусловное предпочтеніе, должно было вызвать и дѣйствительно вызвало довольно ожесточенную борьбу между богатымъ классомъ собственниковъ и нищимъ классомъ работниковъ. Богатые классы думаютъ, что своимъ «покровительствомъ» они дѣлаютъ все и что больше имъ нечего дѣлать, не хотятъ слушать о болѣе серьезныхъ средствахъ выдти изъ печальнаго экономическаго порядка вещей.

Вотъ на этомъ-то нежеланіи прислушиваться къ народнымъ требованіямъ, на этой слѣпотѣ богатыхъ господствующихъ классовъ, слѣпотѣ, касающейся всего, что относится только до матеріальныхъ интересовъ, весьма многіе строятъ предсказанія, что въ Англіи неминуемо должна разразиться страшная соціальная революція. Надо надѣяться и есть основанія предполагать, что предсказанія эти никогда не сбудутся, и что Англія избавлена будетъ отъ страшнаго потрясенія. Тѣ, которые дѣлаютъ подобныя предсказанія, забываютъ одно, что въ Англіи есть такое охранительное начало, котораго не знаетъ остальная Европа, и что это начало предохранитъ страну отъ соціальнаго кризиса. Начало это—политическая свобода народа, которая даетъ ему въ руки такое оружіе для борьбы, съ которымъ онъ можетъ побѣдить, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ. Требованія рабочаго класса могутъ быть громко заявляемы, онъ имѣетъ право организоваться для борьбы съ невыгоднымъ для него экономическимъ порядкомъ такъ, какъ ему угодно. Онъ можетъ устраивать рабочіе союзы, можетъ цѣлую страну покрыть тою могущественною сѣтью, которая извѣстна подъ именемъ trades-unions'овъ, однимъ словомъ, рабочій классъ пользуется всею свободою дѣй-

ствій, и ничто не можетъ стѣснить народъ въ его внутреннемъ самоуправленіи. Конечно, политическая свобода, гарантирующая народу свободу дѣйствій, еще не все, но какъ важно ея значеніе въ экономической жизни народа, это можно видѣть именно на Англіи. Въ послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ, англійскій рабочій классъ заключилъ въ своей средѣ оборонительный и наступательный союзъ противъ богатыхъ классовъ страны. Этотъ союзъ выражается въ тѣхъ ассоціаціяхъ, въ тѣхъ рабочихъ обществахъ, въ тѣхъ trades-unions'ахъ, которыя покрыли всю Англію и которыя мало-по-малу пріобрѣтутъ настолько силы, что дадутъ возможность въ Англіи труду вступить въ болѣе правильныя отношенія съ капиталомъ, дадутъ народу право, если не диктовать экономическіе законы, то принимать только такіе, которые не нарушаютъ справедливости. Въ то время, когда во Франціи и въ другихъ странахъ соціальный вопросъ загоняютъ подъ землю, въ Англіи политическая свобода вызываетъ его наружу и тѣмъ самымъ предохраняетъ страну отъ бѣдственныхъ потрясеній.

Тэнъ въ своей книгѣ, обрисовывая мрачную сторону экономическаго порядка Англіи, почти ни словомъ не упоминаетъ о томъ, что́ служитъ противовѣсомъ, о томъ, что служитъ какъ бы надеждою, что Англія и въ своей соціальной жизни пойдетъ впередъ тѣмъ же путемъ, какимъ она шла и въ жизни политической, и что она добьется экономической свободы, какъ добилась свободы политической. Медленно двигалась она впередъ въ жизни политической, медленно двигается въ жизни соціальной, но какъ тутъ, такъ и тамъ она ступаетъ вѣрнымъ и твердымъ шагомъ. Монталамберъ правъ, говоря, что Англія неудержимо идетъ къ тому строю жизни, который зовется демократіей, но только подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть не одно лишь болѣе правильное распредѣленіе правъ и обязанностей политическихъ, правъ и обязанностей нравственныхъ, но также и болѣе правильный экономическій порядокъ.

Мы останавливаемся здѣсь и не пойдемъ далѣе за Тэномъ. Наша цѣль заключалась только въ томъ, чтобы, воспользовавшись послѣднею книгою въ высшей степени замѣчательнаго французскаго писателя, указать на характерныя стороны жизни англійскаго народа. Жизнь эта такъ богата, она такъ полна поученій, особенно важныхъ для того смутнаго времени, которое переживаетъ континентальная Европа, что, конечно, жизнь эта не можетъ быть исчерпана не только нѣсколькими статьями, подобными настоящей, но даже нѣсколькими книгами, подобными книгѣ Тэна. Чѣмъ чаще европейская литература обращаетъ свои взоры къ Англіи, тѣмъ чаще ищетъ она поученій въ этой классической странѣ свободныхъ нравовъ, тѣмъ бо́льшую услугу оказываетъ она современному обществу.

Подводить итогъ всему сказанному, подводить итогъ книгѣ Тэна, было бы излишне. Читатель легко и самъ отвѣтитъ себѣ на вопросъ: въ какой степени замѣчательно послѣднее произведеніе одного изъ самыхъ крупныхъ писателей нашего времени?

Евг. Утинъ.

КЪ ДОЧЕРИ МОЕИ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне.

Я смотрю на тебя — и глазамъ я не вѣрю своимъ...
Чудный розовый кустъ представляется имъ,
Ароматъ изъ него одуряющій
Бьетъ въ мой мозгъ, что-то вдругъ вспоминающій...
Былъ въ ту пору безуменъ и молодъ я... Ахъ,
Нынѣче старъ и безуменъ... Въ глазахъ
Заололо... Теперь я словами
Говорить принужденъ, да въ добавокъ — стихами...
Тяжело мнѣ... Найду ли слова?
Полно сердце мое и пуста голова!

Дорогое дитя! Я гляжу на тебя — и такая
Непонятная скорбь, по душѣ у меня пробѣгая,
Въ глубинѣ сокровенныхъ ея тайниковъ
Будитъ образы, спавшіе много годовъ.
На поверхность ея выплываютъ сирены,
Раскрывая съ улыбкой глаза, расправляя прекрасные члены,
И одна — краше всѣхъ шаловливыхъ подругъ —
Какъ двѣ капли воды — ты, мой маленькій другъ!

Это юности сонъ съ благодатной весною своею, —
Я смотрю на тебя и глазамъ своимъ вѣрить не смѣю...
Вотъ она, дорогая сирена моя,
Вотъ и взгляды, и звуки ея;
Голосенокъ у ней ящерино-ласкающій,
И большія, и мелкія души плѣняющій;
Отливаетъ зеленымъ въ глазахъ плутовскихъ —
Глядя въ эти глаза, вспоминаешь дельфиновъ морскихъ;
Бровь не очень густа, но высокой дугою,
Точно арка побѣды, гдѣ все горделивой полно́ красотою;
И на розовыхъ, милыхъ щекахъ,
Близко, близко къ глазамъ помѣстились двѣ ямки... Но ахъ!
Совершенства ни въ людяхъ, ни въ духахъ небесныхъ
Не найдёшь, — и въ созданіяхъ самыхъ прелестныхъ,
Какъ старинныя сказки гласятъ, —
Недостатки какіе-нибудь да сидятъ:
Господинъ Лузиньянъ, тотъ, что́ въ пору былую
Побѣдилъ чудно-милую фею морскую,
Упиваясь блаженствомъ съ подругой своей,
Находилъ — и не разъ — хвостъ змѣиный у ней.

Петръ Вейнбергъ.

СТРАННИКИ или БѢГУНЫ

ВЪ

РУССКОМЪ РАСКОЛѢ.

I. Отношеніе секты къ расколу вообще.

Ярославская губернія, по своему топографическому и этнографическому положенію, съ самаго начала раскола, подобно окраинамъ Россіи, служила самымъ удобнымъ мѣстомъ для пріюта раскольниковъ. Знаменитые, въ исторіи раскола, пошехонскіе лѣса и долина Волги—были давно, и доселѣ служатъ самымъ лучшимъ поприщемъ для предпріимчивости людей рѣшительныхъ, каковы раскольники вообще, и «странники» въ особенности. Около пятидесятыхъ годовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской губерніи (въ Ярославскомъ, Романово-Борисоглѣбскомъ и сопредѣльныхъ съ ними уѣздахъ) успѣхъ старообрядства «дошелъ до такой степени, что когда поручено было романово-борисоглѣбскому духовенству принять противъ него рѣшительныя мѣры, то уже приходилось на каждаго православнаго священника по два раскольническихъ попа, а жители всѣ безъ исключенія заразились ересью» [1]). Борисоглѣбская слобода, нынѣ присоединенная къ гор. Романову, безъ малѣйшаго опасенія давала пріютъ у себя всевозможному сброду бѣглаго русскаго люда вообще, и въ частности раскольниковъ. По розысканіямъ нарочно командированнаго по этому случаю въ Ярославскую губернію чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ открылось, что «цѣлая половина губерніи тайно или явно принадлежала къ расколу» [2]).

---

[1]) См. Исторію министерства внутр. дѣлъ, томъ VIII, стр. 527.

[2]) См. Исторію министерства внутр. дѣлъ, томъ VIII, стр. 528.

Къ этому присоединилось еще новое обстоятельство: въ началѣ 1850 года, въ Ярославской губерніи появилась шайка разбойниковъ и воровъ, очень значительная, производившая сильные грабежи въ Ярославскомъ и смежнымъ съ нимъ уѣздахъ. Для поимки преступниковъ и производства надъ ними формальнаго слѣдствія наряжена была особая изъ мѣстныхъ гражданскихъ чиновниковъ коммиссія, представителемъ которой назначенъ былъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ чиновникъ особыхъ порученій графъ Стенбокъ. При производствѣ дѣла коммиссіею открыто, что размноженіе бродягъ въ Ярославской губерніи, принимавшихъ участіе въ грабежахъ, происходитъ отъ вновь образовавшейся тамъ раскольнической секты, извѣстной въ народѣ подъ именемъ страннической или сопѣлковской,—отъ села Сопѣлокъ, находящагося въ 15-ти верстахъ отъ города Ярославля. Гнѣздо странничества было разсѣяно, но не надолго. Чрезъ два года странничество снова заявило себя безпорядками въ Сопѣлкахъ и другихъ мѣстахъ Ярославской губерніи. Тогда вновь командированъ былъ отъ министерства графъ Стенбокъ, для подробнѣйшаго изслѣдованія о странническої сектѣ и открытія ея послѣдователей. Темная исторія существованія странничества теперь выведена была на свѣтъ, съ достаточно полнымъ и обстоятельнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ внутренней и внѣшней жизни «странниковъ», съ исторіею основателя секты, его ученія, мѣста и времени и развитія секты, ея внѣшняго состава, нравственности сектантовъ, главныхъ ихъ наставниковъ, и отношеній ихъ къ православной церкви, къ правительству и къ расколу.

Когда собраны были о сектѣ необходимыя свѣдѣнія, министръ внутреннихъ дѣлъ снесся по этому дѣлу съ синодомъ. Вотъ что онъ пишетъ въ своемъ отношеніи къ оберъ-прокурору синода, графу Протасову (отъ 5-го февраля 1854 г. за № 184):

«Въ 1850-мъ году отправлена была въ Ярославскую губернію особая коммиссія для поимки воровъ и разбойниковъ. Пойманные изъ шайки ихъ дезертиры и другіе бѣглые преданы были военному суду, съ тѣмъ, чтобы оный постановилъ заключеніе о пристанодержателяхъ и о членахъ земской полиціи, кои оставляли въ бездѣйствіи власть и потворствовали преступникамъ.

«Но какъ еще не всѣ, составлявшіе помянутую шайку, преступники были пойманы, а между тѣмъ открылось, что они сектаторы, именующіе себя «странниками»: то вновь командированъ былъ въ Ярославскую губернію чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ графъ Стенбокъ, для подробнѣйшаго изслѣдованія новой секты и открытія всѣхъ ея послѣдова-

телей; дополненное же такимъ образомъ слѣдственное дѣло разсматривалось въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ секретномъ комитетѣ о раскольникахъ.

«По разсмотрѣніи найдено, что новая секта, не признавая царской власти, считая повиновеніе ей отреченіемъ отъ Христа, уничтожая законный бракъ и возводя бродяжничество на степень догмата, водворяетъ развратъ и подрываетъ основы общественнаго благосостоянія: трудъ, порядокъ и повиновеніе законной власти,—и что по сему не только нужно наказать открытыхъ уже сектаторовъ, но и преимущественно изыскать мѣры противу усиленія и распространенія этого зла.

«По докладу о семъ Его Императорскому Величеству воспослѣдовало въ 25-й день декабря 1852 года Высочайшее повелѣніе:

«1) Поручить ярославскому секретному совѣщательному комитету войти въ подробное обсужденіе всѣхъ вообще предметовъ, относящихся собственно до ученія новой ереси, и подробно изслѣдовать все, касающееся до сего вопроса, изыскать мѣры, необходимыя для уничтоженія оной, и соображенія свои представить по порядку.

«2) Между тѣмъ учредить въ городѣ Ярославлѣ особую коммиссію, для сужденія тѣхъ людей, кои, будучи прикосновенны къ настоящему дѣлу, *не подлежатъ сужденію учрежденнаго тамъ по сему же дѣлу военнаго суда,* и сей коммиссіи вмѣнить въ обязанность: а) пересмотрѣть въ подробности бывшіе уже по сему дѣлу изслѣдованія; б) произвести формальное на законномъ основаніи судебное слѣдствіе, которое съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ и дополненіемъ, въ чемъ нужно, прежняго; в) затѣмъ войти въ сужденіе о виновности прикосновенныхъ къ этому дѣлу лицъ и постановить заключеніе о мѣрѣ слѣдующаго каждому изъ нихъ, по закону, наказанія; и г) заключеніе свое представить непосредственно министру внутреннихъ дѣлъ для поступленія въ дальнѣйшемъ по порядку».

Во время производства въ слѣдственно-судной коммиссіи порученнаго ей дѣла, ею сообщены были начальнику Ярославской губерніи, для внесенія въ тамошній секретный комитетъ, выписки изъ показаній сектаторовъ, изъ сочиненій наставниковъ ихъ, по которымъ можно судить объ ученіи, основаніяхъ и правилахъ страннической секты. Начальникъ Ярославской губерніи, генералъ-маіоръ Бутурлинъ, на основаніи этихъ данныхъ, представилъ министру внутреннихъ дѣлъ заключеніе тамошняго секретнаго комитета о началѣ, основаніи и сущности сей секты и о мѣрахъ къ ея искорененію и прекращенію дальнѣйшаго

ея распространенія. Предположенія комитета о мѣрахъ къ искорененію сектантовъ состояли, между прочимъ, въ слѣдующемъ: а) не преслѣдовать открыто секты странниковъ за мнѣнія о вѣрѣ, въ тѣхъ видахъ, чтобы преслѣдованіе не породило въ нихъ фанатизма; б) употребить для того мѣры правительственныя и гражданскія, напр., подвергать взысканію тѣ общества, или вотчины, среди которыхъ обнаружится пристанодержательство бродягъ, наложеніемъ денежнаго штрафа и т. п.

Въ заключеніе всего министръ, представляя это дѣло на благоусмотрѣніе оберъ-прокурора, обращается къ нему съ просьбою — сообщить ему по сему предмету заключеніе. При этомъ отношеніи министра были препровождены и представленныя ему Бутурлинымъ относящіяся къ сему дѣлу бумаги [1]).

По полученіи этого отношенія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, оберъ-прокуроръ синода немедленно далъ предложеніе синоду (отъ 6-го февраля 1854 года за № 750), представить на усмотрѣніе его копію съ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ,

---

[1]) Эти бумаги слѣдующаго содержанія:

1) Копіи съ трехъ состоявшихся по этому дѣлу въ ярославскомъ секретномъ комитетѣ журнальныхъ постановленій.

2) Копіи съ отношеній члена слѣдственно-судной комиссіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алябьева съ свѣдѣніями о страннической сектѣ, извлеченными изъ слѣдствія, произведеннаго графомъ Стенбокомъ, и съ приложеніемъ:

а) выписокъ изъ 21-го показанія странниковъ и другихъ, прикосновенныхъ къ дѣлу людей;

б) постановленія слѣдователя о показаніи странника Меѳодія Герасимова;

в) копіи съ исповѣданія наставника Александра Васильева;

г) примѣты непойманныхъ главнѣйшихъ странниковъ, и

д) переписки съ начальникомъ Владимірской губерніи объ основателѣ секты Евѳиміѣ.

3) Копіи съ доставленныхъ начальнику губерніи изъ слѣдственно-судной комиссіи рукописей основателя секты и другихъ лицъ:

а) съ разглагольствія Евѳимія старца, писаннаго въ 1784-мъ году;

б) съ его посланія къ московскимъ раскольникамъ Преображенскаго кладбища, писаннаго въ 1787-мъ году;

в) съ сочиненія наставника Никиты Семенова „малый образъ ересемъ“ раскольнической секты;

г) съ показаній и постановленій о нравственности сектаторовъ и наставниковъ страннническаго ученія;

д) съ выписки изъ дополнительнаго показанія Дмитрія Егорова, наставника страннической секты;

е) съ переписки съ начальниками тѣхъ губерній, куда проникло страннническое ученіе, и

ж) копіи съ отношенія начальника Олонецкой губерніи за № 154 о страннической сектѣ.

вмѣстѣ съ упоминаемыми въ этомъ отношеніи приложеніями. Такимъ образомъ дѣло синода началось съ предложенія оберъ-прокурора, и синодъ занялся этимъ дѣломъ. Всѣ упомянутыя въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ бумаги объ открывшейся въ Ярославской губерніи странической сектѣ были препровождены при секретномъ указѣ къ митрополиту московскому Филарету «на предварительное его разсмотрѣніе съ тѣмъ, чтобы соображеніе свое по онымъ онъ представилъ синоду въ скорѣйшемъ по возможности времени». Московскій митрополитъ и далъ тонъ всему ходу дѣла, указалъ, какъ должно дѣйствовать и что дѣлать въ подобныхъ случаяхъ власти гражданской; и вотъ его точка зрѣнія на мѣры, какія должно было принимать въ отношеніи къ сектѣ странниковъ. «Добрая мысль кроткаго правительства—никого не преслѣдовать за мнѣнія о вѣрѣ: но трудно приложить ее къ сектѣ странниковъ. Что царь есть антихристъ, что властей, законовъ, уплаты податей, военной службы должно убѣгать, какъ принадлежностей антихриста, это все мнѣнія странической секты, принадлежащія къ ихъ вѣрѣ. Не преслѣдовать сихъ мнѣній—значитъ не останавливать дѣйствія злыхъ силъ, которыя стремятся разрушить государство. Далѣе, комитетъ опасается, чтобы преслѣдованіе не породило въ странникахъ фанатизма: но какой фанатизмъ можетъ быть злѣе и вреднѣе того, который уже въ нихъ есть? Комитетъ предлагаетъ мѣры правительственныя и гражданскія. Сужденіе о нихъ принадлежитъ государственной власти. Но да будетъ позволено замѣтить, что предложеніе комитета: «подвергать взысканію тѣ общества или общины, среди коихъ обнаружится пристанодержательство бродягъ сего рода, наложеніемъ денежнаго штрафа», есть такая мѣра, которая можетъ быть приложена развѣ къ одному селу Сопѣлкамъ, а въ общемъ видѣ несправедлива и не соотвѣтственна цѣли. Положимъ, что въ деревнѣ, состоящей изъ 50-ти дворовъ, завелся одинъ пристанодержатель странниковъ. Положимъ, что трудно скрыться отъ всѣхъ, и что нѣкоторые могутъ замѣтить сіе случайно, по сосѣдству, по неосторожности или довѣрчивости въ разговорахъ. Такимъ образомъ можетъ быть найдутся пять или десять домовъ, болѣе или менѣе совиновныхъ: но за что постраждутъ прочіе 40? Благонамѣренный хозяинъ не имѣетъ права ходить по домамъ всей деревни и досматривать, нѣтъ ли тайника и бѣглаго. Притомъ такая мѣра вмѣсто правосудія надъ однимъ или надъ немногими виновными, отягощала бы и волновала цѣлую вотчину. Наконецъ, комитетъ, занимаясь общими мѣрами противъ преступниковъ, не довольно

приближаетъ свои сужденія къ преступникамъ, которые находятся предъ глазами и извѣстны по именамъ и дѣламъ. Зло велико. Распространители зла многочисленны и дѣятельны. Благодаря тщательному дознанію и изслѣдованію произведенному—они въ виду. Въ сихъ обстоятельствахъ надобно спѣшить, чтобы каждаго распространителя зла остановить на его пути и лишить возможности продолжать распространеніе зла».

Новое Высочайшее повелѣніе по дѣлу о странникахъ было совершенно въ духѣ представленной записки московскаго архипастыря, мѣстами сходно даже до одинаковости выраженій съ тою запиской.

Исполняя порученіе синода, митрополитъ Филаретъ въ іюнѣ того же года представилъ въ синодъ (при особомъ донесеніи отъ 7-го іюня 1854 года за № 49) полную записку. По важности выводовъ, эта записка заслуживаетъ того, чтобы познакомиться съ нею. Мы не будемъ излагать здѣсь всѣ основанія, которыя заимствуетъ Филаретъ изъ показаній самихъ странниковъ, а только прослѣдимъ, какимъ путемъ умозаключеній онъ пришелъ къ окончательному выводу о мѣрахъ, которыя должны быть употреблены противъ сектаторовъ со стороны власти.

Разсмотрѣвъ предварительно «акты ярославскаго секретнаго совѣщательнаго комитета, заключающіеся предположеніями о способахъ къ уничтоженію секты», Филаретъ приступаетъ затѣмъ къ разсмотрѣнію происхожденія секты, ея ученія и духа изъ дознанныхъ донынѣ дѣлъ сектаторовъ. Говоря о началѣ секты, онъ называетъ ее: «дщерію толка безпоповщинскаго, злымъ наслѣдіемъ своей матери» и проч.; далѣе, слѣдуютъ доказательства изъ сочиненій Евѳимія и показаній странниковъ; здѣсь же говорится и объ основателѣ секты, объ уставѣ, котораго держатся странники, объ отношеніи ихъ къ расколу—безпоповщинѣ вообще, и къ филипповскому и ѳедосѣевскому согласіямъ, и къ преображенскому кладбищу—въ частности. Изъ всего этого онъ выводитъ такое заключеніе: «Если бы вредной безпоповщинской сектѣ не было допущено той свободы дѣйствовать и распространяться, какую она имѣла частію по избыточествующему снисхожденію правительства, и еще болѣе по причинѣ потворства мѣстныхъ начальствъ, то не родилась бы вреднѣйшая секта странниковъ. Если бы не Евѳимій—бѣглый въ Москвѣ, потомъ военный дезертиръ, въ поморскомъ скитѣ, опять въ Москвѣ, потомъ въ Ярославлѣ и тамошнихъ деревняхъ, хотя однажды и взятъ былъ въ руки правосудія и въ нихъ удержанъ—то не существовала бы зловредная секта странниковъ».

Далѣе, разбирается ученіе странниковъ по отношенію къ *правительству*. Здѣсь, въ показаніяхъ странниковъ, данныхъ при слѣдствіи, слѣдовательно при такихъ обстоятельствахъ, когда они не только не имѣли причины преувеличивать, но имѣли сильныя побужденія скрывать, или смягчать свои мнѣнія, ведущія къ строгости правосудія, ясно видно, что по ученію страннической секты не позволительно ни записываться въ ревизію, ни платить подати, ни принимать должности съ присягою, ни вступать въ военную службу, ни даже нанимать за себя въ рекруты другихъ. Изъ этого Филаретъ выводитъ заключеніе, «что ученіе страннической секты не только противно ученію православной церкви, но и отвергаетъ верховную власть, и законы и исполненіе всякихъ общественныхъ обязанностей. Слѣдовательно, живущіе по сему ученію рѣшительно отказываются отъ того, чтобы приносить какую-либо пользу государству, а имѣютъ стремленіе причинять оному вредъ и разстройство. Поэтому, по справедливости слѣдуетъ заключить, что такіе люди сами себя лишаютъ права пользоваться благодѣяніями государства, и оно, по закону возмездія въ правѣ, а по закону самосохраненія даже обязано дѣйствовать къ уничтоженію такой секты».

Разбирая *нравственность* странниковъ вообще, митроп. Филаретъ говоритъ: «люди, которые рѣшились не уважать законовъ церкви и государства, могутъ ли постоянно уважать правила, выдуманныя для себя и для другихъ бѣглымъ мѣщаниномъ и бѣглымъ солдатомъ?...» «А о дѣлахъ послѣдователей его срамно есть и глаголати...» «Все сіе,—заключаетъ онъ,—ведетъ къ заключенію, что странничество требуетъ не нисхожденія, а строгости правительства».

Не менѣе строгъ взглядъ Филарета, на «невнимательность» должностныхъ лицъ, обязанныхъ противодѣйствовать злу, какъ на самую ближайшую причину распространенія секты. Дѣло касается здѣсь не однихъ ближайшихъ, мѣстныхъ полицейскихъ властей, но и лицъ духовныхъ. И къ тѣмъ, и къ другимъ онъ относится равно строго, даже къ послѣднимъ еще строже чѣмъ къ первымъ.

Исчисливъ открывающіеся изъ дѣла факты невниманія духовныхъ пастырей къ распространенію раскола, представивъ всѣ данныя для окончательнаго заключенія, Филаретъ полагаетъ, что нужно:

1) «Подвергнуть строгой отвѣтственности священниковъ, въ приходахъ коихъ значительно распространилась секта странниковъ, и которые не оказали себя дѣятельными къ открытію и

вразумленію заблуждшихъ, и священниковъ, виновныхъ въ потворствѣ и сокрытіи сектаторовъ ложными записями въ исповѣдныхъ и метрическихъ книгахъ, удалить отъ мѣстъ, съ низведеніемъ въ причетническую должность, а подозрительныхъ отвести на другія мѣста и замѣнить ревностными къ дѣламъ службы. Безъ сомнѣнія, одинъ изъ первыхъ долженъ подвергнуться такой отвѣтственности сопѣлковскій священникъ, котораго все село наполнено сектаторами, наставниками, пристанодержателями, странниками, открыто живущими въ большомъ числѣ и составляющими свои соборы, и который живетъ съ сими раскольниками дружно.

2) «Обратить строгое вниманіе на благочинныхъ, въ вѣдомствѣ которыхъ значительно распространилась секта, и невнимательныхъ замѣнить бдительными, а завѣдомо потворствовавшихъ, сверхъ удаленія отъ должности подвергнуть справедливому взысканію.

3) «Объ усмотрѣнной еретической зловредной сектѣ подъ видомъ и наименованіемъ странниковъ, и о ея ученіи и направленіи дать обстоятельное свѣдѣніе всѣмъ преосвященнымъ архіереямъ, а они должны предписать подвѣдомымъ священнослужителямъ, чтобы старались узнавать образъ мыслей людей, являющихся въ видѣ странниковъ, и, въ случаѣ открытія сектаторовъ, доносили о нихъ епархіальному архіерею, и чтобы людямъ, расположеннымъ къ странноприимству, внушали осторожность, дабы не приняли волковъ въ овчей одеждѣ.

4) «Дать такое же свѣдѣніе академіямъ и семинаріямъ для соображенія при преподаваніи ученія противъ раскола и ересей.

5) «Употребить неукоснительныя и дѣятельныя мѣры, чтобы прекратить дѣйствія имѣющихся уже въ виду наставниковъ, и особенно имѣющихъ преимущественное вліяніе на секту, каковы напр., Ѳедоръ Кривой, бѣглый кантонистъ, и Никита Семеновъ. Какъ они вообще явно и тяжко виновны, потому что отвергаютъ всякую власть и всѣ общественныя обязанности и потому, что суть бѣглые, и бѣглые солдаты: то не только справедливымъ, но для нѣкоторыхъ даже снисходительнымъ замѣномъ наказанія по суду, можетъ быть для нихъ устраненіе отъ общества, которому они такъ вредны, и заключеніе въ Соловецкій монастырь или подобное мѣсто подъ строгій надзоръ и вмѣстѣ для попеченія о ихъ вразумленіи и обращеніи на путь истины.

6) «Подобнымъ образомъ поступать и съ тѣми изъ ординарныхъ странниковъ, которые съ особенною наглостію и ожесточеніемъ выставляютъ себя презрителями власти или явнѣе прочихъ запятнаны развратомъ.

7) «Прочихъ странниковъ предать обыкновенному суду за побѣгъ и неисполненіе общественныхъ обязанностей, а также пристанодержателей, достаточно въ семъ обличенныхъ, предать суду за пристанодержательство съ особымъ наблюденіемъ за вѣрнымъ и неукоснительнымъ дѣйствіемъ правосудія.

8) «Сильно потрясти и по возможности очистить село Сопѣлки, какъ главное гнѣздо секты. Всѣ тайники уничтожить и объявить хозяевамъ, что у кого вновь найденъ будетъ тайникъ, тотъ подвергается взысканію, какъ пристанодержатель бѣглыхъ, хотя бы у него и не нашлось бѣглаго. Моленныя, въ коихъ собирались странники, также уничтожить. Поставить губернскому начальству нѣсколько разъ въ годъ, чрезъ непосредственно назначаемыхъ и посылаемыхъ чиновниковъ, обозрѣвать домы сопѣлковскихъ обывателей во всѣхъ частяхъ, для усмотрѣнія, нѣтъ ли вновь тайника и не скрываются ли бѣглые, и сію мѣру прекратить только тогда, когда въ продолженіи трехъ лѣтъ не окажется ни одного тайника и ни одного бѣглаго.

9) «Усилить денежное взысканіе съ хозяина дома, который держалъ безпаспортнаго.

10) «Усилить законы о бродягахъ. Стыдно смотрѣть, какъ бродяга ненаказанно смѣется надъ законною властью, называя себя непомнящимъ родства, когда всѣ увѣрены, что это ложь, или называетъ своею родиною поперемѣнно нѣсколько городовъ, дабы между тѣмъ, какъ по сему дѣлу продолжается безполезная переписка, спокойно жить въ тюрьмѣ, гдѣ хорошо кормятъ, и высматривать случай къ побѣгу, или беззаботно ждать путешествія въ Сибирь, которое для него не хуже бродяжничества, добровольно имъ избраннаго».

Мнѣніе митрополита Филарета одобрено не только синодомъ, но и высочайшею волею. Оно послужило основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ распоряженій власти относительно сектантовъ.

По подробномъ и внимательномъ разсмотрѣніи всего изложеннаго въ запискѣ митрополита Филарета, синодъ, опредѣленіемъ отъ 26-го октября (10-го декабря) 1854 г. положилъ: 1) соображенія преосвященнаго митрополита московскаго Филарета, св. синодомъ *вполнѣ* принимаемыя, сообщить посредствомъ г. оберъ-прокурора министру внутреннихъ дѣлъ на его усмотрѣніе и зависящее распоряженіе; 2) кромѣ того преосвященнымъ—ярославскому Нилу и костромскому епископу Филоѳею даны соотвѣтственныя важности дѣла строгія предписанія; 3) записка изъ настоящаго дѣла препровождена изъ св. синода къ ректору с.-петербургской духовной академіи, епископу вин-

ницкому Макарію (нынѣ архіеп. литовскій), съ тѣмъ, чтобы онъ составилъ изъ сей записки подробное и точное извлеченіе, съ полнымъ объясненіемъ ученія и направленія зловредной секты странниковъ и представилъ такое извлеченіе въ синодъ для отсылки къ епархіальнымъ архіереямъ, а также въ академическія и семинарскія правленія къ соображенію первымъ—при принятіи мѣръ къ обнаруженію сектаторовъ и прекращенію дальнѣйшихъ ихъ дѣйствій, а послѣднимъ при преподаваніи ученія противъ ересей и расколовъ.

Пока опредѣленіе синода по духовному вѣдомству приводилось въ исполненіе, самое дѣло между тѣмъ, со всѣми относящимися къ нему документами и соображеніями синода, передано было чрезъ оберъ-прокурора синода въ министерство. Здѣсь оно снова было пересмотрѣно, приняты во вниманіе и соображенія синода, и на основаніи этихъ данныхъ, всѣ произведенныя изысканія о сущности секты снова были внесены на высочайшее усмотрѣніе. Государь императоръ, «принявъ во вниманіе, что ближайшими и вмѣстѣ съ тѣмъ вреднѣйшими послѣдствіями этой секты оказываются возникающія изъ оной бродяжничество сектаторовъ и пристанодержательство ихъ, между прочимъ высочайше повелѣть соизволилъ:

1) «Начальникамъ губерній, въ которыя проникла секта, всемѣрно озаботиться открытіемъ, задержаніемъ и преданіемъ суду послѣдователей ея. Для безошибочнаго въ семъ дѣйствованія сообщить имъ свѣдѣнія о сущности секты и внѣшнихъ ея проявленіяхъ.

2) «Начальникамъ губерній, въ которыхъ секта наиболѣе распространилась, поставить въ обязанность: а) до времени употреблять къ поимкѣ сектаторовъ общіе полицейскіе способы; б) привесть въ точную извѣстность всѣхъ значащихся по двумъ послѣднимъ ревизіямъ бѣглыми и стараться отыскивать ихъ; в) обращать строжайшее вниманіе на пристанодержателей и съ сею цѣлію въ селеніяхъ, гдѣ уже были укрываемы бѣглые, нерѣдко обозрѣвать домы, дабы удостовѣриться, нѣтъ ли въ нихъ тайниковъ; по мѣрѣ же открытія въ нихъ бѣглыхъ, тайники уничтожать, а пристанодержателей предавать суду; г) требовать содѣйствія отъ начальствъ разныхъ вѣдомствъ и отъ владѣльцевъ, и д) если всѣ подобные способы, по мѣрѣ увеличившагося бродяжничества, недостаточны, то представить свои соображенія, какія нужно принять особенныя мѣры къ отысканію бѣглыхъ и прекращенію бродяжничества ихъ, а также въ какихъ мѣстахъ и въ какомъ составѣ надлежитъ усилить полицейскія управленія.

3) «Независимо же отъ сего въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе распространилась секта, учредить особыхъ коммиссаровъ [1]), которые не завися отъ мѣстной полиціи, но бывъ прямо подчинены начальнику губерніи, могли бы исключительно заниматься собираніемъ свѣдѣній о бродягахъ и пристанодержателяхъ, а по полученіи таковыхъ, немедленно производить гдѣ слѣдуетъ обыски.

4) «По духовной части, сверхъ принятыхъ уже со стороны св. синода мѣръ, въ мѣстахъ гдѣ наиболѣе распространилась секта, опредѣлить особыхъ благочинныхъ, которые могли бы имѣть безпрерывное наблюденіе за мѣстнымъ духовенствомъ, дабы оное не допускало послабленія отпадающимъ отъ церкви» [2]).

Вслѣдствіе состоявшагося такого высочайшаго повелѣнія, со стороны гражданскаго правительства сообщено было московскому генералъ-губернатору, а начальникамъ губерній: ярославской, костромской, тверской, вологодской, олонецкой, нижегородской, вятской, архангельской и астраханской, въ которыхъ усилилась и распространилась странническая секта, предписано о надлежащемъ исполненіи высочайшей воли.

Синодъ, съ своей стороны, сдѣлалъ также нужныя распоряженія по духовному вѣдомству. Увѣдомивъ преосвященныхъ указанныхъ губерній о высочайшемъ повелѣніи, онъ предписалъ имъ сдѣлать неотложно зависящія отъ нихъ распоряженія — «озаботиться объ открытіи не только уже отпадшихъ отъ церкви, но и колеблющихся или отпадающихъ, и всѣми мѣрами стараться объ обращеніи на путь истины первыхъ и о предостереженіи отъ соблазна и утвержденіи въ истинахъ вѣры послѣднихъ, и донесть о сущности таковыхъ распоряженій съ должною подробностію; а между тѣмъ, избравъ изъ достойнѣйшихъ, извѣстныхъ своею опытностію, и благонадежнѣйшихъ духовныхъ лицъ, такихъ, на которыхъ съ полнымъ довѣріемъ можно было

---

[1]) Но эти коммиссары не были учреждены. Въ предложеніи оберъ-прокурора синода (20-го іюля 1859 г. за № 4012) въ дополненіе вышеизложеннаго отъ 21-го іюля, говорится: что министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ его, что комитетъ министровъ, „журналомъ состоявшимся 16-го іюня 1859 г. и удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія положилъ: Не учреждая отдѣльныхъ чиновниковъ, для преслѣдованія раскольниковъ, страннич. секты, бѣгуновъ по заблужденію фанатизма — оставить поимку и розысканіе этихъ бродягъ, по-прежнему, на прямой обязанности мѣстныхъ полицій, какъ установленій, на которыхъ лежитъ эта обязанность по общимъ правиламъ общественнаго благоустройства".

[2]) Смотр. въ дѣлѣ отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ 21-го іюня 1855 г. за № 855 къ исправ. должность оберъ-прокурора св. синода Карасевскому, препровожденное послѣднимъ въ копіи въ святѣйшій синодъ, при предложеніи 22-го іюня, за № 3282.

бы возложить безпрерывное наблюденіе за мѣстнымъ духовенствомъ, дабы оно не попускало послабленія отпадшимъ отъ церкви, представить о таковыхъ, вмѣстѣ съ послужными ихъ списками, въ святѣйшій синодъ на утвержденіе» [1]).

Епархіальные преосвященные приступили къ дѣлу со всею готовностію споспѣшествовать его успѣху. Первымъ дѣломъ ихъ, по полученіи указа синода, было — снестись по вопросу о новой сектѣ съ начальниками губерній, съ просьбою о томъ, чтобы они сообщили болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ-сектантовъ, и указали мѣста, гдѣ они преимущественно распространяются или уже распространились, и гдѣ они имѣютъ свои притоны, «мѣста», «станы». Когда получены были требуемыя свѣдѣнія, епархіальныя начальства приступили къ избранію особыхъ благочинныхъ [2]), по смыслу указа синода, изъ лицъ духовныхъ, болѣе довѣренныхъ, благонадежныхъ и знакомыхъ съ дѣломъ раскола, которымъ бы можно было поручить надзоръ за духовенствомъ тѣхъ приходовъ, въ коихъ сильно развился расколъ и открыта секта странническая. Вслѣдъ затѣмъ епархіальные архіереи донесли о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ синоду и представили на его утвержденіе избранныхъ ими благочинныхъ вмѣстѣ съ послужными о нихъ списками.

Избраннымъ, такимъ образомъ, епархіальнымъ начальствомъ и утвержденнымъ синодомъ, благочиннымъ вмѣнено было въ обязанность, строго наблюдать за образомъ жизни ввѣреннаго имъ духовенства, и пастырскими его дѣйствіями къ ослабленію рас-

---

[1]) Опредѣленіе синода отъ 22-го іюня 1855 г.

[2]) Эти распоряженія, сообразно съ мѣстнымъ состояніемъ раскола, въ различныхъ губерніяхъ, были различны. Въ однихъ, напримѣръ, въ астраханской и архангельской вовсе не оказалось нужнымъ избраніе особыхъ благочинныхъ, такъ какъ ни изъ дѣлъ консисторій, ни изъ полученныхъ свѣдѣній отъ губернаторовъ существованія секты странниковъ въ тѣхъ губерніяхъ не было открыто. Но въ другихъ, какъ, напримѣръ, въ олонецкой, гдѣ сильно развита секта безпоповщинская и всѣ ея вѣтви—и федосѣевщина и филипповщина, съ которыми въ тѣснѣйшемъ отношеніи находится и секта странническая — вся епархія раздѣлена была на три округа, и въ каждый изъ нихъ назначенъ былъ особый благочинный, а для успѣшности дѣла данъ ему еще и помощникъ—изъ священниковъ; для каждаго изъ этихъ лицъ, благочиннаго и его помощника, составлена была особая секретная инструкція, опредѣлявшая права и кругъ ихъ дѣятельности, — словомъ, было устроено по этому случаю особое миссіонерство. Членамъ этой новой миссіи, по представленію мѣстнаго архіепископа Аркадія, ассигновано было синодомъ особое жалованье изъ суммъ, опредѣленныхъ на содержаніе городского и сельскаго духовенства. (См. донесеніе архіеп. Аркадія отъ 24-го сентября 1855 г. за № 385. Опред. синода отъ 30-го сентября и предложеніе отъ исправл. должность оберъ-прокурора отъ 31-го декабря того же года за № 7181.

кола вообще и въ особенности къ искорененію вреднаго ученія секты странниковъ [1]), чтобы оно не только вообще было исправно по поведенію своему и церковно-приходскимъ обязанностямъ, но и чтобы умѣло и было готово во всякое время неослабно дѣйствовать на каждаго отступающаго отъ св. церкви. Для точнаго исполненія возложенныхъ обязанностей, благочинные должны были сколько возможно чаще обозрѣвать причты раскольническихъ приходовъ, и послѣ каждаго такого обозрѣнія представлять свои объѣздные журналы мѣстнымъ преосвященнымъ. На основаніи свѣдѣній, собранныхъ благочинными, слѣдившими за всѣмъ ходомъ дѣлъ сектаторовъ на мѣстѣ, были составлены мѣстными архіереями подробные отчеты о состояніи въ ихъ епархіи раскола вообще, и въ частности о сектѣ странниковъ и представлены синоду [2]).

Эта мѣра духовнаго правительства привела къ весьма важнымъ результатамъ. И самымъ первымъ результатомъ было то, что теперь сдѣлалось извѣстнымъ власти число раскольниковъ, если не совершенно точное, по крайней мѣрѣ, приблизительно вѣрное. Во многихъ епархіяхъ до того времени не только не было выведено вѣрной цифры раскольниковъ (конечно, этого не вездѣ и можно было достигнуть вполнѣ), но и не заботились о ея вѣрности, считая число раскольниковъ по духовнымъ росписямъ, въ которыхъ тайные раскольники писались прямо въ числѣ православныхъ подъ именемъ «небытчиковъ», и писались такъ изъ году въ годъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они давно состояли въ расколѣ, отчего цифра положительныхъ раскольниковъ выходила здѣсь весьма незначительная [3]). Теперь же сдѣлались извѣстными духовному начальству не только всѣ явные, но и большая часть тайныхъ раскольниковъ.

---

[1]) Журн. постановленіе синода отъ 30-го ноября 1855 года.

[2]) Лучшимъ отчетомъ о состояніи современнаго раскола, безспорно, былъ отчетъ, представленный преосвященнымъ нижегородскимъ Іереміею, который находится въ подлинникѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ дѣлѣ „о странникахъ". Современно съ этимъ отчетомъ былъ составленъ отчетъ и чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Мельниковымъ, который особенно отличается рѣзкостію сужденій и безпощадныхъ бичеваній раскола и лицъ, потворствовавшихъ его усиленію и распространенію.

[3]) Такъ, напримѣръ, въ олонецкой губерніи, гнѣздѣ раскола, по церковнымъ документамъ значилось раскольниковъ 3,286 человѣкъ, а по дознанію благочинныхъ оказалось 18,197 человѣкъ. Точно также встрѣчаемъ и въ нижегородскомъ отчетѣ: прежде—всѣхъ раскольниковъ считалось 36 тысячъ, а по прилежномъ изысканіи оказалось 126 тысячъ, а въ отчетѣ г. Мельникова 170,000.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, какъ и въ синодѣ, производство дѣла о страннической сектѣ привело совершенно къ одинаковымъ результатамъ. Вскорѣ послѣ возникновенія дѣла о сектѣ странниковъ, именно въ 1853-мъ году, правительство признало необходимымъ собрать на мѣстѣ необходимыя свѣдѣнія уже не только о «сектѣ странниковъ», но и вообще о современномъ состояніи раскола, узнать «что такое русскій расколъ»? Для этой цѣли, независимо отъ коммиссіи, занимавшейся изслѣдованіемъ дѣла о странникахъ, были посланы чиновники министерства, спеціально подготовленные къ этому дѣлу и знакомые съ расколомъ, въ тѣ губерніи, въ которыхъ преимущественно развился расколъ или гдѣ было замѣтно между народомъ больше наклонности къ нему. На основаніи полученныхъ ими на мѣстѣ данныхъ, они составили «отчеты о современномъ состояніи раскола» и представили ихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Отчеты эти не были публикованы; но правительство приняло ихъ за норму, по которой установило свой взглядъ на расколъ и его развитіе, взглядъ, который до сихъ поръ опредѣляетъ дѣйствія министерства по дѣламъ о раскольникахъ. Нѣкоторые изъ занимавшихся вопросомъ о нашемъ расколѣ имѣли случай воспользоваться матеріалами, заключающимися въ этихъ отчетахъ. Но все написанное до сихъ поръ далеко не исчерпываетъ самаго вопроса, какъ вообще, такъ и въ особенности о сектѣ странниковъ. По поводу послѣдней мы можемъ указать, главнымъ образомъ, на небольшую замѣтку г. Трефолева и весьма краткую записку о странникахъ И. С. Аксакова, напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ» (1866 г. № 4). Укажемъ еще на выписки и даже цѣлую записку о расколѣ изъ отчета г. Мельникова. Но мы должны сдѣлать оговорку о заграничномъ изданіи Кельсіева, гдѣ сдѣланы выписки изъ отчета гр. Стенбока, и сдѣланы весьма недобросовѣстно. Намъ не было бы трудно привести и тѣ мѣста въ изданіи Кельсіева, которые подтверждаютъ нашъ отзывъ: мы имѣли въ рукахъ подлинные отчеты и все дѣло «о странникахъ», какъ синода, такъ и министерства внутреннихъ дѣлъ, и при первомъ сравненіи изданнаго Кельсіевымъ съ оригиналомъ, искаженіе послѣдняго сдѣлалось очевиднымъ.

Въ нашей литературѣ, особенно духовной, по дѣлу раскола,— сказано однако уже достаточно для того, чтобы мы имѣли право считать излишнимъ говорить вообще о расколѣ. Мы ограничимся однимъ краткимъ очеркомъ историческаго развитія раскола, съ цѣлью показать, какія внутреннія побужденія послужили

къ тому, чтобы общество странниковъ выдѣлилось и образовало изъ себя особую секту въ расколѣ.

Расколъ, въ первое время своего появленія, представляется въ такомъ видѣ: отверженные московскимъ соборомъ (1667 г.) соединяются въ одно общество, и въ этомъ обществѣ происходитъ впослѣдствіи перемѣна во взглядѣ на церковную власть и на самую церковь,—какъ на непріязненныя силы. Отношенія этого общества къ свѣтской власти представляются въ самомъ неопредѣленномъ видѣ. Нѣкоторое время, впрочемъ, общество отщепенцевъ относилось еще къ ней довольно миролюбиво, надѣясь чрезъ нее возстановить древній порядокъ; но въ этихъ надеждахъ раскольники вполнѣ разочаровались въ 1682-мъ году. А казни первыхъ расколоучителей и предводителей общества отщепенцевъ—Аввакума, Лазаря, Никиты-Пустосвята и другихъ, —и послѣдующіе строгіе указы правительницы Софіи Алексѣевны возбудили въ раскольникахъ самый сильный фанатизмъ, который велъ къ самосожигательству въ огромныхъ размѣрахъ, къ бѣгству изъ городовъ и селеній въ пустыни, лѣса, и,—мало того—за границу; вслѣдствіе чего и внѣ предѣловъ Россіи появились общества раскольниковъ — въ Швеціи, въ Пруссіи, въ Австріи, въ Турціи, въ Малой Азіи и даже въ Китаѣ.

Во внутреннемъ отношеніи расколъ представлялъ въ это время одну сплошную массу людей несогласныхъ, но внутренно простыхъ и вѣрующихъ, хотя съ недостатками, но и съ достоинствами,— по-своему привязанныхъ къ церкви и ея священнымъ обрядамъ; онъ только и жилъ, какъ представлялось стороннему наблюдателю, одною чисто-религіозною жизнію. Еще не было въ немъ тѣхъ внутреннихъ раздѣленій, которыя явились впослѣдствіи — не было ни поповщины, ни безпоповщины, ни тѣмъ болѣе другихъ мелкихъ толковъ, — хотя и были нѣкоторые задатки къ такому раздѣленію; но, кромѣ разногласій и недоумѣній, между его руководителями ничего пока ясно не обрисовывалось. Его стремленія, какъ казалось на первый взглядъ, были недалеки, желанія умѣренны. Онъ домогался немногого: хотѣлъ сохранить во всей неприкосновенности одни лишь прежнія, по мнѣнію приверженцевъ мнимой старины, средства къ спасенію, — т.-е. нѣкоторые священные обряды, и старинныя богослужебныя книги, отнятыя у него патріархомъ Никономъ. Въ этомъ еще не было, повидимому, ничего особенно-противнаго духу религіи и цѣлямъ правительства: не велика вина въ томъ, что люди хотѣли сохранить цѣлость древнихъ книгъ и по нимъ достигать своего спасенія...

Но такъ только было вначалѣ. Желаніе раскольниковъ—сохранить древнія книги и нѣкоторые обряды повело къ отрицанію сначала новоисправленныхъ книгъ, а потомъ и церковной власти, іерархіи, православія и въ концѣ концовъ привела къ отрицанію самой церкви... Дѣйствительно, по внутреннему своему содержанію, расколъ и не представлялъ вначалѣ ничего положительнаго, систематически-организованнаго на какихъ-либо догматическихъ основаніяхъ. Никакого руководящаго начала, никакого догматизма не было положено въ основаніе новаго религіознаго общества при первомъ его отторженіи отъ церкви православной. Все богословствованіе первоначальнаго раскола заключалось пока только въ сочиненіяхъ немногихъ ея вождей. А эти сочиненія (первыхъ вождей и учителей раскола—Аввакума, Лазаря, Никиты и друг.) заняты и переполнены лишь голословнымъ отрицаніемъ «нововводствъ, измѣненій и отрицаній», сдѣланныхъ въ новоизданныхъ патріархомъ Никономъ книгахъ и отсюда перешедшихъ въ церковную практику. Въ нихъ слышатся лишь горькія жалобы и рѣзкая, безпощадная брань на Никоніанцевъ—на русскую церковь съ ея пастырями, за «растлѣніе» «новинами» русской церкви и тому подобные голословные возгласы... И казалось бы, что при такомъ, чисто-отрицательномъ и лишенномъ прочныхъ основаній, отношеніи къ церкви расколъ не могъ существовать; не имѣя положительныхъ, твердыхъ и вѣрныхъ задатковъ для своего дальнѣйшаго развитія, онъ не могъ обѣщать организаціи въ твердо обоснованную церковно-религіозную общину. Скорѣе можно было бы ожидать, что надъ нимъ исполнятся слова Аввакума: «глупцы-раскольники пропадутъ какъ черви капустные». Но не сбылось предсказаніе Аввакума, расколъ не пропалъ.

Слабый и неопредѣленный, по своему началу, въ теоріи, расколъ оказался страшно силенъ и живучъ на практикѣ. При всей первоначальной неопредѣленности своего вѣроученія, при всей несостоятельности церковно-религіозныхъ основъ, онъ быстро пошелъ по пути окончательнаго и какъ бы безвозвратнаго отторженія отъ церкви и православнаго общества къ внутренней самостоятельной организаціи. Потерпѣвъ рѣшительную неудачу, какъ въ своихъ надеждахъ на поддержку гражданской власти, высказавшихся въ нѣсколькихъ челобитныхъ царямъ о возстановленіи церковной старины, такъ и на пути открытыхъ возстаній противъ власти не только церковной, но и гражданской, окончательно осужденный и анаѳематствованный церковью, неутомимо гонимый и страшно преслѣдуемый гражданскою властію,

особенно съ 1684 года [1]), — съ непримиримою враждою и затаенною ненавистію къ церкви и обществу съ его правительствомъ, скрытно и осторожно, но твердо и безостановочно сталъ развиваться и организоваться въ религіозно-гражданскія общины. Какъ необходимое слѣдствіе этого развитія и вновь составившагося міросозерцанія раскольниковъ, въ ихъ обществѣ является прежде всего одно главное раздѣленіе: менѣе упорные и болѣе мягкіе въ своихъ отношеніяхъ къ церкви хотятъ имѣть у себя священство, хотя бы и незаконное, а болѣе суровые и враждебные къ церкви, отвергаютъ священство, словомъ—является въ расколѣ *поповщина* и *безпоповщина*.

Въ основаніи внутренней, церковно-религіозной организаціи безпоповщины было положено преданіе Павла Коломенскаго, который будто-бы заповѣдалъ не принимать отъ русской церкви никакихъ таинствъ и священнодѣйствій, не принимать новопоставленныхъ въ ней священниковъ, — утверждая, что не только священники, еще находившіеся тогда между раскольниками, но и иноки и благочестивые міряне могутъ совершать тайны и удовлетворять другимъ въ ихъ духовныхъ нуждахъ. Тѣхъ же самыхъ взглядовъ держались и первые руководители раскола, пострадавшіе въ Пустозерскѣ—Аввакумъ, Лазарь, Ѳеодоръ, Епифаній и другіе.

Сущность всей догматики безпоповцевъ заключается въ поморскихъ отвѣтахъ, гдѣ систематически, на основаніи исторіи, излагаются главныя основанія ихъ вѣроученія, которыя кратко можно представить въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: 1) Церковь, занимая исключительное положеніе въ человѣческихъ обществахъ, нерѣдко въ годину бѣдствій должна была, безъ ущерба впрочемъ спасенію своихъ членовъ, сокращаться въ видимыхъ средствахъ, какими она обыкновенно располагаетъ въ мирное для нея время. 2) Русская церковь, стоя съ самаго начала въ ближайшей связи съ государствомъ, наслаждалась почти всегдашнимъ миромъ и свободно располагала видимыми средствами спасенія своихъ членовъ. Но—такъ только было до Никона, который попралъ и осудилъ церковныя преданія, и подорвалъ, по апокалипсическому пророчеству, самыя основы спасенія. Протесты ревнителей древняго благочестія остались безуспѣшными и даже возбудили гоненіе на ревнителей старины, такъ какъ на сторонѣ Никона была внѣшняя сила и авторитетъ восточ-

[1]) Именной указъ 1684 г. въ первый разъ прямо объявилъ расколъ преступленіемъ, за которое назначались страшныя наказанія П. С. З. т. 11,110.

ныхъ патріарховъ, его единомышленниковъ и поддержка правительства. Отсюда заключеніе: при такомъ исключительномъ положеніи въ государствѣ ревнителей православія, неизбѣжно и законно въ гонимой церкви отсутствіе нѣкоторыхъ изъ видимыхъ средствъ, данныхъ Спасителемъ для руководства вѣрующихъ въ Него ко спасенію.

Раскрывая эти начала и проводя ихъ въ жизнь, безпоповцы не только отвергаютъ священство и нѣкоторыя другія таинства церкви, но и оправдываютъ себя въ этомъ законностію своего отверженія. Отторгшись отъ церкви подъ вліяніемъ мысли о владычествѣ въ мірѣ антихриста и объ отъятіи благодати отъ земли, они, тѣмъ не менѣе, хотятъ содѣлать свое спасеніе. Догматъ о таинствахъ такимъ образомъ выдвигается на первый планъ самъ собою. Но, какимъ образомъ совершать таинства, необходимыя для спасенія, когда нѣтъ іерархіи? Для рѣшенія этого вопроса, безпоповцы обращаются къ книгамъ, принимаемымъ и православною церковію. Здѣсь, въ большомъ катихизисѣ, или, какъ цитуетъ Денисовъ въ своемъ 102-мъ отвѣтѣ—«отъ новопечатныя книги Жезла собраніе»... (Чл. 1-й возоблич. 17-е л. 49), они находятъ мѣсто, гдѣ говорится, что одни изъ таинствъ необходимы человѣку, такъ что безъ нихъ нельзя обойтись, другія же такія, безъ которыхъ можно обойтись. Къ первымъ относятся три: крещеніе, покаяніе и священство. Особенно затрудняло безпоповцевъ только послѣднее изъ этихъ таинствъ; но у нихъ уже положено въ основаніи мнѣніе, что антихристъ царствуетъ въ мірѣ и благодать отлетѣла на небо; поэтому они порѣшили о священствѣ тѣмъ, что антихристъ упразднилъ его. Остаются такимъ образомъ два таинства: *крещеніе*, которое отверзаетъ двери царствія Христова, и *покаяніе*, безъ котораго никакъ уже нельзя обойтись, ибо—кто грѣха не имать, аще и единъ день житія его на землѣ? Вполнѣ сознавая необходимость этихъ таинствъ, они съ особенною изворотливостію занялись рѣшеніемъ вопроса—какъ совершать ихъ? Обращаются снова къ книгамъ и къ церковной исторіи, и здѣсь находятъ благопріятныя для себя свидѣтельства, что крещеніе совершалось въ церкви и мірянами и даже женщинами, въ особенности въ первые вѣка христіанства. Что же касается совершенія покаянія, то они и на это отыскали свидѣтельство въ Номоканонѣ кіевской печати 1624 года. Здѣсь между прочимъ говорится (отв. 55), что «и не священнику, искусъ имѣющему духовнаго дѣянія, паче священника неискусна, праведно есть помышленіе пріимати и правильно исправляти»... Однакожъ въ

церковной практикѣ этого не было, чтобы исповѣдывались когда-нибудь мірянамъ. Но безпоповцы обратились къ строю жизни монастырской, и здѣсь нашли чего имъ хотѣлось: въ монастыряхъ, дѣйствительно, былъ обычай, чтобы младшіе братья каждый проведенный день жизни разсказывали старцамъ, которымъ ввѣряли свое нравственное воспитаніе. Это безпоповцы назвали «исповѣдью», хотя это было не что иное, какъ послушаніе, которое долженъ былъ нести всякій новопоступившій въ монастырь. Далѣе,—въ церкви греческой существовали нѣкогда (въ XIV-мъ и XV-мъ вв.) такого рода порядки: епископъ, наприм., повѣрялъ только *принимать* исповѣдь мірскимъ людямъ, но тѣмъ не менѣе этотъ фактъ еще болѣе утвердилъ безпоповцевъ въ ихъ мысли. Наконецъ, понятое ими по-своему и толкуемое въ свою пользу мѣсто апостола Іакова: *исповѣдайте другъ другу согрѣшенія ваша...* [1]), послужило для нихъ самымъ неопровержимымъ, по мнѣнію ихъ, доказательствомъ правильности ихъ взгляда на таинство покаянія; оно и донынѣ служитъ для нихъ классическимъ мѣстомъ. Всѣ остальныя таинства, или потому, что безъ нихъ можно обойтись, или потому, что нѣтъ людей для ихъ совершенія, были отвергнуты. Покончивъ такимъ образомъ съ таинствами, безпоповцы постарались не только извинить свое отступничество, но и совершенно оправдать себя «нуждою и тѣснотою» своего положенія [2]).

Отношеніе къ власти свѣтской вполнѣ вытекало изъ взгляда раскольниковъ на нее, какъ на олицетвореніе царства антихриста. Явились личности, которыя прямо и открыто проповѣдывали, что Петръ I-й антихристъ, и что слѣдовательно молиться за царя великій грѣхъ. И вотъ, безпоповцы поставляютъ догматъ «не молиться за царя», потому что онъ былъ «ненавистникъ истинной вѣры, противникъ Богу» [3]), еретикъ, анти-

---

[1]) Іак. V, 16.

[2]) Вотъ что читаемъ у Денисова: „Понеже, говоритъ онъ, отъ самыхъ апостольскихъ временъ во многа времена, въ гонительныя тѣсноты и нужные случаи, церковь божія со угодники божіими и съ вѣрными христіаны пребываше многажды кромѣ видимыхъ церквей, и кромѣ священниковъ, и кромѣ пространныхъ тайнодѣйствъ: такожде и по пустынямъ кромѣ сихъ многажды пребывающе угодницы спасахуся: убо и мы въ нужныхъ случаяхъ древле православная церковная преданія соблюдающе и по обыкности и любви пустыннѣй другъ другу ко благу совѣтующе, спасеніе можемъ получити, и св. божія церкви не отлучены быти; о словесы Златоустаго отца—церковь есть не стѣны и покровъ, но вѣра и житіе". (См. надсловіе и предисловіе къ Помор. отвѣтамъ).

[3]) Раск. д. XVIII ст., т. 1 стр. 41.

христъ, и вообще не молиться за власть, хотя милостивую, но все-таки еретическую.

Но эти начала, твердо и прочно, повидимому, обоснованные въ догматикѣ безпоповцевъ, не могли связать крѣпкими и неразрывными узами все общество раскольниковъ; не могъ устоять надолго и тотъ порядокъ вещей, который установленъ былъ на этихъ началахъ. Прошло нѣсколько времени, безпоповцы увидѣли, что и по смерти Великаго Преобразователя царство антихриста продолжается, и кончина міра не наступаетъ... И вотъ, начинаются между ними разногласія и раздѣленія.

Первое раздѣленіе безпоповщины было по вопросу о таинствѣ брака. Развратъ между безпоповцами усилился до того, что сами настоятели не могли болѣе скрывать этого; мысль о царствѣ антихриста, между тѣмъ, начала сильно ослабѣвать; слѣдовательно вопросъ о бракѣ выдвигался на первый планъ. Явились честные люди, которые возстали противъ разврата и говорили, что не слѣдуетъ запрещать брака. Эту мысль первый между безпоповцами подалъ Иванъ Алексѣевъ [1]). Но она слишкомъ еще была нова для бредившихъ прошедшимъ раскольниковъ, самъ же Иванъ Алексѣевъ не имѣлъ столько энергіи, чтобы привести ее въ исполненіе. Онъ долженъ былъ отказаться отъ своей новизны. Какъ бы то впрочемъ ни было, но мысль Ивана Алексѣева нашла себѣ отголосокъ. Ею воспользовался Василій Емельяновъ, уроженецъ московскій, и началъ открыто проповѣдывать о необходимости и святости брака. Противная сторона настолько еще была сильна, что заглушила проповѣдь одного своими сильными протестами и прещеніями. Для бо́льшаго и вѣрнѣйшаго пораженія новаго ученія былъ созванъ соборъ, на который Емельяновъ долженъ былъ явиться какъ подсудимый, и здѣсь принужденъ былъ уступить силѣ и изувѣрству своихъ противниковъ. Онъ долженъ былъ публично отречься отъ своего ученія [2]). Несмотря однакожъ на все

---

[1]) См. „Прав. Обозр." за октябрь 1864 года.

[2]) Вотъ этотъ интересный документъ: „Копія списма обязателнаго Василія Емельянова, предъ отцы выгорецкими, † 7300 года, февраля 25 дня;

Божіею помощію:

Сошедшеся выголѣкскія жители, въ аексинская общежительство разсуждая колебанія и многія распри и раздоры во всецерковныхъ чадѣхъ о новозаведенномъ въ царьствующемъ градѣ Москвы нѣкіихъ христіянъ сумнительномъ толкованіи, отъ новопоженившихся, а именно: Василія Емельянова спослѣдующими себѣ отъ сихъ убо новотолкованіи христіанскоя сумленія желая усердно рѣшить, много увѣщавахомъ прибывшаго къ намъ сего собранія началоводителя выше именованнаго Василія, чтобъ онъ всеконечно оставилъ сіе сумнителное толкованія и дѣйства и по многомъ увѣща

это—мысль Ивана Алексѣева не пропала даромъ: вскорѣ образовалась въ безпоповщинѣ отдѣльная секта брачущихся—поморская, и противуположная ей, дѣвственниковъ—феодосѣевская. И вотъ первый и главный камень преткновенія единенію безпоповщины. Съ тѣхъ поръ эти противуположныя партіи презираютъ и преслѣдуютъ одна другую до настоящаго времени.

Далѣе. Въ догматикѣ безпоповцевъ, какъ мы уже видѣли, было положено вначалѣ, что власть гражданская — власть антихриста, что подчиняться ей, исполнять ея распоряженія, и особенно молиться за нее—есть грѣхъ, и грѣхъ непростительный.

нія священныхъ правилъ уступи своихъ степеней разсужденія, повинуся выголѣксинскимъ общежителемъ, единогласни быти, вдревлепреданномъ святоотеческомъ преданіи, и начало сотвори предъ образомъ Спасителя нашего Господа Іисуса Христа, и пречистыя его преблагословенныя Матери, и святѣйшаго всѣхъ рожденнаго въ женахъ предотечи и крестителя Іоанна, въ его прешедшихъ ученіихъ и дѣйствіяхъ несогласныхъ священному писанію: такожде и впредъ предъ всѣмъ обществомъ обещался сего отнюдъ никакъ не творить ни сему не учить которое онъ свое обѣщаній нижеслѣдующими статіями, сподъписаніемъ своея руки сице обязуется: 1-е, о бракахъ новыхъ мудрствовать такъ, какъ наши (предки) прежніи отцы: Даніилъ, Андрей и Симеонъ Дионисіевичи и прочіи по нихъ;

2-е: не признавать въ сихъ бракахъ, ни церковной формы, ни совершенія кромѣ молитвословія священническаго;

3-е: бракосовокупляющимся вновь молѣбномъ не пѣть, и не благословлять не благословенное церковію;

4-е: вновь брачившихся вскорѣ не принимать во общеніе, но тогда егда свое житіе удостоить къ соблюденію чистоты, и обѣтъ учинятъ прежде управи;

5-е: сихъ браковъ утвердителей естьли они не покаются, конечно отлучить, аще же обратятся совершенно, имъ запретить чтобъ не толковали, и тому не учили;

6-е: О сынѣ погибѣльномъ въ противность разуму священнаго писанія и толкованію святыхъ отецъ не толковать и въ народъ того сумленія не производить; всему обязателному цисму, еже быти мнѣ согласному о разуменій сего плачевнаго времени, и о новопоженившихся, а согласному прежнимъ отцемъ и снастоящими выголѣксискіми жители единоумъствію и впредъ никаковаго защищенія безъ священнословнымъ бракомъ чинить не буду, вчемъ и подъписуюсь: Василій Емельяновъ.

Сему обѣтованію жителя царьствующаго града Москвы, Василія Емельянова, еже по прежнему въ противность прежнимъ нашимъ отцемъ ему не толковать и не творить, и мы обще жители выголѣксискія согласуемъ, и обѣщаемъся ему и духовно и телесно способствовать вчемъ и подъписуемся;

Грѣшный инокъ Іона подъписуюсь.—Старецъ Феофанъ подписуюсь.—Послѣдній Архипъ Дементіевъ подъписуюсь.—Всепослѣдній всѣхъ Тимофей Андреевъ подъписуюсь.—Убогопослѣдній Алексій Алексіевъ подъписуюсь.—Убогопослѣдній Семенъ Иродіоновъ подъписуюсь.—Послѣдній Иванъ Аѳанасьевъ подписуюсь. — Всенижайшій и убогопослѣдніи Иванъ Сидоровъ въ место Федора Григорьева, Мирона Иванова, Силиверста Григорьева, Тимофея Миронова, по ихъ прошенію общему и за себе руку приложилъ. — Непотребнои Іоаннъ Тимофеевъ; убогопослѣдніи Григорій Никитинъ: подъписуюсь. — Прилучившися быстъ при семъ соборѣ Іоаннъ Феоктистовъ Долгой подъписуюсь.

Раскольники до времени были вѣрны этому догмату; но уже добрыя отношенія Петра I-го къ выговцамъ достаточно ослабили ихъ прежній фанатизмъ, такъ что самъ Денисовъ хотя и называлъ Петра антихристомъ, однако высказывалъ ему вѣрноподданническія чувства. Впослѣдствіи времени, когда при преемникахъ Петра для раскола настало болѣе мирное время, когда внѣшнее благосостояніе и спокойная жизнь сдѣлали ихъ болѣе снисходительными и къ самимъ себѣ и къ власти, — дошло дѣло до того, что, не рѣшаясь признать мысль о воцареніи антихриста въ лицѣ Петра I-го, въ своемъ ученіи, ложною, безпоповцы (поморцы, феодосѣевцы и др.) допустили ограниченіе этой мысли въ приложеніи ея къ преемникамъ Петра и стали учить, что антихристъ царствуетъ въ Россіи не чувственно, а духовно, что послѣ Петра царствуютъ не настоящіе антихристы, а только слуги его, исполнители воли его, а власть свѣтская—орудіе его. И потому, хотя признавали всѣ дѣйствія свѣтской власти не православными, антихристіанскими, однакожъ стали относиться къ ней менѣе враждебно, подчиняться безпрекословно общимъ государственнымъ законамъ, платить подати и нести всѣ другія общественныя и государственныя повинности. Наконецъ, когда донесено было, что выговцы не молятся за царя, то они безъ малѣйшаго сопротивленія, опираясь на ученіе св. Писанія, которое повелѣваетъ молиться за власть, постановили молиться за царя, прибавивъ къ тому и оправданіе своихъ прежнихъ дѣйствій относительно этого пункта, что если этого не было прежде, то единственно потому, что «о томъ не спросилися ни отъ кого». Такимъ образомъ, опять сдѣлана была значительная уступка прежнимъ безпоповщинскимъ началамъ, и это повело къ дальнѣйшему разногласію и разъединенію въ расколѣ.

Нѣкто Филиппъ, до постриженія въ иночество бѣглый стрѣлецъ Фотій, служившій келейникомъ у Андрея Денисова, возсталъ противъ столь явнаго нарушенія положительнаго догмата безпоповцевъ и несоблюденія преданій отеческихъ. Его мнѣніе «не молиться за царя и не подчиняться власти» и т. п. не могло не найти себѣ сочувствія и въ другихъ ярыхъ ревнителяхъ отеческихъ постановленій. Филиппъ смѣло и гласно проповѣдывалъ, что не только Петръ, но и всѣ послѣдующіе за нимъ императоры русскіе — антихристы, и потому всѣ распоряженія ихъ богопротивны, ведутъ къ погибели и слѣдовательно не должны быть принимаемы и выполняемы послѣдователями «древле-отеческаго содержанія». Поэтому, Филиппъ съ своими послѣдователями не могли жить въ единеніи съ поморцами: они

отдѣлились отъ Выговской пустыни и основали вблизи ея свой особый скитъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и особый, новый толкъ *филипповскій*. Ихъ крайній аскетизмъ привелъ, какъ извѣстно, къ весьма печальной исторіи: во время извѣстной коммиссіи Самарина, они цѣлымъ скитомъ, вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, въ виду Самарина, предались самосожженію. Но это обстоятельство не ослабило секты; напротивъ, оно послужило зерномъ, брошеннымъ въ плодоносную землю: это зерно дало ростки и принесло свой плодъ [1]).

Слѣдующее раздѣленіе раскольниковъ безпоповцевъ вытекало, наоборотъ, изъ добрыхъ отношеній *къ нимъ* верховной власти. Съ воцареніемъ императрицы Екатерины отношенія власти къ расколу рѣшительно измѣняются на лучшее. Къ раскольникамъ относятся самымъ гуманнымъ образомъ, къ живущимъ на рубежѣ имперіи и за границами ея обращаются въ формѣ указовъ, съ воззваніями—возвратиться въ мѣста прежняго жительства,—имъ обѣщаются (и даются на самомъ дѣлѣ) льготы и всѣ права гражданства, прощается ихъ своевольное удаленіе изъ отечества, отводятся лучшія земли и угодья и проч., однимъ словомъ, извѣстный 1762-й годъ отмѣченъ въ жизни раскола, какъ «начало его религіозной свободы» [2]). Расколъ ожилъ; раскольники цѣ-

---

[1]) Въ настоящее время филипповщина свой аскетическій взглядъ обратила чисто въ фарисейство: строгій видъ, пуританская простота наряда, скромная, тихая и вмѣстѣ важная поступь, опущенный взоръ — все въ филипповцѣ преувеличено, все обличаетъ въ немъ слишкомъ строгаго аскета, строгаго до фарисейскаго отвращенія отъ всего сквернаго, нечистаго, еретическаго, до того, что онъ готовъ обтирать и окуривать ручку двери, за которую брался еретикъ.

[2]) Указомъ 14-го декабря 1762 г. позволено всѣмъ бѣжавшимъ изъ Россіи заграницу раскольникамъ возвратиться на родину съ прощеніемъ всѣхъ ихъ преступленій, съ указаніемъ имъ мѣста жительства не только въ Сибирской губерніи, близъ Тобольска, на Барабинской степи, но и въ губерніяхъ Воронежской, Бѣлогородской, Казанской, Астраханской, Саратовской, Оренбургской и др. При этомъ объявлено, что имъ и дѣтямъ ихъ, записаннымъ въ двойной окладъ „ни отъ кого никакого притѣсненія чинимо не будетъ“, — дозволяется носить бороду и не носить установленной одежды, записываться за прежними помѣщиками, поступать въ государственные крестьяне и въ купечество, по собственному желанію, „а противъ желанія никто инако приневоленъ быть имѣетъ и только должны они платить такой раскольническій окладъ, какіе и прочіе здѣшніе раскольники платятъ“, съ освобожденіемъ, однако, на шесть лѣтъ отъ всякихъ податей и работъ тѣхъ изъ нихъ, которые до 4-го декабря 1762 г. бѣжали изъ Россіи... Въ томъ же году объявлено раскольникамъ, что всѣ слѣдствія о самосожигательствѣ ихъ прекращаются, съ тою цѣлію, чтобы они, не опасаясь наказанія, оставили это пагубное заблужденіе. См. „Полн. Собр. Зак.“, томъ XVI, № 11,725 и № 11,434; дѣло въ Арх. Деп. Общ. Дѣл. 17-го дек. 1828 г. Собр. пост. по части раскола, стр. 2.

лыми массами возвращаются въ Россію, селятся по городамъ и селамъ и занимаются безъ всякаго стѣсненія каждый сроднымъ ему промысломъ—торгующіе принимаются въ градскія общества, хлѣбопашцы берутся за земледѣліе: всѣ дѣлаются, наравнѣ съ прочими, членами государства и общества. Жизнь потекла для раскольниковъ тихая, мирная и привольная. Но это внѣшнее благосостояніе раскольниковъ не осталось безъ послѣдствій для ихъ внутренней религіозной жизни. Ставши въ рядъ членовъ общества многіе изъ раскольниковъ, въ томъ числѣ и строгіе филипповцы, очень не во многомъ стали отличаться отъ православныхъ въ условіяхъ жизни общественной, и въ своемъ взглядѣ на власть приблизились ко взгляду православному. Какъ бы въ благодарность за хорошія отношенія власти, не только поморцы и ѳедосѣевцы, но и нѣкоторые изъ филипповцевъ стали записываться подъ двойной окладъ; не только не бѣгали ревизіи, но и брали когда нужно паспорты, а иногда, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія власти, притворялись даже православными, какъ-то: записывались въ исповѣдныя росписи, и, въ случаѣ крайности, особенно предъ смертію, чтобъ не встрѣтить препятствій къ погребенію, исповѣдывались у православныхъ священниковъ и причащались въ православныхъ церквахъ; принимали на себя разныя служебныя обязанности, отправляли рекрутчину, если не сами, то нанимая за себя рекрутовъ, однимъ словомъ, старались ничѣмъ во внѣшней жизни не отличаться отъ православныхъ, утѣшая себя мыслію, что вѣру можно соблюдать и «кромѣ устнаго исповѣданія, въ сердцѣ и дѣлѣхъ» [1]).

Такъ какъ въ расколѣ всегда были люди горячіе и ревностные часто до фанатизма къ своимъ древнимъ обычаямъ, то и на этотъ разъ нашлись люди, чтобы произвесть реакцію такой распущенности нравовъ. Нашлись строгіе проповѣдники аскетизма,

---

Указомъ 20-го янв. 1762 года предписано мѣстнымъ начальствамъ: „чтобы раскольникамъ, возвращающимся изъ-заграницы и слѣдовавшихъ въ мѣста избранныхъ ими поселеній, не только въ пути нигдѣ ни малѣйшаго задержанія не было, но до опредѣленныхъ къ поселенію ихъ мѣстъ свободно пропускаемы и квартиры имъ вездѣ безпрепятственно даваемы были; равно-жъ и по прибытіи въ опредѣленныя мѣста, въ поселеніи ни отъ кого никакого препятствія чинимо не былобъ и не отбирая и не требуя изъ ихъ имѣній ничего, оказываемы имъ были при томъ новомъ поселеніи всѣ удобовозможныя вспоможенія". Манифестомъ 15-го дек. 1763 г. уничтожена наконецъ и самая раскольническая контора, и раскольники подчинены общимъ присутственнымъ мѣстамъ. См. Перв. Полн. Собр. Зак. т. XVI № 11,738 и № 11,989, п. 19, тамъ же. Было много и другихъ благопріятныхъ для раскольниковъ постановленій.

[1]) См. „Нѣск. сл. о русск. раск.", стр. 141. Кельс. вып. 4, стр. 274—277. „Разглагольствіе" Евѳимія—1784 г. и „Малый образъ ересей" Никиты Семенова.

которые хотѣли возвратить общество раскольниковъ къ временамъ древней аскетической жизни первенствующихъ христіанъ; чѣмъ миролюбивѣе и снисходительнѣе казались имъ новыя отношенія своихъ братій къ власти, тѣмъ жарче возставали они противъ нихъ, и чѣмъ болѣе тѣ приближались въ своемъ взглядѣ на власть къ православному взгляду, тѣмъ рѣзче новые ревнители отдѣлялись отъ нихъ. Такое двоедушіе и лицемѣріе предъ властію, во мнѣніи новыхъ ревнителей, казались до того возмутительными и несогласными съ обязанностями истиннаго христіанина, что они рѣшились, вопреки всѣмъ своимъ собратіямъ по вѣрѣ, разорвать всѣ связи съ обществомъ, надъ которымъ «властвуетъ сынъ погибели». И вотъ,—является ученіе, которое заповѣдуетъ истинному христіанину не только не подчиняться власти, какъ антихристіанской, и всѣмъ ея распоряженіямъ, но избѣгать рѣшительно всего, что могло бы какимъ-нибудь образомъ связывать съ міромъ; что не только не нужно записываться въ ревизію, не платить податей, не исполнять никакихъ государственныхъ и гражданскихъ постановленій, но считать грѣхомъ даже жить среди православнаго населенія, и не только съ православными и съ ихъ властію, но и съ раскольниками, не одинаковаго съ ними мнѣнія, не имѣть никакого общенія. Мысль о власти сына погибели развивается въ этомъ ученіи до самыхъ крайнихъ размѣровъ. Такое ученіе имѣло источникомъ своимъ то фанатическое убѣжденіе, что всѣ власти со времени Петра-антихриста сосуды діавола, что церковь существующая — жилище духа лукаваго, что всѣ покоряющіеся ей и власти свѣтской — слуги сатаны, что все существующее нынѣ на Руси или произведено антихристомъ, или заклеймено его скверною печатію, что даже другіе раскольники — еретики, слуги антихриста, такъ какъ живутъ въ обществѣ подъ его властію, что наконецъ—«въ настоящіе послѣдніе дни антихристовой прелести, единственно-спасительный путь сущимъ въ вѣрѣ—путь тѣсный, нуждный и прискорбный, еже не имѣти града, ни села, ни дому,—разорвать съ обществомъ всѣ связи, бѣгать изъ одного мѣста въ другое, скрываясь отъ руки сына погибели, или наконецъ—убѣжать въ пустыню, въ которой одной, какъ недоступной для власти антихриста, только и можно спастись,—однимъ словомъ, является *секта странниковъ*, или *бѣгуновъ*.

Что́ за личность глава этой секты Евѳимій по своему происхожденію—опредѣлить довольно трудно. Онъ, правда, оставилъ свою автобіографію, но еще ни одному изслѣдователю раскола не удалось познакомиться съ этой рукописью. Матеріалами для его біогра-

ѳіи служили дѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, которыми до буквальности пользовались знатоки раскола, писавшіе о странникахъ вообще и объ Евѳиміѣ въ частности. Одинъ изъ нихъ всѣ факты подбиралъ такъ, чтобы нарисовать портретъ демократа-оппозитора; другой, — человѣка съ величайшимъ честолюбіемъ, поставлявшаго себѣ единственной цѣлью получить въ средѣ раскольниковъ начальственное, самостоятельное положеніе. Но насколько намъ извѣстно изъ сочиненій самого Евѳимія и рукописныхъ сказаній странниковъ,— не выходитъ ни того, ни другого. Намъ онъ представляется въ высочайшей степени религіознымъ фанатикомъ, чрезвычайно энергическимъ человѣкомъ, который для достиженія своей цѣли—успокоенія совѣсти—употребляетъ всѣ свои силы, не задумываясь при этомъ жертвовать спокойствіемъ и счастіемъ жизни. Насколько были ложны его понятія это видно всякому, но что онъ вѣренъ былъ своимъ увлеченіямъ и искренен — это несомнѣнно. Что онъ съ своей точки зрѣнія честно, помимо излишняго честолюбія и предвзятой агитаторской идеи слѣдовалъ требованію своихъ убѣжденій,—это ясно изъ того, что Евѳимій не заботился о числѣ своихъ послѣдователей и во все время своей жизни не имѣлъ болѣе восьми человѣкъ: были бы лишь люди боящіеся антихриста, бѣгающіе сѣтей его, «а мало ли, много ли ихъ, въ этомъ воленъ Богъ», говорилъ онъ. Правда, этого совершенно нельзя сказать объ его преемникахъ; но судить объ основателѣ извѣстной секты по его послѣдователямъ, конечно, несправедливо и нелогично.

Вся жизнь Евѳимія была тяжкимъ подвигомъ его слѣпого фанатизма. Онъ тщетно, но съ необыкновеннымъ усиліемъ искалъ всюду успокоенія своимъ религіознымъ требованіямъ и убѣжденіямъ, и въ концѣ концовъ, все-таки съ непримиренной совѣстью сложилъ свои кости въ ярославскомъ Ямскомъ лѣсу.

«Бысть сей Евѳимій родомъ переславлянинъ», говоритъ одинъ изъ раскольниковъ, описатель житія Евѳимія. Кто былъ онъ по происхожденію своему и при какихъ обстоятельствахъ протекла его ранняя юность, неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что «недовѣдомо его мірское имя». Почти всѣ раскольническія рукописи утверждаютъ, что онъ былъ изъ духовнаго званія, и именно архіерейскій пѣвчій. На 21-мъ году онъ отданъ былъ при Екатеринѣ Великой въ первый наборъ, послѣ третьей ревизіи, въ военную службу. «Но по семъ скоро отлучился и бысть подъ видомъ человѣка страннаго въ укрывательствѣ жившаго». Такимъ образомъ, обстоятельства на первыхъ же порахъ натолкнули Евѳимія

на странническую жизнь. Надѣленный отъ природы богатыми способностями и еще болѣе пылкимъ сердцемъ, онъ въ своемъ невольномъ уединеніи пришелъ къ тому убѣжденію, что настоящая, временная жизнь—не жизнь, что довольствіе и спокойствіе временныя составляютъ непримѣтныя препятствія и преграды на пути исканія истины. И вотъ Евѳимій, на просторѣ уединенія, сталъ раздумывать: «гдѣ бы пріискать мѣсто спокойное для души своей». Случайно онъ попадаетъ въ Москву и тоже случайно сталкивается въ Дурновомъ переулкѣ съ филипповцами. На первыхъ порахъ своими бесѣдами они успокоили его.

Молодому страннику, убѣдившемуся въ суетѣ міра, по-сердцу пришелся грубый аскетизмъ и пессимизмъ филипповцевъ, а прочитанныя здѣсь изысканія объ антихристѣ окончательно воспламенили пылкое и молодое воображеніе религіознаго фанатика. И вотъ въ скоромъ времени настоятели этого толка Василій Тимоѳеевъ и Алексѣй Ивановъ привели его къ соединенію,—перекрестили. Здѣсь онъ занимался «какъ искусный писецъ, еже книги писать (умѣлъ) всякимъ видомъ: добрымъ начертаніемъ и ускорительнымъ». Кромѣ того писалъ и собственныя сочиненія: многія исторіи о старцахъ раскольническихъ, защищалъ поморское согласіе и сильно нападалъ на ѳеодосѣевцевъ. Много оставалось у него времени при его чрезвычайно усиленныхъ трудахъ и на живописное искусство. Съ особеннымъ успѣхомъ разрисовывалъ онъ апокалипсисы и иконы.

Прошло немного времени и Евѳимій ознакомился коротко съ филипповцами; это общество мнимыхъ аскетовъ, развращенныхъ до крайности, смущало его душу. «Не могъ онъ стерпѣть, чтобы не обличить собратовъ за ихъ блазни, и за сіе возненавидѣли его настоятели, яко неспокойнаго мятежника, на тѣло церковное возстающаго» [1]). Еще болѣе грѣховныхъ блазней смущало Евѳимія то, что многіе филипповцы, «ярые на словахъ, бывше при приводѣ предъ властью гражданскою, покорялись ей, сотворяли волю властей, и потому филипповцы казались ему несходственны съ прежде бывшими христіаны». Желая окончательно рѣшить дѣло съ филипповцами, онъ всѣ свои недоумѣ-

[1]) Извѣстныя непріятныя столкновенія между Евѳиміемъ и Адріаномъ, настоятелемъ филипповскаго скита, несправедливо объясняются тѣмъ, что Евѳимій, будтобы всюду преслѣдующій честолюбивые планы, желалъ занять его мѣсто,—быть настоятелемъ. Онъ и въ этомъ случаѣ былъ только обличителемъ; онъ уже въ это время, сознавши несостоятельность филипповскаго толка, рѣшился оставить его и искать успокоенія гдѣ-либо, но только, какъ увидимъ дальше, не между филипповцами, не между ѳеодосѣевцами.

нія относительно ихъ ученія и жизни выразилъ въ формѣ 35-ти вопросовъ и представилъ ихъ для разрѣшенія наставникамъ филипповскаго толка, чтобы такимъ образомъ по ихъ отвѣтамъ ему можно было видѣть, насколько они вѣрны ученію первыхъ основателей раскола. Вопросы были многіе слишкомъ серьезны, многіе слишкомъ обличительны, а поэтому отвѣтовъ не послѣдовало. «Тогда Евѳимій сталъ способъ таковый искать, како-бы совершити себя безъ сумлѣнія». Думалъ-было онъ отправиться въ поморскій Даниловъ монастырь, но и тамъ оказались вины; поморцы, вслѣдствіе строгихъ дѣйствій Самарина, согласились молиться за государя, и слѣдовательно подчинялись свѣтской власти. И долго онъ не находилъ себѣ ни отъ какихъ христіанъ успокоенія. Наконецъ, онъ рѣшился идти въ Тверскую губернію, провѣдавъ, что тамъ есть раскольники, отдѣлившіеся отъ филипповцевъ и совершенно точно соблюдающіе правила первыхъ расколоучителей.

Евѳимію не привелось однако познакомиться съ тверскими раскольниками, про которыхъ ему такъ много наговорили *необыкновеннаго;* да и по своему характеру онъ и здѣсь нашелъ бы небольшую отраду. Какъ бы то ни было, но онъ прежде исполненія этого своего желанія былъ схваченъ полиціей. Скоро удалось ему убѣжать, и онъ—снова искатель древняго благочестія. Переходя съ мѣста на мѣсто, изучая поморскіе отвѣты и другія раскольническія произведенія, онъ вездѣ, во всѣхъ раскольническихъ притонахъ и обществахъ преслѣдовалъ свою цѣль. Наконецъ, случай столкнулъ его «съ нѣкіимъ христіаниномъ именемъ Іоанномъ, кій крещенъ былъ православнымъ священникомъ» [1]) и непрестанно странствовалъ, убѣгая міра. Вотъ второй фактъ, который долженъ былъ привесть Евѳимія къ мысли о странничествѣ. Евѳимій долго и не одинъ разъ бесѣдуя съ нимъ о своемъ мнѣніи, желалъ отъ него себя «совершити, и сей старецъ Іоаннъ бысть ему совѣтникомъ во всѣхъ разглагольствіяхъ».

Совершенно сошедшись въ своихъ понятіяхъ съ какимъ-то бѣглецомъ Иваномъ, Евѳимій обратился къ нему съ настойчивой просьбой, чтобы онъ окрестилъ его въ другой (собственно въ третій) разъ. «Но сей отрекся отъ сего дѣла, и совѣтъ даде самому ся крестить». Евѳимій такъ и сдѣлалъ, крестилъ себя

---

[1]) По всей вѣроятности это означаетъ, что Евѳимій встрѣтился съ какимъ-либо поповцемъ, крещенымъ бѣглымъ священникомъ. Въ то время и безпоповцы съ уваженіемъ смотрѣли на подобныхъ людей...

на 30-мъ году своей жизни, и такимъ образомъ прервалъ всякое сношеніе съ раскольниками всѣхъ толковъ и, при помощи своего новаго знакомца, пришелъ къ рѣшительному убѣжденію, что только бѣгая отъ міра, отъ вездѣ дѣйствующаго антихриста, можно спасти себя.

Достигши такимъ образомъ своей цѣли, успокоивши свою совѣсть, Евѳимій сталъ распространять съ полнымъ увлеченіемъ свое странническое ученіе. Первымъ послѣдователемъ его былъ нѣкто Павелъ Васильевъ съ сестрой своей. Спустя немного времени общество увеличилось, и вотъ новые сектаторы-странники въ числѣ восьми человѣкъ побрели въ Пошехонскіе лѣса. Въ лѣсу нашли они два раскольническіе скита. Ихъ обитателямъ, уже свыкнувшимся съ страннической жизнію, пришлось по-сердцу ученіе Евѳимія, и онъ поселился здѣсь съ своими приверженцами. Но скоро отрядъ воинской команды нарушилъ покой странниковъ, скиты ихъ были сожжены. Евѳимій, какъ человѣкъ бывалый, для распространенія своего ученія отправился съ своими спутниками въ Ярославскую губернію. Разсчетъ былъ вѣренъ. Здѣсь расколъ съ самаго существованія своего былъ распространенъ гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ краяхъ Россіи; слѣдовательно, это была самая удобная мѣстность для распространенія бѣгунства.

Въ деревнѣ Малышовѣ, у странноприимца Петра Ѳедорова онъ нашелъ себѣ спокойный пріютъ. «И здѣсь онъ сочинилъ многія обысканія о старой вѣрѣ и разослалъ посланія съ приглашеніемъ къ странствію къ своимъ послушникамъ», то-есть преимущественно къ тѣмъ, съ которыми онъ встрѣтился въ Пошехонскомъ лѣсу. Въ деревнѣ Малышовѣ проповѣдь его не осталась втунѣ; ему послѣдовалъ нѣкто «Василій Прокофьевъ съ двумя дочерьми, еще Ирина Ѳедоровна, Кашинскаго уѣзда, да Екатерина Андреева съ Туговой горы, послѣ перекрещенія названная Домника».

Полиція не опустила изъ вида безпаспортныхъ гостей, и когда одинъ изъ странниковъ былъ пойманъ и сосланъ въ Сибирь, Евѳимій съ своими послѣдователями убѣжалъ въ галицкіе лѣса. Проскитавшись здѣсь два года подъ постояннымъ страхомъ, онъ опять возвратился въ Ярославль: «Обрѣтши спокойную жизнь онъ вельми труждашеся: ово иконы писахъ, а коликое множество онъ ихъ писалъ, что и потомкамъ весьма оставилъ не мало, овоже писавъ многія книги и главизны о старообрядцѣхъ».

Дѣйствительно, нельзя не удивляться чрезвычайнымъ трудамъ Евѳимія. Не говоря уже о томъ, что онъ переписалъ нѣсколько

апокалипсисовъ и украсилъ ихъ со всѣмъ тщаніемъ, переписалъ многія творенія св. отцовъ, наприм., св. Ипполита и друг., написалъ множество иконъ, но при всемъ томъ онъ оставилъ до 13-ти книгъ собственнаго своего сочиненія. Не даромъ онъ, по свидѣтельству раскольниковъ, «и въ возглавіи всегда книги имѣша, и за трапезой всегда въ писаніе вникалъ; ибо таковіи книги, какъ Апокалипсисъ, Цвѣтникъ и другія десять, кои мы видѣли, и въ покоѣ сидящимъ надобно писать пять лѣтъ, а онъ и въ гонительномъ житіи столько могъ написать!»

Вотъ какимъ путемъ исторически-послѣдовательнаго развитія внутренняго содержанія раскола явилась въ немъ секта странниковъ въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія [1]). Основателемъ ея, какъ мы видѣли, былъ бѣглый солдатъ Евѳимій. Живой и воспріимчивый, Евѳимій рано постигъ недостаточность тѣхъ религіозныхъ свѣдѣній, какія были внушаемы ему первыми раскольническими наставниками — филипповцами [2]); съ жаждой рѣшенія возникавшихъ въ его головѣ вопросовъ, съ непреодолимымъ желаніемъ уяснить себѣ вѣроученіе раскола, онъ, оставивъ домъ родительскій, тайно ушелъ въ Москву и поселился у старцевъ филипповскаго согласія: здѣсь его перекрещиваютъ, и даютъ новое имя—Евстафія. Съ точностію нельзя опредѣлить, сколько времени прожилъ онъ у филипповцевъ. Извѣстно только то, что онъ былъ схваченъ въ Москвѣ полиціей, какъ бродяга, и препровожденъ въ мѣсто своего жительства. Мѣщанское общество гор. Переяславля, куда онъ былъ возвращенъ, не захотѣло держать у себя такого члена, и при первой возможности постаралось избавиться отъ него,—его сдали въ рекруты. Но для человѣка, настроеннаго такъ, какъ Евѳимій, всякое стѣсненіе было невыносимо, а тѣмъ болѣе военная служба. Къ тому же, самое ученіе, котораго держался теперь Евѳимій, было прямо противъ этой службы. Евѳимій бѣжитъ отъ военной службы и является снова въ Москвѣ, только уже не къ филипповцамъ об-

---

1) Этотъ фактъ говоритъ противъ взгляда г. Щапова на расколъ, какъ на какую-то оппозицію земства противъ правительства, выраженіемъ которой служитъ секта странниковъ... Въ лучшую эпоху Екатерины II, расколъ пользовался такими льготами и свободой, что всякое оппозиціонное дѣйствіе съ его стороны было немыслимо. Въ самомъ дѣлѣ, противъ чего же имъ было протестовать? Секта бѣгуновъ была скорѣе результатомъ ослабленія строгости прежняго аскетизма, что̀ повело къ нравственной распущенности, а это возбудило протестъ противъ уклоненій и нравственныхъ недостатковъ, вызвало реакцію, выразившуюся въ страннической ученіи.

2) Г. Щаповъ почему-то говоритъ, что Евѳимій учился у федосѣевскихъ наставниковъ, хотя изъ дѣла нигдѣ этого не видно.

ращается онъ, а къ ѳедосѣевцамъ, на Преображенское кладбище. Здѣсь видѣнъ вѣрно разсчитанный поступокъ Евѳимія: на Преображенскомъ кладбищѣ принимались и укрывались всѣ бродяги; слѣдовательно, ему гораздо удобнѣе было скрыться тамъ отъ преслѣдованій власти, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ. Чтобы совершенно обезопасить себя со стороны полиціи, Евѳимій принялъ здѣсь монашество, и, какъ человѣкъ дѣльный и полезный для раскола, былъ отправленъ преображенскими старцами въ одинъ изъ поморскихъ скитовъ филипповскаго толка, съ званіемъ наставника [1]). Отправляясь въ Поморье, Евѳимій взялъ съ собою бѣглую крестьянку Тверской губ., Ирину Ѳедорову, съ которой онъ сошелся во второе пребываніе свое въ Москвѣ. Съ этого времени Ирина сдѣлалась неразлучной спутницей Евѳимія во всѣхъ его похожденіяхъ и реформаторскихъ предпріятіяхъ, и не оставляла его до самой его смерти.

Получивши нѣкоторое значеніе въ средѣ раскольниковъ, Евѳимій, какъ человѣкъ энергичный, не могъ удовлетвориться тѣмъ положеніемъ, въ какое былъ поставленъ; онъ желалъ бо́льшаго, мечталъ уже о настоятельствѣ въ своемъ скитѣ. Въ этой мысли утверждало его недостойное настоятельство начальника его скита, Адріана, вслѣдствіе непріятной исторіи, случившейся съ Адріаномъ и тщательно имъ скрываемой отъ всѣхъ, но которую, однакожъ, зналъ Евѳимій. Дѣло было такъ: Адріанъ,—бѣглый сержантъ, — бывши въ Ярославлѣ для собранія подаяній, или съ цѣлію пропаганды, взятъ былъ полиціею и лишенъ иноческаго чина: съ него сорванъ былъ клобукъ и ряса; но онъ какъ-то успѣлъ, посредствомъ извѣстнаго рода сдѣлки, умилостивить полицію, такъ что его отпустили, и онъ снова, какъ ни въ чемъ не бывало, явился въ свой скитъ настоятельствовать. На этомъ-то фактѣ Евѳимій и вздумалъ основать планъ своей борьбы съ противникомъ и лишить Адріана настоятельства, а самому занять его мѣсто; но, какъ человѣкъ горячій, и къ тому же

[1]) Здѣсь возникаетъ вопросъ: какъ преображенское общество ѳедосѣевцевъ распоряжается дѣлами другого толка? Но это просто. Время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, было временемъ блестящаго состоянія Преображенскаго кладбища. Основатель его, Ковылинъ, еще былъ живъ, и, при своихъ громадныхъ матеріальныхъ средствахъ и связяхъ съ властями, неуклонно и быстро шелъ къ своей цѣли; а цѣль его была—объединить весь безпоповщинскій расколъ, и изъ разрозненныхъ сектъ и толковъ составить одну плотную массу раскола, для которой Преображенское кладбище было бы центромъ, метрополіей. И онъ уже достигъ вполовину своей цѣли — всѣ мелкія секты были въ его рукахъ. Бѣдныя матеріальными средствами и безъ всякаго начала, онѣ спѣшили подчиниться ему, даже рады были тому, что такой человѣкъ, какъ Ковылинъ, взялъ ихъ подъ свое покровительство.

слишкомъ самонадѣянный, онъ не могъ дѣйствовать съ холоднымъ разсчетомъ, чтобъ выждать время и обезопасить себя на случай неблагопріятнаго оборота дѣла, — онъ поспѣшилъ развязкой — и испортилъ все дѣло. Партія, которую онъ успѣлъ собрать около себя въ скитѣ, еще недостаточно была сильна для того, чтобы устоять противъ авторитета настоятеля и партіи его единомышленниковъ. Когда Евѳимій, рѣшившись уничтожить Адріана,. поссорился съ нимъ и предъ всею братіею обличилъ его въ недостойномъ настоятельствѣ, обнаруживъ его тайну, оказалось, что замыселъ его еще не созрѣлъ, что авторитетъ настоятеля въ скитѣ былъ сильнѣе, чѣмъ вліяніе Евѳимія. Вся братія въ скитѣ приняла сторону своего настоятеля, Адріана, а Евѳимій остался ни при чемъ. Такимъ оборотомъ дѣла Евѳимій былъ поставленъ въ весьма невыгодное положеніе; но онъ не унывалъ. Не теряя времени и надежды на успѣхъ, онъ обратился къ преображенскимъ старцамъ съ доносомъ на Адріана; но и доносъ его не поправилъ дѣла: старцы, не обращая вниманія на жалобу Евѳимія, приказали ему быть въ полномъ послушаніи у Адріана, какъ настоятеля скита. Казалось бы, что это опредѣленіе должно было уничтожить всякую попытку къ новому возстанію подчиненнаго; но Евѳимій хотѣлъ во что бы то ни стало, выдти изъ своего тяжелаго положенія побѣдителемъ, а не побѣжденнымъ. Онъ рѣшился на послѣднюю, самую опасную мѣру — добиться личнаго объясненія съ преображенцами, и тамъ, убѣдивъ ихъ въ недостоинствѣ Адріана, лишить его настоятельства. Но какъ уйти изъ скита? Безъ согласія и благословенія настоятеля этого сдѣлать невозможно. Евѳимій нашелся въ необходимости объявить настоятелю скита о своемъ намѣреніи — оставить скитъ подъ благовиднымъ предлогомъ странствованія по св. мѣстамъ. Адріанъ понялъ въ чемъ дѣло и самъ захотѣлъ потѣшиться надъ безсильнымъ врагомъ. Онъ поступилъ съ нимъ также, какъ нѣкогда съ нимъ самимъ поступили полицейскіе чины въ Ярославлѣ: на томъ основаніи, что оставляющій скитъ не имѣетъ права называться монахомъ и носить монашеское платье, онъ сорвалъ съ Евѳимія иноческую одежду, лишилъ его монашескаго чина и съ безчестіемъ выгналъ изъ скита. Оскорбленный и униженный Евѳимій отправился прямо въ Москву, — взявъ съ собою спутницу свою Ирину, — гдѣ, явившись къ преображенцамъ, лично свидѣтельствовалъ о недостойномъ настоятельствѣ Адріана и его зазорной жизни. Но и личное объясненіе его со старцами преображенскаго кладбища нисколько не

улучшило его положенія: старцы отвѣчали ему то же, что и прежде...

Такимъ образомъ, рядъ неудачъ, испытанныхъ Евѳиміемъ, ожесточилъ его наконецъ, и не только противъ прежнихъ его покровителей, единовѣрныхъ ему братій, но и противъ всѣхъ раскольниковъ-безпоповцевъ. Не видя ничего утѣшительнаго для себя въ будущемъ, Евѳимій рѣшился теперь разорвать съ ними всякія сношенія и сдѣлаться самостоятельнымъ наставникомъ раскола, организаторомъ новаго общества на началахъ чистаго «древле-церковнаго содержанія». Изъ Москвы уже онъ отправился не въ скитъ, а въ Ярославскую губернію. Этотъ фактъ показываетъ, что онъ составилъ теперь опредѣленный планъ для своихъ дѣйствій; ибо нельзя же допустить, чтобы онъ безъ всякой цѣли отправился именно въ Ярославль, а не въ другое мѣсто. Извѣстно, что въ Ярославской губерніи расколъ съ самаго начала своего былъ распространенъ гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Слѣдовательно, это была самая удобная почва для пропаганды Евѳимія... Прибывъ въ Ярославль, Евѳимій поселился съ своей спутницей въ Коровницкой слободѣ, въ домѣ купчихи Пастуховой. Принятый радушно Пастуховой, Евѳимій немедленно приступилъ къ дѣлу пропаганды. На первыхъ же порахъ успѣхъ оказался, сверхъ его ожиданій, самый блистательный. Сначала сама Пастухова, потомъ окружающіе ее сдѣлались его послѣдователями. Почувствовавъ себя независимымъ организаторомъ новаго общества, Евѳимій внимательно и строго началъ обсуживать дѣла филипповцевъ; а для приданія большей важности своему взгляду на нихъ, онъ собираетъ около себя своихъ послѣдователей, въ домѣ Пастуховой, и держитъ съ ними общій совѣтъ относительно двоедушія раскольниковъ и въ особенности распущенности аскетовъ, — филипповцевъ. Плодомъ этого совѣта или такъ-называемаго «разглагольствія» въ домѣ Пастуховой, происходившаго въ 1784-мъ г., было «посланіе» его къ московскимъ старцамъ Преображенскаго кладбища, которое онъ отправилъ къ нимъ отъ лица всего своего общества въ 1787-мъ году; это «посланіе» послужило окончательнымъ разрывомъ не только съ ними, но и съ послѣдователями прочихъ толковъ.

Поощренный сочувствіемъ и первоначальнымъ успѣхомъ своей проповѣди, Евѳимій началъ теперь обращать слова въ дѣло. Еще на «разглагольствіи» у Пастуховой былъ поднятъ вопросъ о томъ, какъ должно принимать въ странство приходящихъ отъ православія или отъ прочихъ раскольническихъ толковъ, который тогда же рѣшенъ былъ такъ: *всѣхъ нужно перекрещивать*. По-

томъ въ посланіи къ московскимъ старцамъ, обличая ихъ въ разныхъ уклоненіяхъ отъ строгости правилъ истиннаго христіанства и въ двоедушіи, по отношенію ихъ къ власти правительственной, Евѳимій говорилъ, что *спасется лишь непокоривыйся мучителю*, что *достоитъ таитися и бѣжати*, или *съ нимъ* (антихристомъ) *на брань вступити*. И вотъ онъ теперь первый хочетъ показать на себѣ примѣръ исполненія своего ученія во всей его точности. Онъ отправляется съ своею спутницей въ деревню Малышево (Яросл. уѣзда, въ 4-хъ верстахъ отъ села Сопѣлокъ) и скрывается тамъ у крестьянина Петра Ѳедорова;— здѣсь онъ снова окрестилъ въ странство прежде самого себя, потомъ и своихъ послѣдователей. Первыми послѣдователями Евѳимія были: его спутница Ирина Ѳедорова, дочь ярославскаго мѣщанина Душина, Екатерина Андреева, крестьянинъ изъ Пошехонскаго уѣзда Егоръ Егоровъ, раскольникъ ѳедосѣевскаго толка нѣкто Павелъ, и пристанодержатель ихъ, крестьянинъ деревни Малышева, Петръ Ѳедоровъ. Изъ нихъ Екатерина Андреева Душина названа по перекрещенью Доминикой. По принятіи обѣта на странство, Доминика скрывалась въ городѣ Ярославлѣ у купчихи Пастуховой; Павелъ въ скоромъ времени былъ пойманъ въ Пошехоньѣ и сосланъ въ Сибирь, на поселеніе, а Евѳимій съ Ириною Ѳедоровой и Егоромъ Егоровымъ удалились въ галичскіе лѣса, Костромск. губерніи, гдѣ разчистивши изъподъ лѣса мѣсто, построили келью и поселились въ ней. Евѳимій преслѣдовалъ честолюбивую цѣль—основать для новой секты пустынь, которая служила бы центромъ пропаганды и метрополіей для всѣхъ послѣдователей, какъ нѣкогда Выговская пустынь для поморцевъ, Вѣтка и Стародубье для поповцевъ и пр.; но и этой смѣлой надеждѣ не суждено было исполниться. Проживши два года въ галичскихъ лѣсахъ, Евѳимій увидѣлъ, что его пропаганда идетъ не быстро, прозелитовъ прибавляется мало, пустынь не процвѣтаетъ; а потому онъ снова возвратился съ Ириной Ѳедоровой въ деревню Малышеву. Но это было уже послѣднимъ дѣйствіемъ его реформаторской дѣятельности: Евѳимію не суждено было видѣть всѣхъ плодовъ своей пропаганды... Въ скоромъ времени, послѣ прибытія въ деревню Малышеву, онъ захотѣлъ посѣтить благодѣтельницу свою Пастухову, отправился въ Коровницкую слободу, и тамъ, въ домѣ своей благодѣтельницы 20-го іюля 1792 года умеръ и похороненъ по странническому обряду въ ямскомъ лѣсу. Съ тѣхъ поръ каждый годъ въ Ильинъ день послѣдователи странническаго толка служатъ панихиду за упокой его души.

Жизнь Евѳимія показываетъ, что̀ это за личность, и каковъ его характеръ и значеніе въ расколѣ. Расколъ очевидно не могъ удовлетворять людей, искавшихъ ясныхъ и положительныхъ свѣдѣній относительно истинъ вѣры, предметовъ разногласія съ православною церковію, законности основанія этихъ разногласій и проч. Расколъ не могъ удовлетворять всѣмъ этимъ запросамъ людей энергичныхъ, выходившихъ изъ общей колеи жизни раскольнической и возвышавшихся образованіемъ, природными дарованіями, надъ уровнемъ обще-раскольническаго религіознаго пониманія. Что̀ же оставалась дѣлать человѣку, который, быть можетъ, лучше другихъ понималъ дѣло и видѣлъ всю разладицу теоріи раскола съ практикой? Въ теоріи—строгость, аскетизмъ, подвижничество и проч., а въ практикѣ—двоедушіе, сластолюбіе, развратъ и т. д. Естественно было рождаться желанію — возстановить нарушенную гармонію, согласіе теоріи съ практикой. А если къ этому присоединялось еще фанатическое чувство ревности по вѣрѣ, или разгорались личныя страсти—то, при такихъ сильныхъ двигателяхъ воли человѣка, цѣль его дѣйствій необходимо должна была направляться къ протесту, къ реформаторству. И дѣйствительно, всѣ раздѣленія въ расколѣ вытекали изъ одного и того же источника. И Евѳимій, какъ видно изъ всѣхъ обстоятельствъ его жизни и дѣятельности, на пути къ обособленію себя и вновь организованнаго имъ религіознаго общества, не выходилъ изъ ряда подобныхъ ему реформаторовъ, прежде его являвшихся въ расколѣ (напр. Ѳеодосія, Филиппа и др.); онъ не былъ оригиналенъ ни въ чемъ. Ученіе, которое онъ проповѣдывалъ — было не новость; всѣ данныя, всѣ начала, изъ которыхъ выходилъ Евѳимій, давно существовали въ общемъ ученіи раскола, точно также какъ и самое бѣгство — de facto — въ расколѣ было съ самыхъ первыхъ дней его жизни. Кромѣ того существовали даже секты съ такимъ же точно направленіемъ, какое проводилъ Евѳимій. Такъ у преосвящ. Игнатія Тобольскаго (въ III посл. гл. 54) читаемъ, что еще въ XVII в., въ Сибири, появилась-было небольшая секта *чувственниковъ*, которые учили, что антихристъ пришелъ чувственно или видимо, и что соловецкіе мятежники, разсѣявшіеся по взятіи царскимъ войскомъ обители по всему поморью, проповѣдывали, что надобно бѣжать отъ гоненій антихриста и скитаться въ лѣсахъ и пустыняхъ, отчего такое скитальчество и укрывательство было вначалѣ всеобщимъ между раскольниками. Далѣе, въ 1775-мъ г., въ мѣстечкѣ Черноболѣ, появилась секта «черноболъцевъ», которые тоже, подобно Евѳимію, отвергали моленіе за царя, присягу, паспорты, принимали всѣхъ бѣглыхъ, кто прихо-

дилъ съ паспортомъ рвали паспортъ, потому что на немъ печать антихриста и т. п. Основателемъ этой секты былъ какой-то выходецъ изъ Москвы. А двухкратное пребываніе Евѳимія въ Москвѣ даетъ сильный поводъ къ тому заключенію, что Евѳимій могъ сойтись съ этимъ человѣкомъ въ Москвѣ, познакомиться и заимствовать отъ него идеи своего ученія. Наконецъ, есть показанія странниковъ, которыя прямо говорятъ не въ пользу иниціативы Евѳимія. Такъ въ показаніи военнаго дезертира Дмитрія Егорова говорится, что «страннический согласъ влечется отъ соловецкаго монастыря» [1]); одинъ изъ наставниковъ страннической секты Василій Яковлевъ показалъ, что секта странниковъ начало свое ведетъ отъ времени разоренія соловецкой обители, а Евѳимій былъ основателемъ ея только въ Ярославской губерніи [2]). Изъ всего этого видно, что собственно не Евѳимій создалъ странничество; оно не только въ идеѣ, но и въ практикѣ существовало прежде его и было принято имъ уже готовымъ. Что же сдѣлалъ Евѳимій? Прежде всего онъ заявилъ протестъ противъ всего раскола, уклонившагося отъ первоначальной строгости своихъ началъ, и, чтобы возвратить жизнь раскольниковъ къ идеалу ея совершенства, къ первымъ вѣкамъ христіанства, къ жизни апостольской, онъ сталъ проповѣдывать самый крайній аскетизмъ, соціализмъ и коммунизмъ. А потомъ, вѣнцомъ всего ученія онъ поставилъ странничество, какъ необходимѣйшій и высшій всѣхъ догматъ, безъ соблюденія котораго невозможно спасеніе. Вотъ все, что онъ создалъ новаго; затѣмъ онъ обставилъ этотъ единственный догматъ ученіемъ общебезпоповщинскимъ, которое и передалъ своимъ послѣдователямъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, но главнымъ образомъ въ своемъ «Цвѣтникѣ». Въ этомъ «Цвѣтникѣ» заключается вся *суть* ученія Евѳимія,—сводъ всѣхъ объясненій мѣстъ св. писанія и писаній отеческихъ, всѣхъ примѣненій и всѣхъ выводовъ богословствовавшаго ума Евѳимія; словомъ—здѣсь вся система его ученія. Поэтому-то «Цвѣтникъ» и составляетъ какъ бы символическую книгу для всего согласія «странниковъ».

Вотъ какимъ образомъ можно формулировать всю догматику Евѳимія, разбросанную по всему его «Цвѣтнику».

О *церкви*, ея *таинствахъ* и ихъ *совершителяхъ* — Евѳимій учитъ въ своемъ «Цвѣтникѣ» слѣдующимъ образомъ [3]). Ссылаясь на

---

[1]) Дѣйствительно, мы впослѣдствіи увидимъ, что у странниковъ соблюдается уставъ соловецкій.

[2]) То и другое показаніе см. въ дѣлѣ синода.

[3]) См. Листы: 151, 152, 205, 206, 207, 208, 221, 229, 230, 231.

30-ое слово книги «о вѣрѣ», на слово Ипполита папы Римскаго, Златоуста, Кирилла Іерусалимскаго и Ѳеофилакта «о пришествіи антихриста и предтечи его», Евѳимій примѣняетъ апокалипсическое пророчество о седмиглавомъ зміѣ къ службѣ въ греко-россійской церкви и совершаемымъ въ ней таинствамъ, и затѣмъ объясняетъ, что неправедный агнецъ той церкви есть сатана и діаволъ, и что въ ней не только *не быть*, но и никогда *не явиться* тѣлу и крови Христовой. Апостолъ Павелъ предсказалъ, продолжаетъ Евѳимій, что придетъ время отступленія отъ церкви, что «откроется человѣкъ грѣха и сынъ погибели, который сядетъ въ Божью церковь, яко самъ Богъ (Сол. 2 гл.)»; и предсказаніе Апостольское совершилось уже въ великороссійской церкви, въ которую сѣлъ антихристъ, духъ лукавый, властитель и князь міра сего, со всею темною силою своею, проповѣдуя чрезъ слугъ своихъ неправую вѣру, ложные догматы и Богу неугодныя тайны.

Истребленіе благочестія въ церкви и появленіе антихриста въ россійскомъ государствѣ совершилось въ 1666-ое лѣто, когда по пророчеству [1]) должно было явиться лжепророку въ лицѣ Никона патріарха. Въ доказательство этого Евѳимій приводитъ значеніе имени патріарха Никона, въ мірѣ носившаго имя Никиты, что Никита, по-гречески пишется:

$$\frac{\text{Н и к и т і о с}}{50\ \ 8\ \ 20\ \ 8\ \ 300\ 10\ \ 70\ 200} = 666$$

и заключаетъ въ себѣ число апокалипсическое 666, знаменующее имя антихриста [2]). «Егдаже пріидетъ антихристъ, вся ложна, злѣ-преступна и богопротивна заповѣдуетъ,—и пришедъ онъ, вся сія опустошилъ и церковь, и догматы, и законы церковные». «Паде, паде Вавилонъ великій, всего міра стенаніе, царство и слуги антихриста: предреченное Апостоломъ всеобщее отступничество распространилось повсюду; предсказанная Даніиломъ мерзость запустѣнія во всемъ развитіи: нѣтъ уже ни истинной церкви, ни таинствъ истинныхъ, ни Бога истиннаго во св. Троицѣ поклоняемаго». Далѣе, примѣняя къ настоящему времени пророческія слова Апокалипсиса о лжепророкахъ: «и видѣхъ изъ устъ зміевъ, изъ устъ звѣринъ, изъ устъ лжаго пророка духи три нечистые, яко жабы исходящи (Апок. 16,13)»;—приводя текстъ изъ 105-го слова Ефрема Сирина: «Пріемъ бо безстудный антихристъ власть, пошлетъ полки демонскіе во вся концы земныя, яко да пропо-

---

[1]) Апокалипс. XIII, 5, 6 XVI, 13.

[2]) Собственно, тутъ натяжка; правильное имя—Νικητὴς, но въ немъ только 589, а не 666—что не въ видахъ сектатора.

вѣдятъ всѣмъ, яко великъ царь явися со славою—пріидите всѣ и видите»;—далѣе, изъ 4-го слова Аѳанасія Великаго на аріанъ слова: «Яко антихристъ претворивъ себе—азъ есмь Христосъ, покусится и самъ глаголати о кончинѣ во еже прельстити слышащіе»,—Евѳимій объясняетъ, что «*уста звѣрины* суть духовная власть, проповѣдующая лжеученіе на подобіе Христовой проповѣди, и что эти проповѣдники суть *тѣлеса демонская* и отрѣвающіе души человѣческія въ погибель вѣчную,—слуги антихриста, распространяющіе лжеученіе въ подобіе Христа Спасителя, подъ именемъ *Іисуса*. На соборѣ, бывшемъ въ лѣто 7175 (1667 г.), проповѣдники эти отвергли и распяли Христа, воцарили сатану, дѣйствуя по его волѣ и проповѣдуя его ученіе. Богоотступные служители эти возвѣщали діавольское слово и ложь еретическимъ и богохульнымъ описаніемъ въ новопечатныхъ книгахъ: Псалтирѣ, Евангеліи, Соборномъ Дѣяніи, Жезлѣ, Скрижали, Ѳеогностовѣ Потребникѣ, Увѣтѣ, Пращицѣ и подобныхъ книгахъ, провозглашая скверными устами своими «подкидыша, таибнищника Іисуса Христа, который есть антихристъ, діаволъ въ лицѣ истиннаго *Іисуса* Христа, Сына Божія». Все это нелѣпое и дикое толкованіе Евѳимій заканчиваетъ заключеніемъ: «Проповѣдуютъ же они (священники), говоритъ онъ, Бога-сатану, для приведенія къ антихристу діаволу».

О *власти царской* и вообще правительственной Евѳимій въ своемъ «Цвѣтникѣ» [1]) учитъ такъ: Царь Алексѣй Михайловичъ, говоритъ Евѳимій, помогавшій Никону-діаволу нарушать благовѣріе, былъ первымъ рогомъ *двурожнаго звѣря;* послѣднимъ же рогомъ былъ сынъ его Петръ, уничтожившій до конца древніе остатки благочестивыхъ обычаевъ, и на мѣсто ихъ установившій языческіе поганскихъ вѣръ обычаи, какъ-то: «брады брити, платье нѣмецкое носити, банты и петли на шеяхъ имѣти, табакъ носомъ пити и курити, въ комедіяхъ, маскарадахъ, пирахъ и балахъ нощеденствовати». Онъ же ввелъ и народныя переписи, раздѣленіе человѣкъ на разные чины, размежеваніе земель, рѣкъ и усадебъ: «Завѣщая каждому наблюдать свою часть, а другому не давъ ничего», учредилъ цехи и другія разныя богопротивныхъ изъ *латинскихъ и нѣмецкихъ странъ* установленія,—чѣмъ возстановилъ междоусобную брань, сваръ и бой. «Егда бо по описи *раздроби народъ на разные чины, и землю размежева,* симъ раздѣленіемъ яко язычниковъ содѣла другъ другу завидующихъ, другъ на друга ратоборствующихъ, надѣливъ, кому много,

[1]) См. листъ 366, 367 и 368.

кому мало, и кому же и ничесоже давъ и токмо едино рукодѣліе повелѣвъ» [1]).

Ссылаясь на 30-ое слово «Книги о вѣрѣ», Евѳимій объясняетъ: не предтечи антихриста, но настатіе его прихода «явственно опредѣлено въ лѣто 1666-ое [2]), и что Первый Пётръ, опровергнувшій всѣ древніе обычаи и принявшій на мѣсто царскаго званія римскій титулъ *Императора*, воцарился въ россійскомъ государствѣ — антихристомъ». «На римскомъ языкѣ, говоритъ Евѳимій, императоръ пишется:

$$\frac{\text{I}\quad\text{п}\quad\text{е}\quad\text{р}\quad\text{а}\quad\text{т}\quad\text{о}\quad\text{р}}{10\quad 80\quad 5\quad 100\quad 1\quad 300\quad 70\quad 100} = 666$$

и заключаетъ въ себѣ апокалипсическое число 666. Поэтому «въ Петрѣ (первомъ, принявшемъ на себя этотъ титулъ), въ семъ гордоносномъ князѣ міра сего, заключается быть первѣйшій тентанъ, презлѣйшій и преисподній бѣсъ», и что всѣ, повинующіеся императору-антихристу заклеймены его печатью, отрицаются Христа, вѣры и крещенія и предаются діаволу.

Для доказательства Евѳимій ссылается на изреченія отцевъ: на слово Ипполита папы римскаго о знаменіяхъ пришествія антихриста, гдѣ говорится: «Иже печать на челѣ на деснѣй руцѣ есть число 666, многа бо имена въ числѣ семъ обрѣтаются, суть же сія злыя вожди, агнецъ неправедный; древній завистникъ; потрясетъ вельми тентанъ, еже есть преисподній бѣсъ» [3]). Кириллъ Іерусалимскій, говоритъ далѣе Евѳимій, свидѣтельствуетъ, что «быть антихристу Петромъ», ибо онъ глаголетъ: «Во имя Симона Петра, имать *всѣсти* гордый князь міра сего антихристъ». Эту же мысль, въ особенности о дѣйствіяхъ императора Петра, по мнѣнію Евѳимія, подтверждаетъ и слово Ипполита папы римскаго: «а еже повелѣнія его—скверны,... на кійждо градъ и по всѣмъ странамъ послетъ взаконенія, съ бѣси же и съ чувственными человѣками и проч». «Чувственный антихристъ,— восклицаетъ Евѳимій, есть первый Петръ, наставляемъ мысленнымъ діаволомъ и сатаною». Всѣ его сатанины дѣйствія объясняются, какъ думаетъ онъ, въ Синаксарѣ недѣли мясопустной, по Златоусту, и въ душезрительномъ зерцалѣ,— всѣ его велѣнія ложны, законопреступны и богопротивны. «Онъ, Петръ», продолжаетъ Евѳимій, «есть убійца пророковъ Иліи и Еноха, съ

---

[1]) См. лист. 197, 198, 199, 401, 402.

[2]) См. Кельсіева вып. IV, стр. 117.

[3]) См. лист. 191, 276, 286, 304, 369, 370, 378.

тѣхъ поръ, какъ обложивъ денежнымъ окладомъ православныхъ, будто бы злобожныхъ отступниковъ, записалъ ихъ еретиками, а тѣмъ самымъ подвергнулъ ихъ подъ клятву еретическую, и симъ подобіемъ убилъ въ нихъ проповѣдниковъ слова—Илію и Еноха».

Основываясь на главѣ (51-го зачала) Апокалипсиса, *царскую* власть Евѳимій называетъ *иконою сатаны* [1]), и всѣхъ повинующихся царской власти называетъ кланяющимися иконѣ сатаны; далѣе—доказываетъ, что воинскія и гражданскія власти антихриста нынѣшняго времени суть: «образъ звѣря, чувственные бѣси, иконы сатаны, обладающія душами человѣческими, принуждающіе въ погибельную ересь, укрѣпляемую царями и князьями вѣка сего; иже бо властемъ симъ покорнится, звѣрю и образу его, сирѣчь діаволу поклонится, зане оный звѣрь діаволъ есть, неотступно во образѣ своемъ пребывающь». Эти чувственные бѣсы, посланные антихристомъ, учинили народную перепись, назвали православныхъ раскольниками и обложили ихъ двойнымъ денежнымъ окладомъ. Бѣсовскіе полки эти исполнили царскіе указы отъ 8-го февраля 1716 и 2-го марта 1718 годовъ. «Все идетъ противъ Бога, восклицаетъ Евѳимій, и все противъ правды; до конца тлѣетъ благочестіе, во всемъ царствуетъ нечестіе, вмѣсто законовъ водворилось вездѣ беззаконіе, лихоимцы вси грады содержатъ: во всемъ убо духъ антихристовъ возвѣя на насъ». Поэтому, чтобы избѣгнуть его вліянія и гоненія надобно спасаться бѣгствомъ и скрываться; не спасающимся же бѣгствомъ предстоитъ, по пророчеству: гладъ, смерть и купная гибель. Въ Апокалипсисѣ (зачало 55-е) сказано: «изыдите изъ нея (изъ Вавилона) людіе мои, да не причаститеся грѣхомъ ея, и отъ язвъ ея да не вредитеся, яко прилѣпишася грѣси ея до небесе, и помяне Богъ неправды ея [2]); поэтому слѣдуетъ избраннымъ отъ Бога отлучаться отъ беззаконныхъ, на подобіе Лота отъ содомлянъ, дабы не погибнуть отъ язвы, при сопребываніи съ ними. Кто жалѣетъ дѣтей и не рѣшится съ ними разстаться или взять ихъ съ собою, тотъ, согласно словамъ Евангелія, погибнетъ купно съ ними.

Въ 105-й главѣ книги Ефрема Сирина сказано, что «пресквернный льстецъ антихристъ спасающихся подъ скрытіемъ будетъ отыскивать на землѣ и въ морѣ; но Господь Богъ въ лютое

---

[1]) А въ посланіи къ московскимъ старцамъ въ 1787-мъ г. говорилъ: Апокалипсическій звѣрь (гл. XIII) есть *царская власть*; икона его—*власть гражданская*; тѣло же его—*духовная*.

[2]) Апок. 18, 4, 5.

это время повелѣваетъ бѣгати не оглядываясь назадъ, и поминая при этомъ жену Лота». «Если даже, говоритъ Евѳимій, Божье ученіе стояло бы на правомъ пути, если бы и законъ Христовъ наблюдаемъ былъ, но за любовь къ домашнимъ, за сожалѣнье съ ними разстаться, за неоставленіе домовъ, имущества и прочаго, душа должна погибнуть. Для спасенія же души должно быть житіе не *пространное*, но *странное*, и врагомъ *гонительное;* къ этому Евѳимій приводитъ текстъ изъ Кирилла Іерусалимскаго: «того же ради достоитъ таитися и бѣгати». Кто не спасется бѣгствомъ, объясняетъ Евѳимій, тотъ будетъ имѣть на себѣ печать антихристову, заключающуюся въ именахъ: «еретика, отступника, раскольника и раздорника». Въ прежнее время несостоящіе въ православной церкви названы были отъ святыхъ еретиками, но нынѣ, при воцареніи въ россійскомъ государствѣ антихриста, православные именуются еретиками, раскольниками и отступниками, — и духъ лукавый, въ богохульныхъ книгахъ своихъ, порицаетъ такъ вѣрныхъ рабовъ христовыхъ».

Избраннымъ и посвятившимъ себя страннической жизни Евѳимій предписываетъ новое крещеніе [1]) объясняя, что «тотъ, кто измывается въ истинной купели Христа Бога, тотъ по истинѣ воскресаетъ и чистъ и свѣтлъ отъ тьмы бываетъ, кто же во антихристову купель измыватися слазитъ, тотъ ровно въ калъ главня омочится, паче сквернѣй и смраднѣй оттуда возникаетъ». «Всѣ, которые во Христа крещаются, въ правду и премудрость облачаются, а тѣ, которые въ сатану погружаются, облачаются въ студъ и срамоту». При этомъ онъ ссылается на текстъ изъ слова Кирилла Іерусалимскаго о еретическомъ крещеніи.

При угрожающей близости конца міру, напрасны всѣ мірскія попеченія и труды: «сѣете въ тлю сѣмена ваша, сказалъ пророкъ; всуе страждуще труждаете нивы ваша, созиждутъ грады и не могутъ пожити въ нихъ; насадятъ виногради и не могутъ вкусити отъ плода ихъ». На этомъ основаніи странникамъ предназначаются попеченія и труды только апостольскіе. Одинъ только странникъ есть «христіанинъ», «христовъ человѣкъ»; всѣ прочіе: никоніане-поганцы; раскольники прочихъ сектъ — еретики. Наконецъ — каждый странникъ, а кольми паче наставникъ, есть вселенскій учитель и апостолъ [2]). Поэтому странникъ не дол-

---

[1]) См. лист. 341, 342.

[2]) „Тѣю наше страхомъ Божіимъ наказаемъ и прочимъ путь ко спасенію указаемъ... Вы есте духовніи, вамъ Богъ препоручилъ братію меньшую, откормите ю духовною пищею..."—вотъ что напѣваютъ странники.

женъ имѣть, никакой собственности и какъ Христовъ человѣкъ, жить на чужой счетъ, во имя Христа, которому все принадлежитъ. Понятіе о собственности, законы ограждающіе права ея вымышлены антихристомъ, по внушенію діавола: ибо раздѣленіемъ народа на сословія, раздѣленіемъ правъ и обязанностей каждаго, «вси удержани при имѣніяхъ своихъ; сице устави императоръ, коемуждо глаголати *свое*, сей же глаголъ св. Златоустъ проклятымъ и сквернымъ называетъ; глаголъ «*мое*» отъ діавола, рече, введеся; *вся бо вамъ общая сотворилъ есть Богъ*» [1]). Такимъ образомъ, въ числѣ основныхъ идей Евѳимія полагается и идея коммунизма.

Тѣ же главныя и основныя мысли проводятся и въ другихъ сочиненіяхъ Евѳимія. Выходя изъ главныхъ и общихъ своихъ положеній, что императоры—антихристы, гонители истинной вѣры, ихъ чиновники — слуги антихристовы, церковь всероссійская — вавилонская блудница, что для православныхъ христіанъ «древняго благочестія» настало время нуждное, тяжкое и «житіе гонительное», — Евѳимій во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ приходитъ къ одному заключенію, именно къ тому, что для спасенія души остается одинъ исходъ — *бѣжать* отъ антихриста, дабы подъ скрытіемъ служить единому Богу, слѣдуя внушенію евангельскому: «всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села имене моего ради, сторицею пріиметъ и животъ вѣчный наслѣдитъ (Мѳ. XIX, 29).

Чтобы лучше убѣдить раскольниковъ и сильнѣе подѣйствовать на ихъ воображеніе, новый реформаторъ составилъ въ 1784-мъ г. «Лицевой Апокалипсисъ», съ картинами и съ прибавленіемъ своего толкованія на слово св. Ипполита папы римскаго «Объ антихристѣ». На картинахъ антихристъ изображенъ съ короною, и представляетъ собою — царскую власть, лже-пророки — духовную власть, находящуюся въ полной зависимости отъ царской; антихриста окружаютъ его слуги — это исполнители царской власти, военные и гражданскіе чиновники.

Кромѣ этого сочиненія, въ 1787-мъ г., Евѳиміемъ написано было еще: «Посланіе къ московскимъ (преображенскимъ) старцамъ». Здѣсь съ особенною силою нападаетъ Евѳимій на раскольниковъ прочихъ толковъ, укоряетъ ихъ въ уклоненіи отъ чистоты

---

[1]) См. Кельсіева, вып. IV, стр. 118 — 121. На этомъ основаніи, впослѣдствіи, странникъ Василій (Иванъ) Петровъ завелъ общину на коммунистическихъ началахъ, по которымъ личное имущество адепта обращается въ пользу общины, и никому не дозволяется имѣть собственности.

и твердости вѣрованій отцовъ «древле церковнаго содержанія», безпощадно обличаетъ ихъ въ двоедушіи, въ общеніи съ никоніанами, въ подчиненіи власти, въ особенности въ укрывательствѣ своего исповѣданія и въ принятіи таинствъ и требъ отъ православной церкви изъ боязни навлечь на себя немилость или подозрѣніе власти, ругаетъ церковь и власть, и восхваляетъ странничество. Особенно язвительно смѣется онъ надъ филипповцами и попрекаетъ ихъ за всѣ эти уступки и послабленія.

Въ этомъ заключаются всѣ догматы Евѳимія, служащіе донынѣ основаніемъ ученія секты странниковъ. Понятно, что при жизни Евѳимія подобные догматы не могли считать своихъ послѣдователей не только сотнями, но даже десятками. Если ученіе Евѳимія распространилось въ народѣ и умножилось число его прозелитовъ изъ другихъ отраслей раскола, то это только благодаря болѣе даровитымъ наставникамъ послѣдующаго времени, какъ то мы увидимъ изъ послѣдующей исторіи «бѣгуновъ».

А. Розовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

МОСКОВСКИХЪ ПОЖАРАХЪ 1812 ГОДА.

Желая передать свои воспоминанія о «Московскихъ пожарахъ», начавшихся въ самый первый день вступленія французовъ въ Москву, я обращаю вниманіе моихъ читателей на то всѣми забытое обстоятельство, что о причинахъ этихъ пожаровъ съ самаго ихъ начала составились два, совершенно противоположныя мнѣнія, до сихъ поръ не сличенныя и не провѣренныя ни отечественной, ни чужеземной исторіей.

Нѣтъ нужды говорить о томъ, какъ послѣдовала сдача столицы, это всѣмъ извѣстно, равно какъ и то, что въ первую же ночь вступленія непріятеля Москва загорѣлась.

«Французы жгутъ Москву», съ ужасомъ завопили немногіе жители, неимѣвшіе никакихъ средствъ бѣжать изъ города. «Французы жгутъ Москву», повторяли окрестные жители съ говора москвичей, кое-какъ пробравшихся къ нимъ въ пригородныя слободы. Огромное зарево въ первую уже ночь со 2-го на 3-е сентября распространившагося пожара давало знать за 200 почти верстъ отъ Москвы, что Москва горитъ (я видѣлъ самъ 12-лѣтнимъ мальчикомъ это зарево въ Веневѣ, въ ночь съ 3-го на 4-е сентября), а народная молва распространила повсюду слухъ, что ее жгутъ французы. Вотъ гдѣ первое начало нашего всенароднаго преданія, что Москва сожжена была непріятелемъ. Преданіе это перешло во всеобщее сознаніе тогдашняго поколѣнія, и долго безъ всякаго колебанія въ немъ сохранялось; оно подтверж-

далось тогдашними газетными, оффиціальными и частными извѣстіями, оно утверждалось документами государственнаго значенія, оно наконецъ освятилось нашимъ торжественнымъ молитвословіемъ. Мы и доселѣ ежегодно, въ день Рождества Христова, приносимъ въ такихъ словахъ наши благодарственныя молитвы за избавленіе насъ отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ:

«Пріиде бо глаголъ страшный сей яко на Израиля, и на «отцы наша; но Ты, Господи, призрѣлъ бо еси на скорбь нашу, «и на *потребленіе царствующаго града,* идѣже отъ лѣтъ древ«нихъ призывалось Имя Твое».

Такое торжественное и такъ часто повторяемое свидѣтельство того, что Москва *потреблена* была непріятелемъ, даетъ намъ право сказать, что во всемъ русскомъ народѣ, по крайней мѣрѣ въ многочисленной ея массѣ, не находилось тогда ни одного человѣка и не найдется много такихъ и теперь, которые на вопросъ о московскомъ пожарѣ 12-го года дали бы отвѣтъ противный этому преданію. Поэты того времени, и во главѣ ихъ Жуковскій, увѣковѣчили это преданіе въ своихъ пѣснопѣніяхъ. Вотъ стихи Жуковскаго изъ «Пѣвца на Кремлѣ»:

Москва! Они твоимъ стѣнамъ
Рекли: «Одѣньтесь въ пламень!»
. . . . . .
И за развалины Кремля
Парижу мзда — спасенье.

Ни одинъ изъ поэтовъ того времени не прославлялъ своихъ соотечественниковъ за изобрѣтенный уже впослѣдствіи подвигъ самоотверженія. Совершись онъ на самомъ дѣлѣ, сколько восторженныхъ рѣчей, и сколько одъ и пѣснопѣній перешло бы къ намъ на вѣчную память великой жертвы и во славу великихъ народныхъ жрецовъ.

«L'incendie de Moscou a été conçue et prérarée par le gouverneur Rostopchine»,—вотъ слова, напечатанныя по повелѣнію Наполеона въ изданныхъ въ Москвѣ бюллетеняхъ французской арміи отъ $^{7}/_{19}$ сентября и въ слѣдующихъ, до $^{12}/_{24}$ включительно. Допустимъ, что обвинять Растопчина въ преднамѣренномъ поджогѣ, съ перваго раза, Наполеонъ могъ по одной вѣроятности подобнаго предположенія, не имѣя на то никакихъ ясныхъ доказательствъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ допустимъ и то, что для Наполеона и интересовъ всей его политики обвинять Растопчина и русскихъ въ пожарѣ было весьма выгодно. Вступая въ Москву, онъ ожидалъ торжественной встрѣчи отъ ея жителей

и отъ тѣхъ лицъ, на которыхъ возложено было, или которые сами взяли на себя управленіе города. Никакой встрѣчи ему не было, никакая депутація ему не представлялась. Наполеонъ надѣялся найти въ обширномъ городѣ, себѣ и многочисленной своей арміи, нѣсколько дней отдыха самаго удобного, и обезпеченіе всѣми возможными запасами продовольствія, и вмѣсто того нашелъ на другой же день по его вступленіи одно разореніе, отнимавшее у него всякую возможность существовать сколько-нибудь безопасно въ опустошаемомъ городѣ. Наполеонъ ожидалъ предложеній заключить миръ, мечтая, что императоръ Александръ и его народъ, пораженные ужасомъ, будутъ униженно просить побѣдителя о прекращеніи военныхъ дѣйствій и согласятся уступить польскія провинціи, или по крайней мѣрѣ часть ихъ, а его не только не просили о мирѣ, но и съ негодованіемъ отвергли собственныя его къ тому попытки. Факты, принятые Наполеономъ за основаніе къ обвиненію Растопчина въ преднамѣренномъ зажигательствѣ столицы, были слѣдующіе: 1) *Истребленіе на баркахъ подъ Симоновымъ монастыремъ хлѣбныхъ запасовъ, а равно соломы и сѣна*, что было дѣйствительно сдѣлано по распоряженію Растопчина, какъ скоро онъ извѣщенъ былъ о неминуемой сдачѣ города. Послѣдующія затѣмъ два обстоятельства, служившія Наполеону доказательствами, объясняются вполнѣ. 2) *Вывозъ городской пожарной команды со всѣми ея орудіями и прислугой* и распущеніе изъ мѣстъ заключенія всѣхъ преступниковъ. Послѣднія два обстоятельства случились очень просто; когда московскій оберъ-полиціймейстеръ Ивашкинъ вмѣстѣ съ брандъ-маіоромъ испрашивали у главнокомандущаго приказанія, что нужно дѣлать съ полиціей вообще и всей ея пожарной частью, Растопчинъ отвѣчалъ: «Пожарная команда и ея орудія принадлежатъ казнѣ; у васъ есть собственныя лошади, посадите людей и везите все вонъ изъ города», т.-е. по владимірской дорогѣ, по которой отправлялось всякое казенное имущество въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Подобный отвѣтъ данъ былъ и московскому оберъ-коменданту относительно гарнизона, или внутренней стражи, охранявшей городъ, тюрьмы и остроги. «Гарнизонъ развѣ не войско? Теперь нуженъ каждый солдатъ и каждое ружье со штыкомъ. Отправьте куда слѣдуемъ мы всѣ, оставляя Москву». — А колодники? — «Пусть остаются».

Очень понятно, что Наполеону, привыкшему забирать города и столицы, въ которыхъ не прерывалось никакое внутреннее городское управленіе и оставался на лицо весь его правильный составъ, такія распоряженія казались преднамѣренно принятыми

для уничтоженія города. Но въ такомъ видѣ вся наша борьба съ нимъ, бывшая до самой Москвы однимъ отступленіемъ, представляла одно опустошеніе городовъ и селъ, по крайней мѣрѣ такъ было съ той поры, когда непріятель сдѣлалъ первый шагъ на истинно-русскую землю. Также съ своей стороны дѣйствовалъ и Растопчинъ, нисколько не озабочиваясь тѣмъ, чтобы въ городѣ, брошенномъ на жертву непріятеля, сохранился какой-либо порядокъ, обезпечивающій безопасность и спокойствіе жителей. Въ послѣдніе дни своего начальства онъ самъ, узнавъ рѣшеніе военнаго совѣта, предлагалъ всѣмъ и каждому оставить городъ, тогда какъ съ начала войны до рѣшенія принятаго военнымъ совѣтомъ онъ убѣждалъ каждаго изъ жителей, способнаго владѣть оружіемъ, не оставлять города и быть готовымъ на его защиту; самый приказъ Кутузова проходить Москву безъ сопротивленія былъ для него неожиданнымъ ударомъ. Въ донесеніяхъ государю и въ письмахъ къ князю Багратіону Растопчинъ жаловался на Кутузова, что онъ прежде совсѣмъ не предупреждалъ его о возможности отдать столицу непріятелю. По всему видно, что Растопчинъ находился въ крайне раздраженномъ состояніи, и этимъ только можетъ оправдываться послѣднее дѣйствіе его власти — казнь Верещагина. Могъ ли онъ, находясь въ такомъ расположеніи, рѣшиться на такой отчаянный поступокъ, на сожженіе столицы и имѣть достаточно времени, чтобы сдѣлать нужныя на то распоряженія? Кому же, наконецъ, изъ своихъ подчиненныхъ, или людей ему близкихъ, какимъ тайнымъ пособникамъ, никому невѣдомымъ и доселѣ никѣмъ не открытымъ рѣшился онъ ввѣрить свои замыслы? Нечего и говорить о томъ, что онъ не имѣлъ разрѣшенія на такой отчаянный поступокъ отъ самого государя, объ этомъ никто и не мыслилъ.

Подъ конецъ 1812 года, къ праздникамъ Рождества и Новаго 1813 года исполнился обѣтъ имератора Александра, данный имъ при вторженіи непріятеля: «Я не положу оружія моего,—говорилъ государь въ первомъ манифестѣ о началѣ военныхъ дѣйствій,—доколѣ хотя одинъ непріятельскій воинъ останется въ предѣлахъ Россіи». Но все же тогда не время было думать и препираться о томъ, кто былъ причиною истребленія Москвы, кто жегъ ее? Наполеонъ ли, который, оставляя ненавистную ему столицу, велѣлъ подорвать древнія стѣны Кремля? или Растопчинъ, удалившійся изъ Москвы и собственными руками зажегшій великолѣпныя палаты въ подмосковномъ своемъ селѣ Вороновѣ.

Такъ весь этотъ вопросъ проходилъ въ совершенномъ молчаніи до самаго сверженія Наполеона и возстановленія Бурбоновъ. Вѣроятно вначалѣ 20-хъ годовъ толки объ этомъ вопросѣ стали до того уже сильно распространяться, что они вынудили Растопчина, жившаго тогда въ Парижѣ и находившагося въ опалѣ (не за сожженіе, однакоже, Москвы, котораго у насъ ему не приписывали, а за казнь Верещагина) напечатать небольшую свою брошюрку: «La vérité sur l'incendie de Moscou», которую онъ началъ слѣдующими словами: «Ennuyé d'entendre débiter la même fable, je vais faire parler la vérité».

Казалось бы, что послѣ такого рѣзкаго отреченія Растопчина отъ возводимаго на него подвига, послѣ такого искренняго и вмѣстѣ насмѣшливаго на то негодованія съ первыхъ строкъ его знаменитой брошюры, послѣ всѣхъ приведенныхъ имъ въ ней доказательствъ, что онъ никогда не замышлялъ сожженія Москвы, современники оставятъ его память въ покоѣ и перестанутъ прославлять его имя небывалымъ подвигомъ. Напротивъ того, чѣмъ болѣе отдалялась отъ насъ знаменитая эпоха, тѣмъ упорнѣе стали мы писать, печатать и проповѣдывать, что Москву сжегъ Растопчинъ, что Москву сожгли русскіе. Общественное мнѣніе возвело этотъ вопросъ до апогея патріотическаго самопожертвованія и ухватилось за него весьма ловко, я даже подозрѣваю болѣе ловко, чѣмъ искренно, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда иностранная пресса и тамошнее вполнѣ общественное мнѣніе массы, съ германскимъ прямодушіемъ, съ великобританскимъ политическимъ разсчетомъ, съ французскимъ противъ насъ въ партіи бонапартистовъ ожесточеніемъ, начало приписывать намъ такое великое дѣло. Такъ продолжается и до сихъ поръ. Надняхъ, въ небольшомъ городкѣ небольшой Швейцаріи читалось въ журналѣ, издаваемомъ въ Вевѣ, имя Растопчина какъ сожигателя Москвы, по случаю изданной дочерью его, графинею Сегюръ, какой-то дѣтской книжки. Въ тотъ же самый день прочли мы примѣчаніе издателя «Русскаго Архива» при напечатанной имъ статьѣ «Разсказы московскихъ французовъ о 12-мъ годѣ», въ № 9, гдѣ, къ изумленію нашему, у него сказано:

«Такъ обыкновенно объясняютъ происхожденіе Растопчинской книги; но кто внимательно читалъ ее, тотъ можетъ убѣдиться, что Растопчинъ только приписываетъ честь высокаго самопожертвованія не одному себѣ, но всему русскому народу. Онъ отрицаетъ только послѣдовательныя и преднамѣренныя правительственныя распоряженія о сожженіи Москвы».

Мы давно уже привыкли ко всѣмъ возможнымъ и невозможнымъ колѣнопреклоненіямъ передъ величіемъ и чуть-чуть не верховенствомъ русскаго народа, но, признаемся, никакъ не ожидали встрѣтить такое суевѣрное обожаніе въ безпристрастномъ и умѣренномъ П. И. Бартеневѣ. По словамъ его, Растопчинъ желалъ раздѣлить ему приписываемую честь высокаго самопожертвованія со всѣмъ русскимъ народомъ,—со всѣмъ народомъ—это выраженіе не слишкомъ ли общее? Костромичъ, архангелогородецъ, пермякъ и т. д. очевидно никакъ не могли въ немъ участвовать; кто же могъ? Опять-таки, очевидно, москвичи. Кто же были москвичи, остававшіеся въ городѣ? По разнорѣчивымъ современнымъ сказаніямъ оставалось ихъ отъ 5,000 до 15,000 человѣкъ; по тѣмъ же преданіямъ мы знаемъ, что немногіе русскіе, сколько-нибудь мыслящіе и грамотные, или всячески старались спастись во время пребыванія непріятеля, или вынуждены были имъ принять участіе въ учрежденномъ тогда французами городскомъ управленіи, и за то преданы были впослѣдствіи суду русскимъ правительствомъ и, слава Богу, прощены. Итакъ, зажигателями могла быть застигнутая бѣдою московская чернь, а главными, предполагаемыми подвижниками тѣ самые колодники и острожники, которыхъ будто бы съ намѣреніемъ для исполненія своего замысла оставилъ Растопчинъ безъ всякаго караула. Мудрено согласить такое предположеніе о Растопчинѣ. Не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы хотя на минуту остановиться на мысли раздѣлять честь своего подвига съ подобною сволочью. Мнѣ совѣстно къ такимъ, по моему мнѣнію, неоспоримымъ и какъ бы слишкомъ крупнымъ доказательствамъ, присоединять мои отроческія воспоминанія. До 1-го сентября 1812 года, дядя мой, губернаторъ Обресковъ, постоянно писалъ къ моему отцу, чтобы онъ былъ спокоенъ и ничего не предпринималъ для спасенія имущества въ нашемъ московскомъ домѣ. Также покойно самъ Обресковъ жилъ съ семействомъ въ городѣ до того времени, увѣренный, что и у нихъ въ домѣ не будетъ никакого отъ непріятеля расхищенія. Только 1-го сентября пришло намъ извѣстіе съ совѣтомъ бѣжать изъ подмосковной, и мы отъ пожаровъ лишились всего, что̀ у насъ было; то же было и съ Обресковымъ; то же было и съ самимъ Растопчинымъ. Я имѣю полное право думать, что еслибы Растопчинъ хотѣлъ жечь Москву, онъ бы предупредилъ своего искренняго пріятеля Обрескова, и тотъ что-нибудь да спасъ бы изъ своего имущества и вѣроятно посовѣтовалъ бы и намъ распорядиться подобнымъ образомъ. Я имѣю еще бо́льшее право думать, объясняя себѣ по-своему историчес-

кій характеръ Растопчина, что еслибы онъ сдѣлалъ какія-либо распоряженія о сожженіи Москвы, то собственный его великолѣпный на Лубянкѣ домъ загорѣлся бы первый, а онъ остался цѣлымъ, и такъ недавно, къ сожалѣнію, испорченъ г. Шиповымъ.

Въ заключеніе нашихъ опроверженій, крупныхъ и мелкихъ, приведемъ теперь выписки изъ исторіи войны 1812 года, изданной по Высочайшему повелѣнію генераломъ Богдановичемъ въ 1859-мъ г.: «Обрекая Москву на жертву пламени, Растопчинъ навлекалъ на себя тяжкую отвѣтственность, потому что не имѣлъ на то повелѣнія отъ благодушнаго государя. Невозможно предположить, чтобы жители такого обширнаго города условились между собою сжечь свои дома; если же на это рѣшились только немногіе, то выказывать пожаръ Москвы въ видѣ гибели Сагунта столь же нелѣпо, сколько приписывать его жестокости Наполеона и буйству его войска. Изъ всего сказаннаго о пожарѣ Москвы очевидно, что главнымъ, или по крайней мѣрѣ первымъ виновникомъ былъ графъ Растопчинъ, хотя онъ отъ сего и отказался, потому что, живя въ Парижѣ, не хотѣлъ прослыть тамъ грубымъ скиѳомъ». Предоставляю каждому оцѣнить такую неопредѣленность понятій и историческихъ взглядовъ нашего историка 1812 года. Растопчинъ то боялся отвѣтственности передъ государемъ, тотъ Растопчинъ, который не дрожалъ даже передъ императоромъ Павломъ, то боялся прослыть грубымъ скиѳомъ у французовъ, тотъ Растопчинъ, который жилъ въ Парижѣ при Людовикѣ XVIII въ обществѣ самыхъ жаркихъ роялистовъ, придворныхъ и вообще всѣхъ знатныхъ того времени, которые, торжествуя возвращеніе Бурбоновъ, готовы были носить Растопчина на рукахъ.

Основываясь на этомъ историкѣ, мы сказали выше, что въ городѣ могло оставаться во время французовъ до 15,000, то-есть, гораздо менѣе десятой части всѣхъ ея жителей. Въ этомъ небольшомъ числѣ укрывалось одно общество, обладавшее до излишества всѣми земными благами и имѣвшее притязаніе обладать во всей полнотѣ, среди себя, и всю благодать духовную. Еслибы къ нимъ помыслилъ обратиться графъ Растопчинъ, чтобы сдѣлать ихъ орудіями очистительной и спасительной жертвы за святую Русь, то въ ихъ ревности о домѣ пресвятой Троицы не могло бы возникнуть никакого сомнѣнія. Не разъ случалось имъ въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ, какъ предшедшихъ, такъ и настоящаго предавать пламени не только свои жилища, но и собственную свою жизнь, дабы спасти себя отъ пламени геенскаго. Но и къ нимъ не могъ бы отнестись Растопчинъ съ по-

добнымъ предложеніемъ, какъ къ сектаторамъ, произнесшимъ анаѳему на весь государственный строй россійской имперіи; читатели мои угадаютъ, что я подразумѣваю старообрядцевъ, которыхъ съ нѣкотораго времени стали прославлять во всеуслышаніе тѣ, которые въ нихъ видятъ постоянно живущій протестъ противъ петровской реформы и всѣхъ ея послѣдствій, и во имя чего люди науки quand même, прощаютъ имъ всякое обезображеніе всѣхъ разумныхъ началъ человѣчества. Московскіе старообрядцы и въ этомъ случаѣ держали себя въ сторонѣ, и на виду всѣхъ прочихъ жителей, къ наставленію современниковъ и потомства, поступили иначе. Они выслали къ Наполеону депутацію съ изъявленіемъ ему своей всесовершенной покорности и выпросили у него къ постояннымъ убѣжищамъ своимъ на отдаленныхъ кладбищахъ Москвы стражу, для охраненія себя отъ грабителей своихъ и чужихъ, для спасенія отъ расхищенія тѣхъ сокровищъ, преимущественно церковныхъ, которые тамъ, у нихъ, издавна сохранялись. Сказываютъ, что общество это не погнушалось увеличеніемъ своихъ церковныхъ сокровищъ во все это время поруганія и опустошенія московской святыни французами, и что число ихъ богатствъ, состоящихъ въ древней церковной утвари и иконахъ, въ многоцѣнныхъ окладахъ, послѣ бѣгства непріятеля изъ столицы значительно увеличилось. Когда порядокъ въ столицѣ водворился по возвращеніи въ нее нашего начальства, тѣхъ, которые вынуждены были принять на себя какія-нибудь городскія обязанности во время пребыванія непріятеля, предали суду; старообрядцевъ не коснулись. Вѣроятно, такая безнаказанность куплена была ими золотомъ.

Мы опасаемся, что не отреченіе Растопчина, не шаткость мнѣнія о причинахъ пожаровъ, указанное нами въ исторіи 1812 года, а еще менѣе то, что сами мы изложили въ доказательство нашихъ убѣжденій, не могутъ достаточно измѣнить той заданной напередъ мысли о нашемъ самопожертвованіи, которой убаюкиваетъ себя современный нашъ патріотизмъ. Мало того, мы почти увѣрены, что самая эта статейка и, чего Боже сохрани, ея составитель подвергнутся всеобщему негодованію. Но— amicus Plato, sed magis amica veritas, иначе: «Варвара мнѣ тётка, а правда мнѣ мать». Въ Швейцаріи ни одинъ получившій сколько-нибудь серьезное воспитаніе не отстаиваетъ легенды о Вильгельмѣ Теллѣ, а мѣста, ею освященныя этимъ великимъ именемъ для Гельвеціи, и понынѣ украшаются древними часовнями и другими памятниками. Никто однако не станетъ обвинять швейцарцевъ въ недостаткѣ любви къ отечеству. Кто же были подвиго-

положники Растопчина? Изобрѣтенный ихъ вождь отъ него отрекся; какъ же въ теченіе 50-ти лѣтъ не явился хотя бы одинъ изъ второстепенныхъ подвижниковъ за полученіемъ вѣнца славы. Насъ, русскихъ, несправедливо было бы упрекать въ подобной скромности. Участвуя въ подвигахъ другого рода, не всегда оправдываемыхъ религіей и строгой нравственностью, мы и тогда не отличались особенной застѣнчивостью и брезгливостью.

Кстати будетъ здѣсь упомянуть о томъ загадочномъ шарѣ, который еще съ іюня 1812 года изготовлялся подъ Москвой, иностранцемъ Шмидтомъ, и который послужилъ доказательствомъ сожженія Москвы Растопчинымъ всѣмъ сторонникамъ этого мнѣнія. На моей совѣсти лежитъ совершенная утрата для потомства двухъ замѣчательныхъ документовъ по этому случаю. Въ концѣ 1817 года, бывшій въ это время губернаторомъ Москвы Обресковъ умеръ въ отпуску, съ сохраненіемъ званія сенатора, въ симбирской своей деревнѣ, селѣ Никольскомъ, нынѣ принадлежащемъ графу Соллогубу. Въ декабрѣ этого же года, вскорѣ послѣ смерти Обрескова, ѣздилъ я навѣстить его сестеръ, моихъ родныхъ тетокъ и, съ ихъ дозволенія разбиралъ бумаги умершаго. Въ нихъ нашлись два собственноручные къ нему рескрипта императора Александра изъ Вильны; первый отъ начала іюня, второй, кажется черезъ мѣсяцъ, чиселъ не упомню. Я не имѣлъ никакого права взять ихъ къ себѣ, не будучи прямымъ наслѣдникомъ (у него были другіе племянники того же имени), но могъ бы конечно списать ихъ, и, увы! по разсѣянію этого не сдѣлалъ. Такъ они исчезли безвозвратно. Какъ теперь гляжу я на эти драгоцѣнные два листка весьма плохой, уже пожелтѣвшей почтовой въ золотомъ обрѣзѣ бумаги, и могу теперь только отвѣчать моимъ словомъ за подлинный смыслъ ихъ содержанія. Оба рескрипта писаны и подписаны были четкой, красивой рукой государя, на сохранившихся обоихъ пакетахъ, и въ началѣ самихъ писемъ, его же рукой выставлено было: *Секретно.*

1-е. «Николай Васильевичъ,

«Вручитель этого, иностранецъ Шмидтъ, объявитъ вамъ причину, по которой посылается мною въ Москву; храните ее *подъ завѣсою непроницаемой тайны, не только отъ московскихъ жителей,* но и отъ главнокомандующаго фельдмаршала графа Гудовича. Помѣстите Шмидта гдѣ-нибудь около Москвы, и давайте всѣ средства къ исполненію его предпріятія. Пребыванію его у

васъ дайте предлогомъ фабрикацію земледѣльческихъ орудій, или чего другого. Всѣ сношенія со мною лично по этому предмету ведите черезъ оберъ-гофмаршала Николая Александровича Толстаго, адресуя ваше ко мнѣ донесеніе на его имя».

2-е. «Николай Васильевичъ,

«Назначивъ главнокомандующимъ Москвы графа Растопчина, предписываю вамъ сообщить ему объ иностранцѣ Шмидтѣ и передать весь ходъ дѣла черезъ васъ ему порученнаго».

Иностранецъ Шмидтъ лѣтомъ 1812-го года жилъ за Симоновымъ монастыремъ, въ Тюфелевой рощѣ. По сожженіи Москвы начали иные говорить, будто Шмидтъ приготовлялъ горючіе матеріалы. Растопчинъ въ своихъ афишкахъ къ народу объявлялъ за нѣсколько дней до сдачи города, что будетъ пущенъ шаръ на погибель злодѣя. Можно предположить, что онъ назначался для того, чтобы наблюдать съ высоты за расположеніемъ или дѣйствіями непріятельской арміи. Извѣстно, что Наполеонъ, находясь въ булонскомъ лагерѣ, откуда готовилъ высадку въ Англію, имѣлъ у себя шары подобнаго рода для той же цѣли. Предоставляю другимъ разъяснить, почему еще въ самомъ началѣ кампаніи шаръ этотъ приказано было изготовлять въ Москвѣ. Неужели съ того самаго времени предполагалась уже возможность Наполеону приблизиться къ столицѣ. Мудрено также объяснить строгое повелѣніе губернатору хранить такую тайну отъ главнаго начальника столицы. Изъ статьи помѣщенной въ № 10 Русскаго Архива за 1869-й годъ, подъ заглавіемъ: «Воспоминанія о селѣ Грузинѣ», къ удивленію видно, что вліятельнѣйшій человѣкъ этой эпохи судилъ объ этомъ шарѣ, какъ о безполезномъ изобрѣтеніи, съ единственной цѣлью занять въ тревожное время умы народные. Нахожу нелишнимъ привести замѣчанія графа Аракчеева въ подлинникѣ:

«Въ 1812-мъ г., когда Наполеонъ приближался къ Москвѣ и страхъ былъ всеобщій, императоръ Александръ мнѣ сказалъ: «Ко мнѣ явился нѣкто, предлагающій мнѣ вылить подобныя пули, навѣрно попадающія; дай ему средства дѣломъ заняться». Я осмотрѣлъ пулю, и позволилъ себѣ сказать: «Вы вѣрно хотите похристосоваться съ вашею арміею и подарить каждому солдату по чугунному яйцу. Повѣрьте, государь, этотъ изобрѣтатель обманщикъ. Пуля по своей формѣ далеко и мѣтко летѣть не можетъ». На это императоръ мнѣ сказалъ: «Ты глупъ».

Я замолчалъ, далъ прожектеру средства что-то дѣлать и забылъ о томъ. Вскорѣ затѣмъ императоръ вновь меня призвалъ и сказалъ: «Явился человѣкъ, который хочетъ строить воздушный шаръ, откуда можно будетъ видѣть всю армію Наполеона; отведи ему близъ Москвы удобное мѣсто и дай средства къ работѣ». Я вновь позволилъ себѣ сдѣлать возраженіе о нелѣпости дѣла, и вновь получилъ въ отвѣтъ: «Ты глупъ». Прошло немного времени, какъ мнѣ донесли, что прожектеръ шара бѣжалъ; съ самодовольнымъ лицомъ предсталъ я передъ императоромъ и донесъ о случившемся; но каково было мое удивленіе, когда императоръ съ улыбкою сказалъ мнѣ: «Ты глупъ!» Тогда только мнѣ все прояснилось: для народа въ извѣстныхъ случаяхъ нужны такія выдумки, онѣ успокоиваютъ легковѣрную толпу, хотя на малое время, когда нѣтъ средствъ отвратить бѣду. Народъ тогда толпами ходилъ изъ Москвы, на разстояніи семи верстъ, къ тому мѣсту гдѣ готовился шаръ. Это было на уединенной дачѣ окруженной заборомъ, куда внутрь никого не впускали, но народъ, возвращаясь домой, разсказывалъ что видѣлъ своими глазами, какъ готовится шаръ на вѣрную гибель врага и тѣмъ довольствовался».

Но вѣдь Москва въ 1812-мъ году горѣла? Кто-нибудь сжегъ ее? Отвѣтъ предлагается слѣдующій, и по нашему убѣжденію единственно возможный. Не мы, русскіе, и не они, французы, задуманно и заранѣе преднамѣренно. Не мы, русскіе, то-есть остававшіеся во время непріятеля въ Москвѣ, и не они, французы, то-есть всѣ галлы и всѣ ихъ двадесять языкъ; тѣ и другіе не задуманно и не заранѣе намѣренно. Можетъ быть въ рѣдкихъ случаяхъ и были между зажигателями русскіе по чувству ненависти ко врагу и изъ мщенія за жестокое съ ними обращеніе непріятеля, но главнѣйшими причинами пожаровъ были: отсутствіе всякой дисциплины въ непріятельскомъ войскѣ и всякаго порядка между кочующими по городу толпами жителей. Вспомнимъ, что въ этихъ толпахъ были колодники, не замедлившіе выдти изъ мѣстъ заключеній, какъ скоро оставилъ ихъ караулъ, что всѣ кабаки были тотчасъ разбиты и народъ предался пьянству. Что же касается до обращенія съ жителями непріятельскаго войска, то вотъ слова очевидца: «на улицахъ можно было встрѣтить только военныхъ, которые слонялись, разбивая окны, двери, погреба и магазины. Жители прятались и позволяли себя грабить первому нападавшему на нихъ. Всего ужаснѣе былъ тотъ систематическій порядокъ, который почли нужнымъ завести при дозволеніи грабежа, давая его послѣдовательно всѣмъ пол-

камъ арміи (странное распоряженіе, но какъ видно необходимое, чтобы и самому безпорядку дать какую-нибудь послѣдовательность). Первый день грабежа данъ былъ старой императорской гвардіи, слѣдующій молодой гвардіи, за нею корпусу генерала Даву. Всѣ войска стоявшія лагеремъ около города поочереди приходили обыскивать насъ, и можете судить, какъ трудно было удовлетворять послѣднихъ. Этотъ порядокъ (?!) продолжался восемь дней почти безъ перерыва. Нельзя себѣ объяснить жадности этихъ негодяевъ иначе, какъ зная собственное ихъ бѣдственное положеніе: безъ панталонъ, безъ башмаковъ, въ лохмотьяхъ,—вотъ каковы были солдаты не принадлежавшіе къ императорской гвардіи, ихъ можно было узнать развѣ только по оружію. Офицеры дѣлали то же, ходя изъ дома въ домъ; болѣе совѣстные опустошали свои квартиры. Даже генералы заставляли выносить отвсюду вещи, которыя для нихъ годились, или перемѣняли квартиры, чтобы грабить въ новыхъ своихъ жилищахъ». Не должно ли будетъ согласиться, что Москвѣ труднѣе было уцѣлѣть нежели сгорѣть при такихъ ужасныхъ безпорядкахъ, продолжавшихся не день, не два, а цѣлую недѣлю. Повторимъ сказанное, что въ ней никакого городского управленія не было; не было никакой полиціи, не было ни одного гасительнаго орудія, и что всего болѣе повело къ пожарамъ и къ грабежу, не было рѣшительно никакой дисциплины въ непріятельскомъ войскѣ. Установленный порядокъ въ грабежѣ не есть ли неопровержимое тому доказательство? Много способствовала распространенію пожаровъ долговременная засуха, стоявшая тогда въ Москвѣ почти до 1-го октября и необыкновенно теплые дни въ началѣ этой осени. Горькимъ опытомъ знаемъ мы, какъ легко загораются и какъ часто выгораютъ наши деревни и города въ лѣтнія засухи; знаемъ также, что ни одинъ сколько-нибудь значительный пожаръ не проходитъ безъ того, чтобы причину его не сваливали на какое-нибудь злоумышленное зажигательство. Со времени перваго польскаго мятежа до нашего времени, въ народномъ мнѣніи, въ прессѣ, а иногда въ средѣ самого правительства роль зажигателей предоставлялась обыкновенно полякамъ. Въ 1834-мъ году говорилось, что они зажигали одновременно Москву и Тулу, въ 1839-мъ году цѣлые города и деревни, въ Симбирской губерніи, въ началѣ 40-хъ годовъ; когда выгорѣла половина Костромы, тамошнимъ губернаторомъ взяты были подъ стражу нѣсколько человѣкъ поляковъ, которые впослѣдствіи по суду оправдались. Большой петербургскій пожаръ 1862-го года, такъ испугавшій всѣхъ жителей столицы, приписанъ былъ также

злоумышленникамъ и тоже полякамъ. Слѣдствіе самое строгое ничего не открыло. О симбирскомъ пожарѣ было по слѣдствію почти доказано, что поджигателями были нижніе чины какого-то пѣхотнаго полка, кажется Угличскаго, и что на это злодѣяніе подкупалъ ихъ полковой ихъ командиръ, котораго, православнаго и русскаго, обратили въ поляка и католика. Его судили, болѣе года держали въ крѣпости, и, слава Богу, невиннаго оправдали. Самъ государь утѣшилъ его милостивымъ своимъ словомъ. — Не одно народное мнѣніе, но и самая юридическая практика, по изысканію причинъ пожара, бываютъ всюду несостоятельны, а у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо. Нигдѣ, кромѣ развѣ Турціи, не выгораетъ такъ много городовъ и селеній. Года два или три тому назадъ издатель «Московскихъ Вѣдомостей» насчитывалъ въ лѣтніе мѣсяцы на каждую недѣлю по 200-ти пожарныхъ случаевъ [1]), а мы все еще силимся доказать, что Москва была вольною жертвою нашего патріотизма.

Еще одно обстоятельство.

Составляя болѣе на память, чѣмъ по источникамъ мои замѣтки о великомъ московскомъ пожарѣ 1812 года, я невольно останавливаюсь на вопросѣ, доселѣ никѣмъ незатронутомъ и, несмотря на то, по моимъ соображеніямъ весьма существенномъ.

Были ли приняты тогда какія-нибудь мѣры, чтобы въ городѣ не прекращалось богослуженіе, чтобы оставленные на жертву судьбы его жители (число которыхъ хотя и не было достовѣрно извѣстно, представляло однако значительную массу—отъ 5 до 15,000 человѣкъ) могли имѣть утѣшеніе въ пастырскомъ словѣ, напутствіе передъ смертію, могли крестить рождающихся младенцевъ? Историкъ 12-го года, г. Богдановичъ, достаточнаго объ этомъ предметѣ не даетъ объясненія, вѣрнѣе сказать относится къ нему съ равнодушіемъ. Между тѣмъ мы знаемъ изъ его же книги, что кромѣ жителей, которыхъ, по его же словамъ, оставалось до 15,000, находилось въ Москвѣ значительное число нашихъ раненыхъ и было при сдачѣ столицы заключено секретное условіе, чтобы они находились подъ покровительствомъ вступающихъ французовъ.— Мы читаемъ въ этой исторіи 1812 года, слѣдующее:

«Москва, знаменитая числомъ и богатствомъ храмовъ, цѣлыя двѣ недѣли оставалась безъ церковнаго служенія. Священнослужители, всѣ безъ исключенія, ее оставили вмѣстѣ съ сосудами и церковною утварью. Только 15-го сентября, въ день коро-

[1]) Въ одномъ изъ послѣднихъ октябрьскихъ нумеровъ этихъ вѣдомостей 1869 года, насчитано по ноябрь, 15,000 пожарныхъ случаевъ.

націи императора Александра раздался благовѣстъ въ церкви святаго Евпла на Мясницкой: тамъ совершалъ литургію священникъ кавалергардскаго полка Граціанскій. Будучи захваченъ въ плѣнъ при выступленіи нашихъ войскъ, онъ первый просилъ назначеннаго Наполеономъ въ правители столицы Лессепса, о дозволеніи совершить божественную службу, но съ условіемъ молиться о Государѣ и поминать на эктеніи Императорскій Домъ».

Затѣмъ слѣдуютъ похвалы отъ автора гвардейскому священнику за его вѣрноподданническія чувства.

Тамъ же читаемъ выше:

«Въ самую послѣднюю ночь, съ 1-го на 2-ое сентября, викарію московскому, епископу Августину сказано было Растопчинымъ выѣхать во Владиміръ».

Мы знаемъ, что въ это время преосвященный вывезъ съ собою двѣ чудотворныя иконы, Владимірскую и Иверскую, вмѣстѣ съ другою главнѣйшею святынею, хранившеюся въ патріаршей Успенской и другихъ соборныхъ ризницахъ. — Въ запискѣ митрополита Филарета, напечатанной въ «Сборникѣ XVIII-го вѣка» за 1868-й годъ Бартенева, сказано:

«Начальники московскихъ монастырей и почти вся братія были въ *бѣгствѣ*».

Остается совершенно неизвѣстнымъ, послѣдовало ли удаленіе изъ Москвы викарія Августина и, по выраженію митрополита Филарета, бѣгство изъ Москвы всѣхъ настоятелей и ихъ монаховъ — по высшему ли распоряженію святѣйшаго синода, или по одному приказанію Растопчина, сосредоточившаго въ лицѣ своемъ всякую власть. Можно догадываться, что на все это отъ синода никакихъ распоряженій не было, ибо по прошествіи пяти лѣтъ министръ духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, писалъ къ московскому архіепископу Августину:

«Что Государю въ бытность его въ Москвѣ угодно потребо-«вать отъ настоятелей монастырей обстоятельное и на сущей исти-«нѣ основанное описаніе, что происходило въ монастыряхъ во «время нашествія непріятеля, и что Государь требуетъ таковыхъ «свѣдѣній въ единственномъ намѣреніи узнать короче бывшія «происшествія, при чемъ не предполагается ни обслѣдованій, ни «сужденій о лицахъ, а чистосердечное объявленіе примется во «благо». Списки изъ этихъ показаній сохранились въ архивѣ московской консисторіи.

Изъ нихъ видно, что настоятели монастырей: Заиконоспасскаго, Богоявленскаго, Златоустенскаго, Покровскаго, Даниловъ-

скаго, Воздвиженскаго, выѣхали съ своими ризницами въ Вологду; что всѣ эти монастыри были опустошены непріятелемъ, что самые храмы были имъ поруганы, что богослуженія въ нихъ не было и быть не могло. Въ женскихъ монастыряхъ происходило то же, только въ одномъ Страстномъ у Тверскихъ воротъ поставленные въ кельи французскіе гвардейцы позволили игуменьѣ жить на паперти, а черезъ нѣсколько дней дали ей келью. Черезъ двѣ недѣли одинъ непріятельскій чиновникъ прислалъ туда парчевыя ризы и все нужное для служенія, съ шестью бутылками краснаго вина, крупичатой муки и восковыхъ свѣчъ, и, отдавъ ключи, позволилъ служить обѣдню монастырскому священнику Андрею Герасимову («Московскіе монастыри во время нашествія французовъ». Русскій Архивъ № 9, 1869 года). Изъ этого мы знаемъ достовѣрно, что божественная служба начала совершаться въ эту бѣдственную годину съ 15-го сентября въ двухъ церквахъ, что все монашествующее духовенство предалось бѣгству, что священнослужители оставили свои приходы, сохранивъ впрочемъ драгоцѣнную церковную утварь, но вмѣстѣ знаемъ также и то, (по крайней мѣрѣ до новаго подробнаго изслѣдованія), что бѣдные оставленные жители, и въ томъ числѣ наши раненые воины лишены были святыхъ таинствъ. Записка, представленная государю о монастыряхъ, утверждаетъ меня въ томъ мнѣніи, что святѣйшій синодъ не имѣлъ или не могъ имѣть никакого вліянія на эти странныя дѣйствія, и что Растопчинъ, пользуясь своимъ диктаторствомъ надъ Москвою того времени, смотрѣлъ и на церковь и въ особенности на ея сокровища, какъ на казенное имущество. Молчаніе Абрама Сергѣевича Норова, оставшагося въ Москвѣ тяжело раненымъ, о томъ, были ли посѣщаемы или нѣтъ священниками русскіе раненые, заставляетъ предполагать, что о нихъ не было никакого духовнаго попеченія.

Все это мало согласно съ духомъ христіанской церкви. Изъ ея исторіи мы знаемъ не одинъ примѣръ противоположный тому, что́ тогда произошло у насъ. Три пустынника, удалившіеся не только отъ міра, но и изъ многолюдныхъ иноческихъ обителей, получили, по неотступной просьбѣ, позволеніе отъ своего епископа вступить тайно въ одинъ городъ, который былъ завоеванъ врагами-варварами. Не можемъ припомнить гдѣ и когда именно это происходило, на Востокѣ или на Западѣ, но твердо знаемъ, что это случилось въ печальныя времена нашествія варварскихъ племенъ и до раздѣленія церквей. Цѣль безстрашно стремившихся въ среду враговъ христіанства отшельниковъ была, ко-

нечно, не иная, какъ исполненіе святого долга [1]). Такой подвигъ, къ великому нашему утѣшенію, имѣлъ и у насъ въ описываемое нами время подражателя, и къ нашему прискорбію едва ли не единственнаго. У насъ о немъ забыли, и мы считаемъ обязанностію о немъ напомнить.

Московскій митрополитъ Платонъ, передавшій еще въ 1811-мъ г. управленіе епархіи викарію своему, епископу Дмитровскому Августину, съ того времени оставался на покоѣ въ основанной имъ близъ Троицкой Лавры Виѳанской пустыни. Изнуренный болѣзнями еще болѣе нежели лѣтами, семидесятипятилѣтній старецъ не имѣлъ довольно силъ, чтобы встрѣтить императора Александра въ Москвѣ, когда тотъ пріѣзжалъ на короткое время въ столицу, за два мѣсяца до занятія ея непріятелемъ. Платонъ послалъ государю свое письмо и благословилъ иконою, писанною на гробовой доскѣ св. Сергія Чудотворца. Но когда сталъ приближаться врагъ къ стѣнамъ столицы, митрополитъ перемогъ свою тѣлесную слабость и въ самый день бородинской битвы, 26-го августа, никѣмъ неожидаемый, прибылъ въ Москву. Викарій московскій въ то время помышлялъ уже о своемъ изъ нея удаленіи. Платонъ рѣшительно объявилъ, что онъ остается въ городѣ съ жителями, которые, конечно, не всѣ изъ нея выйдутъ, съ ранеными, которыхъ, говорилъ онъ, въ нее привозятъ. Никто, вѣроятно, ниже самъ Растопчинъ не смѣлъ его удерживать отъ его святого намѣренія. Онъ считалъ присутствіе свое въ столицѣ полезнымъ во дни бѣдствія отечества, и несмотря на убѣжденія всѣхъ его окружающихъ, не хотѣлъ выѣхать. «Что сдѣлаютъ мнѣ они», твердилъ безстрашный старецъ. Наконецъ, уже 31-го августа, когда всѣ распоряженія къ отправленію изъ Москвы святыни и церковнаго имущества начали приводиться въ исполненіе, онъ уступилъ необходимости и выѣхалъ въ Виѳанію. Тамъ тоже оставался онъ недолго. Намѣстникъ и монахи убѣдили его выѣхать въ недальній отъ Лавры монастырь. По выходѣ непріятеля изъ города возвратился онъ въ Лавру и вскорѣ потомъ скончался.

Что̀ можемъ сказать о сонмѣ всѣхъ московскихъ пастырей и ихъ пастыреначальникѣ Августинѣ, предавшихся бѣгству, по собственному выраженію покойнаго Филарета, который строго взвѣ-

[1]) Исторія церкви полна подобными подвигами христіанскаго самоотверженія въ лицѣ своихъ пастырей. Въ той самой странѣ, которую у насъ въ 1812-мъ году всѣ безъ исключенія называли безбожной, за 20-ть лѣтъ передъ тѣмъ французскіе священники тайно отправляли богослуженіе, воспрещенное законами террора. Они не страшились смерти, и многіе изъ нихъ были гильотированы.

пивалъ каждое слово и тѣмъ болѣе имъ написанное въ оффиціальной бумагѣ, напечатанной еще при его жизни. Будемъ, впрочемъ, надѣяться, что дальнѣйшія изысканія выставятъ въ другомъ, лучшемъ свѣтѣ поведеніе нашего столичнаго духовенства 1812 года.

До сего времени никто и не подумалъ поставить вопроса о томъ, имѣли ли право церковные пастыри оставлять пасомыхъ, не нарушили ли они святого долга пещись о своихъ духовныхъ чадахъ, быть послушливыми даже до смерти заповѣдямъ божественнаго своего пастыреначальника. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Платонъ, поступивъ такъ, какъ онъ хотѣлъ, по внутреннему влеченію своей души, подвергся бы нареканію не только правительства, но и всего народа, что его не пощадила бы и сама народная исторія, по крайней мѣрѣ до нашего времени, въ которое я, едва ли не первый, дерзаю постановить эти вопросительные знаки на общее о нихъ сужденіе. Припомнимъ здѣсь, что удаленный изъ Петербурга въ Нижній-Новгородъ, Сперанскій, за одно неосторожно вырвавшееся у него замѣчаніе въ бесѣдѣ у архіерея о томъ, что нашему духовенству нечего бояться Наполеонова нашествія, былъ немедленно высланъ въ Пермь графомъ Петромъ Александровичемъ Толстымъ, человѣкомъ, впрочемъ, достойнымъ всякаго уваженія. Вѣроятно все это вмѣстѣ или отчасти представлялось какъ непреодолимое препятствіе уму Платона, и легко могло быть подсказываемо ему изъ собственныхъ личныхъ видовъ немногими приближенными лицами. Могъ ли онъ уступить обстоятельствамъ и духу времени?

По поводу слуха о томъ, что въ Англіи сдѣланы были огромныя денежныя пожертвованія въ пользу разоренныхъ москвичей, я относилъ прежде эти жертвы англичанъ прямо на Москву, помня очень живо, какой восторгъ произвело въ Великобританіи самосожженіе нашей столицы. Прочитавъ надняхъ въ «Русской Старинѣ», за январь мѣсяцъ 1870 года, статью подъ заглавіемъ: «Изъ Архива Шишкова», я считаю обязанностію исправить мои, не совсѣмъ точныя, по этому предмету указанія. Пожертвованіе тогдашними вѣрными и единственными нашими союзниками довольно значительной суммы предложено было всѣмъ разореннымъ въ отечественную войну, а не однимъ москвичамъ, и эти суммы были приняты императоромъ Александромъ, не взирая на то, что тогдашній канцлеръ, графъ Румянцевъ, донося государю объ этомъ предложеніи, убѣждалъ Его Величество «отклонить сіе

приношеніе народа чуждаго и иноплеменнаго великодушнымъ подданнымъ его имперіи и не допускать иностранцевъ имѣть когда-либо поводъ хвалиться или упрекать Россію своимъ подаяніемъ»! Узкій патріотизмъ Румянцева подразумѣвалъ въ англичанахъ намѣреніе «привить нашему народу новыя привычки, а между крестьянами поселять привязанность, вмѣсто отечественной простоты, къ тѣмъ иностраннымъ прихотямъ, которымъ одни только англичане удовлетворять въ состояніи». (Донесеніе Румянцева отъ 3-го января 1813 года). Предлагаемое пожертвованіе по 50-ти рублей на каждое лицо въ первомъ англійскомъ проектѣ, допускалось, если найдено будетъ удобно, кромѣ денегъ и товарами. Затѣмъ тутъ же напечатанъ слѣдующій отвѣтъ собственноручно карандашемъ написанный государемъ и присланный для исправленія къ Шишкову. Сообщаю его съ немногими выпусками.

«Пора погасить въ насъ духъ надменности, пора въ ино-«племенныхъ видѣть братьевъ. Нѣтъ стыда, ни униженія принять «для разоренныхъ частныхъ лицъ пособіе отъ человѣколюби-«выхъ обитателей другой земли. Что же касается до привлеченія «русскаго народа къ чужимъ привычкамъ, на этотъ счетъ можно «быть спокойнымъ; привязанность его къ своему явно выказы-«вается вездѣ и во всѣхъ случаяхъ». Въ заключеніе предписывается канцлеру сообщить о томъ великобританскому у насъ послу и доставить весь ходъ дѣла государю для принятія нужныхъ мѣръ».

А. Свербеевъ.

Октябрь, 1869 г.
Вевé.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го ноября, 1872-го г.

Денежный кризисъ. — Наши знаки цѣнности. — Банки государственный и частные. — О порядкахъ въ государственномъ банкѣ. — Преобразованіе коммерческаго и мануфактурнаго совѣтовъ. — Привилегія представительства. — Вопросъ объ отмѣнѣ волостного суда. — Выводы коммиссіи. — Тѣлесныя наказанія въ волости. — Еще о Воспитательномъ домѣ.

Сплошная стѣна, нѣкогда совершенно замыкавшая Россію отъ Европы, на подобіе Китая, со времени Петра В. подверглась разборкѣ по частямъ. Въ наше время, можно сказать, той сплошной стѣны уже нѣтъ. Но нельзя отрицать, что и доселѣ еще уцѣлѣли нѣкоторые остатки ея, въ видѣ отдѣльныхъ блокгаузовъ, рвовъ, палисадъ и различныхъ перегородокъ, которыя въ нѣкоторыхъ пунктахъ продолжаютъ разобщать насъ съ общеевропейскимъ міромъ. Цѣлыя области нашей общественной жизни и нашего политическаго быта лежатъ за такими forts détachés, остатками прежней сплошной оборонительной цѣпи. Однимъ изъ такихъ остатковъ представляется, напримѣръ, тотъ глубокій кредитный ровъ, который мы наполнили волнами бумажныхъ денегъ, и на днѣ котораго мы зарыли подъ ними нашу валюту, нашу монетную единицу. Можно бы привесть и еще не одинъ подобный примѣръ, указать еще на нѣсколько такихъ перегородокъ, которыя держатъ въ сторонѣ отъ общеевропейской жизни цѣлыя области нашей умственной и промышленной дѣятельности, нашего гражданскаго и финансоваго быта. Но мы остановились на примѣрѣ, приведенномъ выше, потому собственно, что къ нему имѣютъ отношеніе нѣкоторые предметы нынѣшней нашей бесѣды.

Кредитный ровъ, въ которомъ течетъ обязательнымъ курсомъ наша бумажно-кредитная рѣка, въ дѣйствительности отдѣляетъ насъ въ финансовомъ отношеніи отъ остальной Европы, до такой степени, что нашъ внутренній денежный міръ составляетъ нѣчто отдѣльное отъ остальнаго міра, имѣетъ собственныя свои условія, мало уча-

ствуетъ въ общемъ движеніи и подвергается совершенно особымъ колебаніямъ, которыя зависятъ, конечно, отъ причинъ разнообразныхъ, но главнымъ образомъ именно отъ состоянія уровня воды въ томъ бумажно-кредитномъ рвѣ, о которомъ мы повели рѣчь. Такова, безъ сомнѣнія, главная причина колебаній, и замѣчательно, что послѣдствіе такихъ колебаній, въ частности, бываетъ опять-таки нѣкоторое возвышеніе уровня нашего ассигнаціоннаго теченія. За послѣднія лѣтъ двѣнадцать, въ нашемъ денежномъ мірѣ произошли три замѣтныхъ колебанія или кризиса. Такъ какъ послѣдній случился къ началу прошлаго мѣсяца, то не мѣшаетъ вспомнить при этомъ случаѣ и о двухъ прежнихъ. Первый кризисъ представился въ исходѣ такъ-названной „акціонерной горячки“ въ 1860—61 годахъ. Происхожденіе этой горячки прямо зависѣло отъ кредитныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Во время восточной войны, въ теченіи трехъ лѣтъ выпущено было ассигнацій почти на 379 мил. рублей, и вся сумма бумажнаго безпроцентнаго обращенія въ 1857-мъ году составила до 735 милл. руб. Затѣмъ, по окончаніи войны предпринята была реформа кредитныхъ учрежденій, начавшаяся пониженіемъ процента на вклады; въ 1859-мъ году, когда на вклады ввѣренные банкамъ платилось всего 2%, выпущены были непрерывно-доходные билеты, приносящіе 4%. Вслѣдствіе совокупности этихъ мѣръ, на внутреннемъ денежномъ рынкѣ образовалось настоящее море, такъ какъ вкладовъ въ банкахъ было на сумму до мильярда рублей и бо̀льшая масса ихъ внезапно обрушилась на рынокъ, съ котораго только часть этой массы стекла въ непрерывно-доходный, а потомъ 5% займы. Не говоря уже объ иныхъ послѣдствіяхъ этого явленія, о начавшемся съ тѣхъ именно поръ быстромъ и постоянномъ вздорожаніи всѣхъ предметовъ и о паденіи рубля въ вексельномъ курсѣ до 300 и даже до 270 сантимовъ, явленіе это, то-есть искусственное изобиліе денегъ, вызвало учрежденіе множества акціонерныхъ обществъ, изъ которыхъ значительное число были совсѣмъ эфемерными предпріятіями, которыхъ акціи впослѣдствіи обратились въ ничто. Наше общество при этомъ совершенно уподобилось игроку, который, пріобрѣтя въ долгъ большія деньги, чувствуетъ потребность несть ихъ на „зеленое поле“. Черезъ годъ-два, акціи многихъ компаній оказались наконецъ, стоющими ровно столько, сколько сто́итъ карта съ загнутыми углами, когда игра кончилась. Это было, помнится, первое разочарованіе нашей „самодѣятельности“ и „настоящаго времени, когда“.

Черезъ два-три года это первое, промышленное разочарованіе было забыто за нѣкоторыми другими, заслонившими его фактами. Между тѣмъ, цифра ассигнаціоннаго обращенія мало по малу, но понижалась. Въ 1857-мъ году она была 735 милл. р., въ 1859-мъ —

731 милл., въ годы 1860—1862 включительно она упорно держалась около 713 милл. Затѣмъ, вплоть до 1867 года, она понижалась ежегодно то на 20, то даже на 40, то хоть на 1 милліонъ рублей. Такимъ образомъ, въ 1866-мъ году она представляла уже только 649½ милл. За 9 лѣтъ количество ассигнацій уменьшилось стало быть на 85½ милл. Но съ 1867 года оно начало быстро расти опять, и притомъ весьма быстро, почти на 40 милл. ежегодно въ теченіи 1867 и 1868 годовъ, и достигло вновь 724½ милл. И вотъ, 1868-й г. предшествовалъ кризису, также какъ и 1859—60-й годъ. Они имѣли сходныя черты въ своихъ промышленныхъ послѣдствіяхъ, потому что представляли сходство въ кредитныхъ операціяхъ государства. Какъ прежде на денежный рынокъ упали вдругъ и масса новыхъ ассигнацій, и новые 4 и 5% внутренніе займы, такъ и теперь, въ 1868-мъ году, надъ рынкомъ тяготѣли тучи новыхъ ассигнацій и вмѣстѣ новыхъ займовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ. Среди этихъ тучъ началось, какъ и прежде, сильное движеніе электричества, настоящая буря, которую и представила собою такъ-названная „желѣзнодорожная горячка". Годъ 1868-й былъ именно періодомъ такой горячки, которая вызвала непомѣрное искусственное движеніе массы новыхъ цѣнностей, выразилась въ 1869-мъ году настоящимъ вихремъ биржевой спекуляціи, за которою въ томъ же году и послѣдовалъ второй кризисъ, то-есть паденіе желѣзнодорожныхъ бумагъ, недостатокъ денегъ, возвышеніе учетнаго процента.

Въ концѣ сентября и началѣ октября нынѣшняго года, мы были свидѣтелями третьяго подобнаго, хотя и слабѣйшаго, сравнительно, кризиса. Этому кризису, кажется, усвоивается прозваніе банковаго, потому что въ публикѣ онъ приписывается „банковой горячкѣ", господствовавшей у насъ въ 1871-мъ и особенно въ текущемъ году. Что банковая горячка, то-есть, внезапное, искусственное стремленіе къ созданію множества частныхъ кредитныхъ учрежденій, у насъ проявилась, что масса этихъ учрежденій превышаетъ дѣйствительную, здравую потребность въ нихъ собственно нашей торговли, промышленности и крупнаго землевладѣнія, что многіе изъ открывшихся банковъ, независимо отъ всякихъ законодательныхъ въ такомъ дѣлѣ ограниченій (которыя уже и послѣдовали) не будутъ имѣть прочнаго успѣха, — со всѣмъ этимъ можно согласиться. Что для общества эта „банковая горячка" въ сущности была главнымъ образомъ картежной игрой, точно такъ, какъ „акціонерная горячка 1860—61 г. и желѣзнодорожно-биржевая 1868—69 годовъ—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, но не въ этомъ дѣло. Мы можемъ, конечно, винить себя за нѣкоторое легкомысліе, выказанное нами троекратно въ теченіи 12-ти лѣтъ. Но, спрашивается, откуда же возникаетъ въ насъ

эта внезапная потребность азартной игры, въ той или другой формѣ, гдѣ та fatalité, которая повидимому осуждаетъ насъ на какую-то возвратную горячку, въ разныхъ видахъ: то торговомъ, то желѣзнодорожномъ, то банковомъ, и подъ такими разными предлогами періодически изнуряетъ насъ въ сущности все однимъ и тѣмъ же зѣломъ, даже не настоящаго всемірнаго ажіотажа, а просто какой-то громадной, прерывающейся и снова возникающей всероссійской стуколки?

Не то бѣда, конечно, что у насъ, положимъ, нѣсколько внезапно, возникло большое число акціонерныхъ компаній вообще, желѣзныхъ дорогъ и частныхъ банковъ. Почти ничего этого у насъ до нынѣшняго царствованія не было, и все это намъ было въ самомъ дѣлѣ нужно. Даже и не въ томъ бѣда, что акціонерныхъ компаній, желѣзныхъ дорогъ и частныхъ съ общественными банковъ, осуществлялось у насъ иногда быть можетъ и слишкомъ много вдругъ. Если бы наши разсчеты велись на наличныя деньги, если бы мы находились въ правильномъ общеніи съ монетнымъ рынкомъ Европы, то и самыя увлеченія наши были бы не такъ искусственны, не такъ порывисты, наконецъ, не вели бы насъ къ такимъ разочарованіямъ. Ведя разсчеты на наличныя, вездѣ свободно обращающіяся деньги, нельзя издержать больше чѣмъ имѣешь, труднѣе увлечься въ кредитныя предпріятія, превышающія и потребность, и силу. Но когда самые разсчеты производятся посредствомъ собственныхъ долговыхъ обязательствъ, сумма которыхъ ничѣмъ не ограничена, то тутъ увлеченія уже потому неизбѣжны, что мы сами не знаемъ, что́ такое у насъ въ рукахъ, мы играемъ съ повязкой на глазахъ. Позволимъ себѣ предложить аллегорію. Нѣкоторый капиталистъ, выдавшій множество сохранныхъ росписокъ разнымъ лицамъ, позвалъ своихъ кредиторовъ къ себѣ въ гости, и когда они пожелали играть между собой въ карты, согласился на это, съ тѣмъ, что хотя самъ онъ въ игрѣ участвовать не будетъ, но выдастъ имъ марки, которыя представляютъ ихъ же капиталъ, а именно извѣстную часть всего долга имъ того же капиталиста. Такая игра была, конечно, самая бѣшеная, потому что проигрывались и выигрывались цѣнности условныя, и проигрышъ можно было тотчасъ вернуть, попросивъ у капиталиста еще нѣкоторое количество марокъ для ставки. Кто проиграетъ окончательно? Не тотъ, кто въ теченіи игры проигрывалъ больше другихъ, но тотъ, который былъ въ проигрышѣ въ ту минуту, когда хозяинъ всталъ изъ-за стола и сказалъ: довольно, друзья, у меня больше марокъ не припасено!

Какъ происходитъ кредитная игра у насъ? Искусственное обиліе бумажнаго капитала вызываетъ, положимъ, чрезмѣрное размноженіе

частныхъ банковъ. Всѣ наши банки вообще похожи на кассы ссудъ потому именно, что главная ихъ операція есть именно ссуда. Частные банки имѣютъ за собой государственный банкъ и на него разсчитываютъ, онъ оказываетъ имъ помощь посредствомъ переучета векселей и посредствомъ ссудъ подъ процентныя бумаги; это въ порядкѣ вещей, это вездѣ такъ. Наступаетъ моментъ, когда подъ вліяніемъ разныхъ экономическихъ причинъ: отвлеченія средствъ на новыя предпріятія, неурожая, уменьшенія вывоза,—наличныя средства частныхъ банковъ истощаются, и они предъявляютъ къ государственному банку такія требованія, которыя онъ затрудняется исполнить по недостатку наличныхъ средствъ. Онъ возвышаетъ процентъ учета сперва немного, потомъ значительно. Происходитъ торговый кризисъ въ бо́льшихъ или меньшихъ размѣрахъ. Это тоже вездѣ бываетъ. Но далѣе ходъ дѣла за-границею и у насъ уже бываетъ неодинаковъ. Въ иныхъ странахъ, въ этихъ случаяхъ капиталы прячутся потому, что ими овладѣваетъ страхъ, а подъ вліяніемъ страха возрастаютъ и обратныя требованія вкладовъ изъ всѣхъ банковъ, и отказъ въ отсрочкахъ по торговымъ счетамъ. Происходятъ банкротства. Самъ государственный банкъ бываетъ крайне стѣсненъ и даже вынужденъ обратиться къ выпуску *временныхъ* кассовыхъ билетовъ, на срокъ. Затѣмъ, по минованіи бури, государственный банкъ погашаетъ эти билеты, и дѣло вновь вступаетъ въ правильныя условія.

У насъ не то. У насъ на государственномъ банкѣ дѣло не останавливается потому, что, какъ онъ стоитъ за частными банками, такъ за нимъ стоитъ еще государственное казначейство, съ которымъ онъ связанъ. Вслѣдствіе того, та иллюзія, которою держится спекуляція, у насъ можетъ продолжаться гораздо дольше. Въ иныхъ странахъ, когда государственный банкъ еще бы и не отказывалъ въ учетѣ, а только сильно поднялъ бы его процентъ, это было бы уже безапелляціоннымъ приговоромъ для предпріятій непрочныхъ, для дѣлъ запутанныхъ: нѣсколько банкротствъ, большія потери,—но самое дѣло было бы спасено; буря очистила бы его отъ того, что въ немъ было лишняго, сверхъ потребности. У насъ, когда государственный банкъ долженъ отказаться отъ учета, то въ этомъ общество усматриваетъ самую причину кризиса, жалуется на банкъ, а банкъ, имѣя за спиною неограниченный кредитъ государственнаго казначейства, выпускаетъ вновь ассигнаціи на нѣсколько милліоновъ или десятковъ милліоновъ рублей, и кризисъ благополучно устраненъ. Это весьма удобно, конечно, и хорошо если кризисъ былъ вызванъ причинами преходящими. Но если кризисъ былъ вызванъ, хотя бы отчасти, излишнимъ, искусственнымъ напряженіемъ самой спекуляціи, то такой благопріятный исходъ есть не болѣе какъ палліативное

средство, дающее ей возможность „зарваться“ еще болѣе. Въ совокупности выходитъ такъ, что спекуляція, вызванная прежде всего обиліемъ бумажнаго обращенія, привела банкъ къ кризису и тѣмъ заставила его прибѣгнуть—къ чему? къ увеличенію бумажнаго обращенія еще на нѣсколько милліоновъ. Въ концѣ концовъ, выходитъ нѣчто въ родѣ практики „опохмѣленія“ въ кредитномъ дѣлѣ, или гомеопатія въ смыслѣ similia similibus,—но только гомеопатія въ аллопатическихъ дозахъ.

Вопросъ, было ли такъ въ настоящемъ случаѣ, то-есть въ томъ кризисѣ, чрезъ который мы только-что прошли, еще не можетъ быть рѣшенъ теперь съ достаточной достовѣрностью. Недалекое будущее покажетъ, былъ ли нынѣшній кризисъ вызванъ именно „банковою горячкой“, или онъ зависѣлъ болѣе отъ разныхъ постороннихъ и временныхъ причинъ. Если частныхъ банковъ у насъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, развелось слишкомъ много, и эти банки, въ совокупности своихъ оборотовъ, превзошли мѣру дѣйствительной потребности производительнаго кредита и предѣлъ балансовой осторожности, въ такомъ случаѣ нынѣшній кризисъ долженъ вскорѣ возвратиться въ бо̀льшихъ размѣрахъ, и наконецъ окажется, что государственное казначейство не можетъ всегда выручать ихъ изъ бѣды, потому что иначе мы осуществили бы извѣстную мечту о неограниченномъ „даровомъ кредитѣ“. Въ такомъ случаѣ, надо будетъ признать, что и нынѣ мы претерпѣли именно „банковую горячку“, которой могла способствовать опять та же причина, то-есть обиліе ассигнацій; въ самомъ дѣлѣ, сумма ихъ въ 1871-мъ году возрасла уже до 752 милл. р.,—цифры доселѣ небывалой. Тогда придется сказать, что это искусственное обиліе капитала вновь вовлекло насъ въ непроизводительную азартную игру, подъ именемъ учредительства банковъ, и что государственный банкъ, устранивъ кризисъ 1872 года выпускомъ новыхъ ассигнацій, этимъ не пособилъ горю, а наоборотъ, допустилъ продолженіе игры еще на нѣкоторое время.

Но въ настоящее время было бы слишкомъ рано утверждать это потому, что кризисъ могъ быть объясненъ и посторонними, временными обстоятельствами, на которыя можно указать съ тѣмъ, чтобы утѣшать себя и отрицать самое существованіе „банковой горячки“, въ смыслѣ болѣзни, увѣряя себя, что банковъ у насъ учреждено не болѣе, чѣмъ нужно, и что имѣющіеся банки, въ оборотахъ своихъ, не вышли изъ границъ дѣйствительной потребности и осторожности. Очень можетъ быть, что оно такъ и было въ дѣйствительности, и что учрежденіе новыхъ банковъ, для которыхъ потребовались капиталы, если и играло въ этомъ кризисѣ роль, то роль не главную. Здѣсь бросается прежде всего въ глаза обстоятельство, что кризисъ

нынѣ произошелъ осенью, точно также какъ и въ 1869-мъ году. Стало быть, въ самомъ времени года могутъ заключаться если не всѣ, то нѣкоторыя причины отлива денегъ.

Одна изъ этихъ причинъ, соотвѣтствующая именно времени года, представляется въ оживленіи хлѣбной торговли въ южныхъ портахъ, во второй половинѣ навигаціоннаго времени, вызывающаго отливъ капиталовъ на югъ и приливъ на столичныя биржи векселей. Но это обстоятельство только побочное. Въ общности нашъ отпускъ въ текущемъ году сильно упалъ, въ томъ числѣ и отпускъ хлѣба. Вообще экономическія условія за текущій годъ оказались неудовлетворительны: урожай былъ едва посредственный, внутренняя торговля шла туго, уже на нижегородской ярмаркѣ оказывался недостатокъ денегъ, вывозъ за-границу значительно упалъ. А между тѣмъ, до половины сентября, внѣшніе знаки экономическаго состоянія страны: цѣнность фондовъ и акцій, вексельный курсъ, учетный процентъ были, весьма благопріятны, вовсе не соотвѣтствуя истинному положенію дѣлъ. Въ особенности же не соотвѣтствовала ему и грядущему погрому цѣна нѣкоторыхъ излюбленныхъ спекуляціею бумагъ, напримѣръ, акцій частныхъ банковъ. Надо же было, чтобы произошла реакція, а реакція какъ только произошла, деньги могли спрятаться, даже и не отливая на югъ: всякъ кто успѣлъ реализовать вò-время, по хорошей цѣнѣ, держалъ деньги въ шкатулкѣ, понимая, что цѣны дошли до крайняго предѣла, возможнаго при обстоятельствахъ, и что для новыхъ закупокъ слѣдуетъ выжидать; многіе и утверждаютъ, что такъ именно было, что кризисъ произошелъ болѣе отъ отсутствія покупателей, чѣмъ отъ дѣйствительнаго недостатка денегъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ.

Но, съ другой стороны, очень возможно и то, что важнымъ элементомъ, если не главной причиною кризиса, было именно одновременное учрежденіе и реализація капиталовъ слишкомъ большого числа банковъ; такъ что съ одной стороны большія наличныя средства были отвлечены съ этой цѣлью въ провинцію, а съ другой самый характеръ дѣйствій большинства частныхъ банковъ былъ таковъ, что гоняясь за обращеніемъ возможно бòльшаго капитала въ ссуды, они слишкомъ сократили свою наличность, однимъ словомъ, „зарвались“, все въ томъ неизмѣнномъ упованіи, что позади ихъ стоятъ неистощимые будто бы рессурсы государственнаго банка, которые посредствомъ переучета находятся въ полномъ ихъ распоряженіи.

Первоначально кризисъ сказался въ Москвѣ и въ Ригѣ. Тамошнее отдѣленіе государственнаго банка, подъ вліяніемъ уменьшенія вкладовъ и сильнаго возрастанія какъ ссудъ, такъ и учетовъ, сперва под-

няли учетный процентъ до 10, а потомъ совсѣмъ прекратили учетъ векселей. Послѣ то же самое повторилось и въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, вся надежда частныхъ банковъ, а также и всей торговли, вообще на „feste Burg", какою имъ представлялся банкъ государственный, вдругъ была у нихъ отнята. Тогда и произошелъ кризисъ: частные банки повысили учетъ до 11-ти, даже 12-ти процентовъ, пущены были въ ходъ запасы фондовъ и вообще цѣнныхъ бумагъ, изъ Москвы и Риги прибыли въ Петербургъ депутаціи. Предложеніе запасныхъ фондовъ и бумагъ не выручило банковъ и торговцевъ, потому что подъ вліяніемъ его не только цѣнности эти упали, но и вовсе не находили покупателей. Особенно банковыя акціи, которыя спекуляція на биржѣ въ теченіи всего лѣта вела въ гору, оказались вдругъ въ полномъ пренебреженіи; на нихъ никто и смотрѣть не хотѣлъ. Дѣла на биржахъ московской и петербургской просто прекратились, и биржевые бюллетени, хотя въ своихъ цѣнахъ, требуемыхъ продавцами, и держались нѣкотораго оптимизма, желая поддержать довѣріе, но не успѣвали успокоить публику, такъ какъ она въ нихъ же усматривала меланхолическую пустоту, подъ рубрикою совершенныхъ, или лучше сказать, не совершенныхъ сдѣлокъ.

Болѣе успѣха, чѣмъ реализація запасовъ, имѣли прибывшія въ Петербургъ депутаціи. Реализація ихъ просьбъ не заставила долго ждать себя: государственный банкъ поспѣшилъ возобновить учетъ въ Петербургѣ и въ конторы свои послалъ значительные наличные рессурсы, такъ что, говорятъ, въ одну Москву было отправлено 18-ть милліоновъ рублей. Откуда же взялись эти средства? Если изъ свободныхъ средствъ самого банка, то зачѣмъ же было прекращать учетъ и производить панику? Очевидно, что банкъ получилъ откуда-то такія средства, которыхъ прежде не имѣлъ. Одни разсчитываютъ, что банкъ *выпустилъ* новыхъ ассигнацій на 5-ть слишкомъ милліоновъ рублей; но этого мало. Другіе говорятъ, что банкъ *выпуститъ* ихъ на 80-ть милліоновъ рублей—это, пожалуй, слишкомъ много. Но о дѣлѣ этомъ, по свойству своему сокрытомъ отъ любопытства, и можно гадать сколько угодно въ широкихъ предѣлахъ 5—80 милліоновъ, или хотя бы и внѣ этихъ предѣловъ. Во всякомъ случаѣ, обстоятельство это — плачевнаго свойства, и если оно въ самомъ дѣлѣ вызвано необходимостью подкрѣпить у насъ банковый кредитъ, то оно вдвойнѣ заслуживало бы сожалѣнія. Такое подкрѣпленіе только отсрочило бы кризисъ и заставило бы его возвратиться современемъ въ бо́льшихъ размѣрахъ; это была бы, какъ уже сказано, настоящая практика „опохмѣленія" въ кредитномъ дѣлѣ. Положимъ, вслѣдствіе новаго паденія курса, которое было бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ значительнаго выпуска кредитныхъ билетовъ, усилился бы нашъ вывозъ,

но вѣдь никто же не станетъ утверждать, что такой цѣли слѣдуетъ достигать такимъ средствомъ, что намъ желательно продавать много, хотя бы по убыточной цѣнѣ, а покупать за-границей по цѣнѣ высокой.

Вообще роль банковъ, какъ государственнаго, такъ и частныхъ, оказывается не особенно блистательною. Что провинціальные частные банки—учрежденія несамостоятельныя, которыхъ операціи напоминаютъ скорѣе кассу ссудъ при мѣняльной лавкѣ, чѣмъ кредитное учрежденіе, регулирующее биржу—это одно уже не особенно утѣшительное обстоятельство. Мы принадлежимъ къ числу противниковъ законодательнаго ограниченія числа частныхъ банковъ, и высказали нѣкоторое сожалѣніе по поводу этой мѣры, когда она состоялась. Дѣло въ томъ, что такое ограниченіе не измѣнитъ характера операцій существующихъ банковъ; оно можетъ только создать привилегію для нихъ въ пользованіи рессурсами—въ концѣ концовъ, государственнаго же казначейства. Но если банковъ слишкомъ много и если обороты ихъ, въ надеждѣ на эти рессурсы, слишкомъ неосторожны, то легче было бы разъ пережить естественный погромъ ихъ въ кризисѣ, чѣмъ видѣть спасеніе ихъ искусственнымъ и абсолютно-вреднымъ средствомъ умноженія ассигнацій. Если бы государственный банкъ своевременно давалъ имъ почувствовать, что его рессурсы не неистощимы, если бы онъ не понижалъ лѣтомъ своего дисконта до 6%, а напротивъ, сознавая слабую сторону провинціальныхъ банковъ и въ виду, какъ крайняго напряженія петербургской фондовой биржи съ одной стороны, такъ и особыхъ потребностей осеннихъ торговыхъ разсчетовъ съ другой—поднималъ свой дисконтъ постепенно, то во-первыхъ, ему, по всей вѣроятности, не пришлось бы со временемъ вовсе прекратить учета, а во-вторыхъ, онъ не далъ бы возможности провинціальнымъ банкамъ „зарываться". Тѣмъ хуже для тѣхъ изъ нихъ, которые не захотѣли бы внять подобному предостереженію: если бы затѣмъ наступилъ кризисъ *для нихъ*, то государственный банкъ могъ бы пособить горю уже во время кризиса пониженіемъ дисконта, если бы былъ въ состояніи это сдѣлать; если же нѣтъ, то пусть бы онъ оставался неумолимымъ. Лучше разъ претерпѣть естественную ликвидацію, какихъ бы жертвъ она ни стоила, потому именно, что только при такихъ условіяхъ, самый характеръ операціи провинціальныхъ банковъ можетъ измѣниться.

Несправедливо утверждаютъ, будто государственный банкъ быстрымъ повышеніемъ и даже прекращеніемъ учета, самъ произвелъ кризисъ. Здѣсь послѣдствіе принимается за первоначальную причину. Но справедливо, что банкъ по самому назначенію своему долженъ былъ бы регулировать кредитное дѣло въ государствѣ, а не подда-

ваться ему такъ, чтобы поощрять спекуляцію, когда она идетъ въ гору, и потомъ спасаться изъ него вдругъ, когда наступаетъ тяжелое время. То же самое отчасти можно замѣтить и о частныхъ петербургскихъ банкахъ. Учрежденія эти съ значительными капиталами должны были бы регулировать биржу, а не идти пассивно за ея измѣненіями, такъ чтобы въ трудную минуту прекращать учетъ, какъ они сдѣлали, или еще требовать возврата ссудъ, данныхъ до востребованія, какъ сдѣлалъ „Международный банкъ",—чѣмъ самымъ былъ сообщенъ кризису новый толчекъ.

По поводу денежнаго кризиса въ печати вновь заявлена была мысль о необходимости реформы государственнаго банка, въ такомъ смыслѣ, чтобы придать ему болѣе коммерческій, менѣе бюрократическій характеръ. Слишкомъ очевидно, что для обращенія нашего государственнаго банка въ учрежденіе только на половину государственное, учрежденіе, въ которомъ участвовали бы и частные пайщики, необходимо было бы прежде всего развязать банкъ съ государственнымъ казначействомъ и освободить банкъ отъ всякаго участія въ дѣланіи ассигнацій. Иначе, это учрежденіе осуществило бы собою то самое, на что доселѣ только *намекала* связь государственнаго банка съ Обществомъ взаимнаго кредита. Если же развязать банкъ съ дѣланіемъ ассигнацій, то онъ и въ видѣ чисто-государственнаго банка можетъ дѣйствовать весьма успѣшно, потому что главная бѣда не въ настоящемъ его устройствѣ, а именно въ неограниченности выпуска бумажекъ, чьими бы руками онѣ непосредственно ни выпускались. Еще единственное условіе, которое могло бы хоть сколько-нибудь спасти само министерство финансовъ отъ такой неограниченности, могло бы заключаться въ полной гласности этого дѣла; между тѣмъ, оно, наоборотъ, содержится въ такой тайнѣ, что и въ самомъ министерствѣ можетъ быть два, три лица, знакомы съ истиннымъ его положеніемъ. Самъ же по себѣ, государственный банкъ и въ нынѣшнемъ видѣ могъ бы дѣйствовать столь же успѣшно, какъ дѣйствуетъ, напримѣръ, банкъ финляндскій, банкъ государственный, за которымъ имѣетъ наблюденіе постоянная коммиссія, избранная сеймомъ.

Но при всемъ томъ было бы лучше и банку, и самому министерству финансовъ въ распорядкахъ своихъ, а быть можетъ и въ пополненіи личнаго состава, держаться менѣе обычаевъ бюрократическихъ, и руководствоваться тѣми требованіями, какія предъявляются въ мірѣ торговомъ. Нашъ государственный банкъ есть чисто-присутственное мѣсто, а въ министерствѣ, какъ и въ банкѣ, преобладаютъ чиновничьи обычаи, чиновничье равнодушіе ко всему, о чемъ „не

было распоряженія". Внутренніе порядки въ банкѣ крайне сложны и стѣснительны; за свои же деньги тамъ все получаешь какъ будто изъ милости. Прочтите любое изъ объявленій, украшающихъ стѣны отдѣленій банка: это все ограниченія, недозволенія, недопущенія! Признавая необходимымъ для себя соблюденіе безчисленныхъ провѣрокъ и подписываній, банкъ заставляетъ саму публику толкаться изъ угла въ уголъ для исполненія всѣхъ этихъ формальностей, которыя *для нея* совершенно ненужны и не имѣютъ смысла. Занятый ежедневно египетской работой многократныхъ взаимныхъ провѣрокъ, подписываній, прокалываній, банкъ произвольно ограничиваетъ иногда однимъ днемъ въ недѣлѣ какую-либо отдѣльную операцію. Самыя операціи онъ безъ всякой нужды, кромѣ соблюденія чисто чиновничьяго „удобства въ работѣ", стѣсняетъ. Такъ напр., если вамъ понадобилась часть вашего вклада и вы заложили его хотя бы въ незначительной сравнительно съ его итогомъ суммѣ, то вамъ впослѣдствіи уже не позволяется получить изъ него хотя бы малѣйшей части: сперва вы должны выкупить росписку. Да и вообще, вы не можете получить часть вклада, отданнаго на храненіе, а только весь вкладъ, съ тѣмъ что послѣ имѣете право ненужную часть его внесть вновь, при чемъ надо снова подавать объявленіе съ адресомъ и проч. Однимъ словомъ, внутреннія отправленія государственнаго банка нисколько не похожи на отправленія банковъ частныхъ, которые не заставляютъ саму публику работать для нихъ и не стѣсняютъ ее ограниченіями, нужными для „удобства" служащихъ въ банкѣ лицъ. Государственный банкъ какъ будто забываетъ, что онъ за свои услуги беретъ съ публики деньги, и что затѣмъ ей рѣшительно нѣтъ дѣла до удобствъ чиновниковъ, или хотя бы до взаимныхъ перевѣрокъ между ними.

Точно такъ и министерство финансовъ считаетъ ни за что, напр., производить 2-го числа уплаты по купонамъ, на которыхъ стоитъ 1-ое число. Недавно же министерство не приняло своевременно мѣръ къ уплатѣ по октябрскимъ купонамъ послѣдняго выпуска консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій, такъ что купоны, на которыхъ стояло 1-ое октября новаго стиля, въ продолженіи *трехъ недѣль* не оплачивались никѣмъ. Наконецъ, банкъ сдѣлалъ публикацію и приступилъ къ уплатѣ; онъ точно также былъ бы вправѣ сдѣлать публикацію чрезъ три мѣсяца. На вопросы по этому предмету, служащіе въ банкѣ неизмѣнно и весьма характеристично отвѣчали: „Еще не сдѣлано распоряженіе". Хорошая причина, и хороша вообще мысль, посредствомъ особой публикаціи извѣщать, когда именно приступлено будетъ къ платежу, котораго срокъ былъ впередъ опредѣленъ въ са-

мыхъ условіяхъ займа. Однимъ словомъ, дѣло ведется совершенно не по торговому.

Бюрократическій элементъ до такой степени проникъ насквозь всю дѣятельность финансоваго вѣдомства, которой нѣкоторыя отрасли вовсе не имѣютъ ничего общаго съ канцелярствомъ, что даже тѣ самыя учрежденія, которыя прямою своей цѣлью имѣли сблизить министерство съ живыми торговыми и промышленными органами, самыя эти учрежденія были заѣдены канцелярскимъ духомъ. Мы говоримъ о существовавшемъ при министерствѣ коммерческомъ совѣтѣ и о бывшемъ при департаментѣ мануфактуръ и внутренней торговли—мануфактурномъ совѣтѣ. Цѣлью ихъ основанія, какъ оно опредѣлилось въ уставахъ данныхъ имъ въ двадцатыхъ годахъ, было именно внесеніе живого элемента, указаніе живыхъ потребностей торговли и промышленности. Но канцелярскій духъ одержалъ надъ ними побѣду полнѣйшую, до такой степени, что коммерческій совѣтъ давно даже и не собирался, а совѣтъ мануфактурный ограничивалъ свою дѣятельность почти однимъ разсмотрѣніемъ просьбъ о выдачѣ привилегій. Первый толчекъ къ преобразованію данъ былъ съѣздомъ фабрикантовъ въ 1870-мъ году, и недавно состоялось это преобразованіе, о которомъ мы и хотимъ упомянуть здѣсь, тѣмъ болѣе, что по слухамъ предстоитъ учрежденіе подобнаго же представительства и для интересовъ сельскаго хозяйства.

Главный смыслъ нынѣшней реформы въ томъ, что она, соединивъ коммерческій и мануфактурный совѣты въ одно учрежденіе подъ названіемъ „совѣты торговли и мануфактуръ“ съ отдѣленіемъ его въ Москвѣ, устраняетъ отъ этого учрежденія неподвижность прежнихъ, которыхъ члены не подлежали очередной смѣнѣ, а сверхъ того допускаетъ учрежденіе въ городахъ особыхъ „комитетовъ торговли и и мануфактуръ“. То и другое нововведеніе не лишены значенія. При прежней безсмѣнности членовъ, совѣты не оживлялись свѣжими силами и предрасполагались тѣмъ самымъ къ сладкой дремотѣ, хотя главная ея причина, конечно, заключалась все-таки не въ такой безсмѣнности. Городскіе же комитеты, допускаемые нынѣшнимъ преобразованіемъ, какъ основанные на началѣ выборномъ могутъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлаться живыми органами промышленныхъ интересовъ. Къ сожалѣнію, выборное начало не примѣнено къ центральному совѣту, котораго члены назначаются просто по представленію министра финансовъ на 4-е года, причемъ половина ихъ чрезъ два года выбываетъ по жребію. Правда, самому совѣту дано право представлять на мѣста выбывшихъ новыхъ кандидатовъ, но это право ни къ чему не поведетъ. Во-первыхъ, представляемо должно быть

по три кандидата на одно мѣсто, и то только такіе, которые получили не менѣе двухъ третей голосовъ (такъ что выборы иногда и не состоятся), а затѣмъ окончательный выборъ зависитъ все-таки отъ министра финансовъ. Во-вторыхъ, министру же финансовъ предоставлено право назначать еще неопредѣленное число почетныхъ членовъ въ совѣтъ. Наконецъ, въ третьихъ — и это главное — такой способъ пополненія совѣта частью собственнымъ его избраніемъ, частью назначеніемъ—лишаетъ совѣтъ именно характера центральнаго учрежденія въ ряду провинціальныхъ, выборныхъ, торговыхъ комитетовъ, а стало быть, отнимаетъ у него значеніе представительства торговыхъ и промышленныхъ интересовъ всей страны. Мы охотно допускаемъ, что это сдѣлано не изъ-за-какихъ-либо антилиберальныхъ опасеній, а прямо изъ недовѣрія къ преобладающему въ нашемъ торговомъ и въ особенности мануфактурномъ сословіяхъ, духу монополіи. Мы по опыту знаемъ, напр., хотя бы изъ хода пересмотра у насъ системы сахарнаго акциза и пошлины, что предложенія, исходящія отъ спеціалистовъ, избранныхъ самимъ министерствомъ финансовъ, бываютъ у насъ гораздо раціональнѣе, чѣмъ заявленія такъ-называемыхъ „экспертовъ“, то-есть вліятельныхъ заводчиковъ, которые пользуются своимъ правомъ заявленія для того, чтобы „торговаться“ до послѣдней степени, требовать невозможнаго, въ надеждѣ сохранить или получить возможно большее. Но если справедливо, что съ такими господами само министерство финансовъ иногда справиться не можетъ, какъ то опять-таки доказывается результатомъ пересмотра постановленій о сахарѣ, то вѣдь эта „невозможность справиться“ совершенно не зависитъ отъ состава членовъ собственно экспертной коммиссіи или совѣта торговли и мануфактуръ. Министерство путей сообщенія весьма долгое время не могло „справиться“ съ извѣстными своими контрагентами-американцами, несмотря на все желаніе, какое оно имѣло къ тому при двухъ министрахъ, бывшихъ послѣ гр. Клейнмихеля. И справилось оно съ ними наконецъ, только посредствомъ громадныхъ пожертвованій. А вѣдь американцы эти не только не составляли большинства какого-либо выборнаго совѣта, но даже вовсе въ совѣтѣ министерства и не сидѣли. Въ такихъ случаяхъ у насъ выборный принципъ рѣшительно ни причемъ, и если уже имѣетъ какое-либо отношеніе къ такимъ результатамъ, то развѣ только потому, что примѣняется въ слишкомъ узкихъ размѣрахъ.

Совѣтъ торговли и мануфактуръ вѣдь все равно не будетъ же инстанціею, рѣшающею законодательные и торгово-административные вопросы. Онъ будетъ имѣть характеръ учрежденія совѣщательнаго, органа торговой и промышленной среды. Но въ такомъ случаѣ пусть бы онъ былъ настоящимъ, а не искусственнымъ представительствомъ

этой среды, пусть бы онъ состоялъ изъ членовъ, избираемыхъ городскими комитетами, которые могли бы быть и въ Петербургѣ и въ Москвѣ, кромѣ совѣта и его отдѣленія. Тогда совѣтъ былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и центромъ такихъ комитетовъ, между тѣмъ какъ по нынѣшнему положенію они будутъ представлять нѣчто разрозненное и едва ли будутъ пользоваться съ успѣхомъ предоставляемымъ имъ правомъ прямого сношенія съ министерствомъ финансовъ. Впрочемъ замѣтимъ, что „въ нѣкоторыхъ случаяхъ“ будетъ, съ разрѣшенія министра финансовъ, допускаемо приглашеніе членовъ мѣстныхъ комитетовъ и московскаго отдѣленія въ совѣтъ. Все это обнаруживаетъ какое-то опасеніе чего-то непонятнаго, опасеніе являющееся въ то время, когда на принципѣ выборнаго представительства построены всѣ земскія учрежденія. Желательно было бы, чтобы при учрежденіи сельско-хозяйственнаго совѣта, если оно состоится, допущено было примѣненіе выборнаго принципа, при чемъ можно бы согласовать съ нимъ и положеніе о совѣтѣ торговли и мануфактуръ. „Московскія Вѣдомости“, которыя по поводу каждой реформы умѣютъ похвалить положенное въ ней ограниченіе, имѣютъ въ то же время даръ обмолвиться такъ, что мотивъ ихъ сочувствія къ ограниченію выходитъ вовсе не убѣдительнымъ. Имъ, конечно, нравится и то, что выборное начало въ примѣненіи къ совѣту торговли и мануфактуръ недопущено, и онѣ одобряютъ такой фактъ соображеніемъ, что „невозможно дать права представительства одному изъ элементовъ общества, не поставивъ его въ привилегированное отношеніе къ другимъ элементамъ“. Но вѣдь всякое удобство, доставляемое кому-либо реформою, составляетъ привилегію до тѣхъ поръ, пока оно не распространено и на другихъ; спрашивается, какъ же слѣдуетъ поступать: идти ли по пути реформъ, которыя мало по малу доставляютъ удобства всѣмъ, или же не дѣлать никакихъ реформъ изъ одного опасенія, что каждое улучшеніе создаетъ сперва привилегію для тѣхъ, въ чью пользу оно было сдѣлано? По этой логикѣ, не слѣдовало вводить земской реформы, пока не было готово и городовое положеніе, а городового положенія не слѣдовало издавать до окончательнаго рѣшенія вопроса объ устройствѣ волости и т. д.

Вопросъ объ устройствѣ волости заключается самъ по себѣ въ томъ, что ощущается потребность посредствующаго звена между уѣздомъ съ одной стороны, мѣстечкомъ и селеніемъ съ другой. Волость въ нынѣшнемъ устройствѣ такого звена представлять не можетъ, уже потому, что она имѣетъ образованіе чисто-сословное, представляетъ учрежденіе исключительно-крестьянское. Въ настоящее время на очередь поставленъ впрочемъ только вопросъ о во-

лостномъ судѣ, о качествахъ его и степени необходимости дальнѣйшаго его существованія.

Недостатки, приписываемые общественной молвою нашимъ волостнымъ судамъ, побудили правительство въ концѣ прошлаго года, поручить особой коммиссіи, состоящей изъ нѣсколькихъ юристовъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора, разсмотрѣть вопросъ, на сколько волостные суды, учрежденные Положеніемъ 19-го февраля, соотвѣтствуютъ своей цѣли, и слѣдуетъ ли сохранять ихъ даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже введены мировыя судебныя учрежденія. Эта коммиссія въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ объѣхала значительную часть Россіи для ознакомленія съ дѣломъ на мѣстахъ и возвратилась недавно въ Петербургъ. Главной цѣлью обширнаго, но довольно быстраго осмотра, произведеннаго коммиссіею, очевидно, было собрать возможно бо̀льшее число данныхъ, относящихся къ разнымъ полосамъ Россіи. Самая программа, какой она держалась при осмотрѣ, была вполнѣ раціональна. Для обозрѣнія волостныхъ судовъ извѣстной губерніи, члены раздѣляли между собой уѣзды, такъ что на каждаго приходилось два или три уѣзда. Въ каждомъ уѣздѣ, членъ коммиссіи, со своимъ помощникомъ избиралъ себѣ 5 — 10 волостныхъ судовъ для обревизованія. Обревизованіе происходило въ присутствіи всѣхъ волостныхъ властей и нѣсколькихъ выборщиковъ, и состояло сперва въ просмотрѣ книги рѣшеній волостного суда за всѣ годы, съ выпискою рѣшеній представлявшихъ особый интересъ, а также всѣхъ рѣшеній состоявшихся въ теченіи прошлаго года, и затѣмъ въ опросѣ крестьянъ: о составѣ ихъ суда, порядкѣ избранія ихъ, грамотны ли судьи, получаютъ ли жалованье, о порядкѣ судопроизводства, объ участіи въ немъ старшины и писаря, о видахъ наказаній, объ обычномъ правѣ, то-есть, о томъ, какіе есть мѣстные обычаи по наслѣдству, опекѣ, доказательствамъ долговъ, о томъ, довольны ли вообще крестьяне судомъ и не желаютъ ли измѣненій въ немъ и т. д.

Теперь, по возвращеніи коммиссіи въ Петербургъ, труды ея вѣроятно скоро будутъ опубликованы, но такъ какъ это произойдетъ уже тогда, когда коммиссія постановитъ свое окончательное заключеніе, то мы считаемъ нужнымъ коснуться этого вопроса уже теперь, по тѣмъ, довольно обстоятельнымъ свѣдѣніямъ о трудахъ и выводахъ коммиссіи, какія были помѣщены въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Недостатки, приписываемые волостнымъ судамъ общественнымъ мнѣніемъ лучше всего очертить указаніями одного изъ членовъ коммиссіи, который, передъ приступленіемъ къ опросу крестьянъ, сообщилъ имъ о главныхъ упрекахъ, которымъ подверглись волостные суды, не выставляя однако этихъ жалобъ достовѣрными, а поясняя, что теперь-то и требуется провѣрить, насколько онѣ справед-

ливы или несправедливы. Жалобы эти можно свесть въ такой очеркъ: волостные судьи дѣлаютъ то, что велитъ старшина или подскажетъ писарь, устраиваютъ мировыя сдѣлки съ той главной цѣлью, чтобы за нею устроить попойку, не понимаютъ ни правъ своихъ, ни обязанностей, часто не умѣютъ отличить гражданскаго иска отъ уголовнаго преслѣдованія, такъ что иногда, приговариваютъ гражданскаго истца къ розгамъ, подъ предлогомъ мѣстнаго обычая, судятъ просто по произволу, крестьяне идутъ въ судьи неохотно, такъ какъ судьямъ бо́льшею частью не даютъ жалованья, а идутъ самые малоспособные, и то только потому, что за ними состоитъ очередь въ отправленіи какой-нибудь натуральной повинности (отъ которыхъ судьи освобождаются), и наконецъ, что крестьяне въ иныхъ мѣстахъ тяготятся волостными судами, и сами судьи — своими обязанностями.

Въ общемъ результатѣ, какъ усматривается изъ свѣдѣній, сообщенныхъ названною газетой, большинство членовъ коммиссіи пришло къ убѣжденію, что волостные суды „далеко не такъ безобразны, какъ многіе увѣряютъ“. Въ сѣверной, промышленной полосѣ Россіи они лучше чѣмъ въ южной, черноземной, земледѣльческой. Въ сѣверной полосѣ, бо́льшему развитію грамотности соотвѣтствуетъ и болѣе сознательное отношеніе крестьянъ къ суду; въ судьи избираютъ преимущественно грамотныхъ и назначаютъ имъ нѣкоторое жалованье, и судъ вообще идетъ удовлетворительно, не находясь подъ безусловнымъ вліяніемъ старшинъ и писарей. Впрочемъ, волости доведенныя до крайности недоимками, продажею имущества, падежами и т. д. и здѣсь отличаются судомъ менѣе удовлетворительнымъ. Въ черноземной же, земледѣльческой полосѣ, „почти общая безграмотность народа обусловливаетъ и несостоятельность суда“, вліяніе писаря здѣсь замѣтнѣе. Что касается упрековъ во взяточничествѣ и пьянствѣ судей, то коммиссія убѣдилась въ томъ, что упреки эти крайне преувеличены. По убѣжденію коммиссіи, главные упреки, дѣлаемые волостному суду, въ дѣйствительности могутъ быть примѣнимы, но не къ суду волостному, а къ *сельскому сходу*, который хотя оффиціально судебной власти не имѣетъ, но на дѣлѣ, подъ видомъ склоненія къ миру, рѣшаетъ самые разнообразныя дѣла. Придя сама къ убѣжденію, что ходячее мнѣніе о безобразіи волостныхъ судовъ крайне преувеличено, коммиссія приняла въ соображеніе и то обстоятельство, что „громадное большинство опрошенныхъ ею крестьянъ высказалось въ пользу волостныхъ судовъ и противъ передачи ихъ дѣлъ мировымъ судьямъ“. Вслѣдствіе всего этого, коммиссія, по свѣдѣніямъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, пришла къ положительному убѣжденію, что имѣется достаточно причинъ къ сохраненію волостныхъ судовъ въ принципѣ.

Надо замѣтить, что, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, *такое же* громадное большинство опрошенныхъ крестьянъ высказалось и въ пользу сохраненія тѣлеснаго наказанія, считая его „единственнымъ дѣйствительнымъ и неразорительнымъ для крестьянскаго хозяйства средствомъ противъ пьянства, воровства и т. д.“ Поэтому нѣкоторые члены коммиссіи (неизвѣстно—меньшинство или большинство), пришли къ убѣжденію, что сохраненіе розогъ въ крестьянскомъ судѣ дѣйствительно необходимо. Съ своей стороны, редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ приходитъ къ выводу, что сохраненіе особаго крестьянскаго суда необходимо, какъ суда „обычнаго, скораго, близкаго и доступнаго народу“. Указывая на необходимость нѣкоторыхъ въ немъ преобразованій, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, на основаніи тѣхъ результатовъ, къ какимъ пришла коммиссія, вѣрятъ въ несостоятельность обвиненій, предъявленныхъ противъ волостныхъ судовъ, утверждаютъ, что учрежденіе это нельзя легкомысленно вычеркнуть изъ народной жизни, и что необходимо сохранить спеціально-крестьянскіе суды, суды по обычаю, „безъ которыхъ немыслимо сколько-нибудь удовлетворительное разрѣшеніе разныхъ столкновеній интересовъ, возникающихъ въ крестьянской средѣ“.

Во всемъ этомъ, очевидно, есть доля справедливости. Но соглашаясь, что не слѣдуетъ вычеркивать учрежденіе волостныхъ судовъ легкомысленно, нельзя не замѣтить, что и самый осмотръ ихъ, произведенный коммиссіею, былъ слишкомъ легокъ для того, чтобы на него можно было положиться, какъ на окончательное удостовѣреніе въ необходимости существованія спеціально-крестьянскихъ, волостныхъ судовъ. Корреспондентъ той же газеты, сообщившій ей свѣдѣнія о работахъ коммиссіи въ провинціи, самъ говоритъ, что для осмотра пришлось на губернію по недѣлѣ, на избранную волость по 2—3 часа. Самыя существенныя изъ тѣхъ данныхъ, какія могли быть собраны при такомъ обзорѣ, представляются собственно выписками рѣшеній, которыя, отдѣльно отъ самаго хода разбирательства, представятъ матеріалъ недостаточно осмысленный. Что касается самаго существеннаго вопроса, именно: каковы личныя качества судей, то этотъ вопросъ при бѣгломъ обзорѣ оставался совсѣмъ въ сторонѣ, хотя, правда, онъ былъ предлагаемъ крестьянамъ при опросѣ. Но насколько имѣютъ цѣны отвѣты на него крестьянъ, данные въ присутствіи самихъ судей и старшины лицамъ, которыхъ они считали за высшее начальство? Вѣдь и на инспекторскихъ смотрахъ спрашиваютъ солдатъ, довольны ли они, и отвѣтъ почти всегда бываетъ—одинъ. Отчасти это можно примѣнить и къ тому „плебисциту“, который былъ такимъ образомъ устроенъ для рѣшенія вопросовъ, слѣдуетъ ли вообще сохранить волостные суды и оставить ли въ силѣ тѣлесныя нака-

занія? Внезапный плебисцитъ конечно долженъ былъ высказаться за сохраненіе statu quo. Предполагая, что крестьяне недовольны волостнымъ судомъ, можно ли было ожидать, что они вдругъ, поодиночкѣ, выскажутся въ пользу отмѣны ихъ, не посовѣтовавшись между собой, неприготовленные къ отвѣту? Что же касается собственно вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ, то въ немъ народный голосъ едва ли и можно признать компетентнымъ. Спросите вы массу народа, какъ слѣдуетъ поступать съ непочтительными сыновьями, невѣрными женами, съ конокрадами, а пожалуй и съ несоблюдающими постовъ, и составьте уголовный кодексъ на основаніи народныхъ понятій!

Нашъ волостной судъ, какъ онъ опредѣленъ Положеніемъ 19-го февраля, составляетъ отступленіе отъ судебной системы, существующей какъ во всѣхъ образованныхъ государствахъ, сбросившихъ съ себя феодальные порядки, такъ и у насъ. Сословнаго суда нѣтъ и не должно быть въ принципѣ. Судомъ, который рѣшаетъ дѣла безъ всякаго кодекса и рѣшаетъ ихъ безапелляціонно, — какъ именно дѣйствуетъ волостной судъ, раціонально можетъ быть только судъ третейскій, спеціально избираемый сторонами для каждаго отдѣльнаго дѣла. Волостной судъ рѣшаетъ тяжбы между крестьянами цѣною до 100 рублей, а по уголовнымъ дѣламъ за маловажные проступки можетъ опредѣлять арестъ, работы, розги и денежный штрафъ. Судитъ онъ на основаніи того матеріальнаго права, неопредѣленнаго, никѣмъ незаписаннаго, сомнительнаго, которое разумѣется подъ словомъ *обычай*, словомъ, подъ которымъ иногда нѣтъ ничего, кромѣ произвола. Между тѣмъ, волостной судъ, не стѣсненный въ своихъ рѣшеніяхъ опредѣленіями закона, въ то же время поставленъ относительно своихъ рѣшеній внѣ надзора, такъ какъ за исключеніемъ повода къ кассаціи, представляющагося превышеніемъ власти или незаконностью самаго состава суда, рѣшенія волостного суда не подлежатъ апелляціи,— они окончательны.

Все это учрежденіе не соотвѣтствуетъ юридическимъ требованіямъ и есть у насъ не что иное, какъ остатокъ отъ патримоніальной юстиціи, отдѣльный сословный судъ для крестьянъ, основанный на той мысли, что крестьянское сословіе, еще недавно вышедшее изъ состоянія неволи, не „созрѣло“ до подсудности общимъ судебнымъ учрежденіямъ. Однимъ словомъ, въ принципѣ учрежденіе это вовсе не можетъ быть оправдано, и если можно приводить въ защиту этого суда что-либо, то только соображенія постороннія началамъ юридическимъ, практическія затрудненія, какія представила бы его отмѣна, постороннія соображенія въ пользу сохраненія его, во всякомъ случаѣ только *временно*,— такъ какъ учрежденіе нераціональное

въ самыхъ своихъ основахъ не можетъ быть признано окончательнымъ. Правда, защитники волостныхъ судовъ, не имѣя возможности держаться на почвѣ юридической теоріи, думаютъ, что и нѣкоторыми изъ посторонниихъ доводовъ можно доказать необходимость сохраненія волостныхъ судовъ по принципу. Въ видѣ такихъ доводовъ намъ указываютъ на общинное владѣніе, на круговую поруку и на обычай, въ смыслѣ особыхъ юридическихъ мѣстныхъ понятій. Но во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, защитники волостныхъ судовъ по принципу остаются передъ нами пока — die Beweise schuldig. Прежде, чѣмъ мы согласимся стать на ихъ точку, они должны доказать намъ, во-первыхъ, что совокупность общинныхъ условій, вмѣстѣ съ круговою порукой представляетъ такое различіе крестьянскаго сословія отъ другихъ, что при немъ необходимо допустить и особое устройство суда и непримѣнимость къ этому сословію общихъ законовъ. Большинство же споровъ и тяжбъ, а также всѣ уголовныя разбирательства, происходящія въ волостныхъ судахъ, никакого отношенія къ общинному землевладѣнію не имѣютъ. Правда, тамъ гдѣ волостной судъ обратился въ орудіе администраціи для взысканія недоимокъ посредствомъ „сѣкуцій“, съ цѣлью предохранить имущество богатыхъ общинниковъ отъ продажи за недоимки общинниковъ несостоятельныхъ, тамъ, дѣйствительно, такая функція волостного суда въ значительной мѣрѣ истекаетъ именно изъ круговой поруки. Но едва ли защитники волостного суда по принципу признаютъ такую его функцію нормальною, и захотятъ ссылаться на нее въ подкрѣпленіе раціональности волостного суда вообще. Между русскими гражданами по отношенію къ ихъ подсудности существуютъ и другія различія, не менѣе важныя, чѣмъ круговая порука въ крестьянскомъ быту. Нѣтъ сомнѣнія, что между условіями быта писателя, котораго привлекали въ судебную палату за какія-либо высказанныя имъ въ книгѣ мысли, и отставного солдата, котораго та же судебная палата судитъ за скопчество, разстояніе гораздо больше, чѣмъ между всѣмъ положеніемъ крестьянина, призываемаго за „безобразіе“ въ селѣ — въ судъ волостной, а за „безобразіе“ въ городѣ — въ судъ мировой. Во-вторыхъ, защитникамъ волостного суда по принципу предстоитъ доказать, что тотъ *обычай*, въ силу котораго они главнымъ образомъ отстаиваютъ необходимость спеціально-крестьянскаго суда, есть въ самомъ дѣлѣ нѣчто значительное, что у насъ въ самомъ дѣлѣ въ сознаніи народа живутъ опредѣленныя юридическія понятія, несогласныя съ писанными законами, но одинаково и постоянно примѣняемыя волостными судами ко всѣмъ отдѣльнымъ сходнымъ случаямъ. Между тѣмъ, сколько извѣстно, коммиссія убѣдилась только, что такихъ обычаевъ въ народѣ „въ сущности не особенно много“, и что,

напримѣръ, въ такой области, въ которой болѣе всего сказывается usus, именно въ области понятій о правахъ наслѣдства, коммиссія нашла въ видѣ общихъ правилъ только слѣдующія особенности: равное участіе въ наслѣдствѣ сыновей и братьевъ, исключеніе женщинъ и равноправность пріемышей съ сыновьями. Затѣмъ, какъ самое примѣненіе этихъ правилъ, такъ и всѣ остальные вопросы: о части удѣляемой каждому наслѣднику, объ участіи болѣе отдаленныхъ родственниковъ, о томъ, кто долженъ оставаться хозяиномъ въ домѣ—братъ или сынъ и который именно,—все это рѣшается внѣ всякаго опредѣленнаго правила и „каждый случай разрѣшается на основаніи чисто-практическихъ и индивидуальныхъ соображеній". Указывается еще на ту особенность, что въ крестьянскомъ судѣ допускается доказывать посредствомъ свидѣтелей уплату или неуплату долга и даже оспаривать свидѣтельскими показаніями росписку. Во всякомъ случаѣ, особливыхъ юридическихъ понятій, говорятъ намъ, коммиссія собрала не много и въ области гражданскаго права. Что касается особенныхъ уголовныхъ воззрѣній народа, то за исключеніемъ денежныхъ пеней за личныя оскорбленія, едва ли и можно предположить въ этомъ отношеніи въ народѣ какія-либо такія понятія, которыя бы заслуживали уваженія, а не истекали просто изъ неразвитости.

Пока же недоказано, что „обычай" существуетъ у насъ въ смыслѣ особой, но опредѣленной крестьянской „правды", не представляется никакого повода къ рѣшенію въ пользу волостныхъ судовъ *по принципу*. Судъ сословный, нераціональный, неимѣющій опредѣленныхъ юридическихъ основъ, безапелляціонный, въ большинствѣ безграмотный, можетъ ли быть защищаемъ по принципу на томъ только основаніи, что коммиссія, ознакомившаяся съ нимъ въ три мѣсяца, нашла его въ одной полосѣ менѣе безобразнымъ, чѣмъ „иные полагали", а въ другой довольно удовлетворительнымъ, но за многими исключеніями? И это при такомъ осмотрѣ, когда нельзя было и ознакомиться порядкомъ съ самой существенной стороной дѣла — съ личными свойствами судей, не было возможности даже присутствовать при самомъ разбирательствѣ? При такомъ положеніи дѣла, кажется, наибольшее, чего могутъ сколько-нибудь основательно требовать приверженцы волостного суда, можетъ заключаться именно въ томъ, чтобы отложить отмѣну этихъ судовъ до болѣе основательнаго изученія вопроса, однимъ словомъ, чтобы „не вычеркивать легкомысленно" этого учрежденія, по выраженію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Рѣшить же теперь вопросъ въ пользу сохраненія волостныхъ судовъ по принципу, въ смыслѣ учрежденія въ самомъ дѣлѣ необходимаго, — нѣтъ достаточныхъ основаній.

Наоборотъ, по принципу, въ настоящее время гораздо естественнѣе придти къ заключенію, что волостные суды слѣдовало бы отмѣнить, уравнивъ крестьянское сословіе относительно разбирательства маловажныхъ дѣлъ со всѣми прочими сословіями, то-есть подчинивъ его мировымъ судьямъ, которыхъ число въ такомъ случаѣ, конечно, должно быть значительно увеличено въ уѣздахъ. Но вѣдь и сами защитники волостного суда по принципу (напр. мировой судья Домашневъ и редакція „Спб. Вѣд.“, предлагающіе основанія для реформы этого учрежденія) останавливаются на необходимости опредѣлить закономъ minimum жалованье, которое должно быть назначаемо волостнымъ судьямъ. Какой бы minimum принятъ ни былъ, едва ли онъ можетъ составить менѣе 500 р. на волость. А въ такомъ случаѣ, на 3—4 волости можно бы содержать на тѣ же деньги мирового судью, такъ что и мировой судъ не будетъ слишкомъ далекъ отъ крестьянина. А что онъ будетъ лучше волостного, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Замѣною волостного суда мировымъ достигалась бы и отмѣна тѣлеснаго наказанія. Повторяемъ, мнѣніе крестьянъ относительно пользы розогъ никакъ не можетъ быть признано убѣдительнымъ, хотя бы это средство и расхваливали, считая „единственнымъ дѣйствительнымъ, притомъ неразорительнымъ“,—въ родѣ того, какъ Дулькамара хвалитъ свой эликсиръ. Крестьяне, отстаивающіе розгу, убѣждены, что и семья невозможна безъ кулачной расправы съ женою, что дѣтей, которыя едва ходятъ, слѣдуетъ сѣчь, что розга есть необходимая указка въ грамотѣ и всякой наукѣ. Законодательство должно стоять выше предразсудковъ, обусловленныхъ невѣжествомъ, и отмѣною тѣлесныхъ наказаній достигнется быть можетъ то, чего еще положительно недостаетъ нашему крестьянству: сознаніе человѣческаго достоинства. Но въ высшей степени желательно, чтобы законъ воспользовался этимъ поводомъ и для того, чтобы безусловно запретить мужьямъ бить женъ. Такое требованіе можетъ вызвать улыбку нѣкоторыхъ практическихъ читателей; въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же наблюсти за строгимъ исполненіемъ такого закона? Мы однако убѣждены, что самое провозглашеніе принципа чрезвычайно важно. Пусть злоупотребленіе совершается, если его нельзя устранить; но пусть совершающій его знаетъ, что онъ совершаетъ проступокъ, а не пользуется несомнѣннымъ правомъ. Пусть законъ, провозглашенію котораго и духовное вѣдомство могло бы оказать нѣкоторое содѣйствіе и поддержку, установитъ въ народѣ принципъ, что мужъ не имѣетъ одинаковаго права бить свою жену, какъ бить свою лошадь; что это „не велѣно“, „запрещено“. А то доселѣ онъ считаетъ не только безусловнымъ своимъ правомъ, но еще и обязанностью, даже какой-то добродѣ-

телью—„учить жену“, и совершаетъ это не въ тайнѣ, какъ проступокъ, но всенародно, потому что каждый прохожій, если только дѣло не доходитъ до увѣчья, непремѣнно скажетъ ему: „прибавь“.

Относительно отмѣны тѣлесныхъ наказаній есть нѣкоторыя весьма значительныя практическія затрудненія. Арестъ и штрафъ падаютъ не на одного виновнаго, но и на семью его; арестъ на одно время въ разныя поры года имѣетъ весьма различное значеніе; наконецъ, какой штрафъ брать съ того, у кого ничего нѣтъ? Но, склонные придавать всегда очень большое значеніе практическимъ условіямъ всякаго дѣла, мы все-таки полагаемъ пользу отъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній столь великою во всѣхъ отношеніяхъ, придаемъ ей именно и такое важное практическое значеніе, что намъ не хочется вѣрить въ невозможность осуществить ее закономъ во всѣхъ губерніяхъ, какъ она осуществилась сама собою въ Малороссіи. Судья будетъ при опредѣленіи наказанія соображаться и съ временемъ года, и съ состоятельностью подсудимаго. Для несостоятельныхъ же придется пожалуй удержать одинъ изъ видовъ наказаній, указанныхъ волостному суду—присужденіе къ общественнымъ работамъ, къ исправленію не въ очередь натуральной повинности.

Въ заключеніе, не можемъ не замѣтить, что если бы рѣшеніе вопроса было отложено за недостаткомъ данныхъ, и волостные суды оставлены еще на годъ, на два, то вмѣсто формальнаго обревизованія волостныхъ судовъ коммиссіею подъ предсѣдательствомъ члена высшаго суда въ имперіи, вѣрнѣе было бы поручить изученіе этого важнаго вопроса нѣсколькимъ отдѣльнымъ юристамъ, которые *пожили* бы въ деревняхъ разныхъ губерній съ годъ, присутствовали бы при самомъ судоговореніи въ волости, прислушались бы не къ оффиціальнымъ отвѣтамъ крестьянъ, а къ ихъ частному говору, составили бы себѣ полное понятіе именно о нравственной сторонѣ дѣла, записывали бы тѣ особые юридическіе обычаи, которые представляютъ важныя *и нужныя* отступленія отъ гражданскихъ законовъ, и потомъ представили бы свои труды не въ видѣ докладовъ, а въ видѣ живыхъ систематическихъ очерковъ. Тогда стала бы возможна и нѣкоторая кодификація нашего „обычнаго права“, если только оно въ самомъ дѣлѣ имѣетъ серьезное существованіе и значеніе; до сихъ же поръ даже и это неизвѣстно.

Въ прошломъ обозрѣніи мы говорили о Воспитательномъ Домѣ по поводу его юбилея, не имѣя еще подъ рукою отчета Дома за 1871-й годъ. Послѣ того были напечатаны какъ извлеченія изъ этого отчета, такъ и высочайше-утвержденное положеніе о сельскихъ школахъ, сельскихъ библіотекахъ, и учительской семинаріи, учрежденныхъ для

питомцевъ Дома. Такъ какъ свѣдѣнія эти интересны сами по себѣ и, кромѣ того, подтверждаютъ высказанныя нами предположенія, то мы позволяемъ себѣ на минуту возвратиться къ этому предмету.

Относительно положенія объ учебной части округовъ Дома ограничимся двумя-тремя дополненіями. Мы говорили, что въ послѣднее время учреждено для питомцевъ 73 сельскія школы; изъ положенія узнаемъ, что ихъ предполагается до 100, что въ нихъ сверхъ питомцевъ допускаются и дѣти крестьянъ, что курсъ въ нихъ продолжается не менѣе 4-хъ лѣтъ, если школа находится въ деревнѣ русской, и не менѣе 5-ти лѣтъ—въ деревнѣ чухонской или нѣмецкой колоніи. Въ учительской семинаріи полагается воспитанниковъ 65-ть; по окончаніи курса они обязаны прослужить учителями 6-ть лѣтъ, при чемъ получаютъ вознагражденіе замѣчательно-малое, именно по 20-ти рублей *въ зиму* и по рублю за каждаго удовлетворительно подготовленнаго ими изъ числа питомцевъ ученика, а сверхъ того по 30-ти рублей при началѣ каждаго годичнаго курса, на экипировку. Такое вознагражденіе нельзя не признать крайне недостаточнымъ, несмотря и на то, что учителямъ полагается готовая пища отъ хозяевъ домовъ, нанятыхъ подъ школы, и недостаточность эта столь очевидна, что о сбереженіяхъ изъ такой платы, казалось бы, не можетъ быть и рѣчи; а между тѣмъ, положеніе опредѣляетъ выдавать учителямъ на руки не болѣе половины денегъ (то-есть, 10 руб. въ зиму!) а остальную часть вносить на ихъ имя въ сберегательную кассу. Прекрасна выраженная въ положеніи мысль—изъ сельскихъ библіотекъ, учреждаемыхъ въ округахъ при лазаретахъ, выдавать книги безплатно не только питомцамъ, но и мѣстнымъ крестьянамъ.

Обращаясь къ отчету за 1871-й годъ, укажемъ на печальный фактъ эпидемическаго развитія въ Домѣ за послѣдніе годы рожи и на прискорбное объясненіе этого явленія за прошлый годъ тѣмъ, что при большомъ стеченіи публики для ревакцинаціи, необходимо было, по недостатку телячьей оспы, прибѣгнуть къ снятію оспы съ дѣтей, и это „усиленное раздраженіе кожи вызывало рожистое воспаленіе". Быть можетъ, была и иная причина, въ самомъ содержаніи младенцевъ, но если въ самомъ дѣлѣ дѣйствовала указанная причина, то это представляетъ злоупотребленіе, которое не должно быть ни въ какомъ случаѣ допускаемо. Число ревакцинацій за одинъ мартъ 1871 года собственно въ Воспитательномъ Домѣ было 8.835. О 3.737 случаяхъ ревакцинаціи имѣются свѣдѣнія относительно результата; такое большое число примѣровъ уже даетъ возможность для положительныхъ выводовъ. Результаты были слѣдующіе: успѣхъ ревакцинаціи посредствомъ телячьей оспы былъ 50%, а посредствомъ оспы снятой у дѣтей—52,2%. Такъ какъ цифры эти почти равны, то слѣдовало

бы, кажется, совершенно прекратить снятіе оспы съ дѣтей, если только вѣрно, что это ведетъ къ вредному возбужденію кожи. Относительно значительной смертности младенцевъ въ деревняхъ, зависящей отъ крайне-неблагопріятныхъ условій отправки и содержанія ихъ тамъ, предположенія наши подтверждаются цифрами отчета за 1871-й годъ. Взявъ размѣръ смертности питомцевъ въ 20% ихъ числа, и указавъ на тотъ фактъ, что у самихъ крестьянъ процентъ смертности дѣтей въ первомъ возрастѣ составляетъ до 40%, мы неправильно сравнили эти цифры, такъ какъ размѣръ смертности питомцевъ въ 20% представляетъ не то число ихъ, которое не переживаетъ перваго возраста, а то, которое умираетъ въ годъ. Изъ отчета за 1871-й годъ усматривается, впрочемъ, что въ этомъ году изъ почти 25-ти тысячъ питомцевъ умерло 3.878, что̀ составляетъ всего 15½%. Но, замѣчательно, что въ другомъ мѣстѣ того же отчета число умершихъ за годъ показано въ 5.455. Впрочемъ ни та, ни другая цифра не даетъ приблизительнаго понятія о существенномъ вопросѣ, именно о томъ, многія ли изъ дѣтей поступающихъ въ Воспитательный Домъ переживаютъ первые мѣсяцы. Въ отчетѣ показано, что изъ 7.868 дѣтей приноса 1870 и 1871 годовъ умерло въ теченіи 1871 года 3.448, что составляетъ 44%, но изъ этого числа умершихъ (3.448) умерло еще въ возрастѣ до 3-хъ мѣсяцевъ 1.443, то-есть 42% числа умершихъ. Смертность дѣтей до 2-хъ-лѣтняго возраста въ ямбургскомъ округѣ простиралась до 53½%. При такомъ процентѣ смертности (представляющемъ впрочемъ maximum) въ 4 года не должно бы оставаться въ живыхъ ни одного ребенка, но послѣ 2-хъ лѣтъ процентъ уже значительно понижается. Какъ бы то ни было, нѣтъ возможности отрицать, что смертность питомцевъ велика, и такъ какъ самъ отчетъ прямо относитъ ее къ „противогигіенической и крайне неопрятной обстановки жизни“ крестьянъ, что̀ впрочемъ недостаточно, такъ какъ самая перевозка дѣтей, перемѣна кормилицъ, и просто небреженіе въ деревняхъ къ питомцамъ должны имѣть большое значеніе — то все это подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе о необходимости прекратить раздачу грудныхъ дѣтей въ деревни. Новыя правила пріема пока еще не ощутительно увеличили приносъ дѣтей, какъ легко было предвидѣть. Замѣчателенъ слѣдующій фактъ: изъ 67-ми дѣтей, которыя по предложенію Дома были взяты изъ него матерями обратно для вскормленія до 6-ти недѣльнаго возраста, возвратились въ Домъ только 10. Всего поступило въ Домъ за 1871-й годъ 7.212 дѣтей, то-есть, значительно болѣе трети всѣхъ рождающихся въ Петербургѣ дѣтей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го ноября 1872 г.

Выборы во Франціи. — Письмо гр. Шамбора. — Письмо принца Наполеона. — Рѣчь Гамбетты. — Выселеніе изъ Эльзаса. — Открытіе прусскаго сейма. — Борьба съ клерикализмомъ. — Манифестъ германскихъ епископовъ. — Опредѣленіе константинопольскаго собора. — Паденіе Мидхата-паши. — Рѣчь Ботта объ Ирландіи. — Статья маркиза Сэльсбэри о партіи тори. — Испанскія дѣла. — Бунтъ въ Ферролѣ.

„Республика тревожитъ какъ интересы, такъ и совѣсть гражданъ. Республика можетъ быть только временнымъ положеніемъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ. Одна монархія можетъ дать истинную свободу и не имѣетъ нужды прозывать себя консервативною, чтобы не пугать порядочныхъ людей“... Такъ говоритъ легитимный король Франціи, Генрихъ V. Либеральная печать не отдала достаточной справедливости этой сатирической оговоркѣ претендента, которая весьма остроумна. Въ самомъ дѣлѣ „новѣйшіе“ приверженцы республики до такой степени настаиваютъ на ея консервативномъ свойствѣ, что какъ-будто рекомендуютъ на мѣсто исправившагося каторжника. „Монархія,—говоритъ Генрихъ V,—не имѣетъ нужды прозывать себя консервативною, чтобы не пугать „порядочныхъ людей“. Повторяемъ, это остроумно. Но можно бы возразить представителю монархіи, нѣкогда поголовно истреблявшей гугенотовъ, а послѣ перваго Наполеона производившей извѣстный „бѣлый терроръ“ на югѣ Франціи, что его монархія принуждена прозывать себя либеральною, чтобы не пугать порядочныхъ людей; претендентъ такъ и дѣлаетъ: прежде чѣмъ уколоть „консервативную республику“, онъ говоритъ о бурбонской монархіи, „которая одна можетъ дать истинную свободу“. Между тѣмъ, упроченіе республики во Франціи дѣлаетъ непрерывные, хотя конечно еще далеко нерѣшительные успѣхи. Само письмо графа Шамбора порука въ томъ. Оно явилось по случаю дополнительныхъ выборовъ

въ національное собраніе, направлено исключительно противъ республики и положительно запрещаетъ легитимистамъ подавать голоса за республику. Стало быть, самъ претендентъ сознаетъ и косвенно удостовѣряетъ, что упроченіе республики (или опасность со стороны республики, „удвоеніе усилій революціи ввесть страну въ соблазнъ и заблужденіе", какъ онъ это называетъ) въ настоящее время дѣлаетъ успѣхи. Такое удостовѣреніе со стороны претендента имѣетъ свою цѣну.

Но свидѣтельство въ этомъ смыслѣ представили въ прошломъ мѣсяцѣ и правительство Франціи, и само населеніе. Тьеръ рѣшился уже, въ засѣданіи постоянной коммиссіи національнаго собранія, сказать, обращаясь къ герцогу Ларошфукò-Биззачіа, такія рѣшительныя слова: „О претендентахъ говорятъ много... Что меня касается, я думаю, вамъ трудно будетъ доказать мнѣ, что въ этой странѣ можно упрочить какое-либо правленіе, кромѣ правленія республиканскаго". Такихъ рѣшительныхъ отзывовъ пока еще никто не слыхивалъ отъ Тьера. А страна воспользовалась 7-ю дополнительными выборами, происходившими 20-го октября для того, чтобы послать въ національное собраніе на одного легитимиста—шестерыхъ республиканцевъ. Имена всѣхъ ихъ не пользуются извѣстностью, кромѣ имени Кремьё, который былъ избранъ въ Алжиріи, послѣ того, какъ Викторъ Гюгò, въ виду его кандидатуры, взялъ свою назадъ, объявивъ, не безъ свойственнаго ему паѳоса, что изъ двухъ кандидатовъ: Кремьё и Гюгò, онъ самъ предпочитаетъ перваго. Два избранія заслуживаютъ особаго замѣчанія. Въ департаментѣ Эндры-и-Луары, республиканскій кандидатъ, никому неизвѣстный г. Ніошъ, одержалъ побѣду надъ всѣмъ извѣстнымъ, а въ той мѣстности имѣющимъ большое вліяніе сановникомъ второй имперіи, бывшимъ президентомъ законодательнаго корпуса, богатымъ мануфактуристомъ Шнейдеромъ. Несмотря на то, что бонапартизмъ въ лицѣ его являлся крайне скромно, даже безъ всякихъ professions de foi, а между тѣмъ окруженный весьма реальнымъ побочнымъ вліяніемъ мѣстнаго значенія Шнейдера-фабриканта, бонапартизмъ понесъ все-таки пораженіе. Въ другомъ мѣстѣ, въ департаментѣ Вогезовъ, настроеніе оказалось такое, что сами монархисты подавали голоса за республиканскаго кандидата Мужò, лишь бы только помѣшать избранію кандидата радикальнаго Мелина, который однако одержалъ побѣду. Вотъ это обстоятельство могло быть однимъ изъ поводовъ къ письму графа Шамбора, писанному на пятый день послѣ выборовъ.

Къ этому письму стóитъ возвратиться. Либеральныя газеты, въ своей борьбѣ противъ принциповъ, представляемыхъ претендентомъ, разумѣется, не отдаютъ справедливости личнымъ качествамъ графа

Шамбора: его добросовѣстности, стойкости и логичности. Даже такая благоразумная газета какъ „Temps“ не отказываетъ себѣ въ удовольствіи назвать Генриха V „церковнымъ швейцаромъ, который расчищаетъ дорогу для процессіи“. „Какое паденіе,—прибавляетъ „Temps“,—для этихъ Бурбоновъ, которые послѣ Генриха IV и Людовика XIV возвратились въ XIX-мъ столѣтіи къ Роберту Благочестивому!“ Но справедливость заставляетъ замѣтить, что заявленія французскаго претендента запечатлѣны благочестіемъ, болѣе чѣмъ рѣчи германскаго императора Вильгельма I-го и самые приказы его по арміи, и что собственно въ этомъ паденія никакого нѣтъ. Оба они видятъ въ монархіи религіозное учрежденіе; что одинъ изъ нихъ благодаритъ Бога за побѣды, а другой только молитъ Бога о торжествѣ своего дѣла, это не составляетъ разницу по сущности, а зависитъ просто отъ различія въ ихъ положеніи: одинъ—побѣдоносный императоръ, другой — скитающійся претендентъ. Замѣтимъ, что въ рѣчахъ и письмахъ самого Бисмарка, который уже никакъ не представитель „паденія“, въ томъ смыслѣ, какъ оно разумѣется въ выписанныхъ словахъ „Temps“, ссылки на божію волю и Промыслъ божій встрѣчаются не рѣже, чѣмъ въ письмахъ графа Шамбора. Претендентъ совершенно логиченъ въ своихъ дѣйствіяхъ, стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ, хотя не можетъ не знать, что уступки съ его стороны временно подкупили бы въ его пользу множество новыхъ приверженцевъ, а потому лично онъ имѣетъ полное право на уваженіе. „Мною не было сказано ни одного слова, не совершено ни одного дѣйствія, отъ которыхъ бы я желалъ отречься“, пишетъ онъ—и вотъ чего не могутъ сказать о себѣ, конечно, ни Тьеръ, ни большинство политическихъ людей современной Франціи. Взглядъ легитимнаго короля на республику вполнѣ естественъ съ его стороны: „провозглашеніе во Франціи республики,—пишетъ онъ г. де-ла-Рошетту,—всегда было и сдѣлалось бы вновь исходною точкой общественной анархіи, открыло бы доступъ всякой похоти, всякой утопіи, и вы не можете, ни подъ какимъ предлогомъ, принимать участія въ этомъ пагубномъ предпріятіи... Напрасно было бы проводить успокоительное различіе между той партіею насилія, которая обѣщаетъ миръ человѣчеству, объявляя войну Богу, и другой партіей, болѣе осторожной, лучше дисциплинированной, которая стремится путями косвенными къ цѣли той же самой... Сохранять иллюзію насчетъ возможности честной и умѣренной республики, послѣ кровавыхъ іюньскихъ дней 1848 года и звѣрскихъ дѣйствій второго террора, столь убійственныхъ, и тѣ и другія, для нашей славной арміи, не значило ли бы слишкомъ скоро забывать предостереженія Промысла и относиться къ указаніямъ опыта съ слишкомъ большимъ пренебреженіемъ? Въ глубинѣ души, Франція

страна католическая и монархическая... День торжества еще остается тайною Бога, но вы должны вѣрить въ призваніе Франціи. Европа нуждается въ ней, въ ней нуждается папство, и вотъ почему древняя христіанская нація не можетъ погибнуть". За исключеніемъ этой натяжки въ пользу папства, которою Генрихъ V слишкомъ проговорился безъ всякой нужды, все остальное совершенно согласно съ легитимной точкою отправленія и не могло быть сказано иначе ея представителемъ. Но безпристрастный читатель, отдавъ полную справедливость стойкости и логичности заявленій претендента, тѣмъ не менѣе по прочтеніи каждаго изъ нихъ, по мѣрѣ того, какъ они появляются, неизбѣжно приходитъ все къ большему убѣжденію, что возстановленіе такой монархіи въ современной Франціи просто невѣроятно; чѣмъ стойче, логичнѣе и пожалуй почтеннѣе является герцогъ Бордоскій, тѣмъ Генрихъ V становится невозможнѣе.

Если съ письмомъ герцога Бордоскаго сравнить письмо принца Наполеона-Жерома Бонапарта къ президенту національнаго собранія, то нельзя не признать, что, по содержанію своему, письмо принца Бонапарта несравненно современнѣе и раціональнѣе, чѣмъ письмо наслѣдника Бурбоновъ. Между тѣмъ, первое заслуживаетъ уваженія, а второго нельзя читать безъ отвращенія и даже негодованія, потому что въ первомъ выражается преданность фанатизму добросовѣстнаго фанатика, между тѣмъ какъ во второмъ соумышленникъ произвола взываетъ къ защитѣ закона, одинъ изъ эксплуататоровъ системы деспотизма ссылается на права свободы. Въ началѣ октября принцъ Наполеонъ, вмѣстѣ съ женою, преспокойно пріѣхалъ во Францію съ паспортомъ, выданнымъ ему французскимъ генеральнымъ консуломъ въ Женевѣ въ октябрѣ *прошлаго года*. Этому паспорту, выданному срокомъ на годъ, оставалось силы ровно еще на три дня, когда полиція явилась 12-го октября въ замокъ Миллмонъ, принадлежащій бонапартисту Морису Ришару, въ департаментѣ Сены-и-Оазы, и выпроводила принца за границу. Принцессѣ Клотильдѣ при этомъ предоставлялось остаться во Франціи, но и она, разумѣется, уѣхала. Отсюда протестъ принца въ письмѣ къ президенту національнаго собранія, жалоба его же къ генеральному прокурору при парижскомъ апелляціонномъ судѣ, и письма Руэ и Ришара въ постоянную коммиссію собранія. Всѣ эти жалобы и протесты сводятся къ двумъ пунктамъ: во-первыхъ, что принцъ пріѣхалъ съ законнымъ паспортомъ, а между тѣмъ подвергся аресту и высылкѣ; во-вторыхъ, что принцъ не осужденъ никакимъ закономъ на изгнаніе и пріѣзжалъ во Францію для воспитанія дѣтей, а не для чего-либо противозаконнаго, стало-быть, правительство не имѣло ни права, ни повода изгонять его.

Въ дѣйствительности дѣло было такъ: паспортъ былъ выданъ принцу въ прошломъ году, когда онъ ѣхалъ въ Корсику по избраніи своемъ въ члены департаментскаго совѣта; значитъ, не правительство выдачею этого паспорта устроило принцу ловушку (какъ онъ утверждаетъ въ письмѣ къ Греви), но самъ онъ сдѣлалъ натяжку, воспользовавшись неопредѣленностью выраженій паспорта для того, чтобы явиться близъ Парижа, потому только, что ему не отказанъ былъ въ прошломъ году пропускъ въ Корсику. Пріѣзжалъ принцъ нынѣ для участія въ бонапартистскихъ совѣщаніяхъ у Мориса Ришара, относительно участія или неучастія бонапартистовъ въ выборахъ 20-го октября: доказательствомъ тому служилъ съѣздъ бонапартистовъ у Ришара въ это время. Говорятъ, что, сверхъ того, цѣлью принца было примирить двѣ расходящіяся стороны въ бонапартистской партіи, изъ которыхъ одна, имѣя во главѣ бывшаго вице-императора Руэ, строго держится первоначальной системы второй имперіи, а другая, подъ предводительствомъ Ришара и Аделлона, признаетъ перемѣну, представителемъ которой былъ Олливье́, и намѣрена продолжать его дѣло. Въ дѣйствительности принцъ не осужденъ никакимъ закономъ на изгнаніе, но отъ правительства совершенно зависѣло бы арестовать каждаго члена семейства Бонапартовъ при первомъ его появленіи во Фра́нціи, для преданія суду по обвиненію въ ниспроверженіи законнаго порядка государственнымъ переворотомъ 2-го декабря, соучастіи въ злоупотребленіяхъ властью, послѣдовавшихъ за тѣмъ и продолжавшихся 19-ть лѣтъ и извлеченіи изъ нихъ матеріальныхъ для себя выгодъ.

Правда, правительство ничего этого не сдѣлало, а просто выслало принца полицейскимъ распоряженіемъ, то-есть поступило произвольно. Но если кому-либо естественно было безмолвно подчиниться такому произволу, то ужъ конечно одному изъ властителей того порядка, который возвелъ произволъ въ систему, который 19-ть лѣтъ управлялъ Франціею на основаніи системы административной ссылки и предварительнаго до суда заключенія въ тюрьму срокомъ на годъ (lois de sûreté générale). На кого жалуется принцъ Наполеонъ, *вѣжливо* приглашенный удалиться изъ Франціи? На министра того самаго Тьера, который 2-го декабря былъ схваченъ и свезенъ въ Мазасскую тюрьму, а 6-го вывезенъ жандармами на границу. Въ письмѣ къ генеральному прокурору, принцъ Наполеонъ „становится подъ защиту законовъ“ и приноситъ жалобу на нарушеніе ихъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Лефраномъ, на полицейскаго префекта Ренó и на начальника его канцеляріи Патинó, объявляя при этомъ, что по убѣжденію, котораго принцъ „всегда держался“,—„лучшее средство для обузданія злоупотребленія власти и насилій со стороны прави-

тельства есть обращеніе къ правосудію". Но на основаніи этого прекраснаго принципа, принцу слѣдовало давно явиться къ генеральному прокурору съ жалобой не на Патино́, а на самого себя, и съ обличеніемъ не Лефрана, а своего двоюроднаго брата, такъ какъ и Людовикъ-Наполеонъ и Жеромъ-Наполеонъ виновны въ безпримѣрныхъ злоупотребленіяхъ властью и насиліяхъ, и прежде чѣмъ обращаться къ правосудію должны *подлежать* ему. Письмо принца къ президенту собранія Греви въ заключеніи своемъ до такой степени цинично извращаетъ всякую правду, что его, повторяемъ, нельзя читать безъ отвращенія. „Въ дѣйствительности, — пишетъ онъ, — все мое преступленіе въ глазахъ правительства представляется именемъ Наполеона, которое я имѣю честь носить. Если бы я хотѣлъ отыскивать аргументы въ защиту принципа свободы личности, то нашелъ бы ихъ въ изобиліи въ рѣчахъ г. президента республики и всѣхъ его министровъ (въ бо́льшемъ изобиліи, навѣрное, чѣмъ въ дѣйствіяхъ наполеоновскаго правленія, замѣтимъ). Нынѣ, когда они держатъ въ рукахъ власть, они отрекаются отъ принципа уваженія къ правамъ, они присоединяются къ той радикальной политикѣ, которая примѣнялась турскимъ и бордоскимъ делегатомъ и въ недавно произнесенной имъ рѣчи была столь цинично развита имъ; собранію принадлежитъ рѣшить, намѣрено ли оно раздѣлять отвѣтственность въ такой политикѣ" Принцъ думаетъ расположить къ себѣ орлеанистовъ и легитимистовъ собранія, доносомъ на гренобльскую рѣчь Гамбетты! Какой малой надежды на успѣхъ достаточно для того, чтобы люди бонапартовскаго закала отбрасывали въ сторону всякое чувство нравственнаго достоинства! „Уѣзжаю — заключаетъ принцъ, — съ чувствомъ горечи, котораго не могу скрыть, и при томъ констатирую, что жена моя, которая свободно уѣзжала въ виду *мятежниковъ* 4-го сентября, нынѣ оставляетъ Францію, находясь въ сопровожденіи жандармовъ консервативной республики". По всей вѣроятности и „консервативная республика" дозволила бы принцессѣ Клотильдѣ свободно *уѣхать* изъ Франціи, какъ то дозволили ей „мятежники 4-го сентября"; надо думать такъ потому, что агенты консервативной республики прямо заявили принцессѣ Клотильдѣ, что она даже можетъ свободно *оставаться* во Франціи, если желаетъ.

Отъ заявленій легитимизма и бонапартизма мы должны перейти къ заявленіямъ со стороны клерикализма и радикализма, а именно упомянуть о пресловутыхъ пилигримствахъ въ Лурдъ и о гренобльской рѣчи Гамбетты. О томъ и другомъ достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ къ выходу въ печати нашей статьи факты эти уже устарѣютъ, имъ будетъ болѣе мѣсяца, а это составляетъ почти политическую давность въ томъ калейдоскопическомъ

движеніи, какимъ отличается французская жизнь. Графа Шамбора основательно упрекаютъ въ томъ, что онъ держится теоріи собственной непогрѣшимости и выказываетъ безусловную нетерпимость ко всему, что́ не осѣняется бѣлымъ знаменемъ. Но легитимному претенденту такая исключительность извинительнѣе, чѣмъ кому-либо: непогрѣшимость и нетерпимость составляютъ всю суть тѣхъ политическихъ принциповъ, во имя которыхъ онъ не предлагаетъ себя кандидатомъ, но требуетъ себѣ короны. Но когда мы видимъ, что подобный духъ нетерпимости выражается толпою мнимыхъ либераловъ, которая сопровождаетъ свистками поѣзды богомольцевъ, а въ Нантѣ затѣваетъ даже драки съ ними, вслѣдствіе чего само правительство принуждено было наконецъ воспретить отправленіе процессіи богомольцевъ спеціальными поѣздами; когда мы видимъ, что тотъ же духъ исключительности и вѣры въ собственную непогрѣшимость побуждаетъ Гамбетту проповѣдывать въ Гренобле, что единственное спасеніе Франціи заключается не столько въ республикѣ даже, сколько въ какой-то „истинной республикѣ“, что „какъ республику нельзя себѣ представить безъ Франціи, такъ невозможно оторвать отъ республики Францію, не подвергая ее страшнымъ опасностямъ“, и что притворные или холодные приверженцы республики хуже враговъ ея; что всѣхъ этихъ блѣдныхъ республиканцевъ слѣдуетъ устранять во чтобы то ни стало отъ дѣла законодательства и управленія, — то приходится сказать, что въ сущности во Франціи всѣ партіи доселѣ не что иное, какъ *легитимистскія партіи*, только съ разными знаменами. Непогрѣшимость, „единоспасаемость“, вѣра въ какія-то безусловныя, абстрактныя, апріорическія права,—вотъ свойства большинства французскихъ либераловъ, точно также какъ и монархистовъ. Какое смѣшеніе понятій должно преобладать въ той странѣ, гдѣ кто-либо можетъ считать либеральнымъ дѣломъ освистывать или бить людей за то, что они ѣдутъ молиться Богу или поклоняться чуду? Это не только не раціонально, а просто забавно. Точно также и то убѣжденіе въ какихъ-то предвѣчныхъ правахъ республики, которое побудило Гамбетту внезапно отбросить въ сторону всякую сдержанность, всякое благоразуміе, которыми онъ въ теченіи года старался пріобрѣсть себѣ авторитетъ мудраго практическаго политика,—то убѣжденіе, говоримъ, которое собственно есть не убѣжденіе, а фанатизмъ, неспособный дѣйствовать иначе какъ взрывами— много ли оно раціональнѣе самого легитимизма и многимъ ли оно въ дѣйствительности отличается отъ послѣдняго?

Этою выходкой Гамбетта, который, какъ извѣстно, постоянно поддерживалъ правительство Тьера, создалъ ему новое затрудненіе. Гренобльская рѣчь произвела взрывъ негодованія въ средѣ тѣхъ по-

глубѣжденныхъ республиканцевъ, которые въ дѣйствительности составляютъ нынѣшнюю правительственную партію и которыхъ бывшій диктаторъ такъ безцеремонно отлучилъ отъ республиканской церкви, совершенно на подобіе того, какъ папа отлучаетъ либеральныхъ католиковъ, а константинопольскій синодъ болгарскихъ іерарховъ. Въ постоянной коммиссіи собранія Тьеръ поспѣшилъ высказать полное осужденіе рѣчи Гамбетты, но воспользовался этимъ же случаемъ, чтобы сдѣлать съ своей стороны то заявленіе въ пользу республики, о которомъ сказано выше, то-есть заявить убѣжденіе не въ предвѣчной законности, конечно, но въ *неизбѣжности* республики.

Новѣйшее сообщеніе газеты Тьера «Bien public» оправдываетъ всѣ ходившіе доселѣ слухи объ учредительныхъ планахъ президента. По словамъ «Bien public», національному собранію, по возобновленіи сессій, будутъ представлены слѣдующія предложенія: окончательно провозгласить во Франціи республику, опредѣлить срокъ президентской власти Тьера на четыре или пять лѣтъ, предоставивъ ему право быть избраннымъ вновь по истеченіи этого срока, учредить должность вице-президента республики, учредить вторую палату и обсудить новый избирательный законъ, въ которомъ поголовная подача голосовъ ограничивается въ томъ смыслѣ, что для пользованія избирательнымъ правомъ опредѣлялся бы возрастъ не менѣе 25-ти лѣтъ. Мы уже говорили о каждомъ изъ этихъ предположеній въ отдѣльности, когда о нихъ появлялись слухи. Учрежденіе второй палаты и ограниченіе избирательнаго права нельзя признать раціональными въ странѣ, которая прошла чрезъ столько революцій; созданіе особой палаты, которая имѣла бы очевидно спеціальнымъ назначеніемъ представлять „консервативные элементы“, то-есть, выражаясь просто — достаточные классы общества, только усиливало бы вражду между сословіями, которая есть одно изъ главныхъ золъ во Франціи. Устраненіе отъ правильной политической дѣятельности какого-либо класса избирателей не можетъ предупредить революціи, такъ какъ революціи производятся не выборами, а посредствомъ силы, которой никого нельзя лишить опредѣленіями закона. Впрочемъ, надо замѣтить, что возвышеніе minimum'а лѣтъ, требующагося отъ избирателей, есть еще наименьшее отступленіе отъ принципа всенароднаго голосованія, какое могло быть предпринято. По первоначальнымъ слухамъ, Тьеру приписывали намѣренія оставить избирательное право только главамъ семействъ, хозяевамъ, однимъ словомъ, ввесть нѣчто подобное принципу household suffrage, введенному въ англійскій избирательный законъ 1867-го года. Что касается второй, то-есть верхней палаты, то она можетъ принесть пользу, но только какъ учрежденіе временное; оно можетъ дать правильный выходъ изъ нынѣшняго труднаго

положенія въ виду собранія неимѣющаго срока и нежелающаго разойтись. Избранная на половину этимъ собраніемъ, на половину же генеральными совѣтами департаментовъ, верхняя палата легко можетъ оказаться болѣе современной, чѣмъ собраніе, избранное весною прошлаго года; а такъ какъ верхней палатѣ предполагается предоставить право утверждать предложеніе правительства о распущеніи собранія, то это и дало бы желаемый исходъ, открыло бы возможность созвать наконецъ учредительное собраніе. Всѣ учредительныя предложенія будутъ внесены въ собраніе съ просьбою объявить ихъ нетерпящими отлагательства, то-есть разсмотрѣть ихъ безъ очереди. О нихъ будетъ упомянуто уже въ посланіи, которое будетъ обращено президентомъ республики къ собранію тотчасъ по открытіи его засѣданій.

Перваго октября состоялось окончательное разграниченіе французской и германской народностей въ Эльзасѣ-Лотарингіи. На основаніи франкфуртскаго трактата жителямъ этихъ провинцій предоставлялось право только въ такомъ случаѣ сохранить французскую народность, если они выѣдутъ изъ своего отечества во Францію, съ тѣмъ, что всѣ уроженцы завоеванныхъ или возсоединенныхъ провинцій, которые по 1-е октября 1872 года останутся въ предѣлахъ этихъ областей, тѣмъ самымъ сдѣлаются германскими гражданами. Съ приближеніемъ срока, выселеніе изъ Эльзаса и Лотарингіи приняло значительные размѣры. Изъ полутора-милліоннаго населенія этихъ областей, по оффиціальнымъ нѣмецкимъ извѣстіямъ, желаніе воспользоваться правомъ выселенія во Францію заявили 164.633 лица, но въ дѣйствительности выѣхали къ сроку только 38.800 лицъ, по крайней мѣрѣ по *приблизительному* исчисленію германскихъ властей. „Кёльнская газета“ замѣчаетъ по этому поводу, что выселилось въ дѣйствительности только $2^1/_2$ процента всего населенія Эльзаса и Лотарингіи. Не входя въ гаданія насчетъ цифры выселеній, какъ оно выразится окончательно и насколько оно превзойдетъ 39-ть тысячъ душъ, нельзя не признать и нынѣшнюю оффиціальную цифру краснорѣчивымъ протестомъ противъ насильственнаго захвата населеній, протестомъ болѣе краснорѣчивымъ, чѣмъ всякіе плебисциты. Легко сказать: $2^1/_2\%$ всего населенія страны *выселились*, то-есть оставили свою родину, бросили свои занятія, пустились отыскивать въ иной странѣ новой дѣятельности и новыхъ средствъ къ жизни! Легко ли было бросить родину для того только, чтобы сохранить свою національность, да наконецъ, надо было все-таки имѣть хоть возможность на что-нибудь разсчитывать во Франціи для того, чтобы это сдѣлать. Огромное большинство, разумѣется, не могло и поду-

А воля правительства въ настоящемъ случаѣ выражена съ достаточной ясностью, какъ то было видно уже изъ статьи оффиціозной „Провинціальной Корреспонденціи", сообщавшей, что правительство „рѣшилось употребить всѣ силы и воспользоваться всѣми согласными съ конституціею средствами для осуществленія окружной реформы". Этого однако оказалось недостаточно, чтобы оппозиція верхней палаты преклонилась предъ волею. Но и правительство въ Пруссіи, въ свою очередь, еще такъ мало свыклось съ мыслью о возможности серьезной оппозиціи, — мысли, безъ которой парламентское правленіе невозможно,—что при всякомъ противодѣйствіи спѣшитъ сдѣлать изъ преодолѣнія его вопросъ о достоинствѣ короны. „Провинціальная Корреспонденція", заявивъ волю правительства, тотчасъ прибавляетъ, что „теперь рѣчь идетъ уже не объ одномъ законѣ окружнаго устройства, но о развитіи или застоѣ законодательства вообще и еще о значеніи и могуществѣ *короны* и *правительства*". Въ новой сессіи, въ присутствіи князя Бисмарка, законъ вѣроятно все-таки пройдетъ въ верхней палатѣ.

Имперское правительство въ настоящее время подготовляетъ нѣкоторые проекты мѣръ противъ ультрамонтанства съ одной стороны, и противъ „интернаціональнаго общества" съ другой. Въ связи съ засѣданіями германскихъ и австрійскихъ уполномоченныхъ по этому послѣднему вопросу, находится поѣздка извѣстнаго реакціонера тайнаго совѣтника Вагенера въ Варцинъ, къ князю Бисмарку, который пріѣдетъ въ Берлинъ только въ декабрѣ. Замѣтимъ еще, что Вагенеру предназначается важное административное мѣсто, съ которымъ связанъ личный докладъ императору-королю, но что такого доклада Вагенеру предоставлено не будетъ, а собственно для доклада будетъ назначенъ особый совѣтникъ. Объясняется это просто: Вагенеръ былъ хотя и совершенно-реакціонерный журналистъ, но все-таки онъ былъ журналистомъ. Что касается ультрамонтанства, то мѣры, какія будутъ предприняты противъ германскихъ католическихъ епископовъ, еще неизвѣстны, но достовѣрно, что мѣры предприняты будутъ и притомъ законодательнаго свойства. Борьба германской имперіи съ католицизмомъ въ настоящее время вступила въ фазисъ открытой войны. Епископъ Эрмландскій, который отказался подчиниться протесту правительства противъ объявленныхъ отлученій отъ церкви, лишенъ содержанія. Эта Temporalien-Sperre вызвала одобреніе всей нѣмецкой печати, за исключеніемъ спеціально-католической. Но борьба теперь уже вышла изъ предѣловъ частнаго, личнаго вопроса. Германскіе католическіе епископы собрались на конференцію въ Фульдѣ, „у гробницы св. Бонифація", и обнародовали затѣмъ записку, подписанную всѣми членами конференціи: тремя архіепис-

копами и 19-ю епископами, а также уполномоченнымъ епископа Эрмландскаго и еще двумя другими епископами, неприсутствовавшими на конференціи, стало быть всего 25-ю прелатами. Замѣчательно, что въ числѣ ихъ не было ни одного изъ Познани, и причина ясна: католическіе епископы Германіи хотѣли сохранить за своимъ рѣшеніемъ и объявленіемъ характеръ манифеста именно *германскаго* епископата; чтобы устранить подозрѣніе въ какой-либо особой причинѣ своихъ жалобъ, они не пригласили на конференцію какъ епископовъ польскихъ, такъ и доктора Кременца, епископа Эрмландскаго, который хотя нѣмецъ, но уже имѣетъ личный поводъ къ жалобамъ.

Что̀ сказать о такомъ документѣ, въ которомъ заявлены всѣ воззрѣнія, притязанія и жалобы германскаго католицизма, который ничѣмъ не отличается отъ католицизма вообще? Въ запискѣ германскихъ епископовъ есть одно мѣсто, которое облегчаетъ печати искренно-либеральной отнестись къ этому заявленію съ достаточнымъ безпристрастіемъ. Это то мѣсто, въ которомъ говорится о „новѣйшей философіи", отрицающей всякое сверхъестественное происхожденіе государства, видящей въ немъ только воплощеніе человѣческаго разума, стремящейся вслѣдствіе того сбросить со всѣхъ сферъ общественной жизни, и науки и школы, съ законодательства и съ самаго искусства, тѣ сверхъестественныя клерикальныя путы, которыя въ продолженіи многихъ вѣковъ мѣшали государству исполнять его естественное назначеніе, то-есть заботу единственно объ улучшеніи быта общества и всего человѣчества. Епископы сознаютъ, что со стороны этой „новѣйшей философіи, которая дѣйствительно составляетъ исходную точку всякаго либерализма, католицизму нельзя ждать пощады; католицизмъ по самой крѣпости своей есть врагъ, съ которымъ всякая либеральная партія должна бороться до конца".

Опредѣливъ такимъ образомъ то положеніе, которое ей откровенно отво̀дятъ сами іерархи католицизма, либеральная печать можетъ затѣмъ сказать только, что германскіе епископы весьма ясно, логично, на языкѣ умѣренномъ и даже изящномъ изложили именно тѣ общія притязанія католицизма, противъ которыхъ либералы должны возставать и бороться. Въ то же время мы готовы согласиться и съ той частью демонстраціи епископовъ, въ которой доказывается, что положеніе германскихъ правительствъ и германской имперіи относительно католической церкви совсѣмъ иное, чѣмъ положеніе либеральныхъ мыслителей; что признаніе всемогущества государства по отношенію къ церковнымъ установленіямъ въ государствѣ существующимъ не истекаетъ изъ положительнаго германскаго права; что признавъ самостоятельность католической церкви, какъ международ-

ными трактатами, такъ и конституціями отдѣльныхъ государствъ, изъ которыхъ наиболѣе ясно выражается въ этомъ смыслѣ именно прусская же конституція 1850-го года, германскія правительства не имѣютъ права вмѣшиваться во внутреннія церковныя распоряженія и порядки католицизма; что всего менѣе они компентентны разбирать, какіе догматы въ католичествѣ провозглашены правильно и какіе нѣтъ, какіе согласны съ духомъ католической церкви и какіе несогласны; что оспаривать у католическихъ епископовъ право отлучать католиковъ отъ общенія съ церковью, значитъ оспаривать у этой церкви право рѣшать вопросы и сомнѣнія о томъ, кто принадлежитъ къ ней и кто къ ней не принадлежитъ; что заставлять католическихъ епископовъ, чтобы они разрѣшали священнодѣйствіе своимъ священникамъ въ тѣхъ же церквахъ, которыя правительствами или городами отведены для служенія отлученныхъ отъ церкви, значитъ вмѣшиваться даже въ мелочныя распоряженія епископовъ и совершенно нарушать самостоятельность церкви; однимъ словомъ, и это уже замѣтимъ сами—что весь образъ дѣйствій германскаго правительства, направленныхъ прямо къ отрицанію въ католичествѣ безусловнаго іерархическаго послушанія, къ поколебанію въ немъ дисциплины — есть явное и несомнѣнное нападеніе на католицизмъ, который въ христіанствѣ и есть не что иное, какъ именно безусловное послушаніе и дисциплина. Ни одного изъ положеній только что приведенныхъ оспаривать серьёзнымъ образомъ нѣтъ возможности, и протестантская печать, а также либеральная католическая въ Германіи, оспариваютъ эти положенія пустыми „подходами“, а не по сущности. Такъ, когда епископы ссылаются на обязательность положеній вестфальскаго трактата для германскихъ правительствъ, на это возражаютъ, что папа при заключеніи этого трактата не признавалъ его; когда епископы говорятъ о правѣ отлученія, печать доказываетъ, что правительство преслѣдуетъ не отлученія присланныя письменно, а только отлученія всенародно объявленныя, и тѣмъ оправдываетъ преслѣдованіе доктора Кременца. Въ полицейскомъ смыслѣ, конечно, тутъ есть то различіе, какое существуетъ между негласною и гласною обидой. Но вѣдь это различіе и самая обида ровно ничего не значатъ въ такомъ дѣлѣ, которое есть вопросъ о сложеніи сана, о запрещеніи совершать священнодѣйствіе, объ изверженіи изъ церкви, однимъ словомъ, о наказаніи, которое всегда неразлучно съ обидой, и противъ котораго духовный возставать не можетъ, будь оно гласно или негласно.

Для оцѣнки другой стороны фульдской записки, той, которая касается „духа“ дѣйствій имперскаго правительства противъ католицизма, мы не имѣемъ столь ясныхъ данныхъ, какъ для оцѣнки юри-

дическихъ ихъ отношеній. Но мы склонны думать, что здѣсь епископы излагаютъ дѣло пристрастно. Они увѣряютъ, что уже война 1866 года „выставлялась“ (кѣмъ—не сказано, но очевидно) въ протестантскихъ странахъ какъ походъ противъ католицизма; что и война 1870 года, въ которой нѣмцы-католики шли вмѣстѣ съ нѣмцами-протестантами, получила то же толкованіе; что имперія отождествляетъ себя съ протестантизмомъ и идетъ прямо къ стѣсненію, а затѣмъ и къ уничтоженію католицизма, который выставляется какъ reichsfeindlich, reichsgefährlich, состоящій въ заговорѣ въ одно время и съ французами, и съ поляками, и съ соціалистами и т. д. Едва ли имперское правительство дѣйствовало и намѣрено впредь дѣйствовать въ такомъ духѣ. Но, замѣтимъ въ заключеніе, притязанія, предъявляемыя католицизмомъ вообще къ государству, столь эластичны и всегда непомѣрны, что никакое государство доселѣ не могло уживаться съ католицизмомъ иначе, какъ совершенно покоряясь ему. Католицизмъ, конечно, былъ доволенъ правленіемъ Филиппа II испанскаго, Людовика XIV французскаго и Сигизмунда III польскаго; въ новѣйшія времена онъ былъ доволенъ австрійскимъ правительствомъ во времена Баха, когда, по силѣ конкордата, католическая цензура могла запрещать даже свѣтскія книги. Но вѣдь это—примѣры полнаго *подчиненія* государства католической церкви; одной же самостоятельностью въ церковныхъ дѣлахъ католичество никогда довольно не было; германскіе епископы нынѣ торжественно объявляютъ, что они требуютъ не болѣе какъ свободы исповѣданія и независимости церкви отъ вмѣшательства свѣтской власти. Но развѣ католическая церковь довольна правительствами итальянскимъ, испанскимъ, нынѣшнимъ австрійскимъ, правительствами католическими, которыя не думаютъ вмѣшиваться въ церковныя распоряженія? Нѣтъ, и изъ тѣхъ принциповъ, которые заявляютъ нынѣ епископы собственно для защиты церкви, прямо истекаютъ не только ея самостоятельность, но и притязанія ея на господство, а затѣмъ и на преслѣдованіе иновѣрцевъ. Стало быть католицизмъ долженъ винить прежде всѣхъ самого себя въ томъ, что германское правительство, видя невозможность во всякомъ случаѣ удовлетворить вѣчно возростающія, по мѣрѣ уступчивости свѣтской власти, притязанія католичества, нашло удобнымъ объявить ему войну на его собственной территоріи, то-есть въ самой церковной же сферѣ.

Любопытно, что въ то самое время, какъ западные католическіе епископы отстаиваютъ право отлученія отъ церкви, какъ нѣкую весьма драгоцѣнную имъ привилегію, восточные патріархи, митрополиты и епископы, собравшіеся въ Константинополѣ, отлучаютъ отъ

церкви болгарскую іерархію и всѣхъ, кто вступитъ въ какое-либо съ нею общеніе. Провозглашеніе болгарской церкви, за ея стремленіе къ національной самостоятельности, схизмою, подлежащею отлученію отъ православія, состоялось, несмотря на старанія нашего посла и на нежеланіе единственнаго нерасположеннаго къ этой мѣрѣ патріарха, именно іерусалимскаго. Декретъ объ отлученіи и здѣсь начинается напоминаніемъ объ установленной непреложной дисциплинѣ, а именно словами Ап. Павла, которыми повелѣвается пастырямъ блюсти за собою и за паствою, надъ которой поставилъ ихъ Духъ Святый. Двѣ статьи, изъ которыхъ состоитъ декретъ, заключаются въ слѣдующемъ: Ст. 1. „Мы порицаемъ, осуждаемъ и объявляемъ противною евангельскому ученію и святымъ канонамъ св. отцовъ мысль *филетизма*, то-есть различій въ Христовой церкви по расамъ, а также и національные въ нѣдрахъ ея раздоры". Ст. 2. „Приверженцевъ филетизма, которые дерзнули учредить на такомъ началѣ незаконныя, никакимъ примѣромъ неоправданныя церковныя собранія (то-есть самостоятельныя учрежденія православной церкви въ Болгаріи), мы объявляемъ чуждыми единой святой, каѳолической и апостольской церкви и пребывающими въ расколѣ. Поэтому объявляются раскольниками (схизматиками) и чуждыми православной церкви тѣ зловредные люди, которые по собственному побужденію рѣшились отъ нея отпасть, а именно: Иларіонъ, бывшій епископъ макаріопольскій; Панаретъ, бывшій митрополитъ филиппопольскій; Иларіонъ, бывшій епископъ сострійскій; Анѳимъ, бывшій митрополитъ виддинскій; Дороѳей, бывшій митрополитъ сорійскій; Парѳеній, бывшій митрополитъ ниссавскій, Геннадій, бывшій митрополитъ веллисскій, и которые всѣ сперва низложены и отлучены отъ церкви, а равнымъ съ ними образомъ посвященые ими архіепископы, священники и діаконы, также и всѣ, кто съ ними состоитъ въ общеніи, дѣйствуетъ съ ними въ согласіи, и всѣ, кто признаетъ законными и каноническими ихъ несвятыя благословенія священнодѣйствія, кто бы таковые ни были, духовные или свѣтскіе". За этимъ слѣдуетъ молитва о возсоединеніи церквей.

Опредѣленіе это было составлено вселенскимъ патріархомъ и тремя бывшими патріархами, а также патріархами александрійскимъ, антіохійскимъ, и 26-ю митрополитами и епископами. Нѣтъ сомнѣнія, что осужденіе „филетизма" константинопольскимъ соборомъ совершенно правильно въ томъ смыслѣ, что особность національсти не даетъ безусловно права на особность въ церкви, которая по своему характеру есть вселенская. Но мы видимъ, что сама вселенская церковь согласилась на учрежденіе автокефальныхъ національныхъ церквей въ Россіи, Греціи, Сербіи. Почему она не

согласилась на то же въ Болгаріи? Въ церковномъ смыслѣ нѣтъ сомнѣнія, что патріархъ могъ законно отказать и безъ всякой причины, но тѣмъ не менѣе болгарскіе епископы, подвергнутые нынѣ отлученію, котораго мы не можемъ отрицать силу, могутъ утѣшать себя тѣмъ, что они навсегда освободили свой народъ отъ умственнаго гнета и матеріальной эксплуатаціи грековъ. Іерусалимскій патріархъ на обратномъ пути къ своему престолу подвергся оскорбленіямъ со стороны грековъ и долженъ былъ обратиться къ защитѣ властей.

Опредѣленіе константинопольскаго собора или синода состоялось еще при визирствѣ Мидхата-паши, который вскорѣ послѣ того палъ.

Въ октябрьскомъ обозрѣніи, говоря о министерствѣ Мидхата-паши, котораго назначенію приписывался смыслъ враждебный Россіи, мы напомнили о непрочности министерскихъ комбинацій въ Константинополѣ. Махмудъ слылъ другомъ Россіи; Мидхатъ слыветъ ея недоброжелателемъ; но чье-нибудь вліяніе должно преобладать въ данное время въ Портѣ, и если западное вліяніе восторжествовало въ лицѣ Мидхата, то оно скоро можетъ опять смѣниться восточнымъ, которое выразилось бы въ визирствѣ Эссада-паши—вотъ въ сущности, что было сказано нами въ октябрѣ. Въ настоящее время намъ уже приходится занести въ хронику фактъ паденія Мидхата и возвышеніе Эссада. Эссадъ, впрочемъ, назначенъ не великимъ визиремъ, а сераскиромъ, т.-е. военнымъ министромъ — Эссадъ-паша — человѣкъ, котораго силу можно считать довольно прочною, такъ какъ онъ именно и есть авторъ проекта объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія въ пользу Юсуфа-Иззедина, старшаго сына султана. Въ то время, какъ „вихрь опалы“ сметаетъ другихъ слугъ султана по малѣйшему поводу, а чаще всего въ случаѣ неумѣнья внезапно найти какую-нибудь большую сумму денегъ, потребовавшуюся падишаху, значеніе Эссада-паши, очевидно, представляетъ исключительную гарантію устойчивости. За проектъ о введеніи наслѣдованія въ нисходящей прямой линіи, Эссадъ держится какъ за якорь, и до тѣхъ поръ пока это дѣло остается еще въ видѣ задушевной мысли султана, Эссадъ-паша, навѣрное, останется „ближнимъ пашею“ несмотря на всякія побочныя невзгоды. Въ томъ фактѣ, что такой человѣкъ держитъ сторону Россіи, нельзя не замѣтить доказательства бо́льшей ловкости восточной дипломаціи въ Константинополѣ передъ западною. Великимъ визиремъ вмѣсто Мидхата назначенъ Мехемедъ-Рушди-паша; по слухамъ однако, это визирь только переходный и назначенный для того только, чтобы вмѣсто Мидхата, смѣнившаго Махмуда, нашего пріятеля, не назначить прямо самого

Махмуда снова визиремъ. Во всякомъ случаѣ, паденіе Мидхата и назначеніе Эссада сераскиромъ означаютъ новую побѣду восточной дипломаціи надъ западною и свидѣтельствуютъ о непрочности вліянія англо-австрійскаго, котораго органомъ сталъ было въ послѣднее время вице-король египетскій, давшій непосредственный толчокъ паденію Махмуда-паши. Итакъ, человѣку, котораго только-что торжественно судили въ диванѣ, требуя у него отвѣта, по какому праву онъ подарилъ значительную сумму банкирамъ, устроившимъ послѣдній заемъ, предстоитъ снова въ будущемъ визирство. Стало быть, какъ мы уже замѣтили въ прошлый разъ, опальнаго министра и подвергли суду собственно только потому, что онъ былъ въ опалѣ. Мидхатъ, въ короткое свое визирство, вѣроятно не успѣлъ еще дать никакого повода за который можно бы ухватиться, чтобы предать его суду. Но въ короткое это время онъ успѣлъ навлечь на себя гнѣвъ султана опять-таки изъ-за денегъ. Султану потребовалась большая сумма, а Мидхатъ рѣшился довесть до свѣдѣнія, что дворъ передъ государственнымъ бюджетомъ уже и безъ того въ долгу на 16-ть мѣсяцевъ впередъ, и это было причиной паденія Мидхата; такъ по крайней мѣрѣ объясняетъ дѣло корреспондентъ въ „Allgemeine Zeitung“. Невозможнаго тутъ ничего нѣтъ, и къ сожалѣнію такой фактъ слишкомъ подходитъ къ мѣстнымъ правительственнымъ нравамъ, чтобы его можно было прямо назвать невѣроятнымъ. Но, намъ кажется, вопросъ о томъ, кто изъ турецкихъ государственныхъ людей стоитъ выше въ нравственномъ отношеніи, вѣрнѣе оставить открытымъ, а изъ представителей двухъ вліяній: восточнаго и западнаго, предпочитать первыхъ, хотя бы просто потому, что подъ вліяніемъ Россіи Порта всегда будетъ податливѣе на жалобы турецкихъ христіанъ, чѣмъ подъ вліяніемъ Англіи и Австріи. Что касается нравственной компетентности самихъ корреспондентовъ въ „Allgemeine Zeitung“, то да позволено будетъ указать въ видѣ образчика, что недавно петербургскій корреспондентъ той же газеты, въ письмѣ, которое редакція помѣстила на первой страницѣ, въ видѣ передовой статьи, рѣшился утверждать, что за издателями новой французской газеты, предпринятой въ Петербургѣ, „La Néva“—стоитъ никто другой, какъ самъ Тьеръ. Такой слухъ о газетѣ еще и несуществующей сочиняется корреспондентомъ съ очевидной цѣлью помѣшать, посредствомъ доноса, самому осуществленію изданія. Вообще мы уже нѣсколько разъ имѣли случай представлять примѣры чисто „кагальнаго“ образа дѣйствій нѣмецкихъ корреспондентовъ, которые считаютъ себѣ дозволеннымъ самыя неблаговидныя средства для осуществленія какихъ-то мелкихъ нѣмецкихъ интересовъ за-границею или удовлетворенія національныхъ антипатій. Надо надѣяться, что упомянутое намѣреніе корреспон-

дента аугсбургской газеты у насъ будетъ оцѣнено по достоинству, и не достигнетъ своей цѣли; было бы слишкомъ странно, еслибы въ корреспондентахъ иностранныхъ газетъ, петербургская печать получила какихъ-то новыхъ, непризванныхъ цензоровъ. Въ заключеніе извѣстій по поводу министерскаго кризиса въ Турціи прибавимъ, что новый министръ иностранныхъ дѣлъ Халиль-Шерифъ-паша женится на дочери брата египетскаго вице-короля. Этотъ братъ, Мустафа-Фазиль, устраненъ отъ наслѣдія египетскаго престола, такъ какъ законъ о наслѣдствѣ въ нисходящей линіи, который въ Турціи еще остается проектомъ, въ Египтѣ уже введенъ. Такимъ образомъ, Мустафа-Фазиль считается естественнымъ врагомъ вице-короля, а такъ какъ западныя сочувствія послѣдняго были доказаны исторіею паденія Махмуда, то сближеніе новаго министра иностранныхъ дѣлъ съ Фазилемъ составляетъ еще одинъ признакъ враждебности новаго кабинета западнымъ вліяніямъ.

Въ Англіи политическія вакаціи продолжаются долѣе, чѣмъ гдѣ-либо на континентѣ. Пока не соберется парламентъ, въ политической жизни Великобританіи господствуетъ совершенный штиль. Внѣ парламентской борьбы политическая жизнь Великобританіи почти не проявляется и такъ-называемыхъ incidents здѣсь бываетъ очень мало и значеніе придается имъ не особенное. Если сравнить эти англійскіе нравы съ нравами Франціи, гдѣ вниманіе общества главнымъ образомъ сосредоточено на правительствѣ и на отношенія къ нему разныхъ партій, даже внѣ парламента, то придется пожалуй признать, что Англія и теперь болѣе похожа на республику, чѣмъ Франція, несмотря на то, что въ Англіи вовсе нѣтъ такой партіи, которая серьезно порывалась бы сорвать съ британскаго знамени леопарда и единорога или хотя бы лишить ихъ той короны, подъ которою они издавна красуются. Переговоры съ Франціею о заключеніи новаго торговаго трактата, назначеніе сэра Роундели-Пальмера лордомъ-канцлеромъ, настроеніе Ирландіи, война Египта съ княземъ тигрійскимъ или королемъ эѳіопскимъ и наши новыя пріобрѣтенія въ Средней Азіи—вотъ главные предметы занимавшіе въ послѣднее время англійскую печать. Торговые переговоры съ Франціею привели уже къ заключенію новаго трактата, а настроеніе Ирландіи высказалось недавно въ смыслѣ не совсѣмъ утѣшительномъ для Гладстона, которому страна эта обязана двумя весьма важными реформами—въ области церкви и условіяхъ пользованія землею. Извѣстный ирландскій адвокатъ Боттъ (Butt) въ рѣчи къ своимъ избирателямъ въ Лимерикѣ высказалъ мнѣнія, которыхъ нельзя оставить безъ вниманія. По отзыву Ботта, Гладстона не должно считать искреннимъ доброжела-

телемъ Ирландіи; его отношенія къ Ирландіи заключаются въ томъ, чтобы сохранить въ своемъ распоряженіи ирландскихъ членовъ палаты общинъ; для этого онъ оказываетъ несущественныя услуги Ирландіи, но весьма существенныя услуги тѣмъ ирландскимъ членамъ, которыхъ склоняетъ на свою сторону. Боттъ увѣряетъ, что гораздо скорѣе можно признать друзьями Ирландіи троихъ англійскихъ государственныхъ людей, которые уже убѣдились, что Ирландіи необходима законодательная и административная самостоятельность, однимъ словомъ—Home-rule. Двоихъ изъ этихъ государственныхъ людей, которые, по его словамъ, уже обратились къ такому убѣжденію, Боттъ назвалъ: это — графъ Россель и лордъ Робертъ Монтэгю; третьяго же онъ назвать не рѣшился, а только сказалъ, что это весьма высоко стоящій человѣкъ. Не хотѣлъ ли ирландскій патріотъ намекнуть здѣсь на принца Уэльскаго? Очень можетъ быть, потому именно, что Боттъ выразилъ полнѣйшую увѣренность въ осуществленіи современемъ отдѣльнаго ирландскаго парламента. Меньшею уступкой Ирландія, по словамъ Ботта, никогда не удовольствуется, а этой именно уступки она и должна требовать и въ состояніи даже скоро вытребовать ея. Отдѣльный парламентъ необходимъ Ирландіи потому, что англійскіе законодатели и до сихъ поръ, по увѣренію Ботта, отказываютъ Ирландіи въ справедливости не только въ общихъ интересахъ, какъ, напр., въ интересѣ ненарушимости принципа личной свободы, но и въ разныхъ отдѣльныхъ, даже неполитическихъ вопросахъ, отказываютъ рыбнымъ ловлямъ и желѣзнымъ дорогамъ Ирландіи въ той поддержкѣ со стороны общей государственной казны, какою пользуются тѣ же предпріятія въ Великобританіи и т. п. Въ Бельфастѣ въ настоящее время, по словамъ Ботта, пріѣзжій не можетъ остаться ночевать, если не имѣетъ на то полицейскаго удостовѣренія (вспомнимъ, что въ Бельфастѣ недавно была свалка, которая продолжалась цѣлую недѣлю). Выразивъ свое убѣжденіе, что Ирландія имѣетъ всѣ основанія для того, чтобы требовать себѣ отдѣльнаго парламента, Боттъ прибавилъ, что Ирландія имѣетъ также и возможность сама добиться этого: стóитъ только избрать въ англійскій парламентъ сплошную группу человѣкъ въ 80-тъ такихъ депутатовъ, которые не пошли бы ни на какія соглашенія внѣ Home-rule, а всегда и во всѣхъ случаяхъ вотировали бы противъ всякаго министерства, то-есть подавали бы голоса и противъ бюджета и противъ общественныхъ работъ, и противъ всякой мѣры, внесенной правительствомъ. Тогда, по мнѣнію Ботта, сами англійскіе виги и тори постарались бы избавиться отъ ирландскихъ депутатовъ, отведя имъ мѣсто законодателей въ собственной ихъ странѣ.

По поводу виговъ и тори недавно появилась въ „Quarterly Review“ замѣчательная статья, приписываемая нынѣшнему вдохновителю партіи тори и истинному вождю ея въ верхней палатѣ—маркизу Сэльсбэри (Salisbury), о которомъ мы уже упоминали не разъ. Статья эта представляетъ первое логическое опредѣленіе программы партіи тори, какъ она должна бы быть въ теоріи. Программа тори, по словамъ лорда Сэльсбэри, должна заключаться въ томъ, что никакой программы въ смыслѣ постепеннаго измѣненія коренныхъ основъ политическаго устройства Великобританіи у тори *не должно быть*. Въ томъ-то именно и заключается программа истинныхъ тори, чтобы такихъ измѣненій не допускать, отрицать самую потребность въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключалась органическая слабость партіи тори съ того времени, какъ сами вожди ея, начиная съ Веллингтона и Пиля и до покойнаго лорда Дэрби стали вырывать изъ рукъ либераловъ конституціонныя реформы и осуществлять ихъ сами? Въ томъ, что съ тѣхъ поръ тори утратили всякую теорію, утратили принципъ свой, и противники ихъ основательно упрекали ихъ въ томъ, что у тори вовсе нѣтъ знамени; что партія эта, ниспровергая по временамъ либераловъ, сама осуществляетъ ихъ законодательные проекты; что, стало быть, между либералами и консерваторами все различіе состоитъ только въ вопросѣ, наступила ли уже пора для такого или такого отдѣльнаго шага къ демократизаціи государства, или же наступитъ только чрезъ нѣкоторое время, такъ что либералы имѣли полное право утверждать, что тори своего принципа не имѣютъ, а просто представляютъ партію личную, которая, пока находится въ оппозиціи, упрямится противъ коренныхъ видоизмѣненій политическихъ основъ, а какъ только дѣлается правительствомъ—сама осуществляетъ такія видоизмѣненія. Знаменитыхъ вождей тори: герцога Веллингтона, сэра Роберта Пиля и покойнаго графа Дэрби, благородный маркизъ выставляетъ просто ренегатами: они сами осуществили и уравненіе католиковъ, и отмѣну хлѣбной пошлины, и вторую избирательную реформу; они и никто другой, по словамъ Сэльсбэри, убили, нравственно уничтожили партію тори, которая если слѣдуетъ ихъ программѣ, то вовсе не имѣетъ права существовать какъ партія, потому что партія не можетъ существовать нравственно на различіи въ своемъ взглядѣ на своевременность той или другой уступки; различіе по принципу можетъ быть только во взглядѣ на самую сущность уступокъ, а не на степень своевременности каждой изъ нихъ.

Лордъ Сэльсбэри въ критическомъ взглядѣ на торійскихъ вождей о Бенджаминѣ Дизраэли не упоминаетъ. Но если отсутствіе твердыхъ убѣжденій и гибкость въ усвоеніи программы противниковъ

(качества приписываемыя авторомъ послѣднимъ вождямъ его партіи), едва ли соотвѣтствуютъ исторической фигурѣ „желѣзнаго герцога", которому народъ выбилъ однажды окна въ Эпсли-гоузѣ, напротивъ нынѣшней его статуи, то нѣтъ сомнѣнія, что качества эти представляютъ совершенно вѣрную характеристику нынѣшняго вождя тори, то-есть именно Дизраэли. Лордъ Сэльсбэри желаетъ возстановить истинный, твердый торійскій принципъ и опредѣляетъ его вѣрно: противодѣйствіе всякимъ органическимъ реформамъ! Но опредѣленіе это, вѣрное въ теоріи, безплодно для практики. Такъ какъ несомнѣнно, что никакія органическія или неорганическія условія въ странѣ не могутъ быть вѣчны, неподвижны, то партіи тори придется для безусловнаго исполненія мысли маркиза если не участвовать въ осуществленіи органическихъ реформъ, то все-таки признавать тѣ реформы, которыя будутъ произведены либералами. Иначе тори обратились бы въ реакціонеровъ. Если же они, не участвуя въ осуществленіи реформъ, будутъ все-таки признавать реформы по мѣрѣ того, какъ ихъ произведутъ либералы, то значитъ тори будутъ вступать въ управленіе только въ краткіе промежутки между реформами и какъ бы только для того, чтобы освятить ихъ своимъ признаніемъ — роль весьма незавидная для политической партіи, роль въ теоріи чисто-отрицательная, а на практикѣ — чисто-пассивная. Безплодность такой роли, впрочемъ, уясняется уже достаточно самой статьею Сэльсбэри, когда онъ громитъ Гладстона за его „революціонерную политику", выразившуюся въ отмѣнѣ англиканскаго Establishment въ Ирландіи, въ измѣненіи тамъ поземельныхъ законовъ и въ новомъ законѣ о народномъ образованіи въ Англіи и Шотландіи. Авторъ предсказываетъ, что Гладстонъ на этомъ пути идетъ къ вѣрной гибели, которой впрочемъ, по мнѣнію маркиза, вполнѣ достойна такая политическая посредственность, какъ Гладстонъ. Но осуждая эти мѣры, Сэльсбэри вѣдь не предлагаетъ же взять ихъ назадъ, стало быть признаетъ совершившіеся факты. И въ будущемъ, что же предлагаетъ онъ для примиренія Ирландіи? Ничего; онъ говоритъ, что никакихъ уступокъ ей дѣлать не слѣдуетъ, и вотъ для подкрѣпленія такой „чисто-торійской" мысли, онъ принужденъ былъ повторять всѣ общія мѣста о томъ, что ирландецъ тѣмъ болѣе будетъ бунтовать, чѣмъ болѣе ему будутъ дѣлать уступокъ, словомъ, усвоитъ себѣ такія пошлости, отъ которыхъ отказались въ наше время уже и „посредственности". Если бы такія вещи говорилъ какой-нибудь Stock-Junker изъ прусской палаты господъ, то это объяснялось бы просто тѣми воззрѣніями, среди которыхъ такой человѣкъ выросъ. Но у маркиза Сэльсбэри такіе выводы являются не изъ аристократическихъ предразсудковъ. Онъ самъ ихъ презираетъ, онъ самъ —

работникъ, онъ, женившись по любви противъ воли отца, долгіе годы кормился съ женою работою въ газетахъ. Къ несообразнымъ выводамъ онъ приходитъ, если можно такъ выразиться — отъ избытка теоріи. Въ теоріи совершенно вѣрно, что консервативный принципъ состоитъ въ противодѣйствіи радикальнымъ, органическимъ реформамъ, а либеральный принципъ въ стремленіи къ ихъ осуществленію. Но затѣмъ дѣйствительная, реальная политическая жизнь страны идетъ по средней линіи, результирующей изъ одновременнаго дѣйствія этихъ двухъ силъ. Стало быть, каждая политическая партія, если хочетъ быть партіею дѣйствія, а не школою мыслителей только, должна вступать въ практическія соглашенія съ тѣмъ моментомъ общественныхъ стремленій, который представляетъ одну изъ точекъ линіи живого прогресса. Практическая дѣятельность Веллингтона, Пиля, Дэрби и Дизраэли и представляла не что иное какъ уклоненіе отъ безусловной теоріи подъ давленіемъ общественныхъ нуждъ и стремленій.

Въ послѣдніе мѣсяцы Испанія пользовалась нѣкоторымъ политическимъ затишьемъ. Карлистское возстаніе въ сѣверныхъ провинціяхъ рѣшительно уже низошло на степень мелкихъ насилій и грабежей. Сориллья подготовилъ проектъ бюджета и проектъ опредѣленія ежегоднаго набора цифрою 40 тысячъ чел., съ тѣмъ, чтобы тотчасъ за рѣшеніемъ этого послѣдняго вопроса основать на этой цифрѣ проектъ о преобразованіи испанской арміи, для приданія ей характера народнаго и устраненія отъ нея характера кондотьерскаго, которымъ она, на бѣду странѣ, сильно заразилась. Сориллья, повидимому, держится довольно крѣпко не только въ кортесахъ, гдѣ выборы дали радикаламъ достаточное большинство, но и при дворѣ короля, хотя разсказываютъ, что королева относится къ нему неблагосклонно. Надо замѣтить, что Сориллья, при всей своей сравнительной сдержанности, все-таки, повидимому, не совсѣмъ успѣваетъ преодолѣть излишній пылъ кастильянскаго темперамента. Такъ, мы узнаемъ, что онъ допускаетъ въ кортесахъ предложеніе о преданіи суду своего предшественника Сагасты. Такъ, недавно онъ потребовалъ увольненіе одной изъ придворныхъ дамъ королевы, подъ предлогомъ клерикальныхъ интригъ этой дамы, и такимъ образомъ вторгся въ область рѣшительно неподлежащую конституціонному министру, а потому и испыталъ неуспѣхъ.

Кортесы начали свою сессію благополучно, и въ отвѣтъ на тронную рѣчь приняли проектъ адреса, составленный радикальною партіей, то-есть проектъ благопріятный министерству Сорилльи. Однимъ словомъ, все обстояло мирно, и испанцы предавались удовольствію со-

зерцать блестящій парламентскій турниръ, въ которомъ приняли участіе вождь оппозиціи, признающій короля Амедея, уніонистъ Улльоа и министръ иностранныхъ дѣлъ. Небольшія смятенія представились только двумя случаями: въ одинъ прекрасный день, въ Мадридѣ всѣ торговцы и рестораторы заперли свои двери и завѣсили окна въ видѣ протеста противъ новаго городского налога, положеннаго именно на окна и двери. Къ вечеру однако, успокоенные обѣщаніемъ алькада, что онъ возбудитъ въ ратушѣ вопросъ объ отмѣнѣ налога, торговцы отперли двери и освѣтили окна.

Но и изъ яснаго неба бываетъ ударъ молніи: молнія упала на знаменитый Эскуріалъ и произвела въ немъ пожаръ, который впрочемъ не произвелъ большого опустошенія. Но эта молнія была какъ бы предвѣстницей другого, столь же неожиданнаго удара: министры сообщили кортесамъ, что въ галисійскомъ укрѣпленномъ портѣ Ферролѣ, надъ цитаделью, спущено знамя Испаніи и поднято красное знамя, знамя революціи. Цвѣтъ знамени свидѣтельствовалъ, что возстаніе затѣяно было не монархистами. Но оно было до такой степени неожиданно, что отъ него отреклись всѣ политическія партіи, и прежде всѣхъ именно республиканцы. Когда республиканская печать осудила феррольскій мятежъ, стали говорить, разумѣется, что онъ — продѣлка альфонсистовъ. Но и альфонсисты въ свою очередь протестовали, утверждая, что хотя они вѣрны своему принципу, но желаютъ осуществленія его не иначе какъ законными путями. Какими законными путями возможно замѣнить одну династію другою, этотъ вопросъ оставимъ въ сторонѣ, и удовольствуемся объясненіемъ, что не будучи приготовлены къ революціи и сами альфонсисты не рѣшились воспользоваться феррольскимъ мятежомъ. Что касается республиканцевъ, то ихъ несолидарность съ этой попыткой очевидна: Галисія сильно проникнута республиканскимъ духомъ, который впрочемъ силенъ въ большихъ городахъ всей Испаніи. Между тѣмъ, рѣшительно никто не откликнулся сочувственно на феррольскую вспышку, и она осталась совершенно изолированною. Что же это было такое въ дѣйствительности? Это была просто новая иллюстрація того духа кондотьеризма, которымъ заражена въ Испаніи военная каста.

Зачинщикамъ бунта въ Ферролѣ былъ полковникъ Позасъ, одинъ изъ тѣхъ военныхъ авантюристовъ, какими Испанія изобилуетъ. Позасъ началъ свою военную карьеру въ 1836-мъ году въ карлистскихъ шайкахъ, въ 1848-мъ году служилъ подъ начальствомъ Кабреры, но тогда же просто продалъ свой отрядъ генералу Кончѣ за деньги, причемъ застрѣлилъ своего помощника, который не хотѣлъ сдаваться войскамъ правительства. Затѣмъ Позасъ служилъ уже противъ своихъ прежнихъ товарищей, карлистовъ, и нѣсколько разъ выходилъ

въ отставку и снова поступалъ на службу, пока въ 1869-мъ году не принялъ наконецъ участія въ возстаніи „красныхъ“ въ Таррагонѣ. Военный судъ приговорилъ его къ смерти, но Позасъ находился въ бѣгствѣ и воспользовавшись впослѣдствіи амнистіею, снова поступилъ на службу. Въ томъ же родѣ и пособники Позаса въ ферольскомъ бунтѣ: отставные—кавалерійскій капитанъ Вего, морской капитанъ Монтехо и морской коммиссаръ Барнода. Безъ всякаго сношенія съ какой-либо политической партіей эти люди взялись „подать сигналъ къ возстанію“ и увлекли съ собой нѣсколько сотъ матросовъ и рабочихъ ферольской верфи. Гарнизонъ крѣпости состоялъ всего изъ 200 человѣкъ, которыхъ мятежники частью захватили, частью заперли въ разныхъ пунктахъ. Но несмотря на „поданный сигналъ“, окрестности Ферроля и никакая мѣстность въ Испаніи не возстали, а генералъ-капитанъ Галисіи Брега сталъ стягивать къ Ферролю войска и призвалъ въ бухту нѣсколько панцырныхъ судовъ для блокады. Впрочемъ, стягиваніе войска генераломъ Брегою продолжалось около недѣли, и все это время держался ничтожный, но весьма характеристическій для нравовъ Испаніи военный бунтъ. Когда войска, наконецъ, подошли, инсургенты пустились бѣжать, но около 500-тъ человѣкъ изъ нихъ было захвачено на улицахъ и въ арсеналѣ. Брега за этотъ „подвигъ“ произведенъ въ генералъ-лейтенанты; но такія обстоятельства, что въ ферольской крѣпости было всего 200-ти человѣкъ гарнизона, а составъ и расположеніе окрестныхъ войскъ были таковы, что потребовалась цѣлая недѣля на прекращеніе вздорнаго бунта, по всей вѣроятности послужатъ военному министру Кордовѣ новымъ аргументомъ передъ палатами для доказательства необходимости военнаго преобразованія. Основы этого преобразованія генераломъ Кордовою уже начертаны; онѣ представляютъ главныя черты прусскаго военнаго устройства: каждый испанецъ обязывается службою отъ 20-ти до 27-ми-лѣтняго возраста, а именно три года въ дѣйствующихъ частяхъ, два въ первомъ и два во второмъ резервѣ, со введеніемъ также и права поступленія на службу волонтеромъ на свой счетъ на одинъ годъ, для лицъ окончившихъ курсъ средняго образованія; въ томъ же проектѣ Кордовы предполагается заведеніе полковыхъ школъ съ обязательствомъ для каждаго солдата въ теченіи 3-хъ лѣтъ службы непремѣнно выучиться грамотѣ, а если въ этотъ срокъ онъ не обучится ей, то обязанъ будетъ служить лишнихъ полгода. Проектъ этотъ будетъ представленъ на утвержденіе кортесовъ, какъ только они одобрятъ первый проектъ, относящійся къ преобразованію, а именно опредѣленіе годичнаго контингента набора цифрою 40-ка тысячъ человѣкъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

24 (12) октября, 1872.

Шансы республики на упроченіе.

„Все идетъ такъ хорошо, что становится страшно!“ сказалъ недавно Тьеръ одному изъ своихъ друзей, припомнивъ быть можетъ исторію Поликрата Самосскаго. И дѣйствительно, все идетъ у насъ очень хорошо въ настоящую минуту, хотя по внѣшности дѣло блистательнѣе, чѣмъ въ сущности. Необыкновенная жатва, какой не видывали уже двадцать или двадцать пять лѣтъ, подоспѣла весьма кстати, чтобы помочь намъ выдержать принятыя обязательства и устроить дѣла республики. При существующихъ обстоятельствахъ и въ странѣ, гдѣ населеніе не отвыкло еще считать правительство отвѣтственнымъ за неурожай,—это очень важно. Произведенія земли обильны, но не падаютъ въ цѣнѣ, такъ что крестьянамъ остается только радоваться. Югъ въ особенности можетъ похвалиться изобиліемъ и богатствомъ своихъ произведеній,—на что̀ сѣверъ, гораздо сильнѣе пострадавшій отъ войны, взираетъ не безъ зависти. Въ нѣкоторыхъ винодѣльческихъ департаментахъ, какъ мнѣ извѣстно, такъ, напр., въ Гарѣ-и-Геро́, сборъ винограда въ нынѣшнемъ году принесетъ 30% дохода и даже больше. Люди, которымъ выпало на долю такое благополучіе, всегда бываютъ довольны существующимъ порядкомъ. Итакъ, тѣ, которые вѣрятъ въ прямое вмѣшательство Провидѣнія въ земныя дѣла, имѣютъ всѣ основанія благодарить его какъ съ точки зрѣнія общественнаго благосостоянія, такъ и съ точки зрѣнія общественнаго порядка.

Республика естественно выигрываетъ отъ такого хорошаго положенія дѣлъ, равно какъ и отъ безурядицы, проявляющейся все рѣзче и рѣзче въ монархическихъ партіяхъ—я говорю про приверженцевъ легитимной и конституціонной монархіи. Имперію же я продолжаю считать особой статьей: она будетъ грозить постоянной бѣдою для демократіи, которая, будучи призванной къ дѣламъ, не съумѣетъ управлять собой. Поэтому имперія сохранитъ свои шансы до тѣхъ поръ, пока республика не пуститъ болѣе глубокихъ корней и не получитъ прочной организаціи. Но въ легитимномъ и орлеанскомъ лагеряхъ разстройство полное и пока непоправимое. Вслѣдствіе обманутаго честолюбія, вслѣдствіе злобы противъ Тьера и ненависти къ республикѣ нѣкоторыя группы этихъ двухъ партій снизошли до такого дѣла, которое въ прошломъ году показалось бы имъ чудовищнымъ; я говорю про союзъ съ бонапартистами. Съ сожалѣніемъ

и удивленіемъ долженъ упомянуть, что вліяніе герцога Омальскаго, повидимому, не чуждо этому движенію, которому дополнительные выборы, только-что происходившіе, придали характеристичныя черты. Въ Жиронд'Ѣ одинъ изъ бывшихъ министровъ имперіи, Форкадъ-ла-Рокеттъ, выступилъ кандидатомъ съ поддержкой извѣстной части легитимистовъ и орлеанистовъ, между тѣмъ какъ другая фракція этой послѣдней партіи, которая слѣдуетъ, повидимому, внушеніямъ графа Парижскаго, воздержалась отъ этого. Другой бонапартистъ точно также выступилъ въ департаментѣ Уазы, въ которомъ герцогъ Омальскій пользуется большимъ вліяніемъ; но изслѣдовавъ почву, онъ понялъ, что борьба противъ республиканскаго кандидата немыслима, и отступился до выборовъ! Въ Жиронд'Ѣ Форкадъ потерпѣлъ пораженіе, потому что коалиція далеко не завербовала всѣхъ кого слѣдуетъ. Къ несчастію радикальный кандидатъ, побѣдившій его, — ничтожнѣйшая личность, которая не окажетъ большого содѣйствія правительству Тьера. Другой бонапартистскій кандидатъ, Шнейдеръ, сынъ бывшаго президента законодательнаго корпуса, былъ побитъ весьма незначительнымъ большинствомъ въ департаментѣ Луары. Но вообще послѣдніе выборы были хороши и даже очень хороши, и хотя дѣло шло лишь о замѣщеніи семи вакантныхъ мѣстъ въ собраніи, они тѣмъ не менѣе не лишены значенія, потому что въ силу нашей избирательной системы, выборы одного депутата приводятъ въ такое же движеніе всѣхъ избирателей департамента, какъ и выборы нѣсколькихъ. Слѣдовательно, тутъ выразилась всеобщая подача семи департаментовъ, и за исключеніемъ одного, морбиганскаго, который входитъ въ составъ Бретани и гдѣ легитимное вліяніе осталось первенствующимъ, она вездѣ высказалась за республику. Не менѣе утѣшительно и то, что выборъ ея остановился не исключительно лишь на радикальныхъ кандидатахъ. Одной изъ опасныхъ сторонъ всеобщей подачи голосовъ является то, что она всегда склонна бросаться въ крайности. Отъ этой опасности она съумѣла уберечься на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ или двухъ департаментахъ, гдѣ вполнѣ благоразумные кандидаты одержали верхъ надъ крайними и сумасбродными. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ примѣръ, данный департаментомъ Уазы.

Какъ я уже сказалъ выше, тамъ выступилъ бонапартистъ подъ покровительствомъ герцога Омальскаго: онъ представлялъ, слѣдовательно, нѣкоторый родъ монархической коалиціи противъ республики и даже не могъ рискнуть шансами выборовъ. Напротивъ того, умѣренный республиканскій кандидатъ восторжествовалъ безъ особаго труда надъ кандидатомъ радикальнымъ, потому что консервативные элементы очутились тамъ въ своей естественной силѣ, но безъ ма-

лѣйшаго оттѣнка партій или характера реакціи, лицомъ къ лицу съ интересами чисто революціонными и разрушительными. Я не говорю, чтобы то же самое повторилось во всякомъ другомъ департаментѣ, но этотъ примѣръ долженъ тѣмъ не менѣе быть весьма убѣдительнымъ для консерваторовъ: они могутъ изъ него вывести, что по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту они гораздо сильнѣе съ республиканскимъ знаменемъ въ рукахъ, чѣмъ со знаменемъ монархическимъ, и что для того, чтобы не отречься отъ власти, чтобы не обезсилить самихъ себя, они должны прежде всего признать республику. Многіе изъ нихъ уже были готовы на это раньше выборовъ, какъ я уже это говорилъ, и колебанія въ легитимномъ лагерѣ должны были быть весьма сильны для того, чтобы графъ Шамборъ рѣшился обнародовать новый манифестъ, спеціально предназначенный къ тому, чтобы отвлечь его партизановъ отъ признанія республики. Этотъ манифестъ, который появился въ тотъ самый моментъ, когда результатъ выборовъ сталъ извѣстенъ, не имѣлъ особеннаго успѣха и какъ всѣ предъидущія заявленія претендента не достигнетъ своей цѣли. Непостижимо, какая роковая сила толкаетъ папизмъ и легитимизмъ преувеличивать свой абсолютизмъ, раскрывать свои сокровеннѣйшія стремленія, доводить свои принципы до крайности, когда имъ слѣдовало бы, напротивъ того, въ виду обстоятельствъ крайне для нихъ неблагопріятныхъ, дѣйствовать съ чрезвычайнымъ тактомъ, чтобы не пугать общественнаго мнѣнія. Папа и Генрихъ V удаляются отъ современнаго общества еще поспѣшнѣе, чѣмъ это послѣднее удаляется отъ нихъ. Никто еще какъ графъ Шамборъ не говорилъ болѣе высокомѣрнымъ тономъ вещей наименѣе подходящихъ. Этотъ злополучный принцъ, очевидно вводимый въ заблужденіе мало просвѣщенными друзьями, вообразилъ, что ему наступилъ моментъ заговорить, какъ господину, и, мало того, какъ господину, потерявшему терпѣніе и которому надоѣло ждать.

Есть полное основаніе предполагать, что богомолье-*monstre*, на поклоненіе чудотворному источнику въ Лурдѣ, недавно организованное приверженцами принца, нѣсколько ослѣпило его на счетъ истинныхъ симпатій Франціи, между тѣмъ какъ самая эта клерикальная демонстрація должна была бы просвѣтить его на этотъ счетъ и заставить призадуматься. Въ самомъ дѣлѣ, она далеко не соотвѣтствовала ожиданіямъ: разсчитывали на сотню тысячъ богомольцевъ, и одна южно-дорожная желѣзная компанія организовала поѣзды на пятьдесятъ тысячъ. Между тѣмъ ей пришлось перевезти всего пять тысячъ, и въ общей сложности ихъ едва ли набралось десять тысячъ. Слѣдовательно, клерикалы претерпѣли въ Лурдѣ нѣкоторый родъ фіаско, которымъ бы графъ Шамборъ остерегся хвалиться, если бы

получилъ точныя свѣдѣнія. Но воображеніе его разыгралось, онъ пожелалъ заговорить какъ абсолютный монархъ и вообразилъ, что можетъ позволить себѣ относительно республики то, чего никогда не позволялъ себѣ даже относительно имперіи. Онъ отвергаетъ и проклинаетъ послѣднюю; онъ предостерегаетъ своихъ партизановъ, что они не могутъ „ни подъ какимъ предлогомъ пристать къ этому пагубному предпріятію“ „Ни подъ какимъ предлогомъ“ значитъ: даже и въ томъ случаѣ, еслибы не существовало никакого иного средства, кромѣ республики, предохранить страну отъ анархіи. Пусть Франція погибнетъ лучше, если не хочетъ быть спасенной и управляемой легитимнымъ королемъ. Генрихъ V, или потопъ — одно изъ двухъ, и чтобы дать возможность странѣ установиться въ своемъ выборѣ, онъ заботливо присовокупляетъ въ нѣсколькихъ строкахъ, которыя весьма выразительны, цѣлую политическую программу, основной статьей которой является тѣсная солидарность судебъ Франціи съ судьбой папства.

Излишне говорить, что нельзя придумать ничего антипатичнѣе для либеральнаго, самаго умѣреннаго мнѣнія, подобной программы. Что же касается вліянія, которое произведетъ манифестъ на легитимную партію, то, я полагаю, оно будетъ разнообразное и сложное. Истинные приверженцы послушаются своего короля и станутъ сторониться; интриганы покинутъ претендента, который упорствуетъ преградить себѣ всѣ пути, и обратятся къ имперіи. Самые же честные и прозорливые еще сильнѣе поддадутся движенію, которое уже захватило ихъ и признаютъ съ горя республику, чтобы наилучшимъ образомъ устроиться въ ней.

Такое же распаденіе совершится въ орлеанизмѣ, который еще ближе къ разложенію, потому что по самой натурѣ своей менѣе устойчивъ. За исключеніемъ страстнаго и весьма естественнаго желанія вернуться во Францію, орлеанскіе принцы никогда собственно не знали точно, чего имъ хочется. Они даже не вполнѣ спѣлись между собой, вовсе неспособны стать главами партіи и несутъ теперь кару за свою нерѣшительность или же за свое роковое положеніе: они созерцаютъ разгромъ своихъ надеждъ. Графъ Парижскій философъ и не особенно этимъ огорчается; но герцогъ Омальскій разсердился и повидимому съ досады принялся, какъ я уже упомянулъ объ этомъ, заигрывать съ бонапартизмомъ. Органы этой партіи въ настоящую минуту весьма усердно проповѣдуютъ то, что́ они зовутъ монархическимъ союзомъ. Они взываютъ къ легитимистамъ и орлеанистамъ, приглашая ихъ обратиться къ плебисциту. Исходя изъ той мысли, что Франція не можетъ обойтись безъ монарха, они предлагаютъ предоставить народу выбрать династію. Совсѣмъ тѣмъ все это не болѣе какъ полемическій пріемъ. Бонапартисты могутъ вер-

нуться лишь посредствомъ насилія, посредствомъ удачнаго заговора въ минуту анархіи, и пустили бы на голоса только самихъ себя, предварительно захвативъ власть въ свои руки, какъ они это сдѣлали 2-го декабря.

Весь вопросъ въ томъ, представится или не представится тотъ критическій моментъ, которымъ имъ можно будетъ воспользоваться. Республика въ настоящую минуту кажется довольно прочно установилась, но ей предстоитъ еще не мало подводныхъ камней впереди и только измѣривъ то разстояніе, которое мы прошли со времени войны и коммуны, получаешь возможность, опираясь на добытые результы, питать нѣкоторую вѣру въ будущее. Популярность Тьера и авторитетъ собранія, которымъ слѣдовало бы идти за одно, къ несчастію совсѣмъ разошлись. Одна достигла своего апогея, между тѣмъ какъ другой опустился ниже нуля. Собраніе, конечно, впадало въ ошибки, но оно презирается болѣе, чѣмъ того заслуживаетъ. Общественное мнѣніе, настроенное противъ него выше всякой мѣры, благодаря страстнымъ нападкамъ радикаловъ, нетерпѣливо ждетъ его распущенія. Оно болѣе чѣмъ когда-нибудь отказываетъ ему во всякой учредительной власти, а между тѣмъ собраніе не можетъ же разойтись не позаботясь о завтрашнемъ днѣ. Нашей единственной хартіей, нашей единственной гарантіей политической является въ настоящую минуту такъ-называемая конституція Рише, въ силу которой полномочіе Тьера прекращается за одно съ полномочіемъ депутатовъ, такъ что еслибы собраніе разошлось ничего не учредивъ, то мы снова очутились бы безъ всякаго правительства. Очевидно, что дѣла не могутъ оставаться въ этомъ положеніи. Мы находимся лицомъ къ лицу съ палатой, которая утратила всякую учредительную власть, и которая однако должна же что-нибудь учредить, дабы не оставить позади себя хаоса. Задача слѣдовательно заключается въ томъ, чтобы найти средства продлить настоящее временное положеніе и мало по малу превратить его въ нѣчто окончательное. Я полагаю, что не ошибусь, если скажу, что Тьеръ, который особенно стоитъ за республику, потому что онъ ея президентъ, одну минуту считалъ, что всего проще было бы назначить его пожизненнымъ президентомъ. Нѣсколько словъ попытки было пущено въ этомъ смыслѣ различными газетами, которымъ не чуждо, какъ говорятъ, вліяніе президента. Тьеръ очень стоитъ за реставрацію Тюльери, и злые шутники утверждаютъ, что онъ питаетъ желаніе умереть тамъ, а не въ другомъ мѣстѣ. Какъ бы то ни было, но мысль о пожизненномъ президентствѣ не была и не могла быть хорошо принята. Преклонный возрастъ президента лишалъ ее единственной стороны, которая могла бы сдѣлать ее желанной, а именно перспективы

нѣсколькихъ лѣтъ спокойствія. Вмѣстѣ съ этимъ въ ней было нѣчто гораздо болѣе родственное съ цезаризмомъ, чѣмъ съ республикой, потому что сущность республики въ томъ самомъ и состоитъ, что допускаетъ полномочія съ опредѣленнымъ срокомъ или лучше сказать полномочія, которыя могутъ быть безконечно возобновляемы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отмѣнены во всякую минуту. Внѣ этого нѣтъ ни республики, ни монархіи, а есть цезаризмъ и византійство. Еслибы удалось провести эту идею, то она принесла бы намъ мало чести и плохо отрекомендовала бы наши республиканскіе таланты. Въ настоящую минуту этотъ проектъ отвергнутъ. Первой мыслью, которая является послѣ этого, это—назначить вице-президента на всякій случай. Объ этомъ уже было говорено; но Тьеръ неизвѣстно почему, воспротивился этому. Теперь онъ согласенъ, и нельзя сомнѣваться также въ согласіи собранія: по всей вѣроятности оно изберетъ своего собственнаго президента, Греви. Если же не Греви, то навѣрное Казиміра Перье, который не непріятенъ лѣвой сторонѣ и который наиболѣе вліятельный и честный новобранецъ республиканскій въ средѣ членовъ праваго центра. Но назначеніе вице-президента не много подвинетъ насъ впередъ, потому что полномочіе этого лица окончится вмѣстѣ съ полномочіемъ президента. Оно могло бы выручить лишь въ случаѣ непредвидѣнномъ, какимъ была бы, напримѣръ, смерть Тьера раньше распущенія собранія. Всего необходимѣе учредить что-нибудь на время того промежутка, который будетъ раздѣлять два собранія. Совсѣмъ тѣмъ большинство рѣшится но это не иначе, какъ если искренно передастся республикѣ, и даже по правдѣ сказать, это будетъ пробнымъ камнемъ ея настроенія, потому что если оно сохранило какія-нибудь монархическія заднія мысли, то не захочетъ предоставить Тьеру право направлять выборы. Издавна еще существовала мысль учредить временное правительство на тотъ періодъ времени, который будетъ отдѣлять обѣ палаты. Я склоненъ думать, что оно больше не думаетъ ни о чемъ подобномъ, или лучше сказать, что въ собраніи не найдется большинства—такъ какъ это послѣднее измѣнчиво,—которое одобрило бы подобную комбинацію. Но въ такомъ случаѣ не существуетъ иного исхода, какъ продлить полномочіе Тьера по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не соберется новая палата.

Но нельзя ограничиться устраненіемъ непредвидѣннаго: надо еще помѣшать, если возможно, будущему собранію стать учредительнымъ, потому что собраніе спеціально учредительное, даже если бы оно было единодушно въ провозглашеніи и учрежденіи республики, тѣмъ не менѣе представляло бы большія затрудненія и громадную опасность, во всякомъ случаѣ вавилонское столпотвореніе, изъ-за кото-

раго потерялось бы много времени и которое кончило бы тѣмъ, что навлекло бы на насъ неурядицы. Самымъ остроумнымъ средствомъ помочь бѣдѣ, было бы замѣнить полное распущеніе періодическимъ и постепеннымъ возобновленіемъ собранія. Тогда бы не существовало больше временнаго порядка, устранился бы кризисъ, устранилась бы необходимость сфабриковать конституцію однимъ духомъ. Полномочіе Тьера легко могло бы быть возобновлено послѣ каждыхъ выборовъ и собраніе постоянно все одно и то же, но постоянно возобновляемое, мало по малу организовало бы окончательное политическое устройство страны. Такое рѣшеніе вопроса всего болѣе подходило бы, но противъ него говоритъ непопулярность собранія, нетерпѣливость французскаго характера и педантизмъ нашихъ республиканцевъ, которые съ трудомъ откажутся отъ удовольствія видѣть, какъ республика будетъ оффиціально провозглашена по всѣмъ правиламъ искусства собраніемъ, спеціально для этого созваннымъ. Меня однако увѣряютъ, что эта мысль пріобрѣтаетъ приверженцевъ и именно въ лѣвомъ центрѣ.

За отсутствіемъ постепеннаго возобновленія, придется придумать что-нибудь иное во избѣжаніе кризиса, которымъ грозитъ учредительное собраніе. Тьеръ, который не мало содѣйствовалъ дискредитированію настоящаго собранія, проникнутъ одною мыслью, что оно не можетъ разойтись оставивъ за собой пустоту. На-дняхъ вышла книга, озаглавленная: „*Vingt mois de présidence*“, и которая содержитъ, если не ошибаюсь, его идеи на этотъ счетъ. Книга издана безъ имени автора, но всѣмъ извѣстно, а я могу гарантировать, что она вышла изъ-подъ пера одного изъ самыхъ близкихъ приближенныхъ президента, Эдмона Тексьѐ. Надо полагать, что о появленіи ея было объявлено за-границей заранѣе, потому что мнѣ сообщили, что Россія выписала значительное число экземпляровъ въ ту самую минуту, какъ оно появилось и когда еще, такъ сказать, никто не успѣлъ прочитать ее въ Парижѣ. Одинъ петербургскій книгопродавецъ выписалъ пятьсотъ экземпляровъ. Первая часть этого сочиненія показалась довольно посредственной. Авторъ прославляетъ въ ней заслуги Тьера, которымъ общественное мнѣніе охотно отдаетъ справедливость, но онъ слишкомъ вдается въ тонъ панегирика, онъ слишкомъ льститъ Тьеру, и, набрасывая блестящую картину, забываетъ указать на нѣкоторыя тѣни въ ней, къ которымъ мнѣ еще придется возвратиться. Напротивъ того, вторая часть, озаглавленная: „*Questions constitutionnelles*“ исполнена интереса, потому что, очевидно, выражаетъ идеи президента объ этихъ вопросахъ. Авторъ прежде всего сообщаетъ намъ, что дѣло идетъ не столько о конституціи, сколько о нѣкоторыхъ органическихъ законахъ.

„Мы не поклонимся больше, какъ наши отцы,—говоритъ онъ,—тѣмъ учрежденіямъ, которыя создаются въ одинъ присѣстъ и скорѣе отличаются торжественностью, чѣмъ прочностью". Органическіе законы, признаваемые необходимыми, касаются четырехъ пунктовъ: вице-президентства, учрежденія второй палаты, способа избранія президента республики и избирательнаго закона. По первымъ двумъ пунктамъ заключенія весьма опредѣленны и проникнуты какимъ-то чувствомъ необходимости, которое весьма законно, какъ я уже говорилъ, по крайней мѣрѣ относительно вице-президентства. Что касается верхней палаты, то это, по мнѣнію Тьера и автора, не только полезное учрежденіе, но „необходимая, неизбѣжная пружина въ нашемъ конституціонномъ механизмѣ". Когда припоминаешь безцвѣтную роль, которую играли во Франціи учрежденія этого рода, ничтожныя услуги, оказанныя ими и неустойчивость, выказанную ими въ критическіе моменты, то нельзя не найти, что авторъ нѣсколько преувеличиваетъ вещи. Но учрежденіе второй палаты въ настоящую минуту имѣло бы то великое преимущество, что придало бы республикѣ характеръ законченности въ организаціи и слѣдовательно отняло бы у будущаго собранія всякій предлогъ къ навязыванію себѣ характера учредительнаго. Верхняя палата республики состояла бы изъ двухъ сотъ пятидесяти членовъ, избранныхъ всѣми избирательными вѣдомствами Франціи, генеральными совѣтами, муниципальными совѣтами, торговыми палатами, и проч.

Въ дѣлѣ выбора президента республики авторъ равно устраняетъ какъ назначеніе собраніемъ, такъ и прямой выборъ посредствомъ плебисцита. При первой системѣ исполнительная власть слишкомъ слаба, по его мнѣнію, и это очевидно справедливо въ общемъ смыслѣ; но что касается взаимнаго отношенія Тьера и теперешняго собранія, то оно доказываетъ, мнѣ кажется, противное. При второй системѣ, напротивъ того, президентъ слишкомъ могущественъ и зависитъ отъ избирательнаго корпуса, слишкомъ доступнаго безразсуднымъ увлеченіямъ. Слѣдуетъ предпочесть смѣшанную систему, которая была принята Соединенными Штатами, и въ силу которой президентъ избирается спеціальнымъ избирательнымъ учрежденіемъ, которое обязано своимъ происхожденіемъ плебисциту. Несомнѣнно, что великое представительство утрачиваетъ свою силу, по мѣрѣ того какъ перестаетъ быть прямымъ, тамъ, гдѣ оно передается черезъ посредниковъ, но авторъ быть можетъ забылъ, что американская система давно уже извращена и обойдена, благодаря условнымъ полномочіямъ, навязываемымъ народомъ избирателямъ президента. Эти послѣдніе не пользуются безусловнымъ полномочіемъ, и суть не что иное, какъ повѣренные, обязанные исполнять народную волю. То же

самое было бы и во Франціи, гдѣ условныя полномочія уже теперь входятъ въ силу, и гдѣ они естественно вытекаютъ изъ ложной идеи о непогрѣшимости народной. Я боюсь, что организація исполнительной власти и ея отношеній къ власти законодательной долго еще будетъ служить для насъ камнемъ преткновенія.

Наконецъ, что касается избирательнаго законодательства, то оффиціозный авторъ даетъ намъ понять, что Тьеръ весьма благоразумно отказался отъ всякихъ мѣръ, клонящихся къ его ограниченію. Конечно, общая подача голосовъ есть и будетъ еще долго плохимъ орудіемъ въ рукахъ такого невѣжественнаго и такого страстнаго народа, какъ нашъ; но до него нельзя касаться, и мы осуждены жить съ нимъ, потому что въ дѣлѣ политическихъ вольностей никогда нельзя отступать назадъ. „Та часть избирателей, которая была бы устранена, говоритъ весьма основательно авторъ, образовала бы контингентъ недовольныхъ, поддержка которыхъ непремѣнно бы принадлежала или творцамъ государственныхъ переворотовъ сверху, или же зачинщикамъ бунтовъ снизу". Все, что можно сдѣлать, это отмѣнить баллотировку по спискамъ въ департаментахъ, которая дѣйствительно представляетъ спеціальныя и весьма важныя неудобства, и возстановить избирательные округи съ миссіей назначать каждому своего представителя.

Итакъ, вотъ программа Тьера. Онъ не предложитъ ее самъ, но за него предложатъ ее его друзья. Я нахожу почти тѣ же самыя идеи въ одной брошюрѣ, которую только-что напечаталъ Эдуардъ Лабулэ. Авторитетъ Лабулэ, нѣкогда весьма значительный среди либеральной партіи, былъ къ несчастію, хотя и справедливо, поколебленъ участіемъ, которое онъ принималъ въ императорскомъ плебисцитѣ 1870-го года, такъ что его брошюра быть можетъ не привлечетъ такого вниманія, котораго заслуживаетъ. Онъ сильно настаиваетъ также на необходимости выработать при участіи теперешняго собранія не то, что-бы правильную конституцію, но то, что необходимо для конституціи, и онъ рекомендуетъ настоятельно учрежденіе второй палаты. Что касается организаціи исполнительной власти, то его идеи объ этомъ кажутся сбивчивыми и неопредѣленными. Но, что особенно отличаетъ его отъ публициста, вдохновленнаго Тьеромъ, такъ это то, что онъ желалъ бы подвергнуть учредительные законы, вотированные собраніемъ, на народное утвержденіе, дабы придать имъ большую прочность; я сомнѣваюсь, чтобы это предложеніе встрѣтило согласіе. Съ одной стороны, плебисциты сильно дискредитированы со времени имперіи; съ другой стороны, результатъ былъ бы не тотъ, какого ожидаетъ Лабулэ. Народное голосованіе само по себѣ не можетъ служить гарантіей прочности, потому что ничто и никогда

не помѣшаетъ вождямъ партій и агитаторамъ общественнаго мнѣнія оставить въ сторонѣ рѣшеніе народа, яко бы введеннаго въ заблужденіе и воззвать къ народу просвѣщенному.

Необходимость перейти отъ временнаго порядка къ постоянному, или по крайней мѣрѣ обезпечить переходъ отъ настоящаго собранія къ тому, которое призвано ему наслѣдовать, внушило еще третье предложеніе, ревностно поддерживаемое съ нѣкоторыхъ поръ самымъ шумнымъ изъ нашихъ публицистовъ, Эмилемъ де-Жирарденомъ. Весь вопросъ въ томъ, чтобы по-просту безъ затѣй вернуться, будетъ ли то въ видѣ временной мѣры или окончательной, къ республиканской конституціи 1848-го года, которая, будучи насильственно устранена переворотомъ 2-го декабря, должна считаться существующей по праву. Но эта фикція была бы сомнительнаго достоинства; къ тому эта конституція одна изъ самыхъ плохихъ и наименѣе практичныхъ, какія когда-либо у насъ существовали. Пришлось бы во всякомъ случаѣ пересмотрѣть ее.

Какъ бы то ни было, эти вопросы не замедлятъ выступить впередъ, какъ скоро палата снова соберется. Конечно, рѣшеніе какое-нибудь да будетъ придумано, потому что такое необходимо найти, развѣ только радикалы лѣвой и крайніе правой,—первые изъ желанія добиться учредительнаго собранія, вторые, чтобы помѣшать республикѣ существовать,—составятъ коалицію, и образовавъ большинство, парализуютъ все. Но мнѣ кажется, такой опасности не существуетъ. Все, напротивъ того, заставляетъ думать, что правый центръ, умудренный событіями, окончательно восторжествуетъ надъ своимъ отвращеніемъ къ республикѣ и успѣетъ образовать значительное большинство вмѣстѣ съ лѣвымъ центромъ и разсудительными членами лѣвой. Я не могу однако утаить, что сначалѣ будетъ много предметовъ для взаимнаго раздраженія. Различные запросы, могущіе вызвать бурю, стоятъ на очереди. Главнѣйшіе будутъ касаться недавней и злополучной политической поѣздки Гамбетты и истинно неосторожной и неизвинительной рѣчи, которую этотъ пылкій депутатъ держалъ въ Гренобле и въ которой онъ не только бранилъ собраніе, но и въ самомъ дѣлѣ возбуждалъ соціальные классы другъ противъ друга. Тутъ правительство очутится между двухъ огней, такъ какъ правая упрекаетъ его въ солидарности съ главой радикальной лѣвой; лѣвая же, напротивъ того, порицаетъ его за дисциплинарное взысканіе, которому оно подвергло нѣкоторыхъ офицеровъ, слушавшихъ рѣчь Гамбетты. Правда, что по отношенію къ правой, Тверъ весьма ловко и не безъ успѣха опередилъ обвиненія. Объясненія, данныя имъ въ средѣ постоянной коммиссіи, обезоружили политическіе и умѣренные умы правой, какъ, напр., герцога де-Брольи. Онъ

весьма прямо порицалъ Гамбетту, и лѣвая не особенно разсердилась за это на него, потому что въ то же самое время онъ прямѣе, чѣмъ когда-либо подтверждалъ необходимость основать республику. Итакъ, повидимому положеніе его довольно выгодное относительно обѣихъ партій, но тѣмъ не менѣе публичныя пренія могутъ быть щекотливы. Нѣкоторые члены правой, даже изъ тѣхъ, которые уже примирились съ республикой, весьма раздражены противъ Гамбетты и намѣрены дать ему это почувствовать. Лѣвая не останется въ долгу по части рѣзкихъ выходокъ, и самъ Тьеръ къ несчастію доказалъ, неоднократными примѣрами, что онъ не всегда господинъ своихъ рѣчей. Этихъ запросовъ ждутъ не безъ тревоги.

Другой запросъ, интересный во многихъ отношеніяхъ, будетъ касаться недавняго изгнанія принца Жерома-Наполеона. Вы уже конечно знаете въ чемъ дѣло. Принцъ пріѣхалъ во Францію съ паспортомъ, который былъ выданъ ему въ прошломъ году для поѣздки въ Корсику и который сохранялъ еще свою силу какъ разъ еще на нѣсколько дней. Онъ, разумѣется съ намѣреніемъ, пріѣхалъ въ сопровожденіи своей жены, принцессы Клотильды, дочери итальянскаго короля. Цѣлью его поѣздки было, по его словамъ, желаніе пріискать учебное заведеніе для своихъ дѣтей; правительство же видитъ въ ней бонапартистскіе происки. Есть конечно доля правды въ этомъ обвиненіи: предполагаютъ, что принцъ привезъ инструкціи изъ Чайсльгёрста для различныхъ группъ бонапартистовъ, которыя расходились другъ съ другомъ и которыя слѣдовало примирить и соединить вокругъ одного общаго лозунга. Это можетъ быть вѣрно, но тѣмъ не менѣе я полагаю, что правительство, которое уже неоднократно дозволяло принцу Наполеону проникать во Францію, лучше бы сдѣлало, если бы игнорировало его присутствіе или бы дождалось, чтобы онъ поцался съ поличнымъ на какой-нибудь бонапартистской сходкѣ. Присутствіе принцессы Клотильды, которую правительство нисколько не желало задѣвать, но которая, само собой разумѣется, не захотѣла отдѣлиться отъ мужа, придало правительственной мѣрѣ грубый и безтактный характеръ; хотя Италія не протестовала и не могла протестовать, но Тьеру быть можетъ слѣдовало принять это обстоятельство во вниманіе, особливо въ виду нѣсколько натянутыхъ отношеній нашихъ къ этой державѣ. Весьма вѣроятно, что президентъ, какъ это съ нимъ бываетъ иногда, поступилъ нѣсколько *ab irato*. Но, сказавъ это, спѣшу оговориться, что разумные люди не присоединяли своего голоса къ оглушительнымъ воплямъ нѣкоторыхъ бонапартистскихъ, легитимистскихъ и даже орлеанистскихъ газетъ, которымъ вторили увлеченные ихъ примѣромъ глупцы. Слишкомъ очевидно, что члены бонапартовской фамиліи не такіе граждане, какъ

всѣ другіе, и изъ того, что правительство не требовало примѣненія къ нимъ закона объ изгнаніи, котораго непремѣнно добилось бы въ прошломъ году, вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно было свободно отъ всякаго права и долга наблюдать за ними. Въ случаяхъ подобныхъ этому, политическія соображенія ставятся всегда выше законовъ общаго права. Возможно, что правительство прибѣгло къ безполезной мѣрѣ; возможно, что оно поступило неполитично, но оно несомнѣнно имѣло право поступить такъ, какъ оно поступило на свой собственный страхъ. Не говоря уже о томъ, что выходитъ слишкомъ явное противорѣчіе, когда кто-либо изъ Бонапартовъ жалуется на произволъ. Будьте однако увѣрены, что протестъ его, внесенный въ собраніе, встрѣтитъ тамъ отголоски, какихъ не нашелъ бы въ прошломъ году, когда его съ презрѣніемъ устранили бы. На этотъ разъ найдутся члены правой, которые станутъ его поддерживать, подобно тому какъ поддерживали въ средѣ постоянной коммиссіи. Не существуетъ совсѣмъ тѣмъ никакихъ шансовъ на то, чтобы правительству высказано было порицаніе за это дѣло, ни чтобы ему пришлось имѣть дѣло съ меньшинствомъ мало-мальски значительнымъ и грознымъ. Для этого, мнѣ кажется, коалиція между бонапартистами и остальными монархистами не достаточно еще сильна въ палатѣ.

Живи мы въ обыкновенное время и будь наше правительство такое же, какъ и всякое другое, то ему грозила бы въ настоящую минуту другого рода опасность, которая могла бы погубить его. Ни одинъ англійскій кабинетъ не выдержалъ бы того, что случилось съ Тьеромъ. Экономическая и фискальная система, которой увлекся Тьеръ, и основная идея которой заключается въ мнимомъ покровительствѣ національной промышленности,—эта система, которую онъ защищалъ съ такой ловкостью, самоувѣренностью и настойчивостью и которую собраніе, выбившись изъ силъ, приняло наконецъ, пережила всего нѣсколько мѣсяцевъ и уже провалилась, осуждена и обречена на смерть. Одинъ изъ законовъ, съ ней связанныхъ, тотъ, который имѣлъ яко бы цѣлью покровительство торговому флоту, можетъ уже теперь считаться покончившимъ свое существованіе и всеконечно будетъ отмѣненъ въ теченіи парламентской сессіи, которая должна открыться въ непродолжительномъ времени. Это не помѣшало ему уже принесть значительное зло, вызвать единодушный протестъ въ торговлѣ и навлечь весьма чувствительное возмездіе. Система заключалась въ томъ, чтобы возстановить въ пользу французскаго флота и въ ущербъ флотамъ иностраннымъ дополнительныя пошлины съ флаговъ и пакгаузовъ, и обложить очень высокой пошлиной *франкизацію* иностранныхъ судовъ, то-есть пріобрѣтеніе французами кораблей, построенныхъ въ сосѣднихъ странахъ. Вамъ, конечно, понятенъ наивный эко-

столь быстро и столь блистательно, какъ въ томъ опытѣ, который мы теперь дѣлаемъ въ ущербъ себѣ. Самъ законъ о сырьѣ, который является краеугольнымъ камнемъ системы Тьера, повидимому даетъ не лучшіе результаты, чѣмъ законъ о торговомъ флотѣ. Торговля отъ него страдаетъ и кажется, что до сихъ поръ онъ не принесъ почти никакихъ доходовъ казнѣ. Вначалѣ ничтожность доходовъ объясняли запасами, которые торговля должна была будто бы сдѣлать въ предвидѣніи закона; но эти запасы не могутъ же длиться вѣчно, а между тѣмъ доходовъ все нѣтъ какъ нѣтъ, и это обстоятельство можно объяснить лишь застоемъ въ дѣлахъ. Поэтому никто не удивился, прочитавъ совсѣмъ недавно въ одной газетѣ, непосредственно вдохновляемой президентомъ республики, статью очевидно предназначенную подготовить умы къ общей переборкѣ финансовыхъ законовъ, доселѣ вотированныхъ. Это будетъ лишней заботой для парламента, которому было бы довольно дѣла и по части политики. Повторяю, если бы положеніе дѣлъ во Франціи было нормальнымъ, Тьеръ палъ бы подъ бременемъ своихъ ошибокъ и заблужденій, въ которыхъ онъ одинъ отвѣтственъ. Но наше положеніе исключительное, мы нуждаемся въ Тьерѣ и должны прощать ему многое, потому что не можемъ обойтись безъ него. Къ тому же Франція такъ богата, такъ богата, что можетъ, не взирая на милльярды долга, поплатиться за экономическія ошибки своего правительства, подобно тому какъ въ былое время платилась за его славу. Наконецъ, финансовые вопросы считаются второстепенными въ глазахъ нашихъ партій, которыя всѣ, начиная съ правой и кончая лѣвой, согласились бы платить вдвое больше налоговъ, лишь бы ихъ политическая система, республика, имперія или монархія, восторжествовала. Но тѣмъ не менѣе всѣ эти экономическія неудачи, которыхъ было бы такъ легко избѣжать, являются именно тѣми тѣнями, о которыхъ я упоминалъ выше и которыхъ панегиристъ Тьера не показываетъ въ своей картинѣ: *„Двадцать мѣсяцевъ президентства“*.

Я счастливъ, что могу противупоставить имъ, хотя совсѣмъ въ иной, но не менѣе важной сферѣ, нѣчто весьма удачное, на мой взглядъ, и весьма блестящее; я говорю про реформы, введенныя недавно министромъ народнаго просвѣщенія въ методы и способы преподаванія во второстепенныхъ заведеніяхъ. Тутъ остается только хвалить. Эта реформа представляется мнѣ наилучшей и наиразумнѣйшей изъ всѣхъ реформъ, какія только совершены правительствомъ. Задача заключалась въ томъ, чтобы удовлетворить требованіямъ современнаго и практическаго воспитанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвести законное и полезное мѣсто изученію древнихъ языковъ. Министръ руководился тѣмъ принципомъ, что древнихъ писателей изучаютъ для того, чтобы

читать ихъ, а не подражать имъ. Никому въ девятнадцатомъ столѣтіи не предстоитъ писать латинскихъ стиховъ, ни даже латинской прозы. Поэтому министръ отмѣнилъ скучныя занятія стопосложеніемъ и риѳмоплетствомъ, которыя были такъ дороги университетской рутинѣ, но приводили съ большой потерей времени только къ развитію особеннаго языка, вполнѣ незнакомаго Цицерону и Квинтиліану, и который зовется у насъ „кухонной латынью“. Время, выгаданное вслѣдствіе отмѣны этой рутины, посвящается съ одной стороны объясненію древнихъ писателей, что̀ собственно только и нужно, съ другой стороны, изученію живыхъ языковъ, которое наконецъ перейдетъ въ дѣйствительность. Географія, изученіе которой сведено было на-нѣтъ не только въ лицеяхъ, но и въ спеціальныхъ заведеніяхъ, каковы Сен-Сирское училище, получитъ то значеніе, какое ей приличествуетъ и въ которомъ мы убѣдились горькимъ опытомъ въ послѣднюю войну, когда многіе изъ нашихъ генераловъ и офицеровъ не умѣли нигдѣ оріентироваться и когда генералы, которымъ поручена была защита Парижа, не знали топографіи его окрестностей. Реформа Жюля Симона есть дѣло прилежнаго и методичнаго ума, который проникъ въ самую суть своего предмета, руководясь всѣми уроками опыта. Сочиненіе молодого и талантливаго профессора въ *Collége de France* Мишеля Бреаля, которое появилось нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и разбираю вопросъ со всѣхъ сторонъ и съ полнымъ знаніемъ дѣла, очевидно оказало ему большую услугу. Но дѣло еще не кончено. Въ виду реформы университетъ раздѣлился на два лагеря, которые можно назвать въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ молодымъ и старымъ. Молодые рукоплещутъ и выказываютъ большое усердіе; старые горюютъ и неохотно содѣйствуютъ организаціи и успѣху новаго преподаванія. Предстоитъ борьба, которая можетъ продлиться нѣсколько лѣтъ...

Н.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Замѣчанія на книгу г. Кавелина: *„Задачи Психологіи“*.

Принадлежа, подобно г. Кавелину, къ числу людей, считающихъ психологію неустановившейся наукой, и будучи, какъ онъ, убѣжденъ, что время для ея научной разработки уже наступило, я принимаю съ особеннымъ удовольствіемъ его любезное приглашеніе дѣлать замѣчанія на его книгу; — тѣмъ болѣе, что при этомъ случаѣ мнѣ удастся, можетъ быть, хоть нѣсколько разсѣять тѣ превратныя понятія, которыя существуютъ, къ сожалѣнію, въ публикѣ, и между прочимъ у самого г. Кавелина, относительно тѣхъ конечныхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ современная физіолого-психологическая школа. При этомъ смѣю надѣяться, что какъ бы рѣзки ни показались г. Кавелину мои нападки на его основныя положенія (конечно, не по тону, а по сути дѣла), онъ не припишетъ ихъ ничему другому, кромѣ искренняго и горячаго желанія служить правдѣ. Въ такомъ дѣлѣ, какъ наше, руководящимъ мотивомъ можетъ быть только желаніе выяснить истину. Имъ однимъ я и руководствуюсь.

I.

Между всѣми отраслями человѣческихъ знаній едва ли найдется наука, судьба которой была бы до такой степени странна, какъ судьба психологіи. Матеріалъ, надъ которымъ она работаетъ — продукты самосознанія или самонаблюденія, провѣряемые подобными же наблюденіями другихъ людей или собственными и чужими поступками — доступенъ ежеминутно человѣку, чуть не со времени его появленія на землѣ. Это не то, что, напр., кропотливый вѣковой трудъ химіи, которая должна была создать и до сихъ поръ продолжаетъ создавать себѣ самый матеріалъ изслѣдованія (всѣ почти газы, за исключеніемъ газовъ воздуха и немногихъ другихъ, вырывающихся изъ земли, всѣ почти металлы, за исключеніемъ благородныхъ, находимыхъ въ чистомъ состояніи, были найдены искусственнымъ путемъ). И нельзя сказать, чтобы психологическій матеріалъ, собранный путемъ самонаблюденія и наблюденій надъ другими, оставался неутилизированнымъ балластомъ, сбродомъ безсвязныхъ наблюденій и выводовъ. Нѣтъ, человѣкъ уже въ древности сталъ изучать свою духовную сторону, выходя изъ продуктовъ самонаблюденія. Онъ под-

нѣтилъ и самое внѣшнее выраженіе психическихъ движеній у человѣка, доказательствомъ чего служатъ великія произведенія древней скульптуры. Далѣе, знаніе человѣческаго сердца лежитъ въ основѣ всѣхъ законодательствъ и всѣхъ литературныхъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ; и какими глубокими знатоками этого сердца являются по временамъ моралисты въ родѣ Конфуція и поэты въ родѣ Шекспира! Всякій, читавшій произведенія великихъ художниковъ, конечно чувствовалъ, какой глубокой жизненной правдой дышатъ создаваемые ими типы. И вѣдь созданія эти не фотографическое воспроизведеніе дѣйствительности; — нѣтъ, художникъ задумываетъ характеръ сначала лишь въ общихъ чертахъ, и уже потомъ, на основаніи психологическихъ знаній, вкладываетъ въ него извѣстныя чувства, мысли и заставляетъ его дѣйствовать извѣстнымъ образомъ. Съ виду это своего рода предсказаніе будущихъ явленій на основаніи знакомства съ производящими причинами—этотъ пробный камень истиннаго знанія.

Но и этимъ дѣло не ограничивается: надъ психологіей, какъ наукой, работали умы изъ самыхъ крупныхъ отъ Аристотеля до Канта...

И между тѣмъ, психологія до сихъ поръ неустановившаяся наука, и доказать это можно очень наглядно въ нѣсколькихъ словахъ.

Если взять любого изъ патентованныхъ психологовъ, напр., какого-нибудь профессора психологіи, и спросить его по совѣсти, устроиваетъ ли онъ свою внутреннюю жизнь на основаніи данныхъ, выработанныхъ его наукой, или же руководствуется психологическими правилами, выработанными обыденной жизнью, безъ провѣрки ихъ наукой,—всякій долженъ будетъ отвѣтить, что онъ живетъ на послѣдній ладъ. Да и можетъ ли быть иначе? Если бы психологи жили по-научному, то результаты ихъ образа жизни давно бы проникли въ публику, подобно тому, какъ въ нее проникаютъ свѣдѣнія, вырабатываемыя гигіэной и діэтетикой, хотя эти науки принадлежатъ тоже къ крайне мало развитымъ. Кромѣ того, попробуйте поговорить объ одномъ и томъ же предметѣ съ психологами разныхъ школъ,— что ни школа, то новое мнѣніе; а завѣдите для сравненія рѣчь хоть напр. о звукѣ, свѣтѣ, электричествѣ съ любымъ физикомъ любой страны—отъ всѣхъ въ сущности получите одинаковые отвѣты.

Что же за причина, что психологію до сихъ поръ нельзя назвать наукой? Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ предметѣ г. Кавелинъ въ своей книгѣ:

Человѣческое сознаніе переполнено такими фактами, выводы изъ которыхъ постоянно противорѣчатъ себѣ: человѣкъ сознаетъ себя цѣльнымъ, единичнымъ и въ то же время отличаетъ въ себѣ два совершенно различныхъ начала, духовное и тѣлесное; онъ сознаетъ

свою духовную свободу, и рядомъ съ этимъ видитъ, какое громадное вліяніе оказываютъ тѣло и вообще внѣшнія условія на душу; власть души надъ тѣломъ представляется ему съ неудержимою ясностью, но въ то же время онъ сознаетъ, что послѣднее дѣйствуетъ по непреложнымъ законамъ, роковымъ образомъ (стр. 14 и 15).

Изъ этихъ противорѣчій, продолжаетъ г. Кавелинъ—родились, какъ желаніе объяснить ихъ, три главнѣйшихъ формы философскихъ ученій: дуализмъ, спиритуализмъ и матеріализмъ. Послѣдніе два силились объяснить всѣ явленія духовнаго и матеріальнаго міра изъ одного общаго начала — идеалисты изъ духовнаго, а матеріалисты изъ матеріальнаго (стр. 15). Идеализмъ, перетолковавшій и исказившій глубокія наблюденія Канта, быстро развился и быстро угасъ, договорившись въ ученіи Гегеля до несообразностей и нелѣпостей, которыя открыли наконецъ всѣмъ глаза на ложность основнаго начала идеалистическихъ воззрѣній (стр. 16).

Матеріализмъ же, въ свою очередь ошибочно истолковавшій геніальныя изслѣдованія Локка, оказался живучѣй. Въ настоящее время онъ старается примкнуть къ положительному знанію и естественнымъ наукамъ (стр. 16); но изъ критики его основныхъ доводовъ (стр. 27—35) оказывается, что дни и этого ученія уже сочтены, такъ какъ положительныя науки подкопали мало по малу всѣ основанія, на которыхъ оно еще кое-какъ держалось, и непрочный обманчивый союзъ его съ естествознаніемъ только ускоритъ его паденіе.

Такъ какъ, по словамъ г. Кавелина, мы живемъ на развалинахъ этихъ противоположныхъ другъ другу, но одинаково фальшивыхъ, взглядовъ (стр. 16), то и понятно, что психологіи, какъ науки, не существуетъ.

Ниже я постараюсь показать, что къ этому разъясненію дѣла слѣдуетъ прибавить очень многое, притомъ крайне существенное; теперь же перехожу къ описанію средствъ, предлагаемыхъ г. Кавелинымъ для возведенія психологіи на степень положительной науки.

И въ его научной постройкѣ краеугольнымъ камнемъ всего зданія являются тѣ многочисленные факты, собранные житейской мудростью, которыми съ одной стороны для сознанія опредѣляются рѣзкія разницы между матеріальными и психическими явленіями, съ другой—выясняется тѣсная связь, существующая между душой и тѣломъ. Фактами этого рода, извѣстными впрочемъ всякому образованному человѣку, переполнена вся его книга. Но одними такими показаніями голоса сознанія г. Кавелинъ не довольствуется. Рядомъ съ тѣмъ, какъ онъ критикуетъ основные доводы матеріализма, направленные противъ *души, какъ отличнаго отъ тѣла, самостоятельнаго, самодѣятельнаго и свободнаго начала* (стр. 27—35), душа съ сказанными свойствами вытекаетъ у него, какъ логическій выводъ,

изъ несостоятельности отрицающихъ ее доводовъ. Дальнѣйшій ходъ мысли у г. Кавелина таковъ:

„Хотя душа и тѣло отличны другъ отъ друга, но въ виду многочисленныхъ фактовъ, указывающихъ на ихъ тѣсную связь и глубокое взаимнодѣйствіе, они не могутъ быть противоположны другъ другу и должны быть разсматриваемы, какъ *видоизмѣненія одного и того же начала* (стр. 55)". (Этимъ г. Кавелинъ очевидно думаетъ устранить тотъ давній предлогъ къ спору о началахъ, который, по его мнѣнію, до сихъ поръ раздѣляетъ психологовъ на два враждебныхъ лагеря, на идеалистовъ и матеріалистовъ.)

Затѣмъ у г. Кавелина идетъ вопросъ о способѣ разработки психологіи, который сдѣлалъ бы изъ нея положительную науку.

Признавая съ одной стороны заслуги физіологіи въ дѣлѣ изученія матеріальныхъ субстратовъ психическихъ явленій, съ другой находя, что душа и тѣло связаны въ человѣкѣ *непосредственнымъ, тѣснѣйшимъ органическимъ* образомъ, онъ полагаетъ, что психологія должна созидаться совмѣстными усиліями психологовъ, изучающихъ чисто психическіе факты, и физіологовъ, изучающихъ матеріальную подкладку ихъ (стр. 53). Такое раздѣленіе труда опредѣляется, по г. Кавелину, тѣмъ, что психическіе факты, будучи недоступны реальному изслѣдованію, открыты одному лишь психическому зрѣнію (стр. 50).

Вопроса о разработкѣ матеріальныхъ субстратовъ психическихъ явленій г. Кавелинъ конечно не касается; но по отношенію къ изслѣдованію психическихъ фактовъ, при помощи психическаго зрѣнія, у него встрѣчаются слѣдующія соображенія:

Такъ какъ внѣшній міръ извѣстенъ намъ только по производимымъ имъ на насъ впечатлѣніямъ, которыя представляютъ явленія психическаго свойства (стр. 22), поэтому различіе, предполагаемое между матеріальнымъ и психическимъ міромъ, на самомъ дѣлѣ сводится къ различію между психическими данными, хотя и различныхъ порядковъ, но по существу своему однородными (стр. 52).

Такъ какъ, съ другой стороны, внѣшнія проявленія человѣческаго духа въ наукѣ, исторіи, искусствахъ, промышленности и проч. издавна подвергаются научной обработкѣ, подобно матеріальнымъ объектамъ естествовѣдѣнія, т.-е., проявленія эти устанавливаются въ ихъ объективной дѣйствительности, очищаются отъ постороннихъ примѣсей, произвольныхъ толкованій и пр. (стр. 23); поэтому психическіе факты совсѣмъ не такъ шатки и недоступны для *положительнаго* изученія, какъ многіе думаютъ, и такъ-называемыя положительныя точныя науки не имѣютъ въ этомъ отношеніи никакого преимущества передъ науками о психической сторонѣ человѣка. Какъ тѣ, такъ и другія, основываютъ свои выводы на критически-обработанныхъ впечатлѣніяхъ (стр. 24). Отсюда уже ясно видно, что

главнѣйшимъ матеріаломъ для изученія психическихъ фактовъ г. Кавелинъ считаетъ проявленія человѣческаго духа въ наукахъ, искусствахъ, промышленности и пр.; методъ же разработки долженъ быть такъ-называемый критическій.

Понятно также, что на основаніи только-что приведенныхъ выдержекъ, относительно характера такого изученія, психологія, какъ наука о душѣ, ея свойствахъ и проявленіяхъ (стр. 11) должна сдѣлаться *положительной* наукой.

Здѣсь мы пока и остановимся, чтобы разобрать по порядку всѣ элементы психологической системы г. Кавелина, т.-е. исходныя точки, приводящія его къ отличенію въ человѣкѣ двухъ началъ, и затѣмъ его взглядъ на способъ разработки психическихъ фактовъ.

Теперь я постараюсь доказать: 1) что исходные пункты для отличенія въ человѣкѣ двухъ началъ у г. Кавелина (а слѣдовательно и у отжившихъ идеалистовъ и у отживающихъ матеріалистовъ) не аксіомы и требуютъ строгой научной провѣрки; 2) что г. Кавелинъ, переходя отъ конкретныхъ фактовъ сразу къ общимъ началамъ, впадаетъ въ ту же громадную ошибку, которая погубила всю философію. Такимъ образомъ, здѣсь вмѣстѣ съ разборомъ исходныхъ пунктовъ системы г. Кавелина, у меня будутъ разъяснены причины, почему философскія ученія, на обломкахъ которыхъ мы живемъ, рушились и оставили психологію непочатой наукой.

Главнѣйшихъ поводовъ къ отличенію въ человѣкѣ двухъ началъ у г. Кавелина три (о прочихъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ): 1) различіе для сознанія между чисто психическими актами, какъ мысль, и впечатлѣніями отъ своего тѣла, подобными впечатлѣніямъ отъ внѣшняго міра; 2) сознаніе человѣкомъ духовной свободы по отношенію къ мыслямъ, чувствамъ и 3) къ поступкамъ.

Послѣдніе два рода фактовъ ведутъ къ разбираемому выводу на томъ основаніи, что тѣло сознается въ то же время подчиненнымъ неизмѣннымъ законамъ матеріальнаго міра.

Г. Кавелинъ конечно согласится, что если имѣть въ виду только *сознаваемыя* человѣкомъ отличія между чисто психическими фактами и такъ-называемыми впечатлѣніями отъ внѣшняго міра, то отличія эти во всякомъ случаѣ будутъ *продуктами одного только собственно самосознанія*. Что же касается до увѣренности въ томъ, что всякій человѣкъ сознаетъ эти различія одинаковымъ образомъ, то она основывается на двухъ фактахъ: а) на словесныхъ показаніяхъ людей, что реально-видимое, слышимое, осязаемое и проч. выражается болѣе рѣзкими признаками въ сознаніи, чѣмъ представленія, въ формѣ мысли, о тѣхъ же видѣнныхъ и слышанныхъ предметахъ; б) на томъ, что люди вообще розно реагируютъ на реальныя впечат-

лѣнія и на воспроизведенія ихъ въ формѣ мысли. Человѣкъ, видя на землѣ камень, который ему нравится, подниметъ его съ земли, а вспоминая объ этомъ самомъ камнѣ, онъ не сдѣлаетъ никакого движенія. Есть, правда, еще и третій критерій, которымъ человѣкъ пользуется для отличенія мысли отъ реальнаго впечатлѣнія—это сравненіе условій происхожденія того и другого акта, приводящее къ заключенію, что реальное впечатлѣніе всегда предполагаетъ реальный объектъ, какъ производящую причину, а дума о видѣнной вещи возможна и безъ того, чтобы послѣдняя была передъ глазами. Но если вдуматься хоть немного въ дѣло, то легко убѣдиться, что этотъ критерій не усиливаетъ, а наоборотъ ослабляетъ различіе, давая сознанію возможность какъ-будто объяснить его [1]).

Изъ голоса самосознанія, при помощи приведенныхъ провѣрокъ на другихъ людяхъ, и выводится *убѣжденіе*, что между чисто психическими фактами мышленія и реальными впечатлѣніями существуетъ *громадное* различіе.

Посмотримъ однако, можно ли довѣряться безусловно, приведеннымъ провѣрочнымъ фактамъ.

Если человѣкъ говоритъ вамъ, что въ одномъ случаѣ ощущеніе у него ярко, въ другомъ значительно слабѣе, то на этомъ дѣло и кончается; насколько оно одинъ разъ ярче, другой—слабѣе, судить мы не можемъ. Знаемъ только изъ общежитія, что есть люди способные очень рѣзко вообразить себѣ видѣнное или слышанное и есть такіе, которые на воображеніе тупы. Стало быть, въ дѣлѣ *яркости*, единственномъ *сознаваемомъ* отличіи между реальнымъ впечатлѣніемъ и его воспроизведеніемъ, существуютъ крайнія градаціи, отъ случая тупого воображенія до болѣзненныхъ галлюцинацій. Гдѣ же та пропасть, которая отдѣляетъ, по мнѣнію г. Кавелина, физическія ощущенія отъ воспроизведеній ихъ въ формѣ мысли?

Но, можетъ быть, критерій для ихъ различенія данъ разницами въ реакціяхъ человѣка на реальныя и воспроизводимыя впечатлѣнія?

И въ этомъ отношеніи между людьми оказываются такія же, притомъ совершенно параллельныя различія, какъ и въ дѣлѣ яркости воспроизведенія. У живого человѣка воспоминаніе объ отврати-

---

[1]) При этомъ я считаю необходимымъ слѣдующую оговорку. Для того, чтобы дѣло различенія психическихъ фактовъ отъ реальныхъ впечатлѣній не было пустой забавой, слѣдуетъ сравнивать между собой однородныя величины: реально видимое съ образными представленіями, реально слышимое на словахъ съ мыслями въ формѣ словъ и пр. Если же сравнивать между собой видимое глазами съ представленіями о томъ же на словахъ, а тѣмъ болѣе съ какимъ-нибудь отвлеченнымъ мышленіемъ о предметѣ, нисмѣющимъ ничего общаго съ видѣннымъ, напр., сравнивать впечатлѣніе отъ дерева съ мыслью о китайскомъ императорѣ, то это будетъ случай сопоставленія несоизмѣримыхъ величинъ.

тельномъ можетъ вызвать тошноту, или по крайней мѣрѣ гримасу, соотвѣтствующую тошнотѣ; воспоминаніе объ ужасномъ вызываетъ дрожь въ тѣлѣ; когда живой человѣкъ разсказываетъ о событіи, онъ невольно повторяетъ тѣ движенія глазъ, рукъ и ногъ, которыя дѣйствительно имѣли мѣсто [1]).

Итакъ, объ провѣрки не указываютъ тѣхъ глубокихъ различій, которыми руководствуется г. Кавелинъ вслѣдъ за отжившими философскими школами. Если же эти различія кажутся ему очень рѣзкими, то это или особенность его личной организаціи, или результатъ сопоставленія между собою несоизмѣримыхъ случаевъ. Послѣдняго я, конечно, не допускаю, и потому мнѣ остается думать, что г. Кавелинъ послушался голоса самосознанія; о самосознаніи же онъ самъ говоритъ (стр. 21) такъ: *„если бы одно только сознаніе установляло и опредѣляло психическіе факты, то нечего было бы и думать о положительномъ, точномъ ихъ изслѣдованіи“.*

Первый доводъ къ различенію въ человѣкѣ двухъ началъ такимъ образомъ устраненъ.

Второй пунктъ есть власть человѣка надъ мыслью и чувствомъ, неимѣющая никакой аналогіи во внѣшнемъ мірѣ и тѣлѣ.

Г. Кавелинъ принадлежитъ къ философской школѣ, принимающей существованіе такой власти, но самъ же онъ упоминаетъ, на стр. 126-й своей книги, что существуетъ и противоположное мнѣніе, притомъ довольно распространенное.

Ясно, что по словамъ самого же г. Кавелина второй пунктъ шатокъ.

Критиковать здѣсь третій пунктъ было бы слишкомъ долго, поэтому я отсылаю читателя къ концу этого сочиненія, гдѣ весь вопросъ разобранъ систематически, и гдѣ я стараюсь показать, что довѣряться голосу самосознанія и въ этомъ послѣднемъ пунктѣ опасно.

Но, положимъ даже, что не только этотъ третій пунктъ, но и оба предыдущіе — аксіомы, и тогда г. Кавелинъ все-таки погубилъ бы всю свою систему своимъ дальнѣйшимъ шагомъ, именно переходомъ сразу, съ-плеча, отъ конкретныхъ фактовъ къ общимъ началамъ, съ

---

[1]) Не могу не вспомнить по этому поводу слѣдующаго случая: разъ ко мнѣ приходитъ незнакомый мнѣ врачъ и проситъ меня объяснить явленіе, которое онъ имѣетъ воспроизвести на себѣ передъ моими глазами. Я попросилъ сдѣлать опытъ. Онъ, засучивъ рукавъ, подержалъ голую руку съ полминуты передъ моими глазами и на ней появилась мало по малу гусиная кожа, какъ отъ холода, хотя въ комнатѣ было тепло. Зная, что мышцы кожи, производящія это явленіе, не подчинены волѣ, я сказалъ ему, что онъ вѣроятно умѣетъ ясно представить себѣ, что ему холодно. Врачъ отвѣтилъ, что онъ именно такъ и дѣлаетъ, когда хочетъ произвести свой опытъ. Тогда я сказалъ ему, что въ смыслѣ процесса между реальнымъ впечатлѣніемъ отъ холода и яснымъ представленіемъ о холодѣ существуетъ сходство; оттого и внѣшнія послѣдствія одинаковы.

цѣлью разъяснить первые послѣдними. Всѣ предшествовавшія философскія системы погибли не оттого только, что онѣ силились вывести весь міръ изъ какого-нибудь одного начала, но еще и оттого, что онѣ считали вообще возможнымъ *объяснить* что́ бы то ни было общимъ началомъ.

Ошибочность такого пріема я постараюсь выяснить примѣрами изъ естественныхъ наукъ, успѣхи которыхъ признаетъ самъ г. Кавелинъ.

Физика и химія занимаются, какъ извѣстно, матеріальными явленіями, слѣдовательно для нихъ матерія есть тоже общее начало. Онѣ и признаютъ его, перенося на матерію тѣ общія свойства, которыя выработаны изученіемъ матеріальныхъ конкретныхъ явленій. Въ этомъ смыслѣ говорится: матерія всегда занимаетъ пространство, измѣримое въ трехъ направленіяхъ, имѣетъ вѣсъ, неразрушима, непроницаема, можетъ дробиться до безконечности и инертна. Говоря все это, никакой натуралистъ однако ни на минуту не забываетъ, что перечисленныя свойства суть отвлеченія отъ реальныхъ фактовъ, повторяющихся на каждомъ шагу, тогда какъ за общимъ понятіемъ „матерія“ скрывается съ одной стороны чисто логическое отвлеченіе, съ другой—выводъ изъ противуположенія всего матеріальнаго пространствамъ, ненаполненнымъ матеріальнымъ веществомъ, напр. безвоздушному пространству въ барометрѣ и колоколѣ воздушнаго насоса, или небесному пространству за предѣлами нашей атмосферы и пр. Первая половина сказаннаго становится сразу понятной, если попробовать отнести такъ-называемыя общія свойства матеріи къ какой угодно конкретной матеріальной формѣ, напр. камню, объему воды или воздуха. Здѣсь эти свойства, такъ-сказать, осязательны, тогда какъ въ приложеніи къ родовому понятію, т.-е. матеріи, они становятся необходимыми аттрибутами ея только въ силу логическаго мышленія. Вотъ, еслибы натуралисты открыли вдругъ такое тѣло, свойства котораго исчерпывались бы протяженіемъ въ трехъ направленіяхъ: вѣсомъ, неразрушаемостью, непроницаемостью и пр., т.-е., одними общими свойствами матеріи,—тогда матерія перестала бы быть одною логической формой. На этомъ-то основаніи въ упомянутыхъ мною наукахъ, успѣхами которыхъ человѣчество не только гордится, но и пользуется, нѣтъ ни единаго объясненія, ни единаго вывода, ни единаго открытія, которое выходило бы изъ представленій о матеріи, какъ общемъ началѣ. Наоборотъ, всякій натуралистъ, при всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ, постоянно опирается на такъ-называемыя общія свойства матеріи, такъ какъ въ основѣ ихъ лежатъ реальные факты, или отношенія.

Дѣло другого рода, когда вы коснетесь интимныхъ вѣрованій, чаяній натуралистовъ; химикъ можетъ сказать вамъ тогда, что совреме-

немъ многія изъ веществъ, считаемыхъ теперь простыми, вѣроятно окажутся сложными, а физикъ станетъ предвѣщать, что современемъ всѣ физическія проявленія матеріи вѣроятно сведутся на чисто механическія движенія. Стремленія къ такому упрощенію явленій, естественно ведущія за собой переходъ отъ большаго къ меньшему многообразію, чрезвычайно рѣзко развиты какъ въ физикѣ, такъ и въ химіи, хотя въ послѣдней наукѣ это достигается съ виду и парадоксальнымъ путемъ, именно ежедневнымъ умноженіемъ конкретныхъ фактовъ. И если позволительно судить о будущихъ успѣхахъ обѣихъ наукъ въ названномъ направленіи по полученнымъ уже ими результатамъ, то можно предполагать, что общее понятіе „матерія“ будетъ становиться все болѣе и болѣе реальнымъ. Полной же реальностью она можетъ стать лишь въ то время, когда всѣ выводы физики и химіи сольются въ единичномъ законѣ.

Понятно поэтому, что никто изъ натуралистовъ не посягаетъ на „матерію“, какъ общее начало. Она представляетъ идеальную точку, въ сторону которой направлены ихъ усилія; но точка эта для нихъ еще въ густомъ туманѣ, и идутъ они къ ней, руководясь не ею, а тѣми ближайшими точками новыхъ горизонтовъ, которыя раскрываются передъ наукой при ея медленномъ, послѣдовательномъ движеніи впередъ.

Философы же древняго закала, и вслѣдъ за ними г. Кавелинъ, сразу махаютъ въ своей области съ почвы конкретныхъ фактовъ въ густѣйшій туманъ общаго начала. Оставьте душу въ практической жизни, какъ благороднѣйшую часть человѣка, принимайте ее и въ наукѣ за общее начало, подобно тому, какъ натуралисты смотрятъ на матерію; пусть она даже будетъ путеводной звѣздой въ психологическихъ изысканіяхъ; но какъ же возможно объяснять что бы то ни было необъяснимымъ! вѣдь это значитъ приниматься за вещь не съ начала, а съ конца. Мораль всего этого разсужденія такова: г. Кавелинъ выходитъ въ своей философской системѣ изъ фактовъ шаткихъ, непровѣренныхъ, и дѣлаетъ вслѣдъ затѣмъ тотъ самый шагъ, который главнѣйшимъ образомъ погубилъ философію. Ниже, впрочемъ, мы увидимъ, что была еще третья причина, способствовавшая ея паденію.

На эти разсужденія я ожидаю однако возраженія, что мною разобраны до сихъ поръ только главнѣйшіе поводы къ отличенію двухъ началъ въ человѣкѣ. Поэтому и перехожу теперь къ критикѣ г. Кавелина, направленной противъ матеріализма, изъ которой душа выходитъ у него какъ *отличное отъ тѣла, самостоятельное, самодѣятельное и свободное начало* (стр. 17—40).

Общее знамя, подъ которымъ ходятъ, по мнѣнію г. Кавелина, ма-

теріалисты всѣхъ временъ (конечно, только научные; о салонныхъ говорить здѣсь не мѣсто) заключается въ стремленіи *объяснять духовную дѣятельность человѣка изъ матеріальнаго начала*. О матеріалистахъ прошлаго времени я спорить не стану; что же касается до современныхъ, къ которымъ онъ очевидно относитъ физіологовъ по профессіи, то смѣю увѣрить г. Кавелина, что его утвержденіе—горькая ошибка. Всякій натуралистъ, мало-мальски знакомый съ естественными науками, особенно физикой и химіей, очень ясно сознаетъ смыслъ слова „*объяснить*“, чтобы написать на своемъ психологическомъ знамени такую нелѣпость. Тѣмъ болѣе физіологъ, который знаетъ, что вся существенная сторона нервной, т.-е. соматической дѣятельности, стоящей наиболѣе близко къ психической жизни, не выяснена даже настолько, чтобы сказать, какой изъ извѣстныхъ физическихъ дѣятелей играетъ существенную роль въ нервномъ актѣ. Такія капитальныя ошибки, какъ утвержденіе г. Кавелина, происходятъ именно оттого, что не-натуралисты слишкомъ играютъ словомъ “объяснить„. Напримѣръ, найдетъ натуралистъ какую-нибудь чисто внѣшнюю аналогію со стороны происхожденія между актомъ завѣдомо психическимъ и соматическимъ, у не-натуралистовъ выходитъ тотчасъ же изъ этого, что *все* психическое явленіе сведено на матеріальныя условія.

Могу завѣрить г. Кавелина, что психическія явленія составляютъ для натуралиста несравненно бо́льшую загадку, чѣмъ для гуманистовъ, и это будетъ ясно видно изъ послѣдующаго.

Детальная критика доводовъ матеріализма начинается у г. Кавелина (стр. 27) съ разсужденій чисто логическаго свойства, изъ которыхъ онъ самъ не выводитъ ничего рѣшительнаго, такъ какъ къ выводамъ прибавляется, то „*мы думаемъ*“, то „*развѣ*“, или же напередъ говорится „*о непредубѣжденномъ умѣ*“.

Второй пунктъ напротивъ очень важенъ (стр. 27 — 8). Матеріалисты, по словамъ г. Кавелина, отвергаютъ *самостоятельность* и *самодѣятельность* души на основаніи того, что психическая жизнь возможна только при цѣлости мозга и нервовъ. Контръ-аргументъ г. Кавелина заключается въ слѣдующемъ: растенія и животныя тоже вполнѣ зависятъ отъ окружающей среды, но имѣютъ же свою долю *самобытности* и *самодѣятельности*. Не знаю, что хотѣлъ сказать г. Кавелинъ словомъ *самобытность*, но если это эквивалентъ самостоятельности, то онъ очевидно впалъ въ противорѣчіе съ собой, утверждая въ то же время, что организмы *вполнѣ зависятъ* отъ окружающей среды. Что же касается до *самодѣятельности*, то подъ этимъ нельзя разумѣть ничего иного, кромѣ способности развивать изъ самого себя, независимо отъ окружающей среды, какую-нибудь дѣятельность. Если это такъ, то г. Кавелинъ ошибается — наука строго доказываетъ въ отношеніи животнаго, что оно не творитъ

силъ, а вѣдь всякая дѣятельность предполагаетъ силу. Единственная кажущаяся независимость животнаго отъ окружающей среды, — это фактъ продолженія жизни при голоданіи; но онъ обусловливается лишь тѣмъ, что всякое животное носитъ въ своемъ тѣлѣ избытокъ вещества, который и расходуется на дѣятельность во время голоданія.

Эта же ошибочная мысль повторяется у г. Кавелина и на стр. 31-й, по поводу сравненія души съ животными и растеніями относительно привхожденія въ нихъ чуждыхъ имъ по природѣ элементовъ (почему воздухъ и минеральныя вещества чужды по природѣ веществамъ растенія, или растительная и минеральная пища чужда веществамъ животнаго тѣла, остается при этомъ загадкой).

Третій аргументъ въ пользу самодѣятельности (вѣрнѣе, своеобразности?) души формулированъ такъ: „будь психическія явленія въ непосредственной зависимости отъ условій и законовъ внѣшней природы, представленія были бы фотографическими оттисками впечатлѣній внѣшняго міра“. Рѣчь идетъ очевидно о своеобразности той переработки, которой подвергается сырой матеріалъ внѣшнихъ впечатлѣній. На такую общую аргументацію всякій натуралистъ можетъ отвѣтить примѣрно слѣдующимъ образомъ: если взять два разныхъ металла, напр. цинкъ и мѣдь, и опустить ихъ однимъ концомъ въ какую-нибудь кислоту, хоть уксусъ, а свободные, то-есть непогруженные концы соединить проволокой, то въ послѣдней происходятъ явленія, непохожія ни на свойства металловъ, ни на свойства уксуса:—если проволоку перерѣзать, то въ мѣстѣ перерыва появляется искра; если въ мѣсто перерыва вставить тонкую платиновую проволоку, она раскаляется до-красна; если проволокой, соединяющей мѣдь съ цинкомъ, обмотать кусокъ желѣза, то онъ дѣлается магнитомъ и пр. Отсюда видно, что, говоря вообще, своеобразность результирующихъ явленій и ихъ отличіе отъ производящихъ нисколько не указываетъ еще на различіе между тѣми и другими *по существу*. Съ этой точки зрѣнія уже становится излишнимъ останавливаться на приводимыхъ г. Кавелинымъ созданіяхъ воображенія въ формѣ головы медузы, минотавра и пр., тѣмъ болѣе, что эти образы представляютъ, говоря словами самого же г. Кавелина, лишь съ маленькой подчеркнутой прибавкой, „небывалыя въ мірѣ сочетанія *бывалыхъ* впечатлѣній“. Вотъ, еслибы человѣкъ въ состояніи былъ творить такія сочетанія, въ которыхъ былъ бы по крайней мѣрѣ хоть одинъ *дѣйствительно неземной* элементъ, тогда самостоятельное творчество души было бы конечно доказано.

Сверхъ этого, смѣю завѣрить г. Кавелина, что въ книгѣ Вундта есть указанія на то, что между организаціей, напр., глаза и уха съ одной стороны и нѣкоторыми качествами зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній съ другой, существуетъ несомнѣнная связь. Я постараюсь

съ своей стороны привести впослѣдствіи нѣсколько примѣровъ подобнаго рода.

Четвертый аргументъ (стр. 30) въ пользу самодѣятельности души формулированъ такъ: „разнообразная масса психическихъ явленій и вытекающихъ изъ нихъ внѣшнихъ дѣйствій человѣка происходятъ безъ всякихъ непосредственныхъ внѣшнихъ вліяній и побужденій, подъ однимъ лишь вліяніемъ психическихъ мотивовъ“, — и только.

Такими голословными утвержденіями научныя истины очевидно не доказываются. Что же кромѣ голоса самосознанія говоритъ въ подобныхъ случаяхъ, что внѣшняго толчка не было? а потомъ нужно вѣдь еще доказать, что его не было и по отношенію къ возникновенію психическаго мотива.

Пятый аргументъ трактуетъ о произвольности движеній, то-есть опять о третьемъ пунктѣ изъ основныхъ доводовъ для отличенія въ человѣкѣ двухъ началъ, поэтому опять отсылаю читателя къ концу статьи. Здѣсь же считаю необходимымъ лишь маленькое личное объясненіе по поводу начала пятаго аргумента (стр. 31) у г. Кавелина. Онъ говоритъ: „матеріализмъ не отрицаетъ всѣхъ этихъ фактовъ, но объясняетъ ихъ по-своему. То, что мы называемъ психическимъ процессомъ, то въ его глазахъ нервный или головной рефлексъ, который не предполагаетъ ни особой психической среды, ни участія воли и совершается механически“. Г. Кавелинъ разумѣетъ здѣсь, очевидно, меня; но онъ впадаетъ въ большую ошибку, приписывая мнѣ полное отождествленіе психическихъ фактовъ съ рефлексами. Въ книгѣ моей, извѣстной подъ именемъ „Рефлексовъ головнаго мозга“, дѣйствительно выставляется гипотеза о рефлексо-образномъ (слѣдовательно, машино-образномъ) способѣ происхожденія типическихъ формъ психическихъ процессовъ мысли и страсти; но о сущности психическихъ процессовъ, въ смыслѣ объясненія ихъ, напримѣръ, устройствомъ нервныхъ центровъ, нигдѣ нѣтъ и помину. Г. Кавелинъ введенъ въ ошибку очевидно заглавіемъ книги. Происхожденіе же этого заглавія слѣдующее: когда статья была представлена въ цензуру, ея истинное имя было таково: *„Попытка свести способъ происхожденія психическихъ явленій на физіологическія основы“*; но цензура нашла это заглавіе неудобнымъ и потребовала отъ меня новаго. Долго я придумывалъ и наконецъ остановился на извѣстномъ всѣмъ имени, и не предчувствуя, сколько недоразумѣній вызоветъ эти слова, казавшіяся мнѣ невинными.

Послѣ этого г. Кавелинъ переходитъ къ ссылкѣ матеріалистовъ въ ихъ отрицаніяхъ психическаго начала на то обстоятельство, что психическая сфера животныхъ заключаетъ будто бы въ себѣ зачатки всѣхъ душевныхъ способностей человѣка. По мнѣнію г. Кавелина, у животныхъ существуютъ зачатки мышленія, или по крайней мѣрѣ

соображенія, зачатки рѣчи, стремленіе къ общественности, чувство и умѣнье приспособлять внѣшнюю природу къ своимъ нуждамъ и потребностямъ. Но онъ говоритъ, что ни у одного животнаго нѣтъ и намека на способность изваять статую, нарисовать картину, начертать планъ или фасадъ, положить звуки на ноты, написать письмо или книгу.

Еслибы подобный вопросъ былъ предложенъ Дарвину, занимавшемуся болѣе другихъ вопросами объ отношеніи животныхъ къ человѣку, то онъ, вѣроятно, попросилъ бы, во-первыхъ, г. Кавелина разложить каждую изъ приведенныхъ имъ способностей на составные элементы и затѣмъ уменьшить каждый изъ послѣднихъ въ милліоны разъ. Кто знаетъ, можетъ быть зачатки этихъ элементарныхъ способностей и оказались бы на лицо. По крайней мѣрѣ данныя въ пользу присутствія эстетическаго чувства у нѣкоторыхъ животныхъ есть. Напримѣръ, въ Австраліи живетъ птица, плащеносецъ, которая украшаетъ очень прихотливо мѣста любовныхъ свиданій; самки соловья и вообще всѣхъ пѣвчихъ птицъ любятъ пѣніе самцовъ и пр. Съ другой стороны, самъ г. Кавелинъ не отказываетъ животнымъ въ умѣ, а я полагаю, что для рисованья, черченья и писанья едва ли что нужно съ психической стороны, кромѣ развитаго до человѣческой степени ума и эстетическаго чувства.

Итакъ, и второй пріемъ, употребленный г. Кавелинымъ для установленія двухъ началъ въ человѣкѣ и для квалификаціи одного изъ нихъ, оказался неудавшимся.

Затѣмъ, г. Кавелинъ пытается, какъ онъ самъ говоритъ, опредѣлить строеніе души болѣе подробнымъ образомъ, и плодомъ этихъ исканій является *сознательность, идеальность* всего психическаго и способность души раздвояться. Но разбирать эти доводы будетъ удобнѣе въ другомъ мѣстѣ, когда мы будемъ говорить о результатахъ, достигнутыхъ г. Кавелинымъ.

Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о мысли, что *духъ* и *матерія суть видоизмѣненія одного и того же начала*, и затѣмъ обратимся подробно къ разбору способа обработки психическихъ явленій, рекомендуемаго г. Кавелинымъ.

Выше было уже замѣчено, что разбирая общеизвѣстные факты, указывающіе на тѣсную связь души и тѣла, г. Кавелинъ чисто логически былъ наведенъ на мысль, что при такомъ условіи они не могутъ быть противоположны другъ другу и должны быть видоизмѣненіями одного и того же начала. Мысль эта по сущности не представляетъ ни малѣйшей важности, потому что и общее начало, видоизмѣняющееся въ душу и тѣло, и самыя видоизмѣненія его остаются у г. Кавелина пустыми абстрактами. Она не важна и съ логической стороны, потому что, сколько я знаю, противоположными

другъ другу бываютъ обыкновенно только однородныя вещи. Но важно то, что подобная мысль высказывается человѣкомъ, воспитавшимся на преданіяхъ идеалистическихъ школъ. Въ этомъ смыслѣ она представляетъ громадную уступку вѣянію новаго времени. Особенно, если бы г. Кавелинъ призналъ, что между причинами, побудившими его формулировать такую мысль, играютъ нѣкоторую роль признаваемые имъ самимъ нерѣдкіе случаи, когда нормально-свободная душа вдругъ становится подчиненной законамъ физической природы, или когда произвольныя движенія переходятъ, какъ онъ выражается, въ непроизвольныя. Когда психическіе факты проанализированы уже до этой степени, они не могутъ не составлять довода для всякого серьезнаго ума, что между свободой и несвободой должны быть постепенныя градаціи.

Способъ разработки психическихъ фактовъ заключается у г. Кавелина въ томъ, что орудіемъ является у него психическое зрѣніе; матеріаломъ — проявленія человѣческаго духа въ наукѣ, промышленности, искусства и проч.; методомъ — критическое умозрѣніе.

Что касается до психическаго зрѣнія, то хотя г. Кавелинъ и нигдѣ не квалифицируетъ его (разъ, на стр. 101, онъ говоритъ, впрочемъ, что психическое познается *непосредственно;* стало быть, онъ, очевидно, считаетъ, что познаваемое и познающее сливаются другъ съ другомъ), но такъ какъ въ психологіи оно уже давнишній гость, то говорить о немъ можно и безъ этого.

Въ основу существованія внутренняго или психическаго зрѣнія кладется преимущественно способность человѣка анализировать свои мысли и поступки (послѣдніе, конечно, въ формѣ мысли), нашептываемая ему голосомъ самосознанія. Всякій знакомъ съ этимъ явленіемъ по собственному опыту, и потому распространяться о самомъ фактѣ нечего; для насъ важно только разъясненіе его.

Мои доказательства противъ существованія особаго психическаго органа для анализа будутъ тройкія: первое взято у *метафизика* Гербарта, второе принадлежитъ мнѣ, третье почерпнуто у самого г. Кавелина.

Первое доказательство.—Представимъ себѣ, что человѣкъ анализируетъ свои поступки (прошлые или будущіе—это пока все равно) словами. Анализъ можетъ имѣть, очевидно, только такую форму, даже въ самомъ сложномъ случаѣ: пошелъ я туда-то, — *и зачѣмъ это меня понесло туда?* — прихожу; онъ дѣлаетъ то-то; *если бы не моя разсѣянность, я конечно замѣтилъ бы, что дѣлать того-то не слѣдуетъ,* и пр., и пр., въ этомъ родѣ.

Если относиться къ этой рѣчи самосознанія непосредственно, безъ всякой предвзятой мысли, то выходитъ, что анализирующимъ

субъектомъ будетъ не какой-нибудь особенный психическій органъ, а цѣлое *я*. Допустимъ это. Черезъ минуту я могу анализировать, какъ показываетъ только-что высказанная выше мысль, свой собственный анализъ, т.-е. отдѣлять анализатора отъ анализируемаго; и въ этомъ анализѣ второй степени анализирующее *я* будетъ уже одной степенью выше, чѣмъ *я* въ первомъ случаѣ.

То же самое выйдетъ, если, наперекоръ прямому голосу самосознанія, поставить между *я* и анализируемымъ особый психическій органъ, такъ какъ при этомъ пришлось бы допустить, что онъ по существу однороденъ съ *я* и, слѣдовательно, сливается съ нимъ.

Еслибы, вмѣсто анализа поступковъ, я взялъ случай анализа мыслей, то степень послѣдняго *я* была бы еще выше. Такимъ образомъ выходило бы, что у насъ не одно, а три психическихъ зрѣнія, несмотря на то, что объекты для всѣхъ трехъ органовъ въ сущности одинаковы.

Къ этому Гербартъ прибавляетъ еще слѣдующее замѣчаніе: „внѣшніе органы чувствъ служатъ намъ пока могутъ, а если служить отказываются, то мы знаемъ почему; внутреннее же чувство повременамъ прислушивается ко всему, что происходитъ въ тайникахъ нашего сердца (многое, впрочемъ, присочиняя отъ себя), а въ другой разъ оказывается такимъ тупымъ и лѣнивымъ, что иногда, напр., мы хотя и сознаемъ, что въ головѣ у насъ была мысль, а вспомнить ее не можемъ".

Второе доказательство. — Первый случай, когда анализируется прошлое

Въ этомъ случаѣ весь психическій актъ, который мы называемъ анализомъ, состоитъ частью изъ *прямого воспоминанія* случившагося, частью изъ придаточныхъ мыслей, *новыхъ* по отношенію къ анализируемому случаю, но *старыхъ* потому, что онѣ уже бывали въ сознаніи и прежде, и притомъ въ сочетаніяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя содержатся въ анализѣ. Въ приведенномъ выше примѣрѣ половина фразъ, напечатанныхъ обыкновеннымъ шрифтомъ, составляетъ простое воспоминаніе, а фразы, напечатанныя курсивомъ,—придаточныя разсужденія; и конечно всякій согласится безъ дальнѣйшихъ разъясненій, что появленіе какъ первыхъ, такъ и вторыхъ въ сознаніи вполнѣ объясняется, *какъ воспроизведеніе ряда ассоціацій.*

Второй случай—когда анализируется будущее.

Этотъ случай отличается отъ предыдущаго только тѣмъ, что здѣсь на мѣсто прошлаго ставится имѣющійся въ виду поступокъ, предстоящее рѣшеніе какой-нибудь задачи и пр., другая же половина остается прежняя. Но вѣдь, конечно, для всякаго обдумываемаго будущаго поступка, послѣдній, какъ психическій фактъ, долженъ быть данъ сознаніемъ напередъ, т.-е., передъ обдумываніемъ или анализомъ; стало быть

здѣсь актъ обдумыванія есть опять-таки воспроизведеніе психическаго факта, уже до этого бывшаго въ сознаніи. Объясненіе это одинаково легко прилагается какъ къ обыденнымъ случаямъ анализа мыслей и поступковъ со стороны ихъ правильности, полезности и пр., такъ и къ примѣрамъ научнаго анализа мыслей и поступковъ, хоть, напр., психологическаго, потому что даже въ томъ случаѣ, когда человѣкъ обдумываетъ дѣйствительно въ первый разъ, что́ такое мысль или чувство, всѣ элементы для анализа готовы у него напередъ.

Высказанное объясненіе приложимо и къ тому случаю, когда изъ анализа представленій вытекаетъ что-нибудь совершенно новое, напр. случай научнаго творчества. И здѣсь открытіе, въ формѣ какого-нибудь научнаго вывода, никогда не является какъ deus ex machina, сразу: всѣ элементы его уже напередъ были въ сознаніи, но только не группировались еще, до момента открытія, надлежащимъ образомъ.

Объясненіе наше приложимо наконецъ и къ такимъ случаямъ, когда между обсуждаемымъ объектомъ и данными нашего сознанія не можетъ существовать со стороны содержанія, повидимому, ни малѣйшей связи; когда, напр., ребенокъ, вообразивъ себя королемъ или полководцемъ, начинаетъ думать о томъ, какъ онъ будетъ предводительствовать народами и войсками, — вѣдь даже въ этихъ случаяхъ король и полководецъ выкраиваются по мѣркѣ, даваемой сознаніемъ ребенка.

Третье доказательство.—Г. Кавелинъ нѣсколько разъ упоминаетъ въ своей книгѣ, что мы не можемъ знать внѣшняго міра независимо отъ впечатлѣній, производимыхъ имъ на насъ. Съ другой стороны, на стр. 101-й онъ говоритъ, что психическіе факты мы сознаемъ *непосредственно*, при помощи внутренняго зрѣнія. Далѣе, изъ процесса раздвоенія души (стр. 102 и т. д.) у него выходитъ, что подъ непосредственностью сознанія онъ долженъ разумѣть познаніе внутреннимъ чувствомъ психическихъ фактовъ по существу. Этотъ рядъ мыслей встрѣчается и у Бенеке; но тотъ, вѣруя въ непосредственность познанія всего психическаго и въ то же время думая, что по методу, психологія, какъ опытная наука, стоитъ на ряду съ естествовѣдѣніемъ, заключаетъ изъ этого совершенно логически, что она уже теперь въ существенныхъ пунктахъ не отстала *ни отъ одной* изъ естественныхъ наукъ, а въ будущемъ обѣщаетъ и превзойти всѣхъ ихъ (Lehrb. d. Psychologie als Naturwissenschaft. 3 Aufl. Berl. 1861, см. введеніе). Какъ же можетъ послѣ этого г. Кавелинъ утверждать, что психологія, какъ наука, не существуетъ? Что-нибудь одно:

или весь его трактатъ о внутреннемъ зрѣніи негоденъ, или г. Кавелинъ непослѣдователенъ.

Итакъ, особаго психическаго зрѣнія, какъ спеціальнаго орудія для изслѣдованія психическихъ процессовъ, въ противоположность матеріальнымъ, нѣтъ; а существуетъ „дѣйствительно“ такая сторона психической дѣятельности, изъ-за которой говорятъ про человѣка, что у него есть здравый смыслъ. Послѣднимъ же, сколько мнѣ извѣстно, пользуются съ одинаковымъ правомъ какъ натуралисты, такъ и гуманисты въ своихъ сферахъ изслѣдованія.

Но, можетъ быть, ключъ къ разумѣнію психическихъ процессовъ въ самомъ дѣлѣ лежитъ въ томъ широкомъ историческомъ изученіи всѣхъ произведеній человѣческаго духа съ психологической точки зрѣнія, о которомъ говоритъ г. Кавелинъ?

При той осторожности, съ которой долженъ быть сдѣланъ выборъ между способами изслѣдованія, обходить такой крупный вопросъ невозможно.

Къ сожалѣнію, мое образованіе въ этомъ направленіи крайне ничтожно, и потому я принужденъ пользоваться лишь небольшимъ числомъ извѣстныхъ мнѣ фактовъ, чтобы сдѣлать выводы.

При этомъ задача моя будетъ заключаться единственно въ томъ, чтобы выяснить на нѣсколькихъ рѣзкихъ примѣрахъ, до какихъ крайнихъ предѣловъ объясненія психическихъ фактовъ можно дойти вообще путемъ историческаго изученія различныхъ проявленій психической дѣятельности.

Понятно, что по важности въ этомъ отношеніи, должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ памятники, оставленные по себѣ древнѣйшимъ человѣкомъ, и продукты психической дѣятельности современныхъ дикарей, такъ какъ здѣсь мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ зачатками психической дѣятельности. Поэтому мы и начнемъ съ фактовъ, относящихся до такъ-называемаго ископаемаго человѣка, открытыхъ геологами новѣйшаго времени, освѣщая ихъ, гдѣ нужно, данными изъ жизни современныхъ дикарей (все, относящееся до ископаемаго и вообще до-историческаго человѣка, взято мною изъ сочиненія: „L'homme fossile en Europe, son industrie, ses moeurs et ses oeuvres d'art, par H. Le Hon).

Древнѣйшая эпоха въ Европѣ, въ которой, рядомъ съ костями человѣка, встрѣчаются уцѣлѣвшіе памятники его дѣятельности, соотвѣтствуетъ времени, когда въ Европѣ жилъ такъ-называемый пещерный медвѣдь, мамонтъ, покрытый волосами носорогъ и пр. Эпоха эта считается удаленной отъ насъ не менѣе, чѣмъ на 20.000 лѣтъ. За весь этотъ первый періодъ существованія человѣка, длящійся тысячи лѣтъ, вмѣстѣ съ его останками находятъ въ землѣ слѣ-

дующіе продукты его дѣятельности (я нарочно выписываю *всѣ*, безъ пропусковъ):

1) Каменное оружіе: топоры, ножи, дротики, наконечники копьевъ; 2) оружіе изъ кости и рога: наконечники стрѣлъ; 3) заостренныя иголки изъ кости (для шитья одежды?); 4) родъ ножей изъ рога; 5) просверленные насквозь зубы медвѣдя (эти находки, объясняемыя какъ предметы самоукрашенія, еще крайне рѣдки); 6) обломки грубой глиняной посуды (чрезвычайно еще рѣдки). Кромѣ того изъ другихъ находокъ выводятъ заключеніе, что: 7) человѣкъ охотился даже на такихъ большихъ звѣрей, какъ мамонтъ и носорогъ; 8) зналъ употребленіе огня; и наконецъ 9) дѣлалъ приношенія умершимъ (предположеніе Ларте относительно значенія грота въ Ориньякѣ).

Факты эти показываютъ, что человѣкъ уже той отдаленной эпохи изобрѣлъ оружіе для дѣйствія вблизь и вдаль, придавая ему форму наиболѣе удобную для рѣзанья и колотья; изобрѣлъ орудія для грубой механической домашней работы (топоры и ножи) и глиняную посуду; выучился добывать искусственно огонь и, наконецъ, имѣлъ представленія о загробной жизни. Все же вмѣстѣ показываетъ въ немъ существо разумное, стоящее, наприм., несравненно выше всѣхъ обезьянъ.

Посмотримъ, однако, какъ объясняется происхожденіе всѣхъ этихъ примитивныхъ изобрѣтеній. Для изобрѣтенія оружія, дѣйствующаго вблизь и вдаль, особаго ума, какъ это показываютъ обезьяны, не нужно; извѣстно, что онѣ дерутся палками, бросаютъ въ непріятеля камни и скатываютъ ихъ съ горъ. Извѣстно также, что онѣ разбиваютъ камнями кокосовые орѣхи, и потому мысль употреблять матеріаломъ для различныхъ орудій камень—тоже крайне элементарна. Но человѣкъ ушелъ значительно впередъ въ томъ отношеніи, что онъ сталъ придавать орудіямъ извѣстную форму, то колющую, то форму лезвея. Легко понять, что на эту мысль онъ могъ быть наведенъ въ теченіи тысячи лѣтъ случаями пораненія себя или другихъ острыми осколками камней, шипами растеній и пр. Также легко понять и то, что кромѣ камня онъ сталъ употреблять для подѣлокъ обглоданныя кости и рога убитыхъ животныхъ, являвшіеся столько же подручнымъ матеріаломъ, какъ камень.

Что касается до наклонности къ самоукрашенію, то источники ея навѣрно столько же инстинктивны, какъ вкусы ребенка ко всему ярко-окрашенному и блестящему. Дарвинъ приводитъ въ исторіи происхожденія человѣка чрезвычайно многочисленные примѣры кокетства животныхъ тѣмъ или другимъ изъ своихъ природныхъ качествъ. Отсюда до самоукрашенія, очевидно, небольшой шагъ (татуированіе дикарей, продѣваніе колецъ черезъ ноздри, украшеніе головы перьями птицъ и пр. и пр.). Относительно хода изобрѣтенія глиня-

ной посуды, Ле-Гонъ приводитъ въ высшей степени остроумное, и притомъ крайне вѣроятное, соображеніе. Вотъ его слова: „Глина съ перваго же времени должна была служить для человѣка средствомъ дѣлать запасы воды въ пещерахъ (гдѣ человѣкъ жилъ). Простая яма въ глыбѣ глины служила бассейномъ, который наполнялся водою, приносимою съ рѣки въ звѣриныхъ кожахъ. Впослѣдствіи, чтобы сдѣлать этотъ снарядъ подвижнымъ, его стали очищать отъ излишка глины и сушить на солнцѣ, для приданія ему твердости. Еще позднѣе, выдѣланныя грубыя формы стали подвергаться дѣйствію огня, такъ какъ онъ придавалъ имъ бо́льшую крѣпость, чѣмъ теплота солнца. Таковъ-то былъ корень...“.

Какимъ способомъ ископаемый человѣкъ этого періода добывалъ огонь, неизвѣстно; но познакомиться съ нимъ онъ могъ, во-первыхъ, изъ вулканическихъ явленій; во-вторыхъ, изъ искръ при обработкѣ кремневого оружія. Во всякомъ же случаѣ, несомнѣнно то, что процессъ добыванія огня могъ быть только болѣе или менѣе близкимъ воспроизведеніемъ условій или какого-нибудь натуральнаго, или случайнаго явленія, сопровождавшихся развитіемъ огня.

Что касается, наконецъ, существовавшаго уже у этихъ первобытныхъ людей обряда приношенія различныхъ предметовъ умершимъ, предполагающаго вѣру въ загробную жизнь, то явленіе это можетъ, очевидно, объясняться только по аналогіи съ соотвѣтствующими вѣрованіями современныхъ дикарей. Въ послѣднемъ же отношеніи знаменитое сочиненіе Тэйлора: «Primitive culture», одинаково поражающее и глубиною свѣдѣній, и здравостью мысли, и ясностью выводовъ, представляетъ указанія, вполнѣ исчерпывающія вопросъ. Онъ доказываетъ, во-первыхъ, что представленіе о загробной жизни принадлежитъ къ самымъ элементарнымъ; во-вторыхъ, что оно является результатомъ сновидѣній и сравненія соннаго состоянія здороваго человѣка или забытья въ болѣзняхъ, со смертью. Подобно тому, какъ въ первыхъ двухъ случаяхъ душа временно отлетаетъ отъ тѣла и встрѣчается въ своихъ странствованіяхъ съ умершими друзьями, родственниками и пр., такъ и въ смерти душа отлетаетъ въ область тѣней или умершихъ, но уже съ тѣмъ, чтобы не возвращаться болѣе въ тѣло.

Все же, взятое вмѣстѣ, показываетъ, что ископаемый древнѣйшій человѣкъ умѣетъ не только подмѣчать условія явленій, но и объяснять ихъ на основаніи аналогіи, равно какъ отыскивать между ними причинную связь, и наконецъ комбинировать эти условія въ форму опыта. Другими словами, уже ископаемый человѣкъ заключаетъ съ себѣ всѣ главнѣйшіе умственные элементы творчества.

Чрезъ 5000 лѣтъ послѣ описанной эпохи, въ періодъ, соотвѣтствующій распространенію сѣвернаго оленя по Европѣ, ископаемый европейскій человѣкъ сдѣлалъ лишь слѣдующіе существенные успѣхи: 1) усовершенствовалъ выдѣлку оружія; 2) къ орудіямъ домашней работы прибавилъ пилу (каменную) и молотокъ; 3) научился сшивать звѣриныя шкуры иголками изъ рога и фибрами сухожилій, вмѣсто нитокъ; 4) сталъ ясно заботиться о самоукрашеніи, дѣлая ожерелья изъ цѣльныхъ раковинъ, зубовъ животныхъ и бѣлыхъ кружковъ, искусственно выточенныхъ изъ морскихъ раковинъ; наконецъ, 5) сталъ заниматься свободными искусствами. Памятниками послѣдняго являются: грубое скульптурное изображеніе женщины изъ слоновой кости; рисунокъ цѣлаго мамонта, выгравированный на пластинкѣ изъ того же матеріала, рисунки лося, лошади, зубра и наконецъ даже бой двухъ оленей.

Изобрѣтеніе пилы и молотка относится, очевидно, въ категорію изобрѣтенія рѣжущихъ и колющихъ снарядовъ. Въ основѣ портняжнаго искусства лежитъ, конечно, умѣнье скрѣплять или связывать предметы какимъ-нибудь гибкимъ тѣломъ, напр. прутьями, пучками травы и пр. Для развитія же послѣдняго искусства природа представляетъ бездну поучительныхъ примѣровъ, въ формѣ вьющихся растеній, скрѣпленія и подвѣшиванія птичьихъ гнѣздъ, паутины паукова, коконовъ гусеницъ и пр. Въ этихъ натуральныхъ фактахъ есть элементы не только для грубаго портняжнаго искусства, но и для фабрикаціи веревокъ и тканей, и мы встрѣчаемъ въ самомъ дѣлѣ первые слѣды того и другого уже въ періодъ свайныхъ построекъ, который считается удаленнымъ отъ насъ по крайней мѣрѣ на 5000 лѣтъ. Объ инстинктивности наклонности къ самоукрашенію мы уже говорили; здѣсь же я позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе, придравшись къ искусственнымъ кружкамъ съ отверстіемъ въ серединѣ, употреблявшимся какъ украшеніе. Извѣстно, что колесо и рычагъ, конечно въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, служатъ основными элементами всѣхъ нашихъ машинъ, а между тѣмъ оба они изобрѣтены человѣкомъ въ до-историческія времена; про употребленіе рычага разсказываютъ даже путешественники, что его знаютъ обезьяны. И какъ, повидимому, легко было человѣку дойти до употребленія колеса, какъ средства передвиженія: стоило вложить въ отверстіе какого-нибудь игрушечнаго кружка палецъ и прокатить колесо по плоскости; а между тѣмъ прошли тысячи лѣтъ прежде чѣмъ человѣкъ додумался до утилизированія такого простого факта.

Что касается, наконецъ, до примитивныхъ произведеній скульптуры и живописи, то корни этого искусства кроются въ непонятной для насъ, но явственно присущей человѣку инстинктивной наклонности

подражать видимому и слышимому. Мы очень хорошо сознаемъ, что если бы ребенокъ воспитался среди коровъ, не видя кромѣ нихъ никакого другого живого существа, то онъ вѣроятно сталъ бы ходить на четверенькахъ и навѣрно мычать по-коровьему, хотя мы и не понимаемъ, почему это. Извѣстно далѣе, что дикари большіе мастера подражать голосу и тѣлодвиженіямъ животныхъ; подражанія же послѣдняго рода есть уже своего рода живопись и скульптура. Придайте къ этому только развитую человѣческую руку, вооружите ее самымъ грубымъ орудіемъ, и въ результатѣ навѣрно явится линейное очертаніе или скульптурное воспроизведеніе предмета, дѣйствующаго на воображеніе. Толкованіе это станетъ еще понятнѣе, если сравнить физіологическія условія, имѣющія мѣсто съ одной стороны при процессѣ перцепціи линейнаго контура предмета, съ другой при воспроизведеніи этого контура рукой. Въ обоихъ случаяхъ дѣйствуютъ, какъ извѣстно, группы мышцъ, и оба органа, глазъ и рука, двигаются параллельно другъ другу, обводя, такъ сказать, весь контуръ предмета. Все дѣло значитъ въ томъ, чтобы рука пріучилась слѣдовать за глазомъ; такіе же случаи, при самыхъ грубыхъ механическихъ работахъ, представляются на каждомъ шагу.

Если отъ этихъ зачатковъ индустріи и искусства у человѣка, мы обратимся къ чисто интеллектуальной сферѣ первобытныхъ людей, напр. современныхъ дикарей, и именно къ ихъ философскимъ воззрѣніямъ на себя и на окружающую природу, то встрѣчаемся, по Тэйлору (Primitive culture), на самыхъ низшихъ ступеняхъ культуры съ слѣдующими двумя главными фактами: 1) человѣкъ отличаетъ въ себѣ душу отъ тѣла, вкладывая въ первую все психическое содержаніе своей жизни, все свое нравственное *я*; 2) это воззрѣніе онъ распространяетъ на всѣ предметы внѣшняго міра, отъ животныхъ и растеній, до палки и камня включительно. Такое *одушевореніе* всѣхъ внѣшнихъ предметовъ является до такой степени всеобщимъ, что Тэйлоръ считаетъ его, или, какъ онъ выражается, *анимизмъ*, самымъ первобытнымъ философскимъ міросозерцаніемъ.

Главнѣйшимъ поводомъ къ отличенію души отъ тѣла въ человѣкѣ Тэйлоръ признаетъ то обстоятельство, что дикари считаютъ сновидѣнія реальностями; и если вдуматься хорошенько въ тотъ длинный путь, какимъ человѣкъ доходитъ до убѣжденія, что грёзы настолько же не имѣютъ реальной подкладки, какъ воспоминанія, то такое объясненіе является крайне вѣроятнымъ, потому что даже для насъ, при обиходномъ воззрѣніи на дѣло, независимость души отъ тѣла нигдѣ не проявляется съ такою ясностью, какъ въ фактахъ сновидѣній.

Выработавъ разъ такое воззрѣніе на собственную природу, дикарь поступаетъ уже совершенно логично, перенося его цѣликомъ на всѣ остальные предметы внѣшняго міра, потому что другой мѣрки для философскаго познанія послѣдняго у него нѣтъ. Восходя по ступенямъ культуры выше и выше, Тэйлоръ приходитъ къ заключенію, что изъ этого общаго корня произошли всѣ послѣдующія философскія міросозерцанія.

Такимъ образомъ, *корень всѣхъ философскихъ ученій о тѣлѣ, душѣ и предметахъ внѣшняго міра* основывается (по словамъ Тэйлора) на дѣйствительныхъ, но ложно-истолкованныхъ фактахъ. Къ этому, ради нашихъ спеціальныхъ цѣлей, можно было бы прибавить еще: „на фактахъ, взятыхъ изъ обыденной жизни и ложно истолкованныхъ потому, что дикарь слишкомъ непосредственно относится къ голосу самосознанія".

Въ сущности же и въ дѣлѣ философіи первобытный человѣкъ является съ тѣми же основными психическими задатками, какъ и современный мыслитель, руководящійся единственно голосомъ самосознанія.

Въ заключеніе, разберемъ съ психологической стороны исторію какихъ-нибудь естественно-научныхъ вопросовъ, напримѣръ, дарвинизма, гальванизма, и вопросъ о переходѣ механическаго движенія въ теплоту.

Ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ резюмируется, какъ извѣстно, слѣдующею мыслью: виды образуются черезъ постепенное уклоненіе недѣлимыхъ отъ общаго имъ всѣмъ типа, путемъ естественнаго подбора. Подъ послѣднимъ же разумѣется слѣдующее: между недѣлимыми одного и того же типа, населяющими данную мѣстность, идетъ непрерывная борьба за существованіе—соперничество въ дѣлѣ обезпеченія всѣхъ нуждъ матеріальнаго существованія,—и изъ этой борьбы выходятъ побѣдителями тѣ, которые или сильнѣе, или ловчѣе, или быстрѣе, словомъ тѣ, которые, вслѣдствіе маленькихъ отличій въ организаціи, могутъ лучше примѣняться къ условіямъ данной мѣстности. Побѣдители, въ силу закона наслѣдственности, производятъ въ цѣломъ потомство уже болѣе принаровленное къ данной мѣстности, и слѣдовательно болѣе уклонившееся по организаціи отъ первоначальнаго типа. На членахъ этого поколѣнія повторяется та же исторія; побѣдителями остаются опять наиболѣе способные, и дѣло, продолжаясь изъ рода въ родъ, ведетъ наконецъ за собою уже столь рѣзкія уклоненія организаціи отъ первоначальнаго типа, что разница становится равнозначущей видимому отличію.

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ сложилась эта теорія. Самъ Дарвинъ говоритъ, что въ основѣ ея лежитъ извѣстное всякому изъ

общежитія улучшеніе домашнихъ породъ путемъ искусственнаго подбора недѣлимыхъ на племя. Второй же элементъ его теоріи, то-есть борьбу за существованіе, ему могла бы дать, хоть, наприм., картина людского общества. Что касается до первой половины, то въ основѣ ея лежатъ крайне-элементарныя наблюденія, принадлежащія къ категоріи фактовъ въ родѣ того, что у большихъ ростомъ отца и матери и дѣти бываютъ большія, отъ рыжихъ родителей родятся и дѣти рыжія и проч. Отъ того-то эти факты, составляющіе въ совокупности законъ наслѣдственной передачи признаковъ, извѣстны и утилизируются уже давно даже простымъ народомъ. Вторая половина, то-есть, мысль о борьбѣ за существованіе, принадлежитъ, правда, къ выводамъ несравненно высшаго порядка, но все же всякій согласится, что въ основѣ ея лежатъ наблюденія, выхваченныя изъ обыденной жизни; поэтому мысль эту вѣрнѣе считать продуктомъ житейскаго опыта, чѣмъ научнымъ отвлеченіемъ. И выходитъ, стало-быть, что одна изъ самыхъ плодотворныхъ и блистательныхъ гипотезъ новѣйшаго времени сложилась въ сущности изъ элементовъ, выработанныхъ опытомъ обыденной жизни.

Гальванизмъ родился, какъ извѣстно, изъ слѣдующаго опыта: Гальвани, желая изучить вліяніе атмосфернческаго электричества на сокращеніе мышцъ (необходимо замѣтить, что сокращеніе мышцъ отъ пропусканія черезъ нихъ разрядовъ электричества, напр., разрядовъ лейденской банки, было тогда уже извѣстно), привѣсилъ разъ обнаженныя отъ кожи заднія ноги лягушки къ горизонтальной перекладинѣ желѣзной рѣшетки своего балкона; крючокъ, которымъ онѣ были подвѣшены, былъ мѣдный и проходилъ черезъ кусокъ спиннаго мозга, оставшійся въ связи съ ногами. При этомъ Гальвани замѣтилъ, что каждый разъ, какъ свободные концы ногъ, раскачнувшись отъ вѣтра, прикасались къ желѣзу, происходило вздрагиваніе мышцъ. Подмѣтивъ условія этого явленія, онъ воспроизвелъ его въ слѣдующей, болѣе чистой формѣ: отпрепарировалъ мышцу съ нервомъ, взялъ металлическій прутъ, согнутый въ дугу, и сталъ прикасаться концами прута одновременно къ мышцѣ и нерву — вздрагиваніе происходило и теперь, и было особенно рѣзко, когда концы прута были не изъ одного, а изъ двухъ разныхъ металловъ. Накладываніе металлической дуги на нервъ и мышцу въ этой формѣ с виду очень напоминало прикладываніе металлическаго разрядника къ лейденской банкѣ, и такъ какъ въ то время было уже извѣстно, что при разрядахъ послѣдней черезъ мышцу, или черезъ мышцу и нервъ, происходитъ вздрагиваніе, то Гальвани поступилъ и послѣдовательно и научно, выведя изъ этого опыта заключеніе, что мышца съ своимъ нервомъ представляетъ подобіе лейденской банки, именно,

что мышца соотвѣтствуетъ ея наружной обкладкѣ, а нервъ внутренней. Вольта, повторяя эти наблюденія, скоро однако замѣтилъ, что Гальвани въ своемъ объясненіи факта не принялъ во вниманіе того обстоятельства, что удача опыта зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ металлической разнородности концовъ дуги,—разнородности, которая, по отношенію къ разряднику лейденской банки, не имѣетъ никакого значенія. Зоркій глазъ Вольты быстро увидалъ послѣ этого, что въ явленіе должны быть замѣшаны три фактора: два разныхъ металла, въ соприкосновеніи съ тѣломъ, пропитаннымъ жидкостью,— и плодомъ этой геніальной догадки былъ, какъ извѣстно, Вольтовъ столбъ.

Исторія этого открытія особенно интересна въ томъ отношеніи, что она начинала собою совершенно новый рядъ фактовъ, по крайней мѣрѣ со стороны производящихъ причинъ, и потому казалось бы, что здѣсь нужно ожидать рѣзкихъ указаній на психологическую сторону творчества. А между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ слѣдующее: вся заслуга Вольты (я разумѣю, съ психологической стороны) передъ Гальвани заключается въ томъ, что онъ, не успокоившись, какъ тотъ, уже на готовомъ объясненіи, взглянулъ на дѣло прямо, безъ всякой задней мысли, и потому вѣрно оцѣнилъ условія явленія. Главная психологическая работа этимъ у него заканчивалась, потому что затѣмъ ему оставалось воспроизвесть условія явленія, т.-е., сочетать два металла и жидкость такимъ же образомъ, какъ они сочетались въ опытѣ Гальвани—работа уже чисто подражательная.

Перехожу, наконецъ, къ третьему примѣру. Извѣстно, что фактъ развитія теплоты при треніи знаютъ даже дикари, потому что они пользуются имъ для искусственнаго добыванія огня. Не смѣю утверждать, что они ставятъ горѣніе и развитіе теплоты въ причинную связь между собой, но нужно полагать, что—да, потому что для этого достаточно потереть хоть разъ въ жизни рука объ руку. Какъ бы то ни было, но мысль эта, ставящая треніе какъ причину, а теплоту какъ послѣдствіе, исповѣдывалась людьми съ незапамятныхъ временъ до настоящаго столѣтія, т.-е. ужъ по крайней мѣрѣ нѣсколько тысячъ лѣтъ. И въ такой-то длинный промежутокъ времени люди забывали слѣдующее простое обстоятельство: такъ какъ треніе необходимо предполагаетъ движеніе, т.-е. движущую силу,—слѣдовательно цѣлое явленіе слагается не изъ двухъ факторовъ, какъ въ приведенномъ выше объясненіи, а изъ трехъ. Когда эта недомолвка была наконецъ исправлена, то причиной, производящей теплоту, и оказалась механическая сила, а треніе низошло на степень условія, способствующаго переходу послѣдней въ первую.

Фактъ этотъ опять показываетъ, что элементы научныхъ истинъ иногда цѣликомъ подготовляются дикарями, и тогда нужна только извѣстная группировка этихъ элементовъ, чтобы изъ нихъ вышло болѣе или менѣе важное научное открытіе.

Не могу не вспомнить по этому случаю одного факта, видѣннаго мною въ Кенсингтонскомъ музеѣ и поразившаго меня въ высшей степени. Въ отдѣленіи музыкальныхъ инструментовъ, между прочими первообразами ихъ, находится слѣдующій снарядъ, принадлежащій какому-то африканскому племени негровъ: висятъ двѣ веревки, расходясь нѣсколько книзу; между ними укрѣплены, какъ перекладины въ веревочной лѣстницѣ, деревянныя дощечки, которыя имѣютъ, такимъ образомъ, разную длину и соотвѣтствуютъ дощечкамъ общеизвѣстныхъ деревянныхъ или стеклянныхъ гармоникъ. Характерная же сторона инструмента заключается въ томъ, что позади каждой дощечки, въ одномъ уровнѣ съ нею, но отдѣльно отъ нея, укрѣплены разной величины глиняные горшечки — очевидно резонаторы, настроенные на тотъ изъ тоновъ каждой доски, который слышится при постукиваніи ея всего сильнѣе. Такимъ образомъ оказывается, что африканскіе негры предвосхитили одну изъ блистательнѣйшихъ мыслей Гельмгольца — употреблять рядъ полыхъ сферическихъ резонаторовъ, настроенныхъ на разные тоны.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ примѣровъ я позволяю себѣ слѣдующіе два вывода:

1) Если обратиться съ психическимъ анализомъ даже къ самымъ зачаточнымъ проявленіямъ цивилизаціи въ человѣческомъ обществѣ, то мы встрѣчаемъ уже человѣка одареннымъ всѣми тѣми умственными средствами, которыя дѣлаютъ изъ него наблюдателя, мыслителя, ученаго и художника. Трудно думать въ самомъ дѣлѣ, чтобы на изобрѣтеніе, напр., искусственнаго способа добыванія огня, или способа выработки изъ рудъ желѣза, мѣди и пр. потрачено было менѣе умственной энергіи, чѣмъ на любое изъ новѣйшихъ техническихъ или научныхъ открытій. Притомъ, психическіе факторы, работавшіе въ томъ и другомъ случаѣ, мы не можемъ не признать за тождественные. Мысль эту можно, я полагаю, скрѣпить слѣдующимъ соображеніемъ: еслибы до-историческихъ изобрѣтателей искусственнаго огня и приготовленія бронзы перенести съ-дѣтства въ XIX-е столѣтіе, то изъ нихъ вышли бы знаменитые физики, химики или техники.

2) Хотя психолого-историческое изученіе памятниковъ человѣческой дѣятельности и не открыло бы для насъ тайны психическихъ процессовъ, но оно дѣйствительно было бы въ высшей степени важно въ томъ отношеніи, что имъ опредѣлился бы на точныхъ основані-

ихъ преемственный ходъ развитія всего психическаго содержанія человѣка, по мѣрѣ накопленія знаній. Плоды такого изученія можно наглядно представить въ слѣдующемъ примѣрѣ: оно выяснило бы ту преемственную цѣпь аналогій, при посредствѣ которыхъ умъ человѣческій сдѣлалъ изъ телѣги локомотивъ и желѣзную дорогу, или какимъ образомъ изъ мечты человѣка (можетъ быть, ребенка ископаемаго періода) летать подобно птицѣ, развилось и совершенствуется искусство летать по воздуху. Особенно важно было бы такое изслѣдованіе по отношенію къ языкамъ первобытныхъ народовъ и ихъ философскимъ ученіямъ, потому что только этимъ путемъ окончательно устранилось бы злоупотребленіе словами и абстрактными понятіями, какъ психическими реальностями.

Признаюсь откровенно, имѣя въ рукахъ такой бѣдный запасъ фактовъ, какъ приведенный, я не посмѣлъ бы отказать способу изученія психическихъ явленій, рекомендуемому г. Кавелинымъ, въ способности открыть тайны психическихъ процессовъ, еслибы, помимо приведенныхъ примѣровъ, не руководствовался слѣдующимъ общимъ соображеніемъ:

Всякій психологъ, встрѣчаясь съ любымъ памятникомъ умственной дѣятельности человѣка и задавшись мыслью проанализировать его, по необходимости долженъ подкладывать изобрѣтателю памятника и собственную мѣрку наблюдательности, и собственныя представленія о способности пользоваться аналогіями, дѣлать выводы и пр. Внѣ этой мѣрки, анализъ, очевидно, невозможенъ. Поэтому-то и выходитъ, что древній изобрѣтатель огня представляется намъ по силѣ творчества не ниже какого-нибудь Лавуазье. Дѣло другого рода, еслибы изъ памятниковъ разныхъ эпохъ можно было съ увѣренностью заключить, что вотъ тогда-то человѣкъ не умѣлъ еще наблюдать, тогда-то онъ еще не пользовался аналогіями и проч.; но вѣдь это, очевидно, невозможно; въ самомъ крайнемъ случаѣ можно только сказать, что тогда-то онъ наблюдалъ плохо, въ этотъ періодъ лучше и проч.

Итакъ, не отрицая важности матеріала, рекомендуемаго г. Кавелинымъ, мы все-таки остаемся при убѣжденіи, что не въ немъ лежитъ средство къ разсѣянію тьмы, окружающей психическіе процессы.

Не могу не закончить этого пункта слѣдующими гадательными соображеніями о неупомянутыхъ г. Кавелинымъ мотивахъ, вѣроятно заставившихъ его предлагать для созданія психологіи столь обширный матеріалъ, взамѣнъ обыкновенно-употребляемыхъ наблюденій изъ обыденной жизни. Ему не могли быть неизвѣстны слѣдующія два обстоятельства: психическій матеріалъ, выработанный обыденной жизнью, лежалъ въ неизмѣненной противъ настоящаго формѣ передъ

рядомъ такихъ великихъ умовъ, какъ Декартъ, Лейбницъ и Кантъ; орудіе изслѣдованія было у нихъ то же самое — психическое зрѣніе; аналитическая сторона ума у нихъ была громадная... и между тѣмъ психологію они оставили неустановившейся наукой. Значитъ, долженъ былъ соображать г. Кавелинъ, матеріалъ, которымъ они пользовались, былъ или негоденъ, или плохо разработанъ. Признаюсь откровенно, разсуждая только такимъ образомъ, мнѣ становятся понятными со стороны г. Кавелина рѣзкіе отзывы о голосѣ самосознанія тамъ, гдѣ онъ говоритъ о матеріалѣ, изъ котораго должна черпать психологія, и слѣпая вѣра въ тотъ же самый голосъ (когда онъ говоритъ, напр., объ *я*, раздвоеніи души и пр.), въ мѣстахъ удаленныхъ отъ этой главы.

Перехожу, наконецъ, къ третьему пункту, т.-е. къ методу изслѣдованія.

Въ виду того, что историческое изученіе памятниковъ дѣятельности человѣческой приводитъ изслѣдователя по необходимости къ изученію обыденной психической жизни, вопросъ этотъ становится роковымъ для всего зданія г. Кавелина. Слѣдовать открыто и со стороны метода за отжившею школою идеалистовъ, т.-е., употреблять въ дѣло съ начала до конца дедукцію, онъ, очевидно, не рѣшается; а съ одной умозрительной индукціей сдѣлать изъ сырого психическаго матеріала обыденной жизни ничего нельзя, какъ это показываетъ вѣковой опытъ. При этомъ условіи психологія на вѣчныя времена останется сборомъ вѣрныхъ наблюденій, рядомъ съ обманами голоса сознанія. Впрочемъ, еслибы даже изученіе памятниковъ дѣятельности человѣческой и не приводило изслѣдователя къ столь печальнымъ для г. Кавелина результатамъ, изъ его воззрѣнія на методъ все-таки не вытекало бы его радужныхъ ожиданій, что въ дѣлѣ разработки матеріала естественныя науки не имѣли бы преимущества передъ психологіей, и послѣдняя стала бы положительной наукой о душѣ, ея свойствахъ и проявленіяхъ.

Въ дѣлѣ всякаго изученія важно собственно не то, будетъ ли методъ индуктивный или дедуктивный, а употребленіе такихъ пріемовъ изслѣдованія, которые давали бы возможность не только анализировать явленіе, но и провѣрять полученный результатъ. Одна только чистая и прикладная математика составляютъ, повидимому, исключеніе изъ этого правила, такъ какъ здѣсь истины, притомъ абсолютныя, могутъ быть достигаемы и безъ провѣрки, путемъ одного математическаго умозрѣнія. Но дѣло въ томъ, что между всѣми родами умозрѣній математическое, поскольку оно выражается выкладками или геометрическими построеніями, есть самое вынужденное:

отыскивая новую истину, математикъ не только выходитъ изъ аксіомъ или истинъ, но и въ теченіи всего развитія вопроса каждый свой шагъ опираетъ на истину. Понятно, что такое умозрѣніе не можетъ не быть безгрѣшнымъ, и потому выводы его не требуютъ никакой дальнѣйшей провѣрки. Но за предѣлами простыхъ пространственныхъ и количественныхъ отношеній, въ области сложныхъ явленій, куда не могъ еще проникнуть математическій анализъ, наиболѣе вѣрнымъ аналитическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ провѣрочнымъ орудіемъ является опытъ. Умозрѣніе, какъ справедливо говоритъ г. Кавелинъ на стр. 4-й, играетъ, конечно, роль и здѣсь, но дѣло въ томъ, что въ опытныхъ наукахъ на него наложена узда данными опыта, конечно, менѣе крѣпкая, чѣмъ узда математическихъ истинъ, но все же непозволяющая умозрѣнію зарваться далеко отъ почвы дѣйствительности. Спускаясь ниже въ область явленій, уже недопускающихъ опыта, умозрѣніе съ его аттрибутами дѣйствительно становится полновластнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ умаляется въ громадныхъ размѣрахъ и степень достовѣрности выводовъ, такъ что человѣчество было принуждено призвать ему на помощь въ новѣйшее время статистическій методъ. Послѣдній, къ сожалѣнію, крайне трудно приложимъ къ изученію психическихъ явленій на отдѣльномъ человѣкѣ; но при возможности приложенія онъ несомнѣнно повелъ бы и въ этой области къ несравненно болѣе прочнымъ результатамъ, чѣмъ анализъ при посредствѣ одного психическаго зрѣнія. И добро бы умозрѣніе довольствовалось выводами, непосредственно вытекающими изъ сравненія конкретныхъ фактовъ; нѣтъ, вѣрное древнимъ философскимъ традиціямъ, оно бьетъ въ корни дѣла, общія начала, забывая при этомъ, что всѣ философскія системы, построенныя по типу дедукціи, дискредитировали самое имя философіи.

Неужели всѣ эти общеизвѣстные факты недостаточно еще осязательны для людей, которые пускаются, безъ провѣрочныхъ средствъ, съ однимъ запасомъ критическаго остроумія, въ изслѣдованіе такой темной области, какъ психическая, гдѣ нѣтъ аксіомъ и только одни неразрѣшенные вопросы! Ужъ конечно такого запаса было слишкомъ довольно у великихъ математиковъ, работавшихъ надъ философіей; а между тѣмъ, что́ вышло изъ ихъ усилій? Впрочемъ, ихъ великая память нисколько не страдаетъ отъ этихъ ошибокъ, обусловленныхъ временемъ: въ ту пору, когда они дѣйствовали, не существовало еще тѣхъ отраслей знанія, которыя однѣ даютъ твердыя точки опоры для первоначальнаго аналитическаго приступа къ психическимъ явленіямъ.

Знанія эти, какъ будетъ показано ниже, создались только на нашей памяти, и потому понятно, что психологія остается еще непочатой наукой.

Итакъ, 1) исходныя точки системы г. Кавелина шатки; 2) внезапный переходъ его отъ конкретныхъ фактовъ къ общему началу составляетъ ничѣмъ неоправдываемый въ настоящее время научный промахъ; 3) рекомендуемое имъ спеціальное орудіе для психическаго изслѣдованія оказывается фикціей; 4) въ матеріалѣ, который онъ рекомендуетъ для разработки, не заключается условій для разгадки тайны психическихъ процессовъ; безъ особенной же, совершенно непредвидимой, помощи со стороны этого матеріала, 5) весь его способъ сводится на чистое умозрѣніе. И потому, 6) психологія не можетъ стать на этихъ основаніяхъ на степень положительной науки.

Лучшимъ доказательствомъ приведенныхъ выводовъ можетъ служить вторая часть сочиненія г. Кавелина, въ которой онъ пробуетъ примѣнять свои общія начала къ разработкѣ частныхъ вопросовъ, а именно: 1) явленій, стоящихъ на рубежѣ психическаго и матеріальнаго элементовъ (стр. 59—69); 2) чувства (стр. 69—86); 3) актовъ мышленія (стр. 127—136 и стр. 140—147); и 4) произвольной дѣятельности души (178—207). Правда, система его прилагается не вполнѣ; свои выводы онъ основываетъ не на томъ обширномъ историческомъ матеріалѣ, который рекомендуется имъ въ общей части, а на разборѣ обыденныхъ психическихъ фактовъ; но выше мы видѣли, что и при употребленіи матеріала перваго рода, положеніе дѣла существенно не могло бы измѣниться; притомъ, если самъ основатель системы считаетъ возможнымъ дѣлать пробы безъ соблюденія сказаннаго условія, значитъ, проба возможна.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ разбору этой части труда г. Кавелина, считаю нужнымъ оговориться. Разбирать я буду лишь главные выводы и стану касаться аргументаціи г. Кавелина лишь тамъ, гдѣ это неизбѣжно, иначе мнѣ пришлось бы повторять извѣстныя всякому общежитейскія воззрѣнія на мысль, чувство и пр., которыя, какъ уже сказано, лежатъ въ основѣ всѣхъ выводовъ г. Кавелина.

Хотя онъ и не даетъ нигдѣ ключа къ общему ходу своей мысли во второй части своего труда, но подмѣтить главныя руководящія мысли все-таки возможно. Вотъ онѣ:

1) Психологія есть наука о душѣ, ея свойствахъ и проявленіяхъ.

2) Законами душевныхъ проявленій опредѣляются свойства души.

3) Главнѣйшія формы душевныхъ проявленій суть: a) психическіе факты, стоящіе на рубежѣ психическаго и матеріальнаго элементовъ; b) чувство; c) акты мышленія, и d) воля. Всѣ эти проявленія разбираются критически, выводятся законы и соотвѣтственно послѣднимъ придаются душѣ тѣ или другія свойства (сознательность, идеальность, свобода, способность раздваиваться и пр.).

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ я приведу для примѣра лишь слѣдующія: значеніе для психологіи галлюцинацій и сновъ, свободу мысли и актъ раздвоенія души.

Явленія, стоящія на рубежѣ психическаго и матеріальнаго элементовъ, г. Кавелинъ разбираетъ лишь настолько, чтобы выяснить отношеніе психической среды къ матеріальной, а съ тѣмъ вмѣстѣ условія и особенности психической жизни (стр. 58—59).

Первое, что онъ разсматриваетъ—галлюцинаціи. Упомянувъ о главнѣйшихъ признакахъ ихъ (отсутствіе внѣшнихъ вліяній и извращеніе впечатлѣній, доходящее до фантастичности), г. Кавелинъ приходитъ къ слѣдующему общему соображенію: „всѣ данныя галлюцинацій указываютъ въ человѣкѣ на два стремленія или тока, идущихъ въ противоположномъ направленіи, на встрѣчу другъ другу: одинъ несетъ въ душу извнѣ дѣйствія и вліянія матеріальнаго міра, другой какъ бы выноситъ изъ души эти дѣйствія и вліянія во внѣшнюю дѣйствительность, иногда въ переработанномъ видѣ. Еслибъ не было другихъ данныхъ, то одного этого было бы уже совершенно достаточно, чтобы доказать существованіе особаго психическаго центра, какъ источника явленій особаго порядка, *хотя очень возможно и даже очень вѣроятно, что галлюцинаціи происходятъ вслѣдствіе извѣстныхъ ненормальныхъ состояній физическаго организма*“.

Галлюцинаціи *всегда* производятся болѣзненнымъ состояніемъ мозга: зрительныя—ненормальнымъ возбужденіемъ зрительныхъ центровъ, слуховыя—слуховыхъ и пр. То же обстоятельство, что человѣкъ выноситъ возбужденія зрительныхъ центровъ наружу, не представляетъ не только ничего страннаго, а наоборотъ,—норму, потому что и при обыкновенномъ видѣніи происходитъ то же самое. Стало быть, галлюцинаціи не доказываютъ того, что́ думаетъ г. Кавелинъ.

За этимъ онъ находитъ, что при галлюцинаціяхъ представленія непроизвольны, тогда какъ при нормальномъ состояніи душа сама вырабатываетъ представленія и относится къ нимъ свободно. Та же мысль перефразирована у него на стр. 68-й, при анализѣ сновидѣній, гдѣ говорится, что въ актахъ мышленія и воли выражается одна дѣятельная, активная сторона души, а въ сновидѣніяхъ пассивная, страдательная. Этими выводами и исчерпывается весь его трактатъ.

Теорія свободнаго отношенія человѣка къ своимъ представленіямъ и мыслямъ имѣетъ у г. Кавелина абсолютную форму — тѣ и другія находятся, по его мнѣнію, въ нашей волѣ и власти (стр. 71). Теорія проводится во всей второй половинѣ книги, и только разъ, мелькомъ, на стр. 126, онъ упоминаетъ о *довольно распространенномъ* мнѣніи, что только дѣйствія и поступки могутъ быть, въ строгомъ смыслѣ слова, произвольны, тогда какъ чувства и мысли не зависятъ

отъ нашей воли. Отъ разбора этого мнѣнія онъ отдѣлывается нерѣшительной фразой „но это едва ли справедливо", и затѣмъ оставляетъ *довольно распространенное* мнѣніе безъ всякаго разбора. Это тоже едва ли справедливо. Въ виду важности вопроса, эту задачу приходится взять на себя.

Дѣло идетъ о томъ, дѣйствительно ли человѣкъ властенъ вызывать мысли по произволу.

Г. Кавелинъ, конечно, согласится со мной, что для образованнаго человѣка даже въ подробныхъ лексиконахъ не встрѣчается почти ни одного незнакомаго слова. Стало быть, въ головѣ у такого человѣка заключенъ запасъ по крайней мѣрѣ на нѣсколько тысячъ мыслей. Если г. Кавелинъ согласится съ этимъ, то я приглашаю его сдѣлать надъ собой слѣдующій опытъ: сказать въ теченіи одного часа хоть, напр., 200 различныхъ существительныхъ (конечно, изъ опыта нужно исключить подобные случаи, какъ напр., заученныя на память съ дѣтства цѣлыя ассоціаціи различныхъ словъ, въ родѣ исключеній изъ правилъ латинской грамматики, ряда чиселъ, спряженія разныхъ глаголовъ и пр.). При этомъ я беру на себя смѣлость предсказать слѣдующій результатъ: если передъ опытомъ г. Кавелинъ думалъ, напр., о психологіи вообще, то его первыми словами будутъ приблизительно: психологія, душа, тѣло, идеализмъ, матеріализмъ, Кантъ, Гегель и пр., и очень возможно, что опытъ ему удастся; но еслибы, при тѣхъ же условіяхъ, потребовать отъ него невзначай, чтобы онъ говорилъ извѣстныя ему существительныя, относящіяся, напр., къ поваренному искусству, огородничеству и пр., то дѣло пошло бы уже значительно труднѣе, несмотря на то, что и въ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ готовыя ассоціаціи, выражающіяся, напр., въ томъ, что вслѣдъ за капустой уже очень легко сказать: морковь, картофель, горохъ и пр. Но, положимъ, что результатъ и въ этомъ случаѣ былъ бы удаченъ. Тогда пусть г. Кавелинъ попробуетъ сказать, напр., по два слова изъ психологіи, изъ кухоннаго искусства, огородничества и пр. Здѣсь результатъ будетъ уже навѣрно отрицательный, несмотря на то, что передъ каждымъ отдѣломъ существительныхъ стоитъ родовое понятіе, обнимающее собою въ ассоціаціяхъ десятки видовыхъ представленій.

Если, наоборотъ, онъ станетъ по командѣ дѣлать разныя движенія головой, глазами, руками, ногами и пр., то опытъ ему легко удастся.

Отсюда слѣдуетъ уже съ очевидностью, что если мы, какъ говорится, и можемъ вызывать по произволу представленія и мысли, то сравнительно въ очень скромныхъ размѣрахъ, преимущественно тѣ, которыя стоятъ въ болѣе или менѣе близкой связи съ мыслями, занимавшими насъ передъ этимъ, яко бы произвольнымъ, вызываніемъ

ихъ. При этомъ не нужно забывать, что власть человѣка надъ мыслями была бы доказана вполнѣ только въ томъ случаѣ, еслибы человѣкъ могъ въ самомъ дѣлѣ вызвать произвольно въ головѣ *весь* рядъ извѣстныхъ ему словъ, подобно тому, какъ онъ легко можетъ воспроизвесть весь рядъ извѣстныхъ ему движеній.

Но и эта ограниченная власть оказывается, при ближайшемъ разсмотрѣніи, иллюзіей. Въ приведенныхъ опытахъ приглашеніе къ нимъ составляетъ уже мотивъ, опредѣляющій появленіе въ сознаніи ассоціированныхъ между собой существительныхъ; до тѣхъ поръ, пока всякое предыдущее легко тянетъ за собой послѣдующее, ассоціація еще не исчерпана — рядъ словъ льется легко; но за предѣлами ея начинаются уже точки преткновенія, несмотря на то, что мотивъ продолжаетъ дѣйствовать пришпоривающимъ образомъ.

Что касается до фактовъ обыденной жизни, когда человѣкъ, повидимому, произвольно вызываетъ въ себѣ мысли, то мотивъ къ этому вызыванію *всегда* опредѣляется занятіями или данной минуты, что всего чаще, или какими-нибудь дѣлами, обстоятельствами, существующими для человѣка помимо его настоящей работы. Доказать это крайне легко не только на примѣрахъ, но даже съ общей точки зрѣнія. Когда человѣкъ что-нибудь придумываетъ или усиливается что-нибудь вспомнить (все это фигурныя выраженія), значитъ мысль, которой онъ ищетъ, нужна ему для какого-нибудь дѣла, иначе онъ былъ бы сумасшедшій; *дѣло* и есть стало быть мотивъ, опредѣляющій тѣ темные процессы, которые мы фигурно называемъ поисками или стараніемъ придумать, припомнить.

Акты эти родятся, слѣдовательно, въ сознаніи *всегда, какъ послѣдствіе, никогда — произвольно*. Да и результатъ этихъ поисковъ, какъ говоритъ ежедневный опытъ, чисто случайный — удача нисколько не идетъ параллельно усиліямъ, часто бываетъ даже наоборотъ: забытое припоминается, когда человѣкъ уже отказался отъ желанія вспомнить. Но можетъ быть произвольность выражается въ самыхъ поискахъ забытой мысли?—Сознаніе говоритъ, что человѣкъ дѣлаетъ при этомъ какія-то умственныя усилія, и процессъ имѣетъ даже опредѣленную физіономію, выражающуюся хмуреніемъ бровей и треніемъ лба. Процессъ припоминанія, очевидно, реальный, но до такой степени темный, что отличить въ немъ можно съ нѣкоторой ясностью только два пункта: 1) сознаніе внезапнаго перерыва въ той ассоціаціи (когда человѣкъ во время разсказа или думы про себя вдругъ забываетъ слово), которая проходила въ головѣ,—перерыва, который всегда дѣйствуетъ на человѣка какъ толчокъ (если человѣкъ даже спитъ подъ чтеніе или музыку, то отъ внезапнаго перерыва ихъ онъ просыпается(, переводящій, по общежитейскому выраженію, его мозги на новые

рельсы; 2) затѣмъ, желаніе вернуть утраченное, выражающееся въ томъ, что при неудачѣ является даже досада. Въ этихъ элементахъ произвольнаго ничего нѣтъ, другихъ же мы не отличаемъ; стало-быть, о произвольности, какъ и вообще о качествахъ процесса придумыванія, воспоминанія, и рѣчи быть не можетъ.

Другой аргументъ противъ свободы мышленія заключается въ томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что мы не въ силахъ подавить въ себѣ мысль непосредственно. На это конечно можно было бы возразить, что двоякое вліяніе воли на поступки не доказываетъ еще, что она должна дѣйствовать двоякимъ же образомъ и по отношенію къ мыслямъ, такъ какъ самыя воли могутъ быть различны; но тогда послѣднее слѣдовало бы доказать, иначе трактатъ не имѣетъ научнаго смысла; или по крайней мѣрѣ, въ видахъ логичности, слово „свобода“ слѣдовало замѣнить словомъ „полу-свобода“.

По счастію для человѣчества, оно не имѣетъ надъ своими мыслями и этой полу-власти, и только благодаря этому условію, мышленіе наше получаетъ характеръ непрерывной цѣпи, звенья которой послѣдовательно вытекаютъ другъ изъ друга. Самъ г. Кавелинъ опредѣляетъ (стр. 108—109) состоянія, когда мы забываемся, грезимъ на яву, какъ случаи несвободнаго мышленія; но вѣдь глубокая научная дума, поглощающая человѣка до забвенія всего окружающаго, *по всѣмъ признакамъ*, похожа на эти грезы. А между тѣмъ изъ этихъ научныхъ мечтаній родятся самыя высокія открытія; и для этого вовсе не нужно, чтобы грезы были съ запятыми, то-есть непремѣнно прерывались произвольнымъ придумываніемъ новыхъ мыслей; наоборотъ, какъ при всякомъ сосредоточенномъ мышленіи, теченіе ихъ обыкновенно бываетъ плавное. Всякій человѣкъ, испытавшій на себѣ минуты зарожденія соображеній, поведшихъ къ новой научной истинѣ, можетъ засвидѣтельствовать справедливость моихъ словъ.

Всѣ перечисленныя соображенія еще легче приложимы къ чувству, которое г. Кавелинъ тоже считаетъ свободнымъ, хотя и менѣе, чѣмъ мысль.

Но вѣнцомъ его философскихъ изысканій все-таки остается выводъ раздвоенія души.

Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ предметѣ г. Кавелинъ (стр. 103—104): „Внутреннее зрѣніе и способность души получать и сохранять психическія впечатлѣнія указываетъ на свойство ея раздвояться внутри себя, оставаясь единой и цѣльной. Какъ память сохраняетъ и удерживаетъ въ душѣ факты, которые представляются сознанію и самосознанію, такъ раздвоеніе души, остающейся въ то же время единой, даетъ намъ возможность ихъ видѣть и знать, что они

находятся въ душѣ, или видѣть себя и знать, что видишь себя, а не другого. Еслибъ душа не имѣла способности раздвояться, оставаясь нераздѣльной и цѣлой, то человѣкъ не могъ бы видѣть того, что́ заключается и происходитъ въ его душѣ, не могъ бы психически смотрѣть въ самого себя; еслибъ душа, раздвоясь, не оставалась въ то же время нераздѣльной, то человѣкъ не могъ бы сознавать самого себя, думать или говорить о себѣ: *я*; раздвоившись внутренно, онъ психически распался бы на двѣ постороннія другъ другу половины и казался бы самому себѣ чѣмъ-то постороннимъ, чуждымъ и внѣшнимъ; но такъ какъ онъ сознаетъ, что это постороннее и другое — онъ самъ, то отсюда видно, что, несмотря на раздвоеніе, душа его остается нераздѣльной и цѣлой.

„Ничего подобнаго этому свойству мы не встрѣчаемъ въ физическомъ мірѣ... Еслибъ мы вздумали объяснить способность психическаго раздвоенія и ея послѣдствія *примѣрами изъ матеріальнаго міра*, то пришлось бы допустить, что предметъ можетъ выдѣляться изъ самого себя, или что выдѣленная *часть можетъ быть равна цѣлому и быть сама этимъ цѣлымъ*, или что *цѣлое можетъ оставаться цѣлымъ и по выдѣленіи изъ него части;* но всѣ подобныя представленія въ примѣненіи къ матеріальному міру совершенно невозможны, а въ психическомъ имъ соотвѣтствуютъ очень обыкновенные и безспорные факты, которые каждый можетъ наблюдать на себѣ и на другихъ — *такъ они просты и очевидны*... Психическій организмъ составляетъ особый видъ организмовъ, также непохожій на физическіе, *какъ органическіе предметы не похожи на неорганическіе или животныя на растенія*“.

Всю эту теорію я разберу только съ логической стороны.

Говоря о невозможности объяснить психическое раздвоеніе примѣрами изъ матеріальнаго міра, г. Кавелинъ цитируетъ такія отвлеченія, которыя всѣми людьми на свѣтѣ считаются *аксіомами,* то-есть истинами, не требующими доказательствъ (часть не можетъ быть равна цѣлому, цѣлое не можетъ не уменьшиться по выдѣленіи части). Эти истины обязательны не только для математика, но и *для всякаго логическаго мышленія.* Поэтому всѣ случаи уклоненія отъ этихъ истинъ признаются всѣми людьми *тайнами*, то-есть предметами, которые умъ человѣческій постичь не можетъ. Г-нъ же Кавелинъ въ первой половинѣ приведенной выписки *выводитъ эту тайну* логически (!!!), другими словами, *онъ познаетъ тайну.* Очевидный абсурдъ.

Далѣе. По его словамъ, въ основѣ вывода лежатъ *простые* факты; стало быть: фактъ, заключающій въ себѣ данныя вывода, простъ, а выводъ непостижимъ для человѣческаго ума. Другой абсурдъ.

Въ-третьихъ. Всѣ физики, химики, ботаники и зоологи всѣхъ странъ признаютъ, что органическіе и неорганическіе предметы, растенія и животныя, управляются въ сущности одинаковыми законами. Стало быть, *между ними не существуетъ такихъ страшныхъ разничій, какъ между раздвояющимся и все-таки цѣльнымъ психическимъ и любымъ физическимъ организмомъ.* Аналогія приведена, слѣдовательно, неправильная, да притомъ приведеніе ея нелогично: ужъ если разъ сказано, что примѣрами изъ матеріальнаго міра объяснить раздвоенія нельзя, то какъ же можно примирить умъ съ этимъ раздвоеніемъ, ссылаясь именно на факты матеріальнаго міра.

Этимъ я заканчиваю разборъ философской системы г. Кавелина, чтобы въ свою очередь попытаться набросить въ общихъ чертахъ планъ разработки психическихъ фактовъ, такъ какъ время для нея, повторяю еще разъ, уже наступило.

Ив. Сѣченовъ.

ПОЛЬСКАЯ ПРЕССА ВЪ 1871 ГОДУ.

Warszawski Rocznik literacki. Wars. 1872. — Na Dziś. Pismo zbiorowe. Krakow. I. 1872. (Bibliografia polska).

Если принять во вниманіе численность сочиненій, вышедшихъ на польскомъ языкѣ въ прошломъ году, то нельзя не подивиться значительности цифры ихъ: она доходитъ до 674. Тѣмъ не менѣе, даже польскіе отчеты жалуются на бѣдность своей литературы истекшаго года. Таланты совсѣмъ перевелись, и почти все, сколько-нибудь заслуживающее вниманія, преимущественно изъ области изящной литературы, явившееся въ 1871-мъ году, исчерпывается новыми изданіями прежнихъ авторовъ или переводами съ иностранныхъ языковъ. Что касается до другихъ отраслей литературы, то оригинальныхъ произведеній по нимъ оказывается чрезвычайно мало, да и переводы, по свидѣтельству польскихъ же отчетовъ, расходятся весьма туго. Благодаря свѣдѣніямъ, находящимся въ двухъ отчетахъ, заглавіе которыхъ мы выписали выше, можно составить слѣдующую статистическую таблицу польскихъ книгъ, вышедшихъ въ 1871-мъ году:

	Въ Россіи.	Въ Австріи.	Въ Пруссіи.	Въ остальн. государств.	Вмѣстѣ.
Книги духовнаго содержанія	17	19	15	4	55
Философія и педагогика	7	13	3	4	27
Законовѣдѣніе и администрація. . .	11	16	2	—	29
Политическая экономія, хозяйство и промышленность	19	14	2	—	35
Естествовѣдѣніе	11	15	—	—	26
Медицина	14	7	1	—	22
Исторія, археологія, біографія . . .	13	34	9	5	61
Языкознаніе.	—	11	2	—	13
Географія, этнографія и статистика	1	11	—	—	12
Математика	—	3	3	1	7
Стихотворенія.	15	28	4	—	47
Повѣсти, романы, драмы и. т. д. . .	37	60	22	3	122
Изящныя искусства	—	2	—	—	2
Брошюры, отчеты, полемич. статьи .	—	55	7	1	63
Книги для дѣтей.	12	10	8	10	40
Календари	8	14	8	—	30
Повременныя изданія	35	33	14	1	83
Итого	180	365	100	29	674

Изъ этой таблицы видно, что центры литературной дѣятельности сосредоточены въ австрійской Польшѣ, т.-е. въ Краковѣ и Львовѣ. Варшава пока занимаетъ первое мѣсто только по періодической печати. Далѣе можно замѣтить, что въ значительной степени преобладающею литературою является беллетристика, потомъ разные летучіе листки, затѣмъ исторія и ея вспомогательныя науки, наконецъ богословіе. Поразительно мало книгъ по естествовѣдѣнію, особенно если сравнить съ количествомъ появляющихся въ Россіи. Учебниковъ тоже почти нѣтъ, но это обусловливается главнымъ образомъ малою употребительностью польскаго языка въ школѣ въ русской и прусской Польшѣ. Научныхъ спеціальныхъ сочиненій весьма мало, за исключеніемъ медицинскихъ, чему способствуетъ въ значительной степени общество польскихъ врачей, существующее въ Варшавѣ. Это единственное польское ученое общество, имѣющееся въ предѣлахъ россійской имперіи; другія общества (литературное, любителей наукъ, механическое и археологическое) приходятся на Австрію, чѣмъ, равно какъ и польскими университетами, объясняется численное превосходство книгъ по исторіи, этнографіи, географіи, статистикѣ, филологіи и эстетикѣ, изданныхъ въ Львовѣ и Краковѣ.

Такова польская библіографія прошедшаго года съ внѣшней стороны; что же касается до внутренней, то мы ее постараемся охарактеризовать главнымъ образомъ по даннымъ, имѣющимся въ книжкѣ подъ заглавіемъ: «Warszawski Rocznik literacki».

Кружокъ литераторовъ, издавшихъ эту книгу, безспорно знакомъ близко съ литературнымъ движеніемъ своего отечества. Онъ возбуж-

даетъ еще болѣе довѣріе къ себѣ тѣмъ, что отрѣшается отъ всякихъ ультра-патріотическихъ и національныхъ предразсудковъ и, стоя на почвѣ общечеловѣческаго просвѣщенія, смѣло высказываетъ свои мнѣнія соотечественникамъ, хотя эти мнѣнія и весьма не лестны для нихъ. У польскихъ писателей обыкновенно преобладаетъ поклоненіе старинѣ, стремленіе выдвинуть наружу всякую свѣтлую сторону, раздувать ее и покрывать такимъ образомъ цѣлую кучу дряхлой рухляди; они въ большей части случаевъ боятся прибѣгать къ громкимъ обличеніямъ, такъ какъ полагаютъ, что подобный тонъ способенъ лишь къ тому, чтобы убить всякую энергію и національное чувство въ своихъ соотечественникахъ, усилить и безъ того уже существующее у другихъ народовъ сомнѣніе на счетъ живучести въ польскомъ народѣ такихъ началъ, которыя давали бы ему право на политическую самостоятельность. Исходя изъ этой точки зрѣнія, польскіе писатели во всякомъ злѣ, замѣчаемомъ у себя дома, стараются обвинить постороннія обстоятельства, взвалить бѣду на другихъ и идеализировать родное. Кружокъ безпристрастныхъ критиковъ, сознавшихъ невозможность жить археологическимъ патріотизмомъ, былъ до сихъ поръ между польскими писателями очень немноголюденъ; не особенно-то онъ великъ и теперь, но во всякомъ случаѣ стремленіе къ другимъ идеаламъ, къ жизни на новыхъ основаніяхъ, дѣлается въ настоящее время все болѣе и болѣе замѣтнымъ. Къ этому лагерю принадлежатъ и составители „Варшавскаго литературнаго ежегодника“, изъ этого же лагеря вышли и тѣ писатели, которые начинаютъ толковать объ искреннемъ сближеніи поляковъ съ Россіею. Разумѣется, намъ остается только радоваться проблескамъ этого новаго направленія и заботиться, чтобы они не заглохли.

Но такое направленіе пока еще только въ зародышѣ. Почти вся польская литература минувшаго года продолжаетъ благоговѣть передъ пестрыми, но безсодержательными для XIX-го вѣка образами прошедшаго, открещиваться отъ демократизма и анти-католическаго прогресса, драпироваться въ порядочно изношенный плащъ байронизма или вращаться въ области отвлеченной морали. Просматривая каталогъ 674 книгъ, вышедшихъ въ минувшемъ году, можно насчитать не болѣе двадцати пяти такихъ, которыя бы затронули живые современные вопросы, а еще менѣе такихъ, которыя попытались бы рѣшить ихъ въ современномъ духѣ. Изъ статистическихъ свѣдѣній, приведенныхъ нами выше, видно, какъ сравнительно мало вышло книгъ по естествовѣдѣнію, да и вышедшія суть не иное что, какъ переводы довольно слабыхъ популярныхъ компиляцій; имена же въ родѣ Дарвина, Фохта и т. п. остаются извѣстными польской публикѣ лишь по наслышкѣ, да по тѣмъ отзывамъ, которые о нихъ помѣща-

лись въ „Католическомъ Обозрѣніи“ или въ многочисленныхъ богословскихъ книгахъ, которыхъ въ одномъ 1871-мъ году вышло 55. То же самое явленіе наблюдается въ области философіи; одна только монографія г. Охоровича („Задачи психологіи въ XIX вѣкѣ“) стоитъ на почвѣ позитивизма; но за то найдете болѣе десятка измышленій такихъ философовъ, какъ аббатъ Лафоре, какъ д-ръ Гаффнеръ, которые бьютъ въ набатъ по поводу Конта, Литтре и Милля. Результаты, добытые историческою наукою нашего времени, также не пользуются въ польскомъ обществѣ популярностью: только одинъ Бокль переведенъ, а книги Дрэпера, Лекки и др. не удостоились этой чести. Польскіе историки занимаются, главнымъ образомъ, древнимъ періодомъ исторіи своего отечества, а также собираютъ и издаютъ матеріалы. Къ прошлому году относится довольно много такихъ изданій, какъ совершенно новыхъ, такъ и перепечатокъ прежде вышедшихъ. Къ числу такихъ изданій относится „Codex diplomaticus studii generalis Cracoviensis“, нѣсколько интересныхъ мемуаровъ о кампаніи 1812 года, о возстаніи Костюшки, а также сборникъ историческихъ записокъ разныхъ польскихъ общественныхъ дѣятелей минувшаго столѣтія, издаваемый г. Крашевскимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что труды эти весьма полезны, даже драгоцѣнны; но обиліе ихъ сравнительно съ немногочисленностью книгъ другого рода, книгъ живыхъ, весьма краснорѣчиво говоритъ за господство въ польской литературѣ односторонняго направленія. Изъ современныхъ явленій одна только прусско-французская война сильно заинтересовала польскую читающую публику, которая съ жадностью расхватывала книгу Сарсе („Осада Парижа“), брошюру Фея („Дневникъ Мецской арміи“) и т. п.

Романъ и повѣсть распространены въ публикѣ значительнѣе всего. Во главѣ книгъ этого рода стоятъ труды г. Крашевскаго. Г. Крашевскій — авторъ весьма плодовитый; онъ въ этомъ отношеніи можетъ быть сравниваемъ съ Александромъ Дюма, и не уступитъ послѣднему по силѣ таланта, по полнотѣ мыслей, замѣчаемой въ нѣкоторыхъ изъ его произведеній. Тѣмъ не менѣе восемь произведеній, вышедшихъ изъ-подъ его пера въ 1871-мъ году, обнаруживаютъ значительный упадокъ его таланта, и вращаются главнымъ образомъ на запутанности интриги, неожиданности развязки. О польской беллетристической литературѣ въ общей сложности можно сказать, что она или до крайности безсодержательна, или занимается идеализаціею картинъ прошедшаго; при чемъ авторы благоговѣютъ даже предъ кулачнымъ правомъ и пьянствомъ пановъ и шляхтичей Рѣчи-Посполитой, или впадаютъ въ идиллическій тонъ, доходящій до приторности и борющійся противъ какихъ-то, никому невѣдомыхъ, разрушительныхъ началъ. Довольно блестящее исключеніе изъ этого общаго направленія со-

ставляютъ живыя, ѣдкія характеристики польскаго дворянства г. Ежа, да „Могильна“ г. Захарьясевича, автора, хотя и не чуждаго туманнаго полонофильства, но безспорно талантливаго, взявшагося въ названной повѣсти, какъ и въ нѣкоторыхъ изданныхъ прежде, изобразить германизацію западныхъ славянъ. Переводная литература обогатилась въ 1871-мъ году двумя-тремя романами Шпильгагена, да нѣсколькими довольно древними произведеніями Жоржъ-Санда. Изъ русскихъ произведеній только „Борисъ Годуновъ“ гр. Толстаго нашелъ себѣ переводчика.

Но если книжная литература утратила живость и современный интересъ, то неужели въ этомъ можетъ быть обвинена и литература періодическая, на обязанности которой лежитъ главнымъ образомъ занятіе текущими дѣлами? Къ сожалѣнію—сонливость и мертвенность охватили и ее. Журналы, какъ „Еженедѣльная Иллюстрація“, „Колосья“, „Плющъ“ и др. отличаются другъ отъ друга лишь по формѣ, содержаніе же въ нихъ одно и то же. Главная ихъ пища—переводы французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ романовъ, а также выкапываніе изъ-подъ пепла разныхъ древнихъ храмовъ и другихъ памятниковъ, однообразное и скучное описаніе которыхъ, вмѣстѣ съ довольно сносными снимками, наполняетъ нумера журналовъ. Характеристическую черту этихъ изданій составляетъ погоня за біографіями. Достаточно какому-нибудь врачу исцѣлить трехъ-четырехъ трудныхъ больныхъ, какому-нибудь богачу пожертвовать нѣсколько мѣдныхъ грошей на богоугодныя заведенія—и имена ихъ, а также портреты и подвиги, передаются текущею литературою въ назиданіе потомства. Отсутствіе критики замѣчается повсюду; взаимное же восхваленіе встрѣчается чуть ли не въ каждомъ нумерѣ.—Нѣсколько особнякомъ отъ названныхъ выше журналовъ стоитъ якобы ученая и архи-серьезная „Варшавская Библіотека“. Она весьма высокаго мнѣнія о себѣ, но живетъ главнымъ образомъ воспоминаніями о своемъ прошломъ величіи.

Однако мы были бы несправедливы, еслибъ не указали на проблески лучшихъ начинаній въ журналистикѣ; къ числу такихъ проблесковъ можно отнести краковское изданіе: „Na Dziś“ („На Сегодня“) выходящее безъ срока довольно объемистыми книжками и задавшееся, по крайней мѣрѣ, если не цѣлью отвѣчать на современные вопросы, то помѣщать статьи, знакомящія публику съ результатами, добытыми западно-европейскою наукою и жизнью. Другое изданіе съ новымъ характеромъ—это варшавское „Еженедѣльное Обозрѣніе“, подвергающееся гоненію со стороны польскихъ патріотовъ и осуждаемое на сожженіе католическими священниками, которые упоминаютъ иногда о немъ даже въ своихъ церковныхъ проповѣдяхъ. „Еженедѣльное Обозрѣніе“ поста-

вило себѣ задачею бороться съ мертвою польскою журналистикою и раскрывать передъ публикою всю ея несостоятельность, ея старовѣрство. Уязвленные органы обыкновенно молчатъ, дѣлая видъ, что не желаютъ обращать вниманія на „недостойныя“ выходки „редакціи юношей“; но иногда, не вытерпѣвъ, разражаются громоносными статьями противъ мухи, не дающей имъ спать спокойно, и такимъ образомъ доказываютъ, что ихъ молчаніе, выдаваемое за олимпійскую важность, не всегда обусловливается сознаніемъ собственнаго достоинства. Впрочемъ, „Еженедѣльное Обозрѣніе“ имѣетъ значеніе лишь отрицательное: ловко и остроумно побивая своихъ собратовъ, оно пока не выработало для себя опредѣленной программы.

Польскія газеты въ Австріи и Пруссіи занимаются текущими вопросами и служатъ родинѣ настолько, насколько имъ достало умѣнья. Но выходящія въ царствѣ польскомъ запечатлѣны тѣмъ же характеромъ, какъ и объемистыя повременныя изданія. „Варшавская Газета“ помѣщаетъ постоянно пространныя свѣдѣнія про готтентотовъ и мормоновъ, со всевозможныхъ точекъ зрѣнія обозрѣваетъ испанскія дѣла, тщательно выбираетъ изъ иностранныхъ изданій самыя мелочныя подробности про Гамбетту, Наполеона III, Тьера или Гранта; но для нея не существуетъ ни судебный вопросъ въ привислинскомъ краѣ, ни вопросъ объ учебной реформѣ, ни даже крестьянское дѣло. О другомъ ежедневномъ органѣ, едва ли не самомъ распространенномъ, „Польской Газетѣ“, „Литературный Ежегодникъ“ произноситъ слѣдующее сужденіе: „Еслибы на перекресткѣ нѣсколькихъ улицъ прибить большой листъ бѣлой бумаги, куда бы всѣ прохожіе записывали свои мнѣнія и сужденія, а потомъ безъ всякихъ измѣненій напечатать написанное, то получился бы вѣрный типъ „Польской Газеты“. Цѣлый ворохъ разнообразныхъ свѣдѣній безъ всякой внутренней связи, иногда нѣсколько разъ повторяемыхъ въ одномъ и томъ же нумерѣ или противорѣчащихъ одно другому — вотъ эта почтенная руководительница общественнаго мнѣнія. Вы можете въ ней читать тридцать разъ о томъ, что Бейстъ вышелъ въ отставку, и въ заключеніе не узнать навѣрно, въ самомъ ли дѣлѣ это случилось. Не знаешь, что́ тутъ цѣннѣе, содержаніе ли газеты, или затраты на ея изданіе?“ Добросовѣстнѣе и разумнѣе другихъ повременныхъ изданій ведетъ свое дѣло органъ польскихъ Евреевъ „Израильтянинъ“.

Изъ этого краткаго отчета о польской литературѣ минувшаго года, отчета, составленнаго главнымъ образомъ на основаніи польскихъ же источниковъ, слѣдуетъ весьма грустный выводъ: литература эта имѣетъ очень мало задатковъ на жизнь, она открещивается отъ идей прогресса, она не является руководительницею обществен-

наго мнѣнія, инстанціею, въ которой бы обсуждались насущныя потребности, вопросы дня. Авторъ „Ежегодника“ посвящаетъ цѣлую, довольно объемистую статью разсмотрѣнію причинъ такого упадка, такой нравственной и умственной нищеты. На первомъ планѣ онъ здѣсь ставитъ консерватизмъ самого общества и его любовь ко всему тому, что и въ литературѣ и въ жизни покрыто археологическою пылью; затѣмъ думаетъ, что неразвитость читающихъ массъ дѣлаетъ невозможнымъ предложеніе имъ другой умственной пищи, какъ пустячные повѣсти и романы. Въ этомъ отношеніи литература испытываетъ на себѣ пагубное вліяніе со стороны общества, но и сама она далеко небезвинна. Дѣло въ томъ, что составленіе книгъ, журналовъ и газетъ попадаетъ въ руки такихъ людей, которымъ слѣдовало бы раньше писанія хоть кое-что прочитать, а также научиться болѣе добросовѣстному отношенію къ своему дѣлу. „Отсюда, говоритъ авторъ, происходитъ и то справедливое недовѣріе къ литераторамъ, которое замѣчается въ нашемъ обществѣ. Если говорятъ о комъ-нибудь, что онъ литераторъ, то это значитъ почти то же, что „онъ неучъ, шарлатанъ, фокусникъ“. Нравственное вліяніе литературы при существованіи такого взгляда на литератора едва ли мыслимо. „Давленіе капитала оказываетъ, по мнѣнію автора, сильное вліяніе на всю литературу: издатели книгъ и журналовъ стремятся лишь къ полученію извѣстнаго дохода, а потому поддѣлываются подъ вкусъ публики, сами подъ-часъ сознавая всю пошлость такого поступка. Книгопродавцы-издатели смотрятъ на свое дѣло и здѣсь, какъ почти вездѣ, исключительно съ коммерческой точки зрѣнія, а потому и понятно то, что они стараются лишь объ одномъ удовлетвореніи спроса; но редакторы не должны бы являться рабами мнѣнія массъ и своихъ грошевыхъ разсчетовъ, тѣмъ болѣе что всѣ редакціи въ матеріальномъ отношеніи обставлены очень не дурно, а появленіе нѣсколькихъ новыхъ органовъ въ 1872-мъ году указываетъ на довольно значительную обширность круга читателей. Притомъ литературный трудъ въ Варшавѣ баснословно дешевъ: по вычисленію автора „Ежегодника“, одинъ часъ литературной работы сотрудника редакціи оплачивается отъ 15 до 30-ти копѣекъ!

Вотъ какими причинами объясняетъ авторъ упадокъ польской литературы. Мы вполнѣ согласны съ нимъ, что кругозоръ самого общества очень ограниченъ, а это не можетъ не отразиться на литературѣ, равно какъ и степень умственныхъ и нравственныхъ качествъ самихъ литераторовъ. Но мы полагаемъ, что рядомъ съ этими причинами дѣйствуютъ и другія, а именно постепенное вытѣсненіе польскаго языка изъ школы и общественной жизни въ русской и прусской Польшѣ. Сонливость же варшавскихъ редакцій и ихъ нежеланіе

заниматься обмѣномъ мыслей по поводу текущихъ интересовъ, въ значительной степени могутъ быть объяснены вліяніемъ цензурныхъ стѣсненій. Всякому извѣстно, что́ значитъ цензура въ провинціи, какъ невелико довѣріе общества къ такому листу, который снабженъ словами: „одобрено цензурою.“ Слова эти исключаютъ до нѣкоторой степени возможность свободнаго обсужденія, заключаютъ въ себѣ какъ бы намекъ на обязательность говорить такъ, а не иначе. Вотъ почему, думаемъ мы, если намъ желательно распространеніе въ польскомъ обществѣ новыхъ идей, если желательно подавленіе католической и шляхетской традиціи, если желательно поддержаніе того, пока немногочисленнаго, кружка поляковъ, которые сознали необходимость искренняго сближенія съ Россіею и признанія совершившихся фактовъ, то мы должны дать Варшавѣ по крайней мѣрѣ ту долю свободы печати, которою пользуются Москва и Петербургъ. Наша администрація имѣетъ всегда въ рукахъ много средствъ обуздать всякое злоупотребленіе въ этой области, а потому опасаться того, чтобы печать, надѣленная нѣкоторою долею свободы, не стала органомъ „коварной польской интриги“ — незачѣмъ. Всякое стѣсненіе печати можетъ быть съ-руки однимъ ксендзамъ и ультра-патріотамъ.

П—чъ.

ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ.

I.

„М. Г. Въ № VIII-мъ „Вѣстника Европы“ помѣщенъ библіографическій отзывъ о вышедшемъ въ нынѣшнемъ году III-мъ выпускѣ „Ежегодника министерства финансовъ“. Рецензентъ выразилъ мнѣніе, что „Ежегодникъ“ вообще не соотвѣтствуетъ своей цѣли, не исполняетъ своей *исторической задачи* и идетъ все ухудшаясь. Въ доказательство же того приведено слѣдующее:

1) Бо́льшая часть свѣдѣній, какъ, напримѣръ, свѣдѣнія о горной части и другихъ, представляютъ только простую сводку, безъ всякой обработки, при чемъ редакція пренебрегаетъ свѣдѣніями, доставляемыми изъ губерній.

2) Свѣдѣнія о городскихъ общественныхъ банкахъ, о выкупной операціи и о внѣшней торговлѣ не болѣе какъ перепечатка изъ „Правительственнаго Вѣстника“ и другихъ источниковъ.

3) Матеріалъ III-го выпуска „Ежегодника“ вообще, какъ по количеству такъ и по качеству, ниже матеріала предыдущихъ выпусковъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ свѣдѣній о фабрикахъ и мануфактурахъ, въ свѣдѣніяхъ о питейной торговлѣ и о дыбычѣ соли не достаетъ той разработки, которая была въ первомъ и второмъ выпускахъ, а кромѣ того,

нѣтъ вовсе свѣдѣній о количествѣ проданнаго вина по губерніямъ и т. д.

Состоя редакторомъ „Ежегодника", издаваемаго по моей иниціативѣ, я считаю неумѣстнымъ входить въ разборъ мнѣнія автора замѣтки, на счетъ пользы и достоинства этого изданія и на счетъ удовлетворительности или неудовлетворительности редакціи. Но при всемъ томъ, я считаю своею обязанностію объяснить слѣдующее:

Автору замѣтки должно быть извѣстно, что „простая сводка", публикуемая „Ежегодникомъ", только и можетъ быть составлена изъ мѣстныхъ свѣдѣній, и потому редакція не могла пренебрегать свѣдѣніями, доставляемыми изъ губерній. Эта „простая сводка" составляетъ труднѣйшую часть всей работы, особенно если она должна производиться правильно, безъ перерывовъ, по постояннымъ формамъ, тогда какъ качество первоначальнаго матеріала зависитъ отъ множества случайностей. Знакомому съ оффиціальными статистическими изданіями, публикуемыми разными статистическими учрежденіями Европы, извѣстно, что всѣ эти Annuaires, Jahrbücher, Annual returns и отдѣльныя изданія тоже содержатъ не болѣе какъ „своды", и что именно эти своды-то и составляютъ главное основаніе статистики, какъ науки. Публикуя своды, „Ежегодникъ" вполнѣ отвѣчаетъ своей программѣ и своему назначенію—готовить матеріалъ для правильной статистической разработки главныхъ вопросовъ, которые входятъ въ область управленія министерства финансовъ, и для оцѣнки, результатовъ этой дѣятельности. Дѣлать выводы и заключенія, т.-е. дѣлать оцѣнку собственной своей дѣятельности, министерство считаетъ неудобнымъ и предоставляетъ это частной критикѣ. Забота его состоитъ исключительно въ томъ, чтобы матеріалъ для частной работы былъ вѣрный и не представлялъ пробѣловъ и перерывовъ.

Далѣе. Утверждая, что свѣдѣнія объ общественныхъ городскихъ банкахъ, о выкупной операціи и о внѣшней торговлѣ перепечатки, авторъ опять не правъ. Что касается свѣдѣній о городскихъ общественныхъ банкахъ, то одинъ объемъ могъ бы убѣдить всякаго въ томъ, что тутъ и рѣчи быть не можетъ о перепечаткѣ. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" свѣдѣнія эти занимаютъ одну газетную страницу, въ „Ежегодникѣ" $4^1/_2$ листа (71 стр.) мелкой печати. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" упомянуты только главные обороты,—въ „Ежегодникѣ" приведены всѣ подробности подлинныхъ отчетовъ. Притомъ въ „Ежегодникѣ", на стр. 210-й, сказано: „Почти всѣ цифры „Правительственнаго Вѣстника" и „Ежегодника" не сходны между собою", и затѣмъ на послѣдующихъ страницахъ оговорены всѣ разногласія, а также указаны ошибки въ вѣдомости „Правительственнаго Вѣстника". Всѣхъ оговорокъ и поправокъ около 130-ти. Что касается выкупной операціи, то я замѣчу, что въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" печатаются мѣсячные балансы, а въ „Ежегодникѣ" годовые отчеты; наконецъ, относительно свѣдѣній о внѣшней торговлѣ мнѣ достаточно указать на одни заголовки, чтобъ оправдаться отъ взводимыхъ на „Ежегодникъ" обвиненій.

По третьему пункту. Ни во II-мъ, ни въ III-мъ выпускахъ „Ежегодника" дѣйствительно нѣтъ свѣдѣній о фабрикахъ и мануфактурахъ, помѣщенныхъ въ I-мъ выпускѣ. но въ предисловіи ко II-му выпуску объя-

снена причина того. Въ этомъ предисловіи сказано весьма ясно, что свѣдѣнія о фабричной промышленности будутъ обнародоваться, по примѣру другихъ государствъ, періодически, по пятилѣтіямъ, такъ какъ нѣтъ никакой надобности дѣлать это чаще. Что касается сравнительной разработки свѣдѣній о питейной продажѣ, то въ I-мъ выпускѣ таковая была сдѣлана потому, что имѣлись на лицо своды за пять лѣтъ, во II-мъ и III-мъ же выпускахъ есть только своды за отдѣльные годы. То же самое должно сказать относительно отсутствія, въ III-мъ выпускѣ, спеціальной статьи о добычѣ и продажѣ соли. Кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что пятилѣтніе своды можно давать только чрезъ 5 лѣтъ, а не ежегодно.

Что касается, наконецъ, отсутствія свѣдѣній о количествѣ проданнаго вина по губерніямъ, то упрекъ автора замѣтки только доказываетъ, что онъ недостаточно знакомъ съ условіями акцизнаго контроля. Свѣдѣнія эти въ акцизныхъ учрежденіяхъ не имѣются, и редакція „Ежегодника“ никакими способами добыть ихъ не могла, хотя вполнѣ сознаетъ интересъ, который они представляютъ.

А. Бушенъ.

II.

М. Г. Помѣщенная въ октябрьской книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1872 г., стр. 924, рецензія моего труда „Матеріалы для статистики заводско-фабричной промышленности въ Европейской Россіи за 1868 г.“ (6-ой выпускъ II-й серіи Статистическаго Временника, издаваемаго центральнымъ статистическимъ комитетомъ) заставляетъ меня просить васъ не отказать мнѣ въ напечатаніи слѣдующихъ строкъ.

Первое замѣчаніе этой рецензіи касается не строго-обдуманной системы, по которой распредѣленъ матеріалъ въ моемъ трудѣ. Эта не строго-обдуманная система принадлежитъ однако вѣнской сессіи международнаго статистическаго конгресса, на которой классификація фабричныхъ производствъ обсуждалась лучшими спеціалистами и вообще наиболѣе компетентными въ этомъ дѣлѣ лицами изъ всѣхъ почти странъ Европы. Можно конечно находить недостатки въ этой системѣ, но что она далеко оставляетъ за собою систему, принятую въ статьѣ „Мануфактурная промышленность“, въ IV томѣ „Военно-Статистическаго Сборника“, видно уже изъ того, что принятая нами классификація состоитъ изъ 8-ми группъ, подраздѣляющихся на 31 классъ, въ которые включены всѣ производства, между тѣмъ, какъ въ указанной г. рецензентомъ образцовой системѣ упомянутой статьи, производства распредѣляются въ 8-ми группахъ безъ подраздѣленій, и что кромѣ этихъ восьми группъ является еще девятая, представляющая смѣсь всѣхъ производствъ, не вошедшихъ въ предыдущія группы.

Затѣмъ г. рецензентъ нападаетъ на приложенную къ этому выпуску „Временника“ карту, которая, по его мнѣнію, далеко отстоитъ отъ картъ „Военно-статистическаго Сборника“ и г. Тимирязева. Но едва ли можно сравнивать между собою карты, преслѣдующія весьма различныя цѣли. Названныя карты изображаютъ распредѣленіе только

одного или нѣсколькихъ сходныхъ производствъ, на пространствѣ цѣлой Россіи, между тѣмъ, какъ наша карта даетъ, за нѣкоторыми исключеніями, общую сумму производства всѣхъ существующихъ въ Россіи отраслей промышленности обработывающей, и при этомъ имѣетъ то несомнѣнное преимущество, что въ ней выдѣлена фабричная производительность городовъ. Для тѣхъ, кто привыкъ читать подобнаго рода карты, значительно облегчающія трудъ вниканія въ цифровую работу, выяснятся весьма многіе интересные факты, какъ напримѣръ, что въ черноземной полосѣ Россіи фабричная промышленность почти исключительно стягивается въ городахъ, въ западной Россіи напротивъ, слабая фабричная производительность остается по преимуществу внѣ городовъ, а въ пространствѣ, которое можно назвать московскою промышленною областью, распредѣляется между городами и селеніями. Многіе факты подобнаго значенія обнаружатся при внимательномъ разсмотрѣніи нашей бѣдной, по словамъ рецензента, карты.

Выдѣленіе фабричной производительности городовъ проведено и во всей моей цифровой работѣ, состоящей въ первыхъ двухъ частяхъ почти исключительно изъ итоговъ. Исполнивъ столь кропотливую работу, мнѣ ничего не стоило бы дать и общій итогъ производительности промышленности обработывающей въ Европейской Россіи, котораго только и недостаетъ въ моемъ трудѣ, такъ какъ общіе итоги для Европейской Россіи по каждому производству и итоги всѣхъ производствъ по губерніямъ, городамъ и уѣздамъ находятся въ введеніи къ изданію. Но въ введеніи оговорены причины, по которымъ я намѣренно не подвелъ общихъ итоговъ, тамъ же перечисляются производства, невошедшія въ мой трудъ и недозволившія подвести къ нему общаго итога, объ отсутствіи котораго такъ сожалѣетъ г. рецензентъ. Я же напротивъ сожалѣлъ бы о присутствіи такого итога, который могъ бы только ввести въ заблужденіе читателя, потому что въ немъ цѣнность многихъ издѣлій вошла бы въ нѣсколькихъ повтореніяхъ.

Извѣстно, что вообще данныя статистики промышленности обработывающей не вполнѣ удовлетворительны даже въ такихъ странахъ, гдѣ статистика имѣетъ наибольшее развитіе. Насколько матеріалъ, обнародованный въ 6-мъ выпускѣ „Временника“ недостаточенъ и не вѣренъ, обстоятельно изложено въ введеніи къ этому изданію. За неимѣніемъ болѣе подробныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній, представленный матеріалъ можетъ однако служить для справокъ и для многихъ соображеній, хотя цѣль обнародованія его была совершенно другая, а именно заключалась въ указаніи, на основаніи подробной разработки существующаго матеріала, на недостаточность регистраціи по статистикѣ промышленности обработывающей и на настоятельную необходимость ея преобразованія и объединенія. Буду надѣяться, что новое и болѣе основательное изученіе обработаннаго мною матеріала ознакомитъ съ трудностями, съ которыми приходится бороться въ этой отрасли статистики и дастъ возможность указывать мнѣ на дѣйствительныя упущенія и недостатки, если таковые окажутся въ моемъ трудѣ, что́ и будетъ мною принято съ полною признательностью.

И. Бокъ.

III.

М. Г. Въ октябрьской книжкѣ издаваемаго вами журнала помѣщенъ разборъ нѣсколькихъ недавно вышедшихъ въ свѣтъ выпусковъ „Статистическаго Временника", издаваемаго центральнымъ статистическимъ комитетомъ, и въ томъ числѣ—3-го выпуска II-й серіи, заключающаго въ себѣ „Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручнаго труда въ Россіи", собранные губернскими статистическими комитетами и обработанные мною (часть I-я). Позволяю себѣ высказать по поводу этого разбора нѣсколько объясненій, которымъ и прошу дать мѣсто на страницахъ „Вѣстника Европы".

Разборъ означеннаго выпуска „Временника" г. рецензентъ начинаетъ съ того, что осуждаетъ употребленіе слова „обработать" въ томъ смыслѣ, къ какомъ оно поставлено на заглавномъ листѣ этой книги, то-есть, въ примѣненіи къ научнымъ трудамъ; г. рецензентъ утверждаетъ, что „у насъ (?) слово „обработать" означаетъ дѣйствіе не совсѣмъ похвальное, напримѣръ „обработать дѣльцо", „обработать человѣка"—вовсе не значитъ устроить какое-нибудь похвальное дѣло и въ какомъ-нибудь отношеніи усовершенствовать человѣка (?). Почти напротивъ,—обработать что-нибудь и кого-нибудь — значитъ ловко поступить, провести человѣка, сбыть несовсѣмъ красивую вещь за красивую". Не считаю нужнымъ спорить съ г. рецензентомъ объ общемъ значеніи и употребленіи слова „обработать". Замѣчу только, что выраженіе „научная обработка" давно пріобрѣло право гражданства въ русской рѣчи, и что едва ли настоитъ надобность замѣнять его какимъ-нибудь другимъ; въ изданіяхъ же центральнаго статистическаго комитета оно употребляется постоянно, и какъ мнѣ кажется, весьма удачно опредѣляетъ ту степень труда надъ сырымъ матеріаломъ статистики, которая—въ отличіе отъ простого печатанія цифръ, съ одной стороны, и отъ всесторонняго изслѣдованія на основаніи ихъ, съ другой,—составляетъ существенную задачу этого учрежденія. Надобно имѣть весьма исключительный взглядъ на вещи, чтобы понимать слово „обработать" лишь въ томъ значеніи, которое г. рецензентъ признаетъ, съ своей точки зрѣнія, преимущественно „нашимъ". Въ такомъ однако смыслѣ г. рецензентъ относитъ это слово къ изданію, на которомъ означено мое имя, и даже находитъ тому доказательства въ предисловіи, мною же написанномъ къ означенному изданію. Толкованіе это и побуждаетъ меня представить здѣсь свои объясненія—не въ видахъ впрочемъ личнаго интереса, а въ томъ соображеніи, что вышеупомянутая книга, составленная мною по матеріаламъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ, издана отъ имени центральнаго статистическаго комитета.

Г. рецензентъ полагаетъ, что обработка матеріаловъ разбираемой имъ книги заключалась, съ моей стороны, только въ ихъ печатаніи въ алфавитномъ порядкѣ, а что должна была состоять эта обработка въ устраненіи тѣхъ недостатковъ присланныхъ матеріаловъ, которые я самъ указываю въ предисловіи къ книгѣ, а именно,— что матеріалы эти „не отдѣляютъ, съ достаточною ясностью, производствъ, выработывающихъ на продажу, отъ производствъ, издѣлія которыхъ

не распространяются далѣе круга мѣстнаго потребленія", и что „иногда они (то-есть, матеріалы) смѣшиваютъ производство кустарное съ производствомъ, имѣющимъ фабричный характеръ".

Чтобъ судить о томъ, что̀ именно сдѣлано мною для обработки имѣвшихся у меня матеріаловъ, г. рецензентъ долженъ знать, въ какомъ видѣ они были присланы въ центральный статистическій комитетъ. Въ предисловіи моемъ объ этомъ говорится между прочимъ слѣдующее: „Изъ числа доставленныхъ матеріаловъ нѣкоторые были присланы въ обработанной формѣ, другіе же получены въ совершенно сыромъ видѣ списковъ, вѣдомостей и перечней, а иные, сверхъ того, оказались весьма неполными". При такомъ положеніи дѣла предстояло, очевидно, не одно печатаніе, но и „усовершенствованіе" (говоря словами г. рецензента) полученныхъ матеріаловъ, обработка ихъ болѣе или менѣе значительная; и она дѣйствительно была сдѣлана мною, при усердномъ содѣйствіи моего почтеннаго сотрудника П. Е. Пудовикова, о чемъ и сказано въ предисловіи.

Обработка эта заключалась въ томъ, что по каждой губерніи присланные матеріалы приводились въ однообразную форму описанія производствъ, при чемъ данныя по возможности располагались сообразно той программѣ, которая была заранѣе предначертана центральнымъ статистическимъ комитетомъ (и напечатана въ предисловіи къ книгѣ). Что трудъ этой обработки былъ различенъ по разнымъ губерніямъ, это также понятно. Дѣйствительно, по нѣкоторымъ губерніямъ матеріалъ былъ полученъ въ такой формѣ, что его можно было печатать „безъ значительной переработки". И это не только не скрыто мною, но прямо указано въ предисловіи, а сверхъ того, въ оглавленіи книги поименованы восемь лицъ, статьи которыхъ напечатаны въ ней въ томъ почти видѣ, въ какомъ были присланы [1]). Но рядомъ съ этими статьями въ 3-мъ выпускѣ II-й серіи „Статистическаго Временника" напечатано еще 15 статей, которыя уже прямо обработаны мною или моимъ сотрудникомъ на основаніи болѣе или менѣе полныхъ, но сырыхъ матеріаловъ, полученныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Насколько эта обработка измѣнила первоначальный видъ матеріала, можно судить по двумъ примѣрамъ: свѣдѣнія о кустарной промышленности въ Оренбургской губерніи, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ доставлены въ центральный статистическій комитетъ, напечатаны въ „Памятной книжкѣ Оренбургской губерніи" на 1872 г.; равнымъ образомъ, свѣдѣнія по Саратовской губерніи напечатаны въ „Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" текущаго года (№№ 32—37); сличеніе этихъ свѣдѣній съ соотвѣтствующими статьями „Временника" можетъ разъяснить характеръ исполненнаго мною труда. По нѣкоторымъ другимъ губерніямъ, кромѣ поименованныхъ, полученный матеріалъ подвергся еще большей обработкѣ, чѣмъ въ указанныхъ случаяхъ.

---

[1]) Я говорю „почти" потому, что и здѣсь не обошлось безъ нѣкоторыхъ редакціонныхъ измѣненій. Такъ, напримѣръ, имъ подверглась обширная статья И. М. Лядова о Шуйскомъ уѣздѣ—на что̀ почтенный авторъ самъ предоставилъ мнѣ право. Желающій знать, въ чемъ заключались эти измѣненія, можетъ сличить упомянутую статью въ „Статистическомъ Временникѣ" съ первымъ ея изданіемъ въ „Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества" 1856 года.

Что же касается другой стороны въ обработкѣ имѣвшихся у меня матеріаловъ, именно—устраненія изъ нихъ нѣкоторыхъ недостатковъ, мною же самимъ указанныхъ въ предисловіи къ книгѣ, чего требуетъ отъ меня г. рецензентъ, — то и въ этомъ случаѣ я не могу съ нимъ согласиться. Для того чтобы вполнѣ точно и опредѣленно разграничить, во всѣхъ частныхъ случаяхъ, производства, вырабатывающія на продажу, отъ производствъ, издѣлія которыхъ не распространяются далѣе мѣстнаго потребленія, нѣтъ достаточныхъ указаній ни въ имѣвшемся у меня рукописномъ, ни въ печатномъ матеріалѣ по кустарной промышленности; но просматривающій книгу найдетъ оговорки въ этомъ смыслѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ было возможно это сдѣлать; относительно же двухъ губерній—симбирской и особенно казанской, обращено вниманіе на то явленіе, что здѣсь во многихъ мѣстностяхъ сельскія ремесла находятся въ переходномъ состояніи, то-есть, въ замѣнъ чисто мѣстнаго значенія начинаютъ пріобрѣтать широкій промышленный характеръ. Не могу также согласиться съ замѣчаніемъ г. рецензента и относительно того, зачѣмъ я допустилъ кое-гдѣ, въ обработанныхъ мною матеріалахъ, смѣшеніе производства кустарнаго съ производствомъ, имѣющимъ характеръ фабричный. Въ предисловіи своемъ я прямо указываю на это обстоятельство, какъ на зависящее „отъ самой сущности кустарничества, такъ какъ весьма нерѣдко домашнее производство находится въ зависимости отъ заказовъ фабрикантовъ, и пользуется матеріаломъ, отъ нихъ поставляемымъ“. Многочисленные примѣры этой тѣсной связи кустарничества съ фабриками находятся на страницахъ книги. Напротивъ того, еслибъ я устранилъ ихъ изъ обзора кустарныхъ производствъ, я тѣмъ самымъ сгладилъ бы одну изъ любопытнѣйшихъ чертъ въ современномъ положеніи кустарничества.

Изъ всего вышеизложеннаго можно, кажется, заключить, что трудъ мой при изданіи 3-го выпуска II-й серіи „Статистическаго Временника“ заключался не въ одномъ печатаніи чужихъ статей [1]), и что слова „обработаны Л. Майковымъ“ не безъ права поставлены мною на заглавномъ листѣ книги. Искать въ ней общихъ выводовъ и заключеній невозможно потому уже, что въ этой первой части всего труда не закончено еще и простое изложеніе фактовъ относительно всѣхъ мѣстностей Россіи.

Во второй части своего разбора г. рецензентъ обвиняетъ меня въ умолчаніи относительно тѣхъ источниковъ, которыми я пользовался. Г. рецензентъ находитъ, что я долженъ былъ указать на литературу предмета и представить ея оцѣнку. Да, это требованіе было бы совершенно справедливо, еслибъ я писалъ статистико-экономическое изслѣдованіе о кустарной промышленности. Но моя задача была гораздо проще: я долженъ былъ, какъ уже сказано выше, обработать тотъ сырой рукописный матеріалъ, который былъ доставленъ губерн-

[1]) Замѣчу кстати, что въ книгѣ, о которой идетъ рѣчь, статьи напечатаны вовсе не въ алфавитномъ порядкѣ, какъ говоритъ г. рецензентъ; въ вышедшей нынѣ I-й части „Матеріаловъ для изученія кустарной промышленности“ сгруппированы очерки кустарничества въ тѣхъ сѣверныхъ и центральныхъ губерніяхъ европейской Россіи, гдѣ эти производства наиболѣе развиты.

скими статистическими комитетами, а такъ какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ этого матеріала оказались пробѣлы, то я и долженъ былъ пополнять ихъ изъ источниковъ печатныхъ. Очевидно, что подобныя дополненія не могли исчерпать всего, что̀ есть въ нашей печати по вопросу о кустарной промышленности въ Россіи, и что ради ихъ было бы излишне помѣщать въ предисловіи къ книгѣ полный перечень и критическій обзоръ всѣхъ печатныхъ свѣдѣній, сюда относящихся. Подобный трудъ (какъ извѣстно, предпринятый Русскимъ Географическимъ Обществомъ) выходилъ изъ предѣловъ задачи, предположенной центральнымъ статистическимъ комитетомъ, а потому и не былъ мною исполненъ. Поэтому предисловіе ограничивается самымъ краткимъ указаніемъ на печатные источники, а прямыя ссылки на нихъ—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они были употреблены въ дѣло,—находятся подъ страницами текста.

Наконецъ, что касается того, знако́мъ ли я съ почтеннымъ трудомъ г. Корсака о реформахъ промышленности, и съ „Матеріалами для географіи и статистики Россіи, собранными офицерами генеральнаго штаба“, и много ли я могъ пользоваться этими трудами въ настоящемъ случаѣ,—позволю себѣ о томъ не распространяться и оставить г. рецензента въ неизвѣстности по этому предмету.

Пр. и проч.

Л. Майковъ.

12-го октября, 1872 г.
С.-Петербургъ.

Мы охотно̀ даемъ мѣсто заявленіямъ нашихъ спеціалистовъ по статистикѣ, которые почтили своимъ вниманіемъ даже и бѣглыя замѣтки о ихъ трудахъ, помѣщенныя нами въ библіографическомъ обзорѣ новыхъ книгъ. Смѣемъ пока увѣрить ихъ въ одномъ, а именно, что мы наравнѣ съ ними проникнуты убѣжденіемъ относительно пользы редактируемыхъ ими изданій, и если расходимся съ ними во взглядахъ на достоинство этихъ изданій, то опять во имя пользы, которую мы за нѝми признаёмъ. Мы вполнѣ увѣрены, что дальнѣйшія работы нашихъ статистиковъ дадутъ случай автору замѣтокъ припомнить настоящія ихъ заявленія и оправдать себя въ ихъ глазахъ. Что же касается до посторонняго читателя, то передъ нимъ уже и теперь лежатъ, какъ наши замѣтки, такъ и заявленія противъ нихъ, а потому онъ легко и самъ разсудитъ, кто правъ, кто виноватъ. Въ ожиданіи же того, мы поспѣшимъ однако сознаться въ справедливости одного упрека г. Бушена намъ за недостаточность нашего знакомства съ условіями акцизнаго контроля. Въ противность нашему предположенію, мы узнаёмъ отъ г. Бушена, будто въ акцизныхъ учрежденіяхъ нѣтъ свѣдѣній о количествѣ проданнаго вина по губерніямъ, и что редакція „Ежегодника“ „никакими способами добыть ихъ не могла“. Мы и теперь не повѣрили бы тому, еслибы насъ увѣрялъ въ томъ не г. Бушенъ.—*Ред.*

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 28-го августа 1872 года.

1) Отклонены ходатайства двухъ лицъ о пособіи, такъ-какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія. 2) Выдано 100 р. писательницѣ, находящейся въ бѣдственномъ положеніи. 3) Выдано 75 р. больному писателю. 4) Выдано 225 р. ученому на поѣздку для излеченія болѣзни 5) Выдано 50 р. писателю, неимѣющему никакихъ средствъ къ жизни и находящемуся въ крайне бѣдственномъ положеніи.

Отчетъ казначея литературнаго фонда за іюнь, іюль и августъ 1872 г.

Къ 1-му іюня состояло на лицо 57,424 р. 50 к., въ томъ числѣ: процентными бумагами — 53,140 р.; на текущемъ счету 4,199 р. 50 к.; наличными деньгами 85 р.; итого 57,424 р. 50 к.— Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ поступило 395 р. въ томъ числѣ: пожалованные Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею на 1872 г. 300 р.; взносы 8-ми членовъ Общества за 1872 г. 95 р. Итого 395 р. Всего въ кассѣ и въ приходѣ 57,819 р. 50 к.— Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ израсходовано 2,256 р. 69 к., въ томъ числѣ: На воспитаніе 3-хъ дѣтей 139 р. 69 к. Пенсіи 9-ти семействамъ 677 р. Единовременныхъ пособій 22 лицамъ 1,440 р. Итого 2,256 р. 69 к. По 31-е августа записано на приходъ 57,819 р. 50 к. По 31-е августа выписано въ расходъ 2,256 р. 69 к.—Къ 1-му сентября состоитъ въ кассѣ 55,562 р. 81 к. въ томъ числѣ: Процентными бумагами 53,140 р. На текущемъ счету 1,800 р. Деньгами 622 р. 81 к. Итого 55,562 р. 81 к.

Списокъ членамъ Общества, отъ которыхъ поступили взносы за 1872 годъ въ теченіи іюня, іюля и августа:

Голицынъ, князь, Н. П. 25 руб.; Вешняковъ, В. И. Іонинъ, А. О., Пыпинъ, А. Н., Савичъ, А. Н. Степановъ, В. А. Сушинскій, М. С., и Цертелевъ, кн. Н. Н., по 10 руб.

Засѣданіе комитета 11-го сентября.

1) Выдано 75 р. писателю, находящемуся временно въ затруднительномъ положеніи.

2) Выдано 75 р. на воспитаніе дочери умершаго писателя.

3) Отклонено ходатайство одного лица о пособіи, такъ какъ проситель не удовлетворяетъ условіямъ, при которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.

4) Выдано 50 р. въ единовременное пособіе больному писателю.

Засѣданіе комитета 25-го сентября.

1) Выдано 75 р. молодому писателю, неимѣющему никакихъ средствъ къ жизни.

2) Предоставлено исправляющему должность предсѣдателя принести г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія глубочайшую благодарность Общества, за благосклонное вниманіе къ ходатайству комитета о помѣщеніи пансіонеромъ въ гимназію сына покойнаго археолога, и вмѣстѣ съ тѣмъ, отклонено ходатайство родственника этого мальчика о продолженіи пособія на его воспитаніе, такъ какъ въ пособіи этомъ не представляется болѣе надобности.

3) Выдано 150 р. въ пособіе писателю, находящемуся, вслѣдствіе потери мѣста и банкротства его компаніона, въ крайнемъ положеніи.

4) Изъявлена благодарность члену Общества Н. Н. Буличу и генералъ-лейтенанту Н. В. Корсакову за содѣйствіе, оказанное ими комитету по дѣламъ Общества.

5) Выдано 75 р. вдовѣ писателя на уплату долга, сдѣланнаго ею на воспитаніе ея дѣтей.

6) Сдѣлано сношеніе съ однимъ вѣдомствомъ о предоставленіи должности вдовѣ писателя.

7) Положено отпускать ежегодно по 75 р. на воспитаніе дочери умершаго писателя, до окончанія ученія (журн. 11-го сент. ст. 2).

8) Отклонено ходатайство о назначеніи пенсіи дочерямъ писателя, такъ какъ при настоящемъ положеніи дѣлъ этого семейства комитетъ не находитъ основаній къ удовлетворенію такого ходатайства.

9) По выслушаніи помѣщенной въ № 245-мъ газеты „Русскій Міръ“ замѣтки по дѣлу о назначеніи обществомъ пособія одному просителю, положено: въ видахъ возстановленія истины, препроводить въ редакцію названной газеты справку изъ дѣлъ общества поэтому предмету, прося напечатать ее въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ.

10) Изъявлена благодарность Общества А. А. Карасеву, изъ Новочеркаска, пожертвовавшему въ пользу Общества 10 р. и изъявившему желаніе ежегодно вносить такую же сумму.

М. Стасюлевичъ.

Европейскіе реформаторы: Гусъ, Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ. *Е. Лихачевой.* Съ 4-мя портретами. Спб. 1872. Стр. 242. Ц. 1 р. 25 к.

Вѣкъ реформаціи — колыбель новѣйшей европейской образованности и эпоха титановъ, выступившихъ тогда на борьбу съ мрачными, но вѣковыми силами, отдаленное эхо которой раздалось недавно среди насъ въ столкновеніи старокатоликовъ съ ультрамонтанами. Біографическіе очерки четырехъ изъ такихъ титановъ реформаціи являются потому теперь весьма кстати, и можно только пожалѣть о чрезвычайной ихъ краткости, недозволившей автору точнѣе охарактеризовать лица и придать имъ жизненность. За то, очеркамъ предпосылается мастерской общій взглядъ на реформацію К. К. Арсеньева, какъ на эпоху, замѣчательную, по словамъ автора, „не въ ближайшихъ практическихъ результатахъ, не въ положительныхъ ея созданіяхъ, а съ отрицательной ея стороны, въ ея идеальныхъ стремленіяхъ“. Въ приложеніи читатели найдутъ опять нѣсколько обобщающихъ мыслей того же автора и о томъ же предметѣ по поводу описанія новаго и великолѣпнаго памятника реформаціи въ Вормсѣ.

Годъ въ деревнѣ. *Елисаветы Бороздиной.* Ч. I. Спб. 1871. Стр. 549, съ 202 политипажами въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Бесѣды съ дѣтьми по естественной исторіи, собственно по ботаникѣ и энтомологіи, ведены авторомъ не въ видѣ безсвязныхъ отрывковъ, какъ то часто бываетъ въ сочиненіяхъ подобнаго рода, но представляютъ элементарный курсъ предмета, изложенный впрочемъ безъ соблюденія строгаго систематическаго порядка, для приданія разсказамъ живости. Языкъ простой и правильный; политипажи очень недурны, и какъ по числу ихъ, такъ и по большому объему книги, цѣна ея представляется необыкновенно дешевою, въ сравненіи съ цѣнами нерѣдко пустѣйшихъ книжонокъ нашихъ извѣстныхъ поставщиковъ дѣтскихъ книгъ.

Славная женщина, романъ автора „Джона Галифакса“. Спб. 1872. Стр. 338. Ц. 2 р.

Переводъ довольно извѣстнаго англійскаго романа, помѣщенный въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, выпущенъ теперь въ отдѣльныхъ оттискахъ. Романъ „A brave lady“ — страстное обличеніе мужа женою, обличеніе не въ преступленіи, а въ томъ собственно, что онъ не съумѣлъ оцѣнить достоинствъ своей жены, которая хотя и рисуется идеаломъ совершенства, но мимо воли автора вышла высокомѣрною, слишкомъ самоувѣренною особой, невнушающею сочувствія. Романъ этотъ написанъ съ такимъ неподдѣльнымъ жаромъ, съ такой увлекательностью, которыя не встрѣчаются въ другихъ произведеніяхъ того же автора, и неизбѣжно заставляютъ думать, что этотъ романъ есть нѣчто въ родѣ автоапологіи; написать его могла только женщина и притомъ такая, которую сюжетъ задѣлъ за-живое.

Депутатъ города Парижа. Повѣсть изъ временъ второй имперіи. Перев. съ англ. Спб. 1872. Стр. 327. Ц. 2 р.

По словамъ переводчицы, этотъ романъ, „сокращенный переѣздъ котораго помѣщается въ журналѣ“ (?), принадлежитъ перу англичанина, скрывающагося подъ псевдонимомъ „Trois Etoiles“. Авторъ задался мыслью облечь дѣйствительную исторію героевъ второй имперіи со всѣми ея отвратительными мистеріями въ форму повѣсти. Недостатокъ такого пріема всегда тотъ, что мы, вмѣсто типовъ, получаемъ маски, въ которыхъ надобно угадывать какого-нибудь Миреса, Оливье, Рузра или другого сподвижника Наполеона III. Впрочемъ, повѣсть, благодаря свѣжести описываемыхъ событій, читается съ интересомъ. По всему также видно, что авторъ близко знакомъ съ недавними еще условіями быта французскаго общества.

Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ сказки: „Конекъ-Горбунокъ“. Съ портретомъ. *А. К. Ярославцева.* Спб. 1872. Стр. 200 и XII. Ц. 1 р.

Рѣдко кто знаетъ о недавно умершемъ (авг. 1869 г.) Ершовѣ болѣе того, что написано въ оглавленіи труда г. Ярославцева, и потому нельзя не поблагодарить автора за весьма добросовѣстную монографію, посвященную имъ памяти своего университетскаго товарища, почти забытаго еще при жизни, даже тѣми, кто зналъ чуть не наизусть образцовую сказку Ершова. Большое число писемъ отъ автора Конька-Горбунка доставило возможность его біографу воспроизвести всю внутреннюю жизнь Ершова, исполненную любопытныхъ подробностей, съ которыми мы надѣемся познакомить читателей въ обстоятельномъ обзорѣ весьма интересной монографіи г. Ярославцева.

О книгѣ Кагала. *И. И. Шершевскаго.* Спб. 1872. Стр. 186. Ц. 50 к.

Трудъ г. Шершевскаго вызванъ извѣстнымъ изданіемъ г. Брафмана „Книга Кагала“, которая имѣла, повидимому, цѣлью ознакомить насъ ближе съ внутреннимъ бытомъ евресвъ и ихъ міросозерцаніемъ. Для неспеціалиста нѣтъ возможности принять участіе въ возникшемъ спорѣ двухъ авторовъ; г. Брафману предстоитъ теперь объясниться по поводу обвиненія его въ подтѣлкѣ актовъ, въ „невѣжествѣ, недобросовѣстности, лжи, противорѣчіяхъ и просто плутняхъ, которыми испещрено его сочиненіе“. Если и незначительная доля подобнаго рода обвиненій справедлива, то можно только пожалѣть о появленіи въ свѣтъ изданія г. Брафмана, которое, при спеціальности поднятаго имъ вопроса, легко могло ввести многихъ въ заблужденіе: a beau dire, qui vient de loin!

ОБЪ ИЗДАНІИ
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“
ВЪ 1873-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ть КНИГЪ:

I.—**Въ С.-Петербургѣ**: 1) *Безъ доставки* на домъ **15** руб. **50** коп.—2) *Съ доставкою* по городской почтѣ **16** р.

II.—**Въ Москвѣ**: 1) Съ пересылкою *чрезъ книжный магазинъ И. Г. Соловьева* **16** р. 2) Съ пересылкою *чрезъ Газетную Экспедицію* **17** р.

III.—**Въ губерніи**: Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію **17** р.

IV.—**Заграницею**: За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышеупомянутой цѣнѣ (17 р.) прилагается: a) **2** руб.—въ *Германію* и *Австрію;* b) **3** р.—въ *Бельгію, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества;* c) **4** р.—во *Францію* и *Данію;* d) **5** р.—въ *Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію* и *Грецію;* e) **6** р.—въ *Швейцарію;* f) **7** р. въ *Италію.*

1—*ПОДПИСКА* принимается: a) отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; b) Иногородные и иностранные высылаютъ по *почтѣ* исключительно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имени, отчества, фамиліи и того *почтоваго мѣста,* его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ.

2—*ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе.—По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3—*ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою, но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снестись съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

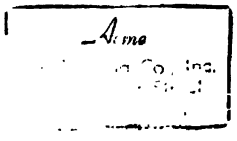
Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. просп., 30.

Экземпляры 1872-го года разошлись всѣ по подпискѣ.



THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

CANCELLED

AUG 1 3 1983

SEP 8

7911034